РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА БОЛЬШИЕ КНИГИ

С комментариями Эдуарда Власова

18+

МОСКВА–ПЕТУШКИ

Венедикт Ерофеев

Москва – Петушки. С комментариями Эдуарда Власова

Венедикт Ерофеев, Эдуард Власов

Аннотация
Венедикт Ерофеев, Эдуард Власов. Москва—Петушки. С комментариями Эдуарда Власова
Венедикт Ерофеев. Москва—Петушки. Поэма
Уведомление автора
Москва. На пути к Курскому вокзалу
Москва. Площадь Курского вокзала
Москва. Ресторан Курского вокзала
Москва. К поезду через магазин
Москва – Серп и Молот
Серп и Молот – Карачарово
Карачарово – Чухлинка
Чухлинка – Кусково
Кусково – Новогиреево
Новогиреево – Реутово
Реутово – Никольское
Никольское – Салтыковская
Салтыковская – Кучино
Кучино – Железнодорожная
Железнодорожная – Черное
Черное – Купавна

Купавна – 33-й километр
33-й километр – Электроугли
Электроугли – 43-й километр
43-й километр – Храпуново
Храпуново – Есино
Есино – Фрязево
Фрязево – 61-й километр
61-й километр – 65-й километр
65-й километр – Павлово-Посад
Павлово-Посад – Назарьево
Назарьево – Дрезна
Дрезна – 85-й километр
85-й километр – Орехово-Зуево
Орехово-Зуево
Орехово-Зуево – Крутое
Крутое – Воиново
Воиново – Усад
Усад – 105-й километр
105-й километр – Покров
Покров – 113-й километр
113-й километр – Омутище
Омутище – Леоново
Леоново – Петушки
Петушки. Перрон
Петушки. Вокзальная площадь
Петушки. Садовое кольцо

Петушки. Кремль. Памятник Минину и Пожарскому
Москва – Петушки. Неизвестный подъезд
Эдуард Власов. Бессмертная поэма Венедикта Ерофеева «Москва—Петушки». Спутник писателя
Предисловие
1. Москва – Петушки. Поэма
2. Уведомление автора
3. [Посвящение]
4. Москва. На пути к Курскому вокзалу
5. Москва. Площадь Курского вокзала
6. Москва. Ресторан Курского вокзала
7. Москва. К поезду через магазин
8. Москва – Серп и Молот
9. Серп и Молот – Карачарово
10. Карачарово – Чухлинка
11. Чухлинка – Кусково
12. Кусково – Новогиреево
13. Новогиреево – Реутово
14. Реутово – Никольское
15. Никольское – СалтыковскаЯ
16. СалтыковскаЯ – КуЧино
17. КуЧино – ЖелезнодорожнаЯ
18. ЖелезнодорожнаЯ – Черное
19. Черное – Купавна
20. Купавна – 33-й километр

21. 33-й километр – Электроугли
22. Электроугли – 43-й километр
23. 43-й километр – Храпуново
24. Храпуново – Есино
25. Есино – ФрЯзево
26. ФрЯзево – 61-й километр
27. 61-й километр – 65-й километр
28. 65-й километр – Павлово-Посад
29. Павлово-Посад – Назарьево
30. Назарьево – Дрезна
31. Дрезна – 85-й километр
32. 85-й километр – Орехово-Зуево
33. Орехово-Зуево
34. Орехово-Зуево – Крутое
35. Крутое – Воиново
36. Воиново – Усад
37. Усад – 105-й километр
38. 105-й километр – Покров
39. Покров – 113-й километр
40. 113-й километр – Омутище
41. Омутище – Леоново
42. Леоново – Петушки
43. Петушки. Перрон
44. Петушки. ВокзальнаЯ площадь
45. Петушки. Садовое кольцо
46. Петушки. Кремль. ПамЯтник Минину и По-

жарскому
47. Москва – Петушки. Неизвестный подъезд
48. На кабельных работах в Шереметьево, осенью 69 года
Литература

Аннотация

Венедикт Ерофеев – явление в русской литературе яркое и неоднозначное. Его знаменитая поэма «Москва—Петушки», написанная еще в 1970 году, – своего рода философская притча, произведение вне времени, ведь Ерофеев создал в книге свой мир, свою вселенную, в центре которой – «человек, как место встречи всех планов бытия». Впервые появившаяся на страницах журнала «Трезвость и культура» в 1988 году, поэма «Москва – Петушки» стала подлинным откровением для читателей и позднее была переведена на множество языков мира.

В настоящем издании этот шедевр Ерофеева публикуется в сопровождении подробных комментариев Эдуарда Власова, которые, как и саму поэму, можно по праву назвать «энциклопедией советской жизни». Опубликованные впервые в 1998 году, комментарии Э. Ю. Власова с тех пор уже неоднократно переиздавались. В них читатели найдут не только пояснения многих реалий советского прошлого, но и расшифровки намеков, аллю-

зий и реминисценций, которыми наполнена поэма «Москва—Петушки».

Венедикт Ерофеев, Эдуард Власов Москва—Петушки. С комментариями Эдуарда Власова

© Оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

Венедикт Ерофеев
Москва—Петушки
Поэма

Вадиму Тихонову, моему любимому первенцу, посвящает автор эти трагические листы

Уведомление автора

Первое издание «Москва—Петушки», благо было в одном экземпляре, быстро разошлось. Я получал с тех пор много нареканий за главу «Серп и Молот — Карачарово», и совершенно напрасно. Во вступлении к первому изданию я предупреждал всех девушек, что главу «Серп и Молот — Карачарово» следует пропустить, не читая, поскольку за фразой «И немедленно выпил» следуют полторы страницы чистейшего мата, что во всей этой главе нет ни единого цензурного слова, за исключением фразы «И немедленно выпил». Добросовестным уведомлением этим я добился только того, что все читатели, в особенности девушки, сразу хватались за главу «Серп и Молот — Карачарово», даже не читая предыдущих глав, даже не прочитав фразы «И немедленно выпил». По этой причине я счел необходимым во втором издании выкинуть из главы «Серп и Молот — Карачарово» всю бывшую там матерщину. Так будет лучше, потому что, во-первых, меня станут читать подряд, а во-вторых, не будут оскорблены.

В. Ер.

Москва. На пути к Курскому вокзалу

Все говорят: Кремль, Кремль. Ото всех я слышал про него, а сам ни разу не видел. Сколько раз уже (тысячу раз), напившись или с похмелюги, проходил по Москве с севера на юг, с запада на восток, из конца в конец, насквозь и как попало — и ни разу не видел Кремля.

Вот и вчера опять не увидел, — а ведь целый вечер крутился вокруг тех мест, и не так чтоб очень пьян был: я, как только вышел на Савеловском, выпил для начала стакан зубровки, потому что по опыту знаю, что в качестве утреннего декокта люди ничего лучшего еще не придумали.

Так. Стакан зубровки. А потом — на Каляевской — другой стакан, только уже не зубровки, а кориандровой. Один мой знакомый говорил, что кориандровая действует на человека антигуманно, то есть, укрепляя все члены, ослабляет душу. Со мной почему-то случилось наоборот, то есть душа в высшей степени окрепла, а члены ослабели, но я согласен, что и это антигуманно. Поэтому там же, на Каляевской, я добавил еще две кружки жигулевского пива и из горлышка альб-де-дессерт.

Вы, конечно, спросите: а дальше, Веничка, а дальше — что ты пил? Да я и сам путем не знаю, что я пил. Помню — это я отчетливо помню — на улице Чехова я выпил два стакана охотничьей. Но ведь не мог я пересечь Садовое кольцо, ничего не выпив? Не мог. Значит, я еще чего-то пил.

А потом я пошел в центр, потому что это у меня всегда так: когда я ищу Кремль, я неизменно попадаю на Курский вокзал. Мне ведь, собственно, и надо было идти на Курский вокзал, а не в центр, а я все-таки пошел в центр, чтобы на Кремль хоть раз посмотреть: все равно ведь, думаю, никакого Кремля я не увижу, а попаду прямо на Курский вокзал.

Обидно мне теперь почти до слез. Не потому, конечно, обидно, что к Курскому вокзалу я так вчера и не вышел. (Это чепуха: не вышел вчера — выйду сегодня.) И уж, конечно, не потому, что проснулся утром в чьем-то неведомом подъезде (оказывается, сел я вчера на ступеньку в подъезде, по счету снизу сороковую, прижал к сердцу чемоданчик — и так и уснул). Нет, не поэтому мне обидно. Обидно вот почему: я только что подсчитал, что с улицы Чехова и до этого подъезда я выпил еще на шесть рублей — а что и где я пил? и в какой последовательности? Во благо

ли себе я пил или во зло? Никто этого не знает, и никогда теперь не узнает. Не знаем же мы вот до сих пор: царь Борис убил царевича Димитрия или наоборот?

Что это за подъезд, я до сих пор не имею понятия; но так и надо. Все так. Все на свете должно происходить медленно и неправильно, чтобы не сумел загордиться человек, чтобы человек был грустен и растерян.

Я вышел на воздух, когда уже рассвело. Все знают — все, кто в беспамятстве попадал в подъезд, а на рассвете выходил из него, — все знают, какую тяжесть в сердце пронес я по этим сорока ступеням чужого подъезда и какую тяжесть вынес на воздух.

«Ничего, ничего, — сказал я сам себе, — ничего. Вон — аптека, видишь? А вон — этот пидор в коричневой куртке скребет тротуар. Это ты тоже видишь. Ну вот и успокойся. Все идет как следует. Если хочешь идти налево, Веничка, иди налево, я тебя не принуждаю ни к чему. Если хочешь идти направо — иди направо».

Я пошел направо, чуть покачиваясь от холода и от горя, да, от холода и от горя. О, эта утренняя ноша в сердце! о, иллюзорность бедствия! о, непоправимость! Чего в ней больше, в этой ноше,

которую еще никто не назвал по имени, чего в ней больше: паралича или тошноты? истощения нервов или смертной тоски где-то неподалеку от сердца? А если всего поровну, то в этом во всем чего же все-таки больше: столбняка или лихорадки?

«Ничего, ничего, — сказал я сам себе, — закройся от ветра и потихоньку иди. И дыши так редко, редко. Так дыши, чтобы ноги за коленки не задевали. И куда-нибудь да иди. Все равно куда. Если даже ты пойдешь налево — попадешь на Курский вокзал; если прямо — все равно на Курский вокзал. Поэтому иди направо, чтобы уж наверняка туда попасть».

О, тщета! О, эфемерность! О, самое бессильное и позорное время в жизни моего народа — время от рассвета до открытия магазинов! Сколько лишних седин оно вплело во всех нас, в бездомных и тоскующих шатенов! Иди, Веничка, иди.

Москва. Площадь Курского вокзала

Ну вот, я же знал, что говорил: пойдешь направо — обязательно попадешь на Курский вокзал. Скучно тебе было в этих проулках, Веничка, захотел ты суеты — вот и получай свою суету…

— Да брось ты, — отмахнулся я от себя, — разве суета мне твоя нужна? люди разве твои нужны? Ведь вот Искупитель даже, и даже Маме своей родной, и то говорил: «Что мне до тебя?» А уж тем более мне — что мне до этих суетящихся и постылых?

Я лучше прислонюсь к колонне и зажмурюсь, чтобы не так тошнило…

– *Конечно, Веничка, конечно,* — кто-то пропел в высоте так тихо, так ласково-ласково, — *зажмурься, чтобы не так тошнило.*

О! Узнаю! Это опять они! Ангелы Господни! Это вы опять?

– *Ну, конечно, мы,* — и опять так ласково!..

— А знаете что, ангелы? — спросил я, тоже тихо-тихо.

– *Что?* — ответили ангелы.

— Тяжело мне…

— *Да мы знаем, что тяжело,* — пропели анге-

лы. — *А ты походи, легче будет, а через полчаса магазин откроется: водка там с девяти, правда, а красненького сразу дадут…*

— Красненького?

— *Красненького,* — нараспев повторили ангелы Господни.

— Холодненького?

— *Холодненького, конечно…*

О, как я стал взволнован!..

— Вы говорите: походи, походи, легче будет. Да ведь и ходить-то не хочется… Вы же сами знаете, каково в моем состоянии — ходить!..

Помолчали на это ангелы. А потом опять запели:

— *А ты вот чего: ты зайди в ресторан вокзальный. Может, там чего и есть. Там вчера вечером херес был. Не могли же выпить за вечер весь херес!..*

— Да, да, да. Я пойду. Я сейчас пойду узнаю. Спасибо вам, ангелы.

И они так тихо-тихо пропели:

– *На здоровье, Веня…*

А потом так ласково-ласково:

– *Не стоит…*

Какие они милые!.. Ну что ж… Идти так идти. И как хорошо, что я вчера гостинцев купил, — не

ехать же в Петушки без гостинцев. В Петушки без гостинцев никак нельзя. Это ангелы мне напомнили о гостинцах, потому что те, для кого они куплены, сами напоминают ангелов. Хорошо, что купил… А когда ты их вчера купил? вспомни… иди и вспоминай…

Я пошел через площадь — вернее, не пошел, а повлекся. Два или три раза я останавливался — и застывал на месте, чтобы унять в себе дурноту. Ведь в человеке не одна только физическая сторона; в нем и духовная сторона есть, и есть — больше того — есть сторона мистическая, сверхдуховная сторона. Так вот, я каждую минуту ждал, что меня, посреди площади, начнет тошнить со всех трех сторон. И опять останавливался и застывал.

— Так когда же вчера ты купил свои гостинцы? После охотничьей? Нет. После охотничьей мне было не до гостинцев. Между первым и вторым стаканом охотничьей? Тоже нет. Между ними была пауза в тридцать секунд, а я не сверхчеловек, чтобы в тридцать секунд что-нибудь успеть. Да сверхчеловек и свалился бы после первого стакана охотничьей, так и не выпив второго… Так когда же? Боже милостивый, сколько в мире тайн! Непроницаемая завеса тайн! До кориандро-

вой или между пивом и альб-де-дессертом?

Москва. Ресторан Курского вокзала

Нет, только не между пивом и альб-де-дессертом, там уж решительно не было никакой паузы. А вот до кориандровой — это очень может быть. Скорее даже так: орехи я купил до кориандровой, а уж конфеты — после. А может быть и наоборот: выпив кориандровой, я…

— Спиртного ничего нет, — сказал вышибала. И оглядел меня всего, как дохлую птичку или как грязный лютик.

«Нет ничего спиртного!!!»

Я, хоть весь и сжался от отчаяния, но все-таки сумел промямлить, что пришел вовсе не за этим. Мало ли зачем я пришел? Может быть, мой экспресс на Пермь по какой-то причине не хочет идти на Пермь, и вот я сюда пришел: съесть бефстроганов и послушать Ивана Козловского или что-нибудь из «Цирюльника».

Чемоданчик я все-таки взял с собой и, как давеча в подъезде, прижал его к сердцу в ожидании заказа.

Нет ничего спиртного! Царица небесная! Ведь если верить ангелам, здесь не переводился херес. А теперь — только музыка, да и музыка-то с

какими-то песьими модуляциями. Это ведь и в самом деле Иван Козловский поет, я сразу узнал, мерзее этого голоса нет. Все голоса у всех певцов одинаково мерзкие, но мерзкие у каждого по-своему. Я поэтому легко их на слух различаю… Ну, конечно, Иван Козловский… «О-о-о, чаша моих прэ-э-эдков… О-о-о, дай мне наглядеться на тебя при свете зве-о-о-озд ночных»… Ну, конечно, Иван Козловский… «О-о-о, для чего тобой я околдо-о-ован… Не отверга-а-ай»…

— Будете чего-нибудь заказывать?

— А у вас чего — только музыка?

— Почему «только музыка»? Бефстроганов есть, пирожное. Вымя…

Опять подступила тошнота.

— А херес?

— А хересу нет.

— Интересно. Вымя есть, а хересу нет!

— Очччень интересно. Да. Хересу — нет. А вымя — есть.

И меня оставили. Я, чтобы не очень тошнило, принялся рассматривать люстру над головой…

Хорошая люстра. Но уж слишком тяжелая. Если она сейчас сорвется и упадет кому-нибудь на голову, — будет страшно больно… Да нет, наверно, даже и не больно: пока она срывается и летит, ты

сидишь и, ничего не подозревая, пьешь, например, херес. А как она до тебя долетела — тебя уже нет в живых. Тяжелая это мысль: ты сидишь, а на тебя сверху люстра. Очень тяжелая мысль…

Да нет, почему тяжелая?.. Если ты, положим, пьешь херес, если ты уже похмелился — не такая уж тяжелая эта мысль… Но если ты сидишь с перепою и еще не успел похмелиться, а хересу тебе не дают, и тут тебе еще на голову люстра — вот это уже тяжело… Очень гнетущая это мысль. Мысль, которая не всякому под силу. Особенно с перепою…

А ты бы согласился, если бы тебе предложили такое: мы тебе, мол, принесем сейчас 800 грамм хереса, а за это мы у тебя над головой отцепим люстру и…

— Ну, как, надумали? Будете брать что-нибудь?

— Хересу, пожалуйста. 800 грамм.

— Да ты уж хорош, как видно! Сказано же тебе русским языком: нет у нас хереса!

— Ну… я подожду… когда будет…

— Жди-жди… Дождешься!.. Будет тебе сейчас херес!

И опять меня оставили. Я вслед этой женщине посмотрел с отвращением. В особенности на белые чулки безо всякого шва; шов бы меня смирил,

может быть, разгрузил бы душу и совесть…

Отчего они все так грубы? А? И грубы-то ведь, подчеркнуто грубы в те самые мгновенья, когда нельзя быть грубым, когда у человека с похмелья все нервы навыпуск, когда он малодушен и тих? Почему так?! О, если бы весь мир, если бы каждый в мире был бы, как я сейчас, тих и боязлив, и был бы так же ни в чем не уверен: ни в себе, ни в серьезности своего места под небом — как хорошо бы! Никаких энтузиастов, никаких подвигов, никакой одержимости! — всеобщее малодушие. Я согласился бы жить на земле целую вечность, если бы прежде мне показали уголок, где не всегда есть место подвигам. «Всеобщее малодушие» — да ведь это спасение от всех бед, это панацея, это предикат величайшего совершенства! А что касается деятельного склада натуры…

— Кому здесь херес?!..

Надо мной — две женщины и один мужчина, все трое в белом. Я поднял глаза на них — о, сколько, должно быть, в моих глазах сейчас всякого безобразия и смутности — я это понял по ним, по их глазам, потому что и в их глазах отразилась эта смутность и это безобразие… Я весь как-то сник и растерял душу.

— Да ведь я… почти и не прошу. Ну и пусть, что

хересу нет, я подожду… я так…

— Это как то есть «так»!.. Чего это вы «подождете»!..

— Да ппочти ничего… Я ведь просто еду в Петушки, к любимой девушке (ха-ха! «к любимой девушке»!) — гостинцев купил…

Они, палачи, ждали, что я еще скажу.

— Я ведь… из Сибири, я сирота… А просто чтобы не так тошнило… хереса хочу.

Зря это я опять про херес, зря! Он их сразу взорвал. Все трое подхватили меня под руки и через весь зал — о, боль такого позора! — через весь зал провели меня и вытолкнули на воздух. Следом за мной чемоданчик с гостинцами; тоже — вытолкнули.

Опять — на воздух. О, пустопорожность! О, звериный оскал бытия!

Москва. К поезду через магазин

Что было потом — от ресторана до магазина и от магазина до поезда — человеческий язык не повернется выразить. Я тоже не берусь. А если за это возьмутся ангелы, — они просто расплачутся, а сказать от слез ничего не сумеют.

Давайте лучше так — давайте почтим минутой молчания два этих смертных часа. Помни, Веничка, об этих часах. В самые восторженные, в самые искрометные дни своей жизни — помни о них. В минуты блаженства и упоений — не забывай о них. Это не должно повториться. Я обращаюсь ко всем родным и близким, ко всем людям доброй воли, я обращаюсь ко всем, чье сердце открыто для поэзии и сострадания.

Оставьте ваши занятия. Остановитесь вместе со мной, и почтим минутой молчания то, что невыразимо. Если есть у вас под рукой какой-нибудь завалящий гудок — нажмите на этот гудок.

Так. Я тоже останавливаюсь. Ровно минуту, мутно глядя в вокзальные часы, я стою как столб посреди площади Курского вокзала. Волосы мои то развеваются на ветру, то дыбом встают, то развеваются снова. Такси обтекают меня со всех

четырех сторон. Люди — тоже, и смотрят так дико: думают, наверное, — изваять его вот так, в назидание народам древности, или не изваять?

И нарушает эту тишину лишь сиплый женский бас, льющийся из ниоткуда.

«Внимание! В 8 часов 16 минут из четвертого тупика отправится поезд до Петушков. Остановки: Серп и Молот, Чухлинка, Реутово, Железнодорожная, далее по всем пунктам, кроме Есино».

А я продолжаю стоять.

«Повторяю! В 8 часов 16 минут из четвертого тупика отправится поезд до Петушков. Остановки: Серп и Молот, Чухлинка, Реутово, Железнодорожная, далее по всем пунктам, кроме Есино».

Ну, вот и все. Минута истекла. Теперь вы все, конечно, набрасываетесь на меня с вопросами: «Ведь ты из магазина, Веничка?»

— Да, — говорю я вам, — из магазина. — А сам продолжаю идти в направлении перрона, склонив голову влево.

— Твой чемоданчик теперь тяжелый? Да? А в сердце поет свирель? Ведь правда?

— Ну, это как сказать! — говорю я, склонив голову вправо. — Чемоданчик — точно, очень тяжелый. А насчет свирели говорить еще рано…

— Так что же, Веничка, что же ты все-таки ку-

пил? Нам страшно интересно…

— Да ведь я понимаю, что интересно. Сейчас, сейчас перечислю: во-первых, две бутылки кубанской по два шестьдесят две каждая, итого пять двадцать четыре. Дальше: две четвертинки российской, по рупь шестьдесят четыре, итого пять двадцать четыре плюс три двадцать восемь. Восемь рублей пятьдесят две копейки. И еще какое-то красное. Сейчас, вспомню. Да — розовое крепкое за рупь тридцать семь.

— Так-так-так, — говорите вы, — а общий итог? Ведь все это страшно интересно…

Сейчас я вам скажу общий итог.

— Общий итог девять рублей восемьдесят девять копеек, — говорю я, вступив на перрон. — Но ведь это не совсем общий итог. Я ведь еще купил два бутерброда, чтобы не сблевать.

— Ты хотел сказать, Веничка: «чтобы не стошнило»?

— Нет. Что я сказал, то сказал. Первую дозу я не могу без закуски, потому что могу сблевать. А вот уж вторую и третью могу пить всухую, потому что стошнить может и стошнит, но уже ни за что не сблюю. И так — вплоть до девятой. А там опять понадобится бутерброд.

— Зачем? Опять стошнит?

— Да нет, стошнить-то уже ни за что не стошнит, а вот сблевать — сблюю.

Вы все, конечно, на это качаете головой. Я даже вижу — отсюда, с мокрого перрона, — как все вы, рассеянные по моей земле, качаете головой и беретесь иронизировать:

— Как это сложно, Веничка! как это тонко!

— Еще бы!

— Какая четкость мышления! И это — все? И это — все, что тебе нужно, чтобы быть счастливым? И больше — ничего?

— Ну как, то есть, — ничего? — говорю я, входя в вагон. — Было б у меня побольше денег, я взял бы еще пива и пару портвейнов, но ведь…

Тут уж вы совсем принимаетесь стонать.

— О-о-о, Веничка! О-о-о, примитив!

Ну, так что же? Пусть примитив, говорю. И на этом перестаю с вами разговаривать. Пусть примитив! А на вопросы ваши я больше не отвечаю. Я лучше сяду, к сердцу прижму чемоданчик и буду в окошко смотреть. Вот так. Пусть примитив!

А вы все пристаете:

— Ты чего, обиделся?

— Да нет, — отвечаю.

— Ты не обижайся. Мы тебе добра хотим. Только зачем ты, дурак, все к сердцу чемодан прижима-

ешь? Потому что водка там, что ли?

Тут уж я совсем обижаюсь: да при чем тут водка? Я вижу, вы ни о чем не можете говорить кроме водки.

«Граждане пассажиры, наш поезд следует до станции Петушки. Остановки: Серп и Молот, Чухлинка, Реутово, Железнодорожная, далее по всем пунктам, кроме Есино».

В самом деле, при чем тут водка? Далась вам эта водка! Да я и в ресторане, если хотите, прижимал его к сердцу, а водки там еще не было. И в подъезде, если помните, — тоже прижимал, а водкой там еще и не пахло!.. Если уж вы хотите все знать, — я вам все расскажу, погодите только. Вот только похмелюсь на Серпе и Молоте, и

и тогда все, все расскажу. Потерпите. Ведь я-то терплю!

Ну, конечно, все они считают меня дурным человеком. По утрам и с перепою я сам о себе такого же мнения. Но ведь нельзя же доверять мнению человека, который еще не успел похмелиться! Зато по вечерам — какие во мне бездны! — если, конечно, хорошо набраться за день, — какие бездны во мне по вечерам!

Но — пусть. Пусть я дурной человек. Я вообще замечаю: если человеку по утрам бывает скверно, а вечером он полон замыслов, и грез, и усилий — он очень дурной, этот человек. Утром плохо, а вечером хорошо — верный признак дурного человека. Вот уж если наоборот — если по утрам человек бодрится и весь в надеждах, а к вечеру его одолевает изнеможение — это уж точно человек дрянь, деляга и посредственность. Гадок мне этот человек. Не знаю как вам, а мне гадок.

Конечно, бывают и такие, кому одинаково любо и утром, и вечером, и восходу они рады, и закату тоже рады, — так это уж просто мерзавцы, о них и говорить-то противно. Ну уж, а если кому

одинаково скверно — и утром, и вечером — тут уж я не знаю, что и сказать, это уж конченный подонок и мудозвон. Потому что магазины у нас работают до девяти, а Елисеевский — тот даже до одиннадцати, и если ты не подонок, ты всегда сумеешь к вечеру подняться до чего-нибудь, до какой-нибудь пустяшной бездны…

Итак, что же я имею?

Я вынул из чемоданчика все, что имею, и все ощупал: от бутерброда до розового крепкого за рупь тридцать семь. Ощупал — и вдруг затомился. Еще раз ощупал — и поблек… Господь, вот Ты видишь, чем я обладаю. Но разве это мне нужно? Разве по этому тоскует моя душа? Вот что дали мне люди взамен того, по чему тоскует душа! А если б они мне дали того, разве нуждался бы я в этом? Смотри, Господь, вот: розовое крепкое за рупь тридцать семь…

И, весь в синих молниях, Господь мне ответил:

— А для чего нужны стигматы святой Терезе? Они ведь ей тоже не нужны. Но они ей желанны.

— Вот-вот! — отвечал я в восторге. — Вот и мне, и мне тоже — желанно мне это, но ничуть не нужно!

«Ну, раз желанно, Веничка, так и пей», — тихо подумал я, но все медлил. Скажет мне Господь

еще что-нибудь или не скажет?

Господь молчал.

Ну, хорошо. Я взял четвертинку и вышел в тамбур. Так. Мой дух томился в заключении четыре с половиной часа, теперь я выпущу его погулять. Есть стакан и есть бутерброд, чтобы не стошнило. И есть душа, пока еще чуть приоткрытая для впечатлений бытия. Раздели со мной трапезу, Господи!

И немедленно выпил.

Карачарово – Чухлинка

А выпив, — сами видите, как долго я морщился и сдерживал тошноту, сколько чертыхался и сквернословил. Не то пять минут, не то семь минут, не то целую вечность — так и метался в четырех стенах, ухватив себя за горло, и умолял Бога моего не обижать меня.

И до самого Карачарова, от Серпа и Молота до Карачарова, мой Бог не мог расслышать мою мольбу, — выпитый стакан то клубился где-то между чревом и пищеводом, то взметался вверх, то снова опадал. Это было как Везувий, Геркуланум и Помпея, как первомайский салют в столице моей страны. И я страдал и молился.

И вот только у Карачарова мой Бог расслышал и внял. Все улеглось и притихло. А уж если у меня что-нибудь притихнет и уляжется, так это бесповоротно. Будьте уверены. Я уважаю природу, было бы некрасиво возвращать природе ее дары… Да.

Я кое-как пригладил волосы и вернулся в вагон. Публика посмотрела на меня почти безучастно, круглыми и как будто ничем не занятыми глазами…

Мне это нравится. Мне нравится, что у народа моей страны глаза такие пустые и выпуклые. Это вселяет в меня чувство законной гордости… Можно себе представить, какие глаза там. Где все продается и все покупается:…глубоко спрятанные, притаившиеся, хищные и перепуганные глаза… Девальвация, безработица, пауперизм… Смотрят исподлобья, с неутихающей заботой и мукой — вот какие глаза в мире чистогана…

Зато у моего народа — какие глаза! Они постоянно навыкате, но — никакого напряжения в них. Полное отсутствие всякого смысла — но зато какая мощь! (Какая духовная мощь!) Эти глаза не продадут. Ничего не продадут и ничего не купят. Что бы ни случилось с моей страной, во дни сомнений, во дни тягостных раздумий, в годину любых испытаний и бедствий — эти глаза не сморгнут. Им все божья роса…

Мне нравится мой народ. Я счастлив, что родился и возмужал под взглядами этих глаз. Плохо только вот что: вдруг да они заметили, что я сейчас там на площадке выделывал?.. Кувыркался из угла в угол, как великий трагик Федор Шаляпин, с рукою на горле, как будто меня что душило?

Ну да, впрочем, пусть. Если кто и видел — пусть. Может, я там что репетировал? Да… В самом деле.

Может, я играл в бессмертную драму «Отелло, мавр венецианский»? Играл в одиночку и сразу во всех ролях? Я, например, изменил себе, своим убеждениям: вернее, я стал подозревать себя в измене самому себе и своим убеждениям; я себе нашептал про себя — о, такое нашептал! — и вот я, возлюбивший себя за муки, как самого себя, — я принялся себя душить. Схватил себя за горло и душу. Да мало ли что я там делал?

Вон — справа, у окошка — сидят двое. Один такой тупой-тупой и в телогрейке. А другой такой умный-умный и в коверкотовом пальто. И пожалуйста — никого не стыдятся, наливают и пьют. Закусывают и тут же опять наливают. Не выбегают в тамбур и не заламывают рук. Тупой-тупой выпьет, крякнет и говорит: «А! Хорошо пошла, курва!» А умный-умный выпьет и говорит: «Транс-цен-ден-тально!» И таким праздничным голосом! Тупой-тупой закусывает и говорит: «Заку-уска у нас сегодня — блеск! Закуска типа „я вас умоляю!“». А умный-умный жует и говорит: «Да-а-а… Транс-цен-ден-тально!..»

Поразительно! Я вошел в вагон и сижу, страдаю от мысли, за кого меня приняли — мавра или не мавра? плохо обо мне подумали, хорошо ли? А эти — пьют горячо и открыто, как венцы творения,

пьют с сознанием собственного превосходства над миром… «Закуска типа „я вас умоляю“!»… Я, похмеляясь утром, прячусь от неба и земли, потому что это интимнее всякой интимности!.. До работы пью — прячусь. Во время работы пью — прячусь… а эти!! «Транс-цен-ден-тально!»

Мне очень вредит моя деликатность, она исковеркала мне мою юность. Мое детство и отрочество… Скорее так: скорее это не деликатность, а просто я безгранично расширил сферу интимного — и сколько раз это губило меня…

Вот сейчас я вам расскажу. Помню, лет десять тому назад я поселился в Орехово-Зуеве. К тому времени, как я поселился, в моей комнате уже жило четверо, я стал у них пятым. Мы жили душа в душу, и ссор не было никаких. Если кто-нибудь хотел пить портвейн, он вставал и говорил: «Ребята, я хочу пить портвейн». А все говорили: «Хорошо. Пей портвейн. Мы тоже будем с тобой пить портвейн». Если кого-нибудь тянуло на пиво, всех тоже тянуло на пиво.

Прекрасно. Но вдруг я стал замечать, что эти четверо как-то отстраняют меня от себя, как-то шепчутся, на меня глядя, как-то смотрят за мной, если я куда пойду. Странно мне было это и даже чуть тревожно… И на их физиономиях я читал

ту же озабоченность и будто даже страх… «В чем дело? — терзался я, — отчего это так?»

И вот, наступил вечер, когда я понял, в чем дело и отчего это так. Я, помнится, в этот день даже и не вставал с постели: я выпил пива и затосковал. Просто: лежал и тосковал.

И вижу: все четверо потихоньку меня обсаживают — двое сели на стулья у изголовья, а двое в ногах. И смотрят мне в глаза, смотрят с упреком, смотрят с ожесточением людей, не могущих постигнуть какую-то заключенную во мне тайну… Не иначе, как что-то случилось…

— Послушай-ка, — сказали они, — ты это брось.

— Что «брось»? — я изумился и чуть привстал.

— Брось считать, что ты выше других… что мы мелкая сошка, а ты Каин и Манфред…

— Да с чего вы взяли!..

— А вот с того и взяли. Ты пиво сегодня пил?

Чухлинка – Кусково

— Пил.

— Много пил?

— Много.

— Ну так вставай и иди.

— Да куда «иди»??

— Будто не знаешь! Получается так — мы мелкие козявки и подлецы, а ты Каин и Манфред…

— Позвольте, — говорю, — я этого не утверждал…

— Нет, утверждал. Как ты поселился к нам — ты каждый день это утверждаешь. Не словом, но делом. Даже не делом, а отсутствием этого дела. Ты негативно это утверждаешь…

— Да какого «дела»? Каким «отсутствием»? — я уж от изумления совсем глаза распахнул…

— Да известно какого дела. До ветру ты не ходишь — вот что. Мы сразу почувствовали: что-то неладно. С тех пор как ты поселился, мы никто ни разу не видели, чтобы ты в туалет пошел. Ну, ладно, по большой нужде еще ладно! Но ведь ни разу даже по малой… даже по малой!

И все это было сказано без улыбки, тоном до смерти оскорбленных.

— Нет, вы меня не так поняли, ребята… просто я…

— Нет, мы тебя правильно поняли…

— Да нет же, не поняли. Не могу же я, как вы: встать с постели, сказать во всеуслышание: «Ну, ребята, я. ать пошел!» или «Ну, ребята, я. ать пошел!» Не могу же я так…

— Да почему же ты не можешь! Мы — можем, а ты — не можешь! Выходит, ты лучше нас! Мы грязные животные, а ты как лилея!..

— Да нет же… Как бы это вам объяснить…

— Нам нечего объяснять… нам все ясно.

— Да вы послушайте… поймите же… в этом мире есть вещи…

— Мы не хуже тебя знаем, какие есть вещи, а каких вещей нет…

И я никак не мог их ни в чем убедить. Они своими угрюмыми взглядами пронзали мне душу… Я начал сдаваться…

— Ну, конечно, я тоже могу… я тоже мог бы…

— Вот-вот. Значит, ты можешь, как мы. А мы, как ты, — не можем. Ты, конечно, все можешь, а мы ничего не можем. Ты Манфред, ты Каин, а мы как плевки у тебя под ногами…

— Да нет, нет, — тут уж я совсем стал путаться. — В этом мире есть вещи… есть такие сферы…

нельзя же так просто: встать и пойти. Потому что самоограничение, что ли?.. есть такая заповедан-ность стыда, со времен Ивана Тургенева… и потом — клятва на Воробьевых горах… И после этого встать и сказать: «Ну, ребята…» Как-то оскорби-тельно… Ведь если у кого щепетильное сердце…

Они, все четверо, глядели на меня уничтожаю-ще. Я пожал плечами и безнадежно затих.

— Ты это брось про Ивана Тургенева. Говори, да не заговаривайся. Сами читали. А ты лучше вот что скажи: ты пиво сегодня пил?

— Пил.

— Сколько кружек?

— Две больших и одну маленькую.

— Ну так вставай и иди. Чтобы мы все видели, что ты пошел. Не унижай нас и не мучь. Вставай и иди.

Ну что ж, я встал и пошел. Не для того, чтобы облегчить себя. Для того, чтобы их облегчить. А когда вернулся, один из них мне сказал: «С такими позорными взглядами ты вечно будешь одиноким и несчастным».

Да. И он был совершенно прав. Я знаю многие замыслы Бога, но для чего Он вложил в меня столько целомудрия, я до сих пор так и не понял. А это целомудрие — самое смешное! — это це-

ломудрие толковалось так навыворот, что мне отказывали даже в самой элементарной воспитанности…

Например, в Павлово-Посаде. Меня подводят к дамам и представляют так:

— А вот это тот самый, знаменитый Веничка Ерофеев. Он знаменит очень многим. Но больше всего, конечно, тем знаменит, что за всю свою жизнь ни разу не пукнул…

— Как!! Ни разу!! — удивляются дамы и во все глаза меня рассматривают. — Ни ра-зу!!

Я, конечно, начинаю конфузиться. Я не могу при дамах не конфузиться. Я говорю:

— Ну, как то есть ни разу! Иногда… все-таки…

— Как!! — еще больше удивляются дамы. — Ерофеев — и… странно подумать!.. «Иногда все-таки!»

Я от этого окончательно теряюсь, я говорю примерно так:

— Ну… а что в этом такого, я же… это ведь — пукнуть — это ведь так ноуменально… Ничего в этом феноменального нет — в том, чтоб пукнуть…

— Вы только подумайте! — обалдевают дамы.

А потом трезвонят по всей петушинской ветке: «Он все это делает вслух и говорит, что это не плохо он делает! Что это он делает хорошо!»

Ну, вот видите. И так всю жизнь. Всю жизнь довлеет надо мной этот кошмар — кошмар, заключающийся в том, что понимают тебя не превратно, нет — «превратно» бы еще ничего! — но именно строго наоборот, то есть совершенно по-свински, то есть антиномично.

Я многое мог бы рассказать по этому предмету, но если я буду рассказывать все — я растяну до самых Петушков. А лучше я не буду рассказывать все, а только один-единственный случай, потому что он самый свежий: о том, как неделю тому назад меня сняли с бригадирского поста за «внедрение порочной системы индивидуальных графиков». Все наше московское управление сотрясается от ужаса, стоит им вспомнить об этих графиках. А чего же тут ужасного, казалось бы!

Да! Где это мы сейчас едем?..

Кусково! Мы чешем без остановки через Кусково! По такому случаю мне следовало бы еще раз выпить, но я лучше сначала вам расскажу,

Кусково – Новогиреево

а уж потом пойду и выпью.

Итак, неделю тому назад меня скинули с бригадирства, а пять недель тому назад — назначили. За четыре недели, сами понимаете, крутых перемен не введешь, да я и не вводил никаких крутых перемен, а если кому показалось, что и вводил, так поперли меня все-таки не за крутые перемены.

Дело началось проще. До меня наш производственный процесс выглядел следующим образом: с утра мы садились и играли в сику, на деньги (вы умеете играть в сику?). Так. Потом вставали, разматывали барабан с кабелем и кабель укладывали под землю. А потом — известное дело: садились, и каждый по-своему убивал свой досуг, ведь все-таки у каждого своя мечта и свой темперамент: один — вермут пил, другой, кто попроще — одеколон «Свежесть», а кто с претензией — пил коньяк в международном аэропорту Шереметьево. И ложились спать.

А наутро так: садились и пили вермут. Потом вставали и вчерашний кабель вытаскивали из-под земли и выбрасывали, потому что он уже

весь мокрый был, конечно. А потом — что же? — потом садились играть в сику, на деньги. Так и ложились спать, не доиграв.

Рано утром уже будили друг друга: «Лёха! Вставай в сику играть!» «Стасик, вставай доигрывать вчерашнюю сику!» Вставали, доигрывали в сику. А потом — ни свет, ни заря, ни «Свежести» не попив, ни вермуту, хватали барабан с кабелем и начинали его разматывать, чтоб он до завтра отмок и пришел в негодность. А потом — каждый за свой досуг, потому что у каждого свои идеалы. И так все сначала.

Став бригадиром, я упростил этот процесс до мыслимого предела. Теперь мы делали вот как: один день играли в сику, другой — пили вермут, на третий день — опять в сику, на четвертый — опять вермут. А тот, кто с интеллектом, — тот и вовсе пропал в аэропорту Шереметьево: сидел и коньяк пил. Барабан мы, конечно, и пальцем не трогали, — да если б я и предложил барабан тронуть, они все рассмеялись бы, как боги, потом били бы меня кулаками по лицу, ну а потом разошлись бы: кто в сику играть, на деньги, кто вермут пить, а кто «Свежесть».

И до времени все шло превосходно: мы им туда раз в месяц посылали соцобязательства, а они

нам жалованье два раза в месяц. Мы, например, пишем: по случаю предстоящего столетия обязуемся покончить с производственным травматизмом. Или так: по случаю славного столетия добьемся того, чтобы каждый шестой обучался заочно в высшем учебном заведении. А уж какой там травматизм и заведения, если мы за сикой белого света не видим, и нас всего пятеро!

О, свобода и равенство! О, братство и иждивенчество! О, сладость неподотчетности! О, блаженнейшее время в жизни моего народа — время от открытия и до закрытия магазинов!

Отбросив стыд и дальние заботы, мы жили исключительно духовной жизнью. Я расширял им кругозор по мере сил, и им очень нравилось, когда я им его расширял: особенно во всем, что касается Израиля и арабов. Тут они были в совершенном восторге — в восторге от Израиля, в восторге от арабов, и от Голанских высот в особенности. А Абба Эбан и Моше Даян с языка у них не сходили. Приходят они утром с блядок, например, и один у другого спрашивает: «Ну как? Нинка из 13-й комнаты даян эбан?» А тот отвечает с самодовольной усмешкою: «Куда ж она, падла, денется? Конечно, даян!»

А потом (слушайте), а потом, когда они узнали,

отчего умер Пушкин, я дал им почитать «Соловьиный сад», поэму Александра Блока. Там в центре поэмы, если, конечно, отбросить в сторону все эти благоуханные плеча, и неозаренные туманы, и розовые башни в дымных ризах, там в центре поэмы лирический персонаж, уволенный с работы за пьянку, блядки и прогулы. Я сказал им: «Очень своевременная книга, — сказал, — вы прочтете ее с большой пользой для себя». Что ж? они прочли. Но вопреки всему, она на них сказалась удручающе: во всех магазинах враз пропала вся «Свежесть». Непонятно почему, но сика была забыта, вермут был забыт, международный аэропорт Шереметьево был забыт, — и восторжествовала «Свежесть», все пили только «Свежесть».

О, беззаботность! О, птицы небесные, не собирающие в житницы! О, краше Соломона одетые полевые лилии! — Они выпили всю «Свежесть» от станции Долгопрудная до международного аэропорта Шереметьево!

И вот тут-то меня озарило: да ты просто бестолочь, Веничка, ты круглый дурак; вспомни, ты читал у какого-то мудреца, что Господь Бог заботится только о судьбе принцев, предоставляя о судьбе народов заботиться принцам. А ведь

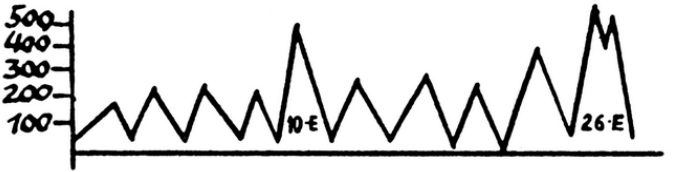
ты бригадир и, стало быть, «маленький принц». Где же твоя забота о судьбе твоих народов? Да смотрел ли ты в души этих паразитов, в потемки душ этих паразитов? Диалектика сердца этих четверых мудаков — известна ли тебе? Если б была известна, тебе было б понятнее, что общего у «Соловьиного сада» со «Свежестью» и почему «Соловьиный сад» не сумел ужиться ни с сикой, ни с вермутом, тогда как с ними прекрасно уживались и Моше Даян и Абба Эбан!..

И вот тогда-то я ввел свои пресловутые «индивидуальные графики», за которые меня наконец и поперли...

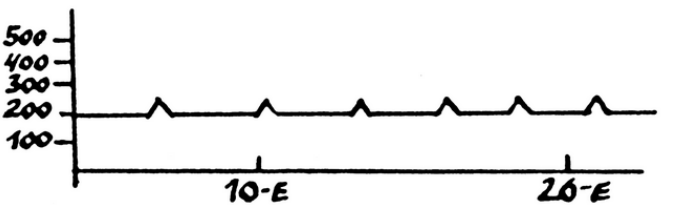
Новогиреево – Реутово

Сказать ли вам, что это были за графики? Ну, это очень просто: на веленевой бумаге, черной тушью, рисуются две оси — одна ось горизонтальная, другая вертикальная. На горизонтальной откладываются последовательно все рабочие дни истекшего месяца, а на вертикальной — количество выпитых граммов, в пересчете на чистый алкоголь. Учитывалось, конечно, только выпитое на производстве и до него, поскольку выпитое вечером — величина для всех более или менее постоянная и для серьезного исследователя не может представить интереса.

Итак, по истечении месяца рабочий подходит ко мне с отчетом: в такой-то день выпито того-то и столько-то, в другой — столько-то, et cetera. А я, черной тушью и на веленевой бумаге, изображаю все это красивою диаграммою. Вот, полюбуйтесь, например, это линия комсомольца Виктора Тотошкина:



А это Алексей Блиндяев, член КПСС с 1936 года, потрепанный старый хрен:



А вот уж это — ваш покорный слуга, экс-бригадир монтажников ПТУСа, автор поэмы «Москва

— Петушки»:

Ведь правда, интересные линии? Даже для самого поверхностного взгляда — интересные? У одного — Гималаи, Тироль, бакинские промыслы или даже верх кремлевской стены, которую я, впрочем, никогда не видел. У другого — предрассветный бриз на реке Каме, тихий всплеск и бисер фонарной ряби. У третьего — биение гордого сердца, песня о буревестнике и девятый вал. И все это — если видеть только внешнюю форму линии.

А тому, кто пытлив (ну вот мне, например), эти линии выбалтывали все, что только можно выболтать о человеке и о человеческом сердце: все его качества, от сексуальных до деловых, все его

ущербы, деловые и сексуальные. И степень его уравновешенности, и способность к предательству, и все тайны подсознательного, если только были эти тайны.

Душу каждого мудака я теперь рассматривал со вниманием, пристально и в упор. Но не очень долго рассматривал: в один злосчастный день у меня со стола исчезли все мои диаграммы. Оказалось: эта старая шпала, Алексей Блиндяев, член КПСС с 1936 года, в тот день отсылал в управление наше новое соцобязательство, где все мы клялись по случаю предстоящего столетия быть в быту такими же, как на производстве, — и, сдуру ли или спьяну, он в тот же конверт вложил и мои индивидуальные графики.

Я, как только заметил пропажу, выпил и схватился за голову. А там, в управлении, тоже — получили пакет, схватились за голову, выпили и в тот же день въехали на «москвиче» в расположение нашего участка. Что они обнаружили, вломившись к нам в контору? Они ничего не обнаружили, кроме Лехи и Стасика: Леха дремал на полу, свернувшись клубочком, а Стасик блевал. В четверть часа все было решено: моя звезда, вспыхнувшая на четыре недели, закатилась. Распятие совершилось — ровно через тридцать

дней после Вознесения. Один только месяц — от моего Тулона до моей Елены. Короче, они меня разжаловали, а на место мое назначили Алексея Блиндяева, этого дряхлого придурка, члена КПСС с 1936 года. А он, тут же после назначения, проснулся на своем полу, попросил у них рупь — они ему рупь не дали. Стасик перестал блевать и тоже попросил рупь — они и ему не дали. Попили красного вина, сели в свой «москвич» и уехали обратно.

И вот — я торжественно объявляю: до конца моих дней я не предприму ничего, чтобы повторить мой печальный опыт возвышения. Я остаюсь внизу, и снизу плюю на всю вашу общественную лестницу. Да. На каждую ступеньку лестницы — по плевку. Чтобы по ней подыматься, надо быть жидовскою мордою без страха и упрека, надо быть пидорасом, выкованным из чистой стали с головы до пят. А я — не такой.

Как бы то ни было — меня поперли. Меня, вдумчивого принца-аналитика, любовно перебиравшего души своих людей, меня — снизу — сочли штрейкбрехером и коллаборационистом, а сверху — лоботрясом с неуравновешенной психикой. Низы не хотели меня видеть, а верхи не могли без смеха обо мне говорить. «Верхи не

могли, а низы не хотели». Что это предвещает, знатоки истинной философии истории? Совершенно верно: в ближайший же аванс меня будут пиздить по законам добра и красоты, а ближайший аванс — послезавтра, а значит, послезавтра меня измудохают.

– *Фффу!*

— Кто сказал *«фффу!»* Это вы, ангелы, сказали *«Фффу»?*

— Да, это мы сказали. Фффу, Веня, как ты ругаешься!!

— Да как же, посудите сами, как не ругаться! Весь этот житейский вздор так надломил меня, что я с того самого дня не просыхаю. Я и до этого не сказать, чтоб очень просыхал, но во всяком случае я хоть запоминал, что я пью и в какой последовательности, а теперь и этого не могу упомнить… У меня все полосами, все в жизни как-то полосами: то не пью неделю подряд, то пью потом сорок дней, потом опять четыре дня не пью, а потом опять шесть месяцев пью без единого роздыха… Вот и теперь…

— Мы понимаем, мы все понимаем. Тебя оскорбили, и твое прекрасное сердце…

Да, да, в тот день мое сердце целых полчаса боролось с рассудком. Как в трагедиях Пьера Кор-

неля, поэта-лауреата: долг борется с сердечным влечением. Только у меня наоборот: сердечное влечение боролось с рассудком и долгом. Сердце мне говорило: «Тебя обидели, тебя сравняли с говном. Поди, Веничка, и напейся. Встань и поди напейся как сука». Так говорило мое прекрасное сердце. А мой рассудок? Он брюзжал и упорствовал: «Ты не встанешь, Ерофеев, ты никуда не пойдешь и ни капли не выпьешь». А сердце на это: «Ну ладно, Веничка, ладно. Много пить не надо, не надо напиваться как сука; а выпей четыреста грамм и завязывай». «Никаких грамм! — отчеканивал рассудок. — Если уж без этого нельзя, поди и выпей три кружки пива; а о граммах своих, Ерофеев, и помнить забудь». А сердце заныло: «Ну хоть двести грамм. Ну…

ну хоть сто пятьдесят…» И тогда рассудок: «Ну, хорошо, Веня, — сказал, — хорошо, выпей сто пятьдесят, только никуда не ходи, сиди дома…»

Что же вы думаете? Я выпил сто пятьдесят и усидел дома? Ха-ха. Я с этого дня пил по тысяче пятьсот каждый день, чтобы усидеть дома, и все-таки не усидел. Потому что на шестой день размок уже настолько, что исчезла грань между рассудком и сердцем, и оба в голос мне затвердили: «Поезжай, поезжай в Петушки! В Петушках — твое спасение и радость твоя, поезжай».

«Петушки — это место, где не умолкают птицы ни днем ни ночью, где ни зимой, ни летом не отцветает жасмин. Первородный грех — может, он и был — там никого не тяготит. Там даже у тех, кто не просыхает по неделям, взгляд бездонен и ясен…»

«Там каждую пятницу, ровно в одиннадцать, на вокзальном перроне меня встречает эта девушка с глазами белого цвета, — белого, переходящего в белесый, — эта любимейшая из потаскух, эта белобрысая дьяволица. А сегодня пятница, и меньше, чем через два часа, будет ровно одинна-

дцать, и будет она, и будет вокзальный перрон, и этот белесый взгляд, в котором нет ни совести, ни стыда. Поезжайте со мной — о, вы такое увидите!..»

«Да и что я оставил — там, откуда уехал и еду? Пару дохлых портянок и казенные брюки, плоскогубцы и рашпиль, аванс и накладные расходы, — вот что оставил! А что впереди? что в Петушках на перроне? — а на перроне рыжие ресницы, опущенные ниц, и колыхание форм, и коса от затылка до попы. А после перрона — зверобой и портвейн, блаженства и корчи, восторги и судороги. Царица небесная, как далеко еще до Петушков!»

«А там, за Петушками, где сливаются небо и земля, и волчица воет на звезды, — там совсем другое, но то же самое: там в дымных и вшивых хоромах, неизвестный этой белесой, распускается мой младенец, самый пухлый и самый кроткий из всех младенцев. Он знает букву „ю“ и за это ждет от меня орехов. Кому из вас в три года была знакома буква „ю“? Никому; вы и теперь-то ее толком не знаете. А вот он — знает, и никакой за это награды не ждет, кроме стакана орехов».

«Помолитесь, ангелы, за меня. Да будет светел мой путь, да не преткнусь о камень, да увижу

город, по которому столько томился. А пока — вы уж простите меня — пока присмотрите за моим чемоданчиком, я на десять минут отлучусь. Мне нужно выпить кубанской, чтобы не угасить порыва».

И вот — я снова встал и через половину вагона прошел на площадку.

И пил уже не так, как пил у Карачарова, нет, теперь я пил без тошноты и без бутерброда, из горлышка, запрокинув голову, как пианист, и с сознанием величия того, что еще только начинается и чему еще предстоит быть.

Никольское – Салтыковская

«Не в радость обратятся тебе эти тринадцать глотков», — подумал я, делая тринадцатый глоток.

«Ты ведь знаешь и сам, что вторая по счету утренняя доза, если ее пить из горлышка, — омрачает душу, пусть не надолго, только до третьей дозы, выпитой из стакана, — но все-таки омрачает. Тебе ли этого не знать?

Ну пусть. Пусть светел твой сегодняшний день. Пусть твое завтра будет еще светлее. Но почему же смущаются ангелы, чуть только ты заговоришь о радостях на петушинском перроне и после?

Что ж они думают? Что меня там никто не встретит? или поезд провалится под откос? или в Купавне высадят контролеры или где-нибудь у 105-го километра я задремлю от вина, и меня, сонного, удавят, как мальчика? или зарежут, как девочку? Почему же ангелы смущаются и молчат? Мое завтра светло. Да. Наше завтра светлее, чем наше вчера и наше сегодня. Но кто поручится, что наше послезавтра не будет хуже нашего позавчера?»

«Вот-вот! Ты хорошо это, Веничка, сказал. Наше завтра и так далее. Очень складно и умно ты это сказал, ты редко говоришь так складно и умно.

И вообще, мозгов в тебе не очень много. Тебе ли, опять же, этого не знать? Смирись, Веничка, хотя бы на том, что твоя душа вместительнее ума твоего. Да и зачем тебе ум, коли у тебя есть совесть и сверх того еще вкус? Совесть и вкус — это уже так много, что мозги делаются прямо излишними.

А когда ты в первый раз заметил, Веничка, что ты дурак?»

«А вот когда. Когда я услышал одновременно сразу два полярных упрека: и в скучности, и в легкомыслии. Потому что если человек умен и скучен, он не опустится до легкомыслия. А если он легкомыслен да умен — он скучным быть себе не позволит. А вот я, рохля, как-то сумел сочетать.

И сказать, почему? Потому что я болен душой, но не подаю и вида. Потому что с тех пор, как помню себя, я только и делаю, что симулирую душевное здоровье, каждый миг, и на это расходую все (все без остатка) и умственные, и физические, и какие угодно силы. Вот оттого и скушен… Все, о чем вы говорите, все, что повседневно вас занимает, — мне бесконечно посторонне. Да. А о том, что меня занимает, — об этом никогда и никому

не скажу ни слова. Может, из боязни прослыть стебанутым, может еще отчего, но все-таки — ни слова.

Помню, еще очень давно, когда при мне заводили речь или спор о каком-нибудь вздоре, я говорил: „Э! И хочется это вам толковать об этом вздоре!“ А мне удивлялись и говорили: „Какой же это вздор? Если и это вздор, то что же тогда не вздор?“ А я говорил: „О, не знаю, не знаю! Но есть“.

Я не утверждаю, что мне — теперь — истина уже известна или что я вплотную к ней подошел. Вовсе нет. Но я уже на такое расстояние к ней подошел, с которого ее удобнее всего рассмотреть.

И я смотрю и вижу, и поэтому скорбен. И я не верю, чтобы кто-нибудь еще из вас таскал в себе это горчайшее месиво; из чего это месиво — сказать затруднительно, да вы все равно не поймете, но больше всего в нем „скорби“ и „страха“. Назовем хоть так. Вот: „скорби“ и „страха“ больше всего, и еще немоты. И каждый день, с утра, „мое прекрасное сердце“ источает этот настой и купается в нем до вечера. У других, я знаю, у других это случается, если кто-нибудь вдруг умрет, если самое необходимое существо на свете вдруг умрет. Но у меня-то ведь это вечно! — хоть это-то поймите.

Как же не быть мне скушным и как же не пить кубанскую? Я это право заслужил. Я знаю лучше, чем вы, что „мировая скорбь“ — не фикция, пущенная в оборот старыми литераторами, потому что я сам ношу ее в себе и знаю, что это такое, и не хочу этого скрывать. Надо привыкнуть смело, в глаза людям, говорить о своих достоинствах. Кому же, как не нам самим, знать, до какой степени мы хороши?

К примеру: вы видели „Неутешное горе“ Крамского? Ну конечно, видели. Так вот, если бы у нее, у этой оцепеневшей княгини или боярыни, какая-нибудь кошка уронила бы в ту минуту на пол что-нибудь такое — ну, фиал из севрского фарфора, — или, положим, разорвала бы в клочки какой-нибудь пеньюар немыслимой цены, — что ж она? стала бы суматошиться и плескать руками? Никогда бы не стала, потому что все это для нее вздор, потому что на день или на три, но теперь она „выше всяких пеньюаров и кошек и всякого севра“!

Ну, так как же? Скушна эта княгиня? — Она невозможно скушна и еще бы не была скушна! Она легкомысленна? — В высшей степени легкомысленна!

Вот так и я. Теперь вы поняли, отчего я грустнее

всех забулдыг? Отчего я легковеснее всех идиотов, но и мрачнее всякого дерьма? Отчего я и дурак, и демон, и пустомеля разом?

Вот и прекрасно, что вы все поняли. Выпьем за понимание — весь этот остаток кубанской, из горлышка, и немедленно выпьем».

Смотрите, как это делается!..

Салтыковская – Кучино

Остаток кубанской еще вздымался совсем неподалеку от горла, и поэтому, когда мне сказали с небес:

– Зачем ты все допил, Веня? Это слишком много…

Я от удушья едва сумел им ответить:

— Во всей земле… во всей земле, от самой Москвы и до самых Петушков — нет ничего такого, что было бы для меня слишком многим… И чего вам бояться за меня, небесные ангелы?

– Мы боимся, что ты опять…

— Что я опять начну выражаться? О, нет, нет, я просто не знал, что вы постоянно со мной, я и раньше не стал бы… Я с каждой минутою все счастливей… и если теперь начну сквернословить, то как-нибудь счастливо… как в стихах у германских поэтов: «Я покажу вам радугу!» или «Идите к жемчугам!» и не больше того… какие вы глупые-глупые!..

– Нет, мы не глупые, мы просто боимся, что ты опять не доедешь…

— До чего не доеду?!. До них, до Петушков — не доеду? До нее не доеду? — до моей бесстыжей

царицы с глазами, как облака?.. Какие смешные вы…

– Нет, мы не смешные, мы боимся, что ты до него не доедешь, и он останется без орехов…

— Ну что вы, что вы! Пока я жив… что вы! В прошлую пятницу — верно, в прошлую пятницу она не пустила меня к нему поехать… Я раскис, ангелы, в прошлую пятницу, я на белый живот ее загляделся, круглый, как небо и земля… Но сегодня — доеду, если только не подохну, убитый роком… Вернее — нет, сегодня я не доеду, сегодня я буду у ней, я буду до утра пастись между лилиями, а вот уж завтра!..

– Бедный мальчик… — вздохнули ангелы.

— «Бедный мальчик»? Почему это «бедный»? А вы скажите, ангелы, вы будете со мной до самых Петушков? Да? Вы не отлетите?

– О нет, до самых Петушков мы не можем… Мы отлетим, как только ты улыбнешься… Ты еще ни разу сегодня не улыбнулся, как только улыбнешься в первый раз — мы отлетим… и уже будем покойны за тебя…

— И там, на перроне, встретите меня, да?

— Да, там мы тебя встретим…

Прелестные существа, эти ангелы! Только почему это «бедный мальчик»? Он нисколько не

бедный! Младенец, знающий букву «ю», как свои пять пальцев, младенец, любящий отца, как самого себя, — разве нуждается в жалости?

Ну, допустим, он болен был в позапрошлую пятницу, и все там были за него в тревоге… Но ведь он тут же пошел на поправку — как только меня увидел!.. Да, да… Боже милостивый, сделай так, чтобы с ним ничего не случилось и никогда ничего не случалось!..

Сделай так, Господь, чтобы он, если даже и упал бы с крыльца или печки, не сломал бы ни руки своей, ни ноги. Если нож или бритва попадутся ему на глаза — пусть он ими не играет, найди ему другие игрушки, Господь. Если мать его затопит печку — он очень любит, когда его мать затопляет печку, — оттащи его в сторону, если сможешь. Мне больно подумать, что он обожжется… А если и заболеет, — пусть как только меня увидит, пусть сразу идет на поправку…

Да, да, когда я в прошлый раз приехал, мне сказали: он спит. Мне сказали: он болен и лежит в жару. Я пил лимонную у его кроватки, и меня оставили с ним одного. Он и в самом деле был в жару, и даже ямка на щеке вся была в жару, и было диковинно, что вот у такого ничтожества еще может быть жар…

Я выпил три стакана лимонной, прежде чем он проснулся и посмотрел на меня и на четвертый стакан, у меня в руке… Я долго тогда беседовал с ним и говорил:

— Ты… знаешь что, мальчик? ты не умирай… ты сам подумай (ты ведь уже рисуешь буквы, значит, можешь подумать сам): очень глупо умереть, зная одну только букву «ю» и ничего больше не зная… Ты хоть сам понимаешь, что это глупо?

— *Понимаю, отец…*

И как он это сказал! И все, что они говорят — вечно живущие ангелы и умирающие дети, — все так значительно, что я слова их пишу длинными курсивами, а все, что мы говорим, — махонькими буковками, потому что это более или менее чепуха. *«Понимаю, отец!»*…

— Ты еще встанешь, мальчик, и будешь снова плясать под мою «поросячью фарандолу» — помнишь? Когда тебе было два года, ты под нее плясал. Музыка отца и слова его же. «Там та-ки-е милые, смешные чер-те-нят-ки цапали-царапали-кусали мне жи-во-тик…» А ты, подпершись одной рукой, а другой платочком размахивая, прыгал, как крошечный дурак… «С фе-вра-ля до августа я хныкала и вякала, на исхо-де ав-гус-та ножки про-тяну-ла»… Ты любишь отца, мальчик?

– Очень люблю…

— Ну вот и не умирай… Когда ты не умрешь и поправишься, ты мне снова чего-нибудь спляшешь… Только нет, мы фарандолу плясать не будем. Там есть слова, не идущие к делу… «На исхо-де ав-густа ножки про-тяну-ла…» Это не годится. Гораздо лучше вот что: «Раз-два-туфли-надень-ка-как-ти-бе-не-стыдно-спать?»… У меня особые причины любить эту гнусность…

Я допил свой четвертый стакан и разволновался:

— Когда тебя нет, мальчик, я совсем одинок… Ты понимаешь?.. ты бегал в лесу этим летом, да?.. И, наверно, помнишь, какие там сосны?.. Вот и я, как сосна… Она такая длинная-длинная и одинокая-одинокая, вот и я тоже… Она, как я, — смотрит только в небо, а что у нее под ногами — не видит и видеть не хочет… Она такая зеленая и вечно будет зеленая, пока не рухнет. Вот и я — пока не рухну, вечно буду зеленым…

– Зеленым, — отозвался младенец.

— Или вот, например, одуванчик. Он все колышется и облетает от ветра, и грустно на него глядеть… Вот и я: разве я не облетаю? разве не противно глядеть, как я целыми днями все облетаю да облетаю?..

– *Противно,* — повторил за мной младенец и блаженно заулыбался…

Вот и я теперь: вспоминаю его *«Противно»* и улыбаюсь, тоже блаженно. И вижу: мне издали кивают ангелы — и отлетают от меня, как обещали.

Кучино – Железнодорожная

Но сначала все-таки к ней. Сначала — к ней! Увидеть ее на перроне, с косой от попы до затылка, и от волнения зардеться, и вспыхнуть, и напиться влежку, и пастись, пастись между лилиями — ровно столько, чтобы до смерти изнемочь!

Принеси запястья, ожерелья,
Шелк и бархат, жемчуг и алмазы,
Я хочу одеться королевой,
Потому что мой король вернулся.

Эта девушка вовсе не девушка! Эта искусительница — не девушка, а баллада ля бемоль мажор! Эта женщина, эта рыжая стервоза — не женщина, а волхвование! Вы спросите: «Да где ты, Веничка, ее откопал, и откуда она взялась, эта рыжая сука? И может ли в Петушках быть что-нибудь путное?»

— Может! — говорю я вам, и говорю так громко, что вздрагивают и Москва, и Петушки. — В Москве — нет, в Москве не может быть, а в Петушках — может! Ну так что же, что «сука»? Зато

какая гармоническая сука! А если вам интересно, где и как я ее откопал, если интересно — слушайте, бесстыдники, я вам все расскажу.

В Петушках, как я вам уже говорил, жасмин не отцветает и птичье пение не молкнет. Вот и в этот день, ровно двенадцать недель тому назад, были птички и был жасмин. А еще был день рождения непонятно у кого. И еще — была бездна всякого спиртного: не то десять бутылок, не то двенадцать, не то двадцать пять. И было все, что может пожелать человек, выпивший столько спиртного: то есть решительно все, от разливного пива до бутылочного. «А еще? — спросите вы. — А еще что было?»

— А еще — было два мужичка, и были три косеющих твари, одна пьянее другой, и дым коромыслом, и ахинея. Больше как будто ничего не было.

И я разбавлял и пил, разбавлял российскую жигулевским пивом и глядел на этих «троих» и что-то в них прозревал. Что именно я прозревал в них, не могу сказать, а поэтому разбавлял и пил, и чем больше я прозревал в них это «что-то», тем чаще разбавлял и пил, и от этого еще острее прозревал.

Но вот ответное прозрение — я только в одной

из них ощутил, только в одной! О, рыжие ресницы, длиннее, чем волосы на ваших головах! О, невинные бельмы! О, эта белизна, переходящая в белесость! О, колдовство и голубиные крылья!

— Так это вы: Ерофеев? — и чуть подалась ко мне, и сомкнула ресницы и разомкнула…

— Ну, конечно! Еще бы не я!

(О, гармоническая! как она догадалась?)

— Я одну вашу вещицу — читала. И знаете: я бы никогда не подумала, что на полсотне страниц можно столько нанести околесицы. Это выше человеческих сил!

— Так ли уж выше! — я, польщенный, разбавил и выпил. — Если хотите, я нанесу еще больше! Еще выше нанесу!..

Вот — с этого все началось. То есть началось беспамятство: три часа провала. Что я пил? О чем говорил? В какой пропорции разбавлял? Может, этого провала и не было бы, если б я пил, не разбавляя. Но — как бы то ни было — я очнулся часа через три, и вот в каком положении я очнулся: я сижу за столом, разбавляю и пью.

И кроме нас двоих — никого. И она — рядом, смеется надо мною, как благодатное дитя. Я подумал: «Неслыханная! Это — женщина, у которой до сегодняшнего дня грудь стискивали только

предчувствия. Это — женщина, у которой никто до меня даже пульса не щупал. О, блаженный зуд и в душе, и повсюду!»

А она взяла — и выпила еще сто грамм. Стоя выпила, откинув голову, как пианистка. А выпив, все из себя выдохнула, все, что в ней было святого, — все выдохнула. А потом изогнулась, как падла, и начала волнообразные движения бедрами, — и все это с такою пластикою, что я не мог глядеть на нее без содрогания…

Вы, конечно, спросите, вы, бессовестные, спросите:
«Так
что же, Веничка? Она……?» Ну, что вам ответить? Ну, конечно, она……
……!

Еще бы она не……! Она мне прямо сказала: «Я хочу, чтобы ты меня властно обнял правою рукою!» Ха-ха. «Властно» и «правою рукою»! — а я уже так набрался, что не только властно обнять, а хочу потрогать ее туловище — и не могу, все промахиваюсь мимо туловища…

«Что ж! играй крутыми боками! — подумал я, разбавив и выпив. — Играй, обольстительница! Играй, Клеопатра! Играй, пышнотелая блядь, истомившая сердце поэта! Все, что есть у меня,

все, что, может быть, есть — все швыряю сегодня на белый алтарь Афродиты!»

Так думал я. А она — смеялась. А она — подошла к столу и выпила залпом еще сто пятьдесят, ибо она была совершенна, а совершенству нет предела…

выпила — и сбросила с себя что-то лишнее. «Если она сбросит, — подумал я, — если она, следом за этим лишним, сбросит и исподнее — содрогнется земля и камни возопиют».

А она сказала: «Ну, как, Веничка, хорошо у меня.....?» А я, раздавленный желанием, ждал греха, задыхаясь. Я сказал ей: «Ровно тридцать лет я живу на свете... но еще ни разу не видел, чтобы у кого-нибудь так хорошо.....!»

Что же мне теперь? Быть ли мне вкрадчиво-нежным? Быть ли мне пленительно-грубым? Черт его знает, я никогда не понимаю толком, в какое мгновение как обратиться с захмелевшей... До этого — сказать ли вам? — до этого я их плохо знал, и захмелевших, и трезвых. Я стремился за ними мыслью, но как только устремлялся — сердце останавливалось в испуге. Помыслы — были, но не было намерений. Когда же являлись намерения — помыслы исчезали и, хотя я устремлялся за ними сердцем, в испуге останавливалась мысль.

Я был противоречив. С одной стороны, мне нравилось, что у них есть талия, а у нас нет никакой

талии, это будило во мне — как бы это назвать? «негу», что ли? — ну да, это будило во мне негу. Но, с другой стороны, ведь они зарезали Марата перочинным ножиком, а Марат был неподкупен, и резать его не следовало. Это уже убивало всякую негу. С одной стороны, мне, как Карлу Марксу, нравилась в них слабость, то есть, вот они вынуждены мочиться, приседая на корточки, это мне нравилось, это наполняло меня — ну, чем это меня наполняло? негой, что ли? — ну да, это наполняло меня негой. Но, с другой стороны, ведь они в И… из нагана стреляли! Это снова убивало негу: приседать приседай, но зачем в И… из нагана стрелять? И было бы смешно после этого говорить о неге… Но я отвлекся.

Итак, каким же мне быть теперь? Быть грозным или быть пленительным?

Она сама — сама сделала за меня мой выбор, запрокинувшись и погладив меня по щеке своею лодыжкою. В этом было что-то от поощрения, и от игры, и от легкой пощечины. И от воздушного поцелуя — тоже что-то было. И потом — эта мутная, эта сучья белизна в зрачках, белее, чем бред и седьмое небо! И как небо и земля — живот. Как только я увидел его, я чуть не зарыдал от вдохновения, я весь задымился. И все смешалось: и розы,

и лилии, и в мелких завитках — весь — влажный и содрогающийся вход в Эдем, и беспамятство, и рыжие ресницы. О, всхлипывание этих недр! О, бесстыжие бельмы! О, блудница с глазами, как облака! О, сладостный пуп!

Все смешалось, чтобы только начаться, чтобы каждую пятницу повторяться снова и не выходить из сердца и головы. И знаю: и сегодня будет то же, тот же хмель и то же душегубство…

Вы мне скажете: «Так ты что же, Веничка, ты думаешь, ты один у нее такой душегуб?»

А какое мне дело! А вам — тем более! Пусть даже и не верна. Старость и верность накладывают на рожу морщины, а я не хочу, например, чтобы у нее на роже были морщины. Пусть и не верна, не совсем, конечно, «пусть», но все-таки «пусть». Зато вся она соткана из неги и ароматов. Ее не лапать и не бить по ебалу — ее вдыхать надо. Я как-то попробовал сосчитать все ее сокровенные изгибы, и не мог сосчитать — дошел до двадцати семи и так забалдел от истомы, что выпил зубровки и бросил счет, не окончив.

Но красивее всего у нее предплечья, конечно. В особенности, когда она поводит ими и восторженно смеется, и говорит: «Эх, Ерофеев, мудила ты грешный!» О, дьяволица! Разве можно такую

не вдыхать?

Случалось, конечно, случалось, что и она была ядовитой, но это все вздор, это все в целях самообороны и чего-то там такого женского — я в этом мало понимаю. Во всяком случае, когда я ее раскусил до конца, яду там совсем не оказалось, там была малина со сливками. В одну из пятниц, например, когда я совсем был тепленький от зубровки, я ей сказал:

— Давай, давай всю нашу жизнь будем вместе! Я увезу тебя в Лобню, я облеку тебя в пурпур и крученый виссон, я подработаю на телефонных коробках, а ты будешь обонять что-нибудь — лилии, допустим, будешь обонять. Поедем!

А она — молча протянула мне шиш. Я в истоме поднес его к своим ноздрям, вдохнул и заплакал:

— Но почему?.. почему?

Она мне — второй шиш. Я и его поднес, и зажмурился, и снова заплакал:

— Но почему? — заклинаю — ответь — почему???

Вот тогда-то и она разрыдалась и обвисла на шее:

— Умалишенный! ты ведь сам знаешь, почему! сам — знаешь, почему, угорелый!

И после того — почти каждую пятницу повто-

рялось все то же: и эти слезы, и эти фиги. Но сегодня — сегодня что-то решится, потому что сегодняшняя пятница — тринадцатая по счету. И все ближе к Петушкам. Царица Небесная!..

Черное – Купавна

Я заходил по тамбуру в страшном волнении и все курил, курил…

— И ты говоришь после этого, что ты одинок и непонят? Ты, у которого столько в душе и столько за душой! Ты, у которого такая есть в Петушках! И такой за Петушками!.. Одинок?

— Нет, нет, уже не одинок, уже понят, уже двенадцать недель как понят. Все минувшее миновалось. Вот, помню, когда мне стукнуло двадцать лет, — тогда я был безнадежно одинок. И день рождения был уныл. Пришел ко мне Юрий Петрович, пришла Нина Васильевна, принесли мне бутылку столичной и банку овощных голубцов, — и таким одиноким, таким невозможно одиноким показался я сам себе от этих голубцов, от этой столичной — что, не желая плакать, заплакал…

А когда стукнуло тридцать, минувшей осенью? А когда стукнуло тридцать, — день был уныл, как день двадцатилетия. Пришел ко мне Боря с какой-то полоумной поэтессою, пришли Вадя с Лидой, Ледик с Володей. И принесли мне — что принесли? — две бутылки столичной и две бан-

ки фаршированных томатов. И такое отчаяние, такая мука мной овладели от этих томатов, что хотел я заплакать — и уже не мог…

Значит ли это, что за десять лет я стал менее одиноким? Нет, не значит. Тогда значит ли это, что я огрубел душою за десять лет? и ожесточился сердцем? Тоже — не значит. Скорее даже наоборот; но заплакать все-таки не заплакал…

Почему? Я, пожалуй, смогу вам это объяснить, если найду для этого какую-нибудь аналогию в мире прекрасного. Допустим, так: если тихий человек выпьет семьсот пятьдесят, он сделается буйным и радостным. А если он добавит еще семьсот? — будет он еще буйнее и радостнее? Нет, он опять будет тих. Со стороны покажется даже, что он протрезвел. Но значит ли это, что он протрезвел? Ничуть не бывало: он уже пьян, как свинья, оттого и тих.

Точно так же и я: не менее одиноким я стал в эти тридцать лет, и сердцем не очерствел, — совсем наоборот. А если смотреть со стороны — конечно…

Нет, вот уж теперь — жить и жить! А жить совсем не скучно! Скучно было жить только Николаю Гоголю и царю Соломону. Если уж мы прожили тридцать лет, надо попробовать про-

жить еще тридцать, да, да. «Человек смертен» — таково мое мнение. Но уж если мы родились — ничего не поделаешь, надо немножко пожить… «Жизнь прекрасна» — таково мое мнение.

Да знаете ли вы, сколько еще в мире тайн, какая пропасть неисследованного и какой простор для тех, кого влекут к себе эти тайны! Ну вот, самый простой пример: отчего это, если ты с вечера выпил, положим, семьсот пятьдесят, а утром не было случая похмелиться — служба и все такое — и только далеко за полдень, промаявшись шесть часов или семь, ты выпил, наконец, чтобы облегчить душу (ну, сколько выпил? ну, допустим, сто пятьдесят) — отчего твоей душе не легче? Дурнота, которая сопутствовала тебе с утра, от этих ста пятидесяти сменяется дурнотой другой категории, стыдливой дурнотой, щеки делаются пунцовыми, как у бляди, а под глазами так сине, как будто накануне ты и не пил свои семьсот пятьдесят, а как будто тебя накануне, взамен этого, весь вечер лупили по морде? Почему?

Я вам скажу, почему. Потому что человек этот стал жертвою своих шести или семи служебных часов. Надо уметь выбрать себе работу, плохих работ нет. Дурных профессий нет, надо уважать всякое призвание. Надо, чуть проснувшись,

немедленно чего-нибудь выпить, даже нет, вру, не «чего-нибудь», а именно того самого, что ты пил вчера, и с паузами в сорок — сорок пять минут пить и пить так, чтобы к вечеру ты выпил на двести пятьдесят больше, чем накануне. Вот тогда не будет ни дурноты, ни стыдливости, и сам ты будешь таким белолицым, как будто тебя уже полгода по морде не били.

Вот видите — сколько в природе загадок, роковых и радостных. Сколько белых пятен повсюду!

А эта пустоголовая юность, идущая нам на смену, как будто и не замечает тайн бытия. Ей недостает размаха и инициативы, и я вообще сомневаюсь, есть ли у них у всех чего-нибудь в мозгах. Что может быть благороднее, например, чем экспериментировать на себе? Я в их годы делал так: вечером в четверг выпивал одним махом три с половиной литра ерша — выпивал и ложился спать, не разуваясь, с одной только мыслью: проснусь я утром в пятницу или не проснусь?

И все-таки утром в пятницу я не просыпался. А просыпался утром в субботу, и уже не в Москве, а под насыпью железной дороги, в районе Наро-Фоминска. А потом — потом я с усилием припоминал и накапливал факты, а накопив, сопоставлял. А сопоставив, начинал опять восстанавливать,

напряжением памяти и со всепроникающим анализом. А потом переходил от созерцания к абстракции, другими словами, вдумчиво опохмелялся и, наконец, узнавал, куда же все-таки девалась пятница.

Сызмальства почти, от молодых ногтей, любимым словом моим было «дерзание». И — Бог свидетель — как я дерзал! Если вы так дерзнете — вас хватит кондрашка или паралич. Или даже нет, если бы вы дерзали так, как я в ваши годы дерзал, вы бы в одно прекрасное утро взяли да и не проснулись. А я — просыпался, каждое утро почти просыпался — и снова начинал дерзать.

Например, так: к восемнадцати годам или около того я заметил, что с первой дозы по пятую включительно я мужаю, то есть мужаю неодолимо, а вот уж начиная с шестой

и включительно по девятую — размягчаюсь. Настолько размягчаюсь, что от десятой смежаю глаза, так же неодолимо. И что же я по наивности думал? Я думал: «Надо заставить себя волевым усилием преодолеть дремоту и выпить одиннадцатую дозу — тогда, может быть, начнется рецидив возмужания». Но нет, не тут-то было. Никаких рецидивов — я пробовал.

Я бился над этой загадкой три года подряд, ежедневно бился, и все-таки ежедневно после десятой засыпал.

А ведь все раскрылось так просто! Оказывается, если вы уже выпили пятую, вам надо и шестую, и седьмую, и восьмую, и девятую выпить сразу, одним махом — но выпить идеально, то есть выпить только в воображении. Другими словами, вам надо одним волевым усилием, одним махом — не выпить ни шестой, ни седьмой, ни восьмой, ни девятой.

А выдержав паузу, приступить непосредственно к десятой, и точно так же, как девятую симфонию Антонина Дворжака, фактически девятую, условно называют пятой, точно так же и вы:

условно назовите десятой свою шестую и будьте уверены: теперь вы будете уже беспрепятственно мужать и мужать, от самой шестой (десятой) и до самой двадцать восьмой (тридцать второй) — то есть мужать до того предела, за которым следуют безумие и свинство.

Нет, честное слово, я презираю поколение, идущее вслед за нами. Оно внушает мне отвращение и ужас. Максим Горький песен о них не споет, нечего и думать. Я не говорю, что мы в их годы волокли с собою целый груз святынь. Боже упаси! — святынь у нас было совсем чуть-чуть, но зато сколько вещей, на которые нам было не наплевать. А вот им — на все наплевать.

Почему бы им не заняться вот чем: я в их годы пил с большими антрактами; попью-попью — перестану, попью-попью — опять перестану. Я не вправе судить поэтому, одушевленнее ли утренняя депрессия, если делается ежедневной привычкой, то есть если с шестнадцати лет пить каждый день по четыреста пятьдесят грамм в семь часов пополудни. Конечно, если бы мне вернуть мои годы и начать жизнь сначала, я, конечно, попробовал бы, — но ведь они-то! они!..

Да только ли это! А сколько неизвестности таят в себе другие сферы человеческой жизни! Вот

представьте себе, к примеру, один день с утра до вечера вы пьете исключительно белую водку и ничего больше; а на другой день — исключительно красные вина. В первый день вы к полуночи становитесь как одержимый. Вы к полуночи такой пламенный, что через вас девушки могут прыгать в ночь на Ивана Купала. Вы, как костер, — сидите, а они через вас прыгают. И, ясное дело, они все-таки допрыгаются, если вы с утра до ночи пили исключительно белую водку.

А если вы с утра до ночи пили только крепленые красные вина? Да девушки через вас и прыгать не станут в ночь на Ивана Купала. Даже наоборот: сядет девушка в ночь на Ивана Купала, а вы через нее и перепрыгнуть не сумеете, не то что другое чего. Конечно, при условии, что вы с утра до вечера пили только красное!..

Да, да! А сколько захватывающего сулят эксперименты в узкоспециальных областях! Ну, например, икота. Мой глупый земляк Солоухин зовет вас в лес соленые рыжики собирать. Да плюньте вы ему в его соленые рыжики! Давайте лучше займитесь икотой, то есть исследованием пьяной икоты в ее математическом аспекте…

— Помилуйте! — кричат мне со всех сторон. — Да неужели же на свете, кроме этого, нет ничего

такого, что могло бы…

— Вот именно: нет! — кричу я во все стороны. — Нет ничего, кроме этого! Нет ничего такого, что могло бы! Я не дурак, я понимаю, есть еще на свете психиатрия, есть внегалактическая астрономия, все это так!

Но ведь все это — не наше, все это нам навязали Петр Великий и Николай Кибальчич, а ведь наше призвание совсем не здесь, наше призвание совсем в другой стороне! В той самой стороне, куда я вас приведу, если вы не станете упираться. Вы скажете: «Призвание это гнусно и ложно». А я вам скажу, я вам снова повторю: «Нет ложных призваний, надо уважать всякое призвание».

И тьфу на вас, наконец! Лучше оставьте янкам внегалактическую астрономию, а немцам — психиатрию. Пусть всякая сволота вроде испанцев идет на свою корриду глядеть, пусть подлец-африканец строит свою Асуанскую плотину, пусть строит, подлец, все равно ее ветром сдует, пусть подавится Италия своим дурацким бельканто, пусть!..

А мы, повторяю, займемся икотой.

33-й километр – Электроугли

Для того чтоб начать ее исследование, надо, разумеется, ее вызвать: или an sich (термин Иммануила Канта), то есть вызвать ее в себе самом, — или же вызвать ее в другом, но в собственных интересах, то есть für sich. Термин Иммануила Канта. Лучше всего, конечно, и an sich и für sich, а именно вот как: два часа подряд пейте что-нибудь крепкое: старку, или зверобой, или охотничью. Пейте большими стаканами, через полчаса по стакану, по возможности избегая всяких закусок. Если это кому-нибудь трудно, можно позволить себе минимум закуски, но самой неприхотливой: не очень свежий хлеб, кильку пряного посола, кильку простого посола, кильку в томате.

А потом — сделайте часовой перерыв. Ничего не ешьте, ничего не пейте; расслабьте мышцы и не напрягайтесь.

И вы убедитесь сами: к исходу этого часа она начнется. Когда вы икнете в первый раз, вас удивит внезапность е е начала: потом вас удивит неотвратимость второго раза, третьего раза et cetera. Но если вы не дурак, скорее перестаньте

удивляться и займитесь делом: записывайте на бумаге, в каких интервалах ваша икота удостаивает вас быть — в секундах, конечно:

— восемь — тринадцать — семь — три — восемнадцать.

Попробуйте, конечно, отыскать здесь хоть какую-нибудь периодичность, хоть самую приблизительную, попробуйте, если вы все-таки дурак, попытайтесь вывести какую-нибудь вздорную формулу, чтобы хоть как-то предсказать длительность следующего интервала. Пожалуйста. Жизнь все равно опрокинет все ваши телячьи построения:

— семнадцать — три — четыре — семнадцать — один — двадцать три — четыре — семь — семь — семь — восемнадцать —

Говорят, вожди мирового пролетариата, Карл Маркс и Фридрих Энгельс, тщательно изучили смену общественных формаций и на этом основании сумели многое предвидеть. Но тут они были бы бессильны предвидеть хоть самое малое. Вы вступили, по собственной прихоти, в сферу фатального — смиритесь и будьте терпеливы. Жизнь посрамит и вашу элементарную, и вашу высшую математику:

— тринадцать — пятнадцать — четыре — две-

надцать — четыре — пять — двадцать восемь —

Не так ли в смене подъемов и падений, восторгов и бед каждого отдельного человека — нет ни малейшего намека на регулярность? Не так ли беспорядочно чередуются в жизни человечества его катастрофы? Закон — он выше всех нас. Икота — выше всякого закона. И как поразила вас недавно внезапность ее начала, так поразит вас ее конец, который вы, как смерть, не предскажете и не предотвратите:

— двадцать две — четырнадцать — все. И тишина.

И в этой тишине ваше сердце вам говорит: она неисследима, а мы — беспомощны. Мы начисто лишены всякой свободы воли, мы во власти произвола, которому нет имени и спасения от которого — тоже нет.

Мы — дрожащие твари, а она — всесильна. Она, то есть Божья Десница, которая над всеми нами занесена и пред которой не хотят склонить головы одни кретины и проходимцы. Он непостижим уму, а следовательно, Он есть.

Итак, будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный.

Электроугли – 43-й километр

Да. Больше пейте, меньше закусывайте. Это лучшее средство от самомнения и поверхностного атеизма. Взгляните на икающего безбожника: он рассредоточен и темнолик, он мучается и он безобразен. Отвернитесь от него, сплюньте и взгляните на меня, когда я стану икать. Верящий в предопределение и ни о каком противоборстве не помышляющий, я верю в то, что Он благ, и сам я поэтому благ и светел.

Он благ. Он ведет меня от страданий — к свету. От Москвы — к Петушкам. Через муки на Курском вокзале, через очищение в Кучине, через грезы в Купавне — к свету и Петушкам. Durch Leiden — Licht!

Я заходил по площадке в еще более страшном волнении. И все курил, и все курил. И тут яркая мысль, как молния, поразила мой мозг:

— Что мне выпить еще, чтобы и этого порыва — не угасить? Что мне выпить во Имя Твое?..

Беда! Нет у меня ничего такого, что было бы Тебя достойно. Кубанская — это такое дерьмо! А российская — смешно при Тебе и говорить о российской. И розовое крепкое за рупь тридцать

семь! Боже!..

Нет, если я сегодня доберусь до Петушков — невредимый, — я создам коктейль, который можно было бы без стыда пить в присутствии Бога и людей. В присутствии людей и во имя Бога. Я назову его «Иорданские струи» или «Звезда Вифлеема». Если в Петушках я об этом забуду — напомните мне, пожалуйста.

Не смейтесь. У меня богатый опыт в создании коктейлей. По всей земле, от Москвы до Петушков, пьют эти коктейли до сих пор, не зная имени автора: пьют «Ханаанский бальзам», пьют «Слезу комсомолки», и правильно делают, что пьют. Мы не можем ждать милостей от природы. А чтобы взять их у нее, надо, разумеется, знать их точные рецепты: я, если вы хотите, дам вам эти рецепты. Слушайте.

Пить просто водку, даже из горлышка, — в этом нет ничего, кроме томления духа и суеты. Смешать водку с одеколоном — в этом есть известный каприз, но нет никакого пафоса. А вот выпить стакан «Ханаанского бальзама» — в этом есть и каприз, и идея, и пафос, и сверх того еще метафизический намек.

Какой компонент «Ханаанского бальзама» мы ценим превыше всего? Ну конечно, денатурат.

Но ведь денатурат, будучи только объектом вдохновения, сам этого вдохновения начисто лишен. Что же, в таком случае, мы ценим в денатурате превыше всего? Ну конечно: голое вкусовое ощущение. А еще превыше тот миазм, который он источает. Чтобы этот миазм оттенить, нужна хоть крупица благоухания. По этой причине в денатурат вливают в пропорции 1 : 2 : 1 бархатное пиво, лучше всего останкинское или сенатор, и очищенную политуру.

Не буду вам напоминать, как очищается политура. Это всякий младенец знает. Почему-то никто в России не знает, отчего умер Пушкин, а как очищается политура — это всякий знает.

Короче, записывайте рецепт «Ханаанского бальзама». Жизнь дается человеку один раз, и прожить ее надо так, чтобы не ошибиться в рецептах:

Денатурат — 100 г.
Бархатное пиво — 200 г.
Политура очищенная — 100 г.

Итак, перед вами «Ханаанский бальзам» (его в просторечье называют «чернобуркой») — жидкость в самом деле черно-бурого цвета, с умеренной крепостью и стойким ароматом. Это

даже не аромат, а гимн. Гимн демократической молодежи. Именно так, потому что в выпившем этот коктейль вызревают вульгарность и темные силы. Я сколько раз наблюдал!..

А чтобы вызревание этих темных сил хоть как-то предотвратить, есть два средства. Во-первых, не пить «Ханаанский бальзам», а во-вторых, пить взамен его коктейль «Дух Женевы».

В нем, в этом «Духе Женевы», нет ни капли благородства, но есть букет. Вы спросите меня: в чем загадка этого букета? Я вам отвечу: не знаю, в чем загадка этого букета. Тогда вы подумаете и спросите: а в чем же разгадка? А в том разгадка, что «Белую сирень», составную часть «Духа Женевы», не следует ничем заменять, ни жасмином, ни шипром, ни ландышем. «В мире компонентов нет эквивалентов», как говорили старые алхимики, а они-то знали, что говорили. То есть «Ландыш серебристый» — это вам не «Белая сирень», даже в нравственном аспекте, не говоря уже о букетах.

«Ландыш», например, будоражит ум, тревожит совесть, укрепляет правосознание. А «Белая сирень» — напротив того, успокаивает совесть и примиряет человека с язвами жизни…

У меня было так: я выпил целый флакон «Серебристого ландыша», сижу и плачу. Почему я плачу?

Потому что маму вспомнил, то есть вспомнил и не могу забыть свою маму. «Мама», — говорю. И плачу. А потом опять: «Мама», — говорю, и снова плачу. Другой бы, кто поглупее, так бы сидел и плакал. А я? Взял флакон «Сирени» — и выпил. И что же вы думаете? Слезы обсохли, дурацкий смех одолел, а маму так даже и забыл, как звать по имени-отчеству.

И как мне смешон поэтому тот, кто, приготовляя «Дух Женевы», в средство от потливости ног добавляет «Ландыш серебристый»! Слушайте точный рецепт:

Белая сирень — 50 г.
Средство от потливости ног — 50 г.
Пиво жигулевское — 200 г.
Лак спиртовой — 150 г.

Но если человек не хочет зря топтать мироздание, пусть он пошлет к свиньям и «Ханаанский бальзам», и «Дух Женевы». А лучше пусть он сядет за стол и приготовит себе «Слезу комсомолки». Пахуч и странен этот коктейль. Почему пахуч, вы узнаете потом. Я вначале объясню, чем он странен.

Пьющий просто водку сохраняет и здравый ум, и твердую память или, наоборот, — теряет разом

и то, и другое. А в случае со «Слезой комсомолки» просто смешно: выпьешь ее сто грамм, этой слезы, — память твердая, а здравого ума как не бывало. Выпьешь еще сто грамм — и сам себе удивляешься: откуда взялось столько здравого ума? и куда девалась вся твердая память?

Даже сам рецепт «Слезы» благовонен. А от готового коктейля, от его пахучести, можно на минуту лишиться чувств и сознания. Я, например, — лишался.

Лаванда — 15 г.
Вербена — 15 г.
Одеколон «Лесная вода» — 30 г.
Лак для ногтей — 2 г.
Зубной эликсир — 150 г.
Лимонад — 150 г.

Приготовленную таким образом смесь надо двадцать минут помешивать веткой жимолости. Иные, правда, утверждают, что в случае необходимости можно жимолость заменить повиликой. Это неверно и преступно. Режьте меня вдоль и поперек — но вы меня не заставите помешивать повиликой «Слезу комсомолки», я буду помешивать ее жимолостью. Я просто разрываюсь на части от смеха, когда при мне помешивают

«Слезу» не жимолостью, а повиликой…

Но о «Слезе» довольно. Теперь я предлагаю вам последнее и наилучшее. «Венец трудов, превыше всех наград», как сказал поэт. Короче, я предлагаю вам коктейль «Сучий потрох», напиток, затмевающий все. Это уже не напиток — это музыка сфер. Что самое прекрасное в мире? — борьба за освобождение человечества. А еще прекраснее вот что (записывайте):

Пиво жигулевское — 100 г.
Шампунь «Садко — богатый гость» — 30 г.
Резоль для очистки волос от перхоти — 70 г.
Клей БФ — 15 г.
Тормозная жидкость — 30 г.
Дезинсекталь для уничтожения мелких насекомых — 30 г.

Все это неделю настаивается на табаке сигарных сортов — и подается к столу…

Мне приходили письма, кстати, в которых досужие читатели рекомендовали еще вот что: полученный таким образом настой еще откидывать на дуршлаг. То есть — на дуршлаг откинуть и спать ложиться… Это уже черт знает что такое, и все эти дополнения и поправки — от дряблости воображения, от недостатка полета мысли; вот

откуда эти нелепые поправки…

Итак, «Сучий потрох» подан на стол. Пейте его с появлением первой звезды, большими глотками. Уже после двух бокалов этого коктейля человек становится настолько одухотворенным, что можно подойти и целых полчаса с расстояния полутора метров плевать ему в харю, и он ничего тебе не скажет.

43-й километр – Храпуново

Вы хоть что-нибудь записать успели? Ну вот, пока и довольно с вас… А в Петушках — в Петушках я обещаю поделиться с вами секретом «Иорданских струй», если доберусь живым; если милостив Бог.

А теперь давайте подумаем с вами вместе: что бы мне сейчас выпить? Какую комбинацию я могу создать из этой вшивоты, что осталась в моем чемоданчике? «Поцелуй тети Клавы»? Пожалуй что да. Из моего чемоданчика никаких других «Поцелуев» не выжмешь, кроме «Первого поцелуя» и «Поцелуя тети Клавы». Объяснить вам, что значит «Поцелуй»? А «Поцелуй» значит: смешанное в пропорции пополам-напополам любое красное вино с любою водкою. Допустим: сухое виноградное вино плюс перцовка или кубанская — это «Первый поцелуй». Смесь самогона с 33-м портвейном — это «Поцелуй, насильно данный», или, проще, «Поцелуй без любви», или, еще проще, «Инесса Арманд». Да мало ли разных «Поцелуев»! Чтобы не так тошнило от всех этих «Поцелуев», к ним надо привыкнуть с детства.

У меня в чемоданчике есть кубанская. Но нет

сухого виноградного вина. Значит, и «Первый поцелуй» исключен для меня, я могу только грезить о нем. Но — у меня в чемоданчике есть полторы четвертинки российской и розовое крепкое за рупь тридцать семь. А их совокупность и дает нам «Поцелуй тети Клавы». Согласен с вами: он невзрачен по вкусовым качествам, он в высшей степени тошнотворен, им уместнее поливать фикус, чем пить его из горлышка, — согласен, но что же делать, если нет сухого вина, если нет даже фикуса? Приходится пить «Поцелуй тети Клавы».

Я пошел в вагон, чтобы слить мое дерьмо в «Поцелуй». О, как давно я здесь не был! С тех пор, как вышел в Никольском…

На меня, как и в прошлый раз, глядела десятками глаз, больших, на все готовых, выползающих из орбит, — глядела мне в глаза моя родина, выползшая из орбит, на все готовая, большая. Тогда, после ста пятидесяти грамм российской, мне нравились эти глаза. Теперь, после пятисот кубанской, я был влюблен в эти глаза, влюблен, как безумец. Я чуть покачнулся, входя в вагон, — но прошел к своей лавочке совершенно независимо и на всякий случай чуть-чуть улыбаясь…

Подошел — и остолбенел. Где моя четвертинка

российской? Та самая четвертинка, которую я у Серпа и Молота только ополовинил? От самого Серпа и Молота она стояла у чемоданчика, в ней оставалось почти сто грамм — где же она теперь?

Я обвел глазами всех — ни один не сморгнул. Нет, я положительно влюблен и безумец. Когда отлетели ангелы? Они ведь все-таки следили за чемоданчиком, если я отлучался, — когда они от меня отлетели? В районе Кучино? Так. Значит, украли между Кучино и 43-м километром. Пока я делился с вами восторгом моего чувства, пока посвящал вас в тайны бытия, — меня тем временем лишали «Поцелуя тети Клавы»... В простоте душевной я ни разу не заглянул в вагон все это время — прямо комедия... Но теперь — «довольно простоты», как сказал драматург Островский. И — финита ля комедиа. Не всякая простота — святая. И не всякая комедия — божественная... Довольно в мутной воде рыбку ловить — пора ловить человеков!..

Но как ловить и кого ловить?..

Черт знает, в каком жанре я доеду до Петушков... От самой Москвы все были философские эссе и мемуары, все были стихотворения в прозе, как у Ивана Тургенева... Теперь начинается

детективная повесть… Я заглянул внутрь чемоданчика: все ли там на месте? Там все было на месте. Но где же эти сто грамм? и кого ловить?..

Я взглянул вправо: там все до сих пор сидят эти двое, тупой-тупой и умный-умный. Тупой в телогрейке уже давно закосел и спит. А умный в коверкотовом пальто сидит напротив тупого и будит его. И как-то по-живодерски будит: берет его за пуговицу и до отказа подтаскивает к себе, как бы натягивая тетиву, — а потом отпускает: и тупой-тупой в телогрейке летит на прежнее место, вонзаясь в спинку лавочки, как в сердце тупая стрела Амура…

«Транс-цен-ден-тально»… — подумал я. — И давно это он его так?.. Нет, эти двое украсть не могли. Один из них, правда, в телогрейке, а другой не спит, — значит, оба, в принципе, могли бы украсть. Но ведь один-то спит, а другой в коверкотовом пальто, — значит, ни тот, ни другой украсть не могли…

Я глянул назад — нет, там тоже нет ничего такого, что могло бы натолкнуть на мысль. Двое, правда, наталкивают на мысль, но совсем не на ту. Очень странные люди эти двое: он и она. Они сидят по разным сторонам вагона, у противоположных окон, и явно незнакомы друг с другом.

Но при всем том — до странности похожи: он в жакетке, и она — в жакетке; он в коричневом берете и при усах, и она — при усах и в коричневом берете…

Я протер глаза и еще раз посмотрел назад… Удивительная похожесть, и оба то и дело рассматривают друг дружку с интересом и гневом… Ясное дело, они не могли украсть.

А впереди? Я глянул вперед.

И впереди то же самое, странных только двое: дедушка и внучек. Внучек на две головы длиннее дедушки и от рождения слабоумен. Дедушка — на две головы короче, но слабоумен тоже. Оба глядят мне прямо в глаза и облизываются…

«Подозрительно», — подумал я. Отчего бы это им облизываться? Все ведь тоже глядят мне в глаза, но ведь никто не облизывается! Очень подозрительно… Я стал рассматривать их так же пристально, как они меня.

Нет, внучек — совершенный кретин. У него и шея-то не как у всех, у него шея не врастает в торс, а как-то вырастает из него, вздымаясь к затылку вместе с ключицами. И дышит он как-то идиотически: вначале у него выдох, а потом вдох, тогда как у всех людей наоборот: сначала вдох, а уж потом выдох. И смотрит на меня, смотрит,

разинув глаза и сощурив рот…

А дедушка — тот смотрит еще напряженнее, смотрит, как в дуло орудия. И такими синими, такими разбухшими глазами, что из обоих этих глаз, как из двух утопленников, влага течет ему прямо на сапоги. И весь он, как приговоренный к высшей мере, и на лысой голове его мертво. И вся физиономия — в оспинах, как расстрелянная в упор. А посередке расстрелянной физии — распухший и посиневший нос, висит и качается, как старый удавленник…

«Очччень подозрительно», — подумал я еще раз. И, привстав на месте, поманил их пальцем к себе.

Оба вскочили немедленно и бросились ко мне, не переставая облизываться. «Это тоже странно, — подумал я, — они вскочили даже, по-моему, чуть раньше, чем я их поманил»…

Я пригласил их сесть напротив себя.

Оба сели, в упор рассматривая мой чемоданчик. Внучек сел как-то странно. Мы все садимся на задницу, а этот сел как-то странно: избоченясь, на левое ребро, и как бы предлагая одну свою ногу мне, а другую — дедушке.

— Как звать тебя, папаша, и куда ты едешь?

Храпуново – Есино

— Митричем меня звать. А это мой внучек, он тоже Митрич… Едем в Орехово, в парк… в карусели покататься…

А внучек добавил:

— И-и-и-и-и…

Необычен был этот звук, и чертовски обидно, что я не могу его как следует передать. Он не говорил, а верещал. И говорил не ртом, потому что рот его был вечно сощурен и начинался откуда-то сзади. А говорил он левой ноздрей, и то с таким усилием, как будто левую ноздрю приподымал правой: «И-и-и-и, как мы быстро едем в Петушки, славные Петушки»… «И-и-и, какой пьяный дедушка, хороший дедушка»…

— Тта-а-ак. Значит, говоришь, в карусели?..

— В карусели.

— А может, все-таки, не в карусели?..

— В карусели, — еще раз подтвердил Митрич, и все тем же приговоренным голосом, и влага из глаз его все текла…

— А скажи мне, Митрич, а что ты тут делал, пока я в тамбуре был? пока я в тамбуре был погружен в свои мысли? в свои мысли о своем чувстве?

к любимой женщине? А? Скажи…

Митрич, не шелохнувшись, весь как-то забегал.

— Я… нничего. Я просто хотел компоту покушать… Компоту с белым хлебом…

— Компоту с белым хлебом?

— Компоту. С белым хлебом.

— Прекрасно. Значит, так: я стою на площадке и весь погружен в мысли о чувстве. А вы, между тем, ищете у меня на лавочке: нет ли тут компоту с белым хлебом?.. А не найдя компоту…

Дедушка — первый не вынес, и весь расплакался. А следом за ним и внучек: верхняя губа у него совсем куда-то пропала, а нижняя свесилась до пупа, как волосы у пианиста… Оба плакали…

— Я вас понимаю, да. Я все могу понять, если захочу простить… У меня душа, как у троянского коня пузо, многое вместит. Я все прощу, если захочу понять. А я — понимаю: вы просто хотите компота и белого хлеба. Но у меня на лавочке вы не находите ни того, ни другого. И вы просто вынуждены выпить хотя бы то, что вы находите, — взамен того, чего вы хотите…

Я их раздавил своими уликами, они закрыли лицо, оба, и покаянно раскачивались на лавке, в такт моим обвинениям.

— Вы мне напоминаете одного старичка в Петушках. Он — тоже, он пил на чужбинку, он пил только краденое: утащит, например, в аптеке флакон тройного одеколона, пойдет в туалет у вокзала и там тихонько выпьет. Он называл это «пить на брудершафт», он был серьезно убежден, что это и есть «пить на брудершафт», он так и умер в своем заблуждении… Так что же? Значит, и вы решили — на брудершафт?..

Они все раскачивались и плакали, а внучек — тот даже заморгал от горя, всеми своими подмышками…

— Но — довольно слез. Я если захочу понять, то все вмещу. У меня не голова, а дом терпимости. Если вы хотите, я могу угостить еще. Вы уже по пятьдесят грамм выпили — я могу налить вам еще по пятьдесят грамм…

В эту минуту кто-то подошел к нам сзади и сказал:

— Я тоже хочу с вами выпить.

Все разом на него поглядели. То был черноусый, в жакетке и в коричневом берете.

— И-и-и-и, — заверещал молодой Митрич, — какой дяденька, какой хитрый дяденька…

Черноусый оборвал его, взглядом из-под усов:

— Я никакой не хитрый. Я не ворую, как некото-

рые. Я не ворую у незнакомых людей предметов первой необходимости. Я пришел со своей — вот…

И он поставил мне на лавочку бутылку столичной.

— От моей не откажетесь? — спросил он меня. Я потеснился, чтобы дать ему место.

— Нет, потом, пожалуй, и не откажусь, а пока хочу свое. «Поцелуй тети Клавы».

— Тети Клавы?

— Тети Клавы.

Мы налили себе, каждый свое. Дед и внук протянули мне свою посуду: они, оказывается, давно держали ее наготове, задолго до того, как я их поманил. Дед вынул пустую четвертинку, я сразу ее признал. А внучек — тот вынул даже целый ковш, и вынул откуда-то из-под лобка и диафрагмы…

Я налил им, сколько обещал, и они улыбались.

— На брудершафт, ребятишки?

— На брудершафт.

Все пили, запрокинув головы, как пианисты… «Наш поезд на станции Есино — не останавливается. Остановки по всем пунктам — кроме Есино».

Есино – Фрязево

Началось шелестенье и чмоканье. Как будто тот пианист, который все пил, — теперь уже все выпил и, утонув в волосах, заиграл этюд Ференца Листа «Шум леса», до диез минор.

Первым заговорил черноусый в жакетке. И почему-то обращался единственно только ко мне:

— Я прочитал у Ивана Бунина, что рыжие люди, если выпьют, — обязательно покраснеют…

— Ну так что же?

— Как, то есть, «что же»? А Куприн и Максим Горький — так те вообще не просыпались!..

— Прекрасно. Ну, а дальше?

— Как, то есть «ну, а дальше»? Последние, предсмертные слова Антона Чехова какие были? Он сказал: «Ихь штербе», то есть «я умираю». А потом добавил: «Налейте мне шампанского». И уж тогда только — умер.

— Так-так?..

— А Фридрих Шиллер — тот не только умереть, тот даже жить не мог без шампанского. Он знаете как писал? Опустит ноги в ледяную ванну, нальет шампанского — и пишет. Пропустит один бокал — готов целый акт трагедии. Пропустит пять

бокалов — готова целая трагедия в пяти актах.

— Так-так-так… Ну, и…

Он кидал в меня мысли, как триумфатор червонцы, а я едва-едва успевал их подбирать. «Ну, и…»

— Ну, и Николай Гоголь…

— Что Николай Гоголь?..

— Он всегда, когда бывал у Аксаковых, просил ставить ему на стол особый, розовый бокал…

— И пил из розового бокала?

— Да. И пил из розового бокала.

— А что пил?

— А кто его знает!.. Ну, что можно пить из розового бокала? Ну, конечно, водку…

И я, и оба Митрича с интересом за ним следили. А он, черноусый, так и смеялся, в предвкушении новых триумфов…

— А Модест-то Мусоргский! Бог ты мой, а Модест-то Мусоргский! Вы знаете, как он писал свою бессмертную оперу «Хованщина»? Это смех и горе. Модест Мусоргский лежит в канаве с перепою, а мимо проходит Николай Римский-Корсаков, в смокинге и с бамбуковой тростью. Остановится Николай Римский-Корсаков, пощекочет Модеста своей тростью и говорит: «Вставай! Иди умойся и садись дописывать свою божественную оперу

„Хованщина“!»

И вот они сидят — Николай Римский-Корсаков в креслах сидит, закинув ногу за ногу, с цилиндром на отлете. А напротив него — Модест Мусоргский, весь томный, весь небритый — пригнувшись на лавочке, потеет и пишет ноты. Модест на лавочке похмелиться хочет: что ему ноты! А Николай Римский-Корсаков с цилиндром на отлете похмелиться не дает…

Но уж как только затворяется дверь за Римским-Корсаковым — бросает Модест свою бессмертную оперу «Хованщина» и — бух! в канаву. А потом встанет — и опять похмеляться, и опять — бух!.. А между прочим, социал-демократы…

— Начитанный, чччерт! — в восторге прервал его старый Митрич, а молодой, от чрезмерного внимания, вобрал в себя все волосы и заиндевел…

— Да, да! Я очень люблю читать! В мире столько прекрасных книг! — продолжал человек в жакетке. — Я, например, пью месяц, пью другой, а потом возьму и прочитаю какую-нибудь книжку, и так хороша покажется мне эта книжка, и так дурен кажусь я сам себе, что я совсем расстраиваюсь и не могу читать, бросаю книжку и начинаю пить: пью месяц, пью другой, а потом…

— Погоди, — тут уж я его прервал, — погоди. Так что же социал-демократы?

— Какие социал-демократы? Разве только социал-демократы? Все ценные люди России, все нужные ей люди — все пили, как свиньи. А лишние, бестолковые — нет, не пили. Евгений Онегин в гостях у Лариных и выпил-то всего-навсего брусничной воды, и то его понос пробрал. А честные современники Онегина «между лафитом и клико» (заметьте: «между лафитом и клико»!) тем временем рождали «мятежную науку» и декабризм… А когда они наконец разбудили Герцена…

— Как же! Разбудишь его, вашего Герцена! — рявкнул кто-то с правой стороны. Мы все вздрогнули и повернулись направо. Это рявкал Амур в коверкотовом пальто. — Ему еще в Храпунове надо было выходить, этому Герцену, а он все едет, собака…

Все, кто мог смеяться, — все рассмеялись: «Да оставь ты его в покое, черт, декабрист хуев!» «Уши ему потри, уши!» «Какая разница — в Храпуново ехать или в Петушки! Может, человеку захотелось в Петушки, а ты его гонишь в Храпуново!» Все вокруг незаметно косели, незаметно и радостно косели, незаметно и безобразно… И я — вместе с ними… Я повернулся к жакетке и черным усам:

— Ну допустим, ну разбудили они Александра Герцена, при чем же тут демократы и «Хованщина» и…

— А вот и притом! С этого и началось все главное — сивуха началась вместо клико! разночинство началось, дебош и хованщина! Все эти Успенские, все эти Помяловские — они без стакана не могли написать ни строки! Я читал, я знаю! Отчаянно пили! все честные люди России! а отчего они пили? — с отчаяния пили! пили оттого, что честны, оттого, что не в силах были облегчить участь народа! Народ задыхался в нищете и невежестве, почитайте-ка Дмитрия Писарева! Он так и пишет: «Народ не может позволить себе говядину, а водка дешевле говядины, оттого и пьет русский мужик, от нищеты своей пьет! Книжку он себе позволить не может, потому что на базаре ни Гоголя, ни Белинского, а одна только водка, и монопольная, и всякая, и в разлив, и навынос! Оттого он и пьет, от невежества своего пьет!»

Ну как тут не прийти в отчаяние, как не писать о мужике, как не спасать его, как от отчаяния не запить! Социал-демократ — пишет и пьет, и пьет, как пишет. А мужик — не читает и пьет, пьет, не читая. Тогда Успенский встает — и вешается, а Помяловский ложится под лавку в трактире

— и подыхает, а Гаршин встает — и с перепою бросается через перила…

Черноусый уже вскочил, и снял берет, и жестикулировал, как бешеный, — все выпитое подстегивало его и ударяло в голову, все ударяло и ударяло… Декабрист в коверкотовом пальто — и тот бросил своего Герцена, подсел к нам ближе и воздел к оратору мутные, сырые глаза…

— И вы смотрите, что получается! Мрак невежества все сгущается, и обнищание растет абсолютно! Вы Маркса читали? Абсолютно! Другими словами, пьют все больше и больше! Пропорционально возрастает отчаяние социал-демократа, тут уже не лафит, не клико, те еще как-то добудились Герцена! А теперь — вся мыслящая Россия, тоскуя о мужике, пьет не просыпаясь! Бей во все колокола, по всему Лондону — никто в России головы не поднимет, все в блевотине и всем тяжело!..

И так — до наших времен! вплоть до наших времен! Этот круг, порочный круг бытия — он душит меня за горло! И стоит мне прочесть хорошую книжку — я никак не могу разобраться, кто отчего пьет: низы, глядя вверх, или верхи, глядя вниз. И я уже не могу, я бросаю книжку. Пью месяц, пью другой, а потом…

— Стоп! — прервал его декабрист. — А разве нельзя не пить? Взять себя в руки — и не пить? Вот тайный советник Гёте, например, совсем не пил.

— Не пил? Совсем? — черноусый даже привстал и надел берет. — Не может этого быть!

— А вот и может. Сумел человек взять себя в руки — и ни грамма не пил…

— Вы имеете в виду Иоганна фон Гёте?

— Да. Я имею в виду Иоганна фон Гёте, который ни грамма не пил.

— Странно… А если б Фридрих Шиллер поднес бы ему?.. бокал шампанского?

— Все равно бы не стал. Взял бы себя в руки — и не стал. Сказал бы: не пью ни грамма.

Черноусый поник и затосковал. На глазах у публики рушилась вся его система, такая стройная система, сотканная из пылких и блестящих натяжек. «Помоги ему, Ерофеев, — шепнул я сам себе, — помоги человеку. Ляпни какую-нибудь аллегорию или…»

— Так вы говорите: тайный советник Гёте не пил ни грамма? — я повернулся к декабристу. — А почему он не пил, вы знаете? Что его заставляло не пить? Все честные умы пили, а он — не пил? Почему? Вот мы сейчас едем в Петушки и почему-то везде остановки, кроме Есино. Почему

бы им не остановиться и в Есино? Так вот нет же, проперли без остановки. А все потому, что в Есино нет пассажиров, они все садятся или в Храпунове, или во Фрязеве. Да. Идут от самого Есина до самого Храпунова или до самого Фрязева — и там садятся. Потому что все равно ведь поезд в Есино прочешет без остановки. Вот так поступал и Иоганн фон Гёте, старый дурак. Думаете, ему не хотелось выпить? Конечно, хотелось. Так он, чтобы самому не скопытиться, вместо себя заставлял пить всех своих персонажей. Возьмите хоть «Фауста»: кто там не пьет? все пьют. Фауст пьет и молодеет, Зибель пьет и лезет на Фауста, Мефистофель только и делает, что пьет и угощает буршей и поет им «Блоху». Вы спросите: для чего это нужно было тайному советнику Гёте? Так я вам скажу: а для чего он заставил Вертера пустить себе пулю в лоб? Потому что — есть свидетельство — он сам был на грани самоубийства, но чтоб отделаться от искушения, заставил Вертера сделать это вместо себя. Вы понимаете? Он остался жить, но как бы покончил с собой. И был вполне удовлетворен. Это даже хуже прямого самоубийства, в этом больше трусости и эгоизма, и творческой низости…

Вот так же он и пил, как стрелялся, ваш тайный

советник. Мефистофель выпьет — а ему хорошо, старому псу. Фауст добавит — а он, старый хрен, уже лыка не вяжет. Со мною на трассе дядя Коля работал — тот тоже: сам не пьет, боится, что чуть выпьет — и сорвется, загудит на неделю, на месяц. А нас — так прямо чуть не принуждал. Разливает нам, крякает за нас, блаженствует, гад, ходит, как обалделый…

Вот так и ваш хваленый Иоганн фон Гёте! Шиллер ему подносит, а он отказывается — еще бы! Алкоголик он был, алкаш он был, ваш тайный советник Иоганн фон Гёте! И руки у него как бы тряслись!..

— Вот это да-а-а… — восторженно разглядывали меня и декабрист, и черноусый. Стройная система была восстановлена, и вместе с ней восстановилось веселье. Декабрист — широким жестом — вытащил из коверкотового пальто бутылку перцовой и поставил ее у ног черноусого. Черноусый вынул свою столичную. Все потирали руки — до странности возбужденно…

Мне налили — больше всех. Старому Митричу — тоже налили. Молодому тоже подали стакан — он радостно прижал его к левому соску правым бедром, и из обеих ноздрей его хлынули слезы…

— Итак, за здоровье тайного советника Иоганна

фон Гёте?

— Да. За здоровье тайного советника Иоганна фон Гёте.

Я, как только выпил, почувствовал, что пьянею сверх всякой меры и что все остальные — тоже…

— А… разрешите вам задать один пустяшный вопрос, — сказал черноусый сквозь усы и сквозь бутерброд в усах: он опять обращался только ко мне. — Разрешите спросить: отчего это в глазах у вас столько грусти?.. Разве можно грустить, имея такие познания! Можно подумать — вы с утра ничего не пили!

Я даже обиделся:

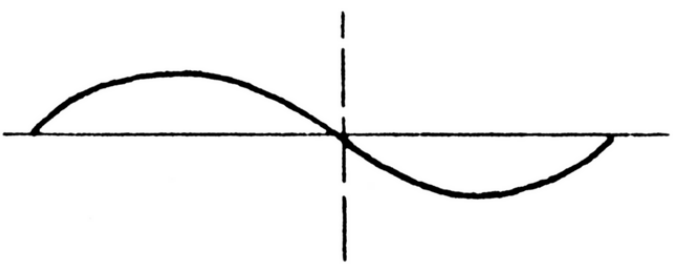
— Как, то есть, ничего! И разве это грусть? Это просто замутненность глаз… Я просто немного поддал…

— Нет, нет, эта замутненность — от грусти! Вы как Гёте! Вы всем вашим видом опровергаете одну из моих лемм, несколько умозрительную лемму, но все же выросшую из опыта! Вы, как Гёте, все опровергаете…

— Да чем же я опровергаю? Своей замутненностью?..

— Именно! Своей замутненностью! Вот по-

слушайте, в чем моя заветная лемма: когда мы вечером пьем, а утром не пьем, какими мы бываем вечером и какими становимся наутро? Я, например, если выпью — я весел чертовски, я подвижен и неистов, я места себе не нахожу, да. А наутро? — наутро я не просто невесел, не просто неподвижен, нет. Я ровно настолько же мрачнее обычного себя, трезвого себя, насколько веселее обычного был накануне. Если я накануне одержим был Эросом, то мое утреннее отвращение в точности равновелико вчерашним грезам. Что я хочу сказать? а вот, смотрите:



И черноусый изобразил на бумажке такую вот

хреновину. И объяснил: горизонтальная линия — это линия обычной трезвости, повседневная линия. Наивысшая точка кривой — момент засыпания, наинизшая — пробуждения с похмелья…

— Видите! Это же голая зеркальность! Глупая, глупая природа, ни о чем она не заботится так рьяно, как о равновесии! Не знаю, нравственна ли это забота, но она строго геометрична! Смотрите: ведь эта кривая изображает нам не один только жизненный тонус, нет! Она все изображает. Вечером — бесстрашие, даже если и есть причина бояться, бесстрашие и недооценка всех ценностей. Утром — переоценка всех этих ценностей, переоценка, переходящая в страх, совершенно беспричинный.

Если с вечера, спьяна природа нам «передала», то наутро она столько же и недодаст, с математической точностью. Был у вас вечером порыв к идеалу — пожалуйста, с похмелья его сменяет порыв к антиидеалу, а если идеал и остается, то вызывает антипорыв. Вот вам в двух словах моя заветная лемма… Она — всеобща и к каждому применима. А у вас — все не как у людей, все, как у Гёте!..

Я рассмеялся: «Почему ж она все-таки лемма, если она всеобща?..»

И декабрист — тоже рассмеялся: «Коли она всеобща, то почему же лемма?..»

— А потому и лемма! Потому что в расчет не принимает бабу! Человека в чистом виде лемма принимает, а бабу — не принимает! С появлением бабы нарушается всякая зеркальность. Если б баба не была бабой, лемма не была бы леммой. Лемма всеобща, пока нет бабы. Баба есть — и леммы уже нет… В особенности — если баба плохая, а лемма хорошая…

Враз заговорили все. «Да что такое вообще лемма?» «И что такое — плохая баба?» «Плохих баб нет, только леммы одни бывают плохие…»

— У меня, например, — сказал декабрист, — у меня тридцать баб, и одна чище другой, хоть и усов у меня нет. А у вас, допустим, усы и одна хорошая баба. Все-таки, я считаю: тридцать самых плохих баб лучше, чем одна, хоть и самая хорошая…

— При чем тут усы! Разговор о бабе идет, а не об усах!

— И об усах! Не было бы усов — не было б и разговора…

— Черт знает, что вы городите!.. Все-таки, я думаю: одна хорошая стоит всех ваших. Как вы на это смотрите?.. — черноусый опять поворотился

ко мне. — С научной точки зрения, как вы на это смотрите?..

Я сказал:

— С научной, конечно, стоит. В Петушках, например, тридцать посудин меняют на полную бутылку зверобоя, и если ты принесешь, допустим…

«Как! Тридцать на одну! Почему так много!» — галдеж возобновился.

— Да иначе кто ж вам обменяет! Тридцать на двенадцать — это 3.60. А зверобой стоит 2.62. Это и дети знают. Отчего Пушкин умер, они еще не знают, а это — уже знают. А все-таки никакой сдачи. 3.60, конечно, хорошо, это лучше, чем 2.62, но все-таки сдачи не берешь, потому что за витриной стоит хорошая баба, а хорошую бабу надо уважить…

— Да чем же она хороша, эта баба за витриной?

— Да тем и хороша, что плохая вообще бы посуду у вас не взяла. А хорошая баба — берет у вас плохую посуду, а взамен дает хорошую. И поэтому надо уважить… Для чего вообще на свете баба?

Все значительно помолчали. Каждый подумал свое, или все подумали одно и то же, не знаю.

— А для того, чтоб уважить. Что говорил Мак-

сим Горький на острове Капри? «Мерило всякой цивилизации — способ отношения к женщине». Вот и я: прихожу я в петушинский магазин, у меня с собой тридцать пустых посудин. Я говорю: «Хозяюшка!» — голосом таким пропитым и печальным говорю: «Хозяюшка! Зверобою мне, будьте добры…» И ведь знаю, что чуть ли не рупь передаю: 3.60 минус 2.62. Жалко. А она на меня смотрит: давать ему, гаду, сдачи или не давать? А я на нее смотрю: даст она мне, гадина, сдачи или не даст? Вернее, нет, я в это мгновение смотрю не на нее, я смотрю сквозь нее и вдаль. И что же встает перед моим бессмысленным взором? Остров Капри встает. Растут агавы и тамаринды, а под ними сидит Максим Горький, из-под белых брюк — волосатые ноги. И пальцем мне грозит: «Не бери сдачи! Не бери сдачи!» Я ему моргаю: мол, жрать будет нечего. «Ну, хорошо, я выпью, а чем я зажирать буду?»

А он: «Ничего, Веня, потерпишь. А коли хочешь жрать — так не пей». Так и ухожу, без всякой сдачи. Сержусь, конечно; думаю: «Мерило!» «Цивилизации!» «Эх, Максим Горький, Максим же ты Горький, сдуру или спьяну ты сморозил такое на своем Капри? Тебе хорошо — ты там будешь жрать свои агавы, а мне чего жрать?..»

Публика — смеялась. А внучек верещал: «И-и-и-и, какие агавы, какие хорошие капри…»

— А плохая баба? — сказал декабрист. — Разве не нужна бывает и плохая баба?

— Конечно! Конечно, нужна, — отвечал я ему. — Хорошему человеку плохая баба иногда прямо необходима бывает. Вот я, например, двенадцать недель тому назад: я был во гробе, я уж четыре года лежал во гробе, так что уже и смердеть перестал. А ей говорят: «Вот — он во гробе. И воскреси, если сможешь». А она подошла ко гробу — вы бы видели, как она подошла!

— Знаем! — сказал декабрист. — «Идет, как пишет. А пишет, как Лева. А Лева пишет хуево».

— Вот-вот! Подошла ко гробу и говорит: «Талифа куми». Это значит в переводе с древнежидовского: «Тебе говорю — встань и ходи». И что ж вы думаете? Встал — и пошел. И вот уж три месяца хожу замутненный…

— Замутненность — от грусти, — повторил черноусый в беретке. — А грусть — от бабы.

— Замутненность — оттого, что поддал, — перебил его декабрист.

— Да при чем тут «поддал»? А «поддал»-то почему? Потому что, допустим, человек грустит и едет к бабе. Нельзя же ехать к бабе и не пить! —

плохая, значит, баба! Да если даже и плохая — все равно надо выпить. Наоборот, чем хуже баба, тем лучше надо поддать!..

— Честное слово! — вскричал декабрист. — Как хорошо, что все мы такие развитые! У нас тут прямо как у Тургенева: все сидят и спорят про любовь… Давайте и я вам что-нибудь расскажу — про исключительную любовь и про то, как бывают необходимы плохие бабы!.. Давайте, как у Тургенева! Пусть каждый чего-нибудь да расскажет…

«Давайте!» «Давайте, как у Тургенева!» Даже старый Митрич — и тот сказал: «Давайте!..»

61-й километр – 65-й километр

Первым начал рассказывать декабрист:

— Один приятель был у меня, я его никогда не забуду. Он и всегда-то был какой-то одержимый, а тут не иначе как бес в него вошел. Он помешался — знаете, на ком? На Ольге Эрдели, прославленной советской арфистке. Может быть, Вера Дулова тоже прославленная арфистка. Но он помешался именно на Эрдели. И ни разу-то он ее в жизни не видел, а только слышал по радио, как она бренчит на арфе, — а вот поди ж ты, помешался…

Помешался и лежит. Не работает, не учится, не курит, не пьет, с постели не встает, девушек не любит и в окошко не высовывается… Подай ему Ольгу Эрдели, и весь тут сказ. Наслажусь, мол, арфисткой Ольгой Эрдели и только тогда — воскресюсь: встану с постели, буду работать и учиться, буду пить и курить и высунусь в окошко. Мы ему говорим:

— Ну зачем тебе именно Эрдели? Возьми хоть Веру Дулову взамен Эрдели. Вера Дулова играет прекрасно!

А он:

— Подавитесь вы своей Верой Дуловой! В гробу я видел вашу Веру Дулову! Я с вашей Верой Дуловой и срать рядом не сяду!

Ну, видим, малый совсем выкипает. Дня через три опять мы к нему подходим.

— Ну как, все Ольгой Эрдели бредишь? Мы нашли лекарство: хочешь, мы завтра тебе приволокем Веру Дулову?

— Конечно, — отвечает, — если вы хотите, чтоб я ее, вашу Веру Дулову, удавил, струною от арфы, — тогда, пожалуйста, волоките. Я ее удавлю.

Ну что делать? Малый совсем вымирает, надо его спасать. Пошел я к Ольге Эрдели, хотел объяснить, в чем дело, да так и не решился. Хотел даже и к Вере Дуловой — да нет, думаю, удавит он ее, как незабудку. И иду я по Москве вечером, и грустно мне: они там на арфах сидят и играют, толстеют и пухнут на арфах, а от малого остались руины и пепел.

А тут мне встречается бабонька, не то чтоб очень старая, но уже пьяная-пьяная. «Рррупь мне дай, — говорит. — Дай мне ррррупь!» И тут-то меня осенило. Я дал ей рупь и все ей объяснил: она, эта мандавошечка, оказалась понятливее Эрдели, а для пущей убедительности я заставил ее взять с собой балалайку…

И вот — я поволок ее к моему приятелю. Вошли: он все лежит и тоскует. Я ему сначала кинул балалайку, прямо с порога. А потом — швырнул ему в лицо эту Ольгу, я этой Ольгой в него запустил!.. «Вот она — Эрдели! Не веришь — спроси!»

И наутро смотрю: отворилось окошко, он в него высунулся и потихоньку закурил. Потом — потихоньку заработал, заучился, запил… И стал человек как человек. Вот видите!..

«Да где же тут любовь и где Тургенев?» — заговорили мы, почти не дав окончить. — «Нет, ты давай про любовь! Ты читал Ивана Тургенева?» «Ну, коли читал, так и расскажи!» «Про первую любовь расскажи, про Зиночку, про вуаль, и как тебе хлыстом по роже съездили — вот примерно все это и расскажи…»

— Конечно, — прибавил я, — у Ивана Тургенева все это немножко не так, у него все собираются к камину, в цилиндрах, и держат жабо на отлете… Ну, да ладно, у нас и без камина есть чем согреться. А жабо — что нам жабо! Мы уже и без жабо — лыка не вяжем…

— Конечно! Конечно!

— Если любить по-тургеневски, это значит: суметь пожертвовать всем ради избранного создания! суметь сделать то, что невозможно

сделать, не любя по-тургеневски! Вот ты, например (мы незаметно переходили на «ты»). Вот ты, декабрист, ты смог бы у этого приятеля, про которого рассказывал, — смог бы палец у него откусить? ради любимой женщины?

— Ну зачем палец?.. при чем тут палец? — застонал декабрист.

— Нет, нет, слушай. А ты мог бы: ночью, тихонько войти в парткабинет, снять штаны и выпить целый флакон чернил, а потом поставить флакон на место, надеть штаны и тихонько вернуться домой? ради любимой женщины? смог бы?..

— Боже мой! Нет, не смог бы.

— Ну вот то-то…

— А я бы смог! — проговорил вдруг дедушка Митрич. Так неожиданно, что все снова заерзали и запотирали руки. — А я бы смог чего-нибудь рассказать…

— Ты? Рассказать? Да ты, наверное, и не читал совсем Ивана Тургенева!..

— Ну и пусть, что не читал… Мой внучек зато все читал…

— Ну, ладно! ладно! внучек потом расскажет! внучку потом слово дадим! Давай, папаша, валяй, рассказывай про любовь!..

«Представляю, — подумал я, — что это будет за

чушь! что за несусветная чушь!» И я вдруг снова припомнил свою похвальбу в день знакомства с моей Царицей: «Еще выше нанесу околесицы! Нанесу еще выше!» Что ж, пусть рассказывает, этот слезящийся Митрич. Надо чтить, повторяю, потемки чужой души, надо смотреть в них, пусть даже там и нет ничего, пусть там дрянь одна — все равно: смотри и чти, смотри и не плюй…

Дедушка начал рассказывать:

65-й километр – Павлово-Посад

— Председатель у нас был… Лоэнгрин его звали, строгий такой… и весь в чирьях… и каждый вечер на моторной лодке катался. Сядет в лодку и по речке плывет… плывет и чирья из себя выдавливает…

Из глаз рассказчика вытекала влага, и он был взволнован:

— А покатается он на лодке… придет к себе в правление, ляжет на пол… и тут уже к нему не подступись — молчит и молчит. А если скажешь ему слово поперек — отвернется он в угол и заплачет… стоит и плачет, и пысает на пол, как маленький…

Дедушка вдруг умолк. Губы его искривились, синий нос его вспыхнул и погас. Он плакал! Плакал, как женщина, охватив руками голову, плечи его так и ходили ходуном, так и ходили, как волны…

— Ну и все, что ли, Митрич?..

— И все, — отвечал он сквозь слезы.

Вагон содрогнулся от хохота. Все смеялись, безобразно и радостно. А внучек даже весь задергался, снизу вверх, чтобы слева направо не

прыснуть себе в щиколку. Черноусый сердился:

— Да где же тут Тургенев? Мы же договорились: как у Ивана Тургенева! А тут черт знает что такое! Какой-то весь в чирьях! да еще вдобавок «пысает»!

— Да ведь он, наверно, кинокартину пересказывал! — брякнул кто-то со стороны. — Кинокартину «Председатель»!

— Какая там, к черту, кинокартина!..

А я сидел и понимал старого Митрича, понимал его слезы: ему просто все и всех было жалко: жалко председателя, за то, что ему дали такую позорную кличку, и стенку, которую он обмочил, и лодку, и чирьи — все жалко… Первая любовь или последняя жалость — какая разница? Бог, умирая на кресте, заповедовал нам жалость, а зубоскальства Он нам не заповедовал. Жалость и любовь к миру — едины. Любовь ко всякой персти, ко всякому чреву. И ко плоду всякого чрева — жалость.

— Давай, папаша, — сказал я ему, — давай я угощу тебя, ты заслужил! ты хорошо рассказал про любовь!..

— И все, и все давайте выпьем! За орловского дворянина Ивана Тургенева, гражданина прекрасной Франции!

— Давайте! За орловского дворянина!..

Снова началось то же бульканье и тот же звон, потом опять шелестенье и чмоканье. Этюд до диез минор, сочинение Ференца Листа, исполнялся на бис…

Никто сразу и не заметил, как у входа в наше «купе» (назовем его «купе») выросла фигура женщины в коричневом берете, в жакетке и с черными усиками. Она вся была пьяна, снизу доверху, и берет у нее разъезжался…

— Я тоже хочу Тургенева и выпить, — проговорила она всею утробою…

Замешательство длилось не больше двух мгновений.

— Аппетитная приходит во время еды, — съязвил декабрист. Все засмеялись.

— Чего тут смеяться, — сказал дедушка. — Баба как баба, хорошая, мягонькая…

— Таких хороших баб, — мрачно отозвался черноусый и снял берет, — таких хороших баб надо в Крым отправлять, чтоб их там волки-медведи кушали…

— Ну почему, почему! — я запротестовал и засуетился. — Пусть сядет! Пусть чего-нибудь да расскажет! «Читали Тургенева, читали Максима Горького, а толку с вас!..» — Я потеснился. Я уса-

дил ее и налил ей полстакана «тети Клавы».

Она выпила и, вместо благодарности, приподняла с головы свой берет. «Вот это — видите?» И показала всем свой шрам повыше уха. А потом торжественно помолчала — и снова протянула мне стакан: «Плесни еще, молодой человек, а не то упаду в обморок».

Я налил ей еще полстакана.

Павлово-Посад – Назарьево

Она и это выпила, и снова как-то машинально. А выпив, настежь растворила свой рот и всем показала: «Видите — четырех зубов не хватает?» «Да где же зубы-то эти?» «А кто их знает, где они. Я женщина грамотная, а вот хожу без зубов. Он мне их выбил за Пушкина. А я слышу — у вас тут такой литературный разговор, дай, думаю, и я к ним присяду, выпью и заодно расскажу, как мне за Пушкина разбили голову и выбили четыре передних зуба…»

И она принялась рассказывать, и чудовищен был стиль ее рассказа…

— Все с Пушкина и началось. К нам прислали комсорга Евтюшкина, он все щипался и читал стихи, а раз как-то ухватил меня за икры и спрашивает: «Мой чудный взгляд тебя томил?» Я говорю: «Ну, допустим, томил…» А он опять за икры: «В душе мой голос раздавался?» А я визжу и говорю: «Ну, конечно, раздавался». Тут он схватил меня в охапку и куда-то поволок. А когда уже выволок — я ходила все дни сама не своя, все твердила: «Пушкин-Евтюшкин-томил-раздавался». «Раздавался-томил-Евтюшкин-Пушкин». А

потом опять: «Пушкин-Евтюшкин»…

— Ты ближе к делу, ближе к передним зубам, — оборвал ее черноусый.

— Сейчас, сейчас будут и зубы! Будут вам и зубы!.. Что же дальше?.. Да, с этого дня все шло хорошо, целых полгода я с ним на сеновале Бога гневила, все шло хорошо! А потом этот Пушкин опять все напортил!.. Я ведь как Жанна д'Арк. Та тоже — нет, чтобы коров пасти и жать хлеба — так она села на лошадь и поскакала в Орлеан, на свою попу приключений искать. Вот так и я — как немножко напьюсь, так сразу к нему подступаю: «А кто за тебя детишек будет воспитывать? Пушкин, что ли?» А он огрызается: «Да каких там еще детишек? Ведь детишек-то нет! При чем же тут Пушкин!» А я ему на это: «Когда они будут, детишки, поздно будет Пушкина вспоминать!»

И так всякий раз — стоило мне немного напиться. «Кто за тебя, — говорю, — детишек?.. Пушкин, что ли?» А он — прямо весь бесится. «Уйди, Дарья, — кричит, — уйди! Перестань высекать огонь из души человека!» Я его ненавидела в эти минуты, так ненавидела, что в глазах у меня голова кружилась. А потом — все-таки ничего, опять любила, так любила, что по ночам просыпалась от этого…

И вот как-то однажды я уж совсем перепилась. Подлетаю я к нему и ору: «Пушкин, что ли, за тебя детишек воспитывать будет? А? Пушкин?» Он, как услышал о Пушкине, весь почернел и затрясся: «Пей, напивайся, но Пушкина не трогай! детишек — не трогай! Пей все, пей мою кровь, но Господа Бога твоего не искушай!» А я в это время на больничном сидела, сотрясение мозгов и заворот кишок, а на юге в это время осень была, и я ему вот что тогда заорала: «Уходи от меня, душегуб, совсем уходи! Обойдусь! Месяцок поблядую и под поезд брошусь! А потом пойду в монастырь и схиму приму! Ты придешь прощенья ко мне просить, а я выйду во всем черном, обаятельная такая, и тебе всю морду исцарапаю, собственным своим кукишем! Уходи!!» А потом кричу: «Ты хоть душу-то любишь во мне? Душу — любишь?» А он все трясется и чернеет: «Сердцем, — орет, — сердцем — да, сердцем люблю твою душу, но душою — нет, не люблю!!»

И как-то дико, по-оперному рассмеялся, схватил меня, проломил мне череп и уехал во Владимир-на-Клязьме. Зачем уехал? К кому уехал? Мое недоумение разделяла вся Европа. А бабушка моя, глухонемая, с печки мне говорит: «Вот видишь, как далеко зашла ты, Дашенька, в поисках

своего „я“!»

Да! А через месяц он вернулся! А я в это время пьяная была в дым, я как увидела его, упала на стол, засмеялась, засучила ногами: «Ага! — закричала. — Умотал во Владимир-на-Клязьме! а кто за тебя детишек...» А он — не говоря ни слова — подошел, выбил мне четыре передних зуба и уехал в Ростов-на-Дону, по путевке комсомола...

— Дело к обмороку, малый. Налей-ка еще чуток...

Все давились от смеха. Всех доконала, главное, эта глухонемая бабушка.

— А где же он теперь, твой Евтюшкин?..

— А кто его знает где? Или в Сибири, или в Средней Азии. Если он приехал в Ростов и все еще живой, значит он где-нибудь в Средней Азии. А если до Ростова не доехал и умер, значит в Сибири...

— Верно говоришь, — поддержал я ее. — В Средней Азии не умрешь, в Средней Азии можно прожить. Сам я там не был, а вот мой друг Тихонов — был. Он говорит: идешь, идешь, видишь — кишлак, а в нем кизяками печку топят, и выпить ничего нет, но жратвы зато много: акыны, саксаул... Так он там и питался почти полгода: акынами и саксаулом. И ничего — приехал рых-

лый и глаза навыкате…

— А в Сибири?..

— А в Сибири — нет, в Сибири не проживешь. В Сибири вообще никто не живет, одни только негры живут. Продуктов им туда не завозят, выпить им нечего, не говоря уж «поесть». Только один раз в год им привозят из Житомира вышитые полотенца — и негры на них вешаются…

— Да что еще за негры? — встрепенулся декабрист, чуть было задремавший. — Какие в Сибири негры! Негры в Штатах живут, а не в Сибири! Вы, допустим, в Сибири были. А в Штатах вы были?..

— Был в Штатах! И не видел там никаких негров!

— Никаких негров? В Штатах?..

— Да! В Штатах! Ни единого негра!..

Все как-то уже настолько одурели, и столько было тумана в каждой голове, что ни для какого недоумения уже не хватало места. Женщину сложной судьбы, со шрамом и без зубов, — все разом и немедленно забыли. И сама она как-то забылась, и все остальные — забылись; один только юный Митрич, чтоб в присутствии дамы показаться хватом, то и дело сплевывал какой-то мочой поперек затылка…

— Значит, вы были в Штатах, — мямлил черно-

усый, — это очень и очень чрезвычайно! Негров там нет и никогда не было, это я допускаю… я вам верю, как родному… Но — скажите: свободы там тоже не было и нет?.. свобода так и остается призраком на этом континенте скорби? скажите…

— Да, — отвечал я ему, — свобода так и остается призраком на этом континенте скорби, и они так к этому привыкли, что почти не замечают. Вы только подумайте! У них — я много ходил и вглядывался, — у них ни в одной гримасе, ни в жесте, ни в реплике нет ни малейшей неловкости, к которой мы так привыкли. На каждой роже изображается в минуту столько достоинства, что хватило бы всем нам на всю нашу великую семилетку. «Отчего бы это? — думал я и сворачивал с Манхеттена на 5-ю авеню и сам себе отвечал: — От их паскудного самодовольства, и больше ниотчего. Но откуда берется самодовольство??» Я застывал посреди авеню, чтобы разрешить мысль: «В мире пропагандных фикций и рекламных вывертов — откуда столько самодовольства?» Я шел в Гарлем и пожимал плечами: «Откуда? Игрушки идеологов монополий, марионетки пушечных королей — откуда у них такой аппетит? Жрут по пять раз на день, и очень плотно, и все с тем же бесконечным досто-

инством — а разве вообще может быть аппетит у хорошего человека, а тем более в Штатах!..»

— Да, да, да, — кивал головою старый Митрич, — они там кушают, а мы почти уже и не кушаем… весь рис увозим в Китай, весь сахар увозим на Кубу… а сами что будем кушать?..

— Ничего, папаша, ничего!.. Ты уже свое откушал, грех тебе говорить. Если будешь в Штатах — помни главное: не забывай старушку-Родину и доброту ее не забывай. Максим Горький не только о бабах писал, он писал и о Родине. Ты помнишь, что он писал?..

— Как же… помню… — и все выпитое выливалось у него из синих глаз, — помню… «мы с бабушкой уходили все дальше в лес…»

— Да разве ж это про Родину, Митрич! — осоловело сердился черноусый. — Это про бабушку, а совсем не про Родину!..

И Митрич снова заплакал…

Назарьево – Дрезна

А черноусый сказал:

— Вот вы много повидали, много поездили. Скажите: где больше ценят русского человека, по ту или по эту сторону Пиренеев?

— Не знаю, как по ту. А по эту — совсем не ценят. Я, например, был в Италии, там на русского человека никакого внимания. Они только поют и рисуют. Один, допустим, стоит и поет. А другой рядом с ним сидит и рисует того, кто поет. А третий — поодаль — поет про того, кто рисует… И так от этого грустно! А они нашей грусти — не понимают…

— Да ведь итальянцы! — разве они что-нибудь понимают! — поддержал черноусый.

— Именно. Когда я был в Венеции, в день святого Марка, — захотелось мне посмотреть на гребные гонки. И так мне грустно было от этих гонок! Сердце исходило слезами, но немотствовали уста. А итальянцы не понимают, смеются, пальцами на меня показывают: «Смотрите-ка, Ерофеев опять ходит, как поебанный!» Да разве ж я как поебанный! Просто — немотствуют уста…

Да мне в Италии, собственно, ничего и не надо

было. Мне только три вещи хотелось там посмотреть: Везувий, Геркуланум и Помпею. Но мне сказали, что Везувия давно уже нет, и послали в Геркуланум. А в Геркулануме мне сказали: «Ну зачем тебе, дураку, Геркуланум? Иди-ка ты лучше в Помпею». Прихожу в Помпею, а мне говорят: «Далась тебе эта Помпея! Ступай в Геркуланум!..»

Махнул я рукой и подался во Францию. Иду, иду, подхожу уже к линии Мажино, и вдруг вспомнил: дай, думаю, вернусь, поживу немного у Луиджи Лонго, койку у него сниму, книжки буду читать, чтобы зря не мотаться. Лучше б, конечно, у Пальмиро Тольятти койку снять, но он ведь недавно умер… А чем хуже Луиджи Лонго?..

А все-таки обратно не пошел. А пошел через Тироль в сторону Сорбонны. Прихожу в Сорбонну и говорю: хочу учиться на бакалавра. А меня спрашивают: «Если ты хочешь учиться на бакалавра — тебе должно быть что-нибудь присуще как феномену. А что тебе как феномену присуще?» Ну, что им ответить? Я говорю: «Ну что мне как феномену может быть присуще? Я ведь сирота». «Из Сибири?» — спрашивают. Говорю: «Из Сибири». «Ну, раз из Сибири, в таком случае хоть психике твоей да ведь должно быть что-нибудь присуще. А психике твоей — что присуще?» Я подумал: это

все-таки не Храпуново, а Сорбонна, надо сказать что-нибудь умное. Подумал и сказал: «Мне как феномену присущ самовозрастающий Логос». А ректор Сорбонны, пока я думал про умное, тихо подкрался ко мне сзади, да как хряснет меня по шее: «Дурак ты, — говорит, — а никакой не Логос! Вон, — кричит, — вон Ерофеева из нашей Сорбонны!» В первый раз я тогда пожалел, что не остался жить на квартире у товарища Луиджи Лонго…

Что ж мне оставалось делать, как не идти в Париж? Прихожу. Иду в сторону Нотр-Дама, иду и удивляюсь: кругом одни бардаки. Стоит только Эйфелева башня, а на ней генерал де Голль, ест каштаны и смотрит в бинокль во все четыре стороны. А какой смысл смотреть, если во всех четырех сторонах одни бардаки!..

По бульварам ходить, положим, там нет никакой возможности. Все снуют — из бардака в клинику, из клиники опять в бардак. И кругом столько трипперу, что дышать трудно. Я как-то выпил и пошел по Елисейским Полям — а кругом столько трипперу, что ноги передвигаешь с трудом. Вижу: двое знакомых — она и он, оба жуют каштаны и оба старцы. Где я их видел? в газетах? не помню; короче, узнал: это Луи Арагон и Эльза Триоле. «Интересно, — прошмыгнула мысль у

меня, — откуда они идут: из клиники в бардак или из бардака в клинику?» И сам же себя обрезал: «Стыдись. Ты в Париже, а не в Храпунове. Задай им лучше социальные вопросы, самые мучительные социальные вопросы…»

Догоняю Луи Арагона и говорю ему, открываю сердце, говорю, что я отчаялся во всем, но что нет у меня ни в чем никакого сомнения, и что я умираю от внутренних противоречий, и много еще чего — а он только на меня взглянул, козырнул мне, как старый ветеран, взял свою Эльзу под ручку и дальше пошел. Я опять их догоняю и теперь уже говорю не Луи, а Триоле: говорю, что умираю от недостатка впечатлений, и что меня одолевают сомнения именно тогда, когда я перестаю отчаиваться, тогда как в минуты отчаяния я сомнений не знал… — а она, как старая блядь, потрепала меня по щеке, взяла под ручку своего Арагона и дальше пошла…

Потом я, конечно, узнал из печати, что это были совсем не те люди, это были, оказывается, Жан-Поль Сартр и Симона де Бовуар, ну да какая мне теперь разница? Я пошел на Нотр-Дам и снял там мансарду. Мансарда, мезонин, флигель, антресоли, чердак — я все это путаю и разницы никакой не вижу. Короче, я снял то, на чем можно лежать,

писать и трубку курить. Выкурил я двенадцать трубок — и отослал в «Ревю де Пари» свое эссе под французским названием «Шик и блеск иммер элегант». Эссе по вопросам любви.

А вы сами знаете, как тяжело во Франции писать о любви. Потому что все, что касается любви, во Франции уже давно написано. Там о любви знают все, а у нас ничего не знают о любви. Покажи нашему человеку со средним образованием, покажи ему твердый шанкр и спроси: «Какой это шанкр, твердый или мягкий?» — он обязательно брякнет: «Мягкий, конечно». А покажи ему мягкий — так он и совсем растеряется. А там — нет. Там, может быть, не знают, сколько стоит зверобой, но уж если шанкр мягкий, так он для каждого будет мягок, и твердым его никто не назовет…

Короче, «Ревю де Пари» вернул мне эссе под тем предлогом, что оно написано по-русски, что французский один только заголовок. Что ж вы думаете? — я отчаялся? Я выкурил на антресолях еще тринадцать трубок — и создал новое эссе, тоже посвященное любви. На этот раз оно все, от начала до конца, было написано по-французски, русским был только заголовок: «Стервозность как высшая и последняя стадия блядовитости». И

отослал в «Ревю де Пари»…

— И вам опять его вернули? — спросил черноусый, в знак участия рассказчику и как бы сквозь сон…

— Разумеется, вернули. Язык мой признали блестящим, а основную идею — ложной. К русским условиям, — сказали, — возможно, это и применимо, но к французским — нет; стервозность, сказали, у нас еще не высшая ступень и уж далеко не последняя; у вас, у русских, ваша блядовитость, достигнув предела стервозности, будет насильственно упразднена и заменена онанизмом по обязательной программе; у нас же, у французов, хотя и не исключено в будущем органическое врастание некоторых элементов русского онанизма, с программой более произвольной, в нашу отечественную содомию, в которую — через кровосмесительство — трансформируется наша стервозность, но врастание это будет протекать в русле нашей традиционной блядовитости и совершенно перманентно!..

Короче, они совсем засрали мне мозги. Так что я плюнул, сжег свои рукописи вместе с мансардой и антресолями — и через Верден попер к Ламаншу. Я шел к Альбиону. Я шел и думал: «Почему я все-таки не остался жить на квартире Луиджи

Лонго?» Я шел и пел: «Королева Британии тяжко больна, дни и ночи ее сочтены…» А в окрестностях Лондона…

— Позвольте, — прервал меня черноусый, — меня поражает ваш размах, нет, я верю вам как родному, меня поражает та легкость, с какой вы преодолевали все государственные границы…

Дрезна – 85-й километр

— Да что же тут такого поразительного! И какие еще границы?! Граница нужна для того, чтобы не перепутать нации. У нас, например, стоит пограничник и твердо знает, что граница — это не фикция и не эмблема, потому что по одну сторону границы говорят на русском и больше пьют, а по другую — меньше пьют и говорят на нерусском…

А там? Какие там могут быть границы, если все одинаково пьют и все говорят не по-русски? Там, может быть, и рады куда-нибудь поставить пограничника, да просто некуда поставить. Вот и шляются там пограничники без всякого дела, тоскуют и просят прикурить… Так что там на этот счет совершенно свободно… Хочешь ты, например, остановиться в Эболи — пожалуйста, останавливайся в Эболи. Хочешь идти в Каноссу — никто тебе не мешает, иди в Каноссу. Хочешь перейти Рубикон — переходи…

Так что ничего удивительного… В двенадцать ноль-ноль по Гринвичу я уже был представлен директору Британского музея, фамилия у него какая-то звучная и дурацкая, вроде сэр Комби Корм. «Чего вы от нас хотите?» — спросил директор

Британского музея. «Я хочу у вас ангажироваться. Вернее, чтобы вы меня ангажировали, вот чего я хочу…»

«Это в таких-то штанах чтобы я вас стал ангажировать?» — сказал директор Британского музея. «Это в каких же таких штанах?» — переспросил я его со скрытой досадой. А он, как будто не расслышал, стал передо мной на карачки и принялся обнюхивать мои носки. Обнюхав, встал, поморщился, сплюнул, а потом спросил: «Это в таких-то носках чтобы я вас ангажировал?»

— В каких же это носках?! — заговорил я, уже досады и не скрывая. — В каких же это носках?! Вот те носки, которые я таскал на Родине, те действительно пахли, да. Но я перед отъездом их сменил, потому что в человеке все должно быть прекрасно: и душа, и мысли, и…

А он не захотел и слушать. Пошел в палату лордов и сказал: «Лорды! вот тут у меня за дверью стоит один подонок. Он из снежной России, но вроде не очень пьяный. Что мне с ним делать, с этим горемыкой? Ангажировать это чучело? или не давать этому пугалу никакого ангажемента?» А лорды рассмотрели меня в монокли и говорят: «А ты попробуй, Уильям! попробуй, выставь его для обозрения! этот пыльный мудак впишется

в любой интерьер!» Тут слово взяла королева Британии. Она подняла руку и крикнула:

— Контролеры! Контролеры!.. — загремело по всему вагону, загремело и взорвалось: «Контролеры!!..»

Мой рассказ оборвался в пикантнейшем месте. Но не только рассказ оборвался: и пьяная полудремота черноусого, и сон декабриста, — все было прервано на полпути. Старый Митрич очнулся весь в слезах, а молодой ослепил всех свистящей зевотой, переходящей в смех и дефекацию. Одна только женщина сложной судьбы, прикрыв беретом выбитые зубы, спала как фатаморгана…

Собственно говоря, на петушинской ветке контролеров никто не боится, потому что все без билета. Если какой-нибудь отщепенец спьяну и купит билет, так ему, конечно, неудобно, когда идут контролеры: когда к нему подходят за билетом, он не смотрит ни на кого — ни на ревизора, ни на публику, как будто хочет провалиться сквозь землю. А ревизор рассматривает его билет как-то брезгливо, а на него самого глядит изничтожающе, как на гадину. А публика — публика смотрит на «зайца» большими, красивыми глазами, как бы говоря: глаза опустил, мудозвон! совесть заела, жидовская морда! А в

глаза ревизору глядят еще решительней: вот мы какие — и можешь ли ты осудить нас? Подходи к нам, Семеныч, мы тебя не обидим…

До того, как Семеныч стал старшим ревизором, все выглядело иначе: в те дни безбилетников, как индусов, сгоняли в резервации и лупили по головам Ефроном и Брокгаузом, а потом штрафовали и выплескивали из вагона. В те дни, смываясь от контроля, они бежали сквозь вагоны паническими стадами, увлекая за собой даже тех, кто с билетом. Однажды, на моих глазах, два маленьких мальчика, поддавшись всеобщей панике, побежали вместе со стадом и были насмерть раздавлены — так и остались лежать в проходе, в посиневших руках сжимая свои билеты…

Старший ревизор Семеныч все изменил: он упразднил всякие штрафы и резервации. Он делал проще: он брал с безбилетника по грамму за километр. По всей России шоферня берет с «грачей» за километр по копейке, а Семеныч брал в полтора раза дешевле: по грамму за километр. Если, например, ты едешь из Чухлинки в Усад, расстояние девяносто километров, ты наливаешь Семенычу девяносто грамм и дальше едешь совершенно спокойно, развалясь на лавочке, как негоциант…

Итак, нововведение Семеныча укрепляло связь ревизора с широкою массою, удешевляло эту связь, упрощало и гуманизировало… И в том всеобщем трепете, который вызывает крик «Контролеры!!» — нет никакого страха. В этом трепете одно лишь предвосхищение…

Семеныч вошел в вагон, плотоядно улыбаясь. Он уже едва держался на ногах, он доезжал обычно только до Орехово-Зуева, а в Орехово-Зуеве выскакивал и шел в свою контору, набравшись до блевотины…

— Это ты опять, Митрич? Опять в Орехово? кататься на карусели? с вас обоих сто восемьдесят. А это ты, черноусый? Салтыковская — Орехово-Зуево? Семьдесят два грамма. Разбудите эту блядь и спросите, сколько с нее причитается. А ты, коверкот, куда и откуда? Серп и Молот — Покров? Сто пять, будьте любезны. Все меньше становится «зайцев». Когда-то это вызывало «гнев и возмущение», теперь же вызывает «законную гордость»… А ты, Веня?..

И Семеныч всего меня кровожадно обдал перегаром:

— А ты, Веня? Как всегда: Москва — Петушки?..

85-й километр – Орехово-Зуево

— Да. Как всегда. И теперь уже навечно: Москва — Петушки…

— И ты думаешь, Ше-хе-ре-зада, что ты и на этот раз от меня отвертишься?!

Тут я должен сделать маленькое отступленьице, и пока Семеныч пьет положенную ему штрафную дозу, я поскорее вам объясню, почему «Шехерезада» и что значит «отвертишься»?

Прошло уже три года, как я впервые столкнулся с Семенычем. Тогда он только еще заступил на должность. Он подошел ко мне и спросил: «Москва — Петушки? Сто двадцать пять». И когда я не понял, в чем дело, он объяснил мне, в чем дело. И когда я сказал, что у меня с собой ни грамма нет, он мне сказал на это: «Так что же? бить тебе морду, если у тебя с собой ни грамма нет?» Я ответил ему, что бить не надо, и промямлил что-то из области римского права. Он страшно заинтересовался и попросил меня рассказать подробнее обо всем античном и римском. Я стал рассказывать, и дошел уже до скандальной истории с Лукрецией и Тарквинием, но тут ему надо было выскакивать в Орехово-Зуеве, и он так и не успел дослушать,

что же все-таки случилось с Лукрецией: достиг своего шалопай Тарквиний или не достиг?..

А Семеныч, между нами говоря, редчайший бабник и утопист, история мира привлекала его единственно лишь альковной своей стороною. И когда через неделю в районе Фрязева снова нагрянули контролеры, Семеныч уже не сказал мне: «Москва — Петушки? Сто двадцать пять». Нет, он кинулся ко мне за продолжением: «Ну, как? Уебал он все-таки эту Лукрецию?»

И я рассказал ему, что было дальше. Я от римской истории перешел к христианской и дошел уже до истории с Гипатией. Я ему говорил: «И вот, по наущению патриарха Кирилла, одержимые фанатизмом монахи Александрии сорвали одежды с прекрасной Гипатии и...» Но тут наш поезд, как вкопанный, остановился в Орехово-Зуеве, и Семеныч выскочил на перрон, вконец заинтригованный...

И так продолжалось три года, каждую неделю. На линии «Москва — Петушки» я был единственным безбилетником, кто ни разу еще не подносил Семенычу ни единого грамма и тем не менее оставался в живых и непобитых. Но всякая история имеет конец, и мировая история — тоже...

В прошлую пятницу я дошел до Индиры Ганди,

Моше Даяна и Дубчека. Дальше этого идти было некуда…

И вот — Семеныч выпил свою штрафную, крякнул и посмотрел на меня, как удав и султан Шахриар:

— Москва — Петушки? Сто двадцать пять.

— Семеныч! — отвечал я, почти умоляюще. — Семеныч! Ты выпил сегодня много?..

— Прилично, — отвечал мне Семеныч не без самодовольства. Он пьян был в дымину…

— А значит: есть в тебе воображение? Значит: устремиться в будущее тебе по силам? Значит: ты можешь вместе со мной перенестись из мира темного прошлого в век золотой, который «ей-ей, грядет»?..

— Могу, Веня, могу! сегодня я все могу!..

— От третьего рейха, четвертого позвонка, пятой республики и семнадцатого съезда — можешь ли шагнуть, вместе со мной, в мир вожделенного всем иудеям пятого царства, седьмого неба и второго пришествия?..

— Могу! — рокотал Семеныч. — Говори, говори, Шехерезада!

— Так слушай. То будет день, «избраннейший из всех дней». В тот день истомившийся Симеон скажет наконец: «Ныне отпущаеши раба Твоего,

Владыко…» И скажет архангел Гавриил: «Богородице Дево, радуйся, благословенна ты между женами». И доктор Фауст проговорит: «Вот — мгновенье! Продлись и постой». И все, чье имя вписано в книгу жизни, запоют «Исайя, ликуй!». И Диоген погасит свой фонарь. И будет добро и красота, и все будет хорошо, и все будут хорошие, и кроме добра и красоты ничего не будет, и сольются в поцелуе…

— Сольются в поцелуе?.. — заерзал Семеныч, уже в нетерпении…

— Да! И сольются в поцелуе мучитель и жертва; и злоба, и помысел, и расчет покинут сердца, и женщина…

— Женщина!! — затрепетал Семеныч. — Что? что женщина?!!!..

— И женщина Востока сбросит с себя паранджу! окончательно сбросит с себя паранджу угнетенная женщина Востока! И возляжет…

— Возляжет?!! — тут уж он задергался. — Возляжет?!!

— Да. И возляжет волк рядом с агнцем, и ни одна слеза не прольется, и кавалеры выберут себе барышень, кому какая нравится! И…

— О-о-о-о! — застонал Семеныч. — Скоро ли сие? Скоро ли будет?.. — и вдруг, как гитана, заломил

свои руки, а потом суетливо, путаясь в одежде, стал снимать с себя и мундир, и форменные брюки, и все, до самой нижней своей интимности…

Я, как ни был я пьян, поглядел на него с изумлением. А публика, трезвая публика, почти повскакала с мест, и в десятках глаз ее было написано громадное «ого»! Она, эта публика, все поняла не так, как надо было б понять…

А надо вам заметить, что гомосексуализм в нашей стране изжит хоть и окончательно, но не целиком. Вернее, целиком, но не полностью. А вернее даже так: целиком и полностью, но не окончательно. У публики ведь что сейчас на уме? Один только гомосексуализм. Ну, еще арабы на уме, Израиль, Голанские высоты, Моше Даян. Ну, а если прогнать Моше Даяна с Голанских высот, а арабов с иудеями примирить? — что тогда останется в головах людей? Один только чистый гомосексуализм.

Допустим, смотрят они телевизор: генерал де Голль и Жорж Помпиду встречаются на дипломатическом приеме. Естественно, оба они улыбаются и руки друг другу жмут. А уж публика: «Ого! — говорит. — Ай да генерал де Голль!» Или: «Ого! Ай да Жорж Помпиду!»

Вот так они и на нас смотрели теперь. У каждо-

го в круглых глазах было написано это «Ого!».

— Семеныч! Семеныч! — я обхватил его и потащил на площадку вагона. — На нас же смотрят!.. Опомнись!.. Пойдем отсюда, Семеныч, пойдем!..

Он был чудовищно тяжел. Он был размягчен и зыбок. Я едва дотащил его до тамбура и поставил у входных дверей…

— Веня! Скажи мне… женщина Востока… если снимет с себя паранджу… на ней что-нибудь останется?.. Что-нибудь есть у нее под паранджой?..

Я не успел ответить. Поезд, как вкопанный, остановился на станции Орехово-Зуево, и дверь автоматически растворилась…

Орехово-Зуево

Старшего ревизора Семеныча, заинтригованного в тысячу первый раз, полуживого, расстегнутого, — вынесло на перрон и ударило головой о перила… Мгновения два или три он еще постоял, колеблясь, как мыслящий тростник, а потом уже рухнул под ноги выходящей публике, и все штрафы за безбилетный проезд хлынули у него из чрева, растекаясь по перрону…

Все это я видел совершенно отчетливо, и свидетельствую об этом миру. Но вот всего остального — я уже не видел, и ни о чем не могу свидетельствовать. Краешком сознания, самым-самым краешком, я запомнил, как выходящая в Орехове лавина публики запуталась во мне и вбирала меня, чтобы накопить меня в себе, как паршивую слюну, — и выплюнуть на ореховский перрон. Но плевок все не получался, потому что входящая в вагон публика затыкала рот выходящей. Я мотался, как говно в проруби.

И если там Господь меня спросит: «Неужели, Веня, ты больше не помнишь ничего? Неужели ты сразу погрузился в тот сон, с которого начались все твои бедствия?..» — я скажу ему: «Нет,

Господь, не сразу…» Краешком сознания, все тем же самым краешком, я еще запомнил, что сумел наконец совладать со стихиями и вырваться в пустые пространства вагона и опрокинуться на чью-то лавочку, первую от дверей…

А когда я опрокинулся, Господь, я сразу отдался мощному потоку грез и ленивой дремоты — о нет! Я лгу опять! я снова лгу перед лицом Твоим, Господь! это лгу не я, это лжет моя ослабевшая память! — я не сразу отдался потоку, я нащупал в кармане непочатую бутылку кубанской и глотнул из нее раз пять или шесть, — а уж потом, сложа весла, отдался мощному потоку грез и ленивой дремоты…

«Все ваши выдумки о веке златом, — твердил я, — все — ложь и уныние. Но я-то, двенадцать недель тому назад, видел его прообраз, и через полчаса сверкнет мне в глаза его отблеск — в тринадцатый раз. Там птичье пение не молкнет ни ночью, ни днем, там ни зимой, ни летом не отцветает жасмин, — а что там в жасмине? Кто там, облаченный в пурпур и крученый виссон, смежил ресницы и обоняет лилии?..»

И я улыбаюсь, как идиот, и раздвигаю кусты жасмина…

Орехово-Зуево – Крутое

…А из кустов жасмина выходит заспанный Тихонов и щурится, от меня и от солнца.

— Что ты здесь делаешь, Тихонов?

— Я отрабатываю тезисы. Все давно готово к выступлению, кроме тезисов. А вот теперь и тезисы готовы…

— Значит, ты считаешь, что ситуация назрела?

— А кто ее знает? Я, как немножко выпью, мне кажется, что назрела; а как начинает хмель проходить — нет, думаю, еще не назрела, рано еще браться за оружие…

— А ты выпей можжевеловой, Вадя…

Тихонов выпил можжевеловой, крякнул и загрустил.

— Ну как? Назрела ситуация?

— Погоди, сейчас назреет…

— Когда же выступать? Завтра?

— А кто его знает! Я, как выпью немножко, мне кажется, что хоть сегодня выступай, что и вчера было не рано выступать. А как начинает проходить — нет, думаю, и вчера было рано, и послезавтра не поздно.

— А ты выпей еще, Вадимчик, выпей еще мож-

жевеловой…

Вадимчик выпил и опять загрустил.

— Ну, как? Ты считаешь: пора?..

— Пора…

— Не забывай пароль. И всем скажи, чтоб не забывали: завтра утром, между деревней Тартино и деревней Елисейково, у скотного двора, в девять ноль-ноль по Гринвичу…

— Да. В девять ноль-ноль по Гринвичу.

— До свидания, товарищ. Постарайся уснуть в эту ночь…

— Постараюсь, усну, до свидания, товарищ…

Тут я сразу должен оговориться, перед лицом совести всего человечества я должен сказать: я с самого начала был противником этой авантюры, бесплодной, как смоковница. (Прекрасно сказано: «бесплодной, как смоковница».) Я с самого начала говорил, что революция достигает чего-нибудь нужного, если совершается в сердцах, а не на стогнах. Но уж раз начали без меня — я не мог быть в стороне от тех, кто начал. Я мог бы, во всяком случае, предотвратить излишнее ожесточение сердец и ослабить кровопролитие…

В девятом часу по Гринвичу, в траве у скотного двора, мы сидели и ждали. Каждому, кто подходил, мы говорили: «Садись, товарищ, с нами — в

ногах правды нет», и каждый оставался стоять, бряцал оружием и повторял условную фразу из Антонио Сальери: «Но правды нет и выше». Шаловлив был этот пароль и двусмыслен, но нам было не до этого; приближалось девять ноль-ноль по Гринвичу…

С чего все началось? Все началось с того, что Тихонов прибил к воротам елисейковского сельсовета свои четырнадцать тезисов. Вернее, не прибил к воротам, а написал на заборе мелом, и это скорее были слова, а не тезисы, четкие и лапидарные слова, а не тезисы, и было их всего два, а не четырнадцать, — но, как бы то ни было, с этого все началось.

Двумя колоннами, со штандартами в руках, мы вышли — колонна на Елисейково, другая — на Тартино. И шли беспрепятственно, вплоть до заката: убитых не было ни с одной стороны, раненых тоже не было, пленный был только один — бывший председатель ларионовского сельсовета, на склоне лет разжалованный за пьянку и врожденное слабоумие. Елисейково было повержено. Черкасово валялось у нас в ногах, Неугодово и Пекша молили о пощаде. Все жизненные центры петушинского уезда — от магазина в Поломах до андреевского склада сель-

по, — все заняты были силами восставших…

А после захода солнца — деревня Черкасово была провозглашена столицей, туда был доставлен пленный, и там же сымпровизировали съезд победителей. Все выступавшие были в лоскут пьяны, все мололи одно и то же: Максимилиан Робеспьер, Оливер Кромвель, Соня Перовская, Вера Засулич, карательные отряды из Петушков, война с Норвегией, и опять Соня Перовская и Вера Засулич…

С места кричали: «А где это такая — Норвегия?..» «А кто ее знает, где! — отвечали с другого места. — У черта на куличках, у бороды на клине!» «Да где бы она ни была, — унимал я шум, — без интервенции нам не обойтись. Чтобы восстановить хозяйство, разрушенное войной, надо сначала его разрушить, а для этого нужна гражданская или хоть какая-нибудь война, нужно как минимум двенадцать фронтов…» «Белополяки нужны!» — кричал закосевший Тихонов. «О, идиот, — прерывал я его, — вечно ты ляпнешь! Ты блестящий теоретик, Вадим, твои тезисы мы прибили к нашим сердцам, — но как доходит до дела, ты говно-говном! Ну, зачем тебе, дураку, белополяки?..» — «Да разве я спорю! — сдавался Тихонов. — Как будто они мне больше нужны,

чем вам! Норвегия так Норвегия...»

Впопыхах и в азарте все как-то забыли, что та уже двадцать лет состоит в НАТО, и Владик Ц-ский уже бежал на ларионовский почтамт, с пачкой открыток и писем. Одно письмо было адресовано королю Норвегии Улафу, с объявлением войны и уведомлением о вручении. Другое письмо — вернее, даже не письмо, а чистый лист, запечатанный в конверте, — было отправлено генералу Франко: пусть он увидит в этом грозящий перст, старая шпала, пусть побелеет, как этот лист, одряхлевший разъебай-каудильо!.. От премьера Британской империи Гарольда Вильсона мы потребовали совсем немного: убери, премьер, свою дурацкую канонерку из залива Акаба, а дальше поступай по произволению... И, наконец, четвертое письмо — Владиславу Гомулке, мы писали ему: ты, Владислав Гомулка, имеешь полное и неотъемлемое право на Польский коридор, а вот Юзеф Циранкевич не имеет на Польский коридор ни малейшего права...

И послали четыре открытки: Аббе Эбану, Моше Даяну, генералу Сухарто и Александру Дубчеку. Все четыре открытки были очень красивые, с виньеточками и желудями. Пусть, мол, порадуются ребята, может они нас, губошлепы, признают за

это субъектами международного права…

Никто в эту ночь не спал. Всех захватил энтузиазм, все глядели в небо, ждали норвежских бомб, открытия магазинов и интервенции и воображали себе, как будет рад Владислав Гомулка и как будет рвать на себе волосы Юзеф Циранкевич…

Не спал и пленный, бывший председельсовета Анатолий Иваныч, он выл из своего сарая, как тоскующий пес:

— Ребята!.. Значит, завтра утром никто мне и выпить не поднесет?..

— Эва, чего захотел! Скажи хоть спасибо, что будем кормить тебя в соответствии с Женевской конвенцией!..

— А чего это такое?..

— Узнаешь, чего это такое! То есть ноги еще будешь таскать, Иваныч, а уж на блядки не потянет!..

Крутое – Воиново

А с утра, еще до открытия магазинов, состоялся Пленум. Он был расширенным и октябрьским. Но поскольку все четыре наших Пленума были октябрьскими и расширенными, то мы, чтоб их не перепутать, решили пронумеровать их: 1-й Пленум, 2-й Пленум, 3-й Пленум и 4-й Пленум…

Весь 1-й Пленум был посвящен избранию президента, то есть избранию меня в президенты. Это отняло у нас полторы-две минуты, не больше. А все оставшееся время поглощено было прениями на тему чисто умозрительную: кто раньше откроет магазин, тетя Маша в Андреевском или тетя Шура в Поломах?

А я, сидя в своем президиуме, слушал эти прения и мыслил так: прения совершенно необходимы, но гораздо необходимее декреты. Почему мы забываем то, чем должна увенчиваться всякая революция, то есть «декреты»? Например, такой декрет: обязать тетю Шуру в Поломах открывать магазин в шесть утра. Кажется, чего бы проще? — нам, облеченным властью, взять и заставить тетю Шуру открывать свой магазин в шесть утра, а не в девять тридцать! Как это раньше не при-

шло мне в голову!..

Или, например, декрет о земле: передать народу всю землю уезда, со всеми угодьями и со всякой движимостью, со всеми спиртными напитками и без всякого выкупа. Или так: передвинуть стрелку часов на два часа вперед или на полтора часа назад, все равно, только бы куда передвинуть. Потом: слово «черт» надо принудить снова писать через «о», а какую-нибудь букву вообще упразднить, только надо подумать какую. И, наконец, заставить тетю Машу в Андреевском открывать магазин в пять тридцать утра, а не в девять…

Мысли роились — так роились, что я затосковал, отозвал в кулуары Тихонова, мы с ним выпили тминной, и я сказал:

— Слушай-ка, канцлер!

— Ну, чего?..

— Да ничего. Говенный ты канцлер, вот чего.

— Найди другого, — обиделся Тихонов.

— Не об этом речь, Вадя. А речь вот о чем: если ты хороший канцлер, садись и пиши декреты. Выпей еще немножко, садись и пиши. Я слышал, ты все-таки не удержался, ты ущипнул за ляжку Анатоль Иваныча? Ты что же это? — открываешь террор?

— Да так… Немножко…

— И какой террор открываешь? Белый?

— Белый.

— Зря ты это, Вадя. Впрочем, ладно, сейчас не до этого. Надо вначале декрет написать, хоть один, хоть самый какой-нибудь гнусный… Бумага, чернила есть? Садись, пиши. А потом выпьем — и декларацию прав. А уж только потом — террор. А уж потом выпьем и — учиться, учиться, учиться…

Тихонов написал два слова, выпил и вздохнул:

— Да-а-а… сплоховал я с этим террором… Ну, да ведь в нашем деле не ошибиться никак нельзя, потому что неслыханно ново все наше дело, и прецедентов считай что не было… Были, правда, прецеденты, но…

— Ну, разве это прецеденты! Это — так! чепуха! Полет шмеля это, забавы взрослых шалунов, а никакие не прецеденты!.. Летоисчисление — как думаешь? — сменим или оставим как есть?

— Да лучше оставим. Как говорится, не трогай дерьмо, так оно и пахнуть не будет…

— Верно говоришь, оставим. Ты у меня блестящий теоретик, Вадя, а это хорошо. Закрывать, что ли, Пленум? Тетя Шура в Поломах уже магазин открыла. У нее, говорят, есть российская.

— Закрывай, конечно. Завтра с утра все равно

будет 2-й Пленум… Пойдем в Поломы.

У тети Шуры в Поломах в самом деле оказалась российская. В связи с этим, а также в ожидании карательных набегов из райцентра решено было временно перенести столицу из Черкасова в Поломы, то есть на двенадцать верст вглубь территории республики.

И там, на другое утро, открыть 2-й Пленум, весь посвященный моей отставке с поста президента.

— Я встаю с президентского кресла, — сказал я в своем выступлении, — я плюю в президентское кресло. Я считаю, что пост президента должен занять человек, у которого харю с похмелья в три дня не уделаешь. А разве такие есть среди нас?

— Нет таких, — хором отвечали делегаты.

— Мою, например, харю — разве нельзя уделать в три дня и с похмелья?

Секунду-две все смотрели мне в лицо оценивающе, а потом отвечали хором: «Можно».

— Ну, так вот, — продолжал я. — Обойдемся без президента. Лучше сделаем вот как: все пойдем в луга готовить пунш, а Борю закроем на замок. Поскольку это человек высоких качеств, пусть он тут сидит и формирует кабинет…

Мою речь прервали овации, и Пленум прикрылся: окрестные луга озарились синим огнем.

Один только я не разделял всеобщего оживления и веры в успех, я ходил меж огней с одною тревожною мыслью: почему это никому в мире нет до нас ни малейшего дела? Почему такое молчание в мире? Уезд охвачен пламенем, и мир молчит оттого, что затаил дыхание, — допустим. Но почему никто не подает нам руки ни с Востока, ни с Запада? Куда смотрит король Улаф? Почему нас не давят с юга регулярные части?..

Я тихо отвел в сторону канцлера, от него разило пуншем:

— Тебе нравится, Вадя, наша революция?

— Да, — ответил Вадя, — она лихорадочна, но она прекрасна.

— Так… А насчет Норвегии, Вадя, — насчет Норвегии ничего не слышно?

— Пока ничего… А что тебе Норвегия?

— Как то есть что Норвегия?!.. В состоянии войны мы с ней или не в состоянии? Очень глупо все получается. Мы с ней воюем, а она с нами не хочет… Если и завтра нас не начнут бомбить, я снова сажусь в президентское кресло — и тогда увидишь, что будет!..

— Садись, — ответил Вадя, — кто тебе мешает, Ерофейчик?.. Если хочешь — садись…

Воиново – Усад

Ни одной бомбы на нас не упало и наутро. И тогда, открывая 3-й Пленум, я сказал:

«Сенаторы! Никто в мире, я вижу, не хочет с нами заводить ни дружбы, ни ссоры. Все отвернулись от нас и затаили дыхание. А поскольку каратели из Петушков подойдут сюда завтра к вечеру, а российская у тети Шуры кончится завтра утром, — я беру в свои руки всю полноту власти; то есть кто дурак и не понимает, тому я объясню: я ввожу комендантский час. Мало того — полномочия президента я объявляю чрезвычайными и заодно становлюсь президентом. То есть „личностью, стоящей над законом и пророками…“»

Никто не возразил. Один только премьер Боря С. при слове «пророки» вздрогнул, дико на меня посмотрел, и все его верхние части задрожали от мщения…

Через два часа он испустил дух на руках у министра обороны. Он умер от тоски и от чрезмерной склонности к обобщениям. Других причин вроде бы не было, а вскрывать мы его не вскрывали, потому что вскрывать было бы противно. А к вечеру того же дня все телетайпы мира приняли

сообщение. «Смерть наступила вследствие естественных причин». Чья смерть, сказано не было, но мир догадывался.

4-й Пленум был траурным.

Я выступил и сказал:

«Делегаты! Если у меня когда-нибудь будут дети, я повешу им на стену портрет прокуратора Иудеи Понтия Пилата, чтобы дети росли чистоплотными. Прокуратор Понтий Пилат стоит и умывает руки — вот какой это будет портрет. Точно так же и я: встаю и умываю руки. Я присоединился к вам просто с перепою и вопреки всякой очевидности. Я вам говорил, что надо революционизировать сердца, что надо возвышать души до усвоения вечных нравственных категорий, — а что все остальное, что вы тут затеяли, все это суета и томление духа, бесполезнеж и мудянка…

И на что нам рассчитывать, подумайте сами! В Общий рынок нас никто не пустит. Корабли Седьмого американского флота сюда не пройдут, да и пройти не захотят…»

Тут уже заорали с мест:

— А ты не отчаивайся, Веня! Не пукай! Нам дадут бомбардировщики! Б-52 нам дадут!

— Как же! дадут вам Б-52! Держите карман!

Прямо смешно вас слушать, сенаторы!

— «Фантомы» дадут!

— Ха-ха! Кто это сказал: «Фантомы»? Еще одно слово о «Фантомах» — и я лопну от смеха…

Тут Тихонов со своего места сказал:

— «Фантомов» нам, может быть, и не дадут, — но уж девальвацию франка точно дадут…

— Дурак ты, Тихонов, как я погляжу! Я не спорю, ты ценный теоретик, но уж если ты ляпнешь!.. Да и не в этом дело. Почему, сенаторы, я вас спрашиваю, почему весь Петушинский район охвачен пламенем, но никто, никто этого не замечает, даже в Петушинском районе? Короче, я пожимаю плечами и ухожу с поста президента. Я, как Понтий Пилат: умываю руки и допиваю перед вами весь наш остаток российской. Да. Я топчу ногами свои полномочия — и ухожу от вас. В Петушки.

Можете себе вообразить, какая буря поднялась среди делегатов, особенно когда я стал допивать остаток!..

А когда я стал уходить, когда ушел — какие слова полетели мне вслед! Тоже можете себе вообразить, я этих слов приводить вам не буду…

В моем сердце не было раскаяния. Я шел через луговины и пажити, через заросли шиповника и коровьи стада, мне в пояс кланялись хлеба и улы-

бались васильки. Но, повторяю, в сердце не было раскаяния… Закатилось солнце, а я все шел.

«Царица Небесная, как далеко еще до Петушков! — сказал я сам себе. — Иду, иду, а Петушков все нет и нет. Уже и темно повсюду — где же Петушки?»

«Где же Петушки?» — спросил я, подойдя к чьей-то освещенной веранде. Откуда она взялась, эта веранда? Может, это совсем не веранда, а терраса, мезонин или флигель? я ведь в этом ничего не понимаю и вечно путаю.

Я постучался и спросил: «Где же Петушки? Далеко еще до Петушков?» А мне в ответ — все, кто был на веранде, — все расхохотались и ничего не сказали. Я обиделся и снова постучал — ржание на веранде возобновилось. Странно! Мало того — кто-то ржал у меня за спиной.

Я оглянулся — пассажиры поезда «Москва — Петушки» сидели по своим местам и грязно улыбались. Вот как? Значит, я все еще еду?..

«Ничего, Ерофеев, ничего. Пусть смеются, не обращай внимания. Как сказал Саади, будь прям и прост, как кипарис, и будь, как пальма, щедр. Не понимаю, при чем тут пальма, ну да ладно, все равно будь, как пальма. У тебя кубанская в кармане осталась? осталась. Ну вот, поди на

площадку и выпей. Выпей, — чтобы не так тошнило».

Я вышел на площадку, сжатый со всех сторон кольцом дурацких ухмылок. Тревога поднималась с самого днища моей души, и невозможно было понять, что это за тревога, и откуда она, и почему она так невнятна…

— Мы подъезжаем к Усаду, да? — Народ толпился у дверей в ожидании выхода, и к ним-то я обращал свой вопрос: — Мы подъезжаем к Усаду?

— Ты, чем спьяну задавать глупые вопросы, лучше бы дома сидел, — отвечал какой-то старичок. — Дома бы лучше сидел и уроки готовил. Наверно, еще уроки к завтрему не приготовил, мама ругаться будет.

А потом добавил:

— От горшка два вершка, а уже рассуждать научился!..

Он что, очумел, этот дед? Какая мама? Какие уроки?.. От какого горшка?.. Да нет, наверно, не дед очумел, а я сам очумел. Потому что вот и другой старичок, с белым-белым лицом, стал около меня, снизу вверх посмотрел мне в глаза и сказал:

— Да и вообще: куда тебе ехать? Невеститься

тебе уже поздно, на кладбище рано. Куда тебе ехать, милая странница?..

«Милая странница!!!?»

Я вздрогнул и отошел в другой конец тамбура. Что-то неладное в мире. Какая-то гниль во всем королевстве, и у всех мозги набекрень. Я на всякий случай тихонько всего себя ощупал: какая же я после этого «милая странница»? С чего это он взял? Да и к чему? Можно, конечно, пошутить — но ведь не до такой же степени нелепо!

Я в своем уме, а они все не в своем — или наоборот: они все в своем, а я один не в своем? Тревога со дна души все подымалась и подымалась. И когда подъехали к остановке и дверь растворилась, я не удержался и спросил еще раз, у одного из выходящих, спросил:

— Это Усад, да?

А он (совсем неожиданно) вытянулся передо мной в струнку и рявкнул: «Никак нет!!» А потом — потом пожал мне руку, наклонился и на ухо сказал: «Я вашей доброты никогда не забуду, товарищ старший лейтенант!..»

И вышел из поезда, смахнув слезу рукавом.

Усад – 105-й километр

Я остался на площадке, в полном одиночестве и полном недоумении. Это было даже не совсем недоумение, это была все та же тревога, переходящая в горечь. В конце концов, черт с ним, пусть «милая странница», пусть «старший лейтенант», — но почему за окном темно, скажите мне, пожалуйста? Почему за окном чернота, если поезд вышел утром и прошел ровно сто километров?.. Почему?..

Я припал головой к окошку — о, какая чернота! и что там в этой черноте — дождь или снег? или просто я сквозь слезы гляжу в эту тьму? Боже!..

— А! Это ты! — кто-то сказал у меня за спиной таким приятным голосом, таким злорадным, что я даже поворачиваться не стал. Я сразу понял, кто стоит у меня за спиной. «Искушать сейчас начнет, тупая морда! Нашел же ведь время — искушать!»

— Так это ты, Ерофеев? — спросил Сатана.

— Конечно, я. Кто же еще?..

— Тяжело тебе, Ерофеев?

— Конечно, тяжело. Только тебя это не касается. Проходи себе дальше, не на такого напал…

Я все так и говорил: уткнувшись лбом в окошко

тамбура и не поворачиваясь.

— А раз тяжело, — продолжал Сатана, — смири свой порыв. Смири свой духовный порыв — легче будет.

— Ни за что не смирю.

— Ну и дурак.

— От дурака слышу.

— Ну ладно, ладно… уж и слова не скажи!.. Ты лучше вот чего: возьми — и на ходу из электрички выпрыгни. Вдруг да и не разобьешься…

Я сначала подумал, потом ответил:

— Не-а, не буду я прыгать, страшно. Обязательно разобьюсь…

И Сатана ушел, посрамленный.

А я — что мне оставалось? — я сделал из горлышка шесть глотков и снова припал головой к окошку. Чернота все плыла за окном и все тревожила. И будила черную мысль. Я стискивал голову, чтобы отточить эту мысль, но она все никак не оттачивалась, а растекалась, как пиво по столу. «Не нравится мне эта тьма за окном, очень не нравится».

Но шесть глотков кубанской уже подходили к сердцу, тихонько, по одному, подходили к сердцу; и сердце вступило в единоборство с рассудком…

«Да чем же она тебе не нравится, эта тьма?

Тьма есть тьма, и с этим ничего не поделаешь. Тьма сменяется светом, а свет сменяется тьмой — таково мое мнение. Да если она тебе и не нравится — она от этого быть тьмой не перестанет. Значит, остается один выход: принять эту тьму. С извечными законами бытия нам, дуракам, не совладать. Зажав левую ноздрю, мы можем сморкнуться только правой ноздрей. Ведь правильно? Ну, так и нечего требовать света за окном, если за окном тьма…»

«Так-то оно так… но ведь я выехал утром… В восемь шестнадцать, с Курского вокзала…»

«Да мало ли что утром!.. Теперь, слава Богу, осень, дни короткие; не успеешь очухаться — бах! уже темно… А ведь до Петушков ехать о-о-о как долго! От Москвы до Петушков о-о-о как долго ехать!..»

«Да чего „о-о-о“! Чего ты все „о-о-о“ да „о-о-о“! От Москвы до Петушков ехать ровно два часа пятнадцать минут. В прошлую пятницу, например…»

«Ну что тебе прошлая пятница?! Мало ли что было в прошлую пятницу! В прошлую пятницу и поезд-то шел почти без остановок. И вообще раньше поезда быстрее ходили… А теперь, черт знает что!.. У каждого столба останавливается и стоит, а зачем стоит? Уж прямо тошно иногда де-

лается: чего он все стоит да стоит. И так у каждого столба. Кроме Есино…»

Я взглянул за окно и опять нахмурился: «Да-а… странно все-таки… выехали в восемь утра… и все еще едем…»

Тут уж сердце взорвалось: «А другие-то? Другие-то что: хуже тебя? Другие — ведь тоже едут и не спрашивают, почему так долго и почему так темно? Тихонько едут и в окошко смотрят… Почему ты должен ехать быстрее, чем они? Смешно тебя слушать, Веня, смешно и противно… Какой торопыга! Если ты выпил, Веня, — так будь поскромнее, не думай, что ты умнее и лучше других!..»

Вот это меня уже совсем утешило. Я ушел с площадки снова в вагон и сел на лавочку, стараясь не глядеть в окошко. Вся публика в вагоне, человек пять или шесть, дремали вниз головой, как грудные младенцы… Я чуть было тоже не задремал…

И вдруг — подскочил на месте: «Боже милостивый! Но ведь в 11 утра она должна меня ждать! В 11 утра она уже будет меня ждать — а на дворе все еще темно… Значит, мне ее придется ждать до рассвета. Я ведь не знаю, где она живет. Я попадал к ней двенадцать раз, и все какими-то задворками и пьяный вдрабадан… Как обидно,

что я на тринадцатый раз еду к ней совершенно трезвый. Из-за этого мне придется ждать, когда же, наконец, рассветет! когда же взойдет заря моей тринадцатой пятницы!

Впрочем, стоп! Ведь я уезжал из Москвы — заря моей пятницы уже взошла. Значит — уже сегодня пятница! Почему же так темно за окном?..»

«Опять! Опять ты со своей темнотой! далась тебе эта темнота!»

«Но ведь в прошлую пятницу…»

«Опять со своей прошлой пятницей! Я вижу, Веня, ты весь в прошлом. Я вижу, ты совсем не хочешь думать о будущем!..»

«Нет, нет, послушай… В прошлую пятницу, ровно в 11 утра, она стояла на перроне, с косой от затылка до попы… и было очень светло, я хорошо помню, и косу хорошо помню…»

«Да что „коса“! Ты пойми, дурак, я тебе повторяю: день сейчас убывает, потому что осень. В прошлую пятницу в 11 утра, я не спорю, было светло. А в эту пятницу, в 11 утра, может уже быть совершенно темно, хоть глаз коли. Ты знаешь, как сейчас день убывает? Знаешь? Я вижу, ты ничего не знаешь, только хвалишься, что все знаешь!.. Тоже мне, сказал: „коса“! Да коса-то, может, и прибывает: она, может, с прошлой пят-

ницы уже ниже попы… А осенний день наоборот — он уже с гулькин хуй! Какой же ты все-таки бестолковый, Веня!»

Я не очень сильно ударил себя по щеке, выпил еще три глотка — и прослезился. Со дна души взамен тревоги поднималась любовь. Я совсем раскис: «Ты обещал ей пурпур и лилии, а везешь триста грамм конфет „Василек“. И вот — через двадцать минут ты будешь в Петушках, и на залитом солнцем перроне смутишься и подашь ей этот „Василек“. А все будут говорить: „13-й раз подряд мы видим сплошной «Василек». Но мы ни разу не видели ни лилий, ни пурпура“. А она рассмеется и скажет: „…“».

Тут я совсем почти задремал. Я уронил голову себе на плечо и до Петушков не хотел ее поднимать. Я снова отдался потоку…

105-й километр – Покров

Но мне помешали отдаться потоку. Чуть только я забылся, кто-то ударил меня хвостом по спине.

Я вздрогнул и обернулся: передо мною был некто без ног, без хвоста и без головы.

— Ты кто? — спросил я его в изумлении.

— Угадай, кто! — и он рассмеялся, по-людоедски рассмеялся…

— Вот еще! Буду я угадывать!..

Я обиженно отвернулся от него, чтобы снова забыться. Но тут меня кто-то с разгона трахнул головой по спине. Я опять обернулся: передо мною был все тот же некто, без ног, без хвоста и без головы…

— Ты зачем меня бьешь? — спросил я его.

— А ты угадай, зачем!.. — ответил тот, все с тем же людоедским смехом.

На этот раз — я все-таки решил угадать. «А то, если от него отвернешься, он, чего доброго, треснет тебя по спине обеими ногами…»

Я опустил глаза и задумался. Он — ждал, пока я додумаюсь, и в ожидании тихо поводил кулачищем у самых моих ноздрей. Как будто он мне, дураку, сопли вытирал…

Первым заговорил все-таки он:

— Ты едешь в Петушки? В город, где ни зимой, ни летом не отцветает и так далее?.. Где…

— Да. Где ни зимой, ни летом не отцветает и так далее.

— Где твоя паскуда валяется в жасмине и виссоне и птички порхают над ней и лобзают ее, куда им вздумается?

— Да. Куда им вздумается.

Он опять рассмеялся и ударил меня в поддых.

— Так слушай же. Перед тобою — Сфинкс. И он в этот город тебя не пустит.

— Почему же это он меня не пустит? Почему же это ты не пустишь? Там, в Петушках, — чего? моровая язва? Там кто-то вышел замуж за собственную дочь, и ты…?

— Там хуже, чем дочь и язва. Мне лучше знать, что там. Но я сказал тебе — не пущу, значит не пущу. Вернее, пущу при одном условии: ты разгадаешь мне пять моих загадок.

«Для чего ему, подлюке, загадки?» — подумал я про себя. А вслух сказал:

— Ну, так не томи, давай свои загадки. Убери свой кулачище, в поддых не бей, а давай загадки.

«Для чего ему, разъебаю, загадки?» — подумал я еще раз.

А он уже начал первую:

«Знаменитый ударник Алексей Стаханов два раза в день ходил по малой нужде и один раз в два дня — по большой. Когда же с ним случался запой, он четыре раза в день ходил по малой нужде и ни разу — по большой. Подсчитай, сколько раз в год ударник Алексей Стаханов сходил по малой нужде и сколько по большой нужде, если учесть, что у него триста двенадцать дней в году был запой».

Про себя я подумал: «На кого это он намекает, скотина? В туалет никогда не ходит? Пьет не просыпаясь? На кого намекает, гадина?..»

Я обиделся и сказал:

— Это плохая загадка. Сфинкс, это загадка с поросячьим подтекстом. Я не буду разгадывать эту плохую загадку.

— Ах, не будешь! Ну, ну! То ли ты еще у меня запоешь! Слушай вторую:

«Когда корабли Седьмого американского флота пришвартовались к станции Петушки, партийных девиц там не было, но если комсомолок называть партийными, то каждая третья из них была блондинкой. По отбытии кораблей Седьмого американского флота обнаружилось следующее: каждая третья комсомолка была изнасилована;

каждая четвертая изнасилованная оказалась комсомолкой; каждая пятая изнасилованная комсомолка оказалась блондинкой; каждая девятая изнасилованная блондинка оказалась комсомолкой. Если всех девиц в Петушках 428 — определи, сколько среди них осталось нетронутых беспартийных брюнеток?»

«На кого, на кого теперь намекает, собака? Почему это брюнетки все в целости, а блондинки все сплошь изнасилованы? Что он этим хочет сказать, паразит?»

— Я не буду решать и эту загадку, Сфинкс. Ты меня прости, но я не буду. Это очень некрасивая загадка. Давай лучше третью.

— Ха-ха! Давай третью!

«Как известно, в Петушках нет пунктов А. Пунктов Ц тем более нет. Есть одни только пункты Б. Так вот: Папанин, желая спасти Водопьянова, вышел из пункта Б1 в сторону пункта Б2. В то же мгновенье Водопьянов, желая спасти Папанина, вышел из пункта Б2 в пункт Б1. Неизвестно почему оба они оказались в пункте Б3, отстоящем от пункта Б1 на расстоянии 12-ти водопьяновских плевков, а от пункта Б2 — на расстоянии 16-ти плевков Папанина. Если учесть, что Папанин плевал на три метра семьдесят два сантиметра, а

Водопьянов совсем не умел плевать, выходил ли Папанин спасать Водопьянова?»

«Боже мой! Он что, с ума своротил, этот паршивый Сфинкс? Чего это он несет? Почему это в Петушках нет ни А, ни Ц, а одни только Б? На кого он, сука, намекает?..»

— Ха-ха! — вскричал, потирая руки, Сфинкс. — И эту решать не будешь?! И эту — не будешь?! Заело, длинный мозгляк? Заело? Так вот тебе — на тебе четвертую:

«Лорд Чемберлен, премьер Британской империи, выходя из ресторана станции Петушки, поскользнулся на чьей-то блевотине — и в падении опрокинул соседний столик. На столике до падения было: два пирожных по 35 коп., две порции бефстроганова по 78 коп. каждая, две порции вымени по 39 коп. и два графина с хересом, по 800 грамм каждый. Все тарелки остались целы. Все блюда пришли в негодность. А с хересом получилось так: один графин не разбился, но из него все до капельки вытекло; другой графин разбился вдребезги, но из него не вытекло ни капли. Если учесть, что стоимость пустого графина в шесть раз больше порции вымени, а цену хереса знает каждый ребенок, — узнай, какой счет был предъявлен лорду Чемберлену, премьеру Британской

империи, в ресторане Курского вокзала?!»

— Как то есть «Курского вокзала»?

— А вот так то есть. «Курского вокзала».

— Так он же поскользнулся-то — где? Он же в Петушках поскользнулся! Лорд Чемберлен поскользнулся-то ведь в петушинском ресторане!..

— А счет оплатил на Курском вокзале. Каким был этот счет?

«Боже ты мой! Откуда берутся такие Сфинксы? Без ног, без головы, без хвоста, да вдобавок еще несут такую ахинею! И с такою бандитскою рожей!.. На что он намекает, сволочь?..»

— Это не загадка, Сфинкс. Это издевательство.

— Нет, это не издевательство, Веня. Это загадка. Если и она тебе не нравится, тогда…

— Тогда давай последнюю, давай!

«Вот: идет Минин, а навстречу ему — Пожарский. „Ты какой-то странный сегодня, Минин, — говорит Пожарский, — как будто много выпил сегодня“. — „Да и ты тоже странный, Пожарский, идешь и на ходу спишь“. — „Скажи мне по совести, Минин, сколько ты сегодня выпил?“ — „Сейчас скажу: сначала 150 российской, потом 150 перцовой, 200 столичной, 550 кубанской и 700 грамм ерша. А ты?“ — „А я ровно столько же, Минин“. — „Так куда же ты теперь идешь, Пожар-

ский?“ — „Как куда? В Петушки, конечно. А ты, Минин?“ — „Так ведь я тоже в Петушки. Ты ведь, князь, идешь совсем не в ту сторону!„– „Нет, это ты идешь не туда, Минин“. Короче, они убедили друг дружку в том, что надо поворачивать обратно. Пожарский пошел туда, куда шел Минин, а Минин — туда, куда шел Пожарский. И оба попали на Курский вокзал.

Так. А теперь ты мне скажи: если б оба они не меняли курса, а шли бы каждый прежним путем — куда бы они попали? Куда бы Пожарский пришел? скажи».

— В Петушки? — подсказал я с надеждой.

— Как бы не так! Ха-ха! Пожарский попал бы на Курский вокзал! Вот куда!

И Сфинкс рассмеялся, и встал на обе ноги:

— А Минин? Минин куда бы попал, если б шел своею дорогою и не слушал советов Пожарского? Куда бы Минин пришел?..

— Может быть, в Петушки? — я уже мало на что надеялся и чуть не плакал. — В Петушки, да?..

— А на Курский вокзал — не хочешь?! Ха-ха! — И Сфинкс, словно ему жарко, словно он уже потел от торжества и злорадства, обмахнулся хвостом. — И Минин придет на Курский вокзал!.. Так кто же из них попадет в Петушки, ха-ха? А в

Петушки, ха-ха, вообще никто не попадет!..

Что это был за смех у этого подлеца! Я ни разу в жизни не слышал такого живодерского смеха! Да добро бы он только смеялся! — а то ведь он, не переставая смеяться, схватил меня за нос двумя суставами и куда-то потащил…

— Куда? Куда ты меня волокешь, Сфинкс? Куда ты меня волокешь?..

— А вот увидишь — куда! Ха-ха! Увидишь!..

Покров – 113-й километр

Он вытащил меня в тамбур, повернул меня мордой к окошку — и растворился в воздухе… Для чего это ему было надо?

Я посмотрел в окно. Действительно, прежней черноты за окном уже не было. На запотевшем стекле чьим-то пальцем было написано: «…» — и вот в эти просветы я увидел городские огни, много огней и уплывающую станционную надпись «Покров».

«Покров! Город Петушинского района! Три остановки, а потом — Петушки! Ты на верном пути, Венедикт Ерофеев». И вот моя тревога, которая до того со дна души все подымалась, разом опустилась на дно души и там затихла…

Три или четыре мгновения она, притихшая, там и лежала. А потом — потом она не то чтобы стала подыматься со дна души, нет, она со дна души подскочила, одна мысль, одна чудовищная мысль вобралась в меня так, что даже в коленках у меня ослабло:

Вот — я сейчас отъезжал от станции Покров. Я видел надпись «Покров» и яркие огни. Все это хорошо — и «Покров», и яркие огни. Но почему же

они оказались справа по ходу поезда?.. Я допускаю: мой рассудок в некотором затмении, но ведь я не мальчик, я же знаю: если станция Покров оказалась справа, значит — я еду из Петушков в Москву, а не из Москвы в Петушки!.. О, паршивый Сфинкс!

Я онемел и заметался по всему вагону, благо в нем уже не было ни души. «Постой, Веничка, не торопись. Глупое сердце, не бейся. Может, просто ты немного перепутал: может, Покров был все-таки слева, а не справа? Ты выйди, выйди опять в тамбур, посмотри получше, с какой стороны по ходу поезда на стекле написано „…“».

Я выскочил в тамбур и посмотрел направо: на запотевшем стекле отчетливо и красиво было написано «…». Я поглядел налево: там так же красиво было написано «…». Боже! Я схватился за голову и вернулся в вагон, и снова онемел и заметался…

«Постой, постой… А ты вспомни, Веничка, весь путь от Москвы ты сидел слева по ходу поезда, и все черноусые, все митричи, все декабристы — все сидели слева по ходу поезда. И значит, если ты едешь правильно, твой чемоданчик должен лежать слева по ходу поезда. Видишь, как просто!..»

Я забегал по всему вагону в поисках чемоданчика — чемоданчика нигде не было, ни слева, ни справа.

Где мой чемоданчик?!

«Ну, ладно, ладно, Веня, успокойся. Пусть. Чемоданчик — вздор, чемоданчик потом отыщется. Сначала разреши свою мысль: куда ты едешь? А уж потом ищи свой чемоданчик. Сначала отточи свою мысль — а уж потом чемоданчик. Мысль разрешить или миллион? Конечно, сначала мысль, а уж потом — миллион».

«Ты благороден, Веня. Выпей весь свой остаток кубанской — за то, что ты благороден».

И вот — я запрокинулся, допивая свой остаток. И — сразу — рассеялась тьма, в которую я был погружен, и забрезжил рассвет из самых глубин души и рассудка, и засверкали зарницы, по зарнице с каждым глотком и на каждый глоток по зарнице.

«Человек не должен быть одинок» — таково мое мнение. Человек должен отдавать себя людям, даже если его и брать не хотят. А если он все-таки одинок, он должен пройти по вагонам. Он должен найти людей и сказать им: «Вот. Я одинок. Я отдаю себя вам без остатка. (Потому что остаток только что допил, ха-ха!) А вы — отдайте

мне себя и, отдав, скажите: а куда мы едем? Из Москвы в Петушки или из Петушков в Москву?»

«И по-твоему, именно так должен поступать человек?» — спросил я сам себя, склонив голову влево.

«Да. Именно так, — склонив голову вправо, ответил я сам себе. — Не век же рассматривать „…“ на вспотевших стеклах и терзаться загадкою!..»

И я пошел по вагонам. В первом — не было никого, только брызгал дождь в открытые окна. Во втором — тоже никого; даже дождь не брызгал…

В третьем — кто-то был…

113-й километр – Омутище

…Женщина, вся в черном с головы до пят, стояла у окна и, безучастно разглядывая мглу за окном, прижимала к губам кружевной платочек. «Ни дать, ни взять — копия с „Неутешного горя“, копия с тебя, Ерофеев», — сразу подумал я про себя и сразу про себя рассмеялся.

Тихо, на цыпочках, чтобы не спугнуть очарования, я подошел к ней сзади и притаился. Женщина плакала…

Вот! Человек уединяется, чтобы поплакать. Но изначально он не одинок. Когда человек плачет, он просто не хочет, чтобы кто-нибудь был сопричастен его слезам. И правильно делает, ибо есть ли что-нибудь на свете выше безутешности?.. О, сказать бы сейчас такое, такое сказать бы, — чтобы брызнули слезы из глаз всех матерей, чтобы в траур облеклись дворцы и хижины, кишлаки и аулы!..

Что же мне все-таки сказать?

— Княгиня, — позвал я тихо.

— Ну, чего тебе? — отозвалась княгиня, глядя в окно.

— Ничего. Губную гармонь у тебя видно со спи-

ны, вот чего…

— Не болтай ногами, малый. Это не гармонь, а переносица… Ты лучше посиди и помолчи, за умного сойдешь…

«Это мне-то, в моем положении — молчать! Мне, который шел через все вагоны за разрешением загадки!.. Жаль, что я забыл, о чем эта загадка, но помню, что-то очень важное… Впрочем, ладно, потом вспомню… Женщина плачет — а это гораздо важнее… О, позорники! Превратили мою землю в самый дерьмовый ад — и слезы заставляют скрывать от людей, а смех выставлять напоказ!.. О, низкие сволочи! Не оставили людям ничего, кроме „скорби“ и „страха“, и после этого — и после этого смех у них публичен, а слеза под запретом!..

О, сказать бы сейчас такое, чтобы сжечь их всех, гадов, своим глаголом! Такое сказать, что повергло бы в смятение все народы древности!..»

Я подумал и сказал:

— Княгиня!.. а, княгиня!..

— Ну, чего тебе опять?

— Нет у тебя уже гармони. Не видно.

— Чего ж тебе тогда видно?

— Одни только кустики. (Она все отвечала, глядя в окно и ко мне не поворачиваясь.)

— Сам ты кустик, я вижу…

«Ну что ж, кустик, так кустик». Я сразу как-то обмяк, сел на лавку и разомлел. Никак, хоть умри, никак я не мог припомнить, для чего я пошел по вагонам и встретил вот эту женщину… О чем же все-таки это «важное»?

— Слушай-ка, княгиня!.. А где твой камердинер Петр? Я его не видел с прошлого августа.

— Чего ты мелешь?

— Честное слово, с тех пор не видел… Где он, твой камердинер?

— Он такой же твой, как и мой! — огрызнулась княгиня. И вдруг рванулась с места и зашагала к дверям, подметая платьем пол вагона. У самых дверей — остановилась, повернула ко мне сиплое, надтреснутое лицо, все в слезах, и крикнула:

— Ненавижу я тебя, Андрей Михайлович! Не-на-ви-жу!!

И скрылась.

«Вот это да-а-а, — протянул я восторженно, как давеча декабрист. — Ловко она меня отбрила!» И ведь так и ушла, не ответив на самое главное!.. Царица Небесная, что же это главное? Именем щедрот твоих — дай припомнить!.. Камердинер!

Я позвонил в колокольчик… Через час — опять позвонил.

— Ка-мер-ди-нер!!

Вошел слуга, весь в желтом, мой камердинер по имени Петр. Я ему как-то посоветовал, спьяну, ходить во всем желтом, до самой смерти, — так он послушался, дурак, и до сих пор так и ходит.

— Знаешь что, Петр? Я спал сейчас или нет — как ты думаешь? Спал?

— В том вагоне — да, спал.

— А в этом — нет?

— А в этом — нет.

— Чудно мне это, Петр… Зажги-ка канделябры. Я люблю, когда горят канделябры, хоть и не знаю толком, что это такое… А то, знаешь, опять мне делается тревожно… Значит, Петр, если тебе верить: я в том вагоне спал, а в этом проснулся. Так?

— Не знаю. Я сам спал — в этом вагоне.

— Гм. Хорошо. Но почему же ты не встал и меня не разбудил? Почему?

— Да зачем мне тебя было будить! В этом вагоне тебя незачем было будить, потому что ты спал в том. А в том — зачем тебя было будить, если ты в этом и сам проснулся?

— Ты не путай меня, Петр, не путай… Дай подумать. Видишь, Петр, я никак не могу разрешить одну мысль. Так велика эта мысль.

— Какая же это мысль?

— А вот какая: выпить у меня чего-нибудь осталось?..

Омутище – Леоново

Нет, нет, ты не подумай, это не сама мысль, это просто средство, чтоб ее разрешить. Ты понимаешь — когда хмель уходит от сердца, являются страхи и шаткость сознания. Если б я сейчас выпил, я не был бы так расщеплен и разбросан… Не очень заметно, что я расщеплен?

— Совсем ничего не заметно. Только рожа опухла.

— Ну, это ничего. Рожа — это ничего…

— И выпить тоже нет ничего, — подсказал Петр, встал и зажег канделябры.

Я встрепенулся. «Хорошо, что ты зажег, хорошо, а то — знаешь? — немножко тревожно. Мы все едем, едем целую ночь, и нет никого с нами, кроме нас».

— А где же твоя княгиня, Петр?

— Она давно уже вышла.

— Куда вышла?

— В Храпунове вышла. Она из Петушков ехала в Храпуново. В Орехово-Зуеве вошла, а в Храпунове — вышла.

— Какое еще Храпуново! Что ты все мелешь, Петр?.. Ты не путай меня, не путай… Так, так…

Самая главная мысль… Кружится у меня почему-то в голове Антон Чехов. Да, и Фридрих Шиллер. Фридрих Шиллер и Антон Чехов. А почему — понятия не имею. Да, да… вот теперь яснее: Фридрих Шиллер, когда садился писать трагедию, ноги всегда опускал в шампанское. Вернее, нет, не так. Это тайный советник Гёте, он дома у себя ходил в тапочках и шлафроке… А я — нет, я и дома без шлафрока; я и на улице — в тапочках… А Шиллер-то тут при чем? Да, вот он при чем: когда ему водку случалось пить, он ноги свои опускал в шампанское. Опустит и пьет. Хорошо! А Чехов Антон перед смертью сказал: «Выпить хочу». И умер…

Петр все глядел на меня, стоя надо мной. И все еще мало что понимал.

— Отведи глаза, пошляк, не смотри. Я мысли собираю, а ты — смотришь. Вот еще Гегель был. Это я очень хорошо помню: был Гегель. Он говорил: «Нет различий, кроме различия в степени между различными степенями и отсутствием различия». То есть, если перевести это на хороший язык: «Кто же сейчас не пьет?» Есть у нас что-нибудь выпить, Петр?

— Нет ничего. Все выпито.

— И во всем поезде нет никого?

— Никого.

— Так…

Я опять задумался. И странная это была дума. Она обволакивалась вокруг чего-то такого, что само по себе во что-то обволакивалось. И это «что-то» тоже было странно. И дума — тяжелая была дума…

Что я делал в это мгновение — засыпал или просыпался? Я не знаю, и откуда мне знать? «Есть бытие, но именем каким его назвать? — ни сон оно, ни бденье». Я продремал так минут 12 или 35.

А когда очнулся — в вагоне не было ни души, и Петр куда-то исчез. Поезд все мчался сквозь дождь и черноту. Странно было слышать хлопанье дверей во всех вагонах: оттого странно, что ведь ни в одном вагоне нет ни души…

Я лежал, как труп, в ледяной испарине, и страх под сердцем все накапливался…

— Ка-мер-ди-нер!

В дверях появился Петр, с синюшным и злым лицом. «Подойди сюда, Петр, подойди, ты тоже весь мокрый — почему? Это ты сейчас хлопал дверями, да?»

— Я ничем не хлопал. Я спал.

— Кто же тогда хлопал?

Петр глядел на меня, не моргая.

— Ну, это ничего, ничего. Если под сердцем растет тревога, значит, надо ее заглушить, а чтобы заглушить, надо выпить. А у нас есть что-нибудь выпить?

— Нет ничего. Все выпито.

— И во всем поезде никого-никого?

— Никого.

— Врешь, Петр, ты все мне врешь!!! Если никого, так кто же там гудит дверями и окнами? А? Ты знаешь?.. Слышишь?.. У тебя и выпить, наверное, есть, а ты мне все врешь!..

Петр, все так же, не моргая и со злобою, глядел на меня. Я видел по морде его, что я его раскусил, что я понял его и что он теперь боится меня. Да, да; он повалился на канделябр и погасил его собою — и так пошел по вагону, гася огни. «Ему стыдно, стыдно!» — подумал я. Но он уже выпрыгнул в окошко.

— Возвратись, Петр! — я так закричал, что не сумел узнать своего голоса. — Возвратись!

— Проходимец! — отвечал тот из-за окошка.

И вдруг — впорхнул опять в вагон, подлетел ко мне, рванул меня за волосы, сначала вперед, потом назад, потом опять вперед, и все это с самой отчаянной злобою…

— Что с тобой, Петр? Что с тобой?!..

— Ничего! Оставайся! Оставайся тут, бабулень-ка! Оставайся, старая стерва! Поезжай в Москву! Продавай свои семечки! А я не могу больше, не могу-у-у-у…

И снова выпорхнул, теперь уже навечно.

«Черт знает что такое! Что с ними со всеми?» Я стиснул виски, вздрогнул и забился. Вместе со мною вздрогнули и забились вагоны. Они, оказы-вается, давно уже бились и дрожали…

Леоново – Петушки

…Двери вагонов защелкали, потом загудели, все громче и явственнее. И вот — влетел в мой вагон, и пролетел вдоль вагона, с поголубевшим от страха лицом, тракторист Евтюшкин. А спустя десяток мгновений тем же путем ворвались полчища Эриний и устремились следом за ним. Гремели бубны и кимвалы…

Волосы мои встали дыбом. Не помня себя, я вскочил, затопал ногами:

«Остановитесь, девушки! Богини мщения, остановитесь! В мире нет виноватых!..» А они все бежали.

И когда последняя со мной поравнялась, я закипел, я ухватил ее сзади, она задыхалась от бега.

— Куда вы? Куда вы все бежите?..

— Чего тебе?! Отвяжи-и-сь! Пусти-и-и-и!..

— Куда? И все мы едем — куда??..

— Да тебе-то что за дело, бешена-а-ай!..

И вдруг повернулась ко мне, обхватила мою голову и поцеловала меня в лоб — до того неожиданно, что я засмущался, присел и стал грызть подсолнух.

А покуда я грыз подсолнух, она отбежала немно-

го, взглянула на меня, вернулась — и съездила меня по левой щеке. Съездила, взвилась к потолку и ринулась догонять подруг. Я бросился следом за ней, преступно выгибая шею…

Пламенел закат, и лошади вздрагивали, и где то счастье, о котором пишут в газетах? Я бежал и бежал, сквозь вихорь и мрак, срывая двери с петель, я знал, что поезд «Москва — Петушки» летит под откос. Вздымались вагоны — и снова проваливались, как одержимые одурью… И тогда я заметался и крикнул:

— О-о-о-о-о! Посто-о-ойте!.. А-а-а-а!..

Крикнул и оторопел: хор Эриний бежал обратно, со стороны головного вагона прямо на меня, паническим стадом. За ними следом гнался разъяренный Евтюшкин. Вся эта лавина опрокинула меня и погребла под собой…

А кимвалы продолжали бряцать, а бубны гремели. И звезды падали на крыльцо сельсовета. И хохотала Суламифь.

Петушки. Перрон

А потом, конечно, все заклубилось. Если вы скажете, что то был туман, я, пожалуй, и соглашусь — да, как будто туман. А если вы скажете — нет, то не туман, то пламень и лед — попеременно то лед, то пламень, — я вам на это скажу: пожалуй что и да, лед и пламень, то есть сначала стынет кровь, стынет, а как застынет, тут же начинает кипеть и, вскипев, застывает снова.

«Это лихорадка, — подумал я. — Этот жаркий туман повсюду — от лихорадки, потому что сам я в ознобе, а повсюду жаркий туман». А из тумана выходит кто-то очень знакомый, Ахиллес не Ахиллес, но очень знакомый. О! теперь узнал: это понтийский царь Митридат. Весь в соплях измазан, а в руках — ножик…

— Митридат, это ты, что ли? — мне было так тяжело, что говорил я почти беззвучно. — Это ты, что ли, Митридат?..

— Я, — ответил понтийский царь Митридат.

— А измазан весь — почему?

— А у меня всегда так. Как полнолуние — так сопли текут…

— А в другие дни не текут?

— Бывает, что и текут. Но уж не так, как в полнолуние.

— И ты что же, совсем их не утираешь? — я перешел почти на шепот. — Не утираешь?

— Да как сказать? случается, что и утираю, только ведь разве в полнолуние их утрешь? не столько утрешь, сколько размажешь. Ведь у каждого свой вкус — один любит распускать сопли, другой утирать, третий размазывать. А в полнолуние…

Я прервал его:

— Красиво ты говоришь, Митридат, только зачем у тебя ножик в руках?..

— Как зачем?.. да резать тебя — вот зачем!.. Спрашивает тоже: зачем?.. Резать, конечно…

И как он переменился сразу! все говорил мирно, а тут ощерился, почернел — и куда только сопли девались? — и еще захохотал, сверх всего! Потом опять ощерился, потом опять захохотал!

Озноб забил меня снова: «Что ты, Митридат, что ты! — шептал я или кричал, не знаю. — Убери нож, убери, зачем…?» А он уже ничего не слышал и замахивался, в него словно тысяча почерневших бесов вселилась… «Изувер!» И тут мне пронзило левый бок, и я тихонько застонал, потому что не было во мне силы даже рукою

защититься от ножика… «Перестань, Митридат, перестань…»

Но тут мне пронзило правый бок, потом опять левый, опять правый, — я успевал только бессильно взвизгивать, — и забился от боли по всему перрону. И проснулся, весь в судорогах. Вокруг — ничего, кроме ветра, тьмы и собачьего холода. «Что со мной и где я? почему это дождь моросит? Боже…»

И опять уснул. И опять началось все то же, и озноб, и жар, и лихоманка, а оттуда, издали, где туман, выплыли двое этих верзил со скульптуры Мухиной, рабочий с молотом и крестьянка с серпом, и приблизились ко мне вплотную и ухмыльнулись оба. И рабочий ударил меня молотом по голове, а потом крестьянка — серпом по…цам. Я закричал — наверно, вслух закричал — и снова проснулся, на этот раз даже в конвульсиях, потому что теперь уже все во мне содрогалось — и лицо, и одежда, и душа, и мысли.

О, эта боль! О, этот холод собачий! О, невозможность! Если каждая пятница моя будет и впредь такой, как сегодняшняя, — я удавлюсь в один из четвергов!.. Таких ли судорог я ждал от вас, Петушки? пока я добирался до тебя, кто зарезал твоих птичек и вытоптал твой жасмин?.. Царица

Небесная, я — в Петушках!..

«Ничего, ничего, Ерофеев… Талифа куми, как сказал Спаситель, то есть встань и иди. Я знаю, знаю, ты раздавлен, всеми членами и всею душой, и на перроне мокро и пусто, и никто тебя не встретил, и никто никогда не встретит. А все-таки встань и иди. Попробуй… А чемоданчик где твой? Боже, где твой чемоданчик с гостинцами?.. два стакана орехов для мальчика, конфеты „Василек“ и пустая посуда… где чемоданчик? кто и зачем его украл — ведь там же были гостинцы!.. А посмотри, посмотри, есть ли деньги, может, есть хоть немножко? Да, да, немножко есть, совсем чуть-чуть; но что они теперь — деньги?.. О, эфемерность! О, тщета! О, гнуснейшее, позорнейшее время в жизни моего народа — время от закрытия магазинов до рассвета!..

Ничего, ничего, Ерофеев… Талифа куми, как сказала твоя Царица, когда ты лежал во гробе, — то есть встань, оботри пальто, почисти штаны, отряхнись и иди. Попробуй хоть шага два, а дальше будет легче. Что ни дальше — то легче. Ты же сам говорил больному мальчику: „Раз-два-туфли надень-ка как-ти-бе-не стыдна-спать…“ Самое главное — уйди от рельсов, здесь вечно ходят поезда, из Москвы в Петушки, из Петушков в

Москву. Уйди от рельсов. Сейчас ты все узнаешь, и почему нигде ни души, узнаешь и почему она не встретила, и все узнаешь… Иди, Веничка, иди…»

Петушки. Вокзальная площадь

«Если хочешь идти налево, Веничка, — иди налево. Если хочешь направо — иди направо. Все равно тебе некуда идти. Так что уж лучше иди вперед, куда глаза глядят…»

Кто-то мне говорил когда-то, что умереть очень просто: что для этого надо сорок раз подряд глубоко, глубоко, как только возможно, вздохнуть, и выдохнуть столько же, из глубины сердца, — и тогда ты испустишь душу. Может быть, попробовать?..

О, погоди, погоди!.. Может, время сначала узнать? Узнать, сколько времени?.. Да ведь у кого узнать, если на площади ни единой души, то есть решительно ни единой?.. Да если б и встретилась живая душа — смог бы ты разве разомкнуть уста, от холода и от горя? Да, от горя и от холода… О, немота!..

И если я когда-нибудь умру — а я очень скоро умру, я знаю, — умру, так и не приняв этого мира, постигнув его вблизи и издали, снаружи и изнутри постигнув, но не приняв, — умру, и Он меня спросит: «Хорошо ли было тебе там? Плохо ли тебе было?» — я буду молчать, опущу глаза

и буду молчать, и эта немота знакома всем, кто знает исход многодневного и тяжелого похмелья. Ибо жизнь человеческая не есть ли минутное окосение души? и затмение души тоже. Мы все как бы пьяны, только каждый по-своему, один выпил больше, другой меньше. И на кого как действует: один смеется в глаза этому миру, а другой плачет на груди этого мира. Одного уже вытошнило, и ему хорошо, а другого только еще начинает тошнить. А я — что я? я много вкусил, а никакого действия, я даже ни разу как следует не рассмеялся, и меня не стошнило ни разу. Я, вкусивший в этом мире столько, что теряю счет и последовательность, — я трезвее всех в этом мире; на меня просто туго действует… «Почему же ты молчишь?» — спросит меня Господь, весь в синих молниях. Ну что я ему отвечу? Так и буду: молчать, молчать…

Может, все-таки разомкнуть уста? — найти живую душу и спросить, сколько времени?..

Да зачем тебе время, Веничка? Лучше иди, иди, закройся от ветра и потихоньку иди… Был у тебя когда-то небесный рай, узнавал бы время в прошлую пятницу — а теперь небесного рая больше нет, зачем тебе время? Царица не пришла к тебе на перрон, с ресницами, опущенными ниц;

божество от тебя отвернулось, — так зачем тебе узнавать время? «Не женщина, а бланманже», как ты в шутку ее называл, — на перрон к тебе не пришла. Утеха рода человеческого, лилия долины — не пришла и не встретила. Какой же смысл после этого узнавать тебе время, Веничка?..

Что тебе осталось? утром — стон, вечером — плач, ночью — скрежет зубовный… И кому, кому в мире есть дело до твоего сердца? Кому?.. Вот, войди в любой петушинский дом, у любого порога спроси: «Какое вам дело до моего сердца?» Боже мой…

Я повернул за угол и постучался в первую же дверь.

Петушки. Садовое кольцо

Постучался — и, вздрагивая от холода, стал ждать, пока мне отворят…

«Странно высокие дома понастроили в Петушках!.. Впрочем, это всегда так, с тяжелого и многодневного похмелья: люди кажутся безобразно сердитыми, улицы — непомерно широкими, дома — странно большими… Все вырастает с похмелья ровно настолько, насколько все казалось ничтожнее обычного, когда ты был пьян… Помнишь лемму этого черноусого?»

Я еще раз постучался, чуть громче прежнего: «Неужели так трудно отворить человеку дверь и впустить его на три минуты погреться? Я этого не понимаю… Они, серьезные, это понимают, а я, легковесный, никогда не пойму… Мене, текел, фарес — то есть „ты взвешен на весах и найден легковесным“, то есть „текел“… Ну и пусть, пусть…

Но есть ли там весы или нет — все равно — на тех весах вздох и слеза перевесят расчет и умысел. Я это знаю тверже, чем вы что-нибудь знаете. Я много прожил, много перепил и продумал — и знаю, что говорю. Все ваши путеводные звезды

катятся к закату, а если и не катятся, то едва мерцают. Я не знаю вас, люди, я вас плохо знаю, я редко на вас обращал внимание, но мне есть дело до вас: меня занимает, в чем теперь ваша душа, чтобы знать наверняка, вновь ли возгорается звезда Вифлеема или вновь начинает меркнуть, а это самое главное. Потому что все остальные катятся к закату, а если и не катятся, то едва мерцают, а если даже и сияют, то не стоят и двух плевков.

Есть там весы, нет там весов — там мы, легковесные, перевесим и одолеем. Я прочнее в это верю, чем вы во что-нибудь верите. Верю, и знаю, и свидетельствую миру. Но почему же так странно расширили улицы в Петушках?..»

Я отошел от дверей, и тяжелый взгляд свой переводил с дома на дом, с подъезда на подъезд. И пока вползала в меня одна тяжелая мысль, которую страшно вымолвить, вместе с тяжелой догадкой, которую вымолвить тоже страшно, — я все шел и шел, и в упор рассматривал каждый дом, и хорошо рассмотреть не мог: от холода или отчего еще мне глаза устилали слезы…

«Не плачь, Ерофеев, не плачь… Ну зачем? И почему ты так дрожишь? от холода или еще отчего?.. не надо…»

Если б у меня было хоть двадцать глотков кубанской! Они подошли бы к сердцу, и сердце всегда сумело бы убедить рассудок, что я в Петушках! Но кубанской не было: я свернул в переулок, и снова задрожал и заплакал…

И тут — началась история, страшнее всех, виденных во сне: в этом самом переулке навстречу мне шли четверо… Я сразу их узнал, я не буду вам объяснять, кто эти четверо… Я задрожал сильнее прежнего, я весь превратился в сплошную судорогу…

А они подошли и меня обступили. Как бы вам объяснить, что у них были за рожи? да нет, совсем не разбойничьи рожи, скорее даже наоборот, с налетом чего-то классического, но в глазах у всех четверых — вы знаете? вы сидели когда-нибудь в туалете на Петушинском вокзале? помните, как там, на громадной глубине, под круглыми отверстиями, плещется и сверкает эта жижа карего цвета? — вот такие были глаза у всех четверых. А четвертый был похож… впрочем, я потом скажу, на кого он был похож.

— Ну, вот ты и попался, — сказал один.

— Как то есть… попался? — голос мой страшно дрожал, от похмелья и от озноба. Они решили, что от страха.

— А вот так и попался! Больше никуда не поедешь.

— А почему?..

— А потому.

— Слушайте… — голос мой срывался, потому что дрожал каждый мой нерв, а не только голос. Ночью никто не может быть уверен в себе, то есть я имею в виду: холодной ночью. И апостол предал Христа, покуда третий петух не пропел. Вернее, не так: и апостол предал Христа трижды, пока не пропел петух. Я знаю, почему он предал, — потому что дрожал от холода, да. Он еще грелся у костра, вместе с этими. А у меня и костра нет, и я с недельного похмелья. И если б испытывали теперь меня, я предал бы Его до семижды семидесяти раз, и больше бы предал…

— Слушайте, — говорил я им, как умел, — вы меня пустите… что я вам?.. я просто не доехал до девушки… ехал и не доехал… я просто проспал, у меня украли чемоданчик, пока я спал… там пустяки и были, а все-таки жалко… «Василек»…

— Какой еще василек? — со злобою спросил один.

— Да конфеты, конфеты «Василек»… и орехов двести грамм, я младенцу их вез, я ему обещал за то, что он букву хорошо знает… но это чепуха…

вот только дождаться рассвета, я опять поеду… правда, без денег, без гостинцев, но они и так примут, и ни слова не скажут… даже наоборот.

Все четверо смотрели на меня в упор, и все четверо, наверно, думали: «Как этот подонок труслив и элементарен!» О, пусть, пусть себе думают, только бы отпустили!.. Где, в каких газетах я видел эти рожи?..

— Я хочу опять в Петушки…

— Не поедешь ты ни в какие Петушки!

— Ну… пусть не поеду, я на Курский вокзал хочу…

— Не будет тебе никакого вокзала!

— Да почему?..

— Да потому!

Один размахнулся — и ударил меня по щеке, другой — кулаком в лицо, остальные двое тоже надвигались, — я ничего не понимал. Я все-таки устоял на ногах и отступал от них тихо, тихо, тихо, а они все четверо тихо наступали…

«Беги, Веничка, хоть куда-нибудь, все равно куда!.. Беги на Курский вокзал! Влево, или вправо, или назад — все равно туда попадешь! Беги, Веничка, беги!..»

Я схватился за голову — и побежал. Они — следом за мной…

Петушки. Кремль. Памятник Минину и Пожарскому

«А может быть, это все-таки Петушки?.. Может, крикнуть „караул“, хоть кому-нибудь? Куда все вымерли? И фонари горят фантастично, горят, не сморгнув. Может, и в самом деле Петушки? Вот этот дом, на который я сейчас бегу, — это же райсобес, а за ним туман и мгла. Петушинский райсобес, а за ним тьма во веки веков и гнездилище душ умерших. О, нет, нет!..»

Я выскочил на площадь, устланную мокрой брусчаткой, оглянулся и перевел дух. Нет, это не Петушки! Если Он навсегда покинул мою землю, но видит каждого из нас, — Он в эту сторону ни разу и не взглянул. А если Он никогда моей земли не покидал, если всю ее исходил босой и в рабском виде, — Он это место обогнул и прошел стороной.

Не Петушки это, нет! Петушки Он стороной не обходил. Он часто ночевал там при свете костра, и я во многих тамошних душах замечал следы Его ночлега — пепел и дым Его ночлега. Пламени не надо, был бы хоть пепел и дым.

Нет, это не Петушки! Кремль сиял передо мной во всем великолепии. И хоть я слышал уже за собою топот погони — я успел подумать: «Вот! Сколько раз я проходил по Москве, вдоль и поперек, в здравом уме и в бесчувствиях, сколько раз проходил — и ни разу не видел Кремля, я в поисках Кремля всегда натыкался на Курский вокзал. И вот теперь наконец увидел — когда Курский вокзал мне нужнее всего на свете!..»

Неисповедимы Твои пути…

Топот все приближался — а я уже ничего не мог. Я, спотыкаясь, добрел до Кремлевской стены — и рухнул. «Что это за люди и что я сделал этим людям?» — такого вопроса у меня не было, я весь издрог и извелся страхом, мне было все равно. И заметят они меня или не заметят — тоже все равно. «Мне не нужна дрожь, мне нужен покой, — вот все мои желания. Пронеси, Господь…»

Они приближались с четырех сторон, поодиночке. Подошли и обступили, с тяжелым сопением. Хорошо, что я успел подняться на ноги — они бы сразу убили меня…

— Ты от нас? От нас хотел убежать? — прошипел один и схватил меня за волосы и, сколько в нем было силы, хватил меня головой о кремлевскую стену. Мне показалось, что я раскололся

от боли, кровь стекала по лицу и за шиворот… Я почти упал, но удержался… Началось избиение!

— Ты ему в брюхо сапогом! Пусть корячится!

Боже! я вырвался и побежал — вниз по площади. «Беги, Веничка, если сможешь, беги, ты убежишь, они совсем не умеют бегать!» На два мгновения я остановился у памятника — смахнул кровь с бровей, чтобы лучше видеть — сначала посмотрел на Минина, потом на Пожарского, потом опять на Минина — куда? в какую сторону бежать? Где Курский вокзал и куда бежать? раздумывать было некогда — я полетел в ту сторону, куда смотрел князь Дмитрий Пожарский…

Москва – Петушки. Неизвестный подъезд

Все-таки до самого последнего мгновения я еще рассчитывал от них спастись. И когда вбежал в неизвестный подъезд и дополз до самой верхней площадки и снова рухнул — я все еще надеялся… «О, ничего, ничего, сердце через час утихнет, кровь отмоется, лежи, Веничка, лежи до рассвета, а там на Курский вокзал… Не надо так дрожать, я же тебе говорил, не надо…»

Сердце билось так, что мешало вслушиваться, и все-таки я расслышал: дверь подъезда внизу медленно приотворилась и не затворялась мгновений пять…

Весь сотрясаясь, я сказал себе «талифа куми». То есть «встань и приготовься к кончине»… Это уже не «талифа куми», то есть «встань и приготовься к кончине», это лама савахфани. То есть: «Для чего, Господь, Ты меня оставил?»

«Для чего же все-таки, Господь, Ты меня оставил?»

Господь молчал.

«Ангелы небесные, они подымаются! что мне

делать? что мне сейчас сделать, чтобы не умереть? ангелы!..»

И ангелы — засмеялись. Вы знаете, как смеются ангелы? Это позорные твари, теперь я знаю, — вам сказать, как они сейчас засмеялись? Когда-то, очень давно, в Лобне, у вокзала, зарезало поездом человека, и непостижимо зарезало: всю его нижнюю половину измололо в мелкие дребезги и расшвыряло по полотну, а верхняя половина, от пояса, осталась как бы живою, и стояла у рельсов, как стоят на постаментах бюсты разной сволочи. Поезд ушел, а он, эта половина, так и остался стоять, и на лице у него была какая-то озадаченность, и рот полуоткрыт. Многие не могли на это глядеть, отворачивались, побледнев и со смертной истомой в сердце. А дети подбежали к нему, трое или четверо детей, где-то подобрали дымящийся окурок и вставили его в мертвый полуоткрытый рот. И окурок все дымился, а дети скакали вокруг — и хохотали над этой забавностью...

Вот так и теперь небесные ангелы надо мной смеялись. Они смеялись, а Бог молчал... А этих четверых я уже увидел — они подымались с последнего этажа... А когда я их увидел, сильнее всякого страха (честное слово, сильнее) было удивление: они, все четверо, подымались босые

и обувь держали в руках — для чего это надо было? чтобы не шуметь в подъезде? или чтобы незаметнее ко мне подкрасться? не знаю, но это было последнее, что я запомнил. То есть вот это удивление.

Они даже не дали себе отдышаться — и с последней ступеньки бросились меня душить, сразу пятью или шестью руками; я, как мог, отцеплял их руки и защищал свое горло, как мог. И вот тут случилось самое ужасное: один из них, с самым свирепым и классическим профилем, вытащил из кармана громадное шило с деревянной рукояткой; может быть, даже не шило, а отвертку или что-то еще — я не знаю. Но он приказал всем остальным держать мои руки, и, как я ни защищался, они пригвоздили меня к полу, совершенно ополоумевшего…

— Зачем-зачем?.. зачем-зачем-зачем?.. — бормотал я…

Они вонзили мне свое шило в самое горло…

Я не знал, что есть на свете такая боль, я скрючился от муки. Густая красная буква «Ю» расплаталась у меня в глазах, задрожала, и с тех пор я не приходил в сознание, и никогда не приду.

На кабельных работах в Шереметьево
– Лобня, осень 69 года

Эдуард Власов
Бессмертная поэма Венедикта Ерофеева «Москва—Петушки»
Спутник писателя

Предисловие

No man alive will convert you
With another tale to tell.
You know that we shall meet again
If your memory serves you well.

Bob Dylan

Все говорят: «спутник писателя», «спутник писателя». От всех я много слышал про него, а сам ни разу не видел. Потому и решил создать. К «Москве — Петушкам». Спутник писателя. Говорят, что такие спутники есть уже у Пушкина и Ильфа с Петровым. Но их почему-то авторы скромно называют «комментарием» или «спутником читателя». Хотя у Щеглова самый что ни на есть «спутник писателя». Да и у Лотмана тоже. Вот у Набокова — там уж точно «спутник читателя», а у Лотмана — нет, «спутник писателя».

Да мне, собственно, и не надо было писать «спутник читателя». Их уже до меня написали. Два больших и несколько маленьких. Хорошие «спутники» — ничего не скажешь. Только вот проблема — слегка однобоки. Ведь писались они всякий раз читателем и для читателя. А читате-

ли-то все разные — это только писатели у них одинаковые. У каждого читателя свой идеал, вкус, свой угол зрения. Вот, например, первый — маленький, но весьма содержательный, «спутник читателя» — статья И. Паперно и Б. Гаспарова (1981). Они все там здорово показали. Только сквозь призму одного мотива — «встань и иди». Понятно, почему они сквозь этот мотив Ерофеева разглядывали: за окном — Тарту, 1980 год, сами авторы на пороге отъезда, то есть уже встали и вот-вот пойдут. Поэтому им дела никакого не было до мотива удушения («удавят, как мальчика»), закалывания («зарежут, как девочку») или, скажем, до тогда еще мало актуального трансвестиционного мотива («милая странница», «бабуленька — старая стерва», Красная Шапочка). Зачем думать о плохом или о странном, когда впереди хорошее? А во «встань и иди» ничего феноменального нет — это ноуменально, естественно.

В двух же больших «спутниках читателя» тоже много интересного. И С. Гайсер-Шнитман (1989), и Ю. Левин (1996) указывают на многие источники цитат, аллюзий и реминисценций, которыми изобилует поэма. Глаза поклонникам поэтической натуры Венички раскрывают. Ведь,

как предполагала Ахматова, «может быть, поэзия сама — одна великолепная цитата». Однако и здесь все несколько односторонне. Растекаться мыслью по столу не стану, а приведу один лишь пример. По поводу известного описания творческого процесса Шиллера — с шампанским и тазом с ледяной водой — Гайсер-Шнитман честно пишет: «В просмотренных [sic!] мною биографиях Шиллера я не нашла указаний на упомянутый способ его вдохновения. Если учесть, что Шиллер жил очень скромно и был скорее [sic!] стеснен в средствах, а цена же на шампанское была очень высокой, можно предположить, что великий немец оказался жертвой петушинских цитатных страстей. Но не исключено, что в основе версии о пристрастии к шампанскому лежит какой-то реальный факт: например, своеобразная [sic!] любовь к гниющим яблокам, запахом которых вдохновлялся Шиллер, держа их в ящике письменного стола… или какая-то деталь того же рода». Натурально, читатель писал: «можно предположить», «не исключено». Другой читатель, Левин, еще более лаконичен: «Творческий процесс Шиллера, как известно [sic!], стимулировал запах гниющих яблок; но ни о шампанском, ни о ледяной воде ничего не известно». Читателю не

известно, а писателю известно. Он просто-напросто взял «жэзээловскую» биографию Шиллера и там прочитал и про шампанское, и про таз с ледяной водой. Что Ерофеев и сделал в свое время. То есть встал, пошел и прочитал. А потом написал. Поэму. Как сказал бы ему Гумилев, «начитался дряни разной, вот и говоришь». Только почему обязательно «дряни»? Ерофеев много чего прочитал… Не только дряни…

Поэтому я и взялся за «спутник писателя». То есть попытался не только определить, откуда что взято на уровне цитат и аллюзий в ерофеевских «стихах и дискуссиях о транспорте и об искусстве». Это еще не все. Ведь ерофеевские «Москва — Петушки» из чего только не сделаны. Они не только из реминисцентных блоков состоят. В них ведь речевых формул и маркированной лексики пруд пруди. Хромосомы текста поэмы разбросаны по обширным территориям как литературы, так и других родов искусств. И коль скоро «Москва — Петушки» — поэма, я выкурил на антресолях двенадцать трубок и решил уделить особое внимание именно поэтическим хромосомам, лирическим ДНК, из которых клонирован шедевр. Ведь «жасмин», «повилику» и «лилею» Ерофеев мог взять у кого угодно — у Брюсова, у Кузмина, у

Анненского. Не знаем же мы до сих пор, царь Борис убил царевича Димитрия или наоборот. Так что заранее извиняюсь за обилие примеров из поэтов — их можно пропускать, как главу «Серп и Молот — Карачарово».

А помимо поэзии надо еще помнить и прозу. Почему-то авторы «спутников читателя» ее забывают. Вернее, часть ее, идеологически, так сказать, помеченную, запятнавшую себя коллаборационизмом. Я классику соцреализма имею в виду. Например, в ней содержится ответ на вопрос о том, где это «пограничники шляются без дела и просят прикурить». Ни у Гайсер-Шнитман, ни у Левина ответа на этот вопрос нет. А это в школе проходят, про пограничников, в 10-м классе, а Ерофеев школу-то с золотой медалью окончил. Ведь именно в пределах школьной программы по литературе и истории находятся ответы на половину интеллектуальных загадок Ерофеева-Сфинкса. Почему нам так трудно без комментария Мандельштама с Брюсовым читать? Да только потому, что они хорошо в школе учились. Это для нас римская, древнегреческая и библейская мифологии — верх интеллектуального блаженства и интертекстуальности, а для бывших гимназистов — часть их обязатель-

ного среднего образования, рутина и повод для подзатыльников. Как поэзия, так и проза. Проза жизни, например. Почему-то никто из читателей не пишет, как играть в сику или как очищается политура (хотя это каждый младенец знает). А писатель должен знать все, в том числе и это, то есть как политура очищается, — этому в школе не учат, но если химию в 9-м классе хорошо усвоить, то своими мозгами дойти можно. До того, как политуру очистить. Правда, проза жизни — это не гимназическая проза. Это немножко другая история.

С историей, кстати, опять же надо осторожнее, тщательнее. Игнорировать ее не следует. Вот есть у Ерофеева безумный Митридат с ножиком в руках, так все почему-то — и Паперно с Гаспаровым, и Гайсер-Шнитман, и Левин — упорно видят в нем булгаковского Понтия Пилата. Только потому, что у него «в полнолуние сопли текут». Но ведь есть же не только беллетристика — есть еще и история, где про этого Митридата столько понаписано: и про то, как он людей резал, и про то, что ненормальным был. Читатель-то, может, это все и проглядел (мы теперь историю по Булгакову изучаем, хотя его Пилат не насморком, а головными болями страдал), но писатель типа

Ерофеева — с таким щепетильным сердцем и манией к каталогизированию и систематизации — историю знать обязан. И знал, между прочим.

Короче говоря, я выкурил еще тринадцать трубок и решил запихнуть под одну обложку то, что должен знать и носить в своем сознании и своей памяти потенциальный автор очередных «Москвы — Петушков». Естественно, в разумном, то есть, увы, ограниченном объеме. Прямой адресат книги этой, стало быть, не иностранный почитатель «Москвы — Петушков», лезущий на стенку от непонимания аллюзий и цитат, а будущий Венедикт Ерофеев, так сказать, Ерофеев-2. Для него это обязательное чтение. Для всех остальных — факультативное. И пугаться этого чтения не следует — как кричал в свое время один из героев Рабле: «Дети мои, не бойтесь и не пугайтесь! Я поведу вас верным путем. С нами Бог и святой Бенедикт!» Для придания книжке солидности и ощущения преемственности поколений я привожу параллели использования отдельных лексем и образов не только в до-, но и в постерофеевской литературе, а также отсылаю к примерам схожего дискурса или творческого мышления из других областей — скажем, к кино или живописи. За компанию веселее как-то пи-

сателем становиться.

Вообще-то, ерофеевская поэма удивительно мультимедийна (прекрасно сказано: «удивительно мультимедийна»!), — ее не на бумаге, ее на сидироме издавать надо. С видеоклипами из «Председателя» и «Бориса Годунова», с аудиофрагментами из «Цирюльника» и «Фауста». Ведь это о способе создания «Москвы — Петушков» Саша Черный писал:

Хорошо при свете лампы
Книжки милые читать,
Пересматривать эстампы
И по клавишам бренчать, —

Щекоча мозги и чувство
Обаяньем красоты,
Лить душистый мед искусства
В бездну русской пустоты…

То есть чтобы не только «книжки милые», но и картинки всякие были («Неутешное горе», например), статуи («Рабочий и колхозница»), музыка чтоб звучала (Козловский чтобы мерзким голосом пел или трагический Шаляпин бы рокотал). Про кино, правда, Саша Черный в 1909 году еще серьезно не думал. Не присылали тогда еще из

города на периферию неуравновешенных Трубниковых-Лоэнгринов колхозы из руин и пепла поднимать. А в остальном — все верно. Особенно про «мед искусства», который надо лить «в бездну русской пустоты». То есть чтобы из сидирома «Слеза комсомолки» капала. Но это — все в будущем. По крайней мере, в Интернете-то я помещу более пространный в мультимедийном плане «спутник писателя». А пока скажу спасибо старику Гуттенбергу.

И кое-кому еще. Естественно, данный труд поднять одному было не по силам. Прежде всего, я благодарю свою любимую жену Танечку за то, что она вложила в сии скорбные листы энергии, любви и нервов ничуть не меньше, чем незадачливый автор. Дочку свою, Сашеньку, также благодарю хотя бы за одно только настойчивое вопрошание: «Когда ты наконец своего Веню закончишь?» Большое спасибо Нине и Жене Анисимовым за помощь в ведении следствия и п.к.щ. Алексею Владимировичу Сивицкому — за ряд ценных житейских советов и рекомендаций. Благодарю и своего бесценного друга, профессора Slavic Research Center (университет Хоккайдо) Тецуо Мотидзуки, без помощи которого этот том никогда бы не увидел свет.

А вообще, данное издание я приурочил к юбилею Венедикта Ерофеева, которому «стукнет шестьдесят этой осенью».

Эдуард Власов 23 февраля 1998 г., Саппоро

1. Москва – Петушки. Поэма

1.1 С. 5. *Петушки* —

небольшой город на реке Клязьма, в 115 км к востоку от Москвы и, соответственно, в 67 км к западу от Владимира, районный центр Владимирской области. Статус города и свое название Петушки получили всего за четыре года до описываемых в «Москве — Петушках» событий — в 1965 г. До 1965 г. это был поселок с не менее странным названием Новые Петушки. На 1969 г. в Петушках проживало около 16 000 человек. Петушки, несмотря на свой крайне скромный вклад в экономику Владимирской области, являются конечным пунктом следования электричек, поскольку именно в Петушках заканчивается путь Московской железной дороги и начинается Горьковская (с 1997 г. Нижегородская) железная дорога. О реальном интересе к Петушкам Венедикта Ерофеева и его героя см. 14.12.

1.2 *Поэма.* —

Определение жанра прозаического повествования как поэмы восходит к «Мертвым душам» Гоголя, также названным автором «поэмой» и

представляющим собой лирико-эпический травелог.

2. Уведомление автора

2.1 С. 7. *Я получал с тех пор много нареканий за главу «Серп и Молот — Карачарово», и совершенно напрасно. <…> По этой причине я счел необходимым во втором издании выкинуть из главы «Серп и Молот — Карачарово» всю бывшую там матерщину. Так будет лучше, потому что, во-первых, меня станут читать подряд, а во-вторых, не будут оскорблены. —*

В одном из своих интервью Венедикт Ерофеев признавался: «А четвертой главы и не было, так и стояло: „И медленно [так в интервью][1] выпил…“» (Нечто вроде беседы с Венедиктом Ерофеевым / Запись В. Ломазова // Театр. 1989. № 4. С. 34.).

Ближайшим литературным источником этого уведомления может считаться классическое обращение к читателям Пушкина в «Евгении Онегине»: «Пропущенные строфы подавали неоднократно повод к порицанию и насмешкам (впрочем, весьма справедливым и остроумным). Автор чистосердечно признается, что он выпу-

[1] Примечания: 1

Здесь и далее все примечания в цитатах, оформленные квадратными скобками, принадлежат автору комментариев.

стил из своего романа целую главу <…> От него зависело означить сию выпущенную главу точками или цифром; но во избежание соблазна решился он лучше выставить, вместо девятого нумера, осьмой над последней главою <…> и пожертвовать одною из окончательных строф» («Отрывки из Путешествия Онегина»).

3. [Посвящение]

3.1 С. 8. *Вадим Тихонов* —

реальное лицо, ближайший друг автора со времен учебы во Владимирском педагогическом институте.

3.2 *…моему любимому первенцу…* —

Традиционно первенец — это первый ребенок (в семье). Однако Тихонов родственных отношений ни с Веничкой из поэмы, ни с реальным Ерофеевым не имел, и от трактовки первенца как ребенка следует отказаться и искать иных прочтений, тем более что они уже имеются. Так, например, один из ближайших друзей писателя замечает: «Ерофеев очень любил своих персонажей, как Гоголь, — никого не обличал, потому и пластика вышла. И Тихонова любил, как Грибоедов — Булгарина. Тем более что Тихонов не имеет недостатков Булгарина. Тихонов теперь увековечен совершенно. Никто не понимает, что у Ерофеева „первенец“ — это первый ученик, первый, кто воспринял и тому подобное» (*Муравьев В.* [О Вен. Ерофееве] // Театр. 1991. № 9. С. 92). Сходная трактовка у Левина: «Первенец же он

[Тихонов], видимо, в том смысле, что был первым (или одним из первых) читателей поэмы» (*Левин Ю*. Комментарий к поэме «Москва — Петушки» Венедикта Ерофеева // Materialien zur Russischen Kultur. Bd. 2. Graz, 1996. S. 29).

Учитывая широкое использование в тексте поэмы библейской лексики, следует заметить, что «первенец» встречается в обоих Заветах. Например, в Ветхом Завете: «[Иаков:] Рувим, первенец мой! ты — крепость моя и начаток силы, верх достоинства и верх могущества» (Быт. 49: 3); «Я — отец Израилю, и Ефрем — первенец Мой» (Иер. 31: 9). В Новом Завете под первенцем подразумевается Христос как первый (и последний) ребенок Иосифа и Марии: «Наконец Она родила Сына Своего Первенца, и он нарек Ему имя: Иисус» (Мф. 1: 25); «И родила Сына Своего Первенца, и спеленала Его, и положила Его в ясли» (Лк. 2: 7); есть еще и: «От Иисуса Христа, Который есть свидетель верный, первенец из мертвых и владыка царей земных» (Откр. 1: 5).

У Лермонтова первенцем назван херувим, впоследствии эволюционировавший в Демона: «Когда он верил и любил, / Счастливый первенец творенья!» («Демон», ч. 1, строфа I). У Тютчева в переложении «Оды к Радости» («An die Freude»)

Шиллера первенцем названа радость:

Радость, первенец творенья,
Дщерь великого Отца,
Мы, как жертву прославленья,
Предаем тебе сердца!

(«Песнь Радости (Из Шиллера)», 1823)

Кроме того, отмечу того же «первенца» в «Гимне свету», который поет в опере Чайковского «Иоланта» (см. 24.7) Водемон: «Чудный первенец творенья, первый миру дар Творца» (либретто М. П. Чайковского по драме Г. Герца «Дочь короля Рене»); цит. по: *Протопопов В., Туманина Н.* Оперное творчество Чайковского. М., 1957. С. 345.

4. Москва. На пути к Курскому вокзалу

4.1 С. 9. *Курский вокзал* —
один из крупнейших вокзалов Москвы, расположен в восточной части Садового кольца; с этого вокзала в числе прочих отправляются пригородные электрички в города и населенные пункты, находящиеся на востоке и юге от Москвы, в том числе в Петушки.

В поэме Веничка идет к старому зданию вокзала, изначально выстроенному в 1896 г. и реконструированному в 1938 г. Современное здание Курского вокзала было введено в эксплуатацию два года спустя после написания «Москвы — Петушков» — в 1972 г. С Курского вокзала отправлялся в путешествие не только Веничка, но и объекты его интересов — например, молодой Вл. Ульянов-Ленин, который уезжал отсюда в сибирскую ссылку в 1887 г., о чем напоминает установленная здесь мемориальная доска.

В силу «прозаичности» ассоциаций или, скорее, их отсутствия, в литературе Курский вокзал фигурирует довольно редко, гораздо реже «обремененных» экстралингвистическими обертонами Ленинградского или Белорусского. Тем не менее

встречается у поэтов — например, у неравнодушного ко всему, что связано с железной дорогой, Пастернака. Его рассказчик, преследуя Спекторского, роняет: «Я жил тогда у Курского вокзала…» («Спекторский», ч. 9). Или у локомотивоподобного Маяковского: «И, глуша прощаньем свистка, / рванулся / курьерский / с Курского!» («Нашему юношеству», 1927). Или у его друга Асеева («Асеева Кольки»): «На Курском вокзале — большие составы…» («За синие дни», 1927).

4.2 *Все говорят: Кремль, Кремль. —*

Подобным зачином открываются «Моцарт и Сальери» Пушкина: «[Сальери:] Все говорят: нет правды на земле. / Но правды нет — и выше» (сц. 1).

4.3 *Ото всех я слышал про него, а сам ни разу не видел. Сколько раз уже (тысячу раз), напившись или с похмелюги, проходил по Москве с севера на юг, с запада на восток, из конца в конец, насквозь и как попало — и ни разу не видел Кремля. —*

Данное признание героя с первых строк поэмы устанавливает определенный регистр повествования: далее следует характерный дискурс отверженного обществом и его традициями человека, отчаянного индивидуалиста и закоренелого

изгоя. Игнорирование, вольное или невольное, Московского Кремля гостем столицы является открытым вызовом обычаю, делает его отверженным. Мандельштам в свое время писал:

Все чуждо нам в столице непотребной:
Ее сухая черствая земля,
И буйный торг на Сухаревке хлебной,
И страшный вид разбойного Кремля.

(«Все чуждо нам в столице непотребной…», 1918)

Практически все порядочные и образованные люди, приезжая в Москву, начинают знакомство с ней именно с посещения Кремля и Красной площади. Словосочетание «проходил по Москве» вызывает в памяти одну из самых популярных песен в истории советской эстрады — «Я шагаю по Москве» (стихи Г. Шпаликова, музыка А. Петрова):

А я иду-шагаю по Москве,
И я пройти еще смогу
Соленый Тихий океан,
И тундру, и тайгу.

Песня звучала в классическом образце «отте-

пельного» советского кинематографа — непритязательной комедии «Я шагаю по Москве» (1964, «Мосфильм», режиссер Г. Данелия, автор сценария Г. Шпаликов). В фильме, действие которого начинается, как и в поэме, ранним утром, приехавший в Москву начинающий писатель (как и Веничка, «сибиряк» и «сирота») Володя Ермаков (актер А. Локтев) для начала отправляется именно к Кремлю, на Красную площадь.

Вообще, в искусстве и литературе Кремль был основополагающим образом в картине как дореволюционной, патриархальной России, так и коммунистического мироздания с его бравурным, жизнеутверждающим пафосом. Например, у Лермонтова:

Кто видел Кремль в час утра золотой,
Когда лежит над городом туман,
Когда меж храмов с гордой простотой,
Как царь, белеет башня-великан?

(«Кто видел Кремль в час утра золотой…», 1831)

У дореволюционного Брюсова:
Здесь, как было, так и ныне —
Сердце всей Руси святой,

Здесь стоят ее святыни,
За Кремлевскою стеной!

(«Нет тебе на свете равных…», 1911)

И у Брюсова постреволюционного:
Бессчетность глаз горит мечтами
К нам, к стенам Красного Кремля!
<…>
И – зов над стоном, светоч в темень, —
С земли до звезд встает Москва!

(«У Кремля», 1923)

У него же Кремль фигурирует в качестве цели: «И на площади, — мне сказывали, — / Там, где Кремль стоял как цель…» («Парки в Москве», 1920). А у Маяковского есть детское: «Начинается земля, / как известно, от Кремля» («Прочти и катай в Париж и в Китай», 1927).

Также упомянутый Ерофеевым в эссе «Василий Розанов глазами эксцентрика» классический герой социалистического реализма — самоотверженный летчик, «настоящий человек» Алексей Мересьев, будучи первый раз в Москве, ведет себя так, как подобает именно «настоящему человеку», а не отщепенцу Веничке:

«Алексея Мересьева направили после госпиталя долечиваться в санаторий Военно-воздушных сил, находившийся под Москвой. <…> уж очень хотелось ему посмотреть столицу. <…> Как же кругом хорошо! <…> казалось: протяни руку — и можно дотронуться до этих старых зубчатых, никогда невиданных им в натуре кремлевских стен, до купола Ивана Великого, до громадной пологой арки моста, тяжелым изгибом повисшей над водой. Томный, сладковатый запах, висевший над городом, напоминал детство. Откуда он? Почему так взволнованно бьется сердце и вспоминается мать <…> Ведь они же с ней ни разу не бывали в Москве. До сих пор Мересьев знал столицу по фотографиям в журналах и газетах, по книгам, по рассказам тех, кто побывал в ней, по протяжному звону старинных курантов в полночь, проносившемуся над засыпающим миром, по пестрому и яркому шуму демонстраций, бушевавшему в радиопродукторе. И вот она перед ним раскинулась, разомлевшая в ярком летнем зное, просторная и прекрасная. Алексей прошел по пустынной набережной вдоль Кремля <…> и медленно стал подниматься на Красную площадь. <…> Так вот ты какая, Москва!» (Б. Полевой. «Повесть о настоящем человеке», ч. 3, гл. 1).

Попасть на Красную площадь и в Кремль было заветной мечтой всякого здравомыслящего человека. Есть, к примеру, такой мемуарный текст:

«Когда я вспоминаю о советской Москве своих детских лет [1940-х гг.], я радостно вспоминаю прежде всего увешанную лозунгами улицу Горького с праздничной толпой на Седьмое ноября Первое мая дня Победы юбилея Революции. Мы с товарищем пытаемся прорваться через кордоны милиционеров, чтобы слиться с толпой демонстрантов, куда посторонним вход воспрещен. Потому что на демонстрацию назначают по списку. Потому что демонстранту дан пропуск на Красную площадь, где стоят на высокой трибуне вожди и каждый — член Политбюро. Красная площадь — сердце всей земли, и вожди охраняют это сердце, чтобы с ним не случился инфаркт. Честь и слава тому подростку, кто обойдет милицейские кордоны одному ему известными проходными дворами и, преодолевая заборы и заграды, сольется с толпой демонстрантов и незаконным образом, хотя и по полному праву, помашет рукой вождям с Красной площади. В перерывах между этими великими праздниками мы собирали окурки на тротуарах и раскуривали их на городском кладбище» (*Зиник З.* Эмиграция

как литературный прием // Синтаксис. 1983. № 11. С. 170–171; орфография и пунктуация Зиника).

Фраза «сколько раз уже (тысячу раз)» задает цикличность всему происходящему в поэме: далее будет регулярное непопадание в Кремль, регулярные поездки к младенцу, последовательное отторжение Венички разного рода коллективами. Цикличность есть основа жизни, пускай и недостаточно радостной. Нарушение цикличности означает смерть, которой и завершается поэма, когда Веничка все-таки попадает на Красную площадь. У Блока, кстати, есть апелляция к «круговороту» событий, спроецированная на утреннюю прогулку по направлению к Кремлю:

Все это было, было, было,
Свершился дней круговорот.
Какая ложь, какая сила
Тебя, прошедшее, вернет?

В час утра, чистый и хрустальный,
У стен Московского Кремля,
Восторг души первоначальный
Вернет ли мне моя земля?

(«Все это было, было, было…», 1909)

4.4 С. 9. *…на Савеловском…* —

То есть на Савеловском вокзале, находящемся в северной части Москвы. Поэма была написана «на кабельных работах в Шереметьево» (см. 48.1), и в ее тексте упоминаются Лобня и Долгопрудный (см. 12.28), электрички из которых также приходят на Савеловский вокзал. В случае с Венедиктом Ерофеевым опасаться за абсолютную достоверность топографии московского маршрута героя поэмы не стоит. В данном случае Веничка прибыл в Москву непосредственно из Шереметьева, а точнее — со станции Шереметьевская.

4.5 *…я, как только вышел на Савеловском, выпил…* —

То есть выполнил практический совет Саши Черного: «В опросном полицейском листке, в графе „Для какой надобности приехал [в Москву]?“ — пиши: „Для пьянства“. Самый благонамеренный повод» («Руководство для гг. приезжающих в Москву», 1909).

4.6 *Зубровка* —

крепкая (40°) горькая настойка, приготовленная на одноименной траве по польскому рецепту. Изготавливается в основном в Польше, России и Чехии. В советское время была хорошо знако-

ма не только Веничке, но и поэтам, например Пастернаку: «Зубровкой сумрак бы закапал…» («Все снег да снег, — терпи и точка», 1931).

Что касается стакана, то речь идет, без сомнения, о классическом советском граненом стакане из толстого дешевого стекла, объем которого равнялся 200 мл. Выпить стакан алкогольного напитка, не покупая целую бутылку в магазине, можно было в общепитовском заведении типа рюмочной или вокзального буфета, где спиртные напитки продавались в розлив. (Забавно, что изобретателем советского граненого стакана (точнее, изобретателем промышленного способа нанесения граней на стекло) является небезызвестная Вера Мухина, автор «Рабочего и колхозницы» (Коммерсант Daily. 1998. 7 февраля); см. также 43.11.)

4.7 С. 9. *Декокт* —

(*лат.* decoctum) — лечебный отвар, жидкое врачебное снадобье; встречается в прозе — у Достоевского: «Я был болен весь этот день <…> и на ночь принял декокт» («Униженные и оскорбленные», ч. 4, гл. 4) и в поэзии — у Пастернака: «Кашляет в шали и варит декокт» («Посвященье», 1916).

Символично, что Веничка начинает похме-

ляться именно с горьких настоек — зубровки и кориандровой. Горечь с первых строк поэмы становится одним из основных «вкусовых» ощущений, сопровождающих Веничку на протяжении всей поэмы.

4.8 *…на Каляевской…* —

То есть на Каляевской улице, расположенной на севере Москвы. Улица названа по имени Ивана Каляева, русского эсера-террориста, казненного за убийство бомбой в феврале 1905 г. московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича.

4.9 *Кориандровая* —

крепкая (40°) горькая настойка, приготовленная на различных ароматных растениях, включая семена кориандра. Здесь продолжается «потребление горечи».

4.10 *…действует на человека антигуманно, то есть, укрепляя все члены, ослабляет душу. Со мной почему-то случилось наоборот, то есть душа в высшей степени окрепла, а члены ослабели, но я согласен, что и это антигуманно.* —

Апелляция к Новому Завету. В Гефсиманском саду Иисус Христос произносит знаменитое: «Дух бодр, плоть же немощна» (Мф. 26: 41; Мк.

14: 38). В другом месте слова апостола Павла: «Я говорю: поступайте по духу <…> плоть желает противного духу, а дух — противного плоти: они друг другу противятся» (Гал. 5: 16, 17), — именно в контексте этой сентенции Павла следует рассматривать Веничкино согласие с тем, «что и это антигуманно».

Здесь начинается последовательное сопоставление героя поэмы с Иисусом Христом, которое имеет целый ряд аналогий в классической литературе, ближайшая из которых — кроткий князь Мышкин из «Идиота» Достоевского, к которому вполне применим призыв все того же апостола Павла: «Посему умоляю вас: подражайте мне, как я Христу» (1 Кор. 4: 16).

Сходная языковая конструкция — с употреблением словосочетания «в высшей степени» — встречается у Зощенко, также в религиозно-«медицинском» контексте (в истории о выборах нового римского папы после смерти Сикста IV): «[Кардинал Перетта:] Ослаб в высшей степени, серьезно хвораю и думаю скоро протянуть ноги» («Голубая книга», отд. «Коварство», п. 18).

4.11 *Жигулевское* —

самый распространенный сорт советского пива, названный по месту изобретения рецепта

изготовления, местности на Средней Волге — Жигули. У В. Катаева читаем: «…идет водка под соленые огурчики и жигулевское пиво, под моченый горошек и ржаные сухарики, уже выпили море» («Сорренто», 1965).

Об объемах кружек для питья пива см. 11.8. Стоимость большой кружки пива составляла в конце 1960-х гг. 22 копейки.

4.12 *…из горлышка…* —

Пить прямо из горлышка (за неимением стакана, кружки или из нежелания ими пользоваться) — весьма распространенный способ употребления спиртного, причем не только в бывшем СССР. Способ этот упоминается как в прозе, так и в поэзии — например, у Аксенова: «Священник <…> стоял чуть в стороне от других и пил „праздрой“ мелкими глотками прямо из горлышка, а между глотками затягивался сигаретой» («Ожог», 1975); и у Высоцкого:

Я пил из горлышка, с устатку и не евши,
Но – как стекло был – остекленевший.
А уж когда коляска подкатила,
Тогда в нас было – семьсот на рыло!

(«Милицейский протокол», 1971)

4.13 С. 9. *Альб-де-дессерт* —

(от *лат.* alb de desert) — белое десертное вино (15–17°); правильное написание не «альб», а «алб». По указанию Дмитрия Локая (электронное письмо Э. Власову от 2 февраля 1999 г.), в советскую эпоху это вино входило в группу дешевых молдавских вин, в названия которых в качестве первой составляющей входило обозначение их цвета: «алб» — белое, «роз» — розовое, «рошу» — красное, «негру» — черное, а вторая составляющая указывала на их разновидность: «де десерт» — десертное, «де масэ» — столовое, «де Пуркарь» — Пуркарское и т. д.

4.14 *Улица Чехова* —

улица в северо-западной части центра Москвы, идущая параллельно Тверской (во времена Венички — улице Горького) и соединяющая Садовое кольцо с Бульварным.

4.15 *Охотничья* —

сорт крепкой (45°) горькой настойки, приготовленной на имбирном и других корнях с добавлением различных натуральных ароматизаторов (гвоздики, аниса, кофе и др.). У Ю. Домбровского читаем о своеобразном запахе напитка: «…у меня

охотничья, от нее валерьяновой каплей шибает» («Хранитель древностей», ч. 2). Здесь также продолжается «потребление горечи».

4.16 *Садовое кольцо* —
см. 45.1.

4.17 *А потом я пошел в центр, потому что это у меня всегда так: когда я ищу Кремль, я неизменно попадаю на Курский вокзал. Мне ведь, собственно, и надо было идти на Курский вокзал, а не в центр, а я все-таки пошел в центр, чтобы на Кремль хоть раз посмотреть: все равно ведь, думаю, никакого Кремля я не увижу, а попаду прямо на Курский вокзал. —*

«Автоматическое/бессознательное хождение по отдаленным от центра столичным районам» — структурообразующий элемент «Преступления и наказания» Достоевского. Шатания Раскольникова по Петербургу во многом предвосхищают Веничкины походы по Москве:

«Как бы с усилием начал он, почти бессознательно, по какой-то внутренней необходимости, всматриваться во все встречающиеся предметы, как будто ища усиленно развлечения, но это плохо удавалось ему, и он поминутно впадал в задумчивость. Когда же опять, вздрагивая, под-

нимал голову и оглядывался кругом, то тотчас же забывал, о чем сейчас думал и даже где проходил. Таким образом прошел он весь Васильевский остров, вышел на Малую Неву, перешел мост и поворотил на Острова. Зелень и свежесть понравились сначала его усталым глазам, привыкшим к городской пыли, к известке и к громадным, теснящим и давящим домам. Тут не было ни духоты, ни вони, ни распивочных. Но скоро и эти новые, приятные ощущения перешли в болезненные и раздражающие. Иногда он останавливался <…> Около харчевен в нижних этажах, на грязных и вонючих дворах домов Сенной площади, а наиболее у распивочных, толпилось много разного и всякого сорта промышленников и лохмотников. Раскольников преимущественно любил эти места, равно как и все близлежащие переулки, когда выходил без цели на улицу» (ч. 1, гл. 5).

«Он шел не останавливаясь. Ему ужасно хотелось как-нибудь рассеяться, но он не знал, что сделать и что предпринять. <…> Он остановился вдруг, когда вышел на набережную Малой Невы, на Васильевском острове, подле моста. „…Что это, да никак я к Разумихину сам пришел! Опять та же история, как тогда… А очень, однако, любопытно: сам я пришел или просто шел да сюда зашел? Все

равно; сказал я… третьего дня… что к нему после того на другой день пойду, ну что ж, и пойду!“» (ч. 2, гл. 2).

«По старой привычке, обыкновенным путем своих прежних прогулок, он прямо направился на Сенную. <…> Он и прежде проходил часто этим коротеньким переулком, делающим колено и ведущим с площади в Садовую. В последнее время его даже тянуло шляться по всем этим местам, когда тошно становилось, „чтоб еще тошней было“» (ч. 2, гл. 6).

В «Фаусте» Гёте Господь обращается к Мефистофелю: «Ein guter Mensch, in seinem dunklen Drange / Ist sich des rechten Weges wohl bewusst», то есть «Добрый человек в своем неясном стремлении всегда чувствует, где настоящая дорога» («Пролог на небе»). В переводе Пастернака: «Чутьем, по собственной охоте / Он вырвется из тупика»; в переводе Фета: «Добрый человек в своем стремленьи темном / Найти сумеет настоящий путь».

4.18 С. 10. *…к Курскому вокзалу я так вчера и не вышел. (Это чепуха: не вышел вчера — выйду сегодня.) И уж, конечно, не потому, что проснулся утром в чьем-то неведомом подъезде (оказывается, сел я вчера на ступеньку в подъезде, по счету снизу сороковую, прижал к сердцу чемоданчик*

— и так и уснул). —

Здесь слышится перекличка с бездомным героем Гамсуна: «Я шел, временами чувствуя тошноту. <…> я отправился на вокзальную площадь. Голова моя сильно кружилась; я шел дальше и старался не обращать на это внимание, но она кружилась все сильней, и наконец мне пришлось присесть на лестнице» («Голод», гл. 1).

У Достоевского Раскольников также никак не может дойти до запланированной цели: «Не лучше ли уйти куда-нибудь очень далеко, опять хоть на Острова <…> Но и на Острова ему не суждено было попасть, а случилось другое: выходя с В-го проспекта на площадь, он вдруг увидел налево вход во двор, обставленный совершенно глухими стенами. <…> Не замечая никого во дворе, он прошагнул в ворота» («Преступление и наказание», ч. 2, гл. 2).

Неведомый подъезд, который в финале поэмы станет неизвестным (см. 47.1), устанавливает топографическую цикличность событий, описанных в поэме.

4.19 *…сел я вчера на ступеньку в подъезде, по счету снизу сороковую… —*

Число 40, традиционное для мифологической поэтики, как и 3, 4, 13 и 30, входит в числовую

символику поэмы. Здесь порядковый номер ступени ассоциируется с идеей вознесения в христианстве, которая развивается ниже (см. 4.27).

4.20 *…сел я вчера на ступеньку в подъезде…* —

Веничкина бездомность, неустроенность рождает ассоциации с центральной фигурой Нового Завета: «[Иисус — книжнику:] лисицы имеют норы, и птицы небесные — гнезда; а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову» (Мф. 8: 20; Лк. 9: 58).

4.21 *…прижал к сердцу чемоданчик…* —

Небольшие фибровые или фанерные чемоданчики были в СССР неотъемлемым аксессуаром образа скромного советского трудящегося; на знаковом социальном уровне они противопоставлялись кожаным портфелям чиновников и интеллигенции. Обычно такие чемоданчики сопровождали человека всю его жизнь, начиная с пионерского детства. Например, у Довлатова: «Чемодан был фанерный, обтянутый тканью, с никелированными креплениями и углами. Замок бездействовал. Пришлось обвязать чемодан бельевой веревкой. Когда-то я ездил с ним в пионерский лагерь. На крышке было чернилами выведено: „Младшая группа. Сережа Довлатов“.

Рядом кто-то дружелюбно нацарапал „говночист“. Ткань в нескольких местах порвалась. Изнутри крышка была заклеена фотографиями. Рокки Марчиано, Армстронг, Иосиф Бродский, Лоллобриджида в прозрачной одежде» («Чемодан», 1986).

Противопоставление портфеля и чемоданчика, советских реалий 1950–1960-х гг., встречается у Евтушенко:

Вдруг машина откуда-то выросла.
В ней с портфелем —
символом дел —
гражданин парусиновый в «виллисе»,
как в президиуме,
сидел.

(«Станция Зима», 1955)

У него же чемоданчик фигурирует как атрибут «литературной» поездки в электричке к желанному дому:

И чемоданчик твой овальный
(замок раскроется вот-вот!),
такой застенчиво-печальный,
качаясь, улицей плывет.

И будет пригородный поезд,
и на коленях толстый том,
и приставаний чьих-то пошлость,
и наконец-то будет дом.

(«Продавщица галстуков», 1957)

4.22 С. 10. *…я выпил еще на шесть рублей…* — Наиболее спорное с точки зрения следования элементарной житейской правде утверждение во всей поэме. Оспаривается, в частности, Левиным, который считает его «несколько гиперболизированным» (*Левин Ю.* Комментарий к поэме «Москва — Петушки»… С. 31). Несложный математический подсчет показывает, что до момента засыпания на сороковой ступени неведомого подъезда Веничка выпил стакан зубровки, стакан кориандровой, две кружки жигулевского пива, бутылку (0,75 л) белого вина и два стакана «Охотничьей», что в перерасчете на деньги составило порядка 7–8 рублей. Таким образом, добавление чего-то «еще на 6 рублей», с учетом того, что в 1969 г. цена на бутылку водки составляла в зависимости от сорта не более 3 рублей 12 копеек, доводит объем выпитого Веничкой за день до 5–6 л алкоголя в целом или до 1,5–2 л в пересчете на чистый спирт. Насколько это реально, предлага-

ется решать читателям, — писатели по традиции лишь представляют пищу для размышлений и оценок.

4.23 *Во благо ли себе я пил или во зло? —*

Стилизация под библейскую поэтику: у ветхозаветного пророка упоминаются «намерения во благо, а не на зло» (Иер. 29: 11).

4.24 *Не знаем же мы вот до сих пор: царь Борис убил царевича Димитрия или наоборот? —*

Борис Годунов (ок. 1552–1605) — одна из центральных фигур русской истории рубежа XVI–XVII вв., после смерти сына Ивана Грозного царя Федора Ивановича, бывшего мужем его сестры Ирины, русский царь (с 1598 г.). Царевич Димитрий — Димитрий Иванович (1582–1591), сын Ивана IV Грозного.

Здесь Веничка затрагивает один из самых щекотливых вопросов русской истории, касающийся преждевременной смерти царевича Димитрия. При этом наречие «наоборот» имеет в данном контексте два прочтения, и сетование Венички можно трактовать двояко: либо царь Борис убил царевича Димитрия или царевич Димитрий убил царя Бориса, либо царь Борис не убивал царевича Димитрия.

Смерть царевича Димитрия в Угличе в мае 1591 г., где он вместе с матерью Марией Нагой с 1584 г. по приказу Бориса Годунова находился в фактической ссылке, имеет в русской истории минимум два гипотетических объяснения: 1) царевич Димитрий был зарезан по приказу Бориса Годунова, который хотел избавиться от законного претендента на русский престол; 2) царевич случайно закололся ножом в припадке эпилепсии.

Упоминание о царе Борисе и погибшем царевиче связано с Пушкиным и его «Борисом Годуновым» и с одноименной оперой Мусоргского, а также является характерным примером абсурдистской иронии Венички, так как в русской истории вопрос о возможном убийстве Бориса Годунова царевичем Димитрием до сих пор не возникал. Однако Левин, комментируя данное место, полагает, что гипотеза об убийстве Годунова Димитрием — «не такая нелепость, как может показаться», и далее, без ссылки на источник, пишет: «Царь Борис умер, „потрясенный успехами самозванца“ (как писал историк В. Ключевский) Лжедимитрия I, авантюриста, выдававшего себя за спасшегося Димитрия» (*Левин Ю.* Комментарий к поэме «Москва — Петушки»… С. 31).

Как известно, Пушкин, работая над «Борисом

Годуновым», использовал версию убийства царевича, которая была заимствована им из «Истории государства Российского» Карамзина. Одним из первых его оппонентов, в частности по этому вопросу, был критик-демократ Белинский:

«Прежде всего заметим, что Карамзин сделал великую ошибку, позволив себе до того увлечься голосом современников Годунова, что в убиении царевича увидел неопровержимо и несомненно доказанное участие Бориса… Из наших слов, впрочем, отнюдь не следует, чтоб мы прямо и решительно оправдывали Годунова от всякого участия в этом преступлении. Нет, мы в криминально-историческом процессе Годунова видим совершенную недостаточность доказательств за и против Годунова. Суд истории должен быть осторожен и беспристрастен, как суд присяжных по уголовным делам. Грешно и стыдно утвердить недоказанное преступление за таким замечательным человеком, как Борис Годунов. Смерть царевича Дмитрия — дело темное и неразрешимое для потомства. Не утверждаем за достоверное, но думаем, что с большею основательностью можно считать Годунова невинным в преступлении, нежели виновным <…> Как бы то ни было, верно одно: ни историк государства

Российского, ни рабски следовавший ему автор „Бориса Годунова“ не имели ни малейшего права считать преступление Годунова доказанным и не подверженным сомнению» («Сочинения Александра Пушкина», статья 10-я, 1845).

Кроме сходных по структуре и содержанию утверждений (ср. «не знаем же мы вот до сих пор» и «мы <…> видим совершенную недостаточность доказательств»), отмечу попутно и тот факт, что в современном литературоведении существует мнение, что цитируемая статья Белинского стала одним из источников идейного замысла «Преступления и наказания» — романа, чрезвычайно важного для восприятия и понимания «Москвы — Петушков» (*Альми И*. Еще об одном источнике замысла романа «Преступление и наказание» // Русская литература. 1992. № 2. С. 95–100).

Сюжет этого энигматического эпизода русской истории — объект регулярных апелляций в русской литературе. У Кузмина есть стихотворение «Царевич Дмитрий» (1916), у него же:

И русский мальчик,
Что в Угличе зарезан,
Ты, Митенька,
Живи, расти, бегай!

(«Серым тянутся тени роем…», 1922)

У Цветаевой есть: «Голубь углицкий — Дмитрий» («За Отрока — за Голубя — за Сына…»; 1917), а Евтушенко, который также считал Бориса виновным, писал:

Ой, боярский правеж, —
ночь при солнце ясном.
<…>
Звени народу, колокол,
заре
звени:
«Зарезали царевича,
заре-
за-
ли!»

(«Под кожей статуи Свободы», 1968)

4.25 С. 10. *Все на свете должно происходить медленно и неправильно, чтобы не сумел загордиться человек, чтобы человек был грустен и растерян. —*

Неприятие гордого человека другими гордыми людьми (а Веничка, напомню, обладает «гордым сердцем»; см. 13.12) знакомо по «Цыганам» Пуш-

кина, где гордый старик-цыган обращается к не менее гордому Алеко: «Оставь нас, гордый человек!» Позже этот антагонизм гордых людей был трансформирован Достоевским в «Пушкинской речи» в однобокую, библейского типа максиму: «Смирись, гордый человек, и прежде всего сломи свою гордость» («Дневник писателя» за 1880 г.).

В мифологической системе координат «медленное» имеет вполне конкретное фиксированное значение. Так, в своих лекциях по теории античного фольклора Ольга Фрейденберг замечала: «Эсхатологические, космогонические образы „зла“ и „добра“, „правого“ и „левого“, „низкого“ и „высокого“ могут соответствовать „бегу“ и „остановке“, „быстрому“ и „медленному“. В применении к ходьбе „быстрое“ дублирует „высокое“ и означает „небо“, „радость“, „веселость“. Напротив, „медленное“ повторяет метафоры „преисподней“, „низкого“, „печали“, „слез“» (*Фрейденберг О.* Миф и литература древности. М., 1978. С. 61). И герой Гамсуна в свое время замечал: «А там, на небесах, восседал Бог и не спускал с меня глаз, следил, чтобы моя погибель наступила по всем правилам, медленно, постепенно и неотвратимо» («Голод», гл. 1).

4.26 *Я вышел на воздух, когда уже рассвело.* —

Очередная апелляция к евангельской сцене борения и ареста Христа в Гефсиманском саду (Мф. 26: 36–57; Мк. 14: 32–50; Лк. 22: 39–71; Ин. 18: 1–23): Веничка-Христос выходит из своего подъезда-сада, в котором в финале найдет свою гибель.

Сцена пробуждения героя на рассвете в московском топосе встречается в русском искусстве регулярно. Например, Лев Толстой о Пьере Безухове:

«Когда он в первый день, встав рано утром, вышел на заре из балагана и увидал сначала темные купола, кресты Новодевичьего монастыря, увидал морозную росу на пыльной траве, увидал холмы Воробьевых гор и <…> услыхал звуки летевших из Москвы через поле галок, и когда потом вдруг брызнуло светом с востока и торжественно выплыл край солнца из-за тучи, и купола, и кресты, и роса, и даль, и река, все заиграло в радостном свете, — Пьер почувствовал новое, не испытанное им чувство радости и крепости жизни. И чувство это не только не покидало его во все время плена, но, напротив, возрастало в нем по мере того, как увеличивались трудности его положения» («Война и мир», т. 4, ч. 2, гл. 12).

У Евтушенко есть сцена, близкая по поэтике и по сюжету, включая дворников и неудачный

ранний визит в ресторан:

Светало. Было холодно и трезво.
У двери с черной вывескою треста,
нахохлившись, на стуле сторож спал.
<…>
Я вышел, смутно мир воспринимая,
и, воротник устало поднимая,
рукою вспомнил, что забыл часы.
Я был расслаблен, зол и одинок.
<…>
…Я шел устало дремлющей Неглинной.
Все было сонно: дворников зевки,
арбузы в деревянной клетке длинной,
на шкафчиках чистильщиков – замки.
Все выглядело странно и туманно…
<…>
…Кто-то, в доску пьян,
стучался в ресторан «Узбекистан»,
куда его, конечно, не пускали…

(«Сквер величаво листья осыпал…», 1957)

У Сологуба есть сходные настроения:

Холодный ветерок осеннего рассвета
Повеял на меня щемящею тоской.
Я в ранний час один на улице пустой.
В уме смятение, вопросы без ответа.

(«Холодный ветерок осеннего рассвета…», 1893)

Можно вспомнить и «Рассвет на Москве-реке» — увертюру к опере Мусоргского «Хованщина», как и «Москва — Петушки», заканчивающейся крайне трагически.

Помимо этого, начало «Москвы — Петушков» (именно в части, связанной с блужданием Венички по утренней столице в поисках утоления жажды) пародирует начало романа Гамсуна «Голод» (1890). Главный герой «Голода» — как и Веничка, повествователь, пария и сочинитель, и роман начинается с пробуждения героя и началом его бесконечных прогулок по Христиании (Осло) в поисках пищи, причем действие также происходит осенью:

«Это было в те дни, когда я бродил голодный по Христиании, этому удивительному городу, который навсегда накладывает на человека свою печать… <…> По лестнице я спустился тихонько, чтобы не привлечь внимания хозяйки… <…> Менее всего я собирался просто вот так гулять с

утра на свежем воздухе» (гл. 1).

4.27 С. 10. *Все знают — все, кто в беспамятстве попадал в подъезд, а на рассвете выходил из него, — все знают, какую тяжесть в сердце пронес я по этим сорока ступеням чужого подъезда и какую тяжесть вынес на воздух. —*

Это патетическое откровение Венички имеет несколько источников. По православной традиции на сороковой день после смерти человека его душа получает наконец благодатную помощь Отца Небесного и приходит на поклонение Богу, чтобы тот выбрал душе сообразное место — в аду или в раю. Таким образом, сойдя по этим сорока ступеням, Веничка становится объектом Высшего суда.

В евангельском предании Святой Дух вывел Христа в пустыню, где тот затем держал сорокадневный пост, после которого «взалкал», то есть выпил: «Иисус возведен был Духом в пустыню, для искушения от диавола, и постившись сорок дней и сорок ночей, напоследок взалкал» (Мф. 4: 1–2; Лк. 4: 2). Данный обряд описан уже в Ветхом Завете, где Моисей говорит: «Я взошел на гору, чтобы принять скрижали каменные, скрижали завета, который поставил Господь с вами, и пробыл на горе сорок дней и сорок ночей, хлеба не

ел, и воды не пил. <…> По окончании же сорока дней и сорока ночей, дал мне Господь две скрижали каменные, скрижали завета» (Втор. 9: 9, 11). То есть «постившийся» всю ночь Веничка, подобно Моисею и Иисусу, сходит с горы (или выходит из пустыни), чтобы в прямом смысле слова взалкать.

В «Божественной комедии» Данте фигурирует метафорическое «трудное схождение / восхождение по ступеням чужой лестницы» (com'e duro cable / Lo scendere e il salir per l'altrui scale):

> *Ты будешь знать, как горестен устам*
> *Чужой ломоть, как трудно на чужбине*
> *Сходить и восходить по ступеням.*

(«Рай», песнь XVII, строки 58–60)

Это назидание Данте эксплуатировалось литераторами и до Венички. Например, у Пушкина: «В самом деле, Лизавета Ивановна была пренесчастное создание. Горек чужой хлеб, говорит Данте, и тяжелы ступени чужого крыльца, а кому и знать горечь зависимости, как не бедной воспитаннице знатной старухи?» («Пиковая дама», гл. 2); у Мандельштама: «С черствых лестниц, с площадей… / Алигьери пел мощней» («Слышу,

слышу ранний лед…», 1937).

Помимо этого, с учетом очевидной «зависимости» «Москвы — Петушков» от «Преступления и наказания», Веничкин спуск по лестнице в соответствующем физическом и духовном состоянии соотносится с постоянным схождением с лестниц Раскольникова: «Ведь вчера же, сходя с лестницы, я сам сказал, что это подло, гадко, низко, низко… ведь меня от одной мысли наяву стошнило и в ужас бросило» (ч. 1, гл. 5); «Он бросился к двери, прислушался, схватил шляпу и стал сходить свои тринадцать ступеней» (ч. 1, гл. 6); «Он вышел; он качался. Голова его кружилась. Он не чувствовал, стоит ли он на ногах. Он стал сходить с лестницы, упираясь правой рукой об стену» (ч. 6, гл. 8).

4.28 С. 10. *…пидор в коричневой куртке скребет тротуар. —*

Пидор (груб., разг.) — педераст; здесь использовано исключительно как ругательство; у Довлатова читаем: «– Могу я чем-то помочь? — вмешался начальник станции. — Убирайся, старый пидор! — раздалось в ответ» («Чемодан», 1986).

4.29 *Если хочешь идти налево, Веничка, иди налево, я тебя не принуждаю ни к чему. Если хочешь идти направо — иди направо. —*

Пародируется традиционная фольклорная ситуация «витязя на распутье», читающего соответствующие предсказания на дорожном камне у развилки обычно трех дорог о возможных удачах и неприятностях в случае выбора одной из них. В менталитете русского человека неизменно ассоциируется с растиражированным в репродукциях для общественных мест — ресторанов, вокзалов, парикмахерских и проч. — полотном Виктора Васнецова «Витязь на распутье».

Литературным источником пассажа является былина «Царь Саул Леванидович и его сын», в которой сын Саула — Констентинушка Саулович

И наехал часовню, зашел богу молитися,
А от той часовни три дороги лежат.
А и перва дорога написана,
А написана дорога вправо:
Кто этой дорогой поедет,
Конь будет сыт, самому смерть;
А другою крайнею дорогою левою:
Кто этой дорогой поедет,
Молодец сам будет сыт, конь голоден;
А середнею дорогою поедет —

Убит будет смертью напрасною.

(Былины. Л., 1957. С. 210)

Сюжет былины аналогичен сюжету «Москвы — Петушков», только в перевернутом виде: сын царя Саула, родившийся в его отсутствие, едет на поиски отца, и конечной целью его поездки является встреча с отцом. Здесь же наличествует и типично «ерофеевская» путаница: разницы между выбором правого и среднего пути для молодца практически нет. Веничка, естественно, выбирает дорогу направо, где ему «самому смерть», то есть уже в первой главе поэмы предвосхищает ее финал.

Следует учесть также, что на всякой географической карте, схеме или плане правая сторона отдается востоку, с которым ассоциируется концепция «Москва — третий Рим» и, соответственно, Кремль как его оплот. Например, у Брюсова:

И все, и пророк и незоркий,
Глаза обратив на восток, —
В Берлине, в Париже, в Нью-Йорке
Видят твой огненный скок.

Там взыграв, там кляня свой жребий,

Встречает в смятеньи земля
На рассветном пылающем небе
Красный призрак Кремля.

(«К русской революции», 1920)

4.30 С. 10. *Веничка* —

уменьшительно-ласкательная форма имени Венедикт. Именно с этого места текст «Москвы — Петушков» может рассматриваться как автобиографическая проза.

Прием использования реальным автором или повествователем «нежной» формы имени или фамилии для своего alter ego, действующего в тексте, имеет в литературе достаточно широкое применение: от «Двойника» Достоевского, где Голядкин обращается к самому себе: «Голядка ты этакой!» (гл. 6), до автобиографической повести Эдуарда Лимонова «Это я — Эдичка» или лирики Евтушенко: «Брось ты, Женечка, / осуждающий взгляд» («Снова грустью повеяло…», 1955).

4.31 *…чуть покачиваясь от холода и от горя, да, от холода и от горя. О, эта утренняя ноша в сердце! о, иллюзорность бедствия! о, непоправимость!* —

Традиционный для литературы и искусства

мотив страданий «маленького человека, раздавленного большим / столичным городом», в терминах кинематографа — типичный чаплинеск, отягощенный парадигматическими ситуациями (сон в недомашних условиях, враждебность окружающей среды). Например, у Пушкина:

…Он скоро свету
Стал чужд. Весь день бродил пешком,
А спал на пристани; питался
В окошко поданным куском.
<…>
…Он оглушен
Был шумом внутренней тревоги.
И так он свой несчастный век
Влачил, ни зверь, ни человек,
Ни то ни се, ни житель света,
Ни призрак мертвый…
Раз он спал
У невской пристани.
<…>
Вскочил Евгений; вспомнил живо
Он прошлый ужас; торопливо
Он встал; пошел бродить, и вдруг

Остановился, и вокруг
Тихонько стал водить очами
С боязнью дикой на лице.
Он очутился под столбами
Большого дома. На крыльце
С подъятой лапой, как живые,
Стояли львы сторожевые…

(«Медный всадник», ч. 2)

Здесь эти сторожевые львы соотносимы со «звериным оскалом бытия» (см. 6.21).

4.32 *А если всего поровну, то в этом во всем чего же все-таки больше: столбняка или лихорадки? —*

Подобное душевное состояние описано Розановым: «В мышлении моем всегда был какой-то столбняк» («Опавшие листья», короб 1-й). А в алкогольном контексте и Анненским при помощи цитат из «Преступления и наказания»:

«„*Пас!* и он *стукнул* опять водки“.

„*Лихорадка* вполне *охватила* его. Он был в каком-то *мрачном восторге*“» («Искусство мысли. Достоевский в художественной идеологии», 1909).

4.33 *И куда-нибудь да иди. Все равно куда. —*

В литературе призыв идти хотя бы куда-нибудь, только бы идти, встречается регулярно и в самых разнообразных контекстах. В Библии, например, звучит слово Господне пророку: «Соберись и иди направо или иди налево, куда бы ни обратилось лице твое» (Иез. 21: 16). У Кэрролла примечателен диалог Алисы и Чеширского Кота:

— Скажите, пожалуйста, куда мне отсюда идти?

— А куда ты хочешь попасть? — ответил Кот.

— Мне все равно… — сказала Алиса.

— Тогда все равно, куда и идти, — заметил Кот.

— … только бы попасть куда-нибудь, — пояснила Алиса.

— Куда-нибудь ты обязательно попадешь, — сказал Кот. — Нужно только достаточно долго идти.

С этим нельзя было не согласиться.

(«Приключения Алисы в Стране чудес», гл. 6, пер. Н. Демуровой)

4.34 С. 10. *Если даже ты пойдешь налево — попадешь на Курский вокзал; если прямо — все равно на Курский вокзал. —*

Предопределенность происходящего — регулярный мотив пророческо-риторических текстов типа ветхозаветного «Что было, то и будет; и что

делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем» (Екк. 1: 9) или провербиального «Все пути ведут в Рим».

В «Преступлении и наказании» Раскольников постоянно находится «на распутье»: «Тяжелое чувство сдавило его сердце; он остановился посредине улицы и стал осматриваться: по какой дороге он идет и куда он зашел? Он находился на — ском проспекте, шагах в тридцати или в сорока от Сенной, которую прошел. Весь второй этаж дома налево был занят трактиром. <…> Он было хотел пойти назад, недоумевая, зачем он повернул на — ский проспект…» (ч. 4, гл. 3). Примечательны и мысли Раскольникова о Соне Мармеладовой, которой, как и Веничке, предстоит из трех дорог выбрать последнюю, причем не самую оптимистичную: «„Ей три дороги, — думал он: — броситься в канаву, попасть в сумасшедший дом или… или, наконец, броситься в разврат, одурманивающий ум и окаменяющий сердце“. <…> последний выход, то есть разврат, был всего вероятнее» (ч. 4, гл. 4).

4.35 *Поэтому иди направо, чтобы уж наверняка туда попасть. —*

Кроме выбора дороги к смерти (см. 4.29), мудрый Веничка следует обозначенной в Ветхом

Завете системе координат: «Сердце мудрого — на правую сторону, а сердце глупого — на левую. По какой бы дороге ни шел глупый, у него всегда недостает смысла» (Екк. 10: 2–3).

4.36 С. 11. *О, тщета! О, эфемерность! О, самое бессильное и позорное время в жизни моего народа — время от рассвета до открытия магазинов!* —

То есть время от восхода солнца до 7 или 8 часов утра. В 1960–1970-е гг. продовольственные магазины с винными отделами открывались не ранее 7 часов. Одновременно Веничка имитирует поэтику библейских изречений типа: «Суета сует, сказал Екклесиаст, суета сует, — все суета!» (Екк. 1: 2). Существительное «тщета» также встречается в Библии: «Но что для меня было преимуществом, то ради Христа я почел тщетою. Да и все почитаю тщетою ради превосходства познания Христа Иисуса, Господа моего» (Флп. 3: 7–8).

4.37 *Сколько лишних седин оно вплело во всех нас, в бездомных и тоскующих шатенов!* —

Здесь приведены автобиографические детали, касающиеся судьбы и внешности реального Венедикта Ерофеева: «В этом государстве всяческого партийного контроля и кагебешного учета

Веня семнадцать лет (с 1958 по 1975) жил без „прописки“, то есть — никому в мире никогда не понять! — просто не существовал как житель государства» (*Черноусый [Авдиев И.]*. Некролог, «сотканный из пылких и блестящих натяжек» // Континент. 1991. № 67. С. 321); «Контора Бенедикта была в Москве, жил он где придется, у него никогда не было своего дома. Неустройство было ужасное» (*Любчикова Л.* [О Вен. Ерофееве] // Театр. 1991. № 9. С. 81); «[у Ерофеева] Глаза голубые, волосы темные» (*Ерофеева Г.* [О Вен. Ерофееве] // Театр. 1989. № 9. С. 87).

4.38 *Иди, Веничка, иди.* —

Перифраз основного мотива поэмы — «встань и иди» (см. 26.17). В Новом Завете читаем: «И сказал Иисус сотнику, иди, и, как ты веровал, да будет тебе» (Мф. 8: 13).

5. Москва. Площадь Курского вокзала

5.1 С. 11. *Скучно тебе было в этих проулках, Веничка, захотел ты суеты — вот и получай свою суету… —*

Апелляция к Екклесиасту (см. 4.36) и к другому месту из Ветхого Завета: «Господь знает мысли человеческие, что они суетны» (Пс. 92: 11).

5.2 С. 11. *Ведь вот Искупитель даже, и даже Маме своей родной, и то говорил: «Что мне до тебя?» —*

Компиляция новозаветных положений об отношении к ближайшим родственникам. Здесь накладываются друг на друга: 1) речь Иисуса (Искупителя) перед избранными апостолами, содержащая среди прочего следующие утверждения: «Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку — домашние его. Кто любит отца и мать более, нежели Меня, не достоин Меня» (Мф. 10: 36–37; Мих. 7: 6); 2) связанное с предыдущим обращение Христа к толпе поклонников: «Если кто приходит ко Мне, и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев

и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником» (Лк. 14: 26); ср. также: «Когда же Он еще говорил к народу, Матерь и братья Его стояли вне дома, желая говорить с ним. И некто сказал Ему: вот, Матерь Твоя и братья Твои стоят вне, желая говорить с Тобою. Он же сказал в ответ говорившему: кто матерь Моя, и кто братья Мои? И указав рукою Своею на учеников Своих, сказал: вот матерь Моя и братья Мои; Ибо, кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат и сестра и матерь» (Мф. 12: 46–50; Мк. 3: 31–35).

Формулировка обращения Христа к матери в комментируемом фрагменте поэмы также восходит к Библии: «[Бесноватый:] Оставь, что Тебе до нас, Иисус Назарянин?» (Лк. 4: 34); «[Бесноватый:] что Тебе до меня, Иисус, Сын Бога Всевышнего?» (Мк. 5: 7). Также ощущается влияние известной сцены свадьбы в Кане Галилейской, при этом отметим ее непосредственную связь с вином: Иисус с матерью пришли на свадьбу, и Мария увидела, что на столах нет вина, — тогда Христос произнес: «Что Мне и Тебе, Жено?» (Ин. 2: 4), а затем обратил воду в вино, тем самым совершив свое первое чудо (Ин. 2: 6–11).

5.3 *А уж тем более мне — что мне до этих*

суетящихся и постылых? —

У Тютчева есть созвучные строки:

Кто хочет миру чуждым быть,
Тот скоро будет чужд, —
Ах, людям есть кого любить,
Что им до наших нужд!

Так! что вам до меня?
Что вам беда моя?
Она лишь про меня, —
С ней не расстанусь я!

(«Из „Вильгельма Мейстера“ Гёте», 1829)

5.4 *…кто-то пропел в высоте так тихо, так ласково-ласково… О! Узнаю! Это опять они! Ангелы Господни! Это вы опять? —*

У Сологуба ангел поджидает героя в переулке:

Там, где улицы так гулки,
Тихо барышня идет,
А ее уж в переулке
Близко, близко ангел ждет.

(«Там, где улицы так гулки…», 1911)

В контексте упоминания о ночлеге на лестнице (см. 4.18) в частности и в целом — о ночлеге в

замкнутом пространстве и утреннем выходе на воздух появление ангелов вполне закономерно и отсылает к Библии. В Ветхом Завете: «[Иаков] пришел на одно место, и остался там ночевать, потому что зашло солнце. И взял один из камней того места, и положил себе изголовьем, и лег на том месте. И увидел во сне: вот, лестница стоит на земле, а верх ее касается неба; и вот, Ангелы Божии восходят и нисходят по ней» (Быт. 27: 11–12). В Новом Завете, в сцене в Гефсиманском саду, после обращения Христа к Отцу: «Явился же Ему Ангел с небес и укреплял Его» (Лк. 22: 43). Вообще в Писании Христос постоянно общается с ангелами: «Тогда оставляет Его диавол, — и се, Ангелы приступили и служили Ему» (Мф. 4: 11); также Христос обращается к Нафанаилу: «Истинно, истинно говорю вам: отныне будете видеть небо отверстым и Ангелов Божиих восходящих и снисходящих к Сыну Человеческому» (Ин. 1: 51).

Пение ангелов слышит подле себя и герой Гамсуна: «Сердце мое замирает, вокруг меня витают ангелы, я слышу их пение, они касаются моих век, садятся мне на волосы, и от их дыхания все помещение постепенно наполняется удивительным ароматом» («Мистерии», гл. 8).

Постоянно присутствуют ангелы рядом с ли-

рическими героями у самых разных поэтов (зачастую вместе с другими мотивами, образами и деталями, задействованными в «Москве — Петушках»).

У Франсуа Вийона:

Я душу смутную мою,
Мою тоску, мою тревогу
По завещанию даю
Отныне и навеки Богу
И призываю на подмогу
Всех ангелов – они придут,
Сквозь облака найдут дорогу
И душу Богу отнесут.

(«Большое завещание»)

У Надсона (вкупе с розами, негой и благоуханиями):

Ни ангелов, сияющих в лазурных небесах,
Ни роз, благоухающих в задумчивых садах,
Ни неги ослепительных, полуденных лучей

Я не сравню с Зюлейкою, красавицей моей.

(«Из Боденштедта», 1880)

У Фофанова (о «рассеянной» прогулке по Петербургу):

Столица бредила в чаду своей тоски,
Гонясь за куплей и продажей.
Общественных карет болтливые звонки
Мешались с лязгом экипажей.
<…>
Я шел рассеянно; аккорды суеты
Мой робкий слух не волновали,
И жадно мчались вдаль заветные мечты
На крыльях сумрачной печали.
<…>
И веяло в лицо мне запахом полей,
Смущало сердце вдохновенье,
И ангел родины незлобивой моей
Мне в душу слал благословенье.

(«Столица бредила в чаду своей тоски…», 1884)

У Блока (с лилиями и заповеданностью):

Заповеданных лилий
Прохожу я леса.
Полны ангельских крылий
Надо мной небеса.

(«Верю в Солнце Завета…», 1902)

У Гумилева встречается: «Ангелы нам пели с высоты…» («Франция», 1918). Любезные и вежливые беседы с ангелами любил вести лирический персонаж В. Маяковского, не забывая при этом и «бездну» (см. 8.4):

В облаке скважина.
Заглядываю – ангелы поют.
Важно живут ангелы.
Важно.

Один отделился
и так любезно
дремотную немоту расторг:
«Ну, как вам,
Владимир Владимирович;
нравится бездна?»
И я отвечаю так же любезно:

«Прелестная бездна.

Бездна – восторг!»

(«Человек», 1916–1917)

В поственичкиной литературе ближайшие ассоциации вызывает известный текст Бориса Гребенщикова, где также проецируются друг на друга темы утреннего похмелья, Кремля и ангельской доброты:

Уже прошло Седьмое ноября,

Утихли звуки шумного веселья,

Но что-то движется кругами и все вокруг там, где стою я,

Должно быть, Ангел Всенародного Похмелья.

Крыла висят, как мокрыя усы,

И веет чем-то кисло и тоскливо,

Но громко бьют на главной башне позолоченные часы,

И граждане страны желают пива.

Бывает так, что нечего сказать, —

Действительность бескрыла и помята,

И невозможно сделать шаг или хотя

бы просто встать,

И все мы беззащитны, как котята.

И рвется враг подсыпать в водку яд,

Разрушить нам застолье и постелье,

Но кто-то вьется над страной, благословляя всех подряд, —

Должно быть, Ангел Всенародного Похмелья…

Но кто-то вьется над страной, благословляя всех подряд…

Хранит нас Ангел Всенародного Похмелья…

(«Ангел Всенародного Похмелья», 1982)

5.5 С. 11. *А ты походи, легче будет… —* Вариант мотива «встань и иди» (см. 26.17).

5.6 *…а через полчаса магазин откроется: водка там с девяти, правда, а красненького сразу дадут… —*

Красненькое — уменьшительно-ласкательное от «красное», что в просторечии является эквивалентом к слову «вино» как противопоставленного водке; ср. у М. Горького: «Разрешите рекомендовать померанцевую водочку-с? Отличная! И

красненькое, бордо, очень тонкое, старенькое!» («Жизнь Клима Самгина», ч. 2).

Ниже Веничка уточнит, что это было «Розовое крепкое» (см. 7.16).

В конце 1960-х гг. в СССР действовало ограничение времени продажи крепких спиртных напитков (главным образом водки и коньяка): они начинали продаваться с 9 часов. Проницательный читатель поэмы, он же друг Венедикта Ерофеева и прототип Черноусого, как-то в разговоре с автором заметил: «– Веня, а почему у тебя в поэме водку в магазине дают с девяти, а ты на электричку 8 часов 16 минут шел с чекушечками. Значит, и в поэме была незримая Маруська… — Еще как была, повсюду…» (*Авдиев И.* [О Вен. Ерофееве] // Театр. 1991. № 9. С. 110). Упоминание о Маруське связано с другим эпизодом тех же мемуаров, в котором Авдиевым разъясняется, как они с Ерофеевым и прототипом другого персонажа поэмы покупали в Москве водку в столь ранние часы; при этом инструктаж проводит сам Ерофеев:

«– Магазин еще закрыт, но Маруська уже там. Надо только зайти со двора и постучать — помнишь тему рока в Пятой симфонии Бетховена? И в деревянный лоток окошка, куда хлеб разгру-

жают. Лоток выдвинется. Туда положишь деньги из расчета два восемьдесят семь за поллитра и по полтиннику сверху за неурочность и смягчение Маруськиной неподкупности. Всегда нужно мужественно малостью польстить женской неуступчивости» (Там же. С. 106).

Данный эпизод можно рассматривать и как реальный комментарий к замечанию Венички об «уважении хорошей бабы» (см. 26.10).

5.7 *Херес* —

советское крепленое вино (до 20°), изготавливавшееся (например, в Крыму и Молдавии) по технологии классического испанского jerez-a. См. также 6.13.

5.8 С. 12. *Веня* —

уменьшительная форма имени Венедикт. В умных разговорах о современной российской словесности Венедикта Ерофеева чаще называют Веней, нежели Веничкой (форма «Веничка» остается закрепленной за главным героем поэмы).

5.9 *И как хорошо, что я вчера гостинцев купил, — не ехать же в Петушки без гостинцев. В Петушки без гостинцев никак нельзя. Это ангелы мне напомнили о гостинцах, потому что те, для кого они куплены, сами напоминают ангелов. —*

Любчикова вспоминает о заботе Венедикта Ерофеева о своем сыне, жившем с матерью «за Петушками» (см. 14.12), в деревне Мышлино: «Он непременно что-то вез в Мышлино, когда ездил туда <…> Он сыну все время возил какие-то подарки, как и написано в „Петушках“» (*Любчикова Л.* [О Вен. Ерофееве]. С. 80, 81).

5.10 *Я пошел через площадь — вернее, не пошел, а повлекся. —*

Одна из вариаций мотива «встань и иди» (см. 26.17). По наблюдению Земляного, здесь отсылка к афоризму Сенеки «Судьбы ведут того, кто хочет, и влекут того, кто не хочет» (*Земляной С.* «Пусть все видят, что я взволнован»: о дискурсе поэмы Венедикта Ерофеева «Москва — Петушки» // Независимая газета. 1998. 4 июня. С. 14). Повлечься — начать двигаться против своей воли, под воздействием сторонней силы, стать ведомым кем- / чем-либо. Пророк говорил в свое время: «Клялся Господь Бог святостью Своею, что вот, придут на вас дни, когда повлекут вас крюками и остальных ваших удами» (Ам. 4: 2).

Медленное, через силу, передвижение по большому городу лирического героя, растерянного и страдающего, характерно для поэтов; например, для Полежаева, у которого лирический герой

бредет, как и Веничка, по Москве: «Повлекся к лестнице парадной машинально» («День в Москве», 1832); или для Евтушенко, у которого персонажи влекутся по заграничным городам:

Бредет Гастон
по рю Драгон.
Штаны спадают,
И за людей,
за дураков
глаза страдают.
Небритый,
драный,
весь в грязи…

(«Чудак Гастон», 1965)

Я бреду,
голодая по братству,
спотыкаясь,
бреду сквозь века…
<…>
Я измотан,
истрепан,
изранен.

(«Колизей», 1965)

Я брел в растерянности жалкой,
гигантской соковыжималкой
гудела жизнь. Я был смятен.

(«Римские цены», 1965)

5.11 С. 12. *Два или три раза я останавливался — и застывал на месте… <…> …я каждую минуту ждал, что меня, посреди площади, начнет тошнить со всех трех сторон. И опять останавливался и застывал. —*

Прерывистое, с остановками, движение по столице наблюдается у неуравновешенного героя-страдальца Гамсуна, у которого, как и у Венички, нет в столице собственного угла:

«Только бы мне найти какое-нибудь пристанище на ночь! Я раздумываю, где мне лучше всего заночевать; этот вопрос так занимает меня, что я останавливаюсь посреди улицы. Я забываю, где я, стою, как одинокий бакен в море, а вокруг плещут и бушуют волны» («Голод», гл. 1).

«Выйдя из дома, я остановился посреди улицы…» (гл. 2).

«…Я вышел на площадь, к стортингу. Остановившись как вкопанный, я смотрю на извозчиков

<…> я некоторое время стою на месте. Потом снова плетусь к вокзалу. <…> Я вдруг остановился. <…> Я стою и размышляю» (гл. 3).

5.12 *Ведь в человеке не одна только физическая сторона; в нем и духовная сторона есть, и есть — больше того — есть сторона мистическая, сверхдуховная сторона. —*

Ерническое апеллирование к православной идее триединства Божьего — существованию, соответственно, Бога Сына, Бога Святого Духа и Бога Отца, а также к фрейдизму, изучающему мистическую, «подсознательную» сторону человеческой личности.

5.13 *Сверхчеловек —*

термин в истории философии связан прежде всего с Ницше и его книгой «Так говорил Заратустра» (1883–1884); впрочем, до Ницше встречается и у Гёте: «Ну что ж, дерзай, сверхчеловек!» («Фауст», ч. 1, «Ночь», пер. Б. Пастернака).

5.14 *Боже милостивый, сколько в мире тайн! Непроницаемая завеса тайн! —*

Аллюзия на тайны Господни. В контексте отсылок к пирам Валтасара (см. 45.4) отмечу слова пророка: «Чтобы они просили милости у Бога небесного об этой тайне» (Дан. 2: 18). Это вос-

клицание о тайнах предвосхищает появление «текела» в конце поэмы, поскольку и оно, и «текел» связаны с одним и тем же пророком: «Царь сказал Даниилу <…> можешь ли ты сказать мне сон, который я видел, и значение его? Даниил отвечал царю и сказал: тайны, о которой царь спрашивает, не могут открыть царю ни мудрецы, ни обаятели, ни тайноведцы, ни гадатели. Но есть на небесах Бог, открывающий тайны; и Он открыл царю Навуходоносору, что будет в последние дни. Сон твой и видения главы твоей на ложе твоем были такие: ты, царь, на ложе твоем думал о том, что будет после сего? И Открывающий тайны показал тебе то, что будет. А мне тайна сия открыта не потому, чтобы я был мудрее всех живущих, но для того, чтобы открыто было царю разумение и чтобы ты узнал помышления сердца твоего. Тебе, царь, было такое видение: вот, какой-то большой истукан; огромный был этот истукан, в чрезвычайном блеске стоял он пред тобою, и страшен был вид его» (Дан. 2: 26–31).

Попутно, через упоминание об истукане, подготавливается ситуация сооружения «столба» на площади Курского вокзала «в назидание народам древности» (см. 7.10).

О Господних тайнах сказано и в других книгах

Библии: «Тайна Господня — боящимся Его, и завет Свой Он открывает им» (Пс. 24: 14); «Господь откроет тайны твои и уничижит тебя среди собрания за то, что ты не приступил искренно к страху Господню, и сердце твое полно лукавства» (Сир. 1: 30); «Ум и будет размышлять о тайнах Господа» (Сир. 39: 9); «Господь Бог ничего не делает, не открыв Своей тайны рабам Своим, пророкам» (Ам. 3: 7); «Внимай мне, и я научу тебя, и изъясню тебе то, что устрашило тебя: ибо Всевышний откроет тебе многие тайны» (2 Езд. 10: 38) и т. д. Всего же в Библии, помимо Господних, насчитывается великое множество тайн: «тайна царева» (Тов. 12: 7, 11); «тайны премудрости» (Иов. 11: 6); «тайны сердца» (Иов. 31: 27; Пс. 43: 22; 1 Кор. 14: 25); «тайна благовествования» (Еф. 6: 19); «тайна беззакония» (2 Фес. 2: 7); «тайна благочестия» (1 Тим. 3: 16); «тайна семи звезд» (Откр. 1: 20); «тайна — Вавилон, великая блудница» (Откр. 17: 5); «тайна жены и зверя» (Откр. 17: 7), — в общем, действительно «непроницаемая завеса».

Вспоминаются слова царского лекаря Елисея Бомелия в опере Римского-Корсакова «Царская невеста» (1899): «Много в мире есть сокровенных тайн, / Много сил неразгаданных» (д. 1).

6. Москва. Ресторан Курского вокзала

6.1 С. 12. — *Спиртного ничего нет, — сказал вышибала. И оглядел меня всего, как дохлую птичку или как грязный лютик. —*

Традиционная для литературы и искусства сцена унижения маленького и беззащитного человека ничтожеством, наделенным властью. У Достоевского есть наблюдение:

«…Поставьте какую-нибудь самую последнюю ничтожность у продажи каких-нибудь дрянных билетов на железную дорогу, и эта ничтожность тотчас же сочтет себя вправе смотреть на вас Юпитером, когда вы пойдете взять билет, pour vous montrer son pouvoir. „Дай-ка, дескать я покажу над тобою мою власть“… И это в них до административного восторга доходит… En un mot, я вот прочел, что какой-то дьячок в одной из наших заграничных церквей, — mais c’est tres curieux, — выгнал, то есть буквально выгнал, из церкви одно замечательное английское семейство, les dames charmantes, прелестных дам, пред самым началом великопостного богослужения — vous savez ces chants et le livre de Job… единственно под тем предлогом, что „шататься

иностранцам по русским церквам есть непорядок и чтобы приходили в показанное время…“, и довел до обморока… Этот дьячок был в припадке административного восторга, et il a montre son pouvoir…» («Бесы», ч. 1, гл. 2).

А у Мандельштама есть такое признание лирического героя:

У меня не много денег,
В кабаках меня не любят.
<…>
Я запачкал руки в саже,
На моих ресницах копоть,
Создаю свои миражи
И мешаю всем работать.

(«У меня не много денег…», 1913)

Из обилия параллельных «ресторанных скетчей» мне приглянулся хронологически близкий (1955) «Москве — Петушкам» классический самиздатовский текст Абрама Терца, где, хотя к герою относятся диаметрально противоположно, дух советского ресторана передан точно:

«У Константина Петровича началась новая жизнь. Заходит он между делом в ресторан „Киев“ и едва переступает порог, уже бегут напо-

маженные официанты, восклицая отрывистыми голосами, наподобие ружейных выстрелов:

— Жалст! Жалст! Жалст!

У каждого над головою поднос, который непрерывно вращается, а там разные вина — красное и белое, или есть еще такое: „Розовый мускат“. Одним словом — вся гамма к вашим, Константин Петрович, услугам.

— Нет, — говорит Константин Петрович усталым голосом и отстраняет их вежливо ручкой, — я решительно воздерживаюсь… Плохо себя чувствую и ничего мне в жизни не надо. А давайте мне водки — белая головка — 275 грамм и микроскопический бутербродик из атлантической сельди. Только хлеба черного в бутербродик тот не кладите, а кладите батон с изюмом, да чтоб изюм пожирнее.

И сейчас же официанты — в количестве трех человек — откупоривают цветные бутылки и щелкают салфетками в воздухе, полируя бокалы и рюмки до полного зеркального блеска и обмахивая попутно пылинки с узконосых своих штиблет.

А как выпьешь для порядка 275 грамм, все чувства в твоей душе обостряются до крайности. Ты явственно различаешь и склизлый скрежет

ножей, от которого ноют зубы и передергивается спинномозговая спираль, и колокольный звон стекла, пригубленного на разных уровнях, и монотонный мужской припев: „Будем здоровы! С приездом! За встречу! С приездом!“ — и вопросительное хохотание женщин, которые чего-то ждут, беспрестанно вертя головами, и охорашиваются нервозно, как перед свадьбой.

В мимике официантов проглядывает обезьянья сноровка. Они прыгают между кадками с пальмами, растущими повсюду, как в Африке, и перекидываются жестяными судками с дымящимися борщами или, изогнувшись над столиком, точно над бильярдом, разливают все что хотите в стаканы — падающим, коротким движением» («В цирке»).

6.2 С. 13. *Бефстроганов* —

классическое горячее блюдо советского общепита, лишь отдаленно напоминающее своего прародителя — boeuf Stroganov; советский бефстроганов представляет собой полоски говядины, тушенные в соусе (иногда с добавлением соленых огурцов); подавался в советских ресторанах, кафе и столовых с гарниром из гречневой каши, риса, картофеля или макаронных изделий.

6.3 *…послушать Ивана Козловского…* —

Послушать — здесь, разумеется, по радио. Иван Семенович Козловский (1900–1993) — известный советский тенор, в 1926–1954 гг. солист Большого театра, обладатель многих правительственных наград, включая три ордена Ленина и Государственную премию СССР, — одним словом, «певец-лауреат». Исполнял партии в операх, литературные источники которых так или иначе входят в контекст «Москвы — Петушков» (Юродивый — «Борис Годунов», Фауст — «Фауст», Ленский — «Евгений Онегин», Лоэнгрин — «Лоэнгрин», Альмавива — «Севильский цирюльник»), а также как режиссер ставил «Паяцев» (см. 6.8). Арии в его исполнении звучали по радио. В воспоминаниях современника находим (о юбилейном вечере К. Паустовского в 1967 г.): «…Предоставили слово народному артисту Союза ССР Ивану Семеновичу Козловскому, „образцовому тенору“, как называли его» (*Свирский Г.* На лобном месте: Литература нравственного сопротивления (1946–1976). Лондон, 1979. С. 417). В других мемуарах есть следующая запись: «В дни моей юности в России, я думаю, не было никого, кто не знал бы Ивана Козловского, голос его все время звучал по радио, престиж оперы был чрезвычайно высок

— он же был лучший солист Большого театра. Мне кажется, впрочем, что тембр голоса у Козловского не очень приятен, и лучшая партия его — это партия Юродивого в „Борисе Годунове“: „Пода-а-йте копеечку…“ Сейчас, вероятно, его стали забывать» (*Амальрик А.* Записки диссидента. Анн-Арбор: Ardis, 1982. С. 27).

6.4 *…что-нибудь из «Цирюльника».* —

То есть что-нибудь из оперы итальянского композитора Джоаккино Россини «Севильский цирюльник» (1816). Фрагменты оперы регулярно включались в репертуар советских музыкальных радиопрограмм в 1950–1970-е гг., но и раньше, до советских времен, арии из «Цирюльника» были музыкальным фоном праздного времяпровождения. Например, у М. Кузмина: «Зачем „Севильский брадобрей“ / На пестрой значился афише» («Новый Ролла», ч. 3, гл. 3), «И пели нам ту арию Розины: / „Io sono docile, io sono rispettosa“» («Из поднесенной некогда корзины…», 1906). Попутно замечу, что, возможно, Веничка хочет послушать из «Цирюльника» именно эту каватину Розины из второго акта оперы: героиня Россини признается, что она «так безропотна, так простодушна», то есть очень близка по натуре герою поэмы.

Опера как таковая занимала особое место в жизни советского человека, тем более в «дотелевизионную» эпоху (1950-е гг.). Современник Ерофеева, знакомый с «Полетом шмеля», «Севильским цирюльником», Гуно, Римским-Корсаковым, Вагнером и иже с ними, Юрий Нагибин вспоминает:

«С чего началась моя меломания? Не знаю. Но разве могу я сказать, с чего началась фантиковая болезнь или упоительные трамвайные путешествия на окраины Москвы? Мига пленения не замечаешь, а потом кажется, будто так всегда было…

В раннем детстве меня, как полагается, водили на „Сказку о царе Салтане“, на „Золотого петушка“ и для общего развития — на „Князя Игоря“. Последний был просто невыносим: сплошное пение, и никаких событий. <…> В „Сказке о царе Салтане“ я с нетерпением ждал полета шмеля, о чем был заранее предупрежден, но когда полет — вполне сносный — состоялся, смотреть стало нечего. <…> Вообще я был твердо убежден, что хуже оперы на свете только балет. <…> Опера надолго исчезла из моей жизни. Попал я туда снова уже одиннадцатилетним, после только что перенесенного крупозного воспаления легких. В

эту-то пору нового освоения бытия я вдруг оказался в филиале Большого театра на „Севильском цирюльнике“. <…> Я помню себя направляющимся ранним весенним подвечером в компании таких же меломанов к Большому театру. Вернее, к филиалу Большого — там ставили мелодичные оперы Россини, Верди, Пуччини, Гуно, которые мы по молодости и незрелости предпочитали монументальным творениям Римского-Корсакова, Вагнера, Мейербера, преобладавшим на главной сцене. Конечно, мы не оставляли вниманием и Большой, ведь там шли „Евгений Онегин“, „Пиковая дама“, „Кармен“, но предпочитали филиал, как станет ясно в дальнейшем, не только из-за репертуара. <…> Чем была для нас опера? Развлечением? Удовольствием? Нет, чем-то неизмеримо большим. Мы жили сурово и деловито. Шумный двор почти весь год был бессменной декорацией нашего скудного досуга. Никто из нас не видел ни моря, ни гор, ни чужих городов. Опера уводила нас в пленительный, яркий мир, исполненный благородства» («Меломаны»).

6.5 С. 13. *Царица небесная!* —

Восклицание, формально обращенное к Богоматери, а неформально — всего лишь сетование. Например, у Горького: «Бабушка осторожно

подходила к темным окнам мещанских домишек, перекрестясь трижды, оставляла на подоконниках по пятаку и по три кренделя, снова крестилась, глядя в небо без звезд, и шептала: — Пресвятая царица небесная, помоги людям! Все — грешники перед тобой, матушка!» («В людях», гл. 2); у Бунина: «Тихон Ильич стиснул челюсти. — Ох! — сказал он, закрывая глаза и тряся головой. — Ох, мати царица небесная!» («Деревня», гл. 1); у Фета:

Такой тебе, Рафаэль, вестник бога,
Тебе и нам явил твой сон чудесный
Царицу жен – царицею небесной!

(«К Сикстинской Мадонне», 1864)

6.6 *…музыка-то с какими-то песьими модуляциями. Это ведь и в самом деле Иван Козловский поет, я сразу узнал, мерзее этого голоса нет. —*

О неприятном, по мнению некоторых, тембре голоса Ивана Козловского см. замечание Амальрика (6.3).

6.7 *Все голоса у всех певцов одинаково мерзкие, но мерзкие у каждого по-своему. Я поэтому легко их на слух различаю… —*

Здесь без труда усматривается намек на отча-

янную конкуренцию в советской оперной элите 1940–1950-х гг. Козловского и другого тенора-лауреата из Большого театра — Сергея Яковлевича Лемешева (1902–1977), обладавшего как множеством правительственных наград и премий, так и не менее слащавым высоким голосом. В 1950-е гг. большие и хорошо организованные группы поклонников Козловского и Лемешева враждовали друг с другом. Раздражаться высокими, ненатуральными и потому «мерзкими» голосами оперных певцов из Большого театра стало проявлением хорошего тона в среде литераторов, нигилистически расшатывающих традиции. Так, до Венички «мерзкий тенор» Леонида Собинова, предшественника Козловского и Лемешева, раздражал Маяковского, причем также ассоциируясь с исполнением арии Лоэнгрина (см. 6.8): «Ваше слово / слюнявит Собинов <…> Эх, поговорить бы иначе / с этим самым / Леонидом Лоэнгринычем!» («Сергею Есенину», 1926).

Формулировка положения сделана под начало романа Льва Толстого «Анна Каренина»: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему» («Анна Каренина»).

6.8 С. 13. *«О-о-о, чаша моих прэ-э-эдков… О-о-о,*

дай мне наглядеться на тебя при свете зве-о-о-озд ночных…» <…> «О-о-о, для чего тобой я околдо-о-ован… Не отверга-а-ай…» —

Попурри из популярных оперных арий.

1) *О-о-о, чаша моих прэ-э-эдков…* — фрагмент арии Фауста (тенор) из Пролога оперы Шарля Гуно «Фауст» (1859; либретто Ж. Барбье и М. Карре по 1-й части трагедии Гёте «Фауст»). Партия Фауста входила в оперный репертуар Козловского. См. также 25.39.

Ах, оставь меня, радость, веселье!

Лети, лети своей стезёй! Лети, лети!

О, чаша моих предков, зачем дрожишь ты?

Зачем в этот миг роковой дрожишь ты

в руке моей?

Примечательно, что Фауст поет эту арию, держа в руке кубок с ядом. Отхлебнуть из него, то есть покончить с собой, Фаусту не удается из-за внезапного появления Мефистофеля.

2) *О-о-о, дай мне наглядеться на тебя при свете зве-о-о-озд ночных…* — еще один слегка «адаптированный» Веничкой фрагмент из «Фауста» Гуно: ария Фауста из 2-го действия, обращенная

к Маргарите.

О, позволь, ангел мой,
на тебя наглядеться!
О, позволь, ангел милый,
наглядеться!
При блеске звезд ночных
глазам не хочется,
о, поверь мне, оторваться
от чудных, чудных глаз твоих!

Как визуальный и звуковой фон происходящих событий опера Гуно «Фауст» встречается в литературе, в частности у Бунина, герой которого, как и Веничка, способен «изнемочь» (см. 17.4):

«Однажды зимой он был с ней в Большом театре на „Фаусте“ с Собиновым и Шаляпиным. Почему-то в этот вечер все казалось ему особенно восхитительным: и светлая, уже знойная и душистая от многолюдства бездна, зиявшая под ними, и красно-бархатные, с золотом, этажи лож, переполненные блестящими нарядами, и жемчужное сияние над этой бездной гигантской люстры, и льющиеся далеко внизу под маханье капельмейстера звуки увертюры, то гремящие, дьявольские, то бесконечно нежные и грустные: „Жил, был

в Фуле добрый король…“ Проводив после этого спектакля, по крепкому морозу лунной ночи, Катю на Кисловку, Митя особенно поздно засиделся у нее, особенно изнемог от поцелуев и унес с собой шелковую ленту, которой Катя завязывала себе на ночь косу» («Митина любовь», 1924).

Бунин также упоминал и цитируемую арию, причем исполняемую не вживую, а, как и в «Москве — Петушках», в записи и в «алкогольном» контексте:

«Потом заказали уху и закурили. В старой зале нежно и грустно запела, укоризненно зарычала машина. И композитор, откинувшись к спинке дивана, затягиваясь папиросой и, по своему обыкновению, набирая в свою высоко поднятую грудь воздуху, сказал:

— Дорогие друзья, мне, невзирая на радость утробы моей, нынче грустно. А грустно мне потому, что вспомнилась мне нынче, как только я проснулся, одна небольшая история…

— История небольшая, но, вне всякого сомнения, амурная, — сказал Георгий Иванович <…>

— Амурная? — сказал он холодно и насмешливо. — Ах, Георгий Иванович, Георгий Иванович, как вы будете за всю вашу порочность и беспощадный ум на страшном суде отвечать? Ну, да

бог с вами. «Je veux un tresor qui les contient tous, je veux la jeunesse» [Я хочу сокровище, которое вмещает в себя всё, я хочу молодости *(фр.)*], — поднимая брови, запел он под машину, игравшую „Фауста“ <…>

Он опустил глаза и, мешковато приподнявшись, потащил из серебряного ушата, из шуршащего льда, бутылку, налил себе самый большой фужер. Скулы его зарделись, короткая шея покраснела. Сгорбившись и стараясь скрыть смущение, он выпил бокал до дна, затянул было под машину: „Laisse moi, laisse moi contempler ton visage!“ [Дай мне, дай мне наглядеться на твое лицо! *(фр.)*], но тотчас же оборвал» («Ида», 1925).

3) *О-о-о, для чего тобой я околдо-о-ован…* — строка из дуэта Сильвио (баритон) и Недды (сопрано) из оперы Руджеро Леонкавалло «Паяцы» (1892): в конце 1-го акта Сильвио, влюбленный в Недду, жену паяца Канио, уговаривает ее бежать с ним и признается в своей страсти:

О, для чего тобой я околдован,
зачем меня ты покидаешь?!
О, для чего меня обнимала
в пламенных, страстных лобзаньях?!
Если забыла ты те объятья,

я не могу их забыть никогда.
Этой любовью и поцелуями
ты пламень страсти в сердце зажгла!

В финале оперы Канио закалывает его ножом, а затем произносит: «La commedia è finita» (см. 23.9). «Паяцев» в свое время ставил как режиссер все тот же Иван Козловский.

4) *Не отверга-а-ай…* — мольба эта принадлежит Димитрию Самозванцу из оперы Мусоргского «Борис Годунов» (см. 10.13): в сцене с Мариной Мнишек Самозванец (тенор) поет: «Тебя, тебя одну, Марина, я обожаю, всей силой страсти, всей жаждой неги и блаженства. Сжалься над скорбью бедной души моей, не отвергай меня!» (д. 3, карт. 2).

Примечательно, что к тому же действию «Бориса Годунова» можно возвести и «скучную княгиню-боярыню» (см. 15.16): в своей арии княжна Марина Мнишек (меццо-сопрано) поет (упоминая и князей, и бояр):

Скучно Марине,
ах как скучно-то!
Как томительно и вяло
дни за днями длятся.

Пусто, глупо так, бесплодно!
Целый сонм князей, и графов,
и панов вельможных
не разгонит скуки адской.
<…>
Панне Мнишек слишком скучны
страсти томной излиянья
<…>
И стада бояр кичливых
бить челом себе заставлю.

(д. 3, карт. 1)

Обеих цитат у Пушкина нет — либретто к опере написано композитором.

Кроме того, настоятельная просьба «Не отвергай!» есть и у Вагнера в «Лоэнгрине» (см. 28.2), там эти слова поет Эльза (сопрано), обращаясь к главному герою:

Ах, удостой меня признаньем
и слез моих не отвергай!

(д. 3, карт. 1)

6.9 С. 13. *Бефстроганов есть, пирожное. Вымя…* —

Стандартное меню недорогого вокзального ресторана. Пирожное — обычно песочное, эклер, «корзиночка» или бисквитное. Вымя — говяжье, вареное или жареное, дешевое блюдо из так называемых субпродуктов (к которым также относятся печень, почки и мозги).

6.10 С. 13–14. *Тяжелая это мысль… <…> Очень тяжелая мысль… <…> Очень гнетущая это мысль. Мысль, которая не всякому под силу. Особенно с перепою… —*

Мотив тяжкой, гнетущей мысли (см. 39.9).

6.11 С. 14. *А ты бы согласился, если бы тебе предложили такое: мы тебе, мол, принесем сейчас 800 грамм хереса, а за это мы у тебя над головой отцепим люстру и… —*

Наслоение друг на друга ряда устойчивых парадигм искушения: 1) классической «сделки за чашу» Фауста с Мефистофелем, описанной, в частности, Гёте («Фауст», ч. 1, сц. 3), и 2) модифицированной сцены искушения Христа Сатаной (см. 37.6). При этом слабовольный Веничка не задумываясь предпочитает «чашу», обеспечивающую «вечную молодость».

Кроме того, очевидна отсылка к Достоевскому, у которого Голядкин мечтает о падении люстры:

«Вот если б эта люстра сорвалась теперь с места и упала на общество, то я бы тотчас бросился спасать Клару Олсуфьевну» («Двойник», гл. 4).

6.12 — *Хересу, пожалуйста. 800 грамм. —*

Херес в русской литературе заказывался еще задолго до Венички. Например, у Н. Некрасова помещик говорит:

И мне присесть позволите?
Эй, Прошка! Рюмку хересу,
Подушку и ковер!

(«Кому на Руси жить хорошо», ч. 1, гл. 5)

У Достоевского герой «пил с горя лафит и херес стаканами» («Записки из подполья»).

6.13 — *Ну… я подожду… когда будет…*

— Жди-жди… Дождешься!.. Будет тебе сейчас херес!

И опять меня оставили. —

У Гамсуна страдающий от чрезмерной чувствительности и деликатности нищий герой «Голода» испытывает в другом общественном месте — скупочной, куда он принес заложить свои пуговицы, — сходные чувства:

«Я вошел, держа пуговицы в руке. Процентщик сидел за своей конторкой и писал.

— Я могу обождать, мне не к спеху, — сказал я, боясь помешать ему и рассердить своим приходом. Мой голос звучал так глухо, я сам не узнавал его, а сердце стучало, как молот.

— Я тут кое-что принес и хотел показать, может быть, они пригодятся… <…>

Старый ростовщик засмеялся и, не говоря ни слова, вернулся к своей конторке» («Голод», гл. 2).

6.14 С. 14. *Отчего они все так грубы? А? И грубы-то ведь, подчеркнуто грубы в те самые мгновенья, когда нельзя быть грубым… —*

До Венички схожие наблюдения делали пророки: «Огрубело сердце народа сего, и ушами с трудом слышат, и очи свои сомкнули, да не узрят очами, и не услышат ушами» (Ис. 6: 10; Мф. 13: 15; Деян. 28: 27), а также поэты. Вот реплика Звездочета из драмы Блока: «Грубые люди! Оставьте меня» («Незнакомка», видение 2). Страдал от грубости людей и В. Розанов: «Грубы люди, ужасающе грубы, — и даже по *этому* одному, или главным образом по этому — и *боль* в жизни, столько боли…» («Опавшие листья», короб 1-й).

6.15 *…когда он малодушен и тих? <…> …как я сейчас, тих и боязлив… —*

Обращение к лексике пророков: «И еще объявят надзиратели народу, и скажут: кто боязлив и малодушен, тот пусть идет и возвратится в дом свой, дабы он не сделал робкими сердца братьев его, как его сердце» (Втор. 20: 8).

6.16 *Никаких энтузиастов, никаких подвигов, никакой одержимости! — всеобщее малодушие. —*

Данное заявление сугубо автобиографично. В воспоминаниях о Венедикте Ерофееве постоянно подчеркивается его антиэнтузиазм: «Ему нравилось все антигероическое, все антиподвиги, и расстроенное фортепьяно — больше нерасстроенного» (*Седакова О.* [О Вен. Ерофееве] // Театр. 1991. № 9. С. 101). Данные антиштампы — откровенный эпатаж по отношению к официальной коммунистической пропаганде, в частности к знаменитому «Маршу энтузиастов» Василия Лебедева-Кумача и Исаака Дунаевского из кинофильма «Светлый путь» (1940), прославлявшего СССР как «страну героев, страну мечтателей, страну ученых». Кроме того, параллельная железной дороге на Петушки и Владимир крупная московская автомагистраль называется Шоссе энтузиастов (в честь первых русских революционеров-демократов, которые следовали этой

дорогой — Владимиркой — в сибирскую ссылку). А вот еще заголовки газетных статей времен написания «Москвы — Петушков»: «Октябрьский марш энтузиастов» (Известия. 1969. 8 ноября), «Энтузиастов — десятки тысяч» (Известия. 1969. 24 декабря), «Энтузиасты культуры» (Правда. 1969. 5 сентября), «Энтузиасты технического творчества» (Правда. 1969. 24 сентября); или следующий пассаж из «настольной книги» партийца: «Энтузиазм рабочего класса оказывал моральное воздействие на трудовые массы крестьянства, развернувшие строительство колхозов. Особенно велик был энтузиазм среди молодежи» (История КПСС. М., 1973. С. 412).

Забавная и близкая Веничке параллель приводится Достоевским в разговоре Ставрогина с Шатовым:

«– …И притом Верховенский энтузиаст.

— Верховенский энтузиаст?

— О да. Есть такая точка, где он перестает быть шутом и обращается в… полупомешанного» («Бесы», ч. 2, гл. 1).

Антиэнтузиазм был характерен для многих российских литераторов. Розанов в весьма сходном ключе писал о Льве Толстом: «Толстой прожил собственно глубоко пошлую жизнь…

Это ему и на ум никогда не приходило. Никакого страдания; никакого „тернового венца“; никакой героической борьбы за убеждения; и даже никаких особенно интересных приключений. Полная пошлость» («Уединенное», 1912). Он также признавался: «Все „величественное“ мне было постоянно чуждо. Я не любил и не уважал его» (там же). То же наблюдается и у поэтов, например у позднего Фета: «Радость чуя, / Не хочу я / Ваших битв» («Quasi una fantasia», 1889); или у позднего Пастернака: «Мы брать преград не обещали, / Мы будем гибнуть откровенно» («Осень», 1949).

Приведу также характерные примеры поэтизированного, соответственно, Аксеновым и Евтушенко политизированного мироощущения молодого советского человека «оттепельных» времен, антиподом которого является Веничка:

«Я сделаю свое дело, потому что люблю все вокруг себя, Москву и всю свою страну. Масса солнца вокруг и воздуха. Я очень силен. Я еду в институт. Я сделаю свое дело для себя, и для своего института, и для своей семьи, и для своей страны. Моя страна, когда-нибудь ты назовешь наши имена и твои поэты сложат о нас стихи. Я сделаю свое дело, чего бы мне это ни стоило.

В метро люди читают газеты. Заголовки

утренних газет: КУБЕ УГРОЖАЕТ ОПАСНОСТЬ! АГРЕССИЯ В КОНГО РАСШИРЯЕТСЯ. В ЛАОСЕ ТРЕВОЖНО. МЫ С ТОБОЙ, ФИДЕЛЬ! ПИРАТСКИЕ НАЛЕТЫ ПРОДОЛЖАЮТСЯ. ОЛИМПИЙСКИЙ ОГОНЬ ПРОДОЛЖАЕТ СВОЙ ПУТЬ.

В темном окне трясущегося вагона отражаемся мы, пассажиры. Мы стоим плечом к плечу и читаем газеты. Жирные, сухие и такие мускулистые, как я, смешные, неряшливые, респектабельные, пижонистые, мы молчим. Мы немного не выспались. Нам жарко и неловко. Этот, справа, весь вспотел. Фидель, мы с тобой! Пираты, мы против вас. Мы несем Олимпийский огонь. Я сделаю свое дело» («Звездный билет», 1961).

Возьмите меня в наступление —
не упрекнете ни в чем,
лучшие из поколения,
возьмите меня трубачом.

Я буду трубить наступление,
ни нотой не изменю,
а если не хватит дыхания,
трубу на винтовку сменю.

(«Лучшим из поколения», 1956)

О советском энтузиазме размышлял и офици-

альный советский писатель, а затем не менее официальный диссидент Виктор Некрасов:

«[Социалистическая] дисциплина построена на страхе… Простите, а энтузиазм? Вспомните. Двадцатые годы. Люди отказывались от всего, ехали… Да, ехали и доехали, как сказал мне один старик-колхозник, когда я пытался говорить ему нечто подобное… Нет энтузиазма, давно нет. Только в газетных статьях о принимаемых приветствиях родному ЦК на очередном митинге или собрании писателей. И романтика БАМа только в „Комсомолке“ да бодрых песнях по радио. БАМ — та же дисциплина. Иными словами, подчинение приказу. Не поедешь — исключим, прогоним, накажем. Есть решение — выполняй. А так как выполнить в большинстве своем невозможно… в дело вступает обман. А обман — отец разложения, растления» («Взгляд и нечто», 1977).

Что касается одержимости, то она в русской философской публицистике имеет прямую связь с не принимаемой Веничкой революцией. Например, у Н. А. Бердяева: «Одержимость идеей всеобщего счастья, всеобщего соединения людей без Бога заключает в себе страшную опасность гибели человека, истребления свободы его духа»; «Одержимость безбожной идеей революционного

социализма в своих окончательных результатах ведет к бесчеловечности» («Миросозерцание Достоевского», 1923).

6.17 С. 14. *Я согласился бы жить на земле целую вечность, если бы прежде мне показали уголок, где не всегда есть место подвигам. —*

«Заочная» полемика с Горьким, автором знаменитой фразы: «В жизни… всегда есть место подвигам» («Старуха Изергиль», 1894), ставшей в СССР традиционным пропагандистским штампом. Очевидна также связь с призывом Сатина «не жалеть человека»: «Я — понимаю старика… да! Он врал… но — это из жалости к вам, черт вас возьми! Есть много людей, которые лгут из жалости к ближнему… я — знаю! я — читал! Красиво, вдохновенно, возбуждающе лгут!.. <…> Надо уважать человека! Не жалеть… не унижать его жалостью… уважать надо! Выпьем за человека…» («На дне», 1902).

Также и апелляция к Достоевскому. Вот реплика Мармеладова: «Ведь надобно же, чтобы всякому человеку хоть куда-нибудь можно было пойти. <…> ведь надобно же, чтобы у всякого человека было хоть одно такое место, где бы и его пожалели!» («Преступление и наказание», ч. 1, гл. 2); и о Раскольникове: «Он вошел на Сенную. Ему

неприятно, очень неприятно было сталкиваться с народом, но он шел именно туда, где виднелось больше народу. Он бы дал все на свете, чтоб остаться одному; но он сам чувствовал, что ни одной минуты не пробудет один» (ч. 6, гл. 8).

В Ветхом Завете Давид говорит: «Услышь, Боже, молитву мою… я стенаю в горести моей, и смущаюсь от голоса врага, от притеснения нечестивого; ибо они возводят на меня беззаконие, и в гневе враждуют против меня. Сердце мое трепещет во мне, и смертные ужасы напали на меня; Страх и трепет нашел на меня, и ужас объял меня. И я сказал: „кто дал бы мне крылья, как у голубя? я улетел бы и успокоился бы; Далеко удалился бы я, и оставался в пустыне; Поспешил бы укрыться от вихря, от бури“» (Пс. 54: 2, 3–9).

6.18 С. 14. *Я весь как-то сник и растерял душу. —*

Розанов писал о себе: «Какой-то я весь судорожный и — жалкий. Какой-то весь растрепанный: / Последняя туча рассеянной бури… / И сам себя растрепал <…> Когда это сознаешь (т. е. ничтожество), как чувствуешь себя несчастным» («Опавшие листья», короб 1-й).

Сникает и герой Гамсуна, хватая при этом себя за горло (ср. 10.2): «Но когда я вернулся в свое жи-

лище, в эту сумрачную дыру, весь вымокший от сырого снега, моя воинственность вдруг исчезла, и я опять сник. <…> я плакал, хватал себя за горло, дабы наказать себя за подлую выходку, и каялся» («Голод», гл. 3). У того же Гамсуна есть конкретно «как-то сник»: «Его злость прошла, он как-то сник и, уронив голову на руки, затрясся как в ознобе от беззвучных рыданий» («Мистерии», гл. 18).

6.19 С. 15. *Я ведь… из Сибири, я сирота… —*

Как следует из биографических сведений, писатель Венедикт Ерофеев родился в Мурманской области. В 1946 г. отец был арестован и сослан в лагерь, а мать уехала от детей в Москву, чтобы избежать нищеты и возложить материальные заботы по их воспитанию на государство, после чего будущий автор «Москвы — Петушков» оказался в детском доме города Кировска Мурманской области (*Фролова Н.* [О Вен. Ерофееве] // Театр. 1991. № 9. С. 74, 76); отличные от приведенных сестрой писателя сведений см. в интервью самого Ерофеева: Сумасшедшим можно быть в любое время // Континент. 1990. № 65. С. 411–412; Нечто вроде беседы с Венедиктом Ерофеевым // Театр. 1989. № 4. С. 33.

У литераторов есть схожие признания, например у Достоевского слова Раскольникова в

полицейском участке: «Вникните и в мое положение… <…> Я бедный и больной студент, удрученный <…> бедностью. Я бывший студент, потому что теперь не могу содержать себя, но я получу деньги…» («Преступление и наказание», ч. 1, гл. 2); и у Евтушенко: «Откуда родом я? / Я с некой / сибирской станции Зима» («Откуда родом я?», 1957).

В оперном контексте, а также с учетом «бездомности» (см. 4.37) и «унылости» (19.4) вспоминается романс неприкаянного сироты Владимира Дубровского из оперы Эдуарда Направника «Дубровский» (1895), либретто Модеста Чайковского:

Итак, все кончено… Судьбой неумолимой
Я осужден быть сиротой…
Вчера еще имел я хлеб и кров родимый,
А завтра встречусь с нищетой!
Покину вас. Священные могилы,
Мой дом и память светлых детских лет!
Пойду, бездомный и унылый,
Путем лишений я и бед.

(д. 1, карт. 2, явл. 4)

В 1940–1950-е гг. партию Дубровского в Большом театре исполнял Иван Козловский (см. 6.3).

6.20 *Все трое подхватили меня под руки и через весь зал — о, боль такого позора! — через весь зал провели меня и вытолкнули на воздух. —*

Сцена соотносится с арестом Иисуса Христа в Гефсиманском саду: «Тогда подошли, и возложили руки на Иисуса, и взяли Его. <…> В тот час сказал Иисус народу: как будто на разбойника вышли вы с мечами и кольями взять Меня; каждый день с вами сидел Я, уча в храме, и вы не брали Меня» (Мф. 26: 50, 55; см. также Мк. 14: 46, 48; Лк. 22: 52; Ин. 18: 12); и с шествием Христа на Голгофу: «И плевали на Него и, взявши трость, били Его по голове. И когда насмеялись над Ним <…> повели Его на распятие» (Мф. 27: 30–31; см. также Мк. 15: 19–20; Ин. 19: 16).

У Мандельштама есть предупреждение «маленького человека» Парнока — как и Веничка, слабого, беззащитного, с щепетильным сердцем — о том, что он рано или поздно будет отторгнут от общества: «Выведут тебя когда-нибудь, Парнок, — со страшным скандалом, позорно выведут — возьмут под руки и фьюить — из симфонического зала, из общества ревнителей и любителей последнего слова, из камерного кружка стреко-

зиной музыки, из салона мадам Переплетник — неизвестно откуда, но выведут, ославят, осрамят…» («Египетская марка», 1927).

6.21 С. 15. *О, звериный оскал бытия!* —

Модификация газетного штампа «звериный оскал капитализма» (о бездушии и жестокости западных акул большого бизнеса). У Довлатова: «Майн гот! — воскликнул Рымарь. — Это же звериный оскал капитализма!» («Чемодан», 1986). Звериный оскал имели смежные капитализму колониализм и контрреволюция: «…Черные силы империализма организовали контрреволюционный мятеж в Венгрии и агрессию против Египта, еще раз показав звериный оскал колониализма и контрреволюции» (из доклада академика М. Б. Митина на торжественном заседании партийных и общественных организаций и научной общественности, посвященном 100-летию со дня рождения первого в России пропагандиста марксизма, выдающегося деятеля русского и международного рабочего движения Г. В. Плеханова. Большой театр, Москва, 11 декабря 1956 г. // Красная звезда. 1956. 12 декабря).

Однако несправедливо было бы сводить употребление данного клише только к антигазетным выступлениям Венички. В Ветхом Завете Давид

просит Господа: «Не удаляйся от меня; ибо скорбь близка, а помощника нет. Множество тельцов обступили меня; тучные Васанские окружили меня, раскрыли на меня пасть свою, как лев, алчущий добычи и рыкающий» (Пс. 21: 12–14). Далее, в плаче о земле Израиля: «Разинули на тебя пасть свою все враги твои, свищут и скрежещут зубами <…> Разинули на нас пасть свою все враги наши» (Иер. 2: 16, 3: 46).

Вспоминается и из Мандельштама: «Мне на плечи кидается век-волкодав, / Но не волк я по крови своей» («За гремучую доблесть грядущих веков…», 1931). Попутно замечу, что в этом же стихотворении развивается и «мотив чаши»:

За гремучую доблесть грядущих веков,
За высокое племя людей,
Я лишился и чаши на пире отцов,
И веселья, и чести своей.

7. Москва. К поезду через магазин

7.1 С. 15. *К поезду через магазин. —*

И. Паперно и Б. Гаспаров в статье «Встань и иди» (Slavica Hierosolymitana. 1981. № 5–6. С. 395) рассматривают это предложение как русский вариант следующего ниже восклицания «Дурх ляйден — лихт» (см. 22.4).

7.2 *Что было потом — от ресторана до магазина и от магазина до поезда — человеческий язык не повернется выразить. <…> …два этих смертных часа. —*

В Новом Завете, в сцене казни Христа упоминается трехчасовое солнечное затмение, на период которого действие останавливается: «От шестого же часа тьма была по всей земле до часа девятого» (Мф. 27: 45; см. также Мк. 15: 33; Лк. 23: 44–45).

7.3 *…давайте почтим минутой молчания… —*

Традиционный для официальной советской пропаганды обряд поминовения погибших или умерших героев войны и труда. В мемуарах Н. П. Окунева читаем о смерти и похоронах Ленина в 1924 г.: «Из центральных пунктов по всем передающим радио и по всем телеграфным ап-

паратам СССР был передан сигнал: „Встаньте, товарищи, Ильича опускают в могилу!“ — и везде работа резко обрывалась. Наступала торжественная тишина, но через 4 минуты давался новый сигнал: „Ленин умер — ленинизм живет!“ — работа опять началась. Все эти штуки устраивала особая комиссия по устройству его похорон под председательством Дзержинского, обычного председателя всяких чрезвычайных комиссий» («Дневник москвича», 1924).

Минута молчания также традиционна для Дня Победы (9 мая) — с 1965 г. объявляется в этот день по радио и телевидению в 18.55.

7.4 С. 15. *В самые восторженные, в самые искрометные дни своей жизни… В минуты блаженства и упоений… —*

Стилизация под стихотворение в прозе Тургенева «Русский язык» (см. 10.11).

7.5 *Это не должно повториться. —*

В советской пропаганде — традиционный антивоенный штамп, обычно относимый к торжествам по случаю ежегодного Дня Победы и предостерегающий народы мира от возможного повторения ужасов фашизма; в сознании советского человека имеет устойчивые ассоциации

с объявлением «минуты молчания» (см. 7.3). Восходит, видимо, к русскому переводу надписи на мемориальной могиле жертв американской атомной бомбардировки в Хиросиме: «Покойтесь в мире. Эта ошибка не повторится».

В послевоенном СССР широкую известность получила графическая серия рисунков художника Б. И. Пророкова «Это не должно повториться!» (1958–1959) на тему трагедии советского народа в период Великой Отечественной войны. За этот цикл Пророков был удостоен в 1961 г. Ленинской премии.

7.6 *Я обращаюсь ко всем родным и близким…* — Ср. с началом речи Сталина по поводу нападения гитлеровской Германии на СССР: «Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои!» (выступление по радио 3 июля 1941 г.).

У Достоевского, кстати, отщепенец Раскольников ни за что не обратился бы, как Веничка, к родным и близким: «Не то чтоб он понимал, но он ясно ощущал, всею силою ощущения, что не только с чувствительными экспансивностями <…> но даже с чем бы то ни было ему уже нельзя более обращаться к этим людям, в квартальной конторе, и будь это всё его родные братья и сест-

ры, а не квартальные поручики, то и тогда ему совершенно незачем было бы обращаться к ним и даже ни в каком случае жизни; он никогда еще до сей минуты не испытывал подобного странного и ужасного ощущения» («Преступление и наказание», ч. 2, гл. 1).

7.7 *…ко всем людям доброй воли…* —

Словосочетание «люди доброй воли» прочно вошло в речевой обиход советских людей с 19 марта 1950 г., когда в Стокгольме 3-я сессия Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира опубликовала свое знаменитое антивоенное «Стокгольмское воззвание», где, в частности, говорится: «Мы призываем всех людей доброй воли подписать это воззвание» (Правда. 1950. 1 апреля).

Изначально словосочетание восходит к словам известной католической молитвы «Pax hominibus bonae voluntatis» («Мир людям доброй воли»). У Бальмонта есть:

Мир на земле, мир людям доброй воли.
Мир людям воли злой желаю я.
<…>
Идите в жизнь, мир людям доброй воли,

Идите в жизнь, мир людям воли злой.

(«Pax hominibus bonae voluntatis», 1905)

В свою очередь, эта молитва имеет источником новозаветный текст: «И внезапно явилось с Ангелом многочисленное воинство небесное, славящее Бога и взывающее: Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение» (Лк. 2: 13, 14).

7.8 *Если есть у вас под рукой какой-нибудь завалящий гудок — нажмите на этот гудок. —*

Обычный советский (вместе с «минутой молчания») обряд поминовения умерших или погибших героев войны, труда, политических деятелей. Здесь в контексте с упоминанием о Красной площади естественна апелляция к похоронам Ленина: «В день похорон В. И. Ленина весь советский народ на пять минут приостановил работу, в великой горести провожая своего отца, учителя и друга. Под траурные гудки фабрик, заводов, паровозов, звучавшие по всей стране, гроб с телом В. И. Ленина опустили в Мавзолей на Красной площади» (История КПСС. М., 1973. С. 347).

Гудки по поводу смерти Ленина вызывали насмешки современников: «Утром 27-го [27 января

1924 г.] Ленина перенесли на Красную площадь и в 4 часа дня опустили в могилу, устроенную в центре революционного кладбища, но отступя от Кремлевской стены и свердловской (центральной) могилы немного на площадь, как раз напротив памятника Минину и Пожарскому. К моменту опускания в могилу было дано распоряжение на всю Россию в 4 ч. дня прекратить всякое движение (железнодорожное, конное, пароходное), а на заводах и фабриках произвести свистки или гудки в течение пяти минут (на этот же срок прекращено и движение). После, в серии разных анекдотов, сочиненных по поводу этих небывалых похорон, был такой: когда жил Ленин, ему аплодировали, а когда умер — вся Россия свистала без перерыва 5 минут» (Н. П. Окунев. «Дневник москвича»).

В Новом Завете описываются звуки труб, возвещающие о грядущем конце света: «И я видел семь Ангелов, которые стояли пред Богом; и дано им семь труб. <…> И видел я и слышал одного Ангела, летящего посреди неба и говорящего громким голосом: горе, горе, горе живущим на земле от остальных трубных голосов трех Ангелов, которые будут трубить!» (Откр. 8: 2, 13).

7.9 С. 15. *Я тоже останавливаюсь.* —

В ситуации «остановка главного героя на площади/перекрестке для разрешения важного вопроса» постоянно оказывается Раскольников у Достоевского: «„Так идти, что ли, или нет“, — думал Раскольников, остановясь посреди мостовой на перекрестке и осматриваясь кругом, как будто ожидая от кого-то последнего слова. Но ничто не отозвалось ниоткуда; все было глухо и мертво, как камни, по которым он ступал, для него мертво, для него одного…» («Преступление и наказание», ч. 2, гл. 7).

«Он отошел наконец, даже не помня, где он находится; но когда он дошел до средины площади, с ним вдруг произошло одно движение, одно ощущение овладело им сразу, захватило его всего — с телом и мыслию. <…> Он весь задрожал <…> И до того уже задавила его безвыходная тоска и тревога последнего времени, но особенно последних часов, что он так и ринулся в возможность этого цельного, нового, полного ощущения. Каким-то припадком оно к нему вдруг подступило: загорелось в душе одною искрой и вдруг, как огонь, охватило всего. Всё разом в нем размягчилось, и хлынули слезы. Как стоял, так и упал он на землю… Он стал на колени среди площади, поклонился до земли и поцеловал эту грязную

землю, с наслаждением и счастием» (ч. 6, гл. 8).

7.10 *...я стою как столб посреди площади Курского вокзала. <...> Люди — тоже, и смотрят так дико: думают, наверное, — изваять его вот так, в назидание народам древности, или не изваять? —*

Здесь проецируются друг на друга сразу несколько аллюзий. Прежде всего, на память приходят слова Господа, переданные Моисеем: «Не делайте себе кумиров и изваяний, и столбов не ставьте у себя, и камней с изображениями не кладите в земле вашей, чтобы кланяться пред ними; ибо Я Господь, Бог ваш» (Лев. 26: 1). Эта идея развивается во Второзаконии (4: 16, 4: 25, 27: 15), где под изваяниями имеются в виду языческие идолы: «Проклят, кто сделает изваянный или литый кумир, мерзость пред Господом, произведение рук художника, и поставит его в тайном месте!» (Втор. 27: 15). В этом контексте вопрос «дико смотрящих» на Веничку людей можно интерпретировать как вопрос о том, становиться ли им язычниками или же оставаться христианами.

Вторая аналогия также библейская — со сценой распятия Христа на кресте на Голгофе, то есть на высоком, хорошо обозреваемом месте, в

присутствии толпы: «И, неся крест Свой, Он вышел на место, называемое Лобное, по-еврейски Голгофа. Там распяли Его <…> Пилат же написал и надпись и поставил на кресте. Написано было: Иисус Назорей, Царь Иудейский. Эту надпись читали многие из Иудеев, потому что место, где был распят Иисус, было недалеко от города» (Ин. 19: 17–20; см. также Мф. 27: 33–37; Мк. 15: 22–27). Данная аналогия, безусловно, имеет право на существование в «гефсиманско-голгофском» контексте «Москвы — Петушков».

Третья ассоциация — «столб, поставленный на площади в назидание народу», является одной из ключевых деталей в опере Мусоргского «Хованщина» (см. 25.10): в 1-м действии оперы на Красной площади у Кремля стоит каменный столб («столбушек»), сооруженный стрельцами как знак памяти о казнях неугодных им москвичей и знак устрашения (то есть «назидания») новых возможных противников стрелецкого режима. 1-е действие происходит на Красной площади рано утром, и стрелец Кузька, издеваясь над подьячим, поет: «Скорей на этот столбик угоди!» Позже столб внимательно разглядывают — «смотрят так дико» — пришлые люди; они хотят узнать, что на нем написано, однако по

неграмотности не могут этого сделать. Они обращаются за помощью все к тому же подьячему, тот отказывается, но после угроз пришлых людей при помощи топора расправиться с ним (рядом с Лобным местом) подьячий зачитывает им грозную преамбулу и имена казненных отступников. В 4-м действии на Красной площади неподалеку от памятного столба должна состояться казнь стрельцов, выступивших против царя Петра (в последнюю минуту казнь отменяется по милости царя).

Аналогии с 1-м действием «Хованщины» еще более усиливаются, если принять во внимание, что сцена подьячего с Шакловитым прерывается появлением грозных стрельцов, протаскивающих через всю сцену под руки в Кремль арестованных инакомыслящих, а также то, что напуганный подьячий поет о стрельцах: «Уж как я не люблю их! <…> Не люди — звери, сущие звери!» (см. 6.21).

Установка памятного столба на Красной площади в период «хованщины» — факт исторический: «[В мае 1682 г.] стрельцы <…> подали челобитную [регентше Софье Алексеевне] <…>: „Бьют челом стрельцы московских приказов <…> 15 мая, изволением всемогущего Бога и Пречистые Богоматери, в Московском государстве случилось

побитье [следует перечень убитых князей, бояр и дьяков и указываются причины расправы]. И мы, побив их, ныне просим милости — учинить на Красной площади столб, и написать на нем имена всех этих злодеев и вины их, за что побиты…“ Софья согласилась <…> и столб был воздвигнут очень скоро» (*Соловьев С.* История России с древнейших времен: В 12 т. М., 1962–1966. Т. 7. С. 277, 278).

В Ветхом Завете царь Навуходоносор, увидев сон об огромном истукане, приказывает выстроить его неподалеку от Вавилона, а на открытие истукана приглашает высокопоставленных военных, политических и религиозных деятелей, которые на церемонии открытия читают «назидания» древним вавилонянам, то есть «народу древности»: «В то время, как услышите звук трубы, свирели, цитры, цевницы, гуслей и симфонии, и всяких музыкальных орудий, падите и поклонитесь золотому истукану, который поставил царь Навуходоносор. А кто не падет и не поклонится, тотчас брошен будет в печь, раскаленную огнем» (Дан. 3: 5–6; см. также 2: 31–34, 3: 1–4). Попутно замечу, что с этой же частью Книги пророка Даниила связана другая аллюзия в «Москве — Петушках» — о «вожделенном всеми

иудеями пятом царстве» (см. 32.18).

Встречаются сходные ситуации и у поэтов; у Сологуба, например, говорится об изваянии на перекрестке/площади в сочетании с восклицанием в духе любимого Веничкой Екклесиаста:

…На шумных улицах, где я
Иду, печальный и усталый,
Свершать в пределах жития
Мой труд незнаемый и малый,

На перекрестке, где-нибудь,
Мое поставят изваяние,
Чтоб опорочить скорбный путь
И развенчать мое изгнанье.

О, суета! о, бедный дух!..

(«Мечты о славе! Но зачем…», 1898)

У Белого — в контексте отождествления лирического героя с идолом:

Стоял я дураком
в венце своем огнистом,
в хитоне золотом,
скрепленной аметистом, —
один, один, как столб,

в пустынях удаленных, —
и ждал народных толп
коленопреклоненных…

(«Жертва вечерняя», 1903)

7.11 С. 15. *…в назидание народам древности…* — Классический пример Веничкиного стиля: народы древности, то есть люди, жившие много веков назад, естественно, в назиданиях уже давно не нуждаются. Клише «народы древности» здесь стоит на месте «будущих поколений». Клише встречается, например, у «сатириконовцев». Н. Тэффи: «Так жили народы древности, переходя от дешевой простоты к дорогостоящей пышности, и, развиваясь, впадали в ничтожество» («Всеобщая история, обработанная „Сатириконом“», 1909).

7.12 *…сиплый женский бас, льющийся из ниоткуда. —*

По мнению И. Паперно и Б. Гаспарова («Встань и иди». С. 388), это аллюзия на «Мастера и Маргариту» Булгакова: повторяется мотив «громкоговорителя из ниоткуда как голоса неба»; подробнее об этом см.: *Гаспаров Б.* Из наблюдений над мотивной структурой романа «Мастер и Маргарита» // Slavica Hierosolymitana. 1978. № 3. С.

210, 230–232. Имеется в виду сцена погони Ивана Бездомного за Воландом: «За одной из дверей гулкий мужской голос в радиоаппарате сердито кричал что-то стихами <…> из всех окон, из всех подворотен, с крыш и чердаков, из подвалов и дворов вырывался хриплый рев полонеза из оперы „Евгений Онегин“ <…> И на всем его трудном пути невыразимо почему-то мучил вездесущий оркестр, под аккомпанемент которого тяжелый бас пел о своей любви к Татьяне» (ч. 1, гл. 4).

Однако в биографических материалах о Венедикте Ерофееве имеются сведения о том, что писатель не читал «Мастера и Маргариту» и заявлял об этом именно в связи с попытками Гаспарова и Паперно связать мотивную структуру «Москвы — Петушков» с булгаковским романом: «[Ерофеев] Булгакова на дух не принимал. „Мастера и Маргариту“ ненавидел так, что его даже трясло. Многие писали, что у него есть связи с этой книгой, а сам он говорил: „Дурак Гаспаров. Да я не читал «Мастера», я дальше 15-й страницы не мог прочесть!“» (*Муравьев В.* [О Вен. Ерофееве]. С. 93).

Более того, именно женский бас звучал в русской литературе и раньше: «Досифей! — послышался женский бас. — Где же ты?» (А. Чехов.

«Последняя могиканша», 1885); «Когда это наконец кончится? — раздался в темноте сердитый женский бас» (В. Катаев. «Сын полка», 1944).

7.13 *«Внимание! В 8 часов 16 минут из четвертого тупика отправится поезд до Петушков. Остановки: Серп и Молот, Чухлинка, Реутово, Железнодорожная, далее по всем пунктам, кроме Есино». —*

Стандартная для пригородного железнодорожного сообщения система пропуска ряда незначительных остановок на территории Москвы и ближнего Подмосковья, она применяется обычно на дальних маршрутах (80–150 км). Электрички, едущие на расстояние 25–50 км от Москвы, как правило, следуют со всеми остановками. Если бы Веничка был более внимателен к этому объявлению, у него не вызвал бы удивления тот факт, что поезд «чешет без остановки через Кусково» (см. 11.17).

7.14 С. 16. *…в сердце поет свирель? —*

Пение свирели — традиционный поэтический штамп, символизирующий поэтическое вдохновение или просто ощущение радости. Непосредственно в сердце поет свирель у Саши Черного: «А в сердце не молкнет свирель: / Весна

опять возвратится!» («Под сурдинку», 1909).

У других поэтов свирель поет в разных местах и по-разному. У Сологуба: «За холмами две свирели / Про любовь нам сладко пели» («Помнишь, мы с тобою сели…», 1901); «Как зарей запела нежно / Первый раз твоя свирель» («Погляди на незабудки…», 1921 (сб. «Свирель»)). У Бальмонта: «В час, когда поет свирель…» («Толедо», 1909); «Семиствольную цевницу он вознес, поет свирель…» («Свирельник», 1909). У Блока: «…свирель / Поет надрывно, жалко, тонко…» («Всю жизнь ждала. Устала ждать…», 1908); «Свирель запела на мосту… <…> Свирель поет…» («Свирель запела на мосту…», 1908); «И песни не споет свирель…» («Задебренные лесом кручи…», 1914). У Гумилева: «Нежным рокотом свирели…» («Колокол», 1908). У Ахматовой: «Твоя свирель над тихим миром пела…» («Ф. К. Сологубу», 1912). У Кузмина: «Моя печаль поет твоей свирелью…» («Одна звезда тебе над колыбелью…», 1908); «Крылатая свирель поет!» («Пламень Федры», 1921). У Мандельштама: «Козлиным голосом, опять, / Поют косматые свирели…» («Зверинец», 1916, 1935).

В Ветхом Завете у пророка свирель и сердце соединяются по другому действию: «Оттого сердце мое стонет о Моаве, как свирель; о жителях

Кирхареса стонет сердце мое, как свирель, ибо богатства, ими приобретенные, погибли» (Иер. 48: 36). Также в Ветхом Завете Иов констатирует факт проведения людьми «беззаконными» своих дней в праздности и роскоши: «Восклицают под голос тимпана и цитры, и веселятся при звуках свирели» (Иов. 21: 12). О себе самом Иов ниже говорит так: «И цитра моя сделалась унылою, и свирель — голосом плачевным» (30: 31).

7.15 С. 16. *Так что же, Веничка, что же ты все-таки купил? Нам страшно интересно…* <…> *Сейчас, сейчас перечислю… —*

В воспоминаниях о Ерофееве есть замечание: «Веничка обладал страстью и усердием классификатора и коллекционера сведений, которых, наверное, никто, кроме него, не копил <…> Никакие внешние и внутренние обстоятельства не могли победить этой пунктуальности» (*Седакова О.* [О Вен. Ерофееве]. С. 79); «Любимым его коньком была систематизация. Вечно он что-то упорядочивал, систематизировал. У него была страсть составлять антологии» (*Любчикова Л.* [О Вен. Ерофееве]. С. 85).

У Достоевского есть как «алкогольно-гастрономическое» перечисление: «Вин во множественном числе и многоразличных сортов не

было, мадеры тоже: это было преувеличено, но вино было. Были водка, ром и лиссабонское, всё сквернейшего качества, но всего в достаточном количестве. Из яств, кроме кутьи, было три-четыре блюда (между прочим, и блины)» («Преступление и наказание», ч. 5, гл. 2), так и подведение «финансовых» итогов — отчет Разумихина перед Раскольниковым за деньги, истраченные на приобретение одежды для последнего: «Приступим, сверху начнем. Видишь ли ты эту каскетку? <…> Оцени-ка, Родя, как думаешь, что заплатил? <…> восемь гривен! <…> Предупреждаю — штанами горжусь! — и он расправил перед Раскольниковым серые, из легкой летней шерстяной материи панталоны <…> Ну, цени! Сколько, по-твоему? Два рубля двадцать копеек! <…> приступим теперь к сапогам — каковы? <…> Цена один рубль пятьдесят копеек. Удачно? <…> Ну-с, итак: восемь гривен картуз, два рубля двадцать пять прочее одеяние, итого три рубля пять копеек; рубль пятьдесят сапоги — потому что уж очень хорошие — итого четыре рубля пятьдесят пять копеек, да пять рублей все белье — оптом сторговались, — итого ровно девять рублей пятьдесят пять копеек. Сорок пять копеек сдачи» («Преступление и наказание», ч. 2, гл. 3).

Подробные финансовые и гастрономические «отчеты» характерны и для пунктуального Чернышевского: «Мы дождались обеда. Он состоит из трех блюд. В тот день был рисовый суп, разварная рыба и телятина. После обеда на столе явились чай и кофе. Обед был настолько хорош, что я поела с вкусом и не почла бы большим лишением жить на таком обеде. Например, этот обед, который я тебе описала, обошелся в 5 руб. 50 коп., или 5 руб. 75 коп., с хлебом (но без чаю и кофе). А за столом было 37 человек <…> 5 руб. 75 коп. на 37 человек, это составляет менее 16 коп. на человека, менее 5 руб. в месяц» («Что делать?», гл. 4).

А то вот еще Маяковский с Катаевым закупали снедь в гастрономе на Тверском бульваре: «Диктовал Маяковский, изредка останавливаясь, чтобы посоветоваться со мной [Катаевым]. „Так-с. Ну, чего еще возьмем, Катаич? Напрягайте все свое воображение. Копченой колбасы? Правильно. Заверните, почтеннейший, еще два кило копченой «московской». Затем: шесть бутылок «абрау-дюрсо», кило икры, две коробки шоколадного набора, восемь плиток «золотого ярлыка», два кило осетрового балыка, четыре или даже лучше пять батонов, швейцарского сыра одним большим куском, затем сардинок“» (В. Катаев.

«Трава забвенья», 1967).

Как элемент поэтики каталоги — неотъемлемая часть текста Библии (Езд. 2: 1–58; Неем. 12: 1–26 и др.).

7.16 *…две бутылки кубанской по два шестьдесят две каждая… две четвертинки российской, по рупь шестьдесят четыре… <…> И еще какое-то красное… розовое крепкое за рупь тридцать семь. —*

«Кубанская» — сорт крепкой (40°) горькой советской настойки; «Российская» — сорт советской водки; «Розовое крепкое» — сорт дешевого розового (19°) вина низкого качества.

За достоверность цен на спиртное (на 1969 г.), приводимые Веничкой как здесь, так и далее в поэме, беспокоиться не следует.

Бутылка «Кубанской» — здесь: емкостью 0,5 л. Четвертинка — бутылочка емкостью 0,25 л.

У Аксенова читаем: «Скульптор скрывал от себя, что уже готов быть третьим в этой компании, что уже готов к приятию всех этих гнусных „портвейнов“ и „мадер“ <…> он [водопроводчик Стихин] извлек из бедер своих трех „гусей“, три бутылки 0,75 „Мадера розовая“ производства Раменского ликеро-водочного завода» («Ожог», 1980).

7.17 С. 16. *Я ведь еще купил два бутерброда…* —

С сыром (7 копеек) или с вареной колбасой (13 копеек).

7.18 *…вы, рассеянные по моей земле…* —

Словосочетание «рассеянные по земле» — из Библии. В Ветхом Завете: «[Потомки Ноя:] сделаем себе имя, прежде нежели рассеемся по лицу всей земли. <…> И рассеял их Господь по всей земле» (Быт. 11: 4, 8, 9); «При всем том народ не покаялся, и не отступили от грехов своих, доколе не были пленены из земли своей и рассеяны по всей земле» (Сирах. 48: 16); «Предаст тебя Господь на поражение врагам твоим; одним путем выступишь против них, а семью путями побежишь от них; и будешь рассеян по всем царствам земли» (Втор. 28: 25; см. также 28: 64); «[Господь непослушным народам:] А вас рассею между народами» (Лев. 26: 33); «…низложить племя их в народах и рассеять их по землям» (Пс. 105: 27). Наиболее активно рассеивание по землям происходит в Книге пророка Иезекииля (6: 8, 11: 16, 12: 15, 20: 23, 29: 12, 30: 23, 30: 26).

А вот призыв одного из лирических героев А. Белого: «Довольно: не жди, не надейся — / Рассейся, мой бедный народ!» («Отчаянье», 1908).

7.19 С. 17. *О-о-о-о, Веничка! О-о-о, примитив!* —
То есть примитивный, недалекий, убого мыслящий индивидуум. У Северянина есть: «Мой мозг прояснили дурманы, / Душа влечется в примитив» («Эпилог», 1912).

7.20 *…на Серпе и Молоте…* —
См. 8.2.

8. Москва – Серп и Молот

8.1 С. 17. *Москва. —*

Здесь, естественно, не вся столица, а только Курский вокзал. Как писал Пастернак, «Мой поезд только тронулся / Еще вокзал, Москва» («Образец», 1917).

8.2 *Серп и Молот —*

железнодорожная платформа в пределах Москвы (восточное направление), находящаяся в непосредственной близости от крупного станкостроительного завода «Серп и молот». Упоминание о заводе встречается у Маяковского:

Как стих,
крепящий болтом
разболтанную прозу,
завод «Серпа и Молота»,
завод «Зари»
и «Розы».

(«Две Москвы», 1926)

Завод (бывший завод Гужона), в свою очередь, в 1922 г. получил название от символа крестьян-

ско-пролетарского союза — скрещенных серпа и молота; изображался, например, на государственном флаге и гербе СССР, о чем писал Брюсов: «Не случайно новый герб / Зажжен над миром — Серп и Молот!» («Серп и молот», 1921).

«Москва — Серп и Молот» начинают в поэме каталог перегонов между остановками на железнодорожной ветке Москва — Петушки. Каталогизирование остановок производилось еще авторами Ветхого Завета: «Вот станы сынов Израилевых, которые вышли из земли Египетской по ополчениям своим, под начальством Моисея и Аарона. Моисей, по повелению Господню, описал путешествие их по станам их, и вот станы путешествия их <…> И отправились из Елима, и расположились станом в пустыне Син. И отправились из пустыни Син, и расположились в Дофке» (Числ. 33: 1–2, 10–11). Позже сходный прием использовали Стерн («Сентиментальное путешествие»), Радищев («Путешествие из Петербурга в Москву»), Карамзин («Письма русского путешественника»), Гоголь («Мертвые души»), но все они писали не о перегонах, а о самих остановках, что заставляет расценивать Ерофеева как писателя-полемиста. Классики писали о том, что они видят «окрест себя» — из

окна вагона (кареты, дилижанса и т. д.), их взгляд направлен изнутри наружу. У Ерофеева же взгляд сконцентрирован на субъективной реальности, концентрирующейся внутри вагона, поэтому жизнь в поэме протекает именно на перегонах, а не на платформах. Как только поезд доходит до конечной станции и перегоны кончаются, течение жизни прекращается.

8.3 С. 17–18. *Ну, конечно, все они считают меня дурным человеком. По утрам и с перепою я сам о себе такого же мнения. Но ведь нельзя же доверять мнению человека, который еще не успел похмелиться!* <…> *Но — пусть. Пусть я дурной человек. —*

Обращение к самокритичным героям Достоевского: «Я злой человек. Непривлекательный я человек» («Записки из подполья», ч. 1, гл. 1). Пьяный Мармеладов в трактире признается Раскольникову: «Я пусть свинья <…> Я звериный образ имею <…> Пусть, пусть я подлец <…> такова уже черта моя, а я прирожденный скот!» («Преступление и наказание», ч. 1, гл. 2); и еще — тоже в алкогольном контексте: «Озабоченный и серьезный проснулся Разумихин на другой день в восьмом часу. Много новых и непредвиденных недоумений очутилось вдруг у него в это утро.

Он и не воображал прежде, что когда-нибудь так проснется. <…> Самым ужаснейшим воспоминанием его было то, как он оказался вчера „низок и гадок“, не по тому одному, что был пьян, а потому, что ругал перед девушкой <…> ее жениха <…> Да и какое право имел он судить о нем так поспешно и опрометчиво? И кто звал его в судьи! <…> фу, как это все низко! И что за оправдание, что он был пьян? Глупая отговорка, еще более его унижающая! В вине — правда, и правда-то вот вся и высказалась, „то есть вся-то грязь его завистливого, грубого сердца высказалась“!» («Преступление и наказание», ч. 3, гл. 2).

Розанов признавался: «Откуда такое чувство? От *чувства вины*; и еще от глубокого чистосердечного сознания, что я не был хороший человек. Бог дал мне таланты: но это — другое. Более странный вопрос: был ли я *хороший человек* — и решается в отрицательную сторону» («Уединенное», 1912).

8.4 *Зато по вечерам — какие во мне бездны!..* — Образчик классического поэтического дискурса. Вот, к примеру, строки Тютчева: «В душе своей, как в бездне, погружен…» («Святая ночь на небосклон взошла…», 1850); и Северянина:

О, бездна тайны! О, тайна бездны!

Забвенье глуби… Гамак волны…
Как мы подземны! Как мы надзвездны!
Как мы бездонны! Как мы полны!

(«Хабанера III», 1911)

8.5 С. 18. *Пусть я дурной человек. Я вообще замечаю: если человеку по утрам бывает скверно, а вечером он полон замыслов, и грез, и усилий — он очень дурной, этот человек. Утром плохо, а вечером хорошо — верный признак дурного человека. Вот уж если наоборот — если по утрам человек бодрится и весь в надеждах, а к вечеру его одолевает изнеможение — это уж точно человек дрянь, деляга и посредственность. Гадок мне этот человек. —*

Период стилистически и идеологически построен под Розанова, с утрированием розановских откровений: «Я, напротив, замечал, что *добрых* от *злых* ни по чему так нельзя различить, как по выслушиванию ими этих рассказов чужого человека о себе. Охотно слушают, не скучают — верный признак, что этот слушающий есть добрый, ясный, простой человек. С ним можно водить дружбу. Можно ему довериться. <…> Мне очень печально сознаться, что я не любил ни выслушивать, ни рассказывать. Не *умел* даже

этого. Это есть тот признак, по которому я считаю себя дурным человеком» («Уединенное», 1912).

Пушкин опять же замечал: «Кто жил и мыслил, тот не может / В душе не презирать людей» («Евгений Онегин», гл. 1, строфа XLVI).

8.6…*магазины у нас работают до девяти, а Елисеевский — тот даже до одиннадцати…* —

Елисеевский — один из наиболее известных московских продовольственных магазинов, назван по имени дореволюционного хозяина Елисеева, в советское время — гастроном № 1 на улице Горького, единственный московский магазин, работавший в 1960–1970-е гг. до 23.00.

8.7 …*и вдруг затомился… и поблек…* —

Пророки писали: «Если же я виновен, то для чего напрасно томлюсь?» (Иов 9: 29); «Все мы сделались — как нечистый, и вся праведность наша — как запачканная одежда; и все мы поблекли, как лист, и беззакония наши, как ветер, уносят нас» (Ис. 64: 6). В контексте следующего (см. 8.8) обращения к Богу уместно вспомнить Давида: «Боже! Ты Бог мой, Тебя от ранней зари ищу я; Тебя жаждет душа моя, по Тебе томится плоть моя в земле пустой, иссохшей и безводной» (Пс. 62: 2), или же Христа: «Крещением должен Я кре-

ститься; и как Я томлюсь, пока сие совершится!» (Лк. 12: 50).

«Затомляются» и поэты, скажем Константин Бальмонт: «Здесь, в чужбинных днях, в Париже, / Затомлюсь, что я один…» («Если зимний день тягучий», 1936), и прозаики, например Николай Лесков: «Он только от жажды затомился» («Лев старца Герасима», 1888).

«Блекнут» же герои русской прозы, например Обломов: «Сирени поблекли, — думал он, глядя на висящие сирени, — вчера поблекло, письмо тоже поблекло, и этот миг, лучший в моей жизни, когда женщина в первый раз сказала мне, как голос с неба, что есть во мне хорошего, и он поблек!» («Обломов», ч. 1, гл. 10).

8.8 С. 18. *Господь, вот Ты видишь, чем я обладаю. Но разве это мне нужно? Разве по этому тоскует моя душа? Вот что дали мне люди взамен того, по чему тоскует душа! А если б они мне дали того, разве нуждался бы я в этом? —*

Мотив тоскующей души, обращающейся к Господу, встречается в Библии: «Как журавль, как ласточка издавал я звуки, тосковал как голубь; уныло смотрели глаза мои к небу: Господи! тесно мне; спаси меня» (Ис. 38: 14). В Новом Завете с данным пассажем ассоциируется сцена моления

о чаше в Гефсиманском саду (Мф. 37: 39; Мк. 14: 32–36). А у Гумилева есть: «Но, видишь, отец, я томлюсь по иному…» («Блудный сын», 1911).

В ином, чисто бытовом контексте писатель, покидающий СССР, задавался сходными вопросами: «Через неделю я уже складывал вещи. И, как выяснилось, мне хватило одного-единственного чемодана. Я чуть не зарыдал от жалости к себе. Ведь мне тридцать шесть лет. Восемнадцать из них я работаю. Что-то зарабатываю, покупаю. Владею, как мне представлялось, некоторой собственностью. И в результате — один чемодан. Причем довольно скромного размера. Выходит, я нищий? Как же это получилось?!» (С. Довлатов. «Чемодан», 1986).

8.9 *И, весь в синих молниях, Господь мне ответил… —*

Явление Господа в молниях происходит в последней книге Нового Завета: «И от престола [Господня] исходили молнии и громы и гласы» (Откр. 4: 5). В Ветхом Завете молнии также являются атрибутом Бога: «Он сокрывает в дланях Своих молнию и повелевает ей, кого разить» (Иов 36: 32); «Пред Ним идет огонь и вокруг опаляет врагов Его. Молнии Его освещают вселенную; земля видит и трепещет» (Пс. 96: 3–4).

Именно синие молнии встречаются у Бальмонта: «К низинам отброшены вышней пучиной, / Синие молнии, синие молнии, чудо раденья громовых лучей…» («Праздник сжиганья», 1906). При этом данный образ заимствуется Бальмонтом из «Слова о полку Игореве» — он помещает в качестве эпиграфа к сборнику следующие строки: «…Кровавые зори свет поведают; черные тучи с моря идут; хотят прикрыть четыре солнца; а в них трепещут синие молнии». А в своем переводе «Слова о полку Игореве» (1929–1930) Бальмонт интерпретирует оригинал следующим образом: «Тучи черные от моря мнят прикрыть четыре солнца, / В них дрожанье синих молний — будет гром, и гром великий».

8.10 *…для чего нужны стигматы святой Терезе? —*

В Средневековье стигматы, то есть кровавые язвы или клейма, появлялись на телах религиозных фанатиков и рассматривались как проявление у верующего кровавых ран распятого на кресте Иисуса Христа. Теоретически стигматы появлялись на теле сами по себе как Божественный знак, однако на самом деле они были следствием особого эмоционального напряжения или же, чаще, наносились самими религиозными фанатиками,

страстно желавшими принять мучения за своего Господа. Самым известным носителем стигматов был святой Франциск Ассизский (1181–1226).

Святая Тереза (1515–1582) — испанская религиозная деятельница, автор нескольких книг богословского и духовного содержания, основательница нескольких кармелитских монастырей в Испании эпохи Реформации. У святой Терезы (вместе с другой испанкой — святой Катериной) стигматы были «невидимые», в отличие от святого Франциска, или «внутренние», — однако и они вызывали у нее страшную боль.

8.11 С. 18. *Они ведь ей тоже не нужны. Но они ей желанны. <…> …желанно мне это, но ничуть не нужно! —*

Данный пассаж без труда выводится из Игоря Северянина, писавшего о Бальмонте:

Но вместе с тем он весь, из дюжин
Томов составленный своих,
Мне не желанен и не нужен:
Я не люблю Бальмонта стих.

(«Бальмонт», 1918)

Аналогичные определения встречаются у других поэтов. У Кузмина: «Долгий путь, ты мне

несносен и желанен…» («Ничего, что мелкий дождь смочил одежду…», 1906); и у Анненского: «Тени были там нежно-желанны… <…> Или мука капризно-желанна…» («Дымы», 1910).

8.12 *Скажет мне Господь еще что-нибудь или не скажет? Господь молчал. —*

Вот вопль пророка: «После этого будешь ли еще удерживаться, Господи, будешь ли молчать и карать нас без меры?» (Ис. 64: 12).

8.13 *Мой дух томился в заключении четыре с половиной часа, теперь я выпущу его погулять. —*

Аллюзия на известную арабскую «Сказку о рыбаке» из цикла «Тысяча и одна ночь», где главный герой, бедный рыбак, вытаскивает из моря чудесный кувшин, из которого выпускает джинна, томившегося в нем сто лет, и тот начинает «гулять» и совершать различные чудеса. Сюжет этот был трансформирован в известную повесть-сказку «Старик Хоттабыч» (1938) Лазаря Лагина, чрезвычайно популярную в СССР.

А вот внутренний монолог Розанова, причем — в железнодорожном вагоне: «Я еще не такой подлец, чтобы думать о морали. Миллион лет прошло, пока моя душа выпущена была погулять на белый свет; и вдруг бы я ей сказал: „Ты, ду-

шенька, не забывайся и гуляй «по морали»“. Нет, я ей скажу: „Гуляй, душенька, гуляй, славненькая, гуляй, добренькая, гуляй как сама знаешь. А к вечеру пойдешь к Богу“. Ибо жизнь моя есть день мой, и он именно *мой день*, а не Сократа или Спинозы» («Уединенное», 1912).

У Николая Аржака (Юлия Даниэля), современника Ерофеева, имеется сходный по духу, поэтизирующий спиртное пассаж, написанный в 1961 г.: «В винном отделе, до которого наконец я добрался, они [продавцы] были снисходительны и чуточку фамильярны. Я стоял и разглядывал вертушку с бутылками, конусом возвышающуюся возле колонны. Здесь хранились эмоции. Разлитые по бутылкам, прихлопнутые сверху сургучом, они были снабжены случайными этикетками: „Коньяк“, „Столичная“, „Гурджаани“; а на самом деле туда загнали меланхолию, веселье, необузданный гнев, трогательную доверчивость, обидчивость и отвагу. Эмоции ждали своей поры. Они должны были выйти на свет из своих стеклянных тюрем, услышать глупые напутственные тосты и взыграть в руках, сдергивающих скатерти, в нечаянно целующих губах, в легких, набирающих побольше воздуха, чтобы достойно исполнить „Подмосковные вечера“.

„Время работает на нас, — думали они, разноцветно поблескивая в свете электричества, — наше дело правое, будет и на нашей улице праздник…“ Я купил бутылку коньяку (грузинского, на лучший у меня не хватило), лимон и вышел из магазина» («Говорит Москва», 1962).

Дух находится в заключении у Федора Сологуба: «Наш дух в темницу заключен, / И медленно мы силы множим…» («На опрокинутый кувшин», 1923).

8.14 *И есть душа, пока еще чуть приоткрытая для впечатлений бытия. —*

Контаминация образов и речевых фигур из двух «Демонов» — словосочетание «впечатленья бытия» заимствовано из Пушкина: «В те дни, когда мне были новы / Все впечатленья бытия…» («Демон», 1823), а «приоткрытая душа» восходит к Лермонтову: «И входит он, любить готовый, / С душой, открытой для добра…» («Демон», 1840).

8.15 *Раздели со мной трапезу, Господи! —*

В Библии есть обращение к Господу: «Ты приготовил предо мною трапезу» (Пс. 22: 50). И еще есть: «Жертвенник был деревянный в три локтя вышины и в два локтя длины; и углы его, и подножие его, и стенки его — из дерева. И сказал

он мне: „это трапеза, которая пред Господом“» (Иез. 41: 22); «Не можете пить чашу Господню и чашу бесовскую; не можете быть участниками в трапезе Господней и в трапезе бесовской» (1 Кор. 10: 21).

В библейском контексте процесс разделения трапезы с Господом ассоциируется, в частности, с Тайной вечерей, где апостолы ужинают вместе с Христом.

9. Серп и Молот – Карачарово

9.1 С. 19. *Карачарово* —
железнодорожная платформа в одноименной местности на востоке Москвы (по названию бывшего здесь села), в черте Москвы с 1960 г.

9.2 *И немедленно выпил.* —
См. 2.1.

10. Карачарово – Чухлинка

10.1 С. 19. *Чухлинка* —

железнодорожная платформа в одноименной местности на востоке Москвы (по названию бывшей здесь деревни), в черте Москвы с 1960 г.

10.2 *…метался в четырех стенах, ухватив себя за горло…* —

Мотив удушения чрезвычайно существенен как для мотивной структуры поэмы, так и для биографии Вен. Ерофеева, страдавшего в последние годы жизни раком горла и перенесшего несколько тяжелых операций.

10.3 *…и умолял Бога моего не обижать меня.* <…> *…мой Бог не мог расслышать мою мольбу…* —

В опере Мусоргского «Борис Годунов» (см. 10.13) в сцене видения погибшего царевича Димитрия (д. 4, карт. 2) царь Борис обращается к Богу с просьбой помиловать его душу.

Главный же источник Веничкиной мольбы — обращение Иисуса Христа к Богу за поддержкой и милостью. В Гефсиманском саду Иисус трижды просит Отца Небесного избавить его от горькой

участи: «И отошед немного, пал на лице Свое, молился и говорил: Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты» (Мф. 26: 39, см. также 26: 42, 26: 44); «И, отошед немного, пал на землю и молился, чтобы если возможно, миновал Его час сей» (Мк. 14: 35; см. также 14: 36, 14: 39; Лк. 22: 42). Тот же мотив повторяется и во время казни Иисуса.

Сходные просьбы о милосердном отношении характерны и для многострадального Иова, также умолявшего Бога: «Хотя бы я и прав был, но не буду отвечать, а буду умолять Судию моего» (Иов 9: 15), а также есть в другой книге Ветхого Завета: «Тогда к Тебе, Господи, взывал я, и Господа моего умолял» (Пс. 29: 9).

10.4 *…Везувий, Геркуланум и Помпея…* —
См. 30.8.

10.5 *…первомайский салют в столице моей страны.* —

О том, как он должен был производиться 1 мая 1969 г., заранее предупреждала главная партийная газета в заметке «Огни большого фейерверка»:

«1 мая, когда наступит вечер, небо Москвы расцветет огнями фейерверка, который явится еще

одним аккордом первомайского праздника.

— В 21 час многоствольные установки для пуска ракет произведут первый залп, — сообщил комендант города Москвы генерал-лейтенант И. С. Колесников. — Праздничный фейерверк увидит вся Москва. Пусковые установки расположены не только в центре, но и за пределами Садового кольца. Красочное зрелище смогут наблюдать во всех концах города. В этом фейерверке будут продемонстрированы последние достижения пиротехники. 10 тысяч ракет разных цветов создадут неповторимый световой эффект. 20 залпов через равные промежутки времени раскатятся веселым майским громом в небе столицы в честь Первомая» (Правда. 1969. 1 мая).

10.6 *И я страдал и молился. —*

Веничка повторяет действия Христа в Гефсиманском саду: «Потом приходит с ними Иисус на место, называемое Гефсимания, и говорит ученикам: посидите тут, пока Я пойду, помолюсь там. И, взяв с Собою Петра и обоих сыновей Зеведеевых, начал скорбеть и тосковать. Тогда говорит им Иисус: душа Моя скорбит смертельно; побудьте здесь и бодрствуйте со Мною. И, отойдя немного, пал на лице Свое, молился и говорил: Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия» (Мф.

26: 36–39; см. также Мк. 32–36).

10.7 С. 19. *Я уважаю природу, было бы некрасиво возвращать природе ее дары… —*

Каламбур, построенный на обыгрывании словосочетания «дары природы» — так патетически называют элементарные овощи, фрукты и т. п. «Дары природы» — стандартное название советских магазинов (обычно — потребительской кооперации), торговавших продукцией из овощей, ягод, фруктов, грибов, орехов. Здесь, у Венички, дары природы — алкогольная продукция из винограда, пшеницы и картофеля.

На более высоком, «культурном» уровне «дары природы» встречаются у Николая Римского-Корсакова, в каватине царя Берендея: «Полна, полна чудес могучая природа, / дары свои обильно рассыпая, / причудливо она играет» («Снегурочка», акт 2; либретто Н. А. Римского-Корсакова). В 1950-е гг. в Большом театре роль Берендея исполнял Иван Козловский (см. 6.3).

10.8 *Я кое-как пригладил волосы и вернулся в вагон. Публика посмотрела на меня почти безучастно, круглыми и как будто ничем не занятыми глазами… Мне это нравится. Мне нравится, что у народа моей страны глаза такие*

пустые и выпуклые. Это вселяет в меня чувство законной гордости... —

Данный пассаж звучит полемично по отношению к Пастернаку, у которого в классическом «железнодорожном» стихотворении лирический герой также «наблюдает» Родину, сконцентрированную в вагоне пригородного поезда:

В горячей духоте вагона
Я отдавался целиком
Порыву слабости врожденной
И всосанному с молоком.

Сквозь прошлого перипетии
И годы войн и нищеты
Я молча узнавал России
Неповторимые черты.

Превозмогая обожанье,
Я наблюдал, боготворя.
Здесь были бабы, слобожане,
Учащиеся, слесаря.

В них не было следов холопства,
Которые несет нужда,
И новости и неудобства

Они несли как господа.

(«На ранних поездах», 1941)

У раннего Евтушенко также присутствует «вагонное» единение с народом через совместную выпивку:

Был наш вагон похож на табор.
В нем были возгласы крепки.
Набивши сеном левый тамбур,
как боги, спали моряки. <…>
Потом внушительный, портфельный
вагона главный старожил
новосибирского портвейна
мне полстакана предложил.

(«Сапоги», 1954)

10.9 *Можно себе представить, какие глаза там. Где все продается и все покупается:…глубоко спрятанные, притаившиеся, хищные и перепуганные глаза… <…> Смотрят исподлобья, с неутихающей заботой и мукой — вот какие глаза в мире чистогана… —*

Официальная коммунистическая пропаганда в средствах массовой информации старательно создавала зрительный образ человека, живу-

щего в капиталистической стране, — в этом образе доминировали черты духовной скудости, замкнутости, эгоцентризма, стяжательства, обездоленности. Вот, к примеру, описание условий работы и портрет рядового рабочего в США у Горького (1906):

«Кажется, что все — железо, камни, вода, дерево — полно протеста против жизни без солнца, без песен и счастья, в плену тяжелого труда. Все стонет, воет, скрежещет, повинуясь воле какой-то тайной силы, враждебной человеку. <…>…человек — ничтожный винт, невидимая точка среди уродливых, грязных сплетений железа, дерева, в хаосе судов, лодок и каких-то плоских барок, нагруженных вагонами. Ошеломленное, оглохшее от шума, задерганное этой пляской мертвой материи двуногое существо, все в черной копоти и масле, странно смотрит на меня, сунув руки в карманы штанов. Лицо его замазано густым налетом жирной грязи, и не глаза живого человека сверкают на нем, а белая кость зубов» («Город желтого дьявола»).

А вот из Зощенко:

«Иностранца я всегда сумею отличить от наших советских граждан. У них, у буржуазных иностранцев, в морде что-то заложено другое. У

них морда, как бы сказать, более неподвижно и презрительно держится, чем у нас. Как, скажем, взято у них одно выражение лица, так и смотрится этим выражением лица на все остальные предметы. <…> А только иностранцам иначе и нельзя. У них там буржуазная жизнь довольно беспокойная. Им там буржуазная мораль не дозволяет проживать естественным образом» («Иностранцы», 1928).

Клише «в мире чистогана» относилось в советские времена к аморальному капиталистическому обществу, где правил исключительно капитал; ср. у Довлатова: «Пускай злопыхатели в мире чистогана трубят насчет конфликта отцов и детей» («Зона», 1965).

10.10 *Зато у моего народа — какие глаза! Они постоянно навыкате, но — никакого напряжения в них. Полное отсутствие всякого смысла — но зато какая мощь! (Какая духовная мощь!) Эти глаза не продадут. —*

Похожие наблюдения делают герои Аксенова:

«Вдруг мы заметили, что на нас смотрит множество глаз. <…> Единодушное Одобрение молчало, глядя на нас непонимающими, слегка угрюмыми, но в общем-то спокойными глазами. Вокруг на огромных просторах Оно ехало мимо нас в авто-

бусах и самолетах, развозило из Москвы в сетках апельсины и колбасу, сражалось на спортивных площадках за преимущества социализма, огромными хорами исполняло оратории и звенело медью и ковало, ковало, ковало „чего-то железного“ и ехало по Средней Европе, выставив оружие, а Дунай, змеясь, убегал у него из-под гусениц» («Ожог», 1975).

10.11 *…во дни сомнений, во дни тягостных раздумий…* —

Цитата из стихотворения в прозе Тургенева «Русский язык» (1882): «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!»

10.12 *Им все божья роса…* —

То есть все воспринимается как благо или, сильнее, равнодушно. Восходит к Ветхому Завету: «Да даст тебе Бог от росы небесной и от тука земли, и множество хлеба и вина» (Быт. 27: 28). В русской идиоматике входит в состав поговорки: «Хоть плюй (*груб.* — ссы) в глаза — все божья роса».

Ср. у советских классиков: «Ему, как говорится, плюнь в глаза, а он утрется да скажет: божья роса» (П. Бажов. «Травяная западенка», 1940); «Ты им мочись в глаза, а им все — божья роса» (М. Шолохов. «Тихий Дон», кн. 3, ч. 6, гл. 58).

10.13 С. 20. *…что я сейчас там на площадке выделывал?.. Кувыркался из угла в угол, как великий трагик Федор Шаляпин, с рукою на горле, как будто меня что душило? —*

Федор Иванович Шаляпин (1873–1938) более известен не как «великий трагик», а как великий русский бас, символ мощи русской души; исполнитель глубоких психологических ролей, в которых он сочетал мастерство вокалиста и драматического актера; пел, в частности, Мефистофеля в опере Гуно «Фауст».

Здесь Веничкой описано его исполнение роли Бориса Годунова в опере Мусоргского «Борис Годунов» (1868–1872; либретто М. П. Мусоргского по одноименной трагедии Пушкина), а именно сцена с видением погибшего царевича Димитрия (д. 4, карт. 2). Коль скоро ни Венедикт Ерофеев, ни Веничка вживую Шаляпина в роли Бориса видеть не могли, описание взято из мемуарной литературы:

«С протянутыми в мольбе руками Борис пере-

ходил к авансцене. <…>…зрителям становилось жутко, тревожно в ожидании чего-то еще более трагического. Борису мерещится окровавленное дитя. <…> Борис как бы видит все, о чем говорит, и, разводя руки в стороны, словно от искреннего удивления, глухим голосом, с отчаянием, после слов „молит пощады“… продолжал, как бы давая ответ: „И не было пощады“ <…> Борис в изнеможении падал на скамью и неподвижно лежал с наклоненной головой и опустившейся до полу рукой, зрители вздыхали с облегчением. <…> Хватаясь за голову, впиваясь пальцами в растрепанные волосы, ритмично покачиваясь на коленях из стороны в сторону под пронзительно-сверлящее тремоло флейт, Шаляпин продолжал восклицать: „Что молотом стучит в ушах укором и проклятьем“, затем хватался за горло и почти выкрикивал:

И душит что-то! И голова кружится,

В глазах дитя окровавленное…»

(Черкасов Н. «Борис Годунов» в Петрограде // Шаляпин Федор: В 3 т. М., 1960. Т. 2. С. 393–394, 395)

«Жестокая судорога пробегает по лицу Бориса; непонятно, как он еще выдерживает. Однако всему есть предел, и внезапно, срывающимся,

полузадушенным: „Довольно!“ — Борис изгоняет Шуйского и в совершенном изнеможении опускается у стола; вся фигура его никнет, как-то обмякает, чувствуется, что он бессилен, несчастен, слаб, как малый ребенок…Каждое слово, повторяемое им точно сквозь тяжелый сон, падает, как глухие удары похоронного колокола над преступной душой, все его существо потрясено безысходной тоской. Вдруг он повернулся, нечаянный взор его скользнул по часам и… о, что же стало с несчастным царем, что нашептало ему до крайности воспаленное воображение, какой призрак почудился ему в тишине душного терема? Точно под влиянием нечеловеческой силы, Борис выпрямляется, откидывается назад, почти опрокидывает стол, за которым сидел, и пальцы рук судорожно впиваются в толстую парчовую скатерть. <…> Как подкошенный Борис рушится на колени и, точно раненый царственный зверь, мечется по полу, кидая свое большое тело из стороны в сторону, хватаясь то за стол, то за табурет непонятными бессмысленными движениями <…> „Чур, чур!“ — слышится словно вопль затравленного зверя… „Не я твой лиходей! чур!“ Напряжение ужаса достигает высшей точки, потрясение всего существа непомерно большее,

чем может вынести человек <…> ровный свет луны тихо льется через окошко, и в этом смутном свете Борис, на коленях, с лицом, обращенным в угол с образами, обессилевший вконец, точно просыпающийся от тяжелого сна, осунувшийся, с опустившимися углами рта, с помутившимся взором, не говорит, а как-то по-младенчески лепечет:

Господи! ты не хочешь смерти грешника,

Помилуй душу преступного царя Бориса!..»

(Старк Э. Шаляпин. «Борис Годунов» Мусоргского // Там же. С. 86–87)

Та же сцена из оперы «Борис Годунов», причем также в исполнении Шаляпина, фигурирует у Ильфа и Петрова в «Золотом теленке» при описании встречи Остапа Бендера и его компаньонов со стариком Хворобьевым (здесь, правда, компилируются две партии — Бориса из 4-го действия и Григория Отрепьева из 1-го):

«Ждать Остапу пришлось недолго. Вскоре из домика послышался плачевный вой, и, пятясь задом, как Борис Годунов в последнем акте оперы Мусоргского, на крыльцо вывалился старик.

— Чур меня, чур! — воскликнул он с шаляпинскими интонациями в голосе. — Все тот же сон! А-а-а!»

10.14 С. 20. *…что я сейчас там на площадке выделывал? <…> …я играл в бессмертную драму «Отелло, мавр венецианский»? Играл в одиночку и сразу во всех ролях? Я, например, изменил себе, своим убеждениям: вернее, я стал подозревать себя в измене самому себе и своим убеждениям; я себе нашептал про себя — о, такое нашептал! — и вот я, возлюбивший себя за муки, как самого себя, — я принялся себя душить. Схватил себя за горло и душу. —*

Упоминание о вагонной площадке (тамбуре) в сочетании с Шекспиром и использованием слова «трагик» вызывает в памяти строки Пастернака: «В тот день всю тебя от гребенок до ног, / Как трагик в провинции драму Шекспирову, / Носил я с собою…» («Марбург», 1916, 1928) и «Тем часом, как сердце, плеща по площадкам…» («Сестра моя, жизнь», 1920).

В целом же весь фрагмент — апелляция к трагедии Шекспира «Отелло» (1604). Полное название пьесы — «The Tragedy of Othello, The Moor of Venice» («Трагедия Отелло, мавра венецианского»). Веничка исполняет в одиночку три главные роли:

Отелло, подозревающего свою жену Дездемону в измене, Яго, оклеветавшего («нашептавшего») Дездемону перед Отелло, и Дездемоны, безвинно удушенной ревнивым мужем.

Обращение к Шекспиру — общее место в литературе. Так, например, Сологуб писал о самом Шекспире:

Но это поприще поэта.
Не так ли поступал Шекспир,
Когда, сознав в себе Гамлета,
Его пустил в широкий мир?

Он был Ромео и Отелло,
И Лир он был, и был Шейлок.
Все это – творческое дело,
А не в безумие прыжок.

(«Настала светлая минута», 1885)

А затем отождествлял свое лирическое «я» с тем же Отелло:

В мое труду послушливое тело
Толпу твоих героев я вовлек,
И обманусь, доверчивый Отелло…

(«Мудрец мучительный Шакеспеар…», 1913)

У Мандельштама есть стихи о «расщеплении» поэта-актера:

Как будто я повис на собственных ресницах,
И созревающий и тянущийся весь, —
Доколе не сорвусь, разыгрываю в лицах
Единственное, что мы знаем днесь…

(«10 января 1934», 1934)

Разыгрывание в лицах пьес одним актером в Веничкины времена было весьма популярным. Именно на 1960-е гг. приходится расцвет формы так называемого «театра одного актера», появившегося в СССР еще в 1927 г. Особой популярностью у интеллектуалов пользовался разыгрывавшийся в одиночку актером ленинградского Большого драматического театра и поэтом Владимиром Рецептером шекспировский «Гамлет».

Что касается «адаптирования» трагедии, то следует помнить, что почти за двадцать лет до «Москвы — Петушков» (приблизительно в 1950 г.) в СССР появилась легкомысленная самодеятельная песенка «Отелло» (стихи написаны Владимиром Шрейбергом, Алексеем Охрименко и Сергеем Кристи) на мелодию русской народной песни «Когда б имел златые горы»; начинается

она так:

Отелло, мавр венецианский,
Один домишко посещал,
Шекспир узнал про это дело
И водевильчик накропал.

Этим же авторам принадлежит песенный «пересказ» другой великой трагедии Шекспира — «Гамлет»:

Ходит Гамлет с пистолетом,
Хочет когой-то убить.
Он недоволен белым светом,
Он думает: «Быть иль не быть?» —

и фольклоризированный историко-филологический экзерсис «О графе Толстом, мужике непростом»:

Жил-был великий писатель
Лев Николаич Толстой,
Мяса и рыбы не кушал,
Ходил по именью босой.

10.15 С. 20. *…я себе нашептал про себя — о, такое нашептал!.. —*

Отсылка к Раскольникову Достоевского, при-

знающегося Соне Мармеладовой: «Я всё знаю. Все это я уже передумал и перешептал себе, когда лежал в темноте… Все это я сам с собой переспорил, до последней малейшей черты, и всё знаю, всё!» («Преступление и наказание», ч. 5, гл. 4).

10.16 *…я, возлюбивший себя за муки, как самого себя… —*

Контаминация перефразированных классических цитат из Шекспира и Нового Завета. Реплика из монолога Отелло о Дездемоне: «Она меня за муки полюбила, / А я ее — за состраданье к ним» («Отелло», акт 1, сц. 3; пер. П. Вейнберга) — накладывается на заповедь Христа: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мф. 22: 39; см. также Мф. 19: 19; Мк. 12: 31, 33; Лк. 10: 27; Иак. 2: 8; Рим. 13: 10; Гал. 5: 14).

10.17 С. 20. *Схватил себя за горло и душу. —*

Наложение на конкретную сцену удушения Дездемоны Отелло у Шекспира одного из ключевых мотивов поэмы — мотива удушения.

10.18 *Вон — справа, у окошка — сидят двое.* <…> *И пожалуйста — никого не стыдятся, наливают и пьют. —*

То есть выполняют совет Мандельштама: «Пейте вдоволь, пейте двое, / Одному не надо пить!»

(«Мне Тифлис горбатый снится», 1920, 1927, 1935).

10.19 *Один такой тупой-тупой и в телогрейке. —*

То есть и по интеллекту, и по одежде принадлежащий к классу люмпенов. Телогрейка — рабочая верхняя одежда типа стеганой куртки из дешевого и непривлекательного черного, темно-серого или темно-синего материала. О телогрейке пел Высоцкий, у которого в коммунальной квартире

…на зуб зуб не попадал,
Не грела телогреечка.
Здесь я доподлинно узнал,
Почем она, копеечка!

(«Баллада о детстве», 1973–1975)

10.20 *…другой такой умный-умный и в коверкотовом пальто. —*

То есть интеллигент. Пальто у него пошито из коверкота — дорогой плотной шерстяной или полушерстяной ткани. Об этом типе пальто пел в свое время Юз Алешковский:

Сильны мы были, как не знаю кто,
ходил я в габардиновом костюме,
А Сталин – в коверкотовом пальто,

которое достал напротив в ГУМе.

(«Песня Молотова», 1961–1962)

10.21 *…не заламывают рук. —*

Заламыванье рук — традиционный актерский жест в классическом театре. У Мандельштама читаем:

«В отличье от всех тогдашних русских актеров, да, пожалуй, и теперешних, Комиссаржевская была внутренне музыкальна, она подымала и опускала голос так, как это требовалось дыханьем словесного строя; ее игра была на три четверти словесной, сопровождаемой самыми необходимыми скупыми движеньями, и те были все наперечет, вроде заламыванья рук над головой» («Шум времени», 1925).

Попутно замечу, что до Мандельштама к этому характерному жесту Комиссаржевской апеллировал Брюсов: «Рыцарь суровый, над телом погибшей и руки ломай и рыдай!» («Памяти В. Ф. Комиссаржевской», 1910). См. также другую цитату о заламывании рук из Мандельштама в 32.33.

Кроме Мандельштама, заламыванье рук встречается и у других поэтов. У Белого: «Вскочила ты, над головой / Свои заламывая руки…» («Год минул встрече роковой…», 1907); у Блока: «Ее залом-

ленные руки / Чуть брезжили в луче дневном…» («Я помню длительные муки…», 1908), «Ну, что же? Устало заломлены слабые руки, / И вечность сама загляделась в погасшие очи…» («Ну, что же? Устало заломлены слабые руки…», 1914); у Гумилева: «Ты внезапно заломила руки…» («Нет тебя тревожней и капризней…», 1910); у Сологуба: «И так же заломивши руки…» («Как ярко возникает день…», 1917); у Цветаевой: «Все круче, все круче / Заламывать руки…» («Все круче, все круче…», 1921), «Руки за голову заломив…» («Удостоверишься — повремени!..», 1922), «Елена — не жди заломленных / Рук!» («Так — только Елена глядит над кровлями…», 1924).

У Достоевского заламыванье рук — постоянный жест Сони Мармеладовой: «Соня проговорила это точно в отчаянии, волнуясь и страдая, и ломая руки <…> Что же, что же делать? — истерически плача и ломая руки, повторяла Соня» («Преступление и наказание», ч. 4, гл. 4); «Как бы себя не помня, она вскочила и, ломая руки, дошла до середины комнаты» (ч. 5, гл. 4).

10.22 *«Транс-цен-ден-тально!»* —

Трансцендентальность — одно из ключевых понятий в философской системе Канта: согласно его «Критике чистого разума», трансценденталь-

но «всякое познание, занимающееся не столько предметами, сколько видами нашего познания предметов, поскольку это познание должно быть возможным a priori» (*Кант И.* Сочинения: В 6 т. М., 1963–1966. Т. 3. С. 121). Апеллировал к трансцендентальности, например, Белый:

Жизнь, – шепчет он, остановясь
Средь зеленеющих могилок, —
Метафизическая связь
Трансцендентальных предпосылок.

(«Мой друг», 1908)

Регулярны апелляции к Канту у Саши Черного, причем в «низких» контекстах, включая «тупое» отношение к учению философа:

Он, с важностью педанта,
При каждой глупости своей
Ссылается на Канта.

(«Вешалка дураков», 1909–1910)

Не цитировал лишь Канта,
Как на свадьбе дочки Круппа, —
Потому что Кант народом
Понимался очень тупо.

(«Исторический день», 1910)

10.23 С. 20. *Закуска типа «я вас умоляю»!.. —* Вот ученый комментарий к данному восклицанию: «Комплимент хозяйке (хозяину) при угощении, особенно при выпивке. *В. Ерофеев. Москва — Петушки*» (*Комлев Н.* Приговорки и фразы-реплики. Вып. 19 // Книжное обозрение. 1997. № 36. 9 сентября).

10.24 *…страдаю от мысли, за кого меня приняли — мавра или не мавра? плохо обо мне подумали, хорошо ли? —*

То есть приняли Веничку за Отелло или не за Отелло (см. 10.14). А вот сходная ситуация из Нового Завета: «И пошел Иисус с учениками Своими в селения Кесарии Филипповой. Дорогою Он спрашивал учеников Своих: за кого почитают Меня люди? Они отвечали: за Иоанна Крестителя, другие же — за Илию, а иные — за одного из пророков. Он говорит им: а вы за кого почитаете Меня? Петр сказал Ему в ответ: Ты — Христос. И запретил им, чтобы никому не говорили о Нем. И начал учить их, что Сыну Человеческому много должно пострадать, быть отвержену старейшинами, первосвященниками и книжниками, и быть убиту, и в третий день воскреснуть. И гово-

рил о сем открыто» (Мк. 8: 27–32; см. также Мф. 16: 13–16; Лк. 9: 18).

Перманентно рефлектирующий герой Гамсуна беспокоился подобно Веничке: «Под мышкой у меня было зеленое одеяло, и от этого я чувствовал себя неловко: просто немыслимо носить такой сверток на виду у всех. Что подумают люди?» («Голод», гл. 1).

10.25 *…эти — пьют горячо и открыто…* —

Сочетание наречий «горячо и открыто», возможно, заимствовано у «сатириконцев», из их описания внешности Мартина Лютера, где оно входит в состав никак не поясненной цитаты (текст главы о Лютере «Религиозная путаница в Германии» принадлежит Аверченко): «Как и большинство людей его сорта, Мартин Лютер имел „ввалившиеся горящие глаза, вдохновенный вид и говорил убедительно, смело, открыто и горячо“ <…> В этот период своей жизни <…> он по-прежнему говорил смело, открыто и горячо» («Всеобщая история, обработанная „Сатириконом“»).

10.26 *…пьют… как венцы творения, пьют с сознанием собственного превосходства над миром…* —

То есть следуют наставлению Саши Черного: «Красиво надо пить. Чтоб как птица стать» (*Черный Саша.* Собр. соч.: В 5 т. М., 1996. Т. 4. С. 19).

10.27 *…венцы творения…* —

По Библии, венцом Божьего творения считается человек, созданный Богом, как закономерный итог его творческой деятельности после создания неба, земли, света и проч. (Быт. 1: 26–31), то есть Веничкины попутчики пьют «как люди».

Существует, однако, и другое мнение: Касио у Шекспира, к примеру, «венцом творенья» (the essential vesture of creation) считает конкретную женщину — Дездемону: «Венец творенья, ангел, совершенство, / Не описать тебя ни кистью, ни пером» («Отелло», акт 2, сц. 1). Этой же точки зрения придерживается и Пастернак, у которого штамп используется, как и у завидующего «венцам творенья» Венички, в контексте все той же зависти:

Венец творенья не потряс
Участвующих и погряз
Во тьме утаек и прикрас.
Отсюда наша ревность в нас
И наша месть и зависть.

(«Весеннею порою льда…», 1932)

10.28 С. 20. *…пьют горячо и открыто… <…> Я, похмеляясь утром, прячусь от неба и земли, потому что это интимнее всякой интимности!.. —*

Вот позиция лирического героя Пастернака, который, осознавая свою чужеродность, все же сливается с народом в общем деле:

Счастлив, кто целиком,
Без тени чужеродья,
Всем детством – с бедняком,
Всей кровию – в народе.

Я в ряд их не попал,
Но и не ради форса
С шеренгой прихлебал
В родню чужую втерся.

(«Счастлив, кто целиком…», 1936)

А вот признания отвергнутого обществом героя-одиночки Гамсуна: «Как весело и легко все эти встречные вертят головами, как ясны их мысли, как свободно скользят они по жизни, словно по паркету бальной залы! Ни у кого из них я не прочел в глазах печали, их плечи не отягощает никакое бремя, в безмятежных душах, кажется, нет ни мрачных забот, ни тени тайного страдания. А я бродил среди этих людей, молодой, едва

начавший жить и забывший уже, что такое счастье! Эта мысль не покидала меня, и я чувствовал, что стал жертвой чудовищной несправедливости. Почему в последние месяцы мне живется так невыносимо тяжело?» («Голод», гл. 1).

10.29 *Мне очень вредит моя деликатность, она исковеркала мне мою юность. Мое детство и отрочество… —*

Приведу здесь монолог одного из лирических героев Саши Черного, познавшего цели, переполненного «газетными и журнальными словами», то есть цитатами и штампами, о «деликатности» и неспособности влиться в нормальную жизнь «человеческого общежития» — с ее пьянками, драками и прочими прелестями:

А мне, ей-ей, завидно…
Мне даже как-то стыдно,
Что я вот не сумею
Намять Алехе шею.

Зачем я сын культуры,
Издерганный и хмурый,
Познавший с колыбели
Осмысленные цели?

Я ною дни и ночи.
Я полон многоточий;
Ни в чем не вижу смысла;
Всегда настроен кисло.
<…>
Я полон слов банальных —
Газетных и журнальных…
О неврастеник бедный,
Ненужный, даже вредный!

(«Размышления современного интеллигента», 1911)

У Пастернака один из лирических героев восклицает: «О стыд! Ты в тягость мне!» («О стыд! Ты в тягость мне! О совесть, в этом раннем…», 1919). У Ницше тишина обращается к Заратустре: «„О Заратустра, ты должен идти, как тень того, что должно наступить: так будешь ты приказывать и, приказывая, идти впереди“. И я [Заратустра] отвечал: „Мне мешает стыд“» («Так говорил Заратустра», ч. 2, «Самый тихий час»).

10.30 *Мне очень вредит моя деликатность… —*

У Достоевского читаем: «Вы не хотите со мной ужинать! <…> это… возмутительная щепетильность <…> Ну так, по-моему, такая щепетильность

вам же вредит» («Униженные и оскорбленные», ч. 3, гл. 10).

10.31 *…мою юность. Мое детство и отрочество…* —

Парафраз названия автобиографической трилогии Льва Толстого «Детство. Отрочество. Юность» (1852–1857).

10.32 С. 20. *…просто я безгранично расширил сферу интимного — и сколько раз это губило меня…* —

Напоминает Розанова: «„Мой Бог“ — бесконечная моя интимность, бесконечная моя индивидуальность. Интимность похожа на воронку, или на две воронки. От моего „общественного я“ идет воронка, суживающаяся до точки. Через эту точку-просвет идет только один луч: от Бога. За этой точкой — другая воронка, уже не суживающаяся, а расширяющаяся в бесконечность: Это Бог. „Там — Бог“. Так что Бог 1) и моя интимность, 2) и бесконечность, в коей самый мир — часть» («Уединенное», 1912).

10.33 *Орехово-Зуево.* —

См. 32.1.

10.34 *К тому времени, как я поселился, в мо-*

ей комнате уже жило четверо, я стал у них пятым. —

«4» — классическое для христианской мифологии число, связанное, прежде всего, с идеей креста и, соответственно, распятия. Ниже в тексте поэмы это число возникнет еще дважды: в бригаде на кабельных работах под началом Вени будут работать четыре человека и в финале Вениных палачей тоже будет четверо.

10.35 С. 20–21. *Мы жили душа в душу, и ссор не было никаких. Если кто-нибудь хотел пить портвейн, он вставал и говорил: «Ребята, я хочу пить портвейн». А все говорили: «Хорошо. Пей портвейн. Мы тоже будем с тобой пить портвейн». Если кого-нибудь тянуло на пиво, всех тоже тянуло на пиво. —*

Реминисценция описания нравов монахов Телемской обители из Рабле. Телемский монастырь был создан по приказу Гаргантюа в качестве награды герою войны с Пикрохолом монаху брату Жану. Это утопическое аббатство олицетворяет абсолютную человеческую свободу. Монастырский устав Телема выражался всего в четырех (французских) словах: «fais ce que voudras» («делай что захочешь»):

«Благодаря свободе у телемитов возникло

похвальное стремление делать всем то, чего, по-видимому, хотелось кому-нибудь одному. Если кто-нибудь из мужчин или женщин предлагал: „Выпьем!“, то выпивали все; если кто-нибудь предлагал: „Сыграем!“, то играли все; если кто-нибудь предлагал: „Пойдемте порезвимся в поле“, то шли все. <…> Все это были люди весьма сведущие, среди них не оказалось ни одного мужчины и ни одной женщины, которые не умели бы читать, писать, играть на музыкальных инструментах, говорить на пяти или шести языках и на каждом из них сочинять и стихи и прозу» («Гаргантюа и Пантагрюэль», кн. 1, гл. 57).

Утопический мотив дружной и счастливой жизни встречается в русской классике у Чернышевского — в описании жизни «социалистической» общины из четырех человек:

«И в самом деле они все живут спокойно. Живут ладно и дружно, и тихо, и шумно, и весело и дельно. <…> Они все четверо еще люди молодые, деятельные <…> Они живут весело и дружно, работают и отдыхают, и смотрят на будущее если не без забот, то с твердою и совершенно основательной уверенностью, что чем дальше, тем лучше будет» («Что делать?», гл. 5).

Из русской классики этот мотив перекочевал

в классику социалистического реализма, к Николаю Островскому, где рабочих уже не четверо, а пятеро:

«На Соломенке <…> пятеро создали маленькую коммуну. Это были: Жаркий, Павел [Корчагин], веселый белокурый чех Клавичек, Окунев Николай — секретарь деповской комсы, Степа Артюхин — агент железнодорожной Чека, недавно еще котельщик среднего ремонта. Достали комнату. Три дня после работы мазали, белили, мыли. <…> Снесли сюда свое имущество. Хозяйственный Клавичек составил опись всего добра коммуны и хотел прибить ее на стенке, но после дружного протеста отказался от этого. Все стало в комнате общим. Жалованье, паек и случайные посылки — все делилось поровну. Личной собственностью осталось лишь оружие. Коммунары единодушно решили: член коммуны, нарушивший закон об отмене собственности и обманувший доверие товарищей, исключается из коммуны. Окунев и Клавичек настояли на добавлении: и выселяется» («Как закалялась сталь», ч. 2, гл. 1).

Схожая ситуация складывалась не только на «стройках социализма», но и в советских тюрьмах: «[В тюрьме] мы жили дружно, в шахматы играли без ссор, занимались боксом, продукты

делили пополам» (*Амальрик А.* Записки диссидента. С. 135).

Стилистически эпизод, кроме Рабле, напоминает и Ветхий Завет: «Когда распространит Господь, Бог твой, пределы твои, как Он говорил тебе, и ты скажешь: „поем я мяса“, потому что душа твоя пожелает есть мяса; тогда по желанию души твоей, ешь мясо» (Втор. 12: 20).

10.36 С. 21. *…эти четверо как-то отстраняют меня от себя…* —

Отделение героя от толпы, неприятие его коллективом — сквозной мотив поэмы. Ближайшая параллель в русской классике — Раскольников Достоевского, который отчужден сначала от университетских сокурсников, а затем от сибирских колодников:

«Раскольников <…> почти не имел товарищей, всех чуждался, ни к кому не ходил и у себя принимал тяжело. Впрочем, и от него скоро все отвернулись. Ни в общих сходках, ни в разговорах, ни в забавах, ни в чем он как-то не принимал участия. Занимался он усиленно, не жалея себя, и за это его уважали, но никто не любил. Был он очень беден и как-то надменно горд и несообщителен; как будто что-то таил про себя. Иным товарищам казалось, что он смотрит на них на

всех, как на детей, свысока, как будто он всех их опередил и развитием, и знанием, и убеждениями, и что на их убеждения и интересы он смотрит как на что-то низшее» («Преступление и наказание», ч. 1, гл. 4).

«Мрачное ощущение мучительного, бесконечного уединения и отчуждения вдруг сознательно сказалось в душе его» (ч. 2, гл. 1).

«В остроге, в окружающей среде, он, конечно, многого не замечал, да и не хотел замечать. Он жил, как-то опустив глаза: ему омерзительно и невыносимо было смотреть. <…> Вообще же и наиболее стала удивлять его та страшная, та непроходимая пропасть, которая лежала между ним и всем этим людом. Казалось, что он и они были разных наций. Он и они смотрели друг на друга недоверчиво и неприязненно. <…> Его же самого не любили и избегали все. Его даже стали под конец ненавидеть — почему? Он не знал того. Презирали его, смеялись над ним, смеялись над его преступлением те, которые были гораздо его преступнее» (эпилог, гл. 2).

Сочетание мотивов неприятия обществом и «хождения» встречается у раннего Евтушенко:

Меня не любят многие,

за многое виня,
и мечут громы-молнии
по поводу меня.

Угрюмо и надорванно
смеются надо мной,
и взгляды их недобрые
я чувствую спиной.
<…>
Но я, такой измученный,
порой едва иду,
растерянный, измученный:
вот-вот и упаду.

(«Меня не любят многие…», 1956)

10.37 *Я, помнится, в этот день даже и не вставал с постели: я выпил пива и затосковал. Просто: лежал и тосковал. —*

У Достоевского герой находится в сходном состоянии: «Раскольников в бессилии упал на диван <…> Вошла Настасья, неся две бутылки пива. <…> [Разумихин:] „Но вот и пивцо!“ <…> [Раскольников:] „А, вот и пиво осталось, полбутылки, холодное!“ Он схватил бутылку, в которой еще оставалось пива на целый стакан, и с на-

слаждением выпил залпом, как будто потушая огонь в груди. Но не прошло и минуты, как пиво стукнуло ему в голову, а по спине пошел легкий и даже приятный озноб. Он лег и натянул на себя одеяло. Мысли его, и без того больные и бессвязные, стали мешаться все больше и больше, и вскоре сон, легкий и приятный, обхватил его» («Преступление и наказание», ч. 2, гл. 2, 3).

10.38 *Брось считать, что ты выше других… что мы мелкая сошка, а ты Каин и Манфред… —*

Тема возвышения сильной личности над безликой народной массой ассоциируется с «наполеоновским» риторическим вопросом Раскольникова: «Тварь ли я дрожащая или право имею?» («Преступление и наказание», ч. 5, гл. 4).

Соседи Венички по общежитию имеют в виду героев поэм Байрона «Манфред» (1817) и «Каин» (1821). Оба героя — романтики и бунтари, презирающие устои общества. И Каин, и Манфред занимают в европейской литературе, культуре и менталитете ключевые в идеологическом плане позиции, и противопоставление их «мелким сошкам» в работах европейских мыслителей XIX–XX вв. встречается регулярно. К примеру, у Мережковского читаем:

«Когда библейский патриарх на своем гноище,

из праха и пепла, когда Фауст Гёте, Манфред или Каин Байрона обращаются с этим криком возмущенной совести к Верховному Судие, вы чувствуете, что они имеют право на голос. Как высшие духи, от лица человечества, от лица всего мира, должны предстоять они перед Невидимым. Но дикий полузверь из глубины обледенелых тундр, пьяный, уродливый, грязный якут — имеет ли он такое же право на крик свободы и возмущения, как древние титаны человеческого духа? Да, имеет!.. И даже еще большее право, потому что он — бессилен, дик, безобразен и, наперекор всему этому, он — человек, а не зверь, он — образ и подобие Божие на земле. Воистину нет такой глубины падения, из которой человек не имел бы права воскликнуть к Своему Отцу: „Господи, не суда Твоего хочу, а любви Твоей!“» («О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы», 1893).

Примечательно, что Манфредом считал себя одно время и Мусоргский, который писал одному из своих знакомых, вспоминая о совместной прогулке по Петербургу в 1858 г.: «Перед этой прогулкой мы читали „Манфреда“, я так наэлектризовался страданиями этой высокой человеческой натуры, что тогда же сказал Вам: „Как бы я хотел быть

Манфредом“ (я тогда был совершенный ребенок), судьбе, кажется, угодно было выполнить мое желание, — я буквально оманфредился, дух мой убил тело. Теперь надо приниматься за всякого рода противоядия» (М. А. Балакиреву, 10 февраля 1860 г.).

Байроновские персонажи фигурируют и в русской классике, в частности в стихотворениях в прозе Тургенева: «Я читал байроновского „Манфреда“… Когда я дошел до того места, где дух женщины, погубленной Манфредом, произносит над ним свое таинственное заклинание, — я ощутил некоторый трепет» («Проклятие», 1878); «Я проживал тогда в Швейцарии… Я был очень молод, очень самолюбив — и очень одинок. Мне жилось тяжело — и невесело. <…> Байрон был моим идолом, Манфред был моим героем. Однажды вечером я, как Манфред, решился отправиться туда, на темя гор, превыше ледников, далеко от людей» («У-а… У-а!», 1882).

Горький также не оставался в стороне от проблемы (упоминая, кстати, и мировую скорбь; см. 15.12):

«Мы видим, как ничтожны „совершения“ человека наших дней, мы видим горестную пустоту его души, и это должно заставить нас подумать о

том, чем грозит нам будущее, посмотреть, чему поучает прошлое, открыть причины, ведущие личность к неизбежной гибели. <…> Было создано множество Манфредов, и каждый из них разными словами говорил об одном — о загадке жизни личной, о мучительном одиночестве человека на земле, возвышаясь порою до скорби о печальном одиночестве земли во вселенной, что звучало весьма жалостно, но не очень гениально. Манфред — это выродившийся Прометей XIX века, это красиво написанный портрет мещанина-индивидуалиста, который навсегда лишен способности ощущать в мире что-либо иное, кроме себя и смерти пред собою. Если он иногда говорит о страданиях всего мира, то он не вспоминает о стремлении мира уничтожить страдания, если же вспоминает об этом, то лишь для того, чтобы заявить: страдание непобедимо. Непобедимо — ибо опустошенная одиночеством душа слепа, она не видит стихийной активности коллектива и мысль о победе не существует для нее. Для „я“ осталось одно наслаждение — говорить и петь о своей болезни, о своем умирании, и, начиная с Манфреда, оно поет панихиду самому себе и подобным ему одиноким, маленьким людям. Поэзии этого тона присвоено имя „поэзии

мировой скорби“ <…> Рядом с этим процессом агонии индивидуализма железные руки капитала, помимо воли своей, снова создают коллектив, сжимая пролетариат в целостную психическую силу. Постепенно, с быстротой все возрастающей, эта сила начинает сознавать себя как единственно признанную к свободному творчеству жизни, как великую коллективную душу мира» («Разрушение личности», 1909).

11. Чухлинка – Кусково

11.1 С. 21. *Кусково —*

железнодорожная платформа на востоке Москвы в одноименной местности (по названию бывшего села Кусково и подмосковного усадебного и дачного района), в черте Москвы с 1960 г.

11.2 *Ну так вставай и иди. —*

Перифраз лейтмотива всей поэмы — библейской фразы «талифа куми» (см. 26.17).

11.3 *…ты каждый день это утверждаешь. Не словом, но делом. —*

Восходит к идиоме «доказать не словом, но делом», то есть путем практических действий, а не пустых, вербальных объяснений и обещаний; в Новом Завете сказано: «Дети мои! станем любить не словом или языком, но делом и истиною» (1 Ин. 3: 18).

Кроме этого, в претензии Веничкиных соседей слышна реминисценция евангельских слов: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин. 1: 1), которые переводит Фауст в трагедии Гёте, — при этом его перевод поэтапно трансформируется из «слова» в «дело»: «В начале

было Слово», затем — «В начале Мысль была», дальше — «Была в начале Сила», и наконец — «В начале было Дело» («Фауст», ч. 1; пер. Б. Пастернака).

Также у Иоанна есть выражение «явить делом»: «Перед праздником Пасхи Иисус, зная, что пришел час Его перейти от мира сего к Отцу, явил делом, что, возлюбив Своих сущих в мире, до конца возлюбил их» (Ин. 13: 1).

У Саши Черного в ситуации, когда «курчавый и пылкий брюнет» пытается соблазнить «поэтессу бальзаковских лет» и дает волю своим низким, «физическим» чувствам, звучит сходное: «Здесь не думские речи министра, / Не слова здесь нужны, а дела» («Недоразумение», 1909).

11.4 С. 22. *…ты как лилея!..* —

Лилея *(устар., поэтич.)* — то же, что лилия — цветок, символизирующий в поэзии чистоту и возвышенность чувств. Чаще использовался литераторами в более современной форме «лилия»; например, у Лохвицкой есть: «Я „мертвая роза“, я лилия чистая / Я нежусь в сияньи серебряных грез» («Мертвая роза», 1896–1898).

Левин относит собственно «лилею» к «поэтическому языку допушкинской поры» (*Левин Ю.* Комментарий к поэме «Москва — Петушки»…

С. 39). Однако ее без труда можно отыскать как непосредственно у Пушкина: «И на лилею / Нам укажи» («Роза», 1815), так и у более поздних поэтов, например у Мея: «Я — цветок полевой, я — лилея долины» («Еврейские песни», 1856), «Под лилейно-белой шеей / Как под вешнею лилеей» («Хороша ты, хороша…», 1859); у Фета: «Как лилея глядится в нагорный ручей…» («Alter ego», 1878); у Надсона: «белоснежные лилеи» («Из Гейне», 5 («Розы щечек, чудных глазок…»), 1880), «чуткое сердце мое / Поселилось в лилее душистой» («Из Гейне», 6 («Я хотел бы, чтоб чуткое сердце мое…»), 1880); у Сологуба: «Белей лилей, алее ала / Бела была ты и ала…» («Любовью легкою играя…», 1901) (и цитата из него у Кузмина: «Ложится снег „белей лилеи“…» («При посылке цветов в мартовский вторник», 1911)), «С невинной белизной лилеи…» («Любви неодолима сила», 1921); у Анненского: «Чтоб ночью вянущих лилей / Мне ярче слышать со стеблей / Сухой и странный звук паденья…» («Лилии», 3 («Падение лилий»), 1901), «Лилеи нежные листы <…> Всю ночь потом уста лилей / Там дышат ладаном разлуки» («Лилии», 1 («Второй мучительный сонет»), 1904), «Льют лилеи небывалый / Мне напиток благовонный…» («Лилии», 2 («Зимние лилии»), 1904), «Аромат

лилеи мне тяжел, / Потому что в нем таится тленье…» («Аромат лилеи мне тяжел…», 1910), «Одной лилеи белоснежной / Я в лучший мир перенесу / И аромат и абрис нежный» («Еще лилии», 1910); у Вячеслава Иванова — ассоциирующиеся с мотивом «Талифа куми» строки: «Встань, на лазури стройных скал / Души, белея, / И зыбля девственный фиал, / Моя лилея!» («Лилия», 1904); у Саши Черного: «Шея белее лилеи / И стан, как у леди Годивы» («Городская сказка», 1909).

Здесь, в контексте устойчивой двойнической пары «Веничка — Христос», возможна еще и реминисценция стихотворения Мандельштама о распятии Христа: «И царствовал, и никнул Он, / Как лилия в родимый омут» («Неумолимые слова… Окаменела Иудея…», 1908).

11.5 С. 22. *…есть такая заповеданность стыда, со времен Ивана Тургенева… —*

Иван Сергеевич Тургенев (1818–1883) — русский писатель. Веничка апеллирует, прежде всего, к его программным повестям «Ася» (1858) и «Первая любовь» (1863) (см. 26.19), а также ко всей его прозе в целом, где любовные переживания героев носят ярко выраженный духовный, то есть лишенный эротики и сексуальности, характер, что является типичным для всего творчества

Тургенева. О чем — у Гумилева:

Мне не нравится томность
Ваших скрещенных рук,
И спокойная скромность,
И стыдливый испуг.

Героини романов Тургенева,
Вы надменны, нежны и чисты,
В вас так много безбурно-осеннего
От аллеи, где кружат листы.

(«Девушке», 1910)

Вообще Тургенев как нравственный ориентир — тема для русской литературы достаточно распространенная. Например, один из персонажей Эренбурга вспоминает: «Перебрав все литературные воспоминания, я остановился на Тургеневе, я избрал его своим наставником и поводырем. Но от этого мало что изменилось: следуя заветам Тургенева, я продолжал ходить в поле, декламировать стихи и выразительно вздыхать <…> Только однажды, в горячий июльский полдень, увидев Вильгельмину [возлюбленную рассказчика], плавно проносившую через двор облака своей божественной плоти, я не выдержал и, пренебрегая всеми литературными уроками,

прилип губами к ее белой руке» («Тринадцать трубок», 1923, «Седьмая трубка»).

Существительное «заповеданность» встречается в финале «Фауста» Гёте:

Здесь – заповеданность
Истины всей.
Вечная женственность
Тянет нас к ней.

(Пер. Б. Пастернака)

11.6 *…клятва на Воробьевых горах…* —

Речь идет о знаменитой клятве Герцена (см. 25.19) и его друга, публициста и революционера Николая Огарева (1813–1877), данной ими в окрестностях Москвы, на Воробьевых (в советское время — Ленинских) горах, в 1826 г. (по другой версии, в 1827 г.). Они клялись всю свою жизнь отдать делу борьбы за освобождение русского народа. Герцен так описывает эту сцену:

«Воробьевы горы <…> скоро сделались нашими „святыми холмами“. <…> Запыхавшись и раскрасневшись, стояли мы там, обтирая пот. Садилось солнце, купола блестели, город стлался на необозримое пространство под горой, ветерок подувал на нас, постояли мы, постояли, оперлись

друг на друга и, вдруг обнявшись, присягнули, в виду всей Москвы, пожертвовать нашей жизнью на избранную нами борьбу. Сцена эта может показаться очень натянутой, очень театральной, а между тем через двадцать шесть лет я тронут до слез, вспоминая ее, она была свято искренна, это доказала вся жизнь наша. <…> С этого дня Воробьевы горы сделались для нас местом богомолья, и мы в год раз или два ходили туда, и всегда одни. Там спрашивал меня Огарев, пять лет спустя, робко и застенчиво, верю ли я в его поэтический талант, и писал мне потом (1833) из своей деревни: „Выехал я, и мне стало грустно, так грустно, как никогда не бывало. А все Воробьевы горы. Долго я сам в себе таил восторги; застенчивость или что-нибудь другое, чего я и сам не знаю, мешало мне высказать их, но на Воробьевых горах этот восторг не был отягчен одиночеством, ты разделял его со мной, и эти минуты незабвенны, они, как воспоминания о былом счастье, преследовали меня дорогой, а вокруг я только видел лес; все было так сине, сине, а на душе темно, темно“». («Былое и думы», ч. 1, гл. 4).

В официальной советской пропаганде, в частности в педагогике, клятва Герцена и Огарева трактовалась отнюдь не как проявление хотя и

наивных, но искренних возвышенных, благородных человеческих чувств, а как пример того, что русские революционеры с самых малых лет (на момент клятвы Герцену с Огаревым было не более 14 лет) отдавали все свои силы на борьбу с самодержавием.

А вот высказывание самого Венедикта Ерофеева: «А когда я кончал 10-й класс, в это время на Ленинских горах воздвигли этот идиотский монумент на месте клятвы Герцена и Огарева. И я решил туда к нему припасть. Я Герцена до сих пор уважаю» («Сумасшедшим можно быть в любое время»… С. 415).

К клятве Герцена и Огарева апеллировал не только Веничка, но и его современники:

«Наверное, великие человеколюбцы очень рано, еще в годы детства и отрочества, выяснили для себя, что хорошо, а что плохо и ради чего стоит жить, проникали во все скверное, что пачкает жизнь и человека, и решали, с чем и как следует бороться. Каждого из них, очевидно, настигало, как Радищева, то святое мгновение, когда душа „страданиями человечества уязвлена стала“. И у каждого были, как у Герцена и Огарева, свои Воробьевы горы с клятвой быть до конца верным избранной борьбе, служить правде и

справедливости. Они, великие и малые, всей своей деятельностью как бы показывали, что каждому доступно обрести смысл существования в усилиях своих устроить справедливую жизнь на земле. Но вот любопытно: бывало ли так, что и великий человеколюбец к моменту зрелости узнавал всю дрянь человеческую отчасти и по себе, по своим затаенным и подавленным импульсам? Не знаю» (М. Слонимский. «Завтра. Из записок старого человека», 1967).

11.7 С. 22. *Ты это брось про Ивана Тургенева.* <…> *Сами читали. —*

Советская школьная программа по литературе обязывала десятилетних детей читать повесть Тургенева «Муму» (1854), где речь, как известно, идет об утоплении по приказу жестокосердной хозяйки крепостным Герасимом своей любимой собачки Муму. Сентиментальность Герасима и жестокость барыни, отраженные в повести, проецируются на данную сцену в общежитии.

11.8 С. 23. *— Сколько кружек?*

— Две больших и одну маленькую. —

Объем большой стеклянной кружки для пива или кваса в советских предприятиях общественного питания составляет 0,5 л, маленькой — 0,25

л.

11.9 *…так вставай и иди.* <…> *Вставай и иди. —*

В очередной раз «включается» лейтмотив всей поэмы — «талифа куми» (26.17).

11.10 *…один из них мне сказал: «С такими позорными взглядами ты вечно будешь одиноким и несчастным». —*

В связке с называнием Венички Каином (см. 10.38) вспоминается Сологуб: «И если есть меж нами Каин, / Бессилен он и одинок» («Тяжелый и разящий молот…», 1917).

11.11 *Я знаю многие замыслы Бога… —*

Перед арестом в Гефсиманском саду Иисус обращается к Создателю: «Отче Праведный! и мир Тебя не познал; а Я познал Тебя, и сии познали, что Ты послал Меня» (Ин. 17: 25). Также это признание героя поэмы можно соотнести с обращением к Богу («Авва Отче») Гамлета из одноименного стихотворения Пастернака: «Я люблю твой замысел упрямый…» («Гамлет», 1946). В стихотворении концентрируются важные для «Москвы — Петушков» темы и мотивы: мотив чаши и ее «пронесения» («Чашу эту мимо пронеси…»; см. 46.13), тема Гамлета, «принца-аналитика», тема неотвратимости гибели в финале («неотвратим

конец пути»), мотив одиночества («Я один, все тонет в фарисействе…»).

Ср. у Хайяма: «Трудно замыслы Бога постичь, старина. / Нет у этого неба ни верха, ни дна» (пер. Н. Стрижкова).

Причастность к Богу и его (по)знание — мотив для русской литературы традиционный. Например, у З. Н. Гиппиус есть:

Не ведаю, восстать иль покориться,
Нет смелости ни умереть, ни жить…
Мне близок Бог – но не могу молиться,
Хочу любви – и не могу любить.

Я к солнцу, к солнцу руки простираю
И вижу полог бледных облаков…
Мне кажется, что истину я знаю —
И только для нее не знаю слов.

(«Бессилие», 1893)

11.12 *…это целомудрие — самое смешное! — это целомудрие толковалось так навыворот… <…> Меня подводят к дамам и представляют так:*

— А вот это тот самый, знаменитый Веничка Ерофеев. Он знаменит очень многим. Но больше

всего, конечно, тем знаменит, что за всю свою жизнь ни разу не пукнул…

— Как!! Ни разу!! — удивляются дамы и во все глаза меня рассматривают. —

Данная сцена явно полемична по отношению к известному эпизоду из Рабле, где есть и дамы, и пуканье:

«[Панург] изо всех сил встряхивал платок перед самым носом у дам, отчего те чихали четыре часа без передышки. Сам же он в это время пукал, как жеребец, а дамы со смехом спрашивали:

— Панург! Да вы что это, пукаете?

— Помилуйте, сударыня, — отвечал он, — я подбираю аккомпанемент к песенке, которую вы выводите носом» («Гаргантюа и Пантагрюэль», кн. 2, гл. 16).

Сходная ситуация по испытываемым лирическим героем эмоциям есть у Северянина: «В группе девушек нервных, в остром обществе дамском / Я трагедию жизни претворю в грезофарс…» («Увертюра», 1915).

11.13 С. 23. *…это ведь так ноуменально… Ничего в этом феноменального нет… —*

«Ноумен» и «феномен» — два ключевых термина в философии Средневековья и Нового времени; использовались, в частности, Кантом

(das Noumenon, das Phenomen). Ноумен обозначает нечто, постигаемое умом; феномен, напротив, дается в опыте и постигается чувствами. Гиппиус, к примеру, писала:

Решала я – вопрос огромен —
Я шла логическим путем,
Решала: нумен и феномен
В соотношении каком?

(«Любовь к недостойной», 1902)

Краткое прилагательное «ноуменально» входило в лексикон Василия Розанова: «Вот бы что надо понять и *что понять — ноуменально необходимо*» («Апокалипсис нашего времени», 1918).

11.14 *…трезвонят по всей петушинской ветке…* —

Ветка (железнодорожная) — второстепенная железнодорожная линия, отходящая от основной магистрали. «Петушинской ветки» в природе не существует, так как маршрут Москва — Петушки является составной частью основной магистрали Москва — Горький (ныне Нижний Новгород).

Упоминание о «петушинской ветке» рифмуется с «камышинской веткой» (Тамбов — Камышин) из Пастернака, тем более что у него железнодо-

рожная тематика, как и у Ерофеева, реализуется в хронотопе купе и проецируется на Вечную книгу: «Что в мае, когда поездов расписанье / Камышинской веткой читаешь в купе, / Оно грандиозней Святого Писанья…» («Сестра моя — жизнь и сегодня в разливе…», 1917).

11.15 — *Вы только подумайте! — обалдевают дамы… «Он все это делает вслух и говорит, что это не плохо он делает! Что это он делает хорошо!» —*

Здесь продолжается сопоставление Венички с Христом. После исцеления глухого косноязычного перед толпой народа Иисус просит людей не рекламировать его достижения: «И повелел им не сказывать никому. Но сколько Он ни запрещал им, они еще более разглашали. И чрезвычайно дивились, и говорили: все хорошо делает, — и глухих делает слышащими, и немых — говорящими» (Мк. 7: 36–37). Здесь новозаветное «дивиться» снижено до разговорного «обалдевать», а «делать вслух» соответствует превращению немых в говорящих.

Приведу и другие примеры сходной библейской фразеологии: «Тесть Моисеев сказал ему [Моисею]: не хорошо это ты делаешь» (Исх. 18: 17); «Если вы исполняете закон царский, по Писанию:

возлюби ближнего твоего, как себя самого, — хорошо делаете» (Иак. 2: 8); «И притом мы имеем вернейшее пророческое слово; и вы хорошо делаете, что обращаетесь к нему, как к светильнику, сияющему в темном месте» (2 Петр. 1: 19).

Так же можно трактовать слова «это не плохо он делает», «это он делает хорошо» сквозь призму известного разговора сына с отцом на тему «Что такое хорошо и что такое плохо?» в детском стихотворении Маяковского, где после исчерпывающих отцовских объяснений

Мальчик
радостный пошел,
и решила кроха:
«Буду
делать хорошо,
и не буду —
плохо!»

(«Что такое хорошо и что такое плохо?», 1925)

Впрочем, И. Паперно и Б. Гаспаров усматривают в словах «…это не плохо он делает! Что это он делает хорошо!» — без каких-либо пояснений — имитацию синтаксиса немецкого языка (*Паперно*

И., Гаспаров Б. «Встань и иди». С. 395).

11.16 С. 23. *Антиномично. —*

«Антиномично» в философской терминологии значит «противоположно», но при этом оба полярных суждения логически доказуемы. Понятие об антиномии чрезвычайно важно для философской системы Канта: он считал, что при развитии процесса познания человек неизменно пытается выйти за пределы опыта — иными словами, постичь, познать знаменитую кантовскую «вещь в себе» (см. 21.3), которая, по определению Канта, непознаваема, — это и приводит к антиномии, которая служит индикатором, указывающим на границу между миром явлений и миром вещей в себе («Критика чистого разума», «Антиномия чистого разума»).

По Канту, есть четыре антиномии. Две математические: 1) мир одновременно конечен и бесконечен; 2) всякая сложная субстанция состоит из простых вещей, и одновременно не существует ничего простого. И две динамические: 3) в мире существует свобода и одновременно господствует детерминизм; 4) существует первопричина мира — Бог, и не существует никакой первопричины мира. Как известно, данные антиномии определяют в конечном итоге агно-

стицизм Канта, что соотносимо с агностической философской позицией центрального персонажа «Москвы — Петушков».

Термин встречается у Бердяева: «Отношение Достоевского к злу было глубоко антиномично <…> Зло — антонимично» («Миросозерцание Достоевского», 1923); «Религиозное сознание по существу антиномично» («Смысл творчества», 1913–1914).

А это уже из Саши Черного: «Eo ipse, вы игнорируете „трансцендентальную апперцепцию“ и „антиномии“ Канта <…> Антиномичен пафос поэзии» («Русский язык (Сцены не для сцены)», 1910).

11.17 С. 24. *Мы чешем без остановки через Кусково! —*

См. 7.13.

12. Кусково – Новогиреево

12.1 С. 24. *Новогиреево —*

железнодорожная платформа в одноименной местности на востоке Москвы (по названию бывшего здесь села), в черте Москвы с 1960 г.

12.2 *…неделю тому назад меня скинули с бригадирства, а пять недель тому назад — назначили. —*

Реальным назначениям и снятиям бригадиров всевозможных бригад в СССР сопутствовал следующий официозный контекст:

«Основной формой социалистического соревнования было *движение ударных бригад*. Ударничество продолжало и развивало замечательные традиции коммунистических субботников. Во главе бригад стояли наиболее авторитетные и энергичные рабочие, чаще коммунисты и комсомольцы. Многие из них, закончив без отрыва от производства рабфаки и техникумы, становились затем начальниками цехов, директорами заводов» (История КПСС. М., 1973. С. 413).

Отмечу также, что Веничка пробригадирствовал «символические» четыре недели.

12.3 *…вы умеете играть в сику? —*

Сика (правильно — сикка, как вариант названия — сека) — азартная карточная игра, появившаяся в России в начале XIX в.; популярна в основном среди людей, занимающих низкое социальное положение. Имеется несколько вариантов игры «в сику на деньги»: «Три листа», «Два листа», «Подкаретница», «Едно», «Деревня», а также их разновидности, правила в которых зависят в большинстве случаев от играющих. Приведу один из простейших вариантов.

Перед сдачей карт игроки, количество которых не ограничивается, договариваются о том, скольким очкам соответствует каждая карта: обычно тузы оцениваются в 11 очков, короли, дамы и валеты — в 10, остальные карты — в соответствии с обозначенным на них числом; шестерки изымаются, кроме трефовой — она выполняет роль «шахи», разновидности джокера (как вариант — изымаются все шестерки, и в колоду вкладывается настоящий джокер, который по воле игрока может превращаться в любую карту). Оговаривается и количество очков, назначающееся за комбинации из двух карт: так, если на руках у игрока одновременно оказывается «картинка» (король, дама или валет) в сочетании с одномаст-

ной более мелкой картой, то «картинка» (король, дама или валет) оценивается в 18 очков; если у игрока одновременно имеются разномастные дама и валет, то их сочетание оценивается в 5 очков, и т. д. (существуют самые разнообразные варианты подобных расчетов). Начисление очков производится только за сочетание двух или трех карт одной масти или одного достоинства.

Затем игрокам раздается по три карты. Задача — «заработать» как можно больше очков (максимум — 33). Игроки оценивают сложившиеся в результате раздачи карточные комбинации и, исходя из собственных интересов, могут заменить по одной (не более) карте из колоды. Каждый игрок подсчитывает имеющееся у него количество очков и держит это число в секрете. После этого все манипуляции с картами прекращаются и начинаются торги через банк, которые должны привести к решению главной задачи игры — выиграть максимально возможное количество денег из банка. Как правило, в банк изначально вносится по 1 рублю (начальная ставка зависит от финансовых возможностей играющих), а затем во время торгов сумма постоянно растет за счет взносов игроков, называющих свои ставки на основании набранных очков (часто игроки бле-

фуют). При достижении максимальной суммы, то есть по окончании торгов, карты вскрываются, и по их количеству определяется победитель.

Приведу и некоторые игровые термины сики: «вскрыться», или «сика», — раскрыть свои карты на определенной ставке, заставить тем самым других игроков раскрыть свои карты и произвести окончательные денежные расчеты; «пройти» — после раздачи карт, благодаря имеющемуся на руках раскладу, продолжить игру и внести первый взнос в банк; «врыть» — получив при раздаче слабые карты, прекратить игру, не раскрывая карт; «удвоить» — имея на руках удачную комбинацию или блефуя, увеличить первоначальную ставку вдвое, остальные игроки автоматически подчиняются и также вносят в банк названную сумму; «посмотреться» — договориться с одним из игроков раскрыть друг перед другом свои карты, при этом тот игрок, у которого окажется меньше очков, автоматически выбывает из игры; «свара» — обнаружение при «сике» максимального количества набранных в данной партии очков сразу у двух или нескольких игроков, в этой ситуации банк, как правило, делится поровну между этими игроками.

12.4 С. 24. *Вермут* —

крепкое (16–18°) вино, настаиваемое на ароматных травах; с вермутом был хорошо знаком, в частности, Пастернак: «Я жизнь, как Лермонтова дрожь, / Как губы в вермут, окунал…» («Про эти стихи», 1917). Вермут советского (обычно московского или молдавского) или венгерского производства был в конце 1960-х гг. достаточно дешевым (до 2 рублей 50 копеек за бутылку) и потому широко доступен; классические итальянские вермуты Cinzano и Martini в СССР в массовую продажу не поступали.

12.5 *Одеколон «Свежесть».* —

Неточность: «Свежесть» не одеколон, а лосьон. Употребление одеколонов, лосьонов и прочих косметических и парфюмерных растворов, содержащих спирт, для советских алкоголиков — явление нормальное, поскольку в бывшем СССР вплоть до 1991 г. цены на эти изделия были значительно ниже цен на водку и другие алкогольные напитки. Впрочем, и после 1991 г. лосьон «Свежесть» пользуется большой популярностью среди алкоголиков:

«Пить можно все, ей-ей! Фармацевты не дадут соврать. Например, салициловый спирт, предназначенный для удаления юношеских прыщей, можно смело принимать внутрь. Но для начала

ознакомьтесь с рецептом. Разбавьте спирт водой (50 на 50) и поставьте в холодильник. Кислота осядет на дно, а разбавленный спирт… Прихлебывайте. Но не забывайте о правилах техники безопасности! Ассортимент „напитков“ в аптеке не менее разнообразен, чем в коммерческом киоске. Можно принимать борный спирт (капли в уши), формидрон — жидкость от грибка и потливости ног (после смерти ваш труп сохранится надолго — в ней содержится формалин), клей БФ-6 и так далее. Есть среди клиентов аптеки и гурманы — те предпочитают элеутерококк, настойку боярышника или женьшеня (она, кстати, повышает потенцию). <…> тренируйте желудки! Но особый кайф дает лосьон для лица „Свежесть“!» (*Смирнов С.* Истинно российская свежесть // Россия. 1993. № 15. С. 13).

У другого писателя пьют другой лосьон: «Что я могу ему сказать? Что можно сказать охраннику, который лосьон „Гигиена“ употребляет внутрь?» (С. Довлатов. «Чемодан»).

12.6 С. 24. *…кто с претензией — пил коньяк в международном аэропорту Шереметьево. —*

С претензией *(иронич., разг.)* — якобы с тонким и требовательным вкусом. Коньяк — советский (обычно армянский, грузинский или молдав-

ский) вариант традиционного крепкого (40–55°) французского напитка. Коньяк, в отличие от демократичной водки, считается напитком интеллектуалов и интеллигентов (тем более если он потребляется в максимально приближенной к «заграничной» обстановке). Например, у Евтушенко коньяк пьют не кто-нибудь, а дикторы телевидения, то есть люди элитной профессии; сравниваются они, впрочем, с землекопами типа Веничкиных подчиненных:

Нервные, деловитые,
накрывши стол кое-как,
две дикторши телевидения
сидели и пили коньяк.
Коньяк был плохой, тираспольский —
хуже куда уж быть!
Но пили они, будьте ласковы, —
геологам так бы пить.

(«Две дикторши», 1957–1969)

Шереметьево — международный аэропорт Москвы, расположен в 35 км к северо-западу от центра Москвы. В 1965 г. был введен в эксплуатацию терминал «Шереметьево-1», о котором и говорит Веничка. Не следует путать его с терми-

налом «Шереметьево-2», построенным спустя 10 лет после написания «Москвы — Петушков», в 1979 г., к XXII летним Олимпийским играм.

12.7 *…вставали и вчерашний кабель вытаскивали из-под земли и выбрасывали, потому что он уже весь мокрый был…* —

Описание Веничкой производственного процесса «прокладки/укладки» в контексте классики социалистического реализма звучит весьма «полемично», так как герои Николая Островского (также в тяжелых погодных условиях) занимаются прокладкой (железной дороги):

«Из Боярки получаем короткие сводки. Каждый день сотни сажен прокладки. Шпалы кладут прямо на мерзлую землю, в прорубленные для них гнезда. Там всего двести сорок человек. Половина второй смены разбежалась. Условия действительно тяжелые. Как-то они там будут работать на морозе? <…> В километре от станции кончалась вполне готовая узкоколейка. <…> Здесь работала первая строительная группа Панкратова. Сорок человек прокладывали шпалы. Рыжебородый крестьянин в новеньких лаптях не спеша стаскивал с розвальней поленья и бросал их на полотно дороги. Несколько таких же саней разгружались поодаль. Две длинные железные

штанги лежали на земле. Это была форма рельсов, под них равняли шпалы. <…> Кропотливое и медленное это дело — прокладка шпал. Прочно и устойчиво должны лежать в земле шпалы и так, чтобы рельс опирался одинаково на каждую из них. Технику прокладки знал только один старик <…> Лагутин. Он добровольно работал четвертую смену, переносил с молодежью все невзгоды и заслужил в отряде всеобщее уважение» («Как закалялась сталь», ч. 2, гл. 2).

В контексте приведенной цитаты «старая шпала» Блиндяев обретает в официальном мире своего антипода — старика Лагутина.

12.8 *Лёха* —

фамильярная форма полного имени Алексей, обычно обращение к нестарому мужчине. К «старой шпале» Алексею Блиндяеву это обращение не относится. Просто в Веничкиной бригаде был его тезка помоложе.

12.9 *Стасик* —

уменьшительно-ласкательная форма от полного имени Станислав.

12.10 С. 25. *А потом — каждый за свой досуг, потому что у каждого свои идеалы.* —

Антисоветское по своей сути утверждение, так

как идеалы у советских людей должны были быть одинаковыми; на торжественном заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященном 50-й годовщине Октябрьской революции (3 ноября 1967 г.), об этих идеалах говорилось:

«Победа Октябрьской революции открыла путь для претворения в жизнь идеалов коммунизма. <…> Величественное здание социализма, воздвигнутое в нашей стране, — это достойная награда за усилия и подвиги советских людей, за полвека беззаветного труда и героических боев за победу идеалов, во имя которых была совершена Великая Октябрьская социалистическая революция» (История КПСС. М., 1973. С. 655, 657).

12.11 *…рассмеялись бы, как боги…* —

Смех богов, громогласный и впечатляющий, обычно связывают с древнегреческой мифологией и Гомером: «Смех несказанный воздвигли блаженные жители неба» («Илиада», I, 599; ср. также: «Одиссея», VIII, 326; XX, 346). Левин усматривает здесь возможный намек на название рассказа Джека Лондона «Когда боги смеются» (*Левин Ю.* Комментарий к поэме «Москва — Петушки»… С. 41).

12.12 *…мы им туда раз в месяц посылали соцобязательства… по случаю предстоящего столетия… —*

Принятие трудовыми коллективами социалистических обязательств по случаю торжественных дат и официальных юбилеев было обязательной формальной нормой советской жизни. В поэме речь идет о подготовке к празднованию столетнего юбилея со дня рождения Ленина (1970). Соцобязательства, принимавшиеся в конце 1960-х гг. по этому случаю, имели гигантские масштабы. В одном из ведущих советских толстых журналов читаем о рабочем коллективе Московского завода им. Владимира Ильича:

«В первый трудовой день Ленинского юбилейного года новаторы завода обратились ко всем ильичевцам с призывом: выполнить план четырех месяцев 1970 года к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина — 22 апреля 1970 года. Передовики производства призвали превратить нынешний, юбилейный год в год высокой производительности труда и отличного качества, с тем чтобы каждый ильичевец начиная с юбилейного года стал активным участником соревнования за выпуск лучших в мире электрических ма-

шин с маркой „ЗВИ“ и сделал все, чтобы в новой пятилетке основная продукция родного завода была украшена гербом технического прогресса — Государственным знаком качества. <…> Чем же ознаменовали ильичевцы столетие со дня рождения любимого Ильича? Обязательств, планов, мероприятий так много, что всего, пожалуй, и не перечислить. <…> они таковы: завершить пятилетний план по выпуску товарной продукции к 7 ноября 1970 года; дать сверх заданий пятилетнего плана продукции не менее чем на семь миллионов рублей <…> А как, могут у нас спросить, с производительностью труда? Ведь Владимир Ильич, как известно, говорил, что она есть, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя. На это ильичевцы могут с гордостью ответить, что именно они стали инициаторами нового почина — завершить пятилетний план по росту производительности труда к 22 апреля 1970 года! Вот таковы основные обязательства ильичевцев на Ленинскую пятилетку, и надо сказать, что обязательства эти серьезны, требуют работы самоотверженной и напряженной» (Знамя. 1970. № 3. С. 186, 195).

Особое внимание уделялось уровню образова-

ния рабочих: «Кто работает сегодня на заводе? 1200 работников имеют высшее образование, 1900 — среднее техническое, 7700 человек — среднее. В различных учебных заведениях и больше всего в институтах и техникумах учится около 5 тысяч человек, это преимущественно рабочие» (Советский Союз. 1970. № 4. С. 8).

Современник Ерофеева вспоминает о рубеже 1960–1970-х гг.:

«1967 год, год IV съезда писателей СССР, казался годом полного торжества красносотенцев. Дышать стало невозможно. Всему вокруг исполнялось 50 лет. 67-й год завершился долгим фейерверком в честь полувекового юбилея Октябрьской Социалистической революции. Издавалась лишь литература, признанная издателями лучезарной… 68-й год начался новым юбилеем, юбилеем Советской армии, совершившей вскоре свой марш на Прагу. <…> 69-й год принес юбилей еще более громкий: пятидесятилетие ВЧК — ОГПУ — НКВД — МГБ — КГБ. <…> 70-й год пришел венцом юбилеев. Коронным юбилеем, к которому готовились, как готовятся матросы к адмиральской проверке. Столетие со дня рождения Ленина. Величальные штампы, механически перенесенные со Сталина на Лени-

на, неумолчный радиокрик, вызвали оскомину даже у верных ленинцев. Появились анекдоты про Ленина. Они налетели, как мошкара. Их рассказывали и в вузах, и на заводах. Такого не было никогда. Авторитет основателя советского государства заколебался. Весь 71-й год продолжали чествовать Ленина и еще уж не помню кого или что. 72-й год подкрался, на мягких лапах, пятидесятилетием образования СССР» (*Свирский Г.* На лобном месте… С. 413–414).

12.13 С. 25. *…они нам жалованье два раза в месяц. —*

По советской системе выплата ежемесячного жалованья, то есть зарплаты, разделялась на две части: аванс, 25–35 % месячного оклада, выплачивался в последней декаде предшествующего расчету месяца, зарплата (она же получка) — основная часть оклада — выплачивалась в первую декаду расчетного месяца.

12.14 *…добьемся того, чтобы каждый шестой обучался заочно в высшем учебном заведении. —*

В связи со всеми юбилеями, в том числе и 100-летием Ленина, производственные коллективы всех советских предприятий и организаций брали на себя обязательства по повышению

своего образовательного ценза. В частности, в конце 1969 г. главная партийная газета СССР опубликовала интервью с начальником сектора социалистического соревнования отдела труда и заработной платы московского ЗИЛа Бондаренко, который, в частности, заявлял: «Мы наметили к столетию со дня рождения В. И. Ленина повысить квалификацию 8000 рабочих и 1800 инженеров, техников и служащих <…> Мы намеревались довести число автозаводцев, занимающихся в вечерних школах и школах мастеров, техникумах, вузах, до семи тысяч. И эта цифра перекрыта почти на тысячу человек» (Правда. 1969. 17 октября).

12.15 *А уж какой там травматизм и заведения, если мы за сикой белого света не видим…* —

Сходная ситуация описывается у Зощенко (об отдыхающих в доме отдыха):

«Сели они на лужку и в картишки играются.

— В козла, что ли? — спрашиваю.

— Так точно, — говорят, — в козла. Но, — говорят, — можно и в очко перейти. На интерес. Присаживайтесь, уважаемый товарищ! Мы с утра дуемся…

Присел, конечно.

Сыграли до ужина. Там маленько после ужина.

Там утречком пораньше. А там и пошло у нас каждый день. Глядишь — и дней не видно. Не только, скажем, скука, рожу помыть или кофейку выпить некогда. Две недельки прошли, как сладкий сон» («Чудный отдых», 1926).

12.16 *О, свобода и равенство! О, братство и иждивенчество! —*

Ироническая компиляция идеологических штампов, в которой определение сути существования партийной и бюрократической советской номенклатуры, а также огромного числа граждан, занимавшихся в СССР производственной деятельностью номинально, подобно Вениной бригаде, то есть иждивенчество включается в контекст знаменитого лозунга Великой французской революции «Свобода, равенство, братство». Лозунг впервые был обнародован в постановлении парижского клуба кордельеров 30 июня 1793 г., позже закреплен французской конституцией 1848 г. В советской действительности этот лозунг функционировал как определяющий последствия построения коммунизма, к которому КПСС вплотную подвела советский народ в 1961 г., когда на XXII съезде приняла очередную программу, включавшую в себя, помимо прочего, и следующие гарантии: «Коммунизм <…> утвер-

ждает на земле Мир, Труд, Свободу, Равенство, Братство и Счастье всех народов».

Свобода, Равенство и Братство как идеалы человеческого существования неоднократно воспевались поэтами, причем и до коммунистов. Некрасов в свое время определял их как «жизни вольные впечатления» и «человеческие стремления»:

С ними ты рожден природою —
Возлелей их, сохрани!
Братством, Равенством, Свободою
Называются они!

Возлюби их! на служение
Им отдайся до конца!
Нет прекрасней назначения,
Лучезарней нет венца.

(«Песня Еремушке», 1859)

12.17 С. 25. *О, сладость неподотчетности! —*

Ср. с положением Нового Завета: «Итак, каждый из нас за себя даст отчет Богу» (Рим. 14: 12). Неподотчетен же, по Библии, только Господь: «Для чего тебе состязаться с Ним? Он не дает отчета ни в каких делах Своих» (Иов. 33: 13).

12.18 *Я расширял им кругозор по мере сил, и им очень нравилось, когда я им его расширял… —*

Набор тем и имен, включавшихся в программу по «расширению кругозора» неинтеллигентов, был на рубеже 1960–1970-х гг. для советских людей приблизительно одинаков и стабилен. Так, например, в советском лагере для заключенных:

«…Восьмилетнее образование было обязательно для всех моложе пятидесяти, десятилетнее — для желающих, занятия проходили после работы, по ускоренной программе и без изучения иностранных языков — считалось, что, изучив язык, озлобленный на родную власть зэк сразу же бежит за границу. <…> Политзанятия — неизбежный элемент советской жизни — проводились сначала раз в неделю, а с середины 1972 года ежедневно, кроме воскресений. Минут тридцать, а то и час офицер или учитель бубнили по бумажке переписанные из „Правды“ фразы, отнимая у зэков остатки свободного времени. Занятия проводились в жилых секциях, летом всех уклоняющихся загоняли в бараки, зимой просто некуда было деться. Бубнеж лектора никто не слушал, что понимали сами пропагандисты, говоря, однако: если каждый раз пусть хоть одна тысячная попадет вам в голову, что-то у вас там

наберется. И хотя зэки, как все „советские люди“, посмеивались над лекциями, воскресниками, лозунгами — но привыкли считать их необходимыми, как иконы в церкви, сама повторяемость ритуала создает ощущение, что так надо. Раза два при мне приезжали лекторы из Москвы — срочно нужно было разъяснить преимущества разрядки [политической напряженности в мире], тогда лекции устраивались в столовой и многие хотели послушать. Один раз нам сделали доклад о латиноамериканских революционерах.

Мне в голову приходило, что для большинства зэков — далеко не все знали, где Латинская Америка, — была бы полезнее лекция, как пользоваться уборной. <…> Некоторые зэки пытались заниматься самообразованием: языками, философией; как правило, из-за нехватки времени, слабой подготовки и трудных условий ничего из этого не выходило, занятия по философии носили скорее комический оттенок как заманчивый путь для малообразованного человека сразу достичь вершин знаний. Был даже в зоне зэк по прозвищу Философ, который три раза в неделю подходил ко мне, предлагая ответить, что такое анархизм, жил ли действительно Иисус Христос, чем парадигма отличается от синтагмы.

Он мне также жаловался на необстоятельность Максима Горького — читает уже четвертый том „Жизни Клима Самгина“, а все еще не ясно, много ли Самгин зарабатывает» (*Амальрик А.* Записки диссидента. С. 204, 205).

Классическим примером «расширения кругозора» не особенно в этом нуждающихся является песня Высоцкого «Лекция о международном положении, прочитанная человеком, посаженным на 15 суток за мелкое хулиганство, своим сокамерникам» (1978).

12.19 *…особенно во всем, что касается Израиля и арабов… от Голанских высот… —*

Речь идет о затяжном военно-политическом межнациональном конфликте между Израилем и арабскими государствами Ближнего Востока, в частности о проблеме Голанских высот (the Golan Heights) — части территории Сирии, оккупированной Израилем в период так называемой Шестидневной войны 5–10 июня 1967 г., которую Израиль вел против Объединенной Арабской Республики (Египет), Сирии и Иордании. У Аксенова читаем: «В метро. Гул. Шлепанье подошв. Брехня. Смех. Лай. Смехолай. Голос книготорговца: новое о происках мирового сионизма! Естественно, первый покупатель — еврей. Советский еврей.

Умный усталый хитрющий трудящийся еврей. Умный усталый хитрющий патриотически настроенный трудящийся еврей-специалист по космосу, по скрипке, по экономике, секретнейший по шахматам тренер коренного населения» («Ожог», 1975).

А это уже из бардов — из Галича:

Израильская военщина
Известна всему свету!
Как мать, говорю, как женщина,
Требую их к ответу!

(«Рассказ о том, как Клим Петрович Коломийцев выступал на митинге в защиту мира», 1968)

Из Высоцкого:

Арабы нынче – ну и ну! —
Европу поприжали, —
Мы в Шестидневную войну
Их очень поддержали.

(«Случай на таможне», 1975)

12.20 С. 25. *Абба Эбан —*
(Eban; 1915–2002) — известный израильский дипломат и политический деятель, руководи-

тель первой делегации Израиля в ООН в 1949 г.; в течение 1966–1974 гг. занимал пост министра иностранных дел Израиля. Примечательно, что на иврите его фамилия произносится как Эвен, — традиционный русскоязычный вариант, используемый Веничкой, искажает подлинную фамилию политика до неузнаваемости, но зато дает возможность использовать ее для каламбура; см. 12.22.

12.21 *Моше Даян —*

(Dayan; 1915–1981) — крупный израильский военный и политический деятель, главнокомандующий израильской армией во время войны в зоне Суэцкого канала в 1959 г.; во второй половине 1960-х — начале 1970-х гг., в том числе в период Шестидневной войны, — министр обороны Израиля; позже — министр иностранных дел (1977–1979); пожалуй, самая одиозная фигура на политическом небосклоне Израиля:

«Этот одноглазый генерал стоит 400 самолетов <…> — сказал один американский конгрессмен, который таким образом <…> высказал свое восхищение израильским военным министром Моше Даяном после нападения Израиля на ОАР, Сирию и Иорданию в июне 1967 года. <…> А вот как отзывается о Даяне его бывший наставник

— ныне покойный израильский генерал Ицхак Садех <…>:

— Даян — самый опасный человек в Израиле. За ним нужно постоянно присматривать. У него нет совести, никаких сдерживающих центров, никакой морали. Он способен на все…

По мнению военных специалистов, во время израильской агрессии против Египта в 1956 году Даян допустил много стратегических и тактических просчетов. <…> во время агрессии Израиля против ОАР, Иордании и Сирии в июне 1967 года <…> Даян как стратег или тактик ничем особенным себя не проявил. Но зато по части карательных операций против арабов он, конечно, общепризнанный мастер среди тель-авивских политиков!» (Новое время. 1970. № 1. С. 31).

Помимо откровенно антиарабской и потому антисоветской позиции, Моше Даян навлекал на себя гнев Москвы еще и благодаря своему российскому происхождению: он был сыном палестинцев Шмуэля и Деборы Китайгородских — переселенцев с Украины, покинувших метрополию в 1913 г.

В связи с тем, что СССР был глубоко вовлечен в арабо-израильский конфликт, эта тема не сходила с газетных и журнальных полос: «Израильская

военщина, поощряемая империалистическими кругами США, предприняла новые агрессивные действия против соседних арабских стран» (Новое время. 1970. № 11. С. 2); «Совсем недавно министр иностранных дел Эбан уверял корреспондента парижской „Монд“: — Израиль является единственным государством, которое утвердительно ответило на эту резолюцию [ООН об арабо-израильском конфликте] в целом. <…> Теперь генерал Даян перечеркивает всю эту демагогию» (Новое время. 1968. № 26. С. 4) и т. д.

Не обходили Моше Даяна стороной и поэты, например Высоцкий:

Я сперва-то был не пьян,
Возразил два раза я —
Говорю: «Моше Даян —
Сука одноглазая, —
Агрессивный, бестия,
Чистый фараон».

(«Мишка Шифман», 1972)

Моше Даян без глаза был и ранее —
Другой бы выбить, ночью подловив.

(«Лекция о международном положении, про-

читанная человеком, посаженным на 15 суток за мелкое хулиганство, своим сокамерникам», 1978)

12.22 С. 25. *Нинка из 13-й комнаты даян эбан?.. Конечно, даян! —*

Нинка — просторечная форма имени Нина. 13-я комната — комната № 13 в рабочем общежитии. В целом же, здесь происходит квазиэффемистическая подмена прямого называния действия (Нинка дает ебаться? — Конечно дает!) — типичный для неофициальной социолингвистической культуры прием помещения имен политических деятелей, вызывающих у носителей русского языка «низкие» языковые ассоциации, в анекдотический контекст: «Среди героев анекдотов 60-х есть Кеннеди, Мао, Тито, Гомулка, Дубчек, Моше Даян, Насер, даже Неру („Джавахарлал Неру? Не Неру, а Нюру“)» (*Вайль П., Генис А.* 60-е: Мир советского человека. Анн-Арбор, 1988. С. 254).

12.23 *…когда они узнали, отчего умер Пушкин… —*

Имеется в виду известная история дуэли и смерти Пушкина (январь 1837 г.). Поводом для удивления Веничкиных коллег может быть тот факт, что национальный гений скончался от

«прозаического» ранения в брюшину (по Бахтину, в «телесный низ»). См. также 22.18.

12.24 С. 25–26. *…«Соловьиный сад», поэму Александра Блока. Там в центре поэмы, если, конечно, отбросить в сторону все эти благоуханные плеча, и неозаренные туманы, и розовые башни в дымных ризах, там в центре поэмы лирический персонаж, уволенный с работы за пьянку, блядки и прогулы. —*

Александр Блок (1880–1921) — русский поэт. «Цитаты», приведенные Веничкой, в поэме «Соловьиный сад» отсутствуют, хотя и выводятся из ее поэтики: с «благоуханными плечами» в тексте поэмы соотносимо «И во мгле благовонной и знойной / Обвиваясь горячей рукой»; с «неозаренными туманами» — «в закатном тумане», «под утренним сумраком чарым». Но тем не менее все словосочетания действительно принадлежат перу Блока.

«Благоуханные плеча» (именно в данной, устаревшей грамматической форме множественного числа) могли быть взяты из «Песни ада» (1909): «И пил я кровь из плеч благоуханных» (форма «плеча» вместо «плечи» встречается также в «Кармен» Блока: «И молитва моя горяча, / И целую тебя я в плеча» (1914)); или же отсюда:

И этот вычурный актер
Послал тебе привет нежданный
И бросил дерзкий, жадный взор
К твоим плечам благоуханным.

(«Тяжелый занавес упал», 1899)

«Неозаренные туманы» — не из поэмы, но также из другого стихотворения Блока:

То бесконечность пронесла
Над падшим духом ураганы.
То Вечно-Юная прошла
В неозаренные туманы.

(«То отголосок юных дней», 1900)

«Розовые башни в дымных ризах» в тексте «Соловьиного сада» не присутствуют, но, очевидно, вызваны к жизни следующими пассажами из неоконченной поэмы Блока:

Я видел огненные знаки
Чудес, рожденных на заре.
Я вышел – пламенные маки
Сложить на горном алтаре.
Со мною утро в дымных ризах

Кадило в голубую твердь,
И на уступах, на карнизах
Бездымно испарялась смерть.
Дремали розовые башни,
Курились росы в вышине.

(«Я видел огненные знаки…», 1904; курсив мой. — Э. В.)

Поэма Блока «Соловьиный сад» (1915), хотя и пересказывается Веничкой весьма вольно, содержит ряд важнейших параллелей с образом жизни его бригады, чем и объясняется ее парадоксально глубокое воздействие на персонажей. Герой поэмы, каменотес, занят, как и Веничкина бригада, тяжелым физическим — монотонным, однообразным и, очевидно, не слишком полезным — трудом:

Я ломаю слоистые скалы
В час отлива на илистом дне,
И таскает осел мой усталый
Их куски на мохнатой спине.

Донесем до железной дороги,
Сложим в кучу, – и к морю опять…

При этом герой — такой же люмпен, как и

Блиндяев с Тотошкиным:

И чего в этой хижине тесной
Я, бедняк обездоленный, жду…

Жизнь центрального персонажа резко меняется с обнаружением под боком Соловьиного сада — символа иной, светлой жизни, да еще с красивой хозяйкой; его эквивалентами в «Москве — Петушках» являются международный аэропорт Шереметьево и «13-я комната». Под расслабляющим влиянием Соловьиного сада герой бросает работу:

Отдыхает осел утомленный,
Брошен лом на песке под скалой,
А хозяин блуждает влюбленный
За ночною, за знойною мглой.
<…>
А уж прошлое кажется странным,
И руке не вернуться к труду… —

и отправляется в сад, на любовное свидание с хозяйкой сада, то есть «на блядки», да еще и приправленные алкоголем («пьянка»), описанные в сходном с Веничкиным ключе:

Правду сердце мое говорило,

И ограда была не страшна.
Не стучал я – сама отворила
Неприступные двери она.

Вдоль прохладной дороги, меж лилий
Однозвучно запели ручьи,
Сладкой песнью меня оглушили,
Взяли душу мою соловьи.

Чуждый край незнакомого счастья
Мне открыли объятия те,
И звенели, спадая, запястья
Громче, чем в моей нищей мечте.

Опьяненный вином золотистым,
Золотым опаленный огнем,
Я забыл о пути каменистом,
О товарище бедном своем.

Однако с утра герой опять вынужден приступить к знакомой рутине:

Спотыкаюсь о брошенный лом,
Тяжкий, ржавый, под черной скалою
Затянувшийся мокрым песком…

Размахнувшись движеньем знакомым

(Или все еще это во сне?),
Я ударил заржавленным ломом
По слоистому камню на дне…

Таким образом, Веничка предельно точен по сути: в поэме есть и «пьянка, блядки и прогулы», и конфликт высокого и прекрасного с низким и прозаичным.

Текст «Соловьиного сада» оказывал огромное впечатление не только на Веничкиных коллег по работе. В опубликованных в конце 1960-х гг. мемуарах читаем:

«Чтение „Соловьиного сада“ происходило почему-то днем — я хорошо помню, что свет падал из окна и за окном было солнце. Мне было пятнадцать лет, я знал большинство стихотворений Блока наизусть и боготворил его. Ни одно явление искусства никогда не производило на меня такого впечатления, как в те времена стихи Блока; я все человечество делил на два разряда — на людей, знающих и любящих Блока, и на всех остальных. Эти остальные казались мне низшим разрядом. Я уселся в первом ряду <…> Блок сидел прямо передо мной за маленьким столиком. Читал он негромко, без очень распространенного тогда завывания, с простыми и трогательными

интонациями:

Как под утренним сумраком чарым
Лик прозрачный от страсти красив…

Чтение длилось недолго. Когда он кончил, я, потрясенный, первым выскочил в фойе. Я так взволновался, что мне захотелось побыть одному» (К. Чуковский. «Что я помню о Блоке»).

Литературоведческий экзерсис Венички восходит, безусловно, к Зощенко, у которого в «Голубой книге» рассказчик применяет к поэзии Гумилева сходный, принижающий подход:

«У другого русского поэта мы тоже находим не менее сильные строчки. У этого поэта, надо сказать, однажды сгорел дом, в котором он родился и где он провел лучшие дни своего детства. И вот любопытно посмотреть, на чем этот поэт утешился после пожара. Он так об этом рассказывает. Он описывает это в стихотворении. Вот как он пишет:

Казалось, все радости детства
Сгорели в погибшем дому,
И мне умереть захотелось,
И я наклонился к воде,
Но женщина в лодке скользнула

Вторым отраженьем луны,
И если она пожелает,
И если позволит луна,
Я дом себе новый построю
В неведомом сердце ее.
И так далее, что-то в этом роде.

[Автор цитирует гумилевский перевод стихотворения Ду-Фу «Дом», 1918.]

То есть, другими словами, делая вольный перевод с гордой поэзии на демократическую прозу, можно отчасти понять, что поэт, обезумев от горя, хотел было кинуться в воду, но в этот самый критический момент он вдруг увидел катающуюся в лодке хорошенькую женщину. И вот он неожиданно влюбился в нее с первого взгляда, и эта любовь заслонила, так сказать, все его неимоверные страдания и даже временно отвлекла его от забот по приисканию себе новой квартиры. Тем более что поэт, судя по стихотворению, по-видимому, попросту хочет как будто бы переехать к этой даме. Или он хочет какую-то пристройку сделать в ее доме, если она, как он туманно говорит, пожелает и если позволит луна и домоуправление.

Ну, насчет луны — поэт приплел ее, чтоб уси-

лить, что ли, поэтическое впечатление. Луна-то, можно сказать, мало при чем. А что касается домоуправления, то оно, конечно, может не позволить, даже если сама дама в лодке и пожелает этого, поскольку эти влюбленные не зарегистрированы и вообще, может быть, тут какая-нибудь недопустимая комбинация» («Голубая книга», отд. «Любовь», п. 6–7).

В другом месте у того же Зощенко есть апелляция непосредственно к Блоку:

«А дрова, во всяком случае, дело драгоценное и святое. Как сказал поэт Блок:

И не раз и не два
Вспоминаю святые слова —
Дрова…

И еще что-то такое он сказал, в высшей степени ценное, про дрова» («Голубая книга», отд. «Рассказы о коварстве», «Поимка вора оригинальным способом»).

С иной патетикой та же филологическая методика применяется Пастернаком: «О! весь Шекспир, быть может, только в том, / Что запросто болтает с тенью Гамлет» («Брюсову», 1923).

12.25 С. 26. *Очень своевременная книга… вы*

прочтете ее с большой пользой для себя. —

Веничка цитирует Ленина, а именно его оценку романа Горького «Мать», данную в устной форме самому писателю во время работы V съезда партии большевиков в Лондоне в 1907 г. Воспоминания Горького об этом событии стали классическими:

«Этот лысый, картавый, плотный, крепкий человек, потирая одною рукой сократовский лоб, дергая другою мою руку, ласково поблескивая удивительно живыми глазами, тотчас же заговорил о недостатках книги „Мать“, оказалось, он прочитал ее в рукописи <…> Я сказал, что торопился написать книгу, но — не успел объяснить, почему торопился, — Ленин <…> сам объяснил это: очень хорошо, что я поспешил, книга — нужная, много рабочих участвовало в революционном движении несознательно, стихийно, и теперь они прочитают „Мать“ с большой пользой для себя. „Очень своевременная книга“. Это был единственный, но крайне ценный для меня комплимент» («В. И. Ленин», 1924).

Благодаря бесхитростности и прямоте, оценка Лениным романа Горького навсегда оставалась в памяти советских людей, прошедших курс советской литературы в средней школе (школьная

программа в 1969 г. обязывала изучать «Мать» в 10-м классе).

12.26 С. 26. *О, птицы небесные, не собирающие в житницы! —*

Евангельский образ из Нагорной проповеди Христа: «Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их?» (Мф. 6: 26). Образ «птиц небесных» активно эксплуатировался литераторами, например Тургеневым: «Перед отъездом Михалевич <…> несколько раз сравнил себя с птицей небесной, с лилией долины… — С черной лилией, во всяком случае, — заметил Лаврецкий» («Дворянское гнездо», гл. 25).

12.27 *О, краше Соломона одетые полевые лилии! —*

Веничка продолжает цитировать Нагорную проповедь: «И об одежде что заботитесь? Посмотрите на полевые лилии, как они растут: ни трудятся, ни прядут. Но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них» (Мф. 6: 28–29; см. также Лк. 12: 27).

12.28 *…от станции Долгопрудная… —*

Железнодорожная станция и город Долгопруд-

ный находятся в Московской области в 18 км к северу от Москвы.

12.29 *…читал у какого-то мудреца, что Господь Бог заботится только о судьбе принцев, предоставляя о судьбе народов заботиться принцам. —*

В Ветхом Завете Иофор поучает Моисея:

«Итак послушай слов моих; я дам тебе совет, и будет Бог с тобою: будь ты для народа посредником пред Богом и представляй Богу дела его. Научай их уставам и законам Божиим, указывай им путь Его, по которому они должны идти, и дела, которые они должны делать. Ты же усмотри из всего народа способных, боящихся Бога, людей правдивых, ненавидящих корысть, и поставь их тысяченачальниками <…> Если ты сделаешь это, и Бог повелит тебе, то ты можешь устоять, и весь народ сей будет отходить в свое место с миром» (Исх. 18: 18–21, 23).

У Льва Толстого есть: «Сердце царево в руце божьей» («Война и мир», т. 3, ч. 1, гл. 1).

12.30 *…«маленький принц». —*

Веничка называет себя героем известной повести-сказки «Маленький принц» (1942) французского писателя и военного летчика Антуана

де Сент-Экзюпери.

12.31 *Диалектика сердца…* —

«Диалектика сердца» здесь сходна «диалектике души» — образному определению особенностей идейно-художественной структуры автобиографических повестей Льва Толстого «Детство. Отрочество». Определение, связанное с изображением постепенного становления положительного характера через внутреннюю борьбу противоположных, диалектических идей и чувств, введено в литературоведческий обиход Чернышевским в рецензии на эти повести (1856), а затем в школьной программе по литературе (9-й класс) стало применяться и к персонажам «Войны и мира».

Непосредственно «диалектика сердца» встречается у Бориса Вышеславцева — русского философа и богослова, чьи труды, изданные на Западе в 1930–1960 гг., нелегально ввозились в СССР. Вышеславцев утверждал: «Достоевский и Толстой — это углубленная диалектика сердца» («Вечное в русской философии», 1955).

13. Новогиреево – Реутово

13.1 С. 26. *Реутово* —

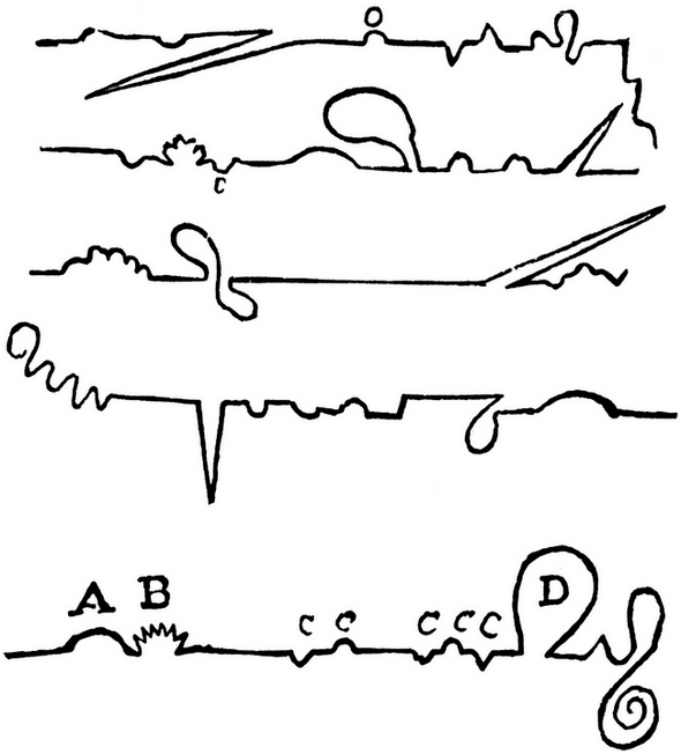
железнодорожная станция, находящаяся в Реутове. Реутов — город в Московской области, в 14 км к востоку от Москвы, с населением 53 000 человек на 1970 г. На перегоне Новогиреево — Реутово Веничкина электричка пересекает границу Москвы, и Веничка продолжает свое повествование уже в Подмосковье — здесь поэма превращается, как сказал бы Пастернак, в «горсть повестей, скопидомкой-судьбой / Занесенная в поздний прибой и отбой / Подмосковных платформ» («Город», 1916).

13.2 С. 26. *Сказать ли вам, что это были за графики?* —

Ближайшие ассоциации Вениных графиков — с графиками из Лоренса Стерна:

«Теперь я начинаю входить по-настоящему в мою работу и не сомневаюсь, что при помощи растительной пищи и воздержания от горячих блюд мне удастся продолжать историю дяди Тоби и мою собственную по сносной прямой линии. До сих пор же <…> Таковы были четыре линии,

по которым я двигался в первом, втором, третьем и четвертом томе. В пятом я держался молодцом — точная линия, по которой я следовал, была такова…» («Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена», т. 4, гл. 40).


c
A B
c c
c c c
D

13.3 С. 27. *…это линия комсомольца Виктора Тотошкина… это Алексей Блиндяев…* —

Несмотря на некоторое «неблагозвучие», фамилии членов бригады Венички реальные, а не стилизованные под имя крокодильчика Тотоши из «Мойдодыра» Корнея Чуковского и под кальку с немецкого от Blind (слепой), как предполагает Гайсер-Шнитман (*Гайсер-Шнитман С.* Венедикт Ерофеев. «Москва — Петушки», или «The Rest is Silence» // Slavica Helvetica. Bd. 30. 1989. S. 94, 95). Венедикт Ерофеев пользуется реальными биографическими данными, включая фамилии членов своей бригады, с которой он работал на кабельных работах в Лобне и Шереметьеве в 1969 г. Один из ближайших друзей писателя (он же прототип Черноусого) вспоминает о своем визите в эту бригаду в компании с Вадимом Тихоновым:

«Не успели мы выпить, как в комнату стали просачиваться работяги. <…> они осмелели и стали задирать Тихонова. <…>

— Ну, ладно, давайте и им нальем, — рассудил Веня [Ерофеев]. — Только так. В стакане 200 граммов. Я буду спрашивать у вас историческую дату, и на сколько лет вы ошибетесь, на столько граммов мы вам недольем. Ну, Тотошкин, когда была Куликовская битва? — О! А Полтавская,

Блиндяев? — О! Суки, так мы вам не нальем ни грамулечки. <…> Вы вот неделю назад в Евангелие совались. Может, кто хоть первую главу прочел. Ответите — разливаю вам целую бутылку. Есром родил Арама, Арам родил Аминадава, а Аминадав — кого родил? <…>

[Блиндяев:] — Да, ну скажи, Тихонов, как была фамилия Христа.

— Блиндяев! А если скажу, сколько ставишь, халявщик? Литр ставишь?

— Ставлю, — скупердяй Блиндяев побледнел. — Ну, как фамилия?» (*Авдиев И.* [О Вен. Ерофееве]. С. 107–108).

13.4 …*член КПСС с 1936 года…* —

То есть вступивший в ряды КПСС в начале периода массовых сталинских репрессий, что, впрочем, еще ни о чем не говорит.

13.5 С. 27. …*потрепанный старый хрен…* —

Старый хрен — грубая просторечная характеристика пожилого мужчины, построенная на метонимии. Встречается, например, у Вийона:

Никто со стариком не дружен,
Смеется над тобой народ:
Мол, старый хрен умом недужен,

Мол, сивый мерин вечно врет!

(«Большое завещание», строфа XLIV)

А вот пример использования эпитета «потрепанный» по отношению к мужчине у Зощенко: «У нас молоденькая выходит поскорей за молоденького. Более престарелая решается жить с более потрепанным экземпляром» («Голубая книга», «Рассказы о любви», «Рассказ о старом дураке»).

13.6 *ПТУС* —

Производственно-техническое управление связи. Если быть более точным в фактах, то надо заметить, что прототип Венички, писатель Венедикт Ерофеев, работал не в ПТУСе, а в СУСе: «С 1963 по 1973 г. Венедикт имел работу в СУС-5 — (Специализированное управление связи)» (*Авдиев И.* Предисловие [*Ерофеев В.* Последний дневник] // Новое литературное обозрение. 1996. № 18. С. 164).

13.7 *Гималаи* —

высочайшая горная система мира, находится, как говорят, в Азии. У Бальмонта есть: «Под Гималаями, чьи выси — в блесках рая, / Я понял яркость дум» («Огонь», 1905).

13.8 *Тироль* —

горная система в Австрии. Восхищался Тиролем, например, Языков: «Вот Зальцбург, и Тироль, и Альпов выси строги» («К. К. Павловой („Забыли вы меня! Я сам же виноват…“)», 1840), а у Саши Черного есть стихотворение «В Тироле» (1914).

13.9 *…бакинские промыслы…* —

То есть контуры нефтедобывающих вышек, расположенных в Каспийском море в районе Баку. Вышки эти вдохновляли на вирши комсомольских поэтов, например Якова Шведова:

Недаром, когда в предзакатном огне
День тлеет от вспышек заката,
То каждая вышка
Кажется мне
Как парус, зовущий куда-то.

(«На советском востоке», 1928)

Те же вышки встречаем у Маяковского: «Лучше всего — Баку. Вышки, цистерны, лучшие духи — нефть» («Я сам», 1922).

13.10*…верх кремлевской стены…* —

Обычно силуэт кремлевской стены принято определять как «зубчатый» — к примеру, у Лермонтова «Кремль зубчатый» («Сашка», строфа VII). У Асеева силуэт кремлевской стены опре-

делен как «царственные грани» («Кремлевская стена», 1916).

13.11 *…предрассветный бриз на реке Каме, тихий всплеск и бисер фонарной ряби. —*

Образный ряд из стихотворения Пастернака:

Был утренник. Сводило челюсти,
И шелест листьев был как бред.
Синее оперенья селезня
Сверкал за Камою рассвет.
<…>
Седой молвой, ползущей исстари,
Ночной былиной камыша
Под Пермь, на бризе, в быстром бисере
Фонарной ряби Кама шла.

(«На пароходе», 1916)

13.12 *…биение гордого сердца… —*

литературное клише. У Фета есть: «Тут сердца говорит мне каждое биенье / Про все» («Нет, даже не тогда, когда, стопой воздушной…», 1891); «Я слышу биение сердца / И трепет в руках и в ногах» («Я жду… Соловьиное эхо…», 1842). А в книге о Гаршине находим: «Мысль, биение сердца, слово сливались воедино, рождая всякий раз новую

жизнь» (*Порудоминский В.* Гаршин. М., 1962. С. 293).

В горьковском контексте пассажа (см. 13.13) стоит заметить, что непосредственно гордым было сердце Данко: «…один осторожный человек… наступил на гордое сердце ногой» («Старуха Изергиль», 1894). Также гордым называет сердце Горький в эссе «Человек»: «…Ложатся тяжким гнетом на сердце гордое его, и ранят сердце…» («Человек», 1898). Встречается гордое сердце и у иностранных авторов, например у Шекспира: «И сердце гордое исполнится печалью» (сонет 132) и у Байрона: «Ей сердце гордое дано» («Девушка из Кадикса», 1809).

13.13 С. 27. *…песня о буревестнике…* —

Имеется в виду знаменитая ритмическая проза Горького «Песня о буревестнике» (1901), вдохновлявшая большевиков в начале XX в. на революционную борьбу.

13.14 *…девятый вал.* —

Как следует из указания Локая (электронное письмо Э. Власову от 2 февраля 1999 г.), во время шторма на море, по мнению мореходов, наиболее высоким, мощным, опасным и губительным является именно девятый по счету вал. Здесь еще

— и реминисценция известной картины русского художника Ивана Айвазовского «Девятый вал» (1850), изображающей матросов, плывущих на обломках разбившегося во время шторма корабля. Репродукции «Девятого вала» постоянно вывешивались в советское время в общественных местах: в ресторанах, фойе кинотеатров, вокзальных залах и т. п.

Как образ активно эксплуатировался литераторами. Пушкин в «Евгении Онегине» писал: «Я девять песен написал; / На берег радостный выносит / Мою ладью девятый вал…» («Отрывки из путешествия Онегина»). А вот еще — название известного в 1950-е гг. романа Эренбурга «Девятый вал» (1954) и строки Ахматовой: «И встретить я была готова / Моей судьбы девятый вал» («По той дороге, где Донской…», 1956) и Пастернака: «Восемь громких валов / И девятый, / Как даль, величавый» («Девятьсот пятый год», «Детство», 1925–1926).

13.15 С. 28. *…тайны подсознательного, если только были эти тайны. —*

Веничка отказывает своим коллегам по прокладыванию кабеля в наличии у них подсознания — объекта пристального внимания и научного интереса Зигмунда Фрейда и его фрейдизма. При-

чем Веничка в своем негативном отношении к фрейдизму последователен (см. 20.15).

13.16 *…старая шпала… —*

То же, что и «потрепанный старый хрен» (13.5), только в терминах железной дороги, а не инструкции по разведению корнеплодов.

13.17 *…въехали на «москвиче» в расположение нашего участка. —*

«Москвич» — марка советского малолитражного автомобиля, выпускаемого на Московском автомобильном заводе имени Ленинского комсомола. В отличие от ЗИЛа, «чайки» или «Волги», самых престижных машин, использовавшихся в качестве протокольного транспорта руководителями СССР и КПСС, крупными партийными и государственными чиновниками, на «москвичах» ездили небольшие по рангу начальники. На «москвиче», например, ездит ответственный работник райкома КПСС Клягин — один из персонажей фильма «Председатель» (28.4); в одной из сцен он приезжает в поле, где идут сельскохозяйственные работы, высокомерно-покровительственно беседует с главным героем и быстро уезжает на «москвиче» (*Нагибин Ю.* Киносценарии. М., 1980. С. 259–261). В 1969 г. начальство

могло приехать в расположение Веничкиного участка на устаревшем «Москвиче-407» (выпускался с 1958 г.) или более современном на тот момент «Москвиче-408» (выпускался с 1964 г.).

Также на «москвиче» разъезжал в свое время Евтушенко, о чем были оповещены все его читатели: «„Москвич“ мой отчаянный, товарищ бывалый…» («Сирень», 1957); «Куда-то к морю в „Москвиче“ спеша…», «Россия обтекала наш „Москвич“…», «Сквозь Россию мчась на „Москвиче“…» («Братская ГЭС», «Пролог»).

13.18 *…моя звезда, вспыхнувшая на четыре недели, закатилась. —*

Ср. с началом «Стансов к Августе» Байрона в переводе Пастернака:

Когда время мое миновало
И звезда закатилась моя,
Недочетов лишь ты не искала
И ошибкам моим не судья.

13.19 С. 28. *Распятие совершилось — ровно через тридцать дней после Вознесения. —*

Реминисценция библейской истории казни и воскрешения Иисуса Христа: в Библии, разумеется, распятие предшествует вознесению.

13.20 *Один только месяц — от моего Тулона до моей Елены. —*

Веничка соотносит себя с Наполеоном: французский император Наполеон Бонапарт (1769–1821) начал свою замечательную военную и политическую карьеру с того, что, будучи простым капитаном, предложил командованию республиканской армии Франции свой оригинальный план взятия крепости Тулон, в которой оборонялись монархисты (1793), — Тулон был взят, и Наполеона произвели сразу в бригадные генералы. Закончилась политическая карьера Наполеона на острове Святой Елены в Средиземном море, куда он был сослан после того, как потерпел сокрушительное поражение от союзных войск в бельгийском местечке Ватерлоо в 1815 г.; на острове Святой Елены он прожил в английском плену последние шесть лет своей жизни и там же скончался. Кстати, в 1969 г. в СССР Сергей Бондарчук вел съемки своей грандиозной интернациональной ленты «Ватерлоо», посвященной закату военно-политической карьеры Наполеона (Правда. 1969. 3 июня).

Непосредственно «мой Тулон» восходит к толстовскому Андрею Болконскому, метившему поначалу в Наполеоны: «Но где же? Как же вы-

разится мой Тулон?» («Война и мир», т. 1, ч. 2, гл. 17).

Личность Наполеона стала одним из главных объектов интереса деятелей искусства, в том числе русских писателей; у Пушкина, к примеру, есть: «Мы все глядим в Наполеоны» («Евгений Онегин», гл. 2, строфа XIV). Тема «наполеонизма» — одна из центральных в «Войне и мире» Льва Толстого; она же определяет идеологический строй «Преступления и наказания» Достоевского:

«[Раскольников:] Позвольте вам заметить <…> что Магометом иль Наполеоном я себя не считаю… [Порфирий Петрович:] — Ну, полноте, кто ж у нас на Руси себя Наполеоном теперь не считает?» (ч. 3, гл. 5).

А далее Раскольников все-таки сравнивает себя с Наполеоном (как и Веничка):

«Я задал себе один раз такой вопрос: что если бы, например, на моем месте случился Наполеон и не было бы у него, чтобы карьеру начать, ни Тулона, ни Египта, ни перехода через Монблан <…> так ведь уж ясно чувствовал, что я не Наполеон» (ч. 5, гл. 4).

Позже философию Раскольникова разъясняет Свидригайлов:

«Наполеон его ужасно увлек, то есть, собственно, увлекло его то, что очень многие гениальные люди на единичное зло не смотрели, а шагали через, не задумываясь. Он, кажется, вообразил себе, что и он гениальный человек <…> Он очень страдал и теперь страдает» (ч. 6, гл. 5).

Ситуация, в которой литературный герой сравнивает себя с Наполеоном и ведет при этом математические расчеты, встречается у Тургенева в рассказе «Стук… стук… стук!..» (1871): у покончившего с собой артиллериста Теглева находят листок из «альбомчика», испещренный математическими расчетами и сравнительными таблицами биографических данных Наполеона и Теглева, — расчеты, по мнению Теглева, доказывали, что он и Наполеон — удивительно близкие по характеру и судьбе люди.

13.21 *…они меня разжаловали…* —

Ситуация «наказание за откровенную нерадивость и возмутительную халатность в работе» характерна для классики социалистического реализма. Напомню, как это делается у Николая Островского:

«В комсомольском коллективе однообразное спокойствие было резко нарушено незначительным, как сначала показалось, происшествием:

член бюро ячейки среднего ремонта Костька Фидин <…> сверля железную плиту, сломал дорогое американское сверло. Сломал по причине своей возмутительной халатности. Даже хуже — почти нарочно. <…> Старший мастер среднего ремонта Ходоров предложил Костьке просверлить в плите несколько дыр. <…> Ходорова в цехе не любили за придирчивую требовательность. Он когда-то был меньшевиком. В общественной жизни не принимал никакого участия, на комсомольцев смотрел косо, но свое дело знал прекрасно и свои обязанности выполнял добросовестно. Мастер заметил, что Костька сверлит „насухую“, не заливая сверло маслом. <…> Но Костька облаял мастера <…> сверло <…> сломалось. Начальник цеха подал рапорт об увольнении Фидина. Бюро комсомольской ячейки вступилось за Костьку <…> Из пяти членов бюро трое были за то, чтобы Костьке вынести выговор и перевести его на другую работу. <…> Двое же вообще не считали Костьку виноватым» («Как закалялась сталь», ч. 2, гл. 3).

13.22 С. 28…*я торжественно объявляю: до конца моих дней я не предприму ничего, чтобы повторить мой печальный опыт возвышения.* —

Обращение к идеологическим узлам «Преступ-

ления и наказания» и «Войны и мира», герои которых также имеют «печальный опыт возвышения». Так, у Достоевского Раскольников философствует:

«Я вывожу, что и все, не то что великие, но и чуть-чуть из колеи выходящие люди, то есть чуть-чуть даже способные сказать что-нибудь новенькое, должны, по природе своей, быть непременно преступниками, — более или менее, разумеется. <…> Я только в главную мысль мою верю. Она именно состоит в том, что люди по закону природы разделяются вообще на два разряда: на низший (обыкновенных), то есть, так сказать, на материал, служащий единственно для зарождения себе подобных, и собственно на людей, то есть имеющих дар или талант сказать в среде своей новое слово. <…> я и говорю в моей статье об их праве на преступление. <…> масса никогда почти не признает за ними этого права, казнит их и вешает (более или менее) и тем, совершенно справедливо, исполняет консервативное свое назначение, с тем, однако ж, что в следующих поколениях эта масса ставит казненных на пьедестал и им поклоняется (более или менее)» («Преступление и наказание», ч. 3, гл. 5).

А вот мысли Андрея Болконского по поводу

произнесенных над ним слов о смерти самим Наполеоном на Аустерлицком поле после сражения:

«Князь Андрей понял, что это было сказано о нем и что говорит Наполеон. <…> он слышал эти слова, как бы он слышал жужжание мухи. Он не только не интересовался ими, но он и не заметил, а тотчас же забыл их. <…> он видел над собою далекое, высокое, вечное небо. Он знал, что это был Наполеон — его герой, но в эту минуту Наполеон казался ему столь маленьким, ничтожным человеком в сравнении с тем, что происходило теперь между его душой и этим высоким, бесконечным небом с бегущими по нем облаками. Ему было совершенно все равно в эту минуту, кто бы ни стоял над ним, что бы ни говорил о нем; он рад был только тому, что остановились над ним люди, и желал только, чтоб эти люди помогли ему и возвратили бы его к жизни, которая казалась ему столь прекрасною, потому что он так иначе понимал ее теперь» («Война и мир», т. 1, ч. 3, гл. 19).

Позже Андрей Болконский разговаривает с Пьером Безуховым (оба, кстати, вслед за Сальери, считают, что правды на земле нет; см. 34.16):

«[Андрей:] каждый живет по-своему: ты жил для себя и говоришь, что этим чуть не погубил

свою жизнь, а узнал счастие, только когда стал жить для других. А я испытал противуположное. Я жил для славы. (Ведь что же слава? та же любовь к другим, желание сделать для них что-нибудь, желание их похвалы.) Так я жил для других и не почти, а совсем погубил свою жизнь. И с тех пор стал спокоен, как живу для одного себя <…> [Пьер:] Вы говорите, что не можете видеть царства добра и правды на земле. И я не видал его; и его нельзя видеть, ежели смотреть на нашу жизнь как на конец всего. На земле, именно на этой земле, — Пьер указал в поле, — нет правды — все ложь и зло; но в мире, во всем мире есть царство правды, и мы теперь дети земли, а вечно — дети всего мира. Разве я не чувствую в своей душе, что я составляю часть этого огромного гармонического целого? Разве я не чувствую, что я в этом бесчисленном количестве существ, в которых проявляется божество, — высшая сила, — как хотите, — что я составляю одно звено, одну ступень от низших существ к высшим? Ежели я вижу, ясно вижу эту лестницу, которая ведет от растения к человеку, то отчего же я предположу, что эта лестница, которой я не вижу конца внизу, она теряется в растениях. Отчего же я предположу, что эта лестница прерывается со мною, а не ведет

дальше и дальше до высших существ» («Война и мир», т. 2, ч. 2, гл. 9, 12).

Розанов также отказывался от опыта публичного вознесения: «А ведь по существу-то — Боже! Боже! — в душе моей вечно стоял монастырь. Неужели мне нужна была площадь? Брррр…» («Уединенное», 1912).

Речевая фигура «Я объявляю» — из библейской патетики, причем из Господней идиоматики: «Посему так говорит Господь: вы не послушались Меня в том, чтобы каждый объявил свободу брату своему и ближнему своему; за то вот Я, говорит Господь, объявляю вам свободу подвергнуться мечу, моровой язве и голоду, и отдам вас на озлобление во все царства земли» (Иер. 34: 17); «И тогда объявляю им: „Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие“» (Мф. 7: 23).

Существительное «возвышение» по отношению к карьере Наполеона встречается у Лермонтова: «Все в нем [в Наполеоне] было тайной, / День возвышенья — и паденья час!» («Св. Елена», 1831).

13.23 С. 28. *Я остаюсь внизу, и снизу плюю на всю вашу общественную лестницу. —*

Общественная лестница — система социально-политического устройства общества. О ней писал

Лев Толстой: «Чем выше стоит человек на общественной лестнице, чем с большими людьми он связан, тем больше власти он имеет на других людей, тем очевиднее предопределенность и неизбежность каждого его поступка» («Война и мир», т. 3, ч. 1, гл. 1).

13.24…*жидовскою мордою без страха и упрека…* —

Жидовская морда — оскорбление личности, причем необязательно еврейской национальности. У Ильфа и Петрова читаем: «Молчи, жидовская морда! — радостно закричал чубатый атаман» («Золотой теленок», гл. 27).

Рыцарем без страха и упрека был прозван храбрый и великодушный французский воин Пьер дю Террайль Баярд (1476–1524). В дальнейшем словосочетание стало использоваться для характеристики благородных и бесстрашных личностей. В 1962 г. киностудия «Мосфильм» выпустила детский фильм под названием «Без страха и упрека» (режиссер Александр Митта, авторы сценария Семен Лунгин и Илья Нусинов), который пользовался у советских зрителей большой популярностью.

13.25…*надо быть пидорасом, выкованным из*

чистой стали с головы до пят. —

Пидорас (*руг., простореч.*) — педераст, гомосексуалист, «голубой» и т. д.; здесь — исключительно как ругательство. Тем более что данная директива — перифраз цитаты из Герцена, помещенной Лениным в его бессмертную работу «Памяти Герцена» и касающейся декабристов: «Развились люди 14 декабря, фаланга героев <…> Это какие-то богатыри, кованные из чистой стали с головы до ног» («Памяти Герцена», 1912).

Также широко известен эпитет, который обычно использовался в советской истории и коммунистической пропаганде вместе с именем Феликса Дзержинского, основателя первого коммунистического репрессивного органа — ВЧК (Всероссийской чрезвычайной комиссии), — «железный Феликс»: «Ф. Э. Дзержинский был грозой эксплуататоров, одним из любимых народных героев. Не случайно, что товарищи по партии называли его „железным Феликсом“, символизируя этим его беспредельную преданность делу революции, делу коммунизма» (Ф. Дзержинский. Биография. М., 1977. С. 3).

Относительно «металлической» сущности «имеющих право» размышлял Раскольников у Достоевского:

«Нет, те люди не так сделаны; настоящий властелин, кому все разрешается, громит Тулон, делает резню в Париже, забывает армию в Египте, тратит полмиллиона людей в московском походе и отделывается каламбуром в Вильне; и ему же, по смерти, ставят кумиры, — а стало быть, и все разрешается. Нет, на этаких людях, видно, не тело, а бронза! («Преступление и наказание», ч. 3, гл. 6).

В контексте скоротечной (см. 12.18, 12.19) «наполеоновской» карьеры Венички уместно будет расшифровать упоминаемый Достоевским «каламбур в Вильне» Наполеона: «От великого до смешного один шаг» (*Стендаль.* Жизнь Наполеона // Стендаль. Собр. соч.: В 15 т. М., 1959. Т. 11. С. 137).

13.26 С. 28…*вдумчивого принца-аналитика, любовно перебиравшего души своих людей…* —

Комплексная аллюзия 1) на Иисуса Христа и его взаимоотношения с апостолами, 2) на смышленого Маленького принца из повести де Сент-Экзюпери (см. 12.30) и, безусловно, 3) на принца Гамлета как персонажа, постоянно находящегося в состоянии философского/идеологического анализирования, у которого еще Тургенев обнаруживал склонность к анализу в

сочетании с антиэнтузиазмом (см. 6.16):

«Что же представляет собою Гамлет? Анализ прежде всего и эгоизм, а потому безверье. <…> Ум его слишком развит, чтобы удовлетвориться тем, что он в себе находит <…> отсюда проистекает его ирония, противоположная энтузиазму Дон-Кихота. <…> Гамлет сам наносит себе раны, сам себя терзает; в его руках тоже меч: обоюдоострый меч анализа» («Гамлет и Дон-Кихот», 1860).

Автосравнение центрального лирического персонажа с Гамлетом — характерный мотив у поэтов, например у Блока: «Я — Гамлет…» («Я — Гамлет. Холодеет кровь…», 1914); или монолог Гамлета у Пастернака: «Гул затих. Я вышел на подмостки…» («Гамлет», 1946).

Розанов же считал «аналитиком» русского классика, принцем не являвшегося: «Признают Достоевского глубочайшим аналитиком человеческой души» («Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского», гл. 5). Впрочем, у Достоевского есть занятый поисками истины князь, то есть prince, Мышкин.

Аналитиками себя считали и некоторые литературные персонажи — например, герой Ильфа и Петрова:

«Я не хирург, — заметил Остап. — Я невропато-

лог, я психиатр. Я изучаю души своих пациентов. И мне почему-то всегда попадаются очень глупые души» («Золотой теленок», ч. 1, гл. 6).

И Гамсуна:

«Мне кажется, я немного умею читать в душах других людей <…> А когда я в духе, мне представляется, что я могу заглянуть глубоко в чужую душу <…> Вот мы сидим в комнате, несколько мужчин, несколько женщин и я, и я прямо вижу все, что происходит в этих людях, знаю все, что они обо мне думают. <…> И вот я сижу себе, смотрю, и никому-то невдомек, что я вижу насквозь любую душу. Много лет я был убежден, что умею читать в душах людей» («Пан», гл. 7).

Поэтическое обращение «принц» традиционно для средневековой европейской поэзии. Оно регулярно встречается у Вийона:

Сколь любезен ты, принц, и влюблен,
Знай – Вийона любовь охватила,
Залпом горечь вина выпил он,
Отходя от сей жизни постылой.

(«Баллада заключительная», пер. И. Эренбурга)

13.27 *…сочли штрейкбрехером и коллаборационистом… —*

Штрейкбрехер — рабочий, нанимаемый хозяином завода или фабрики для работы во время проведения на нем всеобщей забастовки постоянного персонала. Встречается в ироническом контексте у «сатириконцев», занимавшихся историей Древней Руси: «Как только какой-нибудь князь начинал проявлять признаки даровитости, остальные князья объявляли его штрейкбрехером и подсылали к нему убийц» (Всеобщая история, обработанная «Сатириконом». М., 1993. С. 150); и у серьезного Маяковского, писавшего о забастовке рабочих в Лейпциге:

Лишь изредка
тишь
будоражило эхо:
это
грузчики
бьют штрейкбрехеров.

(«Солидарность», 1923)

Коллаборационист — человек, сотрудничающий с оккупантами своей страны, предатель родины. Вот цитата из правдинской статьи «Кто же такие — коллаборационисты?»: «Коллаборационист сегодня — это тот, кто, действуя по

указке классового врага, втихомолку пытается подорвать социалистическую экономику Чехословакии и превратить ее в придаток западногерманских монополий» (Правда. 1968. 13 августа).

Оба слова входили в лексическое меню советских пропагандистов при критике антикоммунистических и антирабочих действий отдельных группировок пролетариата в капиталистических странах и при описании фактов сотрудничества с фашистами граждан европейских стран в период Второй мировой войны.

Ситуация «обвинение в штрейкбрехерстве» в русской истории связана с именами двух видных членов ЦК РСДРП(б) — Николая Зиновьева и Льва Каменева:

«Вечером 16 октября [1917 г.] в Выборгском районе Петрограда состоялось заседание ЦК <…> В. И. Ленин огласил резолюцию, принятую на заседании ЦК 10 октября, и еще раз убедительно доказал необходимость вооруженного восстания. <…> Все <…> единодушно поддержали резолюцию ЦК. Против <…> выступили двое — Зиновьев и Каменев. <…> Потерпев поражение, Каменев и Зиновьев совершили невиданный в истории партии поступок, пошли на открытое предательство:

18 октября в непартийной газете „Новая жизнь“ Каменев заявил о своем несогласии с курсом большевистской партии на вооруженное восстание. Это было настоящее штрейкбрехерство. <…>. Это была тяжелая измена» (Родина советская: Исторический очерк. М., 1981. С. 26, 27).

Ленин за это очень на них сердился:

«Уважающая себя партия не может терпеть штрейкбрехерства и штрейкбрехеров в своей среде. А чем больше вдуматься в выступление Зиновьева и Каменева в непартийной прессе, тем более бесспорно становится, что их поступок представляет из себя полный состав штрейкбрехерства. <…> Только дети могли бы не понять этого. <…> „Признав полный состав штрейкбрехерства в выступлении Зиновьева и Каменева в непартийной печати, ЦК исключает обоих из партии“. Мне нелегко писать это про бывших близких товарищей, но колебания я считал бы здесь преступлением, ибо иначе партия революционеров, не карающая видных штрейкбрехеров, погибла. <…> Чем „виднее“ штрейкбрехеры, тем обязательнее немедля карать их исключением. Только так можно оздоровить рабочую партию, очиститься от дюжины бесхарактерных интеллигентиков, сплотив ряды революционеров, идти

навстречу великим и величайшим трудностям, идти с революционными рабочими» (Письмо в Центральный комитет РСДРП(б), октябрь 1917 г.).

13.28 С. 28. *Низы не хотели меня видеть, а верхи не могли без смеха обо мне говорить. «Верхи не могли, а низы не хотели». Что это предвещает, знатоки истинной философии истории? —*

Революционную ситуацию и следующую за ней революцию, ибо здесь пародируется хрестоматийное определение революционной ситуации, сформулированное Лениным в 1913 г. в работе «Маевка революционного пролетариата», а затем повторенное в более компактном виде в 1915 г.: «Обычно бывает недостаточно, чтобы „низы не хотели“, а требуется еще, чтобы „верхи не могли“ жить по-старому» («Крах II Интернационала»).

13.29…*истинной философии истории? —*

Под истинной философией истории, кроме контекстуального, иронически заниженного толкования научного термина, может еще подразумеваться и противопоставление марксистско-ленинскому учению о классовой борьбе, которое носило чисто практический, утилитарный (для применения на практике в революционной борьбе) характер, «Философии истории» Гегеля

— знаменитого в истории классической немецкой философии труда, где история соотносилась не с борьбой классов, а с прогрессом человеческого духа.

Пространными рассуждениями о философии, диалектике истории перегружен третий том «Войны и мира» Льва Толстого:

«Для изучения законов истории мы должны изменить совершенно предмет наблюдения, оставить в покое царей, министров и генералов, а изучать однородные, бесконечно-малые элементы, которые руководят массами. Никто не может сказать, насколько дано человеку достигнуть этим путем понимания законов истории; но очевидно, что на этом пути лежит возможность уловления исторических законов и что на этом пути не положено еще умом человеческим одной миллионной доли тех усилий, которые положены историками на описание деяний различных царей, полководцев и министров и на изложение своих соображений по случаю этих деяний» (т. 3, ч. 3, гл. 1).

13.30 С. 28–29. *…в ближайший же аванс меня будут пиздить…* —

То есть будет так, как предсказывал Маяковский: «Ни тебе аванса, ни пивной. / Трезвость»

(«Сергею Есенину», 1926). См. также 12.13.

13.31 С. 29…*меня будут пиздить*… —

Данный матерный глагол (ударение на первом слоге) используется здесь в значении «бить, избивать» (в других контекстах может иметь значение «красть» (ср. также с «пиздить» (ударение на втором слоге) — врать).

13.32…*по законам добра и красоты*… —

Добро в сочетании с красотой часто встречается у поэтов, у Лермонтова есть: «И вновь постигнул он святыню / Любви, добра и красоты…» («Демон», ч. 1, строфа IX); у Фофанова: «В этот миг со мною / Роднилися добро и красота…» («Была ль то песнь, рожденная мечтою…», 1888); у Надсона: «Нет искусства, / Правды, добра, красоты, — нет души у земли!..» («Все это было, — но было как будто во сне…», 1882).

13.33…*меня измудохают.* —

То есть сильно изобьют, уделают. В случае употребления формы этого глагола с постфиксом «-ся» он приобретает значение «измучиться, сильно устать».

13.34 *У меня все полосами, все в жизни как-то полосами: то не пью неделю подряд, то пью по-*

том сорок дней, потом опять четыре дня не пью, а потом опять шесть месяцев пью без единого роздыха… —

Веничка противопоставляет себя Христу, который постился в пустыне, то есть не пил (и не ел), 40 дней (см. 4.27). Веничку же хватает только на 4 дня поста.

13.35 *…мое сердце целых полчаса боролось с рассудком. —*

По утверждению Земляного, это заявление восходит к Блезу Паскалю (1623–1662) и всей великой французской моралистике, которая «разграничивала „логику сердца“ и „логику разума“» (*Земляной С.* «Пусть все видят, что я взволнован»… С. 14). Борьба чувств и разума, эмоций и рассудка известна читателям еще со времен Античности. Так, у Гомера об Одиссее сказано: «Долго не знал он, колеблясь рассудком и сердцем, что делать» («Одиссея», песнь XX). Позже Северянин констатировал факты: «Сон лелея, лиловеет запад дня. / Снова сердце для рассудка западня…» («Nocturne», 1908); «Душа и разум — антиподы: / Она — восход, а он — закат…» («Душа и разум…», 1911).

Словосочетание «прекрасное сердце» встречается у Достоевского: «[Князь Щ.:] Рай — вещь

трудная, князь, гораздо труднее, чем кажется вашему прекрасному сердцу» («Идиот», ч. 3, гл. 1); «[Мышкин:] Вы краснеете, это черта прекрасного сердца» (гл. 2).

13.36…*в трагедиях Пьера Корнеля… долг борется с сердечным влечением.* —

Пьер Корнель (1606–1684) — французский драматург-классицист. Характеристика идейного содержания пьес Корнеля — традиционный для официального советского литературоведения штамп:

«Сделав содержанием пьесы [„Сид“] трагич.[еский] конфликт долга и страсти, К.[орнель] открыл ту драматическую ситуацию, которая вскоре стала доминантой европ. классицизма. <…> „Гораций“ — образцовая трагедия классицизма. Благо родины… движет героями трагедии, определяет их патриотический пафос. Любовь и семейные связи в „Сиде“ противопоставлены друг другу, в „Горации“ — вынесены за одни скобки. Долг перед гос[ударст]вом противостоит здесь всем другим связям человека — дружеским, родственным, любовным. Герои трагедии живут как бы в двух различных мирах — малом и большом, частном и общественном. <…> Гораций одновременно рвет, как путы, все естеств.[енные]

связи и привязанности, в самом себе убивает естеств.[енные] человеч.[еские] чувства. В этом отсечении всего личного и заключена особая доблесть героя; долг приобретает значение лишь в противоположность другому началу — чувству» (Краткая литературная энциклопедия. М., 1962. Т. 3. С. 746, 747).

13.37 С. 29. *...Пьера Корнеля, поэта-лауреата...* —

В определении «поэт-лауреат» содержится, прежде всего, аллюзия на пожизненное почетное звание «Poet-laureate», присуждаемое британской королевой лучшему поэту нации. Советскому читателю художественной литературы оно известно по «Дон Жуану» Байрона, открывающемуся следующими строками:

Боб Саути! Ты – поэт, поэт-лауреат
И представитель бардов, – превосходно!
Ты ныне, как отменный тори, аттестован: это модно и доходно.

Естественно, француз Корнель не имел шанса стать английским «поэтом-лауреатом». Однако применение к нему данного титула отнюдь не

столь абсурдно, как это кажется Левину (*Левин Ю.* Комментарий к поэме «Москва — Петушки»… С. 46): во-первых, Веничка, путающий мансарду и антресоли, также мог просто «перепутать» лауреатство с членством Корнеля во Французской академии; во-вторых, по логике Венички, Корнель мог быть хотя бы каким-нибудь («завалящим») лауреатом — Государственной или, скажем, Ленинской премии, присуждавшихся в СССР в том числе и за высокие достижения в литературе и искусстве вплоть до 1991 г. К примеру, Александр Твардовский, в котором также чувство долга перманентно боролось с сердечным влечением, был поэтом-лауреатом, то есть лауреатом нескольких Государственных премий СССР.

13.38 *Встань и поди напейся…* —

Вариант лейтмотива всей поэмы «талифа куми» (см. 26.17).

13.39 *Так говорило мое прекрасное сердце. А мой рассудок? Он брюзжал и упорствовал: «Ты не встанешь, Ерофеев, ты никуда не пойдешь и ни капли не выпьешь». А сердце на это: «Ну ладно, Веничка, ладно. Много пить не надо, не надо напиваться как сука; а выпей четыреста грамм и завязывай». «Никаких грамм! — отчеканивал рас-*

судок. — Если уж без этого нельзя, поди и выпей три кружки пива; а о граммах своих, Ерофеев, и помнить забудь». —

Подобные бесчисленные терзания бесчисленных выпивох породили в советское время малопродуктивный, однако достаточно запоминающийся жанр анекдота, построенного как диалог человека со своим внутренним голосом. Классическим образцом его является анекдот, весьма напоминающий данный диалог Веничкиных сердца и рассудка:

Внутренний голос обращается к Петровичу:
— Петрович! Пойдем выпьем!
Петрович отбрыкивается:
— Отстань! Я завязал!
— Пойдем! У меня трешка есть!
— Сказал, не пойду!
— Пойдем! Последний раз тебе предлагаю!
— Отвали!
— Ну, как знаешь! Тогда я один пойду!

Впрочем, Веничкин рассудок оказывается податливее, чем у Петровича из анекдота, и разрешает бедолаге выпить полтора литра пива.

14. Реутово – Никольское

14.1 С. 29. *Никольское —*
подмосковная железнодорожная платформа на магистрали Москва — Владимир.

14.2 С. 30. *Петушки — это место, где не умолкают птицы ни днем ни ночью… —*
В Ветхом Завете Исаия готовится к утверждению в пределах Сиона Божьей правды: «На стенах твоих, Иерусалим, Я поставил сторожей, которые не будут умолкать ни днем, ни ночью. О, вы, напоминающие о Господе! не умолкайте» (Ис. 62: 6). См. также 17.12.

14.3 *…где ни зимой, ни летом не отцветает жасмин. —*
Жасмин — один из классических поэтических «задников» для изображения весны и любви. Его много у поэтов. У Брюсова: «В воздухе дышал жасмин…» («Прощальный взгляд», 1901); у Северянина: «Это только в жасмин… Это только в сирень… / Проклинается город надрывно…» («Это только в жасмин…», 1912); у Ходасевича: «поцелуи у жасмина» («Стихи о кузине», 1; 1907), «жасмин благоухает пряно» («Ситцевое царство»,

2; 1913); у Анненского: «хлороз жасмина» («Nox Vitae», 1910); у Кузмина: «Но люблю и запах жасмина. <…> Была ветка жасмина (жасмина, не розы). <…> Запаха жасмина в воздухе не носилось… <…> И легкое жасмина дуновенье… <…> Но ветки жасмина качались…» («Оттепель», 7; 1911), «Верно, ты жасмин целовала…» («Китайские песеньки», 2; 1918), «Белый жасмин снегом / Опадает на желтый песок…» («Китайские песеньки», 3; 1918), «…летит душа / Жасмином небес дыша…» («Любовь», 1922); у Пастернака: «Ты прячешь губы в снег жасмина…» («Наша гроза», 1917), «И целыми деревьями / В глаза, в виски, в жасмин!» («Дождь», 1919).

В общем контексте поэмы, где Петушки не только «место, где ни зимой, ни летом не отцветает жасмин», но еще и — в воображении Венички — место его гибели, уместно вспомнить Гумилева:

И город с голубыми куполами,
С цветущими жасминными садами,
Мы дрались там… Ах, да! я был убит.

(«Сонет», 1912)

14.4 С. 30. *Первородный грех — может, он и был — там никого не тяготит. —*

Сомнения Венички относительно факта совершения первородного греха вызваны тем, что грех этот описан не в научной или справочной литературе, а в Библии. Там он представляется как грехопадение, точнее — совокупление Адама и Евы, случившееся по наущению змея-искусителя; за этот «первородный грех» Адам и Ева были изгнаны из рая (Быт. 3).

Авторство богословского термина «первородный грех» (*лат.* pecctaum originale) приписывается святому Августину (V в.). Встречается у Владимира Соловьева: «И этот первородный грех не сокрушен» («Три речи в память Достоевского», 1881–1883), а также у других писателей и философов Веничкиного круга: «Далее, страдания детей, столь несовместные, по-видимому, с действием высшей справедливости, могут быть несколько поняты при более строгом взгляде на первородный грех, природу души человеческой и акт рождения» (В. Розанов. «Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского», 1893–1906); «…первородный грех содержит ли в себе, как в зародыше, грехи смертные, произвольные и невольные?» (Н. Помяловский. «Очерки бурсы», 1862).

14.5 *…эта любимейшая из потаскух…* —

Вариант мотива плохой бабы (см. 26.19, 26.20).

14.6 *…эта белобрысая дьяволица.* —

У Мережковского первая книга второго тома, «Воскресшие боги (Леонардо да Винчи)», трилогии «Христос и Антихрист» называется «Белая дьяволица», по прозвищу Венеры (Афродиты), которая в романе поднимается из могилы. В связи с этим образом Розанов окрестил Мережковского «декадентом, ницшеанцем и певцом „белой дьяволицы“» («Опавшие листья», короб 1-й).

У Цветаевой есть сходное обращение к Афродите: «В каждом цветке неповинном — твой / Лик, Дьяволица!» («Хвала Афродите», 3; 1921).

14.7 *…сегодня пятница…* —

В новозаветном контексте пятница приобретает символическое значение, так как это день казни Христа (Мф. 27: 62; Мк. 15: 42; Лк. 23: 54; Ин. 19: 14, 19: 31, 19: 42). В чисто бытовом плане пятница — последний день рабочей недели, и, следовательно, герой едет к любовнице и сыну просто на выходные. См. также 37.16.

14.8 *…рыжие ресницы, опущенные ниц…* —

Образ выводится из Тютчева — как из отдельных лексических компонентов, так и из общей атмосферы его стихотворения, посвященного

плотской любви:

Люблю глаза твои, мой друг,
С игрой их пламенно-чудесной,
Когда их приподнимешь вдруг
И, словно молнией небесной,
Окинешь бегло целый круг…

Но есть сильней очарованья:
Глаза, потупленные ниц
В минуты страстного лобзанья,
И сквозь опущенных ресниц
Угрюмый, тусклый огнь желанья.

(«Люблю глаза твои, мой друг…», 1836)

14.9 С. 30. *Зверобой* —
горькая крепкая (30°) настойка, приготовленная на одноименной траве; у Высоцкого: «Сидели пили вразнобой / „Мадеру“, „старку“, „зверобой“» («Случай на шахте», 1967).

14.10 *Корчи* —
судороги, весьма болезненные сокращения мышц или даже конвульсии; встречаются в поэзии — например, у Сологуба: «Пусть мучительные корчи / Изломают жизнь мою…» («Я дышу, с То-

бою споря…», 1921).

14.11 *Царица небесная…* —
См. 6.5.

14.12 *А там, за Петушками… <…> там в дымных и вшивых хоромах, неизвестный этой белесой, распускается мой младенец, самый пухлый и самый кроткий из всех младенцев.* —

«„За Петушками“ находится деревня Мышлино, в которой жила первая жена Венедикта Ерофеева — Валентина Зимакова с их сыном Венедиктом» (*Ерофеев В.* Письма к сестре // Театр. 1992. № 9. С. 124). Венедикт Ерофеев-младший родился 3 января 1966 г., таким образом, данному персонажу поэмы около трех лет. В мемуарах о писателе есть замечание: «Ребенка своего Бенедикт [Венедикт Ерофеев] называл „младенец“ — так это и повелось. Он ужасно его любил, но не показывал впрямую» (*Любчикова Л.* [О Вен. Ерофееве]. С. 81). Сам Ерофеев писал о сыне: «Младенец растет, ему уже 1344-й час, он толстый и глазастый, как все малыши, но ни на одного из них я еще не глядел с таким обожанием, как на этого <…> Надо отдать ему справедливость, недели две тому назад он понял, что улыбки больше ему к лицу, и он расходует теперь на них большую часть своего досуга»

(*Ерофеев В.* Письма к сестре. С. 125).

Хоромы (*устар.*) — красивое и комфортное жилье; у Некрасова есть: «Да как глянул я вдруг на хоромы ее…» («Огородник», 1846). Судя по воспоминаниям друзей Ерофеева, хоромы были если и не вшивыми в прямом смысле слова, то вшивыми в переносном и, точно, дымными, ибо в них имелось сразу две печки: «Мы с Тихоновым тоже побывали у них [у Ерофеевых] в деревне Мышлино, где жила Валя <…> с „пухлым младенцем“. Изба была какая-то темная, мрачная, холодная. Новую избу Валя нечаянно сожгла. А в этой, старой, и печка русская была уже нехороша, приходилось топить еще и другой печкой. Труба от нее тянулась через избу в окно. Уюта не было никакого» (*Любчикова Л.* [О Вен. Ерофееве]. С. 80); «Дом — большой пятистенок с сенями и пристройками для скотины, с сеновалом. Но зимой отапливалась только одна комната, половину ее занимала русская печь с лежанкой. Через всю комнату тянулась труба от железной буржуйки. Стол у окна деревянный, некрашеный, лавки вдоль. Детская кроватка с младенцем» (*Авдиев И.* [О Вен. Ерофееве]. С. 112).

«Дымные и вшивые хоромы» и уникальный, «самый кроткий» младенец, «распускающий-

ся» в них, закономерно вызывают ассоциации с новозаветными сценами рождения Христа. С «дымными и вшивыми хоромами» соотносятся легендарные овечьи ясли Иисуса: «И [Мария] родила Сына Своего Первенца, и спеленала Его, и положила Его в ясли, потому что не было им места в гостинице. В той стране были на поле пастухи <…> И сказал им Ангел: <…> вы найдете Младенца в пеленах, лежащего в яслях» (Лк. 2: 7–8, 10, 12). «Дымность» Христовых «хоромов» выводится из Пастернака, из «теплой дымки над яслями»:

Стояла зима,
Дул ветер в степи.
И холодно было младенцу в вертепе
На склоне холма.

Его согревало дыханье вола.
Домашние звери
Стояли в пещере,
Над яслями теплая дымка плыла.

(«Рождественская звезда», 1947)

14.13 С. 30. *…где сливаются небо и земля…* — Поэтизированное определение линии горизон-

та; у Саши Черного есть: «Люди смотрят туда, где сливается небо с землею…» («На фронт», 1914).

14.14 *…волчица воет на звезды…* —

У Есенина на звезды воет волк: «Если волк на звезду завыл, / Значит небо тучами изглодано…» («Кобыльи корабли», 1919). Воющая волчица встречается у Некрасова: «[Волчица] Глядит, поднявши голову, / Мне в очи… и завыла вдруг! <…> Волчица так ли жалобно / Глядела, выла…» («Кому на Руси жить хорошо», ч. 3, гл. 5). А это из Тютчева: «Заревел голодный лев, / И на месяц волк завыл…» («Песня», 1829).

14.15 *Он знает букву «ю»…* —

Любчикова и Авдиев считают, что младенец первой осваивает предпоследнюю букву русского алфавита потому, что в ней зашифрован инициал возлюбленной Венедикта Ерофеева — Юлии Руновой, послужившей прототипом для «пышнотелой бляди, истомившей сердце поэта», «первой любви [Венедикта Ерофеева] — любви самой продолжительной» (*Авдиев И.* Предисловие… С. 167; *Любчикова Л.* [О Вен. Ерофееве]. С. 81). Неосведомленные об этом факте биографии автора поэмы исследователи видят в букве «ю» зашифрованное «люблю» (*Гайсер-Шнитман С.*

Венедикт Ерофеев… С. 121).

14.16 *А вот он — знает, и никакой за это награды не ждет, кроме стакана орехов. —*

Контаминация мотива «закалывания младенца» (см. 15.6) с отсылкой к царевичу Димитрию (4.24) и орехам с детским платочком (16.16) встречается у Евтушенко:

> *И лежит дитя в кафтане с лисьей выпушкой,*
> *на убивцев смотрит с доброй укоризною.*
> *В правой рученьке платочек белый с вышивкой,*
> *в левой рученьке орешки неразгрызенные.*

(«Под кожей статуи Свободы», 1968)

Показательно, что те орешки, что Веничка везет своему сыну, также останутся «неразгрызенными».

14.17 *…да не преткнусь о камень… —*

Продолжение сравнения героя с Христом. В Новом Завете читаем: «Потом берет Его [Иисуса] диавол в святый город и поставляет Его на

крыле храма, и говорит Ему: если Ты Сын Божий, бросься вниз; ибо написано: „Ангелам своим он заповедает о Тебе, и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею“» (Мф. 4: 5, 6). См. также 37.6.

Сопоставимо с библейской идиомой «камень преткновения» (неразрешимая проблема): «И будет Он [Господь Саваоф] освящением и камнем преткновения и скалою соблазна для обоих домов Израиля, петлею и сетью для жителей Иерусалима. И многие из них преткнутся, и упадут, и разобьются, и запутаются в сети, и будут уловлены» (Ис. 8: 14, 15). То же в Новом Завете — апостол Симон-Петр наставляет христиан: «Приступая к Нему [Христу], камню живому, человеками отверженному, но Богом избранному, драгоценному, И сами как живые камни, устрояйте из себя дом духовный <…> Ибо сказано в Писании: „Вот, Я полагаю в Сионе камень краеугольный, избранный, драгоценный; и верующий в Него не постыдится“. Итак Он для вас, верующих, драгоценность, а для неверующих камень, который отвергли строители, но который сделался главою угла, камень претыкания и камень соблазна, О который они претыкаются, не покоряясь слову, на что они и оставлены» (1 Петр. 2: 4–5, 6–8; см.

также Рим. 9: 31–33).

14.18 *…да увижу город, по которому столько томился. —*

Желание главного героя поэмы можно сопоставить со стремлением Иоанна Богослова войти в Новый Град Иерусалим: «И увидел я новое небо и новую землю; ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет. И я Иоанн увидел святый город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего» (Откр. 21: 1, 2).

14.19 *…чтобы не угасить порыва. —*

В «гефсиманском» контексте происходящего стоит вспомнить Сологуба, у которого в стихотворении о Христе в Гефсиманском саду есть строки: «Всякий буйственный порыв / Гасит холодом вселенная…» («Зелень тусклая олив…», 1911).

В контексте отсылок к смерти Ленина (см. 7.3, 7.8) можно также вспомнить стихи пролетарского поэта Михаила Герасимова (1889–1937), написанные сразу после смерти вождя:

Его шагов стальную силу
Ковали долгие века.
Его порыв не угасила

Убийцы черная рука.

(«Его памяти», 1924)

14.20 С. 30. *…из горлышка, запрокинув голову, как пианист… —*

У Льва Толстого в сцене офицерской попойки Долохов на спор пьет из горлышка ром, сидя на подоконнике, свесив ноги на улицу и не держась при этом за подоконник руками:

«Спина Долохова в белой рубашке и курчавая голова его были освещены с обеих сторон. <…> Сказав „ну!“, он <…> взял бутылку и поднес ко рту, закинул назад голову и вскинул кверху свободную руку для перевеса. <…> Долохов сидел все в том же положении, только голова загнулась назад, так что курчавые волосы затылка прикасались к воротнику рубахи, и рука с бутылкой поднималась все выше и выше, содрогаясь и делая усилие. Бутылка видимо опорожнялась и с тем вместе поднималась, загибая голову» («Война и мир», т. 1, ч. 1, гл. 6).

14.21 *…с сознанием величия того, что еще только начинается и чему еще предстоит быть. —*

Сопоставимо с патетическим финалом «Преступления и наказания» Достоевского:

«Он [Раскольников] даже и не знал того, что но-

вая жизнь не даром же ему достается, что ее надо еще дорого купить, заплатить за нее великим, будущим подвигом… Но тут уж начинается новая история, история постепенного обновления человека, история постепенного перерождения его, постепенного перехода из одного мира в другой, знакомства с новою, доселе совершенно неведомою действительностью» (эпилог, гл. 2).

Фраза «чему предстоит быть» отсылает к финальной книге Нового Завета: «Откровение Иисуса Христа, которое дал Ему Бог, чтобы показать рабам Своим, чему надлежит быть вскоре» (Откр. 1: 1); «…прежний голос, который я слышал как бы звук трубы, говоривший со мною, сказал: взойди сюда, и покажу тебе, чему надлежит быть после сего» (Откр. 4: 1); «Господь Бог святых пророков послал Ангела Своего показать рабам Своим то, чему надлежит быть вскоре» (Откр. 22: 6).

15. Никольское – СалтыковскаЯ

15.1 С. 31. *Салтыковская —*
подмосковная железнодорожная платформа на магистрали Москва — Владимир.

15.2 *«Не в радость обратятся тебе эти тринадцать глотков», — подумал я, делая тринадцатый глоток. —*
Использование числовой символики. Здесь и ниже (18.32, 37.16) число 13 связано, как ему и полагается, исключительно с несчастьем.

15.3 *Пусть светел твой сегодняшний день. Пусть твое завтра будет еще светлее. —*
Апелляция к одному из агитационных коммунистических посулов: «Наше сегодня лучше, чем вчера, а завтра будет лучше, чем сегодня» (Коммунист. 1957. № 1. С. 1).

В коммунистической пропаганде миф о «светлом будущем» занимал весьма существенное место. Например, в 1962 г. популярный молодежный журнал «Юность» под рубрикой «Каким мы хотим увидеть наше завтра» опубликовал ответы тринадцати юношей и девушек из одиннадцати стран на вопрос: «Каким вы хотите видеть свое

завтра?» В редакционном вступлении заранее расставлялись идеологические акценты для «правильного» понимания ответов:

«Нельзя быть спокойным за свое будущее, пока призрак смерти витает над землей. Зарево атомных взрывов над Тихим океаном еще больше прояснило сознание миллионов. Те, кто еще недавно надеялся укрыться от грозящих невзгод в своем доме, поняли: сегодня смертельная опасность грозит не одному городу или одной стране, а всему миру. Сильные идут навстречу опасности. Слабые уподобляются страусу: пряча голову под крыло, они не хотят видеть приближающейся беды. Сильные объединяются и крепким заслоном преграждают путь войне. Слабые, пытаясь забыться, предаются унынию, разврату, циничному скепсису. Вчитайтесь в ответы, которые мы публикуем. Жалким и трусливым предстанет перед вами нью-йоркский битник. Зато сколько веры в человеческий разум и силы прогрессивных людей звучит в словах японского писателя и индийского студента, парижского студента и даже английских бизнесменов» (Юность. 1962. № 7. С. 100).

А вот и самые характерные ответы:

«Лидия Еськова, комсомолка, технолог москов-

ского завода „Красный пролетарий“[:] Говорить о будущем очень трудно. Не потому, что я не люблю мечтать. Просто мечтаешь всегда о самом хорошем, самом светлом. Но порой некоторым из нас будущее рисуется слишком гладким и беззаботным. Думается, что это не так. Ведь люди, особенно молодые, всегда были и будут беспокойными, с сотнями желаний, с постоянной жаждой трудных дел. Вот я и хочу, чтобы в счастливом коммунистическом будущем были и своя целина, и свои великие стройки со своими трудностями. <…> Каким я хочу видеть завтрашний день? Сейчас я занимаюсь по вечерам на подготовительных курсах станкоинструментального института. Осенью буду поступать в этот институт. Очень хочу стать инженером. <…> И есть у меня еще мечта — хорошо бы, чтоб мы с мужем всю жизнь так же любили друг друга, как мы любим сейчас. Мы увлечены своей работой, с интересом учимся, следим за театральными новинками, много читаем. Мы очень хотим, чтобы всем людям было так же хорошо, как нам. <…>

Уорд Джексон, 24-летний нью-йоркский битник, проживающий в штате Нью-Йорк, Мамарнек, 464 Ист. шоссе № 1[:] Зачем думать о будущем? Вероятнее всего, будет ядерная вой-

на, и большинство людей погибнет<…>. Я живу сегодняшним днем. Пять лет назад я ушел с первого курса Нью-йоркского университета. Я не хотел больше слушать профессоров, которые доказывали, что все проблемы разрешены. Это было скучно и лживо. <…> С тех пор как я бросил университет, я работал помощником продавца, натурщиком, уборщиком. Из одних мест меня прогоняли, из других я уходил сам. Сейчас я мою посуду в ресторане. Теперь я свободный человек. Только заработать на жизнь нелегко, хоть материально я немногого от нее хочу. <…>

Монуэль Антонио Колина, 23-летний солдат революционной Кубы[:] Откровенно говоря, я затрудняюсь сказать что-либо о моем личном завтра. Мое будущее, как и будущее моих товарищей, неразрывно связано с будущим нашей страны. А это будущее зависит прежде всего от наших усилий. Американские империалисты хотят задушить нашу революцию, хотят снова хозяйничать на Кубе. Но у них ничего не выйдет, они никогда больше не будут господствовать в нашей стране. Весь народ Кубы, особенно молодежь, готов отдать все свои силы, пойти сегодня на любые жертвы, чтобы наше завтра было прекрасным, чтобы построить социалистическое

общество, а потом взяться и за строительство коммунизма. <…> И в том, что сегодня мы живем хорошо, — надежный залог того, что наше завтра будет еще лучше. <…>

Юлий Клячкин, руководитель отдела электромеханических поисковых устройств Всесоюзного института научно-технической информации[:] Я мечтаю о том, чтобы как можно скорее было подписано соглашение о всеобщем и полном разоружении. И тогда все освободившиеся средства и силы будут использованы для дальнейшего улучшения жизни человечества» (Юность. 1962. № 7. С. 101, 102–103, 106).

Зная биографию Венедикта Ерофеева, нетрудно распознать его двойника в Уорде Джексоне…

15.4 С. 31. *…в Купавне…* —
См. 19.1.

15.5 *…или где-нибудь у 105-го километра я задремлю от вина…* —

Данное предчувствие Венички действительно сбудется на подъезде к платформе «105-й км» (см. 37.20).

15.6 *…меня, сонного, удавят, как мальчика? или зарежут, как девочку?* —

Еще одна реминисценция судьбы зарезанно-

го или зарезавшегося царевича Димитрия (см. 4.24). Чтобы сохранить «симметричность» в обмене способами убийств, под «девочкой» следует подразумевать или задушенную Дездемону из «Отелло» (см. 10.14), или жертву Свидригайлова из Достоевского: «Жила дальняя родственница, племянница, кажется глухонемая, девочка лет пятнадцати или даже четырнадцати <…> Раз она найдена была на чердаке удавившеюся. Присуждено, что от самоубийства. <…> впоследствии явился, однако, донос, что ребенок был… жестоко оскорблен Свидригайловым» («Преступление и наказание», ч. 4, гл. 2).

Впрочем, в беллетристике и научно-популярной литературе описаны непосредственно как «удавление мальчика», так и «заклание девочки». Так, в 1605 г. веревкой был удавлен сын Бориса Годунова (*Костомаров Н.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Вып. 1. СПб., 1873. С. 608). А в рассказе Куприна «Суламифь» отшельник Элиав по наущению отвергнутой Соломоном царицы Атис закалывает 13-летнюю Суламифь на глазах у царя.

Оба предчувствия — пророческие: душить Веничку будут в главе «Москва — Петушки. Неизвестный подъезд» (см. 47.9), а резать — в главе

«Петушки. Перрон» (43.10).

15.7 С. 31. *Мое завтра светло. Да. Наше завтра светлее, чем наше вчера и наше сегодня. Но кто поручится, что наше послезавтра не будет хуже нашего позавчера? —*

См. 15.3. Кроме того, здесь слышится сомнение религиозного человека, так как в Ветхом Завете сказано: «Не хвались завтрашним днем; потому что не знаешь, что родит тот день» (Притч. 27: 1). Да и в Нагорной проповеди Христа есть сходный императив: «Итак не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своем: довольно для каждого дня своей заботы» (Мф. 6: 34). У Достоевского Раскольников терзается тем же:

«Тревога беспредметная и бесцельная в настоящем, а в будущем одна беспрерывная жертва, которою ничего не приобреталось, — вот что предстояло ему на свете. И что в том, что чрез восемь лет ему будет только тридцать два года и можно снова начать жить! Зачем ему жить? Что иметь в виду? К чему стремиться? Жить, чтобы существовать? Но он тысячу раз и прежде готов был отдать свое существование за идею, за надежду, даже за фантазию. Одного существования всегда было мало ему; он всегда хотел большего»

(«Преступление и наказание», эпилог, гл. 2).

15.8 *А если он легкомыслен да умен — он скучным быть себе не позволит. —*

«Нескучный» Маяковский признавался виртуальному Пушкину: «Я никогда не знал, что столько тысяч тонн / в моей позорно легкомысленной головенке…» («Юбилейное», 1924).

15.9 С. 32. *Я не утверждаю, что мне — теперь — истина уже известна или что я вплотную к ней подошел. Вовсе нет. Но я уже на такое расстояние к ней подошел, с которого ее удобнее всего рассмотреть. —*

Данное заявление Венички вызывает целый ряд аллюзий. Прежде всего, в нем очевидна аллюзия на допрос Иисуса Христа Понтием Пилатом: «Пилат сказал Ему: итак Ты Царь? Иисус отвечал: ты говоришь, что Я Царь; Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине; всякий, кто от истины, слушает гласа Моего. Пилат сказал Ему: что есть истина? И сказав это, опять вышел к Иудеям и сказал им: я никакой вины не нахожу в Нем» (Ин. 18: 37–38).

В другой новозаветной сцене: «Тогда сказал Иисус к уверовавшим в Него Иудеям: если пребудете в слове Моем, то вы истинно Мои ученики, и по-

знаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ин. 8: 31–32).

В этой связи стоит вспомнить сюжет и название известной картины Николая Ге «Что есть истина?» (1890; Третьяковская галерея). На личности Ге, одного из основателей Товарищества передвижных художественных выставок, стоит остановить внимание: во-первых, как и многие другие русские живописцы, он прожил несколько лет (1857–1869) в Италии, с которой Веничка начинает свое заграничное турне, и во-вторых, помимо упомянутого выше полотна об истине, является автором смежных с «Москвой — Петушками» по тематике и мотивам картин: «Тайная вечеря» (1863; Русский музей), «Голгофа» (1893; Третьяковская галерея), «Распятие» (1892, 1894; Третьяковская галерея), объединенных мотивами и темами Гефсиманского сада и распятия; «Петр I допрашивает царевича Алексея Петровича в Петергофе» (1871; Третьяковская галерея) — здесь мотивы допроса (в случае с Веничкой — «допросы» Сфинкса) и царевича-принца; а также портретов Герцена (1867; Третьяковская галерея) и Льва Толстого (1884; Третьяковская галерея).

Помимо этого, в ситуации «приближение к истине / рассматривание истины» оказывается

целый ряд персонажей русской классики, например Пьер Безухов Льва Толстого:

«Он не умел видеть прежде великого, непостижимого и бесконечного ни в чем. Он только чувствовал, что оно должно быть где-то, и искал его. Во всем близком, понятном он видел одно ограниченное, мелкое, житейское, бессмысленное. Он вооружался умственной зрительной трубой и смотрел вдаль, туда, где это мелкое, житейское, скрываясь в тумане дали, казалось ему великим и бесконечным оттого только, что оно было неясно видимо. <…> Теперь же он выучился видеть великое, вечное и бесконечное во всем, и потому естественно, чтобы видеть его, чтобы наслаждаться его созерцанием, он бросил трубу, в которую смотрел до сих пор через головы людей, и радостно созерцал вокруг себя вечно изменяющуюся, вечно великую, непостижимую и бесконечную жизнь. И чем ближе он смотрел, тем больше он был спокоен и счастлив. Прежде разрушавший все его умственные постройки страшный вопрос: зачем? теперь для него не существовал. Теперь на этот вопрос — зачем? в душе его всегда готов был простой ответ: затем, что есть Бог, тот Бог, без воли которого не спадет волос с головы человека» («Война и мир», т. 4, ч.

4, гл. 12).

Чисто технически же — «не утверждаю… но…» — признание Венички может расцениваться как построенное под Энгельса: «Нельзя сказать, чтобы в России существовало рабочее движение, о котором стоило бы говорить. Однако внутренние и внешние условия, в которых находится Россия, чрезвычайно своеобразны и чреваты событиями величайшего значения для будущего не только русских рабочих, но и рабочих всей Европы» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения: В 50 т. М., 1955–1981. Т. 19. С. 143).

Также — через «этап подхода к цели, предшествующий подходу вплотную» — обнаруживается связь с Программой КПСС, принятой XXII съездом КПСС в 1961 г., поскольку программа, помимо всего прочего, предполагала «вплотную подойти к полному удовлетворению материальных и культурных потребностей [человека], а впоследствии завершить переход к коммунистическому распределению» (История КПСС. М., 1973. С. 617).

15.10 С. 32. *И я смотрю и вижу, и поэтому скорбен. —*

Похоже строится фраза у Гамсуна: «И вот я сижу себе, смотрю, и никому-то невдомек, что я вижу насквозь любую душу» («Пан», гл. 7). Ср. также

у Юргиса Балтрушайтиса: «Как дымный вечер, скорбен я…» («Элегия», 1923).

15.11 *И я смотрю и вижу, и поэтому скорбен. И я не верю, чтобы кто-нибудь еще из вас таскал в себе это горчайшее месиво… больше всего в нем «скорби» и «страха». —*

О сочетании скорби и страха читаем у пророка: «И будет в тот день: когда Господь устроит тебя от скорби твоей и от страха и от тяжкого рабства, которому ты порабощен был» (Ис. 14: 3). Одновременно упоминание о скорби звучит как реминисценция слов Иисуса Христа, обращенных к апостолам на Тайной вечери: «Сие сказал Я вам, чтобы вы имели во Мне мир. В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир» (Ин. 16: 33).

У Достоевского Мармеладов обращается к Раскольникову:

«Разве я не чувствую? И чем более пью, тем более и чувствую. Для того и пью, что в питии сем сострадания и чувства ищу. Не веселья, а единой скорби ищу… Пью, ибо сугубо страдать хочу! <…> в лице вашем я читаю как бы некую скорбь. Как вошли, я прочел ее, а потому тотчас же и обратился к вам» («Преступление и наказание», ч. 1, гл. 2).

То же и о Дунечке: «Ее взгляд <…> изображал ужас и неутолимую скорбь» (ч. 6, гл. 7).

Эпитет «горчайший» в том же, «гефсиманском» контексте встречается у Ахматовой: «И тот горчайший гефсиманский вздох» («И снова осень валит Тамерланом…», 1947).

15.12 *…«мировая скорбь» — не фикция, пущенная в оборот старыми литераторами… —*

Автор выражения «мировая скорбь» (Weltschmerz) — немецкий писатель и мыслитель Жан Поль (И.-П. Рихтер, 1763–1825); впервые оно встречается в его работе «Селина, или О бессмертии души» (1825), которая рассказывает о бесчисленных муках людей. Встречается также в его романе «Титан». «Пущенная в оборот» формула используется у Гейне в статье «С выставки картин 1831 г.», где он описывает картину Деларош «Оливер Кромвель у тела Карла I»: «Какую огромную мировую скорбь выразил мастер в немногих чертах!» Упоминается, в частности, у Гамсуна: «Когда он глядел на кого-нибудь, уголки его губ опускались, словно он нес бремя мировой скорби» («Мистерии», гл. 14).

В идеологическом контексте советского литературоведения «мировая скорбь» имела репутацию

«пессимистического умонастроения в западноевропейской литературе конца 18 — 1-й трети 19 в.» (Краткая литературная энциклопедия. М., 1962. Т. 4. С. 859). Формулировки КЛЭ вполне применимы и для характеристики идеологической позиции и духовного мира главного героя «Москвы — Петушков»:

«Шекспировского Гамлета певцы „М.[ировой] с.[корби]“ считали первым своим предтечей, тщетно пытавшимся решить непосильную для него задачу — искоренить зло, восстановить нравственную гармонию. <…> „М. с.“ носит характер меланхолии, уныния, безысходного томления. Галерея персонажей, отмеченных „М. с.“, возглавляется гётевским Вертером, страдающим в мещанско-чиновничьей среде и утратившим всякое доверие к действительности <…> „М. с.“ не только разлад личности со средой, воспринимаемый как безысходная трагич. ситуация, но и раздор со всем мироустройством („космический пессимизм“), утверждение призрачности человеч.[еского] счастья (пьесы „Манфред“ и „Каин“ Байрона <…>). Чувство превосходства над окружающими у героя „М. с.“ нередко сочетается с презрением к свету и толпе. <…> Идейно-эмоц.[иональному] комплексу „М. с.“

на Западе близко умонастроение героев романтич.[еских] поэм А. С. Пушкина („Цыганы“), М. Ю. Лермонтова („Демон“), а также в известной мере мысли и переживания т. н. „лишнего человека“. Однако „лишние люди“ являются героями реалистич.[еской] лит[ерату]ры и лишены какого бы то ни было романтич.[еского] ореола, демонизма и избранничества» (Там же. С. 859–860).

Здесь все Веничкино — и Гамлет (см. 10.14, 11.11), и Вертер (25.42), и космический пессимизм (15.7), и Каин с Манфредом и их чувством превосходства (10.38), и демон (15.19), и «лишние люди» (25.16). Что, впрочем, закономерно в контексте профессионального филологического образования Венедикта Ерофеева.

15.13 С. 32. *…вы видели «Неутешное горе» Крамского? Ну конечно, видели. —*

«Неутешное горе» (1884) — картина русского художника и художественного критика Ивана Крамского (1837–1887), одного из создателей и идеологов Товарищества передвижных художественных выставок, написанная художником под трагическим впечатлением смерти двух его сыновей. Увидеть оригинал картины без особых трудов можно в Третьяковской галерее, а его репродукции вместе с сотнями других произве-

дений российской и советской классики широко тиражировались на открытках и в общественно-политических журналах типа «Огонька» (отсюда уверенность Венички — «ну конечно, видели»). Кисти Крамского принадлежит и известная картина «Христос в пустыне» (1872; Третьяковская галерея), в которой Крамской реализует один из главных своих идеологических и художественных принципов — «очеловечивание Христа», что соотносится с регулярными сравнениями рассказчика в «Москве — Петушках» с Иисусом.

Сходная формулировка риторического вопроса есть у Гамсуна: «Вы когда-нибудь пили шампанское? Ну конечно же пили» («Мистерии», гл. 3).

15.14 *…у этой оцепеневшей княгини или боярыни…* —

На картине Крамского «Неутешное горе» изображена женщина, принадлежащая, судя по одежде и антуражу, к достаточно богатому сословию. Реалии картины закономерно относятся ко второй половине XIX в., то есть к тому времени, когда класс бояр стал уже достоянием (русской) истории — он прекратил свое существование в годы правления Петра I, на рубеже XVII–XVIII вв. Подобное «смутное» определение социального статуса героини картины совпадает с неразли-

чением Веней архитектурных элементов домов — мансарды, мезонина, флигеля, антресолей, чердака («я все это путаю и разницы никакой не вижу») (см. 30.30).

Существительное же «княгиня» часто встречается в названиях классических русских портретов; например, в Третьяковской галерее хранятся картины А. Егорова «Портрет кн.[ягини] Е. И. Голицыной» (нач. XIX в.), С. Зарянко «Портрет светл. кн.[ягини] М. В. Воронцовой» (1851) и др. Отдельно отмечу названия и двух других классических образцов русской живописи XIX в.: «Княжна Тараканова» (1864) К. Флавицкого и «Боярыня Морозова» (1887) В. Сурикова. «Княжна Тараканова» отсылает к важной для «Москвы — Петушков» теме самозванства и борьбы за престол (4.24), а также к «хныканью женщины в феврале» (16.17). В «Боярыне Морозовой» есть мотив раскола, смежный «Хованщине» (25.22). Другие полотна Сурикова также обнаруживают связь с «Москвой — Петушками»: в частности, «Утро стрелецкой казни» (1881; Третьяковская галерея) (25.21) и «Покорение Сибири Ермаком» (1895; Русский музей), — в контексте замечания о том, что в Сибири живут одни только негры (29.23).

Упомянуть «Княжну Тараканову» и «Боярыню Морозову» следует еще и потому, что, помимо наличия в их названиях слов «княжна» (вариант «княгини») и «боярыня», здесь есть еще и совпадение «географическое»: оригиналы обоих полотен и «Неутешного горя» находятся в Третьяковской галерее в непосредственной близости друг от друга — в разделе «Русская живопись второй пол. XIX — нач. XX в.», что особенно примечательно в связи с практическим вопросом: «Вы видели „Неутешное горе“ Крамского?» (15.13).

А вот описание идентичных, трагических чувств и мыслей в аналогичной «Неутешному горю» ситуации другой княгини — из Льва Толстого:

«После похорон отца княжна Марья заперлась в своей комнате и никого не впускала к себе. <…> Она лежала на диване лицом к стене и, перебирая пальцами пуговицы на кожаной подушке, видела только эту подушку, и неясные мысли ее были сосредоточены на одном: она думала о невозвратимости смерти и о той душевной мерзости, которой она не знала до сих пор и которая выказалась во время болезни ее отца. Она хотела, но не смела молиться, не смела в том душевном состоянии, в котором она находилась, обращать-

ся к богу. Она долго лежала в этом положении» («Война и мир», т. 3, ч. 2, гл. 10).

15.15 С. 32. *...если бы... какая-нибудь кошка уронила бы в ту минуту на пол что-нибудь такое — ну, фиал из севрского фарфора, — или, положим, разорвала бы в клочки какой-нибудь пеньюар немыслимой цены, — что ж она? стала бы суматошиться и плескать руками? Никогда бы не стала... —*

Фиал — здесь: древний (как греческий, так и римский) сосуд для питья, низкий и с узким горлышком. Севрский фарфор — изделия из дорогостоящего фарфора, произведенного в городе Севр (Sevres) во Франции.

Здесь имитируется идея «вторжения» в живописное полотно, высказанная Достоевским, причем также по отношению к картине Крамского:

«У живописца Крамского есть картина под названием „Созерцатель“: изображен лес зимой, и в лесу, на дороге, в оборванном кафтанишке и лаптишках стоит один-одинешенек, в глубочайшем уединении забредший мужечонко, стоит и как бы задумался, но он не думает, а „что-то“ созерцает. Если б его толкнуть, он вздрогнул бы и посмотрел на вас точно проснувшись, но ничего

не понимая. Правда, сейчас бы и очнулся, а спросили бы его, о чем он это стоял, то наверно бы ничего не припомнил. Но за то наверно бы затаил в себе впечатление, под которым находился во время созерцания» («Братья Карамазовы», ч. 1, кн. 3, гл. 6).

15.16 *…у этой оцепеневшей княгини или боярыни… <…> Скушна эта княгиня? — Она невозможно скушна и еще бы не была скушна! —*

Своеобразная полемика с Сологубом, у которого боярыня чувства скуки не испытывала: «Не скучен боярыне терем, / И взор ее нежен и строг…» («Вдали, над затравленным зверем…», 1896).

15.17 *Она легкомысленна? — В высшей степени легкомысленна! —*

Так как данное обвинение в легкомыслии относится к женщине, которую постигло страшное горе — смерть близкого человека, то стоит вспомнить Достоевского:

«Это было глубокое и настоящее уже горе, по крайней мере на его [Степана Верховенского] глаза, его сердцу. <…> А ведь настоящее, несомненное горе даже феноменально легкомысленного человека способно иногда сделать солидным и стойким, ну хоть на малое время; мало того, от

истинного, настоящего горя даже дураки иногда умнели, тоже, разумеется, на время; это уж свойство такое горя» («Бесы», ч. 1, гл. 5 (VII).

И Розанова: «Настоящей серьезности человек достигает, только когда умирает. <…> Неужели же вся жизнь легкомыслие? Вся» («Опавшие листья», короб 1-й).

15.18 С. 33. *Отчего я легковеснее всех идиотов… —*

Аллюзия на заглавие романа Достоевского и одновременно предречение «текела» (Дан. 5: 25) (см. 45.4). Также в одном из псалмов Давида читаем: «Бог нам прибежище. Сыны человеческие только суета; сыны мужей — ложь; если положить их на весы, все они вместе легче пустоты» (Пс. 61: 9, 10).

15.19 *Отчего я и дурак, и демон, и пустомеля разом? —*

Совпадение в одном лице различных человеческих ипостасей, причем принципиально противоположных, — одна из традиционных в литературе парадигм, структурирующих образ центрального персонажа: Дон Кихот, например, одновременно идиот и отважный рыцарь, Родион Раскольников — убийца и Мессия и т. п. У

Франсуа Вийона, поэта и уголовника разом, есть признание:

Я скуп и расточителен во всем,
Я жду и ничего не ожидаю.
Я нищ, и я кичусь своим добром.
Трещит мороз – я вижу розы мая.
<…>
Я ночью бодр и засыпаю днем.

(«Баллада поэтического состязания в Блуа»)

У Льва Толстого была мечта: «Как бы хорошо написать художественное произведение, в котором бы высказать текучесть человека, что он один и тот же — то злодей, то ангел, то мудрец, то идиот, то силач, то бессильное существо» (Дневник за 1889 г.).

Сочетание же демона еще с кем-нибудь встречается у Кузмина:

С одной мечтой в упрямом взоре,
На Божьем свете не жилец,
Ты сам – и Демон, и Печорин,
И беглый, горестный чернец.

(«Лермонтову», 1916)

Упоминание о демоне отсылает к стихотворению Пушкина «Демон» (1823) и поэме Лермонтова «Демон» (1829–1838), цитируемых в «Москве — Петушках» (8.14).

16. СалтыковскаЯ – КуЧино

16.1 С. 33. *Кучино* —
подмосковная железнодорожная платформа на магистрали Москва — Владимир.

16.2 *…от самой Москвы и до самых Петушков…* —
Перифраз слов «Песни о Родине» (1935) Василия Лебедева-Кумача («Широка страна моя родная»; композитор Исаак Дунаевский) из кинофильма «Цирк» (1936, Мосфильм; режиссер Григорий Александров):

От Москвы до самых до окраин,
С южных гор до северных морей
Человек проходит, как хозяин
Необъятной Родины своей.

Написанная в преддверие массового сталинского террора, за год до вступления в КПСС одного из персонажей «Москвы — Петушков» (13.3, 13.4), эта песня стала непреходящим «шедевром» советской культуры эпохи тоталитаризма и оставалась в арсенале советских идеологов вплоть до горбачевской перестройки.

16.3 *...если теперь начну сквернословить, то как-нибудь счастливо... как в стихах у германских поэтов: «Я покажу вам радугу!» или «Идите к жемчугам!» —*

Сам Венедикт Ерофеев пишет об этих «цитатах» из немецких поэтов следующее: «Строки „Я покажу вам радугу!“ и „Идите к жемчугам“ заимствованы не из самих германских поэтов, а из вариаций нашего поэта Константина Бальмонта на темы романтиков времен Гельдерлина и Уланда» (Венедикт Ерофеев — переводчице Эльжбете Вари, 30 марта 1989 года, Москва; опубл.: Новая газета. 2006. 28 сентября). Так, «я покажу» и «идите» у Бальмонта встречаются по соседству, например здесь:

Я покажу вам то, одно,
Что никогда вам не изменит,
Как камень, канувший на дно,
Верховных волн собой не вспенит.

Идите все на зов звезды,
Глядите, я горю пред вами.
Я обещаю вам сады
С неомраченными цветами.

(«Оттуда», «Я обещаю вам сады...», 1899)

В контексте бальмонтовского обращения к людям доброй воли (см. 7.7) отмечу также: «Идите в Жизнь, мир людям доброй воли, / Идите в Жизнь, мир людям воли злой…» («Pax hominibus bonae voluntatis», 1905). Помимо этого, Бальмонт отсылает своих читателей и по другим адресам: «К Солнцу идите, коль Солнца воистину хочет душа…» («Литургия красоты», 1905); «В тартарары идите» («Заговор от двенадцати девиц», 1906); «Идите к старикам» («Заговор от погасших», 1906); «На остров идите» («Заговор охотника», 1906); «Идите, идите, стада, / В простор изумруда, под звуки свирели…» («Праздник зеленой недели», 1906); «Идите, идите, стада, / В простор изумруда, под звуки свирели…» («Каждый есть церковь», 1909).

Что касается жемчугов (именно во множественном числе), то их у Бальмонта также имеется в изобилии, в том числе и как ориентир для ходьбы: «Он, Единственный, не с нами, / Он ушел за жемчугами…» («Единственный», 1909); ср. также: «Я вновь пойду слепым путем, / Я брошу жемчуга!» («Я тихо сплю», 1903).

Как «строительный материал» есть у Бальмонта и радуга: «Я коснулся душ чужих, <…> Вызвал радугу мечты…» («Выше, выше», 1899). В пределах

одного стихотворения радуга и жемчуга (вкупе с хоромами, ср. 14.12) встречаются у него в стихотворении «Сказ о камнях»:

Взрыв, и дрожь, и зов к мечте,
Брызги радуг – красоте.
<…>
И отпрянула к хоромам
Темным, вниз, как от врага,
Закрывая синим громом
Неземные жемчуга.

(«Белый зодчий. Таинство четырех светильников», 1914)

Данный пассаж — стилизация традиционных русских угроз типа «Я тебе покажу Кузькину мать!» (нецензурный вариант: «Я тебе покажу, ебёна мать!») и ругательств типа «Идите к чертям!» (нецензурный вариант: «Иди к ёбаной матери!») под стихи немецких поэтов-романтиков начала XIX в. путем замены неприличных/нецензурных слов эвфемизмами из их поэтического арсенала.

У Достоевского Катерина Ивановна, находясь в состоянии психического расстройства, поет на улице романс на стихи Гейне в переводе Фета

«Du hast Diamanten und Perlen» («Преступление и наказание, ч. 5, гл. 5):

Ты вся в жемчугах и алмазах,
Вся жизнь для тебя благодать,
И очи твои так прелестны, —
Чего ж тебе, друг мой, желать?

У Ф. Матиссона находим радугу:

Поток! Мне клуб твой пенный
Был краше и светлей,
Чем пурпур драгоценный
И перлы богачей.
<…>
Как роза молодая,
Как зеркало ручья,
Как радуга цветная —
Прекрасны дни ея.

(«Младенчество», пер. П. Шкляревского)

Упоминание о жемчугах также рождает у знатоков поэзии законные ассоциации с Гумилевым («И как сладко рядить Победу, / Точно девушку, в жемчуга…» («Наступление», 1914), и прежде всего с его поэтическим сборником «Жемчуга»

(1910). У того же Гумилева жемчуга, точнее — слова-жемчуга, провоцируют лирического героя на сильные выражения и ругательства:

Из-за слов твоих, как соловьи,
Из-за слов твоих, как жемчуга,
Звери дикие – слова мои,
Шерсть на них, клыки у них, рога.

(«Подражание персидскому», 1919)

16.4 С. 33. *…моей бесстыжей царицы…* —

Царица — поэтическое обращение к возлюбленной, вполне логичное в контексте называния Веничкой самого себя принцем (см. 13.26), а любовницы — Клеопатрой; у Брюсова есть подобное сравнение: «Я — принц, а ты — царевна» («Эпизод», 1901). У него, любившего многих «бесстыжих цариц», также читаем: «Я — раб, и был рабом покорным / Прекраснейшей из всех цариц» («Раб», 1900); или — непосредственно в сочетании с Клеопатрой:

Мысли – четки! Выслушай, царица!
Ропот мой безумьем назови!
Пусть в тебе таит свой бред блудница,
Цезарь тож не новичок в любви.

(«Цезарь Клеопатре», 1920)

Есть «царицы», например, у Фета: «Но на закате дня к себе, царица, ты / Их соберешь ко сну в таинственном жилище…» («Роями поднялись крылатые мечты…», 1889); у Сологуба: «Мне запрещенный рай сулила / Царица радостного зла…» («Нет, не любовь меня влекла…», 1893), «О царица моя! Кто же ты? Где же ты? <…> Или встречу тебя, о царица моя?» («О, царица моя! Кто же ты? Где же ты?..», 1894); и у Маяковского: «„Любящие Маяковского!“ — / да ведь это ж династия / на сердце сумасшедшего восшедших цариц» («Облако в штанах», 1914–1915).

16.5 *…на белый живот ее загляделся, круглый, как небо и земля… —*

Веничка обыгрывает здесь идиому «как небо и земля», обозначающую радикальное различие между двумя объектами сравнения. Живот и земля сравниваются по форме вполне закономерно. Сравнение же женского живота с небом сугубо авторское и позаимствовано у Кузмина, который чувственно писал о чувственной Елене Прекрасной: «Подымается мерно живот, / круглый, как небо! / Губы, сосцы и ногти чуть розовеют…» («Враждебное море», 1917).

Схожий образ «убеленного» лилиями женского

лона и круглого живота находим в Библии, в описании Суламифи: «Живот твой — круглая чаша, в которой не истощается ароматное вино; чрево твое — ворох пшеницы, обставленный лилиями» (Песн. 7: 3). Что касается белого цвета существенной части тела Веничкиной любовницы и ее морального облика, то здесь можно вспомнить Блока: «Как ты лжива и как ты бела! / Мне же по сердцу белая ложь…» («Днем вершу я дела суеты…», 1902).

16.6 *…пастись между лилиями…* —

Эвфемизм «пастись между лилиями», то есть заниматься любовью, восходит к Библии, где Суламифь, имеющая «чрево, обставленное лилиями» (Песн. 7: 3), говорит: «Возлюбленный мой принадлежит мне, а я ему; он пасет между лилиями» (Песн. 2: 16; см. также 6: 3). Кстати, Мирра Лохвицкая (см. 17.5) использовала данное образное высказывание Суламифи в качестве эпиграфа к своему стихотворению «Между лилий» (1897).

16.7 С. 34. *…ангелы… Вы не отлетите?* —

— <…> *Мы отлетим, как только ты улыбнешься…* —

Опасения по поводу возможного отлета/отхода ангелов в контексте с упоминанием о поездке/пу-

тешествии к христоподобному младенцу связаны с новозаветным эпизодом о пастухах, к которым является Ангел Господень и сообщает о рождении Христа (Лк. 2: 8–14); далее следует: «Когда Ангелы отошли от них на небо, пастухи сказали друг другу: пойдем в Вифлеем и посмотрим, что там случилось, о чем возвестил нам Господь. И, поспешив, пришли и нашли Марию и Иосифа, и Младенца, лежащего в яслях» (Лк. 2: 15–16). То есть здесь: ангелы отлетят, как только Веничка улыбнется своему младенцу.

Глагол «отлетать/отлететь» активно использовался поэтами Серебряного века. Так, у Мережковского есть: «С потухшим факелом мой гений отлетает…» («С потухшим факелом мой гений отлетает…», 1886); у Блока: «Отлетим в лазурь…» («Сторожим у входа в терем…»; 1904), «Мы опять расплещем крылья, / Снова отлетим…» («Дали слепы, дни безгневны…», 1904); у Ахматовой: «…Отлетит томленье…» («Приду туда, и отлетит томленье…», 1916), «Так незаметно отлетать, / Почти не узнавать при встрече…» («О, жизнь без завтрашнего дня…», 1921), «Так отлетают темные души…» («Так отлетают темные души…», 1940); у Кузмина: «Потому не навек / Отлетел от меня / Ангел благовествующий…» («Ангел благовеству-

ющий», 1918).

16.8 С. 34. *…младенец, любящий отца, как самого себя…* —

Контаминация «бытовых» новозаветных Христовых заповедей: «Почитай отца и мать; и люби ближнего твоего, как самого себя» (Мф. 19: 9; ср. также Мк. 12: 33; Рим. 13: 9; Гал. 15: 14) — и положений о любви к Отцу Небесному: «Иисус сказал им: если бы Бог был Отец ваш, то вы любили бы Меня, потому что Я от Бога исшел и пришел; ибо Я не Сам от Себя пришел, но Он послал Меня» (Ин. 8: 42); «Но чтобы мир знал, что Я люблю Отца и, как заповедал Мне Отец, так и творю: встаньте, пойдем отсюда» (Ин. 14: 31).

16.9 *Если нож или бритва попадутся ему на глаза — пусть он ими не играет, найди ему другие игрушки, Господь.* —

Аллюзия на одну из версий гибели царевича Димитрия (см. 4.24). В связи с этой аллюзией, упоминанием об игрушке и с учетом контекста всего фрагмента приведу отрывок из воспоминаний о Шаляпине в роли Бориса Годунова (10.13):

«[Шуйский поет:] Но детский лик царевича был светел, чист и ясен…

Борис стоит спиной к зрительному залу, но

всем понятно, как нестерпимо тяжко ему от таких слов. Его тело содрогается, он поднимает кверху голову, оборачивается, и мы видим искаженное мукой лицо с закрытыми глазами.

— Казалось, в своей он колыбельке спокойно спит, — продолжал елейный голос Шуйского.

Борису становилось уже невыносимо слушать дальше, и после фразы Шуйского: „Сложивши ручки и правой крепко сжав игрушку детскую“, — он кричит: „Довольно!“ <…> Борис тяжело опускается на скамью. <…> Борис расстегивает ворот шелковой рубашки. Вздыхает[:]

— Уф, тяжело, дай дух переведу…» (*Черкасов Н.* «Борис Годунов» в Петрограде // Шаляпин Федор: В 3 т. М., 1960. Т. 2. С. 394–395).

16.10 *Мне сказали: он болен и лежит в жару. Я пил лимонную у его кроватки, и меня оставили с ним одного. —*

В связи с ситуацией «ребенок в жару и отец с рюмкой в руке у его постели» возможна полемика со Львом Толстым. Вот сцена в поместье старого князя Болконского во время болезни сына князя Андрея:

«[Андрей Болконский в детской] сидел на маленьком детском стуле и дрожащими руками, хмурясь, капал из склянки лекарство в рюмку

<…> Была вторая ночь, что они оба [Андрей и его сестра Марья] не спали, ухаживая за горевшим в жару мальчиком. <…> Князь Андрей подошел к ребенку и пощупал его. Он горел. <…> [Андрей] взял рюмку с накапанными в нее каплями и опять подошел. <…> он <…> с рюмкой нагнулся к ребенку» («Война и мир», т. 2, ч. 2, гл. 8).

Лимонная — сорт крепкой (40°) горькой советской настойки, имеет характерный привкус лимона.

16.11 *Я долго тогда беседовал с ним и говорил:*

— Ты… знаешь что, мальчик? ты не умирай… —

Постоянное соотнесение Венички с Христом позволяет в этом месте напомнить новозаветный эпизод с чудесным «заочным» исцелением Иисусом сына галилейского царедворца из Капернаума. Сын царедворца лежал в горячке, должен был вот-вот умереть, однако Христос спас его от смерти (Ин. 4: 46–54), причем это было второе «галилейское чудо» Иисуса, последовавшее за превращением воды в вино на свадьбе в Кане Галилейской.

Можно продолжить и «толстовскую» линию, начатую в 16.10:

«[Андрею Болконскому] пришло в голову, что

ребенок умер. <…> „Все кончено“, — подумал он, и холодный пот выступил у него на лбу. Он растерянно подошел к кроватке, уверенный, что найдет ее пустою, что нянька прятала мертвого ребенка. <…> Наконец он увидал его: румяный мальчик, раскидавшись, лежал поперек кроватки, опустив голову ниже подушки, и во сне чмокал, перебирая губками, и ровно дышал. Князь Андрей обрадовался, увидав мальчика, так, как будто бы он уже потерял его. Он нагнулся и <…> губами попробовал, есть ли жар у ребенка. <…> Не только он не умер, но теперь очевидно было, что кризис совершился и что он выздоровел. Князю Андрею хотелось схватить, смять, прижать к своей груди это маленькое, беспомощное существо; он не смел этого сделать. Он стоял над ним, оглядывая его голову, ручки, ножки, определявшиеся под одеялом. <…> Он <…> глядя в лицо ребенка, все слушал его ровное дыхание. <…> Ребенок во сне пошевелился, улыбнулся и потерся лбом о подушку» («Война и мир», т. 2, ч. 2, гл. 9).

Сходная ситуация «умирающий на глазах у отца сын-младенец» есть у Надсона:

> *Я помню страшный час, когда мой сын любимый,*

Мой младший сын, как брат, бледнел и угасал.

Еще смеялся он, – а смерть уже летала

Над ним и холодом дышала на него.

(«Бедуин», 1881)

Также в кинофильме «Председатель» (28.4) у главного героя Егора Трубникова сначала тяжело болеет, а затем умирает от дифтерита маленький сын.

Веничкина просьба к сыну звучит полемично по отношению к заявлению раннего Маяковского: «Я люблю смотреть, как умирают дети…» («Несколько слов обо мне самом», 1913).

16.12 С. 34. — <…> *Ты хоть сам понимаешь, что это глупо?*

— *Понимаю, отец…* —

Полное взаимопонимание между отцом и сыном описывалось еще в Новом Завете: «Все предано Мне Отцем Моим, и никто не знает Сына, кроме Отца; и Отца не знает никто, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть» (Мф. 11: 27; ср. также Лк. 10: 22). Здесь Веничка надевает на себя новую маску — Создателя, а Иисусом становится его младенец.

16.13 С. 35. *И все, что они говорят — вечно живущие ангелы и умирающие дети, — все так значительно, что я слова их пишу длинными курсивами… —*

Мудрый младенец — не кто иной, как Иисус: «Через три дня нашли Его в храме, сидящего посреди учителей, слушающего их и спрашивающего их; Все слушавшие Его дивились разуму и ответам Его» (Лк. 2: 46–47). Позже сам Иисус учит: «Славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам <…> Иисус, призвав дитя, поставил его посреди них [апостолов] И сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное; Итак, кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном; И кто примет одно такое дитя во имя Мое, тот Меня принимает» (Мф. 11: 25; 18: 2–5).

Тема чрезмерной, «взрослой» детской мудрости, совмещенная с детскими страданиями, занимает в русской литературе важное место, особенно у Достоевского и Льва Толстого:

«Маленькому сыну князя Андрея было семь лет. Он едва умел читать, он ничего не знал. Он многое пережил после этого дня, приобретая знания, наблюдательность, опытность; но ежели бы он

владел тогда всеми этими после приобретенными способностями, он не мог бы лучше, глубже понять все значение той сцены, которую он видел между отцом, княжной Марьей и Наташей, чем он ее понял теперь. Он все понял и, не плача, вышел из комнаты, молча подошел к Наташе <…> застенчиво взглянул на нее задумчивыми прекрасными глазами; приподнятая румяная верхняя губа его дрогнула, он прислонился к ней головой и заплакал» («Война и мир», т. 4, ч. 1, гл. 15).

Что же касается курсива, то сходный по формулировке «полиграфический» тезис есть у Саши Черного: «Такого рода „истории“ не на четвертой странице печатать надо и не бисерным шрифтом, а крупными буквами, в черной кайме» («Дневник резонера», 1904).

16.14 *…плясать под мою «поросячью фарандолу»…* —

Фарандола (farandole) — старинный провансальский народный танец; исполняется группой танцоров, которые, взявшись за руки, выстраиваются в цепочку и в быстром темпе движутся по кругу или по спирали. Фарандолы есть, в частности, у Чайковского («Спящая красавица») и Гуно («Мирейль»).

16.15 С. 35. *Музыка отца и слова его же. «Там та-ки-е милые, смешные чер-те-нят-ки цапали-царапали-кусали мне жи-во-тик…» —*

В детских «Песенках» у Саши Черного есть про животики: «А потом мы на шкапу / С ней плясали „Ки-ка-пу“. / Ножки этак, так и сяк, / А животики — вот так» («Чижик», 1920); «Прибежал вдруг котик, / Прыгнул на животик» («Колыбельная», 1920). Можно также перечитать его «Совершенно веселую песню (Полька)» (1910). А «чертенятки» фигурируют в названии стихотворения Блока «Болотные чертенятки» из сборника «Пузыри земли» (1904–1905).

16.16 *А ты, подпершись одной рукой, а другой платочком размахивая, прыгал, как крошечный дурак… —*

Напомню русский танец (с платком и «руки в боки») Наташи Ростовой в доме у дядюшки из Льва Толстого:

«Наташа сбросила с себя платок, который был накинут на ней, забежала вперед дядюшки и, подперши руки в боки, сделала движенье плечами и стала. Где, как, когда всосала в себя из того русского воздуха, которым она дышала, — эта графинечка, воспитанная эмигранткой-француженкой, — этот дух, откуда взяла она эти

приемы <…>? Но дух и приемы эти были те самые, неподражаемые, неизучаемые, русские <…> Она сделала то самое и так точно, так вполне точно это сделала, что Анисья Федоровна, которая тотчас подала ей необходимый для ее дела платок, сквозь смех прослезилась» («Война и мир», т. 2, ч. 4, гл. 7).

16.17 *«С фе-вра-ля до августа я хныкала и вякала, на исхо-де ав-гус-та ножки про-тяну-ла…»* —

Использование глагола в форме женского рода в ситуации, в которой участвуют двое мужчин и совсем нет женщин, естественно, вызывает вполне определенные реминисценции. У Северянина в стихах, посвященных памяти поэтессы Мирры Лохвицкой (см. 17.5), читаем: «Умерла она в пору августа, / Когда зелень трав и дубрав густа…» («Траурная элегия», 1909); «Двадцать седьмое августа; семь лет / Со дня кончины Лохвицкой; седьмая / Приходит осень, вкрадчиво внимая / Моей тоске…» («27 августа 1912 г.», 1912). Кроме Лохвицкой, «на исходе августа ножки протянула» и другая русская поэтесса: Марина Цветаева покончила с собой 31 августа 1941 г.

Символично также, что и вдова Венедикта Ерофеева, Галина, ушла из жизни «на исходе августа»: «В конце августа 1993 года, оставив коробку

с дневниками [бесед с Ерофеевым] случайной соседке, Галина Носова [девичья фамилия вдовы] выбросилась из окна тринадцатого этажа» (*Авдиев И.* Предисловие… С. 168).

Что касается «хныканья и вяканья с февраля», то здесь, разумеется, на память приходит ранний Пастернак: «Февраль. Достать чернил и плакать! / Писать о феврале навзрыд…» («Февраль. Достать чернил и плакать!..», 1912). У него же с февралем связана и тяжкая доля одной из «протянувших ножки» героинь русской истории: «Ты бьешься, как билась княжна Тараканова, / Когда февралем залило равелин…» («Душа», 1915).

16.18 *…я хныкала и вякала…* —

Глагол «хныкать» в связи с младенцем встречается у большого любителя младенцев — Сологуба: «„Хнык, хнык, хнык!“ — / Хныкать маленький привык…» («Хнык, хнык, хнык!..», 1916).

Глагол «вякать» по отношению к больному ребенку употреблялся, например, Зощенко: «И по случаю болезни он [младенец] каждую минуту вякает, хворает и требует к себе внимания» («Голубая книга», «Приложение к пятому отделу», «Происшествие»).

16.19 *«Раз-два-туфли-надень-ка-как-ти-бе-не-*

стыдно-спать?..» —

Начало припева популярной в 1960-е гг. советской танцевальной песенки «Йенька» («Енька»), под которую исполнялся коллективный финский танец летка-енька/енка (letkajenka). Текст написан Дмитрием Ивановым на мелодию финского композитора Р. Лехтинена, обработанную Г. Подельским. Полный текст припева следующий:

Раз, два! Туфли надень-ка, —
Как тебе не стыдно спать!
Славная, милая, смешная «Йенька»
Нас приглашает танцевать!

(Цит. по: Подельский Г. Йенька. Песня для голоса в сопровождении фортепиано. Слова Дм. Иванова. М.: Сов. композитор, 1967. С. 2)

Некоторые исследователи рассматривают цитирование фрагмента припева как косвенную реминисценцию мотива «встань и иди» — через «как тебе не стыдно спать!» (*Паперно И., Гаспаров Б.* «Встань и иди». С. 390). Здесь же возникают ассоциации и с Некрасовым, у которого правильный Гражданин обращается к возлежащему в хандре и апатии Поэту в поэтике «Йеньки»:

Послушай: стыдно!

Пора вставать! Ты знаешь сам,
Какое время наступило;
В ком чувство долга не остыло,
Кто сердцем неподкупно прям,
В ком дарованье, сила, меткость,
Тому теперь не должно спать…

(«Поэт и гражданин», 1856)

16.20 С. 35. *У меня особые причины любить эту гнусность… —*

Летка-енька (см. 16.19) вызывает у рассказчика особые эмоции потому, что изначально является финской песенкой, а автор «Москвы — Петушков» родился на Кольском полуострове, неподалеку от границы СССР с Финляндией (*Фролова Н.* [О Вен. Ерофееве]. С. 74). В одном из интервью с Венедиктом Ерофеевым читаем его признания:

«– …Я был тогда [в начале 1960-х гг., во время учебы во Владимирском педагогическом институте] ослеплен вот этой моей скандинавской литературой. И только о ней и писал.

[Прудовский:] — Отчего же ты был ими так очарован?

— Потому что они — мои земляки.

— А кто конкретно из скандинавов?

— Ну как это — кто конкретно? Опять же Генрик Ибсен, Кнут Гамсун в особенности. Да я, в сущности, и музыку люблю только Грига и Яна Сибелиуса. Тут уже с этим ничего не поделаешь» («Сумасшедшим можно быть в любое время»… С. 421).

16.21 *Вот и я, как сосна… Она такая длинная-длинная и одинокая-одинокая, вот и я тоже… —*

Реминисценция хрестоматийного стихотворения Лермонтова: «На севере диком стоит одиноко / На голой вершине сосна…» («На севере диком…», 1841, вольный перевод из Гейне). Сравнение себя с «неумирающей» сосной встречается у Пастернака: «И вот, бессмертные на время, / Мы к лику сосен причтены…» («Сосны», 1941).

16.22 *Вот и я — пока не рухну, вечно буду зеленым… —*

Сосна, как известно из школьного курса биологии, является вечнозеленым деревом. Кроме этого, здесь обнаруживается косвенная связь с классическим ботаническим сравнением Есенина: «Сам себе казался я таким же кленом, / Только не опавшим, а вовсю зеленым…» («Клен ты мой опавший, клен заледенелый…», 1925).

16.23 *…одуванчик… все колышется и облетает*

от ветра… Вот и я: разве я не облетаю? разве не противно глядеть, как я целыми днями все облетаю да облетаю?.. —

«Облетает/опадает» человек-цветок у «ропщущего» пророка: «Человек, рожденный женою, краткодневен и пресыщен печалями. Как цветок, он выходит, и опадает; убегает, как тень, и не останавливается» (Иов. 14: 1, 2). То же у Розанова: «Как увядающие цветы, люди» («Опавшие листья», короб 1-й).

16.24 *…младенец… блаженно заулыбался… —*

У Ходасевича сходный образ «мудрого» младенца с неповторимой улыбкой:

…Лишь один,
Лет четырех бутуз, в ушастой шапке,
Присел на камень, растопырил руки,
И вверх смотрел, и тихо улыбался.
Но, заглянув ему в глаза, я понял,
Что улыбается он самому себе,
Той непостижной мысли, что родится
Под выпуклым, еще безбровым лбом,
И слушает в себе биенье сердца,
Движенье соков, рост… Среди Москвы,

Страдающей, растерзанной и падшей,
—

Как идол маленький, сидел он, равнодушный,

С бессмысленной, священною улыбкой.

И мальчику я поклонился тоже.

(«2-го ноября», 1918)

Следует отметить здесь не только христоподобную взрослость малыша-мыслителя и его улыбку, но и «биенье сердца» (см. 13.12), а также то, что этому пассажу предшествует пространное описание прогулки лирического персонажа по Москве, данное сквозь призму смерти.

17. КуЧино – ЖелезнодорожнаЯ

17.1 С. 36. *Железнодорожная* —
железнодорожная станция в городе Железнодорожный (Московская область; расположен в 21 км от Москвы); население на 1970 г. — 57 000 человек.

17.2 *Но сначала все-таки к ней! Сначала — к ней! Увидеть ее на перроне, с косой от попы до затылка, и от волнения зардеться…* —

У раннего Евтушенко читаем:
От самого себя устал бежать.
Домой поеду.
В жаркой электричке
<…>
Приеду к девушке одной.
Она все бросит.
Она венком большие косы носит.
Она скучала от меня вдали.
Она поцеловать меня попросит.

(«Глубокий снег», 1955)

17.3 *…и пастись, пастись между лилиями…* — См. 16.6.

17.4 *…ровно столько, чтобы до смерти изнемочь!* —

Изнемочь/изнемогать (от любви) — библеизм: «[Суламифь:] Подкрепите меня вином, освежите меня яблоками, ибо я изнемогаю от любви» (Песн. 2: 5); «Заклинаю вас, дщери Иерусалимские: если вы встретите возлюбленного моего, что скажете вы ему? что я изнемогаю от любви» (Песн. 5: 8).

Активно употреблялся этот глагол и поэтами. Пушкиным: «Но ты не изнемог от сладкой их отравы…» («К вельможе», 1830); Тютчевым: «Она [радуга] полнеба обхватила / И в высоте изнемогла…» («Как неожиданно и ярко», 1865); Фетом: «Ты пела до зари, в слезах изнемогая…» («Сияла ночь. Луной был полон сад. Лежали…», 1877); Сологубом: «Я в Лабиринте блуждаю, / Я без тебя изнемог…» («Ариадна», 1883), «А я — в тиши, во тьме блуждаю, / И в Лабиринте изнемог…» («Царевной мудрой Ариадной…», 1896); Надсоном: «Я дни губил в безмолвии страстей / И изнемог…» («К вам, бедняки, на грудь родных полей…», 1884); Блоком: «Но если ночь, встряхнув ветвями, / Захочет в небе изнемочь…» («Иванова ночь», 1906); Гумилевым: «О, если б кровь мою

пили, / Я меньше бы изнемог…» («Творчество», 1918); Кузминым: «Я изнемог, я так устал…» («Я изнемог, я так устал…», 1906); Анненским: «Хоть бы ночь скорее, ночь! / Самому бы изнемочь» («Умирание», 1910).

У Аксенова тоже встречаем ситуацию «изнемогания в результате пасения между лилий»: «Она еще изнемогала в стороне, кусала подушку, что-то бормотала, смиряя свою потревоженную плоть, и вдруг увидела — он уже сигаретой дымит! — и разозлилась — тоже мне любовник!» («Ожог», 1975).

17.5

Принеси запястья, ожерелья,
Шелк и бархат, жемчуг и алмазы,
Я хочу одеться королевой,
Потому что мой король вернулся. —

6-я строфа большого стихотворения «Сон» Мирры Лохвицкой (1904), героиня которого — королева — находится в спиритическом общении с портретом горбуна, меняющего свою внешность в зависимости от грядущих перемен в ее жизни:

Я – к портрету. Он опять смеется.
Злой горбун оскалил волчьи зубы.

Я зову, – бежит моя служанка,
Говорю: «Подай мои наряды,
Принеси запястья, ожерелья,
Шелк и бархат, жемчуг и алмазы,
Я хочу одеться королевой,
Потому-что мой король вернулся!»
«Госпожа, – лепечет мне служанка, —
Не один вернулся повелитель,
Не один – с чужой нарядной дамой.
И портрет ее велел повесить
Над твоею брачною постелью».

17.6 С. 36. *…не девушка, а баллада ля бемоль мажор! —*

Паперно с Гаспаровым усматривают в «балладе ля-бемоль мажор» анаграмму нецензурного слова «блядь» (*Паперно И., Гаспаров Б.* «Встань и иди». С. 396). В сочетании с белыми/белесыми тонами (см. 14.6) вспоминается один из объектов поклонения Пастернака:

Я люблю тебя черной от сажи
Сожиганья пассажей, в золе
Отпылавших андант и адажий,
С белым пеплом баллад на челе.

(«Скрипка Паганини», 1916)

В истории музыки самой известной балладой, написанной в тональности ля-бемоль мажор, является Баллада № 3 (1840–1841) — 47-й опус Фредерика Шопена.

17.7 *Стервоза* —

(от «стерва») — человек с мерзким характером, необязательно женщина; ср., например, у современника Ерофеева: «Ать, стервоза, как извивается!» (Г. Владимов. «Большая руда», 1960).

Называние возлюбленной стервой характерно для лирических героев некоторых поэтов, например Есенина (см. 17.9) или для Евтушенко, который, как и Веничка, заставляет женщину производить всякие сладострастные телодвижения:

Она была первой,
первой,
первой
кралей в архангельских кабаках,
Она была стервой,
стервой,
стервой

с лаком серебряным на коготках.
<…>
Что же молчишь ты?
Танцуй,
улыбайся!..

(«Баллада о стерве», 1965)

17.8 *Волхвование* —
колдовство, чародейство. Это существительное входит в лексикон поэтов. Например, Сологуб писал: «Что меня в голубой тишине / Волхвования ждут…» («Не понять мне, откуда, зачем…», 1896), а у Гумилева есть «ночь волхвований» («Сон Адама», 1910); также у Верлена (в переводе Сологуба) читаем: «И милых плеч очарованье, / И волхвование колен…» («Я не люблю тебя одетой…»).

17.9 *…откуда она взялась, эта рыжая сука? <…> Ну так что же, что «сука»? Зато какая гармоническая сука!* —
Грубое определение любимой женщины как «суки» вызывает ассоциации с известным кабацким стихотворением Есенина, где адресат называется не только сукой, но и стервой:

Сыпь, гармоника. Скука… Скука…

Гармонист пальцы льет волной.
Пей со мною, паршивая сука,
Пей со мной. <…>
Я средь женщин тебя не первую…
Немало вас,
Но с такой вот, как ты, со стервою
Лишь в первый раз. <…>
К вашей своре собачьей
Пора простыть.
Дорогая, я плачу,
Прости… прости…

(«Сыпь, гармоника. Скука… Скука…», 1922)

На Есенине, впрочем, здесь круг не замыкается. В классической диссидентско-блатной песне Юза Алешковского поется: «С кем ты, сука, любовь свою крутишь, / с кем дымишь сигареткой одной?..» («Окурочек», конец 1950-х — начало 1960-х гг.).

У Аксенова есть: «Он не мог двинуться с места, не мог сказать ни единого слова, <…> а она хохотала как безумная. Смех ее был очень обидным, смех сучки, иначе не назовешь. Сучка, сучка такая, думал он, но ничего не мог сказать» («Ожог»,

1975).

17.10 С. 36. *…какая гармоническая сука! —* Прилагательное «гармонический», в отличие от «гармоничный», используется в речи, в том числе и литературной, не очень часто. Тем не менее обнаруживается у многих поэтов: к примеру, у Пушкина есть «гармоническая роза» («Ел. Н. Ушаковой», 1829); у Тютчева — «гармонические орудия» («Ю. Ф. Абазе», 1869); у Фофанова — «гармонические грезы» («Блуждая в мире лжи и прозы…», 1887); у Брюсова — «гармонический шум» («После ночи бессонной…», 1895); у Бальмонта — «гармонические пиры» («Кинжальные слова», 1899); у Блока — «мой гармонический язык» («Они звучат, они ликуют…», 1901).

17.11 *И может ли в Петушках быть что-нибудь путное?*

— Может! — говорю я вам, и говорю так громко, что вздрагивают и Москва, и Петушки. — В Москве — нет, в Москве не может быть, а в Петушках — может! —

В Новом Завете один из первых апостолов Филипп сообщает простоватому Нафанаилу: «„…Мы нашли Того, о Котором писал Моисей в законе и пророки, Иисуса, сына Иосифова, из Назарета“. Но

Нафанаил сказал ему: из Назарета может ли быть что доброе? Филипп говорит ему: пойди и посмотри. Иисус, увидев идущего к Нему Нафанаила, говорит о нем: вот, подлинно Израильтянин, в котором нет лукавства. <…> Нафанаил отвечал Ему: Равви! Ты — Сын Божий, Ты — Царь Израилев» (Ин. 1: 45–47, 49). Здесь же Иисус начинает общаться с Ангелами Божиими в присутствии апостолов (Ин. 1: 51).

Также в противопоставлении Москвы Петушкам можно усмотреть здесь аналогию с противопоставлением города-блудницы Вавилона Новому Граду Иерусалиму в Откровении Иоанна Богослова.

17.12 *В Петушках… птичье пение не молкнет. —*

Аллюзия на Тютчева: «В лесу не молкнет птичий гам…» («Весенняя гроза», 1828, начало 1850-х гг.).

17.13 *…и в этот день, ровно двенадцать недель тому назад, были птички и был жасмин. А еще был день рождения… И еще — была бездна всякого спиртного… И было все, что может пожелать человек, выпивший столько спиртного… <…> А еще — было два мужичка, и были три косеющих*

твари… Больше как будто ничего не было. —

Паперно и Гаспаров справедливо считают, что этот период построен под Бунина (*Паперно И., Гаспаров Б.* «Встань и иди». С. 398):

«И как удивительно, что все это было когда-то и у меня! Москва, Пресня <…> деревянный мещанский домишко — и я, студент, какой-то тот я, в существование которого теперь уже не верится <…> И это было. Дочь какого-то дьячка в Серпухове, бросившая там свою нищую семью, уехавшая в Москву на курсы… <…> я поднимался на деревянное крылечко <…> Я кидался целовать ее <…> и мы бежали наверх. <…> Я бросал куда попало шинель, картуз и брал ее к себе на колени <…> Были эти слабые, сладчайшие в мире губы, были от избытка счастья выступавшие на глазах горячие слезы, тяжкое томление юных тел <…> Что еще помню? Помню, как весной провожал ее на Курском вокзале <…> Помню, как наконец она взобралась в сенцы одного из них [вагонов поезда] <…> Больше ничего не помню. Ничего больше и не было» («В одной знакомой улице», 1944).

Отмечу попутно в этом небольшом бунинском рассказе, помимо стилистического сходства, концентрацию реалий и мотивов «Москвы — Петушков»: 1) эротическая аура, совпадающая с

атмосферой комментируемой главы поэмы, на фоне убогого интерьера; 2) простой и искренний провинциал в Москве (у Бунина героиня из Серпухова); 3) роковой отъезд с Курского вокзала (у Бунина с этим отъездом героини заканчивается скоротечный роман с рассказчиком); 4) наличие музыкального лейтмотива всего происходящего (песня на стихи Якова Полонского, давшая название рассказу); 5) парижская тема (герой Бунина вспоминает о своем любовном приключении, находясь в Париже, в мезонине).

17.14 С. 36. *…ровно двенадцать недель тому назад…* —

См. 18.32, 37.16.

17.15 *…разбавлял российскую жигулевским пивом…* —

То есть делал «ерша» (см. 19.28).

17.16 *Прозревал.* —

Лексикон Венички уходит своими корнями в русскую поэзию. Данный глагол, например, обнаруживается в начале одного из текстов Блока, где с ним соседствуют и другие лексемы и образы (ангел, суета, немотствовать, изнемочь), используемые героем «Москвы — Петушков»:

Когда я прозревал впервые,
Навстречу жаждущей мечте
Лучи метнулись заревые
И трубный ангел в высоте.

Но торжества не выносила
Пустынной жизни суета,
Беззубым смехом исказила
Все, чем жива была мечта.

Замолкли ангельские трубы,
Немотствует дневная ночь.
Верни мне, жизнь, хоть смех беззубый,
Чтоб тишине не изнемочь!

(«Когда я прозревал впервые», 1909)

Встречается глагол «прозревать» и у других поэтов. У Фета: «И как-то странно порой прозревая…» («Измучен жизнью, коварством надежды…»); и его «эхо» у Кузмина: «Я вижу странно, прозревая, / Как алость нежно-заревая / Румянит смутно зыбкий стан…» («„Люблю“, сказал я, не любя…», 1907).

17.17 *О, рыжие ресницы, длиннее, чем волосы на ваших головах! —*

Сравнение параметров чего-либо с «волосами на голове» встречается в Библии: «Ибо окружили меня беды неисчислимые; постигли меня беззакония мои, так что видеть не могу: их более, нежели волос на голове моей» (Пс. 39: 13); «Ненавидящих меня без вины больше, нежели волос на голове моей» (Пс. 68: 5). Попутно замечу, что рыжий цвет ресниц Веничкиной любовницы напоминает о ее сходстве с рыжей Суламифью: «волосы на голове твоей, как пурпур; царь увлечен твоими кудрями» (Песн. 7: 6).

17.18 С. 37. *О, колдовство и голубиные крылья! —*

Это восклицание восходит к обращению Соломона к Суламифи: «О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна! глаза твои голубиные» (Песн. 1: 14, ср. также 4: 1). У Кузмина есть «колдовские сухожилья Винчи» («Темные улицы рождают темные чувства…», 1926).

17.19 *Так это вы: Ерофеев? — и чуть подалась ко мне, и сомкнула ресницы и разомкнула…*

— Ну, конечно! Еще бы не я! —

Герои поэмы выполняют наставления Саши Черного: «Пересядь поближе и, пряча грязные ногти, спроси желудочным шепотом: „Вы любите

Пана?“ Услышав неизбежное „Еще бы!“, помолчи пять минут и закрой глаза ладонью» («Руководство для флирта в квартире», 1910).

17.20 *И она — рядом, смеется надо мною, как благодатное дитя. —*

Благодатное дитя — в новозаветной мифологии Иисус Христос. Сравнение возлюбленной с дитем у кого только не встречается, например у Гамсуна: «Что за дитя эта седая девушка!» («Мистерии», гл. 17).

17.21 *Это — женщина, у которой до сегодняшнего дня грудь стискивали только предчувствия. Это — женщина, у которой никто до меня даже пульса не щупал. —*

Здесь обыгрывается значение глагола «щупать» — не просто «трогать», но «трогать женщину за интимные места с целью получения наслаждения». Впрочем, у Стерна, например, герой действительно щупает пульс — хотя и у гризетки:

«– …Я уверен, что у вас лучший пульс, какой когда-либо бывал у женщины. — Пощупайте, — сказала она, протягивая руку. Я отложил шляпу и взял ее одной рукой за пальцы, а два пальца другой руки положил ей на артерию. <…> Поверь,

дорогой Евгений, — сказал бы я тебе, — „на свете есть занятия похуже, чем щупать пульс у женщины“. — Но пульс гризетки! — ответил бы ты, — да еще в открытой лавке! Ах, Йорик» («Сентиментальное путешествие по Франции и Италии», гл. «Пульс. Париж»).

У Эренбурга есть сходный оборот: «После пятидесяти лет бесплодных ожиданий, в течение которых не только на руку, но даже на безусловную невинность Эммы никто не покушался, найти такого жениха было воистину чудом» («Тринадцать трубок», трубка 10-я).

17.22 С. 37. *Вы, конечно, спросите, вы, бессовестные, спросите: «Так что же, Веничка? Она…? Ну, что вам ответить? Ну, конечно, она…! Еще бы она не…! —*

Формально здесь пропуски заменяют нецензурные слова (наиболее логично было бы здесь меткое существительное «блядь»). Однако у одного из ближайших друзей писателя Ерофеева есть проницательное замечание:

«Про первый экземпляр [самиздатовских «Москвы — Петушков»], кстати, написана [в критической литературе] полная чушь; я, когда первый раз прочел это, расхохотался. Да не было там никакой купюры! Мне даже из Испании

звонили, не пожалели денег: нельзя ли восстановить? „Веничка, неужели она…? Ну конечно, она…! Как же она не…!“ Это гениальный текст! Или: „Веничка, хорошо у меня…? — Тридцать лет живу, никогда не видел, чтобы у кого-нибудь так хорошо…“ Да сюда даже ничего придумать нельзя! А иностранцы говорят: „Проклятая советская цензура, как она изуродовала этот гениальный и поэтичный текст!“» (*Муравьев В.* [О Вен. Ерофееве]. С. 92).

Сходная, «мистифицирующая» структура текста — с многоточиями, подчеркиванием пустых строчек и т. д. встречается у Стерна:

«– Чертовщина!. . . . . .

. . . . . .

. . . . Ч-а! — воскликнул Футаторий». («Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена», т. 4, гл. 27; см. также, например, т. 4, гл. 34 и др.).

17.23 *Я хочу, чтобы ты меня властно обнял правою рукою! —*

Очередная отсылка к Ветхому Завету, где Суламифь говорит о своем возлюбленном: «Левая рука его у меня под головою, а правая обнимает меня» (Песн. 2: 6, см. также 8: 3).

17.24 *Играй, обольстительница! —*

Обольстительница встречается, к примеру, у Достоевского: «…он, на глазах ее, к одной здешней обольстительнице ходит. Но хоть обольстительница эта и жила так сказать в гражданском браке с одним почтенным человеком, но характера независимого, крепость неприступная для всех» («Братья Карамазовы», ч. 1, кн. 4).

У Ходасевича, в поэтическом обращении к бывшей возлюбленной: «Иди, пляши в бесстыдствах карнавала…» («Кольца», 1907).

17.25 *Клеопатра.* —

Клеопатра VII (69–30 до н. э.) — царица Египта, славившаяся своей красотой и умом; была любовницей римских политических лидеров Юлия Цезаря и Марка Антония (с 37 г. до н. э. — жена последнего); после поражения Октавиану покончила жизнь самоубийством. Клеопатра стала героиней многих произведений литературы (Шекспир, Пушкин, Шоу), живописи (Рубенс), кино. У русских поэтов Клеопатра также фигурирует часто. У Тютчева: «Как вторая Клеопатра / В сонме царственных гостей…» («Современное», 1869); в названиях стихотворений: у Брюсова («Клеопатра», 1899), Блока («Клеопатра», 1907), Ахматовой («Клеопатра», 1940); у Бальмонта Клеопатра встречается в стихотворении «Пламя

мира» (1914). Описание коварства Клеопатры есть у Зощенко в «Голубой книге» («Любовь»).

17.26 С. 37–38. *Играй, пышнотелая блядь, истомившая сердце поэта! —*

Императив «Играй!» в сочетании с упоминанием о «бляди» использовался еще пророками: «То же, что поют о блуднице: „Возьми цитру, ходи по городу, забытая блудница! Играй складно, пой много песен, чтобы вспоминали о тебе“» (Ис. 23: 15–16).

«Сердце томится», как правило, действительно у поэтов — например, у Сологуба: «Сердце истомилось…» («Просыпаюсь рано», 1896). Формула «сердце поэта» — один из традиционных поэтических штампов — у Анненского: «Отец моего бытия, / Открой же хоть сердцу поэта, / Которое создал ты *я*» («Который?», 1904); у Ходасевича: «В сердце Поэта за горькую нежность / С каждым стихом проливалася кровь…» («Пролог неоконченной пьесы», 1907); у Есенина: «Невеселого счастья залог — / Сумасшедшее сердце поэта…» («Ты такая ж простая, как все…», 1923).

Формула «истомить сердце» в сочетании с упоминанием о представительнице самой древней профессии встречается в Библии: «Как истомлено должно быть сердце твое, говорит Господь

Бог, когда ты все это делала, как необузданная блудница!» (Иез. 16: 30). У Достоевского Дмитрий Карамазов (он же «Митя, от женщин погибший»), говоря о Грушеньке, признается младшему брату: «И томит она меня, любовью томит» («Братья Карамазовы», ч. 4, кн. 11, гл. 4).

В целом же, в сочетании с предыдущим упоминанием о Клеопатре (см. 17.25) в данном Веничкином призыве слышится ранний Брюсов — с его поэтом, преданным томленью великой блудницей:

Я – Клеопатра, я была царица,
В Египте правила восьмнадцать лет.
<…>
Я смерть нашла, как буйная блудница…
Но над тобой я властвую, поэт!

Вновь, как царей, я предаю томленью
Тебя, прельщенного неверной тенью,
Я снова женщина – в мечтах твоих.

Бессмертен ты искусства дивной властью,
А я бессмертна прелестью и страстью:

Вся жизнь моя – в веках звенящий стих.

(«Клеопатра», 1899)

И еще, у Маяковского в стихотворении «Лиличка! Вместо письма» (1916) декларируется сходное диалектическое отношение к возлюбленной (одновременно — любовь и ненависть); там же есть фраза: «Если б так поэта измучила».

Следует также напомнить, что у почитавшегося Ерофеевым Эдварда Грига (см. 16.20) есть песня «Сердце поэта» на стихи Х.-К. Андерсена (входит в вокальный цикл «Мелодии сердца», 1864–1865).

17.27 С. 38. *…она была совершенна, а совершенству нет предела… —*

Фраза «совершенству нет предела» приписывается Сократу (469–399 до н. э), который при помощи этого изречение прокомментировал знаменитый девиз дельфийского мудреца Хилона «Познай самого себя!».

«Установление пределов совершенства» взято из Библии — из ветхозаветного обращения к Богу: «Я видел предел всякого совершенства; но Твоя заповедь безмерно обширна» (Пс. 118: 96); и из новозаветной фразы Христа: «Будьте совершенны, как Отец ваш Небесный» (Мф. 5: 48). См. также 21.13.

18. ЖелезнодорожнаЯ – Черное

18.1 С. 38. *Черное* —
железнодорожная станция на магистрали Москва — Владимир.

18.2 *…сбросила с себя что-то лишнее.* —
В Ветхом Завете Суламифь восклицает: «Я скинула хитон мой; как же мне опять надевать его?» (Песн. 5: 3). А вот — о другом ветхозаветном персонаже: «Иудифь пала на лице, посыпала голову свою пеплом и сбросила с себя вретище, в которое была одета…» (Иудифь 9: 1).
И еще — из Северянина:

Их много, дев нерассуждающих,
В экстазе сбросивших плащи.
Так упоительно страдающих
И переливных как лучи.

18.3 *…содрогнется земля и камни возопиют…* —
Компиляция из библеизмов. В Ветхом Завете есть: «И возгремит Господь с Сиона, и даст глас Свой из Иерусалима; содрогнутся небо и земля…» (Иоил. 3: 16); «Горе тому, кто жаждет неправед-

ных приобретений для дома своего <…>! Камни из стен возопиют» (Авв. 2: 9, 11). В Новом Завете Христос спорит с фарисеями о своих учениках: «Он сказал им в ответ: сказываю вам, что, если они умолкнут, то камни возопиют…» (Лк. 19: 40).

18.4 С. 38. *«Ну, как, Веничка, хорошо у меня…?» «…еще ни разу не видел, чтобы у кого-нибудь так хорошо…!» —*

О многоточиях в этом месте см. замечание В. Муравьева (17.22). О. Дарк же комментирует это место следующим образом: «Авторские точки объясняются тем, что сексуальное пока еще невыразимо на <…> алкогольном языке» (*Дарк О.* В.В.Е., или Крушение языков // Новое литературное обозрение. 1997. № 25. С. 251). Что же до формы восклицания, то оно напоминает Маяковского: «Никогда не было / так хорошо!» («Хорошо!», 1927).

18.5 С. 38–39. *А я, раздавленный желанием, ждал греха, задыхаясь. <…> Что же мне теперь? Быть ли мне вкрадчиво-нежным? Быть ли мне пленительно-грубым? Черт его знает, я никогда не понимаю толком, в какое мгновение как обратиться с захмелевшей… <…> Итак, каким же мне быть теперь? <…> Она сама — сама сделала за*

меня мой выбор, запрокинувшись и погладив меня по щеке своею лодыжкою. В этом было что-то от поощрения, и от игры… —

Поэтика данного пассажа во многом позаимствована у Гамсуна, у которого герой знакомится с женщиной:

«– Вы полдня преследовали меня <…> Вы были пьяны? <…>

— Да, — сказал я. — Да, к сожалению, я был пьян.

— Ах, как это гадко!

Раздавленный, я признал, что это действительно гадко. <…> Я совсем растерялся, я не знал, идти ли мне или остановиться; из-за этой женщины все мысли спутались. <…> Она сама захотела вернуться, это не я предложил, это было ее собственное желание. Я поглядываю на нее и становлюсь все смелее, она поощряет, манит меня к себе каждым словом. <…> Она обвивает рукой мою шею <…> другой рукой она начинает сама расстегивать пуговицы, еще и еще <…> она проводит левой рукой по моим плечам.

— Но, моя дорогая! — сказал я в замешательстве. — Я никак не пойму… право, никак не пойму, что это за игра…» («Голод», ч. 3).

18.6 С. 38. *Быть ли мне вкрадчиво-нежным?*

Быть ли мне пленительно-грубым? —

А. Немзер возводит эти вопросы к трехстопным дактилям Гумилева: «Гамлет? Он должен быть бледным. / Каин? Тот должен быть грубым» («Театр», 1910) (*Немзер А.* На кого это он намекает? // Сегодня. 1996. 16 апреля. С. 4). Примечательно, что в этих режиссерских разработках Гумилева Каин — не ветхозаветный, а тот же самый, байроновский, которого имели в виду Веничкины соседи по орехово-зуевскому общежитию (см. 10.38).

У Есенина в стихотворении, обращенном к даме полусвета, также есть упоминания о нежности и грубости в мужском поведении:

Молодая, с чувственным оскалом,
Я с тобой не нежен и не груб.
Расскажи мне, скольких ты ласкала?
Сколько рук ты помнишь? Сколько губ?

Знаю я – они прошли, как тени,
Не коснувшись твоего огня,
Многим ты садилась на колени,
А теперь сидишь вот у меня.

(«Ты меня не любишь, не жалеешь…», 1925)

У Северянина (вместе с «негой», см. 18.7) то же

сочетание: «Любимый, старый Сологуб, / В ком скрыта магия и нега, / Кто ядовит и нежно-груб…» («У Сологуба», 1918).

Также вспоминается Маяковский: «Хотите — буду от мяса бешеный <…> хотите — буду безукоризненно нежный…» («Облако в штанах», 1914–1915).

18.7 *…это будило во мне — как бы это назвать? «негу», что ли? — ну да, это будило во мне негу. —*

Нега — блаженство и умиротворение. У Пушкина, к примеру, обилие «нег»:

Позволь мне полениться
И негой насладиться, —
Я, право, неги сын!

(«К Дельвигу», 1815)

Пусть наша ветреная младость
Потонет в неге и в вине…

(«Добрый совет», 1817)

В ее объятиях я негу пил душой…

(«Дорида», 1819)

Я вспомню речи неги сладострастной,

Слова тоскующей любви…

<…>

Татьяна, милая Татьяна!

<…>

Ты негу жизни узнаешь…

(«Евгений Онегин», гл. 3, строфы XIV, XV)

Когда, любовию и негой упоенный,

Безмолвно пред тобой коленопреклоненный,

Я на тебя глядел и думал: ты моя…

(«Желание славы», 1825)

Не меньше «неги» и у других поэтов.

У Тютчева: «Весенней негой утомлен…» («Еще шумел веселый день…», 1829–1851); «Как сладко дремлет сад темно-зеленый, / Объятый негой ночи голубой!» («Как сладко дремлет сад темно-зеленый…», 1835); «С какою негою, с какой тоской влюбленный / Твой взор, твой страстный взор изнемогал на нем!» («С какою негою, с какой тоской влюбленный…», 1838–1839); «С озера веет прохлада и нега…» ((Из Шиллера), 1851); «…какою негой веет / От каждой ветки и листа!» («Смотри, как роща зеленеет…», 1857); «…в этом радужном

виденье / Какая нега для очей!» («Как неожиданно и ярко…», 1865).

У Фета: «…и негу их [ящериц] на нестерпимом зное…» («Италия», 1856–1857); «И в негу вешнюю врываются не раз / Стремленьем молодым пугающие бури» («Прости — и все забудь в безоблачной ты час…», 1886); «Какая ночь! На всем какая нега!» («Еще майская ночь», 1857); «Как дышат негою уста его и взоры!» («Нимфа и молодой сатир» (Группа Ставассера), 1858); «С какой я негою желанья / Одной звезды искал в ночи…» («С какой я негою желанья…», 1863).

У Надсона: «Всю ночь пробродил я, всю ночь до рассвета, / Обвеянный чарами неги и грез…» («Из дневника», 1882); «Ночь немая вся объята / Негою и снами» («Раздалась и оборвалась…», 1883).

У Сологуба: «Во всем покой и нега…» («Иду я влажным лугом…», 1894); «Если б я был негой опьянен…» («Если б я был к счастью приневолен…», 1898).

У Кузмина: «Как жадно пил я кубок томных нег! <…> Но долго после в томном жаре нег…» («Любви утехи», 1906); «Тепло и нега… <…> О долгие часы лобзаний, / Объятий сладостных и нег!» («Окна неясны очертанья…», 1911); «Вы узнаете жалость / и негу…» («Вы думаете, я влюбленный поэт…»,

1913).

У Северянина: «Как плодоносны, как златотрубны / Снопы ржаные моих поэз!/ В них водопадят Любовь и Нега, / И Наслажденье, и Красота!» («Эгополонез», 1912).

У Брюсова: «Нам сужден ли сон мгновенной неги?» («Цезарь Клеопатре», 1920); «Есть нега молний в жале жгучей боли» («День», 1920).

В прозе «нега» тоже встречается. Например, у Бунина: «Осторожно, изнемогая от неги, пели ночные соловьи» («Митина любовь», 1924).

18.8 С. 38. *…они зарезали Марата перочинным ножиком…* —

Жан Поль Марат (1743–1793) — один из политических лидеров Великой французской революции; был зарезан 13 июля 1793 г. в Париже жирондисткой Шарлоттой Корде. Ироническое определение типа ножа, которым пользовалась Корде, — «перочинный» — выводится из контекста описания этого убийства, представленного в доступной советской литературе, где фигурируют и обыденный нож, и перо, и Корнель, и Жанна д'Арк:

«Жан Поль опустился в холодную воду [в ванну]. Как ни скверно он себя чувствовал, но надо было работать. Ему надо было <…> подготовить

материал для завтрашнего, воскресного номера своей газеты. <…> К Марату вошла девушка <…> Она держалась уверенно, спокойно, просто. <…> Девушка села на стул рядом с ванной, прямо против Марата. <…> Взяв в руки перо, набрасывая бегло имена на бумаге, Марат должен был отвернуться на миг от своей собеседницы. И в это мгновение <…> быстрым, почти неуловимым движением женщина скользнула руками по платью; в ее руке был уже нож, и, поднявшись, она с силой по рукоятку вонзила его в открытую грудь Марата. <…> Женщина, убившая Марата, именовалась Шарлоттой Корде. <…> Ей было 24 года <…> Она <…> была внучкой Корнеля <…> грезила о великих свершениях, перед ее глазами стояла тень Жанны д'Арк. <…> Она спокойно рассказала, что приехала в Париж с единственной целью — убить Марата. Утром 13 июля она поехала в Пале-Рояль и купила там нож — столовый нож в чехле, с черной ручкой, обыкновенных размеров, стоимостью сорок су» (*Манфред А.* Марат. М., 1962. С. 330, 332, 334).

Кроме этого, перочинный ножик как орудие (само)убийства фигурирует у В. Маяковского: «Не откроют нам причин потери / ни петля, ни ножик перочинный» («Сергею Есенину», 1926).

18.9 С. 38. *…Марат был неподкупен…* —

Фактическая ошибка: Марат был известен в революционной Франции как «Друг народа», а прозвище Неподкупный носил другой лидер Великой французской революции, антипод Марата — Робеспьер (см. 34.24):

«Робеспьеру все было ненавистно в Марате: и его революционный пыл, который Робеспьер считал преувеличением, и его ненависть к богатым, и его абсолютное недоверие к политиканам — все вплоть до бедной и грязной одежды этого человека, который с самого начала революции стал питаться, как питался народ, — хлебом и водой, чтобы целиком отдаться народному делу. <…> Робеспьер оставался неподкупным посреди всех тех, а их было очень много, кого прельстила власть и богатство: обстоятельство, в высшей степени важное во время революции» (*Кропоткин П.* Великая французская революция 1789–1793. СПб.; М., 1922. С. 271, 548).

18.10 *…мне, как Карлу Марксу, нравилась в них слабость…* —

Карл Маркс (1818–1883) — немецкий мыслитель, основоположник марксизма как фундамента научного коммунизма. Знаменитая «Исповедь» (1865) Маркса, имеющая форму анкеты, постоян-

но цитировалась в изданиях большевистского толка, чтобы наглядно продемонстрировать тот факт, что основоположник научного коммунизма в быту был самым обыкновенным человеком со своими человеческими слабостями и капризами. В этой анкете на вопрос: «Достоинство, которое вы больше всего цените в женщине?» — Маркс отвечает: «Слабость».

Кстати, о слабости… «Женская» тема — одна из центральных в романе Чернышевского «Что делать?», и здесь читатель сталкивается также с марксистским подходом к предмету:

«– <…>Женщинам натолковано: „вы слабы“, — вот они и чувствуют себя слабыми, и действительно оказываются слабы. <…>

— Да, Саша, это так. Мы слабы потому, что считаем себя слабыми» («Что делать?», гл. 6).

18.11 *…они вынуждены мочиться, приседая на корточки… —*

Это написал Венедикт Ерофеев. А вот у Виктора Ерофеева чтец-декламатор, придя на выступление в дом культуры, обращается к распорядительнице вечера Нине Львовне с вопросом:

«– А где здесь у вас туалет? <…>

— Предпоследняя дверь по коридору, — обиженно выдавила она, всем видом показывая, что

она не вахтерша и не уборщица, а представительница местной интеллигенции, состоящая на службе у муз <…> [ее внутренний голос:] — и, знаете ли, молодой человек, я вас не понимаю, подъезжать к женщине с таким вопросом… или я что??? Подумаешь, тоже мне, столичная птица… Мужчины писают стоя — какой ужас!» («Ядрена феня», 1979).

18.12 *…ведь они в И… из нагана стреляли! —*

И… — Ильич, «любовная», фамильярная (только по отчеству) форма называния Владимира Ильича Ленина. Здесь имеется в виду известный факт покушения на Ленина, совершенный эсеркой Фанни Каплан (Ройдман) 30 августа 1918 г. в Москве, во время которого Ленин был ранен двумя пистолетными выстрелами. После покушения Каплан была схвачена и, по официальной версии, расстреляна. Однако в начале 1993 г. в российской прессе появились сообщения о том, что террористку долгое время держали в тюрьме и что на самом деле в Ленина стреляла не она, а мужчина; дело Каплан вновь принято на изучение следователями Генеральной прокуратуры и Федеральной службы безопасности России (Известия. 1993. 2 февраля).

Личность и образ Каплан были объектом при-

стального интереса Венедикта Ерофеева. Его последняя (неоконченная) пьеса так и называется — «Диссиденты, или Фанни Каплан». Там имя легендарной эсерки дано дочери директора приемного пункта стеклотары, при этом Фанни получает следующие характеристики: «Фанни Каплан — любимая дочь Каплана с врожденным, но трогательным идиотизмом. <…> „Ни одного героя — кроме Фанни — ни одного в разумном здравии, и это хорошо, потому что я [автор] в добром здравии за жизнь не встречал отнизу доверху“».

Также в воспоминаниях друга Венедикта Ерофеева читаем о том, как они в компании с автором «Москвы — Петушков» «играли в „фанечку“, или, проще, в „капланчики“. Пели оперы: импровизируя либретто и музыку, Боря Сорокин всегда пел Ильича — это у него в характере, а я — тогда еще только Черноусый, но еще не чернобородый, — пел партии М. Горького, Ф. Дзержинского, И. Сталина и прочих… а раз даже партию съезда коммунистической партии. Играли в „хорошеньких“ и „плохих“. Эта игра наподобие игры в морской бой в тетрадке в клеточку. Попал в „плохого“ — очки возрастают, попал в „хорошенького“ — штраф. „Плохими“

были и Брежнев, и Гомулка, и Вера Засулич, и Максимилиан Робеспьер, и Боря Сорокин, и бодливая черная коза Вениной [Ерофеева] тещи, и сама теща Кузьминична, и контролер Митрич, и Жан-Поль Сартр, и, конечно, — Ильич. „Хорошенькой“ всегда была „маленькая девочка из бедной еврейской семьи Фаня Каплан“» (*Авдиев И.* [О Вен. Ерофееве]. С. 86).

18.13 С. 39. *…каким же мне быть теперь? Быть грозным… —*

Во второй серии «Ивана Грозного» Эйзенштейна царь Иван IV (Николай Черкасов), начиная вендетту против злокозненных бояр, восклицает: «Грозным буду!»

18.14 *Она сама — сама сделала за меня мой выбор, запрокинувшись и погладив меня по щеке своею лодыжкою. В этом было что-то от поощрения, и от игры, и от легкой пощечины. И от воздушного поцелуя — тоже что-то было. —*

В сходной с Веничкиной ситуации оказывается один из ветхозаветных царей:

«Я видел его и Апамину, дочь славного Вартака, царскую наложницу, сидящую по правую сторону царя; она снимала венец с головы царя и возлагала на себя, а левою рукою ударяла царя

по щеке. И при всем том царь смотрел на нее, раскрыв рот: если она улыбнется ему, улыбается и он; если же она рассердится на него, он ласкает ее, чтобы помирилась с ним. О, мужи! Как же не сильны женщины, когда так поступают они? <…> О, мужи! Не сильны ли женщины?» (2 Езд. 4: 29–32, 34).

18.15 *…эта мутная, эта сучья белизна в зрачках, белее, чем бред… —*

Сравнение «белее, чем бред» — из Пастернака:

Я больше всех удач и бед
За то тебя любил,
Что пожелтелый белый свет
С тобой – белей белил.

И мгла моя, мой друг, божусь,
Он станет как-нибудь
Белей, чем бред, чем абажур,
Чем белый бинт на лбу!

(«Не трогать», 1917)

18.16 *…седьмое небо! —*

См. 32.19. Поскольку Веничка едет к любовнице на выходные, возникает законная ассоциация с монологом одной из лирических героинь Цвета-

евой: «Я — страсть твоя, воскресный отдых твой, / Твой день седьмой, твое седьмое небо» («Не самозванка — я пришла домой…», 1918).

18.17 *И все смешалось: и розы, и лилии… —*

Розы и лилии, будучи олицетворениями чистой, светлой, исключительно поэтической любви, смешиваются регулярно у поэтов — например, у Брюсова: «Молитесь о праздничных розах, / О лилиях чистых молитесь… <…> Молитесь о пламенных розах, / О лилиях белых — молитесь!» («Молитесь!», 1917). Сравнение возлюбленной одновременно с розой и лилией есть у Гейне в переводе Фета: «Она всей любви и желаний царица, / Мне роза, лилея, голубка, денница» («Лелеею, розой, голубкой, денницей…», 1857). У раннего Пушкина лилея также связана с розой: «Увяла роза, / Дитя зари. <…> И на лилею нам укажи» («Роза», 1815).

Кроме этого, вместе упомянуты розы и лилии в опере «Иоланта» Чайковского (см. 24.7), где в начале слепая героиня вместе с хором поет: «Вот тебе ландыши, розы, лилии, вот васильки». Забавно, что не только «розы, лилии», но и ландыши, и васильки фигурируют в «Москве — Петушках» (см. 22.24, 36.16, 45.15).

18.18 С. 39. *…и в мелких завитках — весь — влажный и содрогающийся вход в Эдем…* —

Вход в Эдем — ворота в рай. У Пушкина: «В дверях Эдема ангел нежный / Главой поникшею сиял…» («Ангел», 1827). Здесь: метафорическое наименование влагалища.

В идентичном обрамлении из роз (см. 18.17) вход в Эдем представлен у Гумилева: «Перед воротами Эдема / Две розы пышно расцвели…» («Две розы», 1911). Сравните также вход в Эдем у других поэтов. У Фета: «И вздохи неба принесло / Из растворенных врат эдема» («Пришла, — и тает все вокруг…», 1866); у Мережковского: «Как филина заря, меня бы ослепила / В сияющий эдем отворенная дверь» («С потухшим факелом мой гений отлетает…», 1886); у Сологуба: «Но радужных Эдемских врат / Смущенное не видит око» («Как было сладостно вино…», 1923), «Мое самовластительство поэта, / Эдемскую увидевшего дверь» («Я не люблю строптивости твоей…», 1925). В ином, но сходном с поэмой, контексте Эдем фигурирует у Эренбурга: «Что это — тяжелое похмелье / Иль непроветренный Эдем?» («Скрипки, сливки, книжки, дни, недели…», 1921).

18.19 *Вы мне скажете: «Так ты что же, Веничка, ты думаешь, ты один у нее такой душегуб?»*

—

Фраза построена по аналогии с ранним Евтушенко:

> *А друзья засмеются: «Что ты, Женечка!*
>
> *Да и кто на ней, подумай, женится!*
>
> *Сколько у ней было-перебыло…»*

(«Ира», 1957)

18.20 *А какое мне дело! <…> Пусть даже и не верна. —*

Вспоминается реплика пушкинского Алеко: «И что ж? Земфира неверна! / Моя Земфира охладела!» («Цыганы»). Похожие чувства испытывает лирический персонаж Брюсова: «Не все ль равно, была ль ты мне верна? / И был ли верен я, не все равно ли?» («Неизбежность», 1909).

18.21 *Старость и верность накладывают на рожу морщины… —*

Парафраз максимы Монтеня: «Старость налагает морщины не только на наши лица, но в еще большей мере на наши умы, и что-то не видно душ — или они встречаются крайне редко, — которые, стараясь, не отдавали бы плесенью и кислятиной» («Опыты», кн. 3, гл. 2).

18.22 *…вся она соткана из неги и ароматов. Ее не лапать и не бить по ебалу — ее вдыхать надо. —*

Ебало (*нецензур.)* — лицо. Ближайшие «ароматические» ассоциации с «алкогольным» привкусом вызывают похожие друг на друга женские образы Брюсова:

Она прошла и опьянила
Томящим сумраком духов
И быстрым взором оттенила
Возможность невозможных слов.

Сквозь уличный железный грохот
И пьян от синего огня,
Я вдруг заслышал жадный хохот,
И змеи оплели меня.

(«Прохожей», 1901)

И Блока:

И медленно, пройдя меж пьяными,
Всегда без спутников, одна,
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна.

(«Незнакомка», 1906)

18.23 *Я как-то попробовал сосчитать все ее сокровенные изгибы, и не мог сосчитать — дошел до двадцати семи… —*

У Кузмина лирический герой, стремящийся к негам и Эдему, считает родинки на теле возлюбленного:

Девять родинок прелестных
Поцелуями считаю,
И считая, я читаю
Тайну, слаще тайн небесных.
<…>
Так по лестнице небесной,
Четки нег перебирая,
Я дверей достигну рая
Красоты твоей чудесной.
То ли родинка восьмая
Мне милей всего на свете,
Слаще тени в теплом лете,
И милей, чем ветер мая.
А дойду я до девятой, —
Тут уж больше не считаю…
Только таю, таю, таю,
Нежным пламенем объятый.

(«Девять родинок прелестных…», 1914)

«Сокровенные изгибы» женского тела справедливо возводятся Ю. Левиным к изгибу тела Грушеньки из романа Достоевского «Братья Карамазовы» (*Левин Ю.* Классические традиции в «другой» литературе. Венедикт Ерофеев и Федор Достоевский // Литературное обозрение. 1992. № 2. С. 45), о которых Дмитрий Карамазов говорит: «Я говорю тебе: изгиб. У Грушеньки, шельмы, есть такой один изгиб тела, он и на ножке у ней отразился, даже в пальчике-мизинчике на левой ножке отозвался» (ч.1, кн. 3, гл. 5); «…в любви его к этой женщине заключалось нечто гораздо высшее, чем он сам предполагал, а не одна лишь страстность, не один лишь „изгиб тела“» (ч. 3, кн. 8, гл. 3); «…меня только изгибы инфернальные томили…» (ч. 4, кн. 11, гл. 4).

Однако в русской классике есть и непосредственно «сокровенные изгибы». У А. Блока:

Пять изгибов сокровенных
Добрых линий на земле.
К ним причастные во мгле
Пять стенаний вдохновенных.

(«Пять изгибов», 1901)

18.24 С. 39. *…так забалдел от истомы…* —

Прямо как Ахматова, у которой есть признание: «О, такой пленительной истомы / Я не знала до сих пор» («Синий вечер. Ветры кротко стихли…», 1910).

18.25 *Но красивее всего у нее предплечья, конечно. В особенности, когда она поводит ими…* —

Предплечье — часть руки от кисти до локтя. «Поводить», по-русски, можно только плечами; у Брюсова — о труженицах борделя: «Ходят и дерзко поводят плечами…» («В публичном доме», 1905). То есть здесь в очередной раз проявляются Веничкины способности к каламбурам, игре слов и т. д.

Подобное внимание к движению предплечий и их участию в любовных забавах проявлял в свое время Пастернак: «Шуми и ты же вечно мне, / О плещущее ты предплечье» («Я найден у истоков щек», 1913). У него же: «Я рос, и вот уж жар предплечий / Студит объятье орла» («Я рос. Меня, как Ганимеда…», 1913, 1928).

18.26 *Давай, давай всю нашу жизнь будем вместе! Я увезу тебя в Лобню…* —

Лобня — поселок и железнодорожная станция на севере от Москвы. Упоминание именно о Лобне

не случайно: в 1969 г. Венедикт Ерофеев работал там в составе бригады кабельщиков (*Авдиев И.* [О Вен. Ерофееве]. С. 105).

18.27 *...я облеку тебя в пурпур и крученый виссон...* —

Пурпур — ткань (обычно шерстяная или шелковая) пурпурного, то есть ярко-красного, цвета (иногда, впрочем, темно-красного). Крученый виссон — тонкая, очень дорогая ткань, применялась для изготовления одежды древних царей и жрецов.

В целом намерение Венички восходит к Библии. Например, одно из повелений Господа Моисею звучит так: «И сделал наперсник искусною работою, такою же работою, как ефод, из золота, из голубой, пурпуровой и червленой шерсти и из крученого виссона» (Исх. 39: 8; см. также 26: 1, 26: 31, 26: 36, 27: 9, 27: 16 и т. д.). В пурпур и виссон одеты некоторые женские персонажи Ветхого Завета, в частности добродетельная жена: «Она делает себе ковры: виссон и пурпур одежда ее» (Притч. 31: 22). Встречается в Библии и собственно «облечение в виссон»: «И воинства небесные следовали за Ним на конях белых, облеченные в виссон белый и чистый» (Откр. 19: 14), в том числе и в крученый: «Облек его одеждою святою

из золота и гиацинтовой шерсти и крученого виссона художественной работы» (Сирах. 45: 12).

В данном же, романтическом, контексте уместно вспомнить Эразма Роттердамского: «Права греческая пословица: *обезьяна всегда останется обезьяной, если даже облечется в пурпур*. Так и женщина вечно будет женщиной, иначе говоря дурой, какую бы маску она на себя ни нацепила» («Похвальное слово Глупости», гл. 17).

18.28 С. 39–40. *…я подработаю на телефонных коробках… —*

То есть займусь дополнительной работой по установке на телефонных линиях распределительных блоков (подстанций).

18.29 С. 40. *…а ты будешь обонять что-нибудь — лилии, допустим, будешь обонять. —*

В Ветхом Завете «обоняние» — прерогатива Господа: «И обонял Господь приятное благоухание» (Быт. 8: 21); «Города ваши сделаю пустынею, и опустошу святилища ваши, и не буду обонять приятного благоухания жертв ваших» (Лев. 26: 31).

Однако обоняют и лирические герои некоторых поэтов, например Кузмина: «И я, поверь, привстав на лапах, / Расширив ноздри, уши, рот,

/ Небесный обонял бы запах…» («Мими-собачка», 1918). У Ахматовой указывается, что можно обонять «свежих лилий аромат» («Тот же голос, тот же взгляд…», 1909).

18.30 *…она — молча протянула мне шиш. Я в истоме поднес его к своим ноздрям, вдохнул и заплакал:*

— Но почему?.. почему?

Она мне — второй шиш. Я и его поднес, и зажмурился, и снова заплакал:

— Но почему? — заклинаю — ответь — почему???

Вот тогда-то и она разрыдалась и обвисла на шее:

— Умалишенный! ты ведь сам знаешь, почему! сам — знаешь, почему, угорелый!

И после того — почти каждую пятницу повторялось все то же: и эти слезы, и эти фиги. —

Обращение к истеричным героиням Достоевского, изводящим страдающих поклонников непредсказуемым поведением. Так неуравновешенная, импульсивная Грушенька разговаривает с Алешей с тем же надрывом и упоминает шиш:

«Неистовая я, Алеша, яростная. Сорву я мой наряд, изувечу я себя, мою красоту, обожгу себе лицо и разрежу ножом, пойду милостыню про-

сить. Захочу и не пойду я теперь никуда и ни к кому, захочу завтра же отошлю Кузьме все, что он мне подарил, и все деньги его, а сама на всю жизнь работницей поденной пойду!.. <…> Сделаю, сделаю, сейчас могу сделать, не раздражайте только меня… а того прогоню, тому шиш покажу, тому меня не видать» («Братья Карамазовы», ч. 3, кн. 7, гл. 3).

18.31 *Я в истоме… —*

Веничкин лексикон (изнеможение, истома, царица) концентрируется в одной строфе Сологуба:

В изнеможении, в истоме
Пешком плетется Дон-Кихот.
Он знает, что в хрустальном доме
Царица Дон-Кихота ждет.

(«Кругом насмешливые лица…», 1921)

18.32 *…сегодняшняя пятница — тринадцатая по счету. —*

И потому «обернется не в радость» (см. 15.2) и станет роковой.

19. Черное – Купавна

19.1 С. 40. *Купавна —*

железнодорожная платформа в одноименном дачном поселке на магистрали Москва — Владимир. Уже после Веничкиной поездки, в 1980-х гг., на перегоне Черное — Купавна появилась еще одна остановка — платформа Заря.

19.2 *…ты одинок и непонят? —*

Как один из поэтических адресатов Андрея Белого: «Поэт — ты не понят людьми…» («Поэт — ты не понят людьми…», 1903). Если учесть, что Веничка — еще и философ, вспоминается и Бердяев: «Философ может быть более всех приобщен к соборному, вселенскому разуму, но он может быть одинок и не понят среди людей, разобщенных с этим разумом и потому отвергающих общеобязательность его дела» («Смысл творчества», гл. 1).

19.3 С. 40. *Ты, у которого столько в душе и столько за душой! —*

Очередной идиоматический практикум. Здесь соединяются устойчивые словосочетания «иметь что-то в душе», то есть жить определенными чувствами и мыслями, скрытыми глубоко в

(под)сознании, и «не иметь (ничего) за душой», то есть не иметь денег и не обладать никакой собственностью.

19.4 *…ты одинок и непонят? <…> …когда мне стукнуло двадцать лет, — тогда я был безнадежно одинок. И день рождения был уныл. <…> А когда стукнуло тридцать, минувшей осенью? А когда стукнуло тридцать, — день был уныл, как день двадцатилетия. —*

Писатель Венедикт Ерофеев родился 24 октября 1938 г. Таким образом, ему действительно «стукнуло тридцать» минувшей осенью по отношению к 1969 г. (см. 48.1).

Ощущение горького одиночества в дни юбилея осенней порой и попытка унять его при помощи алкоголя, естественно, не ново в литературе, тем более в русской. Ближайшей параллелью является хрестоматийное послание Пушкина своим лицейским друзьям:

Пылай, камин, в моей пустынной келье;
А ты, вино, осенней стужи друг,
Пролей мне в грудь отрадное похмелье,
Минутное забвенье горьких мук.

Печален я: со мною друга нет,

С кем долгую запил бы я разлуку,
Кому бы мог пожать от сердца руку
И пожелать веселых много лет.
Я пью один; вотще воображенье
Вокруг меня товарищей зовет;
Знакомое не слышно приближенье,
И милого душа моя не ждет.

Я пью один…

(«19 октября», 1825)

А вот самобичевание Некрасова:

Я за то глубоко презираю себя,
Что живу – день за днем бесполезно губя;

Что я, силы своей не пытав ни на чем,
Осудил сам себя беспощадным судом,

И, лениво твердя: я ничтожен, я слаб! —
Добровольно всю жизнь пресмыкался как раб;

Что, доживши кой-как до тридцатой весны,

Не скопил я себе хоть богатой казны…

(«Я за то глубоко презираю себя…», 1845)

Приведу еще один образец классического внутреннего диалога лирического персонажа на рубеже четвертого десятилетия — на этот раз из Ф. Вийона:

– Что хочешь ты? – Найди былые силы,

Опомнись, изменись. – Я изменюсь.

– Когда? – Когда-нибудь. – Коль так, мой милый,

Я промолчу. – А я, я обойдусь.

– Тебе уж тридцать лет. – Мне не до счета.

– А что ты сделал? Будь умнее впредь.

Познай! – Познал я все, и оттого-то

Я ничего не знаю. Ты заметь,

Что нелегко отпетому запеть.

(«Спор между Вийоном и его душой»)

Вообще для Вийона, как и для Венички, тридцатилетие — определенный рубеж, время для подведения некоторых жизненных итогов:

Мне шел тридцатый год, когда я,

Не ангел, но и не злодей,
Испил, за что и сам не знаю,
Весь стыд, все муки жизни сей…

(«Большое завещание», строфа I)

Сходные строки есть и у не менее трагического С. Есенина, которому тридцать тоже «стукает»:

Видно, так заведено навеки —
К тридцати годам перебесясь,
Все сильней, прожженные калеки,
С жизнью мы удерживаем связь.

Милая, мне скоро стукнет тридцать,
И земля милей мне с каждым днем.
Оттого и сердцу стало сниться,
Что горю я розовым огнем.

(«Видно, так заведено навеки…», 1925)

Впрочем, и после тридцати поэтов не покидает чувство неудовлетворенности жизнью — например, Е. Евтушенко:

За тридцать мне. Мне страшно по ночам.
Я простыни коленями горбачу,

лицо топлю в подушке, стыдно плачу,
что жизнь растратил я по мелочам,
а утром снова так же ее трачу.

(«Братская ГЭС», 1964)

19.5 С. 40. *Юрий Петрович.* —
Юрий Петрович Фролов — реальное лицо, муж Нины Васильевны Фроловой.

19.6 *Нина Васильевна.* —
Нина Васильевна Фролова — также реальное лицо, старшая родная сестра Венедикта Ерофеева.

19.7 *…бутылку столичной…* —
«Столичная» — один из классических, всемирно известных сортов советской водки (40°), назван в честь Москвы. У Е. Евтушенко есть строчки: «Что привык небось к „столичной“? / Выпей нашего „сучка“!» («Станция Зима», 1955).

19.8 *…банку овощных голубцов…* —
Овощные голубцы — вид голубцов, относящийся к разряду диетических блюд; изготовляется из вареных листов капусты, внутрь которых помещается смесь риса с вареной морковью (в отличие от обычных голубцов, начиняемых мяс-

ным фаршем с рисом).

19.9 *А когда стукнуло тридцать, — день был уныл, как день двадцатилетия. —*

Констатация факта, откровенно идущего вразрез с процессом развития социалистического общества в СССР, поскольку «полувековая история Советской страны наглядно и убедительно доказала, что *социализм обеспечивает коренное улучшение условий жизни и неуклонное повышение благосостояние всех трудящихся*» (История КПСС. М., 1973. С. 656).

19.10 *Боря —*

Борис Сорокин, реальное лицо, друг Венедикта Ерофеева со времен учебы во Владимирском педагогическом институте, муж Ольги Седаковой (*Авдиев И.* [О Вен. Ерофееве]. С. 104).

19.11 *...с какой-то полоумной поэтессою... —*

Полоумная поэтесса — Ольга Седакова, реальное лицо, друг Венедикта Ерофеева, жена Бориса Сорокина.

19.12 *Вадя —*

Вадим Тихонов (см. 3.1).

19.13 *Лида —*

Лидия Любчикова, реальное лицо, друг Вене-

дикта Ерофеева, во время действия «Москвы — Петушков» — жена Тихонова.

19.14 *Ледик* —

Владислав Цедринский, реальное лицо, друг Венедикта Ерофеева.

19.15 *Володя* —

Владимир Муравьев, реальное лицо, друг и духовный отец Венедикта Ерофеева.

19.16 *…две банки фаршированных томатов.* —

Вид дешевых овощных консервов (в СССР — молдавского, болгарского или венгерского производства), представляющих собой помидоры, начиненные фаршем из овощей.

19.17 С. 41. *Значит ли это, что за десять лет я стал менее одиноким? Нет, не значит.* —

Ср. у Брюсова: «Вновь одинок, как десять лет назад, / Брожу в саду; ведут аллеи те же» («Mon reve familier», 1903).

19.18 С. 41. *…ожесточился сердцем?* —

Ожесточение сердца — библейская речевая фигура — в Ветхом Завете: «Сердце фараоново ожесточилось» (Исх. 7: 13, см. также 7: 22, 8: 19, 9: 7, 9: 35); «Для чего, Господи, Ты попустил нам совратиться с путей Твоих, ожесточиться серд-

цу нашему, чтобы не бояться Тебя?» (Ис. 63: 17); в Новом Завете — о Христе: «И, воззрев на них с гневом, скорбя об ожесточении сердец их, говорит тому человеку: протяни руку твою» (Мк. 3: 5); и о язычниках, которые «будучи помрачены в разуме, отчуждены от жизни Божией, по причине их невежества и ожесточения сердца их» (Еф. 4: 18).

Ожесточались сердцем героини русской — «В этом аду злости, трусости и рабской приниженности она сама ожесточилась сердцем и опустилась нравственно» (А. Амфитеатров. «Марья Лусьевна», 1903) — и советской литературы: «Нельзя сказать, чтобы она ожесточилась сердцем после всего, что перенесла…» (А. Фадеев. «Молодая гвардия», ч. 1. гл. 30).

19.19 *…в мире прекрасного.* —

«В мире прекрасного» — избитый советский штамп для названий газетных и журнальных рубрик, посвященных новостям и проблемам культуры и искусства. Вот, например, название такой рубрики в одном из самых популярных в 1960-е гг. журналов — «Юность»: «Окно в мир прекрасного». Также вплоть до середины 1980-х гг. Политиздат издавал годовые настенные календари «В мире прекрасного».

19.20 *…выпьет семьсот пятьдесят…* —

То есть 750 г водки. У другого автора советской эпохи, современника Ерофеева, тот же объем приходится уже на спирт: «Федот Евграфыч сидор свой вытащил, лямки сбросил, нырнул: в укромном местечке наиважнейший его энзе лежал — фляга со спиртом, семьсот пятьдесят граммов, под пробку» (Б. Васильев. «А зори здесь тихие», 1969; гл. 5).

19.21 *Нет, вот уж теперь — жить и жить!* —

Данное Веничкино восклицание звучит как реминисценция Чехова:

«*Маша.* <…>…Мы останемся одни, чтобы начать нашу жизнь снова. Надо жить… Надо жить…

Ирина. <…> Придет время, все узнают, зачем все это, для чего эти страдания, никаких не будет тайн, а пока надо жить… надо работать, только работать! <…>

Ольга. <…> Пройдет время, и мы уйдем навеки, нас забудут, забудут наши лица, голоса и сколько нас было, но страдания наши перейдут в радость для тех, кто будет жить после нас, счастье и мир настанут на земле, и помянут добрым словом и благословят тех, кто живет теперь. О милые сестры, жизнь наша еще не кончена. Будем жить!» («Три сестры», д. 4).

У того же Чехова Громов восклицает: «Меня охватывает жажда жизни <…> Ужасно хочу жить, ужасно!» («Палата № 6», 1892).

Та же тема развивается у Льва Толстого — в разговоре на пароме Андрея Болконского и Пьера Безухова: «[Пьер:] Вы знаете, что есть там и что есть кто-то? Там есть — будущая жизнь. Кто-то есть — Бог. <…> Ежели есть Бог и есть будущая жизнь, то есть истина, есть добродетель; и высшее счастье человека состоит в том, чтобы стремиться к достижению их. Надо жить, надо любить, надо верить <…> что живем не нынче только на этом клочке земли, а жили и будем жить вечно там, во всем (он указал на небо)» («Война и мир», т. 2, ч. 2, гл. 12). И позже: «[Андрей:] Пьер был прав, говоря, что надо верить в возможность счастия, чтобы быть счастливым, и я теперь верю в него. Оставим мертвым хоронить мертвых, а пока жив, надо жить и быть счастливым» (т. 2, ч. 3, гл. 19).

То же и у Достоевского — внутренний монолог Раскольникова: «Лучше так жить, чем сейчас умирать! Только бы жить, жить и жить! Как бы ни жить — только жить!.. Экая правда! Господи, какая правда! Подлец человек! И подлец тот, кто его за это подлецом называет» («Преступление и

наказание», ч. 2, гл. 6).

19.22 *Скучно было жить только Николаю Гоголю и царю Соломону. —*

Имеются в виду последние слова «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Гоголя: «Скучно на этом свете, господа!» — и скептицизм мудрого библейского царя Соломона.

Комментируемая фраза восходит к Саше Черному и носит в устах Венички явно полемический — по отношению к Саше Черному — характер:

> *«Скучно жить на белом свете!» – это Гоголем открыто,*
>
> *До него же – Соломоном, а сейчас – хотя бы мной.*

(«Бирюльки», 1910)

В другом месте у того же Саши Черного есть еще одна апелляция к классику:

«„Скучно жить на свете, господа!“ — говорил Николай Васильевич Гоголь.

Думаю, если бы великому юмористу пришлось бы жить в Житомире — ему бы к этим словам нечего было бы прибавить» («Дневник резонера», 1904).

Маяковский тоже обращался к тому же гоголевскому пассажу с тем же отрицанием гоголевского скептицизма:

О скуке
на этом свете
Гоголь
говаривал много.
Много он понимает —
этот самый ваш
Гоголь!
В СССР
от веселости
стонут
целые губернии и волости.

(«Ух, весело!», 1924)

Примечательно, что действие данного стихотворения происходит в поезде (перегон Киев — Конотоп) и по ходу действия в вагоне появляются контролеры, проверяющие билеты.

19.23 С. 41. *«Человек смертен» — таково мое мнение. —*

В пределах первых одиннадцати страниц

«Мастера и Маргариты» Булгакова, прочитанных Венедиктом Ерофеевым (*Муравьев В.* [О Вен. Ерофееве]. С. 93), находится следующий софизм Воланда: «Да, человек смертен, но это было бы еще полбеды. Плохо то, что он иногда внезапно смертен, вот в чем фокус!» («Мастер и Маргарита», ч. 1, гл. 1).

Смертность человека констатировал еще Господь: «Зачем же смущаешься, когда ты тленен, и что мятешься, когда смертен?» (Езд. 7: 15). А позже — русские классики: «Человек смертен — Бог бессмертен» (Л. Толстой. «Собеседники», 1877–1888); «… напоминать миру, что человек смертен» (М. Салтыков-Щедрин. «В среде умеренности и аккуратности» («1. Господа Молчалины», гл. 1), 1874–1887).

Кроме того, здесь явственно проступает отсылка к классическому силлогизму: «Человек смертен. Сократ — человек. Сократ смертен».

19.24 *«Жизнь прекрасна» — таково мое мнение. —*

Выражая это свое мнение, Веничка становится в один ряд с поэтами — например, Блоком, сказавшим:

«Великие художники русские — Пушкин, Гоголь, Достоевский, Толстой — погружались во

мрак, но они же имели силы пребывать и таиться в этом мраке: ибо они верили в свет. Они знали свет. Каждый из них, как весь народ, выносивший их под сердцем, скрежетал зубами во мраке, отчаянье, часто — злобе. Но они знали, что рано или поздно *все будет по-новому*, потому что *жизнь прекрасна.*

Жизнь прекрасна» («Интеллигенция и революция», 1918);

а также Маяковским: «Жизнь прекрасна и удивительна!» («Хорошо!», 1927).

Любил это утверждение и Максим Горький: «Для человека — жизнь прекрасна!» («Мужик», 1899); «Когда человек способен любить — жизнь прекрасна» («Мои интервью», 1906); «…жизнь прекрасна и мир обольстителен!» («Исповедь», 1908).

А у Чехова есть рассказ под таким названием (1885).

19.25 *…знаете ли вы, сколько еще в мире тайн, какая пропасть неисследованного и какой простор для тех, кого влекут к себе эти тайны! —*

В Новом Завете апостол Павел призывает: «Испытывайте самих себя, в вере ли вы? самих себя исследуйте» (2 Кор. 13: 5).

19.26 С. 41–42. *…отчего это, если ты с вечера выпил, положим, семьсот пятьдесят, а утром не было случая похмелиться… и только далеко за полдень… ты выпил… <…> отчего твоей душе не легче? <…> Я вам скажу, почему. <…> Надо, чуть проснувшись, немедленно чего-нибудь выпить, даже нет, вру, не «чего-нибудь», а именно того самого, что ты пил вчера… и пить так, чтобы к вечеру ты выпил на двести пятьдесят больше, чем накануне. Вот тогда не будет ни дурноты, ни стыдливости… —*

Один из лирических героев Саши Черного сетовал на неумение его соотечественников пить и давал советы, как надо это делать:

Не умеют пить в России!..
Под прибой пустых минут,
Как взлохмаченные Вии,
Одиночки молча пьют.
<…>
Не умеют пить в России!
Ну а как же надо пить?
Ах, взлохмаченные Вии…
Так же точно – как любить!

(«Русское, 1911)

Советы Венички пить целый день звучат полемично по отношению к сентенциям Гаргантюа у Рабле:

«Мои бывшие учителя — они говорили, что завтрак хорошо действует на память, и по этой причине за завтраком, никого не дожидаясь, выпивали. Я от этого чувствую себя прекрасно и только с большим аппетитом ем. Магистр Тубал говорил мне, — а он здесь, в Париже, лучше всех сдал на лиценциата: дело, мол, не в том, чтобы быстро бегать, а в том, чтобы выбежать пораньше; так же точно, если человек хочет быть в добром здоровье, то не следует пить, и пить, и пить бесперечь, как утка, — достаточно выпить с утра. *Unde versus* [откуда стихи]:

Беда с утра чуть свет вставать —
С утра полезней выпивать».

(«Гаргантюа и Пантагрюэль», кн. 1, гл. 21)

19.27 С. 41. *Надо уметь выбрать себе работу, плохих работ нет. Дурных профессий нет, надо уважать всякое призвание. —*

В хрестоматийном детском стихотворении Маяковский восклицал: «Все работы хороши, / выбирай / на вкус» («Кем быть?», 1928).

19.28 С. 42. *…три с половиной литра ерша…* —

«Ерш» — простейший алкогольный коктейль, приготовляется исключительно в любительских условиях из водки и пива в пропорции, соответственно, от 1: 10 до 1: 2 в зависимости от насущных потребностей и личных привязанностей.

19.29 *Наро-Фоминск* —

районный центр в Московской области, расположен в 70 км к западу от Москвы; население на 1970 г. — 48 600 человек.

19.30 *А потом переходил от созерцания к абстракции…* —

То есть выполнял заветы Ильича, который в «Конспекте книги Гегеля „Наука логики“» (1914; опубл. 1929) наставлял: «От живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике — таков диалектический путь познания истины, познания объективной реальности» (Основы марксизма-ленинизма. М., 1959. С. 249).

19.31 *Сызмальства почти, от молодых ногтей, любимым словом моим было «дерзание». И — Бог свидетель — как я дерзал!* —

Помимо очевидных аллюзий на пропагандистские коммунистические лозунги-штампы, призывавшие советскую молодежь беспрерывно

дерзать, отметим новозаветную параллель, касающуюся деятельности Христа: «И вот, принесли к Нему расслабленного, положенного на постели. И видя Иисус веру их, сказал расслабленному: дерзай, чадо! Прощаются тебе грехи твои» (Мф. 9: 2). Чуть ниже Иисус обращается к женщине, «двенадцать лет страдавшей кровотечением»: «Иисус же, обратившись и увидев ее, сказал: дерзай, дщерь! вера твоя спасла тебя. Женщина с того часа стала здорова» (Мф. 9: 22; см. также Лк. 8: 48). Ср. также: «В следующую ночь Господь, явившись ему, сказал: дерзай, Павел» (Деян. 23: 11).

А вот воспоминания о молодости у Некрасова:

Что друзья? Наши силы не ровные,
Я ни в чем середины не знал,
Что обходят они, хладнокровные.
Я на все безрассудно дерзал,
Я не думал, что молодость шумная,
Что надменная сила пройдет —
И влекла меня жажда безумная,
Жажда жизни – вперед и вперед!

(«Рыцарь на час», 1860)

У Чехова Астров в разговоре с Войницким признается:

«Видишь, я и пьян. Обыкновенно я напиваюсь так один раз в месяц. Когда бываю в таком состоянии, то становлюсь нахальным и наглым до крайности. Мне тогда всё нипочем! Я берусь за самые трудные операции и делаю их прекрасно; я рисую самые широкие планы будущего; в это время я уже не кажусь себе чудаком и верю, что приношу человечеству громадную пользу… громадную! И в это время у меня собственная философская система, и все вы, братцы, представляетесь мне такими букашками… микробами» («Дядя Ваня», д. 2).

Помимо того, дерзание — обязательное качество молодого строителя коммунизма. В эпоху СССР комсомольцы обязаны были дерзать и дерзали — на благо построения самого счастливого общества на свете. Вот, например, так об этом пелось:

Шагай, ровесник! Дерзай, ровесник!
Отчизне отдай молодую судьбу!
Тебя, товарищ, зовет буревестник,
На подвиг зовет и зовет на борьбу!

(«Говорит комсомол», 1960; слова Ц. Солодаря, музыка О. Фельцмана)

19.32 С. 42. *…от молодых ногтей…* —

Выражение «от/с младых/молодых ногтей», то есть с раннего детства, функционирует в русском речевом обиходе с XII в. — с «Послания Никифора, митрополита Киевского, великому князю Володимиру» (*Ашукин Н. С., Ашукина М. Г.* Крылатые слова. М., 1996. С. 295–296). Ср. у Тургенева: «От младых ногтей не могу видеть равнодушно немца: так и подмывает меня его подразнить» («Дворянское гнездо», гл. 6).

20. Купавна – 33-й километр

20.1 С. 42. *33-й километр —*
небольшая железнодорожная платформа на маршруте Москва — Владимир.

20.2 *…от десятой смежаю глаза… —*
Смежить глаза (*устар., поэтич.)* — закрыть глаза. У Брюсова, например: «День проскользнет. Глаза твои смежатся. / То будет смерть» («Предчувствие», 1894).

20.3 С. 43. *…выпить идеально, то есть выпить только в воображении. —*
Отсылка к двум основным течениям в философии — идеализму, апеллирующему к миру идей, существующих исключительно в нашем сознании/воображении, и материализму, связанному с реальностью, «данной нам в ощущении».

20.4 *…девятую симфонию Антонина Дворжака, фактически девятую, условно называют пятой… —*
Антонин Дворжак (1841–1904) — чешский композитор. Его симфония «Из Нового Света» (1893), которая для автора была девятой по счету, в

публикациях сочинений Дворжака имеет порядковый номер 5; то же и в отношении других его симфоний (например, восьмая симфония публикуется под номером 4 и т. д.). Недоразумение вызвано тем, что, начиная свое симфоническое творчество, Дворжак не нумеровал свои симфонии, их каталогизация началась только с издания пятой по счету симфонии (опубликованной под номером 1).

20.5 *…я презираю поколение, идущее вслед за нами. Оно внушает мне отвращение и ужас.* <…> *Я не говорю, что мы в их годы волокли с собою целый груз святынь. Боже упаси! — святынь у нас было совсем чуть-чуть, но зато сколько вещей, на которые нам было не наплевать. А вот им — на все наплевать. —*

Конфликт «отцов и детей» является неотъемлемой частью идейного содержания русской и советской литературной классики. У Тургенева Павел Петрович Кирсанов постоянно предъявляет претензии к молодежи (в основном к Базарову), в частности и по поводу потребления красного вина:

«Личность, милостивый государь, — вот главное; человеческая личность должна быть крепка, как скала, ибо на ней все строится. Я очень хоро-

шо знаю, например, что вы изволите находить смешными мои привычки, мой туалет, мою опрятность наконец, но это все проистекает из чувства самоуважения, из чувства долга, да-с, да-с, долга. Я живу в деревне, в глуши, но я не роняю себя, я уважаю в себе человека. <…> Я хочу только сказать, что аристократизм — принсип, а без принсипов жить в наше время могут одни безнравственные или пустые люди. <…> Вас всего четыре человека с половиной, а тех — миллионы, которые не позволят вам попирать ногами священнейшие верования, которые раздавят вас! <…> Вы не шутя думаете сладить, сладить с целым народом? <…> Сперва гордость почти сатанинская, потом глумление. Вот, вот чем увлекается молодежь, вот чему покоряются неопытные сердца мальчишек. <…> И эта зараза уже далеко распространилась. Мне сказывали, что в Риме наши художники в Ватикан ни ногой. Рафаэля считают чуть не дураком, потому что это, мол, авторитет; а сами бессильны и бесплодны до гадости, а у самих фантазия дальше «Девушки у фонтана» не хватает, хоть ты что! <…> И такая надутая эта нынешняя молодежь! Спросишь иного: какого вина вы хотите, красного или белого? „Я имею привычку предпочитать красное!“ — отве-

чает он басом и с таким важным лицом, как будто вся вселенная глядит на него в это мгновение…» («Отцы и дети», гл. 10).

В классике социалистического реализма тема «отцов и детей» несколько трансформировалась, благо трансформировались и идеалы. Так, у Николая Островского один из персонажей, Панкратов, выступает на партийном собрании:

«О „большевизме“ Троцкого пусть скажут старые большевики. Сейчас, когда это имя противопоставили партии, необходимо, чтобы молодежь знала историю борьбы Троцкого против большевиков, его постоянные перебежки от одного лагеря к другому. Борьба против оппозиции сплотила наши ряды, она идейно укрепила молодежь. В борьбе против мелкобуржуазных течений закалялись большевистская партия и комсомол. Истерические паникеры из оппозиции пророчат нам полный экономический и политический крах. Наше завтра покажет цену этому пророчеству. Они требуют послать наших стариков, например Токарева, товарища Сегала, к станку, а на их место поставить развинченный барометр вроде Дубавы, который борьбу против партии хочет выставить каким-то геройством. Нет, товарищи, мы на это не пойдем. Старики

получат смену, но сменять их будут не те, кто при каждой трудности атакует линию партии. Мы единство нашей великой партии не позволим разрушать. Никогда не расколется старая и молодая гвардия. В непримиримой борьбе с мелкобуржуазными течениями под знаменем Ленина мы придем к победе!» («Как закалялась сталь», ч. 2, гл. 5).

Миф о «молодом поколении советских строителей коммунизма», рожденный в том числе и романом Островского, находил свое отражение и в публицистике, в частности у одного из глашатаев будущей горбачевской перестройки Виталия Коротича в его очерке «Наследники»:

«Каждому поколению выпадает на долю достаточно больших дел. Мы пришли в мир, построенный отцами для нас, и мы продолжаем эту прекрасную стройку для своих детей. Собственно, большой разговор о преемственности поколений, который велся на съезде [XIV съезд ВЛКСМ], не ограничивался только этим. Мы унаследовали строительные площадки и идеи, мы унаследовали страну с гордым именем, и мы должны быть достойны этого имени. <…> Мы наследуем великие слова и свершения. Мы должны очень много на себя взять. Да, это комплимент, если хо-

тите: „Много на себя берете, молодой человек…“ Мы действительно много на себя берем. Иначе нельзя. Мы должны написать стихи за людей, которые не успели стать поэтами, потому что они строили светлые дома для нас и умирали за нас на войне. Мы должны достроить города, спланированные ими, но сделать это так, чтобы дети гордились нами так же, как мы гордимся людьми, что привели нас в мир. <…> Мы умеем работать. <…> Мы должны проделать большую работу, не только строя и создавая материальные ценности, но перестраивая и воспитывая самих себя и своих товарищей. Человек, возводящий самое справедливое общество на земле, должен стоять вровень с ним, в основе его жизни должны лежать высокие нравственные принципы. Это обязательное требование, потому что только чистыми руками может быть построен коммунизм» (Юность. 1962. № 5).

Антитезой к подобным выступлениям звучат строки антиэнтузиаста Мандельштама, где вместе с темой разрыва с молодежью задействованы и другие мотивы и детали из «Москвы — Петушков» (удушье, Фауст, Воробьевы горы):

Уж я не выйду в ногу с молодежью

На разлинованные стадионы,
Разбуженный повесткой мотоцикла,
Я на рассвете не вскочу с постели…
<…>
Мне с каждым днем дышать все тяжелее…
<…>
И Фауста бес – сухой и моложавый —
Вновь старику кидается в ребро
И подбивает взять почасно ялик,
Или махнуть на Воробьевы горы,
Иль на трамвае охлеснуть Москву.

(«Сегодня можно снять декалькомани», 1931)

20.6 С. 43. *Максим Горький песен о них не споет… —*

Максим Горький (он же Алексей Пешков; 1868–1936) — пролетарский писатель. Здесь контаминируются: 1) жанр революционно-романтических произведений раннего Горького, собственно «песен» («Песня о Соколе», 1899; «Песня о Буревестнике», 1901), в которых в аллегорических образах воспевались романтизм и революционность духа, и 2) четверостишие из

того же Горького:

А вы на земле проживете,
Как черви слепые живут:
Ни сказок про вас не расскажут,
Ни песен про вас не споют.

Изначально строфа входила в рассказ «О маленькой фее и молодом чабане» (1895), которая затем издавалась под названиями «Валашская легенда», «Рыбак и фея», «Фея»; окончательно издана Горьким как «Легенда о Марко» (1906).

Кроме этого, уместно вспомнить и самокритичную частушку молодого Горького, в которой он обращается к самому себе:

Не везет тебе, Алеша!
Не везет, хоть тресни!
Не споешь ты, брат, хорошей
Разудалой песни!

(«Не везет тебе, Алеша!», 1888)

20.7 *…сколько вещей, на которые нам было не наплевать. А вот им — на все наплевать. —*

В рефрене классического стихотворения Ф. Вийона о жизненных ценностях звучит: «А мне… мне наплевать» («Спор сердца и тела Вийона»).

Эта реплика в лирическом диалоге принадлежит телу, которое повторяет ее пять раз; сердце — прекрасное, как у Венички, — в свою очередь, уговаривает тело найти себе в жизни такие вещи, на которые ему было бы «не наплевать». Тело отказывается.

20.8 С. 43–44. *…такой пламенный, что через вас девушки могут прыгать в ночь на Ивана Купала. —*

Имеется в виду обычай прыгать через костер в ночь на Ивана Купалу (Иванов день) — народный языческий праздник в честь языческого бога Купалы; празднуется в период летнего солнцестояния (с более поздними наложениями христианских традиций, связанных с рождением 24 июня Иоанна Предтечи). В западноевропейских странах имеет аналогию — Вальпургиеву ночь. Праздник этот отражен литераторами — Гоголем, у которого есть повесть «Вечер накануне Ивана Купала» (1834); Гёте в «Фаусте» (сцены в 1-й части: «Вальпургиева ночь» и «Сон в Вальпургиеву ночь», и во 2-й части: «Классическая Вальпургиева ночь» (акт 2). Естественно, надо отметить и название пьесы Венедикта Ерофеева «Вальпургиева ночь, или Шаги командора».

20.9 С. 44. *…крепленые красные вина? —*

Крепленые красные вина — крепкие (16–18°) десертные вина из красного винограда, выдержанные в течение 3–5 лет; наиболее распространенными сортами в эпоху Венички были «Рубин» и различные кагоры.

20.10 *Мой глупый земляк Солоухин зовет вас в лес соленые рыжики собирать. Да плюньте вы ему в его соленые рыжики! —*

Владимир Солоухин (1924–1997) — советский писатель, выходец из Владимирской области (село Алепино), что позволяет Ерофееву, жившему во Владимире во время недолгой учебы во Владимирском педагогическом институте (1962–1963), иронически называть его своим земляком. Солоухин являлся автором чрезвычайно популярной в конце 1960-х гг. книги «Третья охота» (1967), где с любовью описываются различные народные увлечения: охота, рыбная ловля, сбор грибов (естественно, не соленых, а свежих):

«Эти заметки — не стихи, не поэма, не даже рассказ. Здесь надо бы говорить о грибах так: „Белый гриб — общеизвестный вид дикорастущих шляпочных грибов, плодовитые тела которых представляют ценнейший продукт питания, используемый во многих странах мира и особенно

в Советском Союзе“, как пишет о них ученый человек Б. П. Васильков в своей книге „Белый гриб. Опыт монографии одного вида“. Или вот еще категоричнее: „Белый гриб — самый ценный из всех съедобных грибов“. <…> Рыжики и маслята (по сути, одни из лучших грибов) невежественно и вульгарно пренебрегались нами. Березовики и подосиновики не удостаивались попасть в число избранных. Мы охотились исключительно за белыми, да и у тех отрезали одни шляпки. При этом жалко было не столько бросать плотный, тяжелый, как бы из свиного сала корень, сколько разрушать красоту одного из шедевров природы. Здесь, как и во всем. Пока смотришь отдельно на рыжик, кажется, не может быть гриба красивее его. Эта ядреность, эти темные кольцевые полосы по огненно-рыжему фону, эта хрустальная лужица в середине гриба. <…> Есть грибы, которые срезать даже приятнее, чем срывать. Например, рыжики, маслята, опенки <…> Когда срываешь масленок, или сыроежку, или даже рыжик, не приходит в голову понюхать его, втянуть в себя острый и тонкий аромат гриба, бог весть где найденный им в земле и собранный на хранение. И зря, что не приходит в голову, ибо очень душист масленок, прекрасно пахнет рыжик, благоухает

опенок, поражает запахом шампиньон».

В 1960-е гг. Солоухин воспринимался не только как литератор, но и как идеолог русского национализма, что особенно важно в контексте данной главы. Отрицание Веничкой как западничества Петра Великого и Кибальчича, так и русофилии Солоухина логично, ибо герой поэмы постоянно «одинок и растерян». О Солоухине же и его соленых рыжиках весьма внятно написали современники:

«Сильно упрощая, идейных центров русизма [в 1960-е гг.] можно выделить три. Первый обозначается именем Владимира Солоухина, который в 60-е был неким антиподом Эренбурга (олицетворявшего полюс западничества в тогдашнем обществе) [второй и третий центры: Шукшин и русская классика]. Взращенное на Белле, Ренуаре и Армстронге поколение узнавало свою родину из талантливых и внятных солоухинских книг, с душевным трепетом постигая, что „волнушка уступает только рыжику, но ничем не хуже груздя“ [В. Солоухин. «Третья охота»]. Солоухину почти все не нравилось в окружающем обществе: переименование улиц, передвижники, снос храмов, одежда, архитектура, песни. Но его публицистика замечательна тем, что позитивный

ее заряд не уступает в изобразительной силе негативному. То есть ненависть, как случается крайне редко, не вытесняет любовь. О том, что он любит, Солоухин пишет нетривиально и ярко: „Итак, положив на тарелку рыжики, засоленные вышеописанным способом, нужно поставить на скатерть графинчик с одной из вышеописанных настоек, а также небольшие рюмочки. Очень важно, чтобы за столом в это время сидели хорошие люди…“ [Там же]. Разумеется, Солоухин писал не только о застольях, но вообще его положительная программа была не сложнее грибной икры. Путь к русизму тут лежит через материальную культуру, на практике принимая кулинарно-бытовой характер. Интеллигент ставил на телевизор пару лаптей, пришпиливал к стене открытку с „Чудом Георгия о змие“ и пил чесночную под ростовские звоны. Такой способ веры близок к выраженной в Ветхом Завете убежденности в том, что путь к истине связан с неукоснительным соблюдением обрядов» (*Вайль П., Генис А.* 60-е: Мир советского человека. Анн-Арбор,1988. С. 217, 218).

20.11 С. 44. *Давайте лучше займитесь икотой, то есть исследованием пьяной икоты в ее математическом аспекте… —*

Схожие объекты интереса встречаются у одно-

го из персонажей Эренбурга: «Закончив танцы, я изучил щебет греков, плач турок, любовные вздохи арабов и даже странные звуки, напоминавшие икоту приезжих австрийцев. Постигнув все тайны веселья, я продал свои последние штаны, купил на них бутылку вина и, выпив ее до дна, принялся веселиться» («Тринадцать трубок», трубка 3-я).

20.12 *…все это — не наше, все это нам навязали Петр Великий и Николай Кибальчич, а ведь наше призвание совсем не здесь, наше призвание совсем в другой стороне! В той самой стороне, куда я вас приведу, если вы не станете упираться. —*

Петр Алексеевич I Великий (1672–1725) — пожалуй, самый популярный из русских царей, известный своими радикальными реформами во всех областях русской жизни, ориентированными на Западную Европу, а не на исконно русские традиции. Николай Кибальчич (1853–1881) — русский ученый-изобретатель и революционер; в науке разрабатывал теорию и практику полетов летательных аппаратов в космос; в революционной деятельности — боевик-террорист, член террористических организаций «Земля и воля» и «Народная воля», участвовал в подготовке покушения на царя Александра II 17 марта 1881 г., за

что был казнен.

Здесь Веничка выступает в духе пророка-проводника, способного вывести читателей к собственно «русской идее». Николай Бердяев в «Истоках и смысле русского коммунизма» писал в духе Венички:

«Раскол [русской церкви] нанес первый удар идее Москвы как Третьего Рима. Он означал неблагополучие русского мессианского сознания. Второй удар был нанесен реформой Петра Великого. <…> Славянофилы видели в деле Петра измену исконным национальным русским основам, насилие и прорыв органического развития. <…> Петр раскрыл для России пути западного просвещения и цивилизации. <…> Западники были не правы потому, что они отрицали своеобразие русского народа и русской истории, держались упрощенных взглядов на прогресс просвещения и цивилизации, не видели никакой миссии России, кроме необходимости догнать Запад. Они не видели того, что все же видели славянофилы — насилия над народной душой, произведенного Петром. И народ ответил на это насилие созданием легенды о Петре как антихристе. Приемы Петра были совершенно большевистские. Он хотел уничтожить старую

московскую Россию, вырвать с корнем те чувства, которые лежали в основе ее жизни. И для этой цели он не остановился перед казнью собственного сына, приверженца старины. Приемы Петра относительно церкви и старой религиозности очень напоминают приемы большевизма. <…> Петр высмеивал религиозные чувства, устраивал всешутейший собор с шутовским патриархом. Это очень напоминает антирелигиозные манифестации безбожников в советской России. <…> Можно было бы сделать сравнение между Петром и Лениным, между переворотом петровским и большевистским. Та же грубость, насилие, навязанность сверху народу известных принципов, та же прерывность органического развития, отрицание традиций, тот же этатизм, гипертрофия государства, то же создание привилегированного бюрократического слоя, тот же централизм, то же желание резко и радикально изменить тип цивилизации. <…> Большевизм воспользовался всем для своего торжества. <…> Он воспользовался свойствами русской души, во всем противоположной секуляризированному буржуазному обществу ее религиозностью, ее догматизмом и максимализмом, ее исканием социальной правды и Царства Божьего на земле, ее способностью

к жертвам и к терпеливому несению страданий, но также к проявлению грубости и жестокости, воспользовался русским мессианизмом, всегда остающимся, хотя бы в бессознательной форме, русской верой в особые пути России. Он воспользовался историческим расколом между народом и культурным слоем, народным недоверием к интеллигенции и с легкостью разгромил интеллигенцию, ему не подчинившуюся. Он впитал в себя и русское интеллигентское сектантство, и русское народничество, преобразив их согласно требованиям новой эпохи. Он соответствовал отсутствию в русском народе римских понятий о собственности и буржуазных добродетелях, соответствовал русскому коллективизму, имевшему религиозные корни. <…> Он также начал насильственно насаждать сверху новую цивилизацию, как это в свое время делал Петр».

Критиковал Петра и наследник Ленина. В мемуарах Константина Симонова сохранились воспоминания о встрече Сталина с советскими писателями:

«– А вот есть такая тема, которая очень важна, — сказал Сталин, — которой нужно, чтобы заинтересовались писатели. Это тема нашего советского патриотизма. Если взять нашу сред-

нюю интеллигенцию, научную интеллигенцию, профессоров, врачей, — сказал Сталин, строя фразы с той особенной, присущей ему интонацией, которую я так отчетливо запомнил, что, по-моему, мог бы буквально ее воспроизвести, — у них недостаточно воспитано чувство советского патриотизма. У них неоправданное преклонение перед заграничной культурой. Все чувствуют себя еще несовершеннолетними, не стопроцентными, привыкли считать себя на положении вечных учеников. Это традиция отсталая, она идет от Петра. У Петра были хорошие мысли, но вскоре налезло слишком много немцев, это был период преклонения перед немцами. Посмотрите, как трудно было дышать, как трудно было работать Ломоносову, например. Сначала немцы, потом французы, было преклонение перед иностранцами, — сказал Сталин и вдруг, лукаво прищурясь, чуть слышной скороговоркой прорифмовал: — засранцами, — усмехнулся и стал серьезным» («Глазами человека моего поколения: Размышления о И. В. Сталине»).

В поэзии все это звучало прямее и короче, например у Саши Черного: «Петр Великий, Петр Великий! / Ты один виновней всех» («Желтый дом», 1908).

А вот о призвании в контексте «иностранщины» в России писал В. Розанов:

«Под немцами нам будет лучше. Немцы наведут у нас порядок <…> Мы же овладеем их душою так преданно и горячо, как душою Вигеля, Даля, Ветенека (Востоков) и Гильфердинга. <…> Покорение России Германиею будет на самом деле, и внутренно и духовно, — покорение Германии Россиею. <…> Мы научим их танцевать, музыканить и петь песни. Может быть, даже научим молиться. Они за это будут нам рыть руду, т. е. пойдут в каторгу, будут пахать землю <…> И будут заниматься аптеками, чем и до сих пор ни один русский не занимался. „Не призвание“. <…> Мы дадим им пророков, попытаемся дать им понятие о святости, — что едва ли мыслимо. Но хоть попытаемся. Выучим говорить, петь песни и сказывать сказки. В тайне вещей мы будем их господами, а они нашими нянюшками, любящими и послушными нам. Они нам будут служить. Матерьяльно служить. А мы будем их духовно воспитывать. Ибо нигилизм наш тогда пройдет. Нигилизм есть отчаяние человека о неспособности делать дело, к какому он вовсе не призван. Мы, как евреи, призваны к идеям и чувствам, молитве и музыке, но не к господству» («Апокалипсис нашего времени»

(«Немножко и радости»), 1918).

20.13 С. 44. *…ведь наше призвание совсем не здесь, наше призвание совсем в другой стороне! —*

В сугубо литературном (точнее, каламбурном) контексте данное Веничкино утверждение может восприниматься сквозь призму реплик пушкинского, «чумного», по определению Мандельштама («Фаэтонщик», 1931), Председателя, который сначала в Веничкином духе предлагает: «Зажжем огни, нальем бокалы, / Утопим весело умы…», а затем отвергает «призвание смерти»:

Итак, – хвала тебе, Чума,
Нам не страшна могилы тьма,
Нас не смутит твое призванье.
Бокалы пеним дружно мы…

(«Пир во время чумы», 1830)

В идеологическом же плане во всем пассаже — от «ведь наше призвание совсем не здесь» до «внегалактической астрономии и корриды» — очевидна полемика с молодым Евтушенко, у которого в стихах 1960-х гг. есть романтизация и корриды, и космоса, и Петра Первого. Так, его поэма «Коррида» заканчивается признанием: «Если надо, готов умереть, / как тореро, / если

надо, — / как жертва его, / но чтоб не было крови вовеки» («Коррида», 1967). А через год он с пеной у рта восхвалял царя Петра и увлечение «внегалактической астрономией»:

Я пришел к тебе запросто, Петр,
будто к плотнику плотник.
<…>
Слава звездным фрегатам,
как петровским гонцам!
Слава плотникам атома,
как петровским птенцам!

Я – праптенец гнезда Петрова.
Я хваткой плотницкой богат
и топором веселым слова
Россию строю, как фрегат.
<…>
И свой топор над миром смачно
подъемлю плотником Петром.

(«В Петровском домике», 1968)

20.14 *…оставьте янкам внегалактическую астрономию… —*

Внегалактическая астрономия — раздел аст-

рономии, изучающий небесные тела, которые находятся за пределами нашей Галактики. Веничка призывает оставить ее американцам, видимо, на основании того, что в первой половине XX в. своими открытиями в данной области прославились именно ученые из США — Х. Шепли и Э. Хаббл.

В 1960-х гг. шла жесткая конкурентная борьба между советскими и американскими исследователями космоса. Главными достижениями СССР в этой области были: первый в мире полет человека в космос (Юрий Гагарин, 1961), первый в мире выход человека в открытое космическое пространство (Алексей Леонов, 1965), полет первой в мире женщины-космонавта (Валентина Терешкова, 1963). Американские астронавты 21 июля 1969 г. первыми в мире высадились на Луну.

Забавно, что данное заявление Венички, страдавшего комплексом индивидуализма и не переносившего коллективизм во всех его проявлениях, удивительно естественно вписывается в контекст истории освоения космоса осенью 1969 г. Дело в том, что в октябре 1969 г., то есть в разгар кабельных работ в Шереметьеве, СССР произвел уникальный космический эксперимент — впервые в космосе работали сразу три совет-

ских космических корабля: 11 октября 1969 г. был запущен «Союз-6» с Георгием Шониным и Валерием Кубасовым, 12 октября — «Союз-7» с Анатолием Филипченко, Владиславом Волковым и Виктором Горбатко, 13 октября — «Союз-8» с Владимиром Шаталовым и Алексеем Елисеевым. Таким образом, был осуществлен самый большой по численности кораблей и членов экипажей «коллективный» полет. США ответили новой высадкой на Луне 19 ноября 1969 г. «Аполлона-12», в состав экипажа входили Чарльз Конрад и Алан Бин.

Также данный Веничкин призыв звучит как несогласие с политикой родной партии и правительства в области развития космонавтики — ни партия, ни правительство янкам космос уступать не собирались. Так, выступая 22 октября 1969 г. в Кремле на торжественном собрании, посвященном успешному завершению полета трех «Союзов», генеральный секретарь ЦК КПСС Брежнев в пику Веничке заявил: «Наша страна располагает широкой космической программой, рассчитанной на долгие годы. Мы идем своим путем, идем последовательно и целеустремленно. <…> Наш путь покорения космоса — путь решения коренных, фундаментальных задач,

базовых проблем науки и техники» (Правда. 1969. 23 октября).

Янки (*англ.* yankee) — американец/-цы (*разг.)*; у Аксенова, например: «Все доктора: русский, янки, японец, итальянец, финн, поляк» («Ожог», 1975).

20.15 С. 44. *…немцам — психиатрию. —*

Обращение к выдающимся достижениям немецких ученых (прежде всего, Фрейда и Юнга) в области психиатрии и, больше, психоанализа.

20.16 *…всякая сволота вроде испанцев идет на свою корриду глядеть… —*

Коррида, то есть бой быков и тореадоров, в сознании всякого европейца — неотъемлемая часть (символ) испанской культуры. Коррида является одновременно захватывающим и бессмысленно жестоким зрелищем.

20.17 *…пусть подлец-африканец строит свою Асуанскую плотину, пусть строит, подлец, все равно ее ветром сдует… —*

Асуанские плотины — комплекс мощных гидротехнических сооружений на территории Объединенной Арабской Республики (Египет) на реке Нил близ города Асуана. Веничка имеет в виду новую Асуанскую плотину — крупнейшую

на данном гидроузле. Плотина с 1960 г. строилась при финансовом и техническом содействии СССР и являлась символом советско-арабской дружбы. Во второй половине 1960-х гг., в связи с обострением арабо-израильского конфликта, советская пресса, желая подчеркнуть политические приоритеты КПСС, уделяла строительству Асуанской плотины большое внимание — вот названия заметок, посвященных этому строительству: «Растет Асуанский богатырь» (Правда. 1967. 2 января), «Символ советско-арабской дружбы» (Правда. 1968. 10 января); или преисполненные любви к египтянам путевые записки Веры Кетлинской: «О Ниле, дающем жизнь» (Правда. 1968. 7 января) и «Асуанские будни» (Правда. 1968. 8 января).

20.18 *…пусть подавится Италия своим дурацким бельканто…* —

Бельканто (*ит.* bel canto) — легкий, гибкий, изящный стиль вокального искусства, выработанный в Италии в середине XVII в. Видимо, для Венички бельканто напрямую соотносится с «мерзкими голосами певцов» (см. 6.7).

21. 33-й километр – Электроугли

21.1 С. 44. *Электроугли —*

железнодорожная станция в городе Электроугли (Московская область, 35 км от Москвы; население на 1970 г. — 16 000 человек).

21.2 *Для того чтоб начать ее исследование, надо… —*

«Серьезный», псевдонаучный трактат о «низком» предмете — неотъемлемый элемент дискурса Рабле; как научный доклад, например, построена знаменитая лекция Панурга о гульфиках («Гаргантюа и Пантагрюэль», кн. 3, гл. 8 («Почему гульфик есть самый главный доспех ратника»)).

21.3 С. 44–45. *…или an sich (термин Иммануила Канта), то есть вызвать ее в себе самом, — или же вызвать ее в другом, но в собственных интересах, то есть für sich. Термин Иммануила Канта. Лучше всего, конечно, и an sich и für sich… —*

Иммануил Кант (1724–1804) — великий немецкий философ-идеалист (см. также 10.22, 11.13). Апелляции к нему в художественной литературе регулярны, в том числе и у поэтов. Например, у

Пушкина (в «алкогольном» контексте): «Друзья! почто же с Кантом / Сенека, Тацит на столе…» («Пирующие студенты», 1814).

И у Белого:

Сажусь за стол… И полдень жуткий,
И пожелтевший фолиант
Заложен бледной незабудкой;
И корешок, и надпись: Кант.

(«Искуситель», 1908)

Ding an sich — вещь в себе, вещь сама по себе, существующая независимо от нашего сознания; *ding für sich* — вещь для себя, вещь такая, какой она существует в нашем (человеческом) сознании. Оба понятия являются ключевыми терминами «Критики чистого разума» — главного философского труда Канта. Они непосредственно связаны с проблемой познаваемости/непознаваемости всякого явления; по Канту, «вещи в себе» непознаваемы. До Венички соединить обе «вещи» мечтал В. Розанов: «И когда и он умолкнет для меня, я хочу быть слепым и глухим в самом себе, an und für sich» («Опавшие листья», короб 1-й).

Введение в текст «Москвы — Петушков» выражений на немецком языке (см. также 22.4) отча-

сти объясняется тем, что это был единственный иностранный язык, которым владел Венедикт Ерофеев. Его ближайший друг и духовный наставник Муравьев вспоминает: «Веничка говорил: „<…> Как ты думаешь, мне немецкий нужно подгонять?“ Я отвечал: „Ну, давай проверим. — Нет, вполне пристойный уровень“. <…> Он заявлял: „Твой британский я люблю только вчуже, в переводе на русский язык. А немецкий люблю“. Но ни один язык он так и не одолел. Занимался языком пунктуально, говорят, на занятиях немецким в последние годы был первым учеником, это он мог. А чтобы действительно превзойти язык…» (*Муравьев В.* [О Вен. Ерофееве]. С. 91).

В самиздатовских копиях «Москвы — Петушков» имя Канта писалось как Эммануил или Эмануил. Вряд ли это было ошибкой или опиской — такое написание связано с псевдофранцузской традицией. Например, у Ильфа и Петрова читаем признание Воробьянинова, которого звали Ипполитом, о своей теще: «Ты знаешь, она называет меня Эполет. Ей кажется, что так произносят в Париже. Замечательно» («Двенадцать стульев», ч. 1, гл. 6). Ниже в «Двенадцати стульях» упоминается и собственно Эммануил: «висевший на стенке портрет Эммануила Ласкера» (ч. 3, гл. 43).

21.4 С. 45. *…что-нибудь крепкое: старку…* —
Старка («старая водка») — элитный сорт выдержанной (43°) водки темно-коричневого цвета; см. также цитату из Высоцкого (14.9).

21.5 *Пейте большими стаканами, через полчаса по стакану, по возможности избегая всяких закусок.* —
В Ветхом Завете Господь дает сходные по обстоятельности установки, как должно быть организовано питание во время Пасхи и опресноков:
«Агнец у вас должен быть без порока, мужеского пола, однолетний <…> Пусть съедят мясо его в сию самую ночь, испеченное на огне; с пресным хлебом и с горькими травами пусть съедят его. Не ешьте от него недопеченного <…> Ешьте же его так: пусть будут чресла ваши препоясаны, обувь ваша на ногах ваших и посохи ваши в руках ваших, и ешьте его с поспешностию <…> Семь дней ешьте пресный хлеб <…> С четырнадцатого дня первого месяца, с вечера ешьте пресный хлеб до вечера двадцать первого дня того же месяца. <…> Ничего квасного не ешьте…» (Исх. 12: 5, 8, 9, 11, 15, 18, 20).

21.6 С. 45. *…кильку пряного посола, кильку*

простого посола, кильку в томате. —

Перечислены наиболее распространенные сорта маринованной кильки: «пряный посол» — посол с добавлением душистых специй; «простой посол» — маринование только с добавлением соли; «в томате» — маринование в томатном соусе. Килька этих сортов продавалась как в консервированном (все три сорта), так и в развесном (два первых) виде. Благодаря невысокой цене пользовалась чрезвычайной популярностью среди лиц низкого социального положения. Традиционная закуска для водки. Саша Черный вопрошал: «Чем килька не закуска?» («Кофе по-турецки», 1930). У Аксенова в «Звездном билете» есть: «ПАПА, ТЫ ВЕДЬ ЛЮБИШЬ КИЛЬКУ. Таллиннскую кильку пряного посола. Вот тебе на здоровье 600 килограммов. Детки, скоро праздник. Покупайте кильку. Лучший спутник обеда — килька». А у Войновича герои рассказа как-то «взяли бутылку вермута, кильки в томате и сто граммов соевых конфет» («Расстояние в полкилометра», 1961).

21.7 *…вожди мирового пролетариата, Карл Маркс и Фридрих Энгельс, тщательно изучили смену общественных формаций и на этом основании сумели многое предвидеть. —*

Карл Маркс — см. 18.10. Фридрих Энгельс (1820–

1895) — немецкий мыслитель, друг и соратник Маркса. Путем изучения смены общественных формаций Маркс с Энгельсом пришли к выводу о неизбежности краха капитализма и замены его коммунизмом. Политически грамотный и теоретически подкованный Маяковский писал: «Маркс раскрыл истории законы, / пролетариат поставил у руля. <…> Марксу виделось видение Кремля / и коммуны флаг над красною Москвой» («Владимир Ильич Ленин», 1924).

21.8 *Говорят, вожди мирового пролетариата, Карл Маркс и Фридрих Энгельс… Но тут они были бы бессильны предвидеть хоть самое малое.* —

Действительно, в советской истории можно было в ряде случаев обойтись и без Маркса и идти к истине своим путем — об этом писал Маяковский:

Мы открывали
Маркса
каждый том,
как в доме
собственном
мы открываем ставни,
но и без чтения

мы разбирались в том,
в каком идти,
в каком сражаться стане.
Мы
диалектику
учили не по Гегелю.

(«Во весь голос», 1920–1930)

21.9 С. 46. *…она неисследима, а мы — беспомощны. —*

Библейский эпитет «неисследимый» (в разных грамматических формах) относится к Богу. Так, в Ветхом Завете, в речи Елифаза, обращенной к Иову, читаем: «Но я к Богу обратился бы, предал бы дело мое Богу, Который творит дела великие и неисследимые, чудные без числа…» (Иов. 5: 8–9; см. также 9: 10, 36: 26); у Исаии читаем: «Разве ты не знаешь? разве ты не слышал, что вечный Господь Бог, сотворивший концы земли, не утомляется и не изнемогает? разум Его неисследим» (Ис. 40: 28). И еще: «Велик Господь и достохвален, и величие Его неисследимо» (Пс. 144: 3). В Новом Завете есть: «О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия! как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его!» (Рим. 11: 33); «неиссле-

димое богатство Христово» (Еф. 3: 8).

В более широком контексте встречается у поэтов, например у Б. Пастернака: «Неисследимый смысл добра и зла» («Спекторский», 1930), а также у прозаиков, например у Достоевского: «…неисследима глубина женского сердца даже и до сегодня!» («Бесы», ч. 1, гл. 1).

А относительно собственной беспомощности сетовал еще Салтыков-Щедрин: «Мы так беспомощны, так безнадежны, что сознание правды не вперед нас толкает, а заставляет только опускать руки» («В среде умеренности и аккуратности», гл. 6).

21.10 С. 46. *Мы — дрожащие твари… —*

Восходящее к Корану выражение «дрожащая тварь» введено в русский литературный обиход Пушкиным:

Мужайся ж, презирай обман,
Стезею правды бодро следуй,
Люби сирот и мой Коран
Дрожащей твари проповедуй… —

(«Подражания Корану», 1824)

и с его легкой руки стало популярной формулой в идеологической фразеологии. Устойчив

лейтмотив «дрожащей твари» в «Преступлении и наказании» в монологах Раскольникова: «О, как я понимаю „пророка“, с саблей, на коне. Велит Аллах, и повинуйся, „дрожащая“ тварь!» (ч. 3, гл. 6); «Свободу и власть, а главное власть! Над всею дрожащею тварью и над всем муравейником!.. Вот цель!» (ч. 4, гл. 4); «Тварь ли я дрожащая или *право* имею…» (ч. 5, гл. 4). Встречается этот образ и у поэтов — например, у Блока (в «обрамлении» ангелов, роз, тьмы и бреда):

Я – тварь дрожащая. Лучами
Озарены, коснеют сны.
Перед Твоими глубинами
Мои ничтожны глубины.
Не знаешь Ты, какие цели
Таишь в глубинах Роз Твоих,
Какие ангелы слетели,
Кто у преддверия затих…
В Тебе таятся в ожиданьи
Великий свет и злая тьма —
Разгадка всякого познанья
И бред великого ума.

(«Я — тварь дрожащая», 1902)

21.11 *…Божья Десница, которая над всеми нами занесена… —*

Десница (*устар., поэтич.)* — правая рука, как правило, божественной субстанции; образ широко используется поэтами. Например, Пушкиным: «И жало мудрыя змеи / В уста замерзшие мои / Вложил десницею кровавой» («Пророк», 1826). «Божья десница» часто встречается в Библии. В Ветхом Завете в торжественной песне Моисея: «Десница Твоя, Господи, прославилась силою; десница Твоя, Господи, сразила врага» (Исх. 15: 6). Господь говорит Израилю: «Не бойся, ибо Я — с тобою; не смущайся, ибо Я — Бог твой; Я укреплю тебя, и помогу тебе, и поддержу тебя десницею правды Моей. <…> Моя рука основала землю, и Моя десница распростерла небеса» (Ис. 41: 10, 48: 13). В Псалтири обращение к Господу: «Ты дал мне щит спасения Твоего, и десница спасения Твоя поддерживает меня. <…> Рука Твоя найдет всех врагов твоих, десница Твоя найдет ненавидящих тебя. <…> И сказал я: „вот мое горе — изменение десницы Всевышнего“» (Пс. 17: 36, 20: 9, 76: 11; ср. также 15: 11, 16: 7, 19: 7, 43: 4, 44: 5, 47: 11, 59: 7, 62: 9, 73: 11, 76: 11 и т. д.). В Новом Завете см., например: Деян. 2: 33, 5: 31; Откр. 1: 16, 1: 17, 1: 20, 2: 1, 5: 1, 5: 7 и др.

21.12 *Он непостижим уму, а следовательно, Он есть. —*

«Он непостижим уму» — сходный оборот встречается у Пушкина: «Он имел одно виденье, / Непостижное уму» («Жил на свете рыцарь бедный», 1829).

Непостижимость — одно из основных качеств Господа и его деяний. Об этом много сказано в Библии. В Ветхом Завете: «Дивно гремит Бог гласом Своим, делает дела великие, для нас непостижимые» (Иов. 37: 5); «Велики и непостижимы суды Твои» (Притч. 17: 1). В Новом Завете: «О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его!» (Рим. 11: 33). Из Библии «непостижимость» перекочевала к поэтам — скажем, к Фету: «Не тем, Господь, могуч, непостижим <…> Нет, Ты могуч и мне непостижим» («Не тем, Господь, могуч, непостижим…», 1879).

В целом же данное заявление восходит к теологическому агностицизму Канта:

«Полностью познать существование этого существа [Бога] из одних лишь понятий безусловно невозможно, так как каждое суждение о существовании, т. е. такое, где о существе, о котором я составляю себе понятие, говорится, что оно суще-

ствует, есть суждение синтетическое, т. е. такое, посредством которого я выхожу за пределы понятия и говорю о нем больше того, что мыслилось в этом понятии, а именно что вне рассудка еще дан предмет, соответствующий этому понятию в рассудке, а это явно нельзя вывести с помощью какого-либо умозаключения. Следовательно, для разума остается только один способ дойти до такого познания, а именно как чистый разум он определяет свой объект, исходя из высшего принципа своего чисто практического применения <…> И тогда в его неизбежно возникающей задаче, т. е. необходимом стремлении воли к высшему благу, появляется необходимость допускать не только такую первосущность для возможности этого блага в мире, но, что самое удивительное, и нечто такое, чего совершенно недоставало продвижению разума, а именно строго определенное понятие этой первосущности. А так как этот мир мы знаем слишком мало и еще в меньшей степени можем сравнивать его со всеми возможными мирами, то от порядка, целесообразности и величия его мы можем, правда, заключать к мудрому, благому, могущественному и т. д. творцу его, но не можем заключать к всеведению, всеблагости, всемогуществу и т. д.» («Критика практического

разума», кн. 2, гл. 2).

«Если же я хочу мыслить сверхчувственную сущность (Бога) как мыслящее существо, то в определенном аспекте применения моего разума это не только дозволительно, но даже неизбежно; но отнюдь не дозволительно приписывать ей рассудок и льстить себя надеждой, что через рассудок как через некое свойство можно его познать <…> я отнюдь не могу познать, что такое Бог» («Критика способности суждения», ч. 2, приложение («Общее примечание к телеологии»)).

В русской философии о непостижимости Бога писал С. Франк:

«О „непостижимом“, казалось бы, per definitionem нельзя высказать вообще ничего, кроме именно того, что оно — непостижимо. <…> Мы разделяем в этом отношении судьбу всех созерцательных мистиков. Все они единогласно утверждают в отношении Бога, что Он — непостижим, неизследим, невыразим, несказанен — и вместе с тем подробно рассказывают нам об этом таинственном и несказанном существе Бога» («Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии», 1939).

21.13 С. 46. *Итак, будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный. —*

Цитата из Нагорной проповеди Иисуса Христа (Мф. 5: 48).

В контексте упоминания об Отце Небесном уместно вспомнить патетику дискурса героя К. Гамсуна (с упоминаниями о персте Божьем (см. 34.39) и деснице (см. 21.11)):

«Зачем заботился я о том, что мне есть и пить, во что одеть бренную свою плоть? Разве Отец Небесный не питает меня, как питает птиц, и не оказал мне особой милости, избрав раба своего? Перст Божий коснулся нервов моих, едва заметно, тронул их нити. А потом Господь вынул перст свой, и вот на нем обрывки нитей и комочки моих нервов. И осталась зияющая дыра от перста его, перста Божия, и рана в моем мозгу. Но, коснувшись меня перстом десницы своей, Господь покинул меня и не трогал более, и не было мне никакого зла. Он отпустил меня с миром, отпустил с открытой раной. И не было мне никакого зла от Бога, ибо он — Господь наш во веки веков» («Голод», гл. 1).

22. Электроугли – 43-й километр

22.1 С. 46. *43-й километр* —
железнодорожная платформа на магистрали Москва — Владимир.

22.2 *Больше пейте, меньше закусывайте.* —
Вот рассказ об образе жизни «поверхностного верующего» Гаргантюа, который знал меру в закуске, но не знал ее в питии:

«Гаргантюа выходил из церкви <…> потом на какие-нибудь несчастные полчаса он утыкался в [молитвенную] книгу, но, по выражению одного комика, „душа его была на кухне“ <…> затем он, чтобы предотвратить раздражение почек, единым духом выпивал невесть сколько белого вина. После этого он ел мясо <…> ел сколько влезет и прекращал еду не прежде, чем у него начинало пучить живот. Зато для питья никаких пределов и никаких правил не существовало, ибо он держался мнения, что границей и рубежом для пьющего является тот миг, когда пробковые стельки его туфель разбухнут на полфута» (Ф. Рабле. «Гаргантюа и Пантагрюэль», кн. 1, гл. 21).

А вот завет мэтра Франсуа Вийона:

Теперь послушайте меня,
Совет я добрый дать хочу:
Пей днем, пей ночью у огня,
Пей, если пьянство по плечу.

(«Урок Вийона»)

22.3 С. 46. *…я верю в то, что Он благ, и сам я поэтому благ и светел. Он благ. —*

Положение «Господь благ», естественно, библейское: «Вкусите и увидите, как благ Господь» (Пс. 33). Непосредственно «Он благ» — также из Ветхого Завета: «Славьте Господа, ибо Он благ, ибо вовек милость Его» (Дан. 3: 89); «Восхваляли Господа, ибо Он благ» (2 Пар. 5: 12, 13; см. также 7: 3). Та же формула встречается: Иоил. 2: 13; 1 Макк. 4: 24; Лк. 6: 35.

Светлый лик Господа, очищающий, просветляющий его раба, — также из Библии: «Да призрит на тебя Господь светлым лицем Своим и помилует тебя!» (Числ. 6: 25); «…заповедь Господня светла, просвещающая очи» (Пс. 18: 9); «Яви светлое лице Твое рабу Твоему; спаси меня милостью Твоею» (Пс. 30: 17); «И ныне услыши, Боже наш, молитву раба Твоего и моление его и воззри светлым лицем Твоим на опустошенное святилище Твое, ради Тебя, Господи» (Дан. 9: 17).

22.4 *Durch Leiden — Licht! —*

«Durch Leiden — Licht» в переводе с немецкого значит «Через страдания — к свету». Ю. Левин выводит эту максиму из концепции «от тьмы к свету, через борьбу к победе», лежащей в основе 5-й и 9-й симфоний и увертюры «Эгмонт» Бетховена (*Левин Ю.* Комментарий к поэме «Москва — Петушки»… С. 55). Следует также заметить, что переход от тьмы к свету лежит в основе идеологической концепции «Иоланты» Чайковского (см. 18.17, 24.7).

Веничкину фразу следует расценивать как перевод на немецкий латинского «Per crucem ad lucem», что соседствует в идиоматике с девизом «Через тернии — к звездам».

22.5 *…яркая мысль, как молния, поразила мой мозг… —*

Вариант мотива «разрешения мысли» (см. 39.9).

22.6 *Что мне выпить во Имя Твое? —*

Выражение «во имя Твое» из Библии: «Господи Боже наш: ибо мы на Тебя уповаем и во имя Твое вышли мы против множества сего» (2 Пар. 14: 11); «Боже, Царь мой! <…> Во имя Твое попрем ногами восстающих на нас» (Пс. 43: 5–6, см. также 62: 4);

«Отче Святый! соблюди их во имя Твое <…> Когда я был с ними в мире, я соблюдал их во имя Твое…» (Ион. 17: 11, 12).

22.7 С. 47. *«Иорданские струи»* —

то есть струи реки Иордан, в которой Иоанн крестил Иисуса (см. Мф. 3: 6, 13; Мк. 1: 5, 9; Ин 1: 28, 3: 26, 10: 40). Отсюда в Праздничной минее: «Того услыша Господь, / пришед, струями Иорданскими тленнаго же обнови» (песнь 9-я).

Словосочетание встречается у поэтов — например, у Кузмина: «О, Иоанн Иорданских струй!» («Первый Адам», 1922).

22.8 *«Звезда Вифлеема»* —

один из классических новозаветных образов (по названию города, где родился Иисус):

«Когда же Иисус родился в Вифлееме Иудейском во дни царя Ирода, пришли в Иерусалим волхвы с востока, и говорят: Где родившийся Царь Иудейский? ибо мы видели звезду Его на востоке и пришли поклониться Ему. <…> Тогда Ирод, тайно призвав волхвов, выведал от них время появления звезды и, послав их в Вифлеем, сказал: пойдите, тщательно разведайте о Младенце <…> Они, выслушавши царя, пошли. И се, звезда, которую видели они на востоке, шла перед

ними, как наконец пришла и остановилась над местом, где был Младенец. Увидевши же звезду, они возрадовались радостью весьма великою, и вошедши в дом, увидели Младенца с Мариею, Матерью Его…» (Мф. 2: 1, 2, 7, 8, 9–11).

Как поэтический образ звезда Вифлеема встречается у многих русских поэтов. Например, у Анненского:

О тень, о сладостная тень,
Стань вифлеемскою звездою,
Алмазом на ее груди —
И к дому бога нас веди!..

(«Рождение и смерть поэта», 1899)

У Блока:

А вблизи – все пусто и немо,
В смертном сне – враги и друзья.
И горит звезда Вифлеема
Так светло, как любовь моя.

(«Я не предал белое знамя…», 1914)

У Гиппиус:

Ты взыщешь, Господи, но с нас ли, с нас ли?

Звезда Вифлеемская за дымами алыми…
И мы не знаем, где Царские ясли,
Но все же идем ногами усталыми.

(«Былое», 1915)

У Вяч. Иванова:

И снова ты пред взором видящим,
О Вифлеемская Звезда,
Встаешь над станом ненавидящим
И мир пророчишь, как тогда.

(«Римский дневник», 1944)

У Пастернака:

А рядом, неведомая перед тем,
Застенчивей плошки
В оконце сторожки
Мерцала звезда по пути в Вифлеем.

Она пламенела, как стог, в стороне
От неба и Бога,
Как отблеск поджога,
Как хутор в огне и пожар на гумне.

(«Рождественская звезда», 1947)

У Галича:

Статисты робко заняли места,
И Матерь Божья наблюдала немо,
Как в каменное небо Вифлеема
Всходила Благовещенья звезда.

(«Поэма о Сталине», 1968–1970)

Со временем этот образ превратился в расхожий штамп. В мемуарах Г. Свирского читаем о поэте Евгении Евтушенко:

«Завершая „Бабий Яр“, он [Евтушенко] позвонил поэту Межирову: „Слушай, Саша, когда Моисей выводил евреев из Египта, светила ли над ним вифлеемская звезда?“

— Старик, — ответил изумленный Межиров, — это было совсем в другой раз и в другой религии.

— Тогда дай мне другой образ.

— Посох Моисея… — начал было Межиров.

— Спасибо! — не дослушав, вскричал Евтушенко, и в трубке зазвучал сигнал отбоя. Ему было достаточно. И посох, и Вифлеемская звезда, и „я, на кресте распятый, гибну…“, и „лабазник избивает мать мою“, и „доброта моей земли…“ — все стало при новой, облегченной системе творчества только поэтической бутафорией»

(«На лобном месте: Литература нравственного сопротивления 1946–1976 гг.», 1979).

22.9 С. 47. *«Ханаанский бальзам».* —

В Библии «Ханаан» (Kenaan) — это 1) имя внука Ноя и 2) древнее (доизраильское) название территории Финикии, Сирии и Палестины по имени этого самого внука Ноя. Примечательно, что первое упоминание этого имени в Ветхом Завете встречается в «алкогольном» контексте:

«Сыновья Ноя, вышедшие из ковчега, были: Сим, Хам и Иафет. Хам же был отец Ханаана. Сии трое были сыновья Ноя, и от них населилась вся земля. Ной начал возделывать землю и насадил виноградник; и выпил он вина, и опьянел, и лежал обнаженным в шатре своем. И увидел Хам, отец Ханаана, наготу отца своего, и вышедши рассказал двум братьям своим. Сим же и Иафет взяли одежду и, положив ее на плечи свои, пошли задом и покрыли наготу отца своего; лица их были обращены назад, и они не видали наготы отца своего. Ной проспался от вина своего и узнал, что сделал над ним младший сын его, и сказал: проклят Ханаан; раб рабов будет он у братьев своих. Потом сказал: благословен господь Бог Симов; Ханаан же будет рабом ему; да распространит Бог Иафета; и да веселится он в шатрах Симовых;

Ханаан же будет рабом ему» (Быт. 9: 18–27).

Само же словосочетание как название алкогольного напитка — конкретно бальзама — связано с ветхозаветной историей Иосифа, который, как известно, был родом из Ханаана (Быт. 42: 37). Став зажиточным и влиятельным жителем Египта, Иосиф во время массового голода одарил своих братьев, некогда продавших его в Египет и не узнавших его при встрече через много лет, зерном и серебром. Братья, вернувшись в родной Ханаан к своему отцу, получают от отца задание — вновь сходить в Египет и отблагодарить щедрого господина: «Израиль, отец их, сказал им: если так, то вот что сделайте: возьмите с собою плодов земли сей [Ханаанской] и отнесите в дар тому человеку несколько бальзама и несколько меду, стираксы и ладану, фисташков и миндальных орехов» (Быт. 43: 11).

22.10 С. 47. *Мы не можем ждать милостей от природы. А чтобы взять их у нее, надо, разумеется, знать их точные рецепты…* —

Пародийный перифраз хрестоматийного лозунга известного советского биолога-селекционера Ивана Мичурина (1855–1935), чьи успехи в выведении новых сортов злаков, овощей, фруктов и ягод в годы правления Ленина — Сталина олице-

творяли собой победу человеческого разума над законами природы: «Мы не можем ждать милостей от природы! Взять их у нее — наша задача!»

Рецепты «странных» коктейлей рассыпаны на страницах русской литературы —

от Саши Черного:

«Вспомнил! Да ведь там в гостиной <…> полбутылки горчишного спирта стоит, жена им в сырую погоду пятки натирает. Вещь преполезная: спирт, горчица — не синильная же кислота! <…> На окне, кстати, и малиновый сироп стоял. Ротмистр смешал в бутылке, посмотрел на свет: Неаполитанский залив! <…> Венгерский ликер. „Дунайский шомпол“! Сорок <…> восьмого года» («Кофе по-турецки», 1930);

до Василия Аксенова:

«Как было хорошо на набережной у самой воды, вернее, у мазутных пятен, закручивающихся в спираль и увлекающих за собой всяческую дребедень. Здесь на гранитных ступенях мы и расположились. Сначала выпили валерианку, а потом открыли бутыль с ветвистыми пантами северного оленя на этикетке.

<…>

— Между прочим, от пантокрина хер так стоит, что хоть ведро вешай, — сказал этот.

— А зачем? — рассердился тот. — Ублажать всяких истеричек? Хватит с меня!

Тот выжал в стакан тюбик „Поморина“, зачерпнул из реки немного нефти и долил ароматным настоем, магаданским любовным напитком.

— Пей! Гарантирую месяц полового спокойствия.

Этот выпил белую вязкую жидкость, а тот перед глотком умудрился еще почистить зубы.

<…>

Под рукой у Вероники как раз была ее гордость, собственное изобретение, коктейль „Огненный шар“, и она тут же протянула его пострадавшему. <…> Желтая густая жижа с зелеными проблесками полилась в горло несчастного, и он сразу же закрыл глаза, а после первого судорожного глотка вдруг совершенно спокойно взял фужер и облокотился на стойку.

<…>

— Я часто думаю, Вика, о рецепте этого пойла. Казалось бы, гнусная жижа, смесь ликера с соплями, но что-то придает этой гадости знобящее чувство восторга. Открой секрет, Вероника! Как возникает в этой дрисне пузырек волшебной фантазии? Наверное, ты, Вероника, ты что-то приблядываешь туда от себя?» («Ожог», 1975).

22.11 *…ничего, кроме томления духа и суеты. —*

Выражение «суета и томление духа» из Ветхого Завета: «Видел я все дела, какие делаются под солнцем, и вот, все — суета и томление духа!» (Екк. 1: 14; см. также 1: 17; 2: 11, 17, 26; 4: 4, 6, 16; 6: 9).

22.12 С. 47. *…метафизический намек. —*

Отсылка к Кузмину: «метафизический намек» взят из его поэмы «Для августа», входящей в состав сборника «Форель разбивает лед». Причем этот намек и у Кузмина связан с темой выпивки:

Ведь я нисколько был не пьян,
Но рот, фигура и туман
Твердили: ты смертельно пьян!..

Разделся просто, детски лег…
Метафизический намек
Двусмысленно на сердце лег.

(«Для августа», 1927)

22.13*…денатурат, будучи только объектом вдохновения, сам этого вдохновения начисто лишен. —*

У Достоевского Кириллов замечает: «В камне

боли нет, но в страхе от камня есть боль» («Бесы», ч. 1, гл. 3).

Денатурат — денатурированный спирт, используемый исключительно для технических целей, содержит опасные для здоровья человека добавки, что не является для алкоголиков причиной для воздержания от употребления его внутрь. У Высоцкого лирический герой, находящийся приблизительно в том же состоянии, что и Веничка, предполагает, что денатурат пьет сам черт:

Черт мне корчил рожи и моргал,
А я ему тихонечко сказал:
«Я, брат, коньяком напился вот уже как!
Ну, ты, наверно, пьешь денатурат…»

(«Про черта» (У меня запой от одиночества…), ок. 1967)

22.14 *…миазм, который он источает. —*

Существительное «миазм» входит в лексикон поэтов Веничкиного кругозора — Надсона, например: «Этот воздух, миазмами полный» («Задыхаюсь, — томит, убивает…», 1883). Или, скажем, Пастернака: «Сквозь залетейские миазмы / Близнец мне виден на корме…» («Близнец на

корме», 1913).

22.15 *…бархатное пиво, лучше всего останкинское или сенатор… —*

«Бархатное» — сорт советского темного пива; здесь используется как обобщающее название для темного пива. «Останкинское» и «Сенатор» — сорта, соответственно, советского и чешского темного пива. Ср. у Василия Аксенова: «Эта сложная личность любит черное пиво „Сенатор“ и обожает чертово колесо» («Звездный билет», ч. 3, гл. 9).

22.16 *…очищенную политуру. —*

Политура — химическая спиртосодержащая жидкость темно-коричневого цвета, используемая для полировки деревянных изделий, главным образом мебели. Факт использования политуры в качестве алкогольного напитка зафиксирован у многих литераторов, например у И. Эренбурга:

Девочки-бутончики
Пьют одеколончики,
А я, малец, сдуру
Крою политуру.

(«Тринадцать трубок», трубка 11-я)

Или у Высоцкого: «Мы пили все, включая политуру, — / и лак, и клей, стараясь не взболтнуть» («Летела жизнь», 1978).

22.17 *Не буду вам напоминать, как очищается политура. Это всякий младенец знает. —*

Известны несколько способов очищения политуры от химических примесей для дальнейшего использования ее в качестве алкогольного напитка. Так как в тексте поэмы о процессе очищения политуры говорится вместе с упоминанием о младенце, то, в отличие от Венички, все-таки приведу простейший способ: политуру наливают в плоскую широкую емкость (тазик, большую металлическую миску), поджигают и следят за изменениями цвета пламени — переход от оранжевого цвета пламени к синему означает, что вредные химические примеси сгорели и политура уже пригодна к употреблению внутрь.

К «знаниям младенцев» апеллировали многие литераторы, например Горький: «В Союзе Советов даже дети-пионеры знают, что для создания нового мира, новых условий жизни необходимо: <…> уничтожить деление людей на классы» («Если враг не сдается, — его уничтожают», 1930).

22.18 С. 47. *Почему-то никто в России не знает,*

отчего умер Пушкин… —

Традиционно для коммунистической пропаганды (с легкой руки Лермонтова) Пушкин — жертва царского режима. Весьма прозаический характер его ранения (в брюшину) и причины смерти (воспаление брюшины) в силу их «неблагородства» особенно не афишируются (см. также 12.23). Более того, история дуэли и гибели поэта имеет в литературе чисто «метафизические» объяснения — например, Блок писал: «Пушкин умер. Но „для мальчиков не умирают Позы“, сказал Шиллер. И Пушкина тоже убила вовсе не пуля Дантеса. Его убило отсутствие воздуха. С ним умирала культура» («О назначении поэта», 1921).

22.19 *Жизнь дается человеку один раз, и прожить ее надо так, чтобы не ошибиться в рецептах… —*

Пародийный перифраз знаменитой максимы советского писателя Николая Островского из его романа «Как закалялась сталь» (1935):

«Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое и чтобы, умирая, мог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому

прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества. И надо спешить. Ведь нелепая болезнь или какая-либо трагическая случайность могут прервать ее» (ч. 2, гл. 3).

Ранее, у Достоевского, подобные мысли высказывал Раскольников: «Мне жизнь однажды дается, и никогда ее больше не будет: я не хочу дожидаться „всеобщего счастия“» («Преступление и наказание», ч. 3, гл. 6).

Ошибаться в рецептах было нельзя еще со времен Ветхого Завета, где есть множество разных рецептов: «Вот приношение от Аарона и сынов его, которое принесут они Господу в день помазания его: десятая часть ефы пшеничной муки в жертву постоянную, половина сего до утра и половина до вечера. На сковороде в елее она должна быть приготовлена; напитанную елеем приноси ее в кусках, как разламывается в куски приношение хлебное; приноси ее в приятное благоухание Господа» (Лев. 6: 20–21).

Также у Ильфа и Петрова Остап Бендер предлагает заезжим американцам рецепты различных самогонок, дает рецепт пшеничного самогона и знакомит их с конструкцией «кабинетного самогонного аппарата» («Золотой теленок», ч. 1, гл. 7).

22.20 *…«Ханаанский бальзам» (его в просто-*

речии называют «чернобуркой») — жидкость в самом деле черно-бурого цвета, с умеренной крепостью и стойким ароматом. —

Чернобурка — серебристо-черный лисий мех, а также разговорное название «коктейля» на основе очищенной политуры или денатурата, смешанных с пивом. По виду «Ханаанский бальзам» сходен с советским «Рижским бальзамом» — крепким спиртным напитком, приготовлявшимся на различных лекарственных травах (отсюда — бальзам).

22.21 *Гимн демократической молодежи. Именно так, потому что в выпившем этот коктейль вызревают вульгарность и темные силы. —*

«Гимн демократической молодежи» — широко известный в СССР и странах Восточной Европы гимн-марш, написанный композитором Анатолием Новиковым и поэтом Львом Ошаниным для первого Всемирного фестиваля молодежи и студентов (Прага, 1947). В дальнейшем эта песня стала официальным гимном Всемирной федерации демократической молодежи. В тексте гимна упоминаются и «черные силы»:

Снова черные силы
Роют миру могилу, —

Каждый, кто честен,
Встань с нами вместе!
Против огня войны!

По мнению некоторых исследователей, строки «Каждый, кто честен, / Встань с нами вместе!» соотносятся с главным лейтмотивом «Москвы — Петушков» — «Талифа куми» (*Паперно И., Гаспаров Б.* «Встань и иди». С. 390).

Собственно «темные силы» вызывают в памяти польско-российскую революционную песню «Варшавянка» (текст Вацлава Свеницкого, 1879; пер. Г. Кржижановского), в которой: «Вихри враждебные веют над нами, / Темные силы нас злобно гнетут».

22.22 С. 48. *…чтобы вызревание этих темных сил хоть как-то предотвратить, есть два средства. Во-первых, не пить «Ханаанский бальзам», а во-вторых, пить взамен его коктейль «Дух Женевы». В нем, в этом «Духе Женевы», нет ни капли благородства, но есть букет. —*

Словосочетание «Дух Женевы» (по названию крупного города в Швейцарии, традиционного места проведения различных международных конференций, посвященных решению важнейших вопросов мировой политики) появилось на

свет в 1955 г., когда в Женеве собралось совещание руководителей четырех великих держав; участвовали в нем Эйзенхауэр, Даллес, Булганин, Хрущев, Молотов, Иден, Макмиллан, Эдгар Фор, Пинэ.

«Совещание продолжалось пять дней, ни по одному из поставленных вопросов не было достигнуто соглашения. Надежды народов были так велики, что нельзя было просто разъехаться по домам, и главы правительств объявили, что поручают министрам иностранных дел тщательно обсудить вопросы разоружения, европейской безопасности, контактов между Востоком и Западом. Каждый день кто-либо приглашал других на обед или на ужин; все говорили мирно, избегая неосторожного слова. Так родился „Дух Женевы“. Он был хорошим духом, но духу нужно тело, и вежливость не могла заменить соглашение хотя бы по одному второстепенному вопросу.

Министры иностранных дел собрались, они тоже угощали друг друга, тоже говорили учтиво, но уже полемизируя друг с другом. Заседали они три недели и ни о чем не договорились. Перепоручить дело было некому. „Дух Женевы“ стал испаряться. Год спустя события в Венгрии все перечеркнули.

Но в августе 1955 г. „дух“ казался почти ощутимым. <…>

С тех пор прошло больше десяти лет, и ни один из поставленных в Женеве вопросов еще не разрешен. Мы пережили немало опасных кризисов. Однако „Дух Женевы“ не был призраком, что-то в мире изменилось, ослабевало взаимное недоверие, исчезал страх <…> [В октябре 1955 г.] я очутился в мэрии Лиона; там состоялось совещание об европейской безопасности. <…> Мы говорили, разумеется, все о том же — о „Духе Женевы“» («Люди, годы, жизнь», кн. 7, гл. 3).

Если словосочетание «Дух Женевы» связано ассоциативно с мирными (пускай и не всегда успешными) переговорами, то «Ханаанский бальзам» в силу своей этимологии рождает ассоциации с проблемой военного (и территориального) арабо-израильского конфликта (см. 12.19). Из процитированных выше мемуаров Эренбурга понятно, почему в «Духе Женевы» «нет ни капли благородства, но есть букет»: политиков, участвовавших в переговорах (Даллес, Молотов и др.), благородными никак не назовешь, однако все они были представителями разных стран — отсюда «букет».

22.23 *«Белая сирень»* —

сорт дешевых советских духов. У Абрама Терца читаем: «Она — бесстыжая девка — только зубы скалит. „Ваш писатель, — говорит, — мне «Белую сирень» подарил. Духи такие. У меня с ним, дедушка, понимание с первого взгляда“» («Квартиранты», 1959).

22.24 *…ни жасмином, ни шипром, ни ландышем. —*

«Жасмин», «Шипр» — марки советского дешевого одеколона с содержанием этилового спирта 70–75 %. «Серебристый ландыш» — марка советских духов с содержанием этилового спирта до 95–97 %. Как источники названия жасмин и ландыш в комментариях не нуждаются.

«Шипр» же получил свое название от французского слова Chypre, то есть Кипр. Изначально это были духи, созданные во Франции в 1917 г. на основе кипрского мха, отсюда и название. В СССР трансформировался в расхожий одеколон, использовавшийся не только по прямому, парфюмерному назначению; ср.: «Когда кончились запасы спиртного, ребята стали разводить одеколон „Шипр“» (В. Катанян. «Лоскутное одеяло», июль 1954).

22.25 С. 48. *«В мире компонентов нет эквивален-*

тов», как говорили старые алхимики, а они-то знали, что говорили. —

У Гёте Фауст рассказывает Вагнеру о своем отце — «старом алхимике», создавшем немало чудодейственных зелий:

Он запирался с верными в чулане
И с ними там перегонял из колб
Соединенья всевозможной дряни.
Там звали «лилиею» серебро,
«Львом» – золото, а смесь их – связью в браке.
Полученное на огне добро,
«Царицу», мыли в холодильном баке,
В нем осаждался радужный налет.
Людей лечили этой амальгамой,
Не проверяя, вылечился ль тот,
Кто обращался к нашему бальзаму.
Едва ли кто при этом выживал.
Так мой отец своим мудреным зельем
Со мной средь этих гор и по ущельям
Самой чумы похлеще бушевал.
И каково мне слушать их хваленья,
Когда и я виной их умерщвленья,

И сам отраву тысячам давал.

(«Фауст», ч. 1, «У ворот»)

22.26...*если человек не хочет зря топтать мироздание...* —

См. у Пастернака: «И через дорогу за тын перейти / Нельзя, не топча мирозданья» («Степь», 1917).

22.27 ...*«Слезу комсомолки». Пахуч и странен этот коктейль.* —

Название этого «странного» коктейля рассчитано на восприятие его как парадокса, так как комсомольцы были надежной сменой коммунистов и плакать не имели права. Плачущий комсомолец как будущий партиец был в советские времена большой редкостью, по крайней мере по мнению Маяковского:

Если бы
выставить в музее
плачущего большевика,
весь день бы
в музее
торчали ротозеи.
Еще бы —

такое
не увидишь и в века!

(«Владимир Ильич Ленин», 1924)

См. также 23.6.

22.28…*сохраняет и здравый ум, и твердую память…* —

Вариант клише «быть/находиться в здравом уме и твердой памяти»; см. у Гамсуна: «Ничто не ускользало от моего внимания, я был в ясном уме и твердой памяти» («Голод», гл. 1). Действие оригинальных коктейлей на пьющего их человека описано у Саши Черного: «Коктейли по особым рецептам: вызывающие тихое опьянение, понижающие голоса, обволакивающие эмоции скандалов матовым забытьем» («Тихое кабаре», 1930).

22.29 С. 49. *Лаванда… Вербена… «Лесная вода»… Зубной эликсир…* —

«Лаванда» и «Вербена» — марки дешевого советского одеколона. «Лесная вода» — лосьон для лица с небольшим по сравнению с одеколонами содержанием спирта (30–35 %). Зубной эликсир — спиртовой медицинский раствор для полоскания рта (применяется для дезинфекции ротовой

полости и профилактики заболеваний полости рта; максимальное содержание спирта — 30 %). Так, у современников и Ерофеева, и Венички читаем: «После этого каждый раз он что-нибудь приносил с собой: папиросы, конфеты, губную светлую помаду, одеколон „Лаванда“» (Федор Кнорре. «Весенняя путевка», 1971).

22.30 *…смесь надо двадцать минут помешивать веткой жимолости. Иные, правда, утверждают, что в случае необходимости можно жимолость заменить повиликой. Это неверно и преступно. Режьте меня вдоль и поперек — но вы меня не заставите помешивать повиликой «Слезу комсомолки», я буду помешивать ее жимолостью. Я просто разрываюсь на части от смеха, когда при мне помешивают «Слезу» не жимолостью, а повиликой… —*

Очередная игра слов в духе неразличения их значений (см. также 30.30). На реминисцентно-аллюзивном уровне возможна декларация принятия Веничкой стороны позднего Мандельштама в условной полемике с Пастернаком. Стихи Пастернака, в которых фигурирует повилика, преисполнены радостью и оптимизмом:

И душистой повиликой,

Выше пояса в коврах,
Все от мала до велика,
Кубрем сыплемся в овраг.

(«Карусель», 1925)

У Мандельштама о жимолости говорится с противоположной интонацией: «Я прошу, как жалости и милости, / Франция, твоей земли и жимолости» («Я прошу, как жалости и милости…», 1937).

Веничкино нежелание помешивать «Слезу комсомолки» повиликой, возможно, обусловлено и тем фактом, что статистически повилика появляется в русской поэзии гораздо чаще жимолости — у Вячеслава Иванова: «Повилики белые в тростниках высоких…» («Повилики», 1906); у Блока: «Повиликой средь нив золотых…» («Мой любимый, мой князь, мой жених…», 1904) и «Вот здесь вчера — повилика вилась» («В густой траве пропадешь с головой…», 1907); у Ходасевича: «Пурпурный мотылек / Над чашечкой невинной повилики…» («Старинные друзья», 1907); у Ахматовой: «Над засохшей повиликою / Мягко плавает пчела…» («Я пришла сюда, бездельница…», 1911); у Есенина: «Расплела волна венок из повилик» («Зашумели над затоном тростники…»,

1914). Жимолость же, кроме Мандельштама, есть у не менее трагичной Цветаевой: «Чувств обезумевшая жимолость…» («Оставленного зала тронного…», 1923), «Но не жимолость я — и не плющ я!» («Обнимаю тебя кругозором…», 1936).

Однако, справедливости ради, следует напомнить, что и у Пастернака есть жимолость (впрочем, у раннего — ранний Пастернак или поздний Мандельштам — какая, в сущности, разница?): «По клетке и влюбчивый клест / Зерном так задорно не брызжет, / Как жимолость — россыпью звезд» («Счастье», 1915).

Кстати, подобно Веничке, столь же яростно отстаивал свою любовь именно к жимолости герой Джерома К. Джерома:

«Мы нашли чудесную маленькую гостиницу, увитую плющом и повиликой, но там не было жимолости, а мне, по непонятной причине, втемяшилась в голову именно жимолость, и я сказал:

— Нет, не стоит здесь останавливаться! Давайте пройдем еще немного и посмотрим, не найдется ли тут гостиницы с жимолостью.

Мы двинулись в путь и шли до тех пор, пока не набрели на другую гостиницу, тоже премиленькую и к тому же увитую жимолостью» («Трое в

лодке, не считая собаки», гл. 12; пер. М. Донского и Э. Линецкой).

22.31 С. 49. *…о «Слезе» довольно. —*
См. 24.7.

22.32 *«Венец трудов, превыше всех наград», как сказал поэт. —*
А именно Блок, ибо цитируется его стихотворение:

Я их хранил в приделе Иоанна,
Недвижный страж, – хранил огонь лампад.

И вот – Она, и к Ней – моя Осанна —
Венец трудов – превыше всех наград.

(«Я их хранил в приделе Иоанна…», 1902)

22.33 *«Сучий потрох» —*
крепкое ругательство; см. у Аксенова: «Наверное, сам Сталин позаботился, сучий потрох. <…> Где золото прячешь, блядь, паскуда, сучий потрох, залупа конская!» («Ожог», 1975).

22.34 *…это музыка сфер. —*
Музыка/гармония сфер — по учению древнегреческого мыслителя Пифагора, музыкальные

звуки, издаваемые планетами, которые находятся в движении между Землей и сферой из неподвижных звезд. Понятие активно эксплуатируется как поэтами, так и прозаиками. Как сравнение встречается, например, у Мирры Лохвицкой: «Что такое любовь? <…> Это — музыка сфер, это — пенье души» («Что такое весна?..»). Также встречается у Анненского: «Слов непонятных теченье / Было мне музыкой сфер…» («Сестре», 1910). И у советских поэтов: «Это — / Мир Страстей, Полыхай Огнем! / Это — / Музыка Сфер, Пари/ Откровением новым!» (Эдуард Багрицкий. «Ночь», 1926).

Встречается также у Рабле: «Какая гармония воцарится в стройном движении небесных сфер! Я словно бы отсюда слышу их музыку, столь же явственно, как некогда Платон» («Гаргантюа и Пантагрюэль», кн. 3, гл. 4); и у Гамсуна: «Я слышу музыку сфер, и все вокруг меня дрожит от звучащих мелодий» («Мистерии», гл. 21).

22.35 С. 49. *Что самое прекрасное в мире? — борьба за освобождение человечества. —*

Повторное обращение к высказыванию Николая Островского — см. 22.19.

22.36 *Шампунь «Садко — богатый гость»… —*

«Садко» — советский жидкий шампунь, назван по имени Садко — героя цикла новгородских былин: в прошлом — певца-гусляра, а затем — удачливого купца, то есть «гостя»; встречается у Мандельштама: «Как новгородский гость Садко / Под синим морем глубоко, / Гуди протяжно в глубь веков…» («Из-за домов, из-за лесов…», 1936).

Определение «богатый гость», естественно, в названии шампуня не использовалось и взято Веничкой непосредственно из текста главной былины цикла. Вот ее начало: «Во славноем во Новеграде / Как был Садке-купец богатый гость» («Садко»; цит. по: Библиотека русского фольклора: В 15 т. Т. 12. М., 1988. С. 435). В опере Римского-Корсакова (см. также 25.10, 28.2) «Садко» заглавный герой также называется «богатым гостем»: «…славный богатый торговый гость, / молодой соловей Садко» (д. 3, карт. 1; либретто Н. Римского-Корсакова и В. Бельского); «Гой-еси, купец — богатый гость! <…> Ждал тебя, Садко, двенадцать лет…» (д. 3, карт. 2).

Кроме того, по предположению Ю. Левина, здесь возможна аллюзия на непристойную фольклорную песню «Садко» («С товарами из Индии / Купцы свершали путь…») из советского городского фольклора второй половины XX в.

(*Левин Ю.* Комментарий к поэме «Москва — Петушки»… С. 57):

В каюте класса первого
Садко, богатый гость,
Бутылки бьет об голову,
Срывает на них злость.

Примечательно, что в данной песенке не только фривольно, в Веничкином духе, пересказывается сюжет с попаданием Садко на дно морское, но и наличествуют детали советского быта, представленные и в «Москве — Петушках»: «В тоске Садко сбирается, / Берет свой чемодан… / Берет бутыль огромную — „Тройной“ одеколон» (см. 24.6).

22.37 *Резоль для очистки волос от перхоти…* — *«Резоль»* — здесь не искаженное просторечие от существительного «аэрозоль», как может показаться на первый взгляд, а собственное название выпускавшегося в СССР в 1960–1980 гг. лосьона для укрепления жирных волос и удаления перхоти. Содержание спирта в лосьоне составляло 91,5 %, что, с учетом цены 80 копеек за флакон емкостью 250 мл, делало «Резоль» весьма привлекательным для алкоголиков.

22.38 С. 50. *Пейте его с появлением первой*

звезды… —

Веничка дает этот совет в полном соответствии с христианской традицией. Перед Рождеством христианам следует блюсти пост в течение шести недель. Пост заканчивается в канун Рождества — в Сочельник. При этом разговение, включающее и потребление алкогольных напитков, начинается по традиции именно с появлением на небе первой звезды, которая символизирует собой рождение Христа. Первая звезда — это звезда Вифлеема (см. 22.8). Ее «появление» взято у евангелиста: «Тогда Ирод, тайно призвав волхвов, выведал от них время появления звезды» (Мф. 2: 7).

22.39 *…человек становится настолько одухотворенным, что можно подойти и целых полчаса с расстояния полутора метров плевать ему в харю, и он ничего тебе не скажет. —*

Очередная апелляция к Нагорной проповеди Иисуса Христа, а именно к положению о непротивлении злу насилием: «А я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую…» (Мф. 5: 39; см. также Лк. 6: 29). Непосредственно плюются в Человека также у евангелистов: «Тогда плевали Ему в лице…» (Мф. 26: 67); «И некоторые начали

плевать в Него…» (Мк. 14: 65).

23. 43-й километр – Храпуново

23.1 С. 50. *Храпуново* —
железнодорожная платформа на магистрали Москва — Владимир.

23.2 *«Поцелуй тети Клавы»* —
то есть не самый приятный, «нежеланный» поцелуй, поскольку словосочетание «тетя Клава» (то есть Клавдия) вызывает ассоциации с простой, необразованной женщиной низкого социального положения среднего или пожилого возраста. Вообще имя Клава в разговорной речи часто используется как синоним и «простофили», причем применяется в этом значении как к женщине, так и к мужчине.

23.3 *Перцовка* —
сорт водки (крепость 35°), настоянной на красном перце. Не путать с «Перцовой» (25.43)!

23.4 *…с 33-м портвейном…* —
«33-й портвейн» (портвейн № 33) — один из многочисленных сортов советского портвейна, дешевого и низкого качества (крепость 18°).

23.5 *«Поцелуй, насильно данный».* —

Данный вид поцелуя включен Бальмонтом в его лирический каталог разного вида поцелуев:

Есть поцелуи – как сны свободные,
Блаженно-яркие, до исступления.
Есть поцелуи – как снег холодные.
Есть поцелуи – как оскорбление.

О, поцелуи – насильно данные,
О, поцелуи – во имя мщения!
Какие жгучие, какие странные,
С их вспышкой счастия и отвращения!

(«Играющей в игры любовные», 1902)

Это стихотворение Бальмонта, несомненно, повлияло на Веничкину классификацию поцелуев, представленных в этой главе «Москвы — Петушков».

23.6 *…«Поцелуй без любви», или, еще проще, «Инесса Арманд». —*

Инесса Арманд (1874–1920) — деятельница большевистской партии международного коммунистического движения, соратник (по неофициальным данным — любовница) Ленина. Именно озабоченная сексуально-феминистическими проблемами Арманд сподвигла своей

эпистолярно-эссеистической деятельностью разродиться Ленина следующим ответным посланием из Берна:

«Даже „мимолетная страсть и связь“ „поэтичнее и чище“, чем „поцелуи без любви“ (пошлых и пошленьких) супругов. <…> Логично ли противопоставление? Поцелуи без любви у пошлых супругов *грязны*. Согласен. Им надо противопоставить <…> поцелуи *с любовью*? А вы противопоставляете „мимолетную“ (почему мимолетную?) „страсть“ (почему не любовь?) — выходит, по логике, будто поцелуи без любви (мимолетные) противопоставляются поцелуям без любви супружеским… Странно» (из письма к И. Ф. Арманд от 24 января 1915 г.).

Если условно соотнести большевичку-феминистку Инессу Арманд с комсомолкой, то в контексте ленинского «странно» становится понятно, почему коктейль «Слеза комсомолки» «пахуч и странен» (22.27).

В «поэтической» связке с предыдущим поцелуем, отсылающим к Бальмонту (23.5), «поцелуй без любви» связан с другим поэтом — Брюсовым:

Здесь, в гостиной полутемной,
Под навесом кисеи

Так заманчивы и скромны
Поцелуи без любви.

(«Поцелуи», 1895)

23.7 *Да мало ли разных «Поцелуев»! Чтобы не так тошнило от всех этих «Поцелуев», к ним надо привыкнуть с детства. —*

Одним из самых «тошнотворных» поцелуев в истории человечества является предательский поцелуй Иуды в Гефсиманском саду (Мф. 26: 48–49; Мк. 14: 44–45; Лк. 22: 47).

23.8 С. 51. *…теперь — «довольно простоты», как сказал драматург Островский. —*

Александр Островский (1823–1886) — русский драматург. Здесь обыгрывается название его комедии «На всякого мудреца довольно простоты» (1868). Вынесенная в название пословица имеет значение «у каждого человека, считающего себя интеллектуально неуязвимым, есть слабые места».

23.9 *И — финита ля комедиа. —*

В переводе с итальянского «finita la comedia» означает «комедия окончена», то есть «сливай воду», «настало время обратиться к жестокой реальности». Идиома использовалась Буниным

(«В ночном море», 1923), Чеховым («Дядя Ваня», 1896) и др.

23.10 *Не всякая простота — святая. —*

Обыгрывается фразеологизм «святая простота», восходящий к истории сожжения на костре Яна Гуса, который успел определить как «Sancta simplicitas!» действия безвестной старушки, заботливо подложившей в его костер лишнюю вязанку хвороста. Тургенев в одном из стихотворений в прозе писал: «Простота! простота! Тебя зовут святою… Но святость — не человеческое дело. Смирение — вот это так. Оно попирает, оно побеждает гордыню. Но не забывай: в самом чувстве победы есть уже своя гордыня» («Простота», 1881).

23.11 *…не всякая комедия — божественная… —*

По мнению Ю. Левина, это место не нуждается в пояснениях, так как, элементарно, отсылает к «Божественной комедии» Данте (*Левин Ю.* Комментарий к поэме «Москва — Петушки»… С. 57). Однако раз Веничка считает, что «божественной» является не всякая комедия, пояснения как раз нужны: в контексте следующего ниже призыва о «ловле человеков» это заявление звучит как апелляция к «Человеческой комедии» Бальзака.

23.12 *Довольно в мутной воде рыбку ловить — пора ловить человеков!.. —*

Компиляция из 1) фразеологизма «ловить рыбку в мутной воде» (то есть получать выгоду из чужой беды, извлекать пользу из чужих трудностей или в не контролируемой никем ситуации) и 2) фразы Иисуса Христа, адресованной рыбаку Симону (далее — Петру-апостолу), ловившему со своим братом Андреем рыбу в Галилейском море и обращенному Искупителем в ученики: «И сказал Симону Иисус: не бойся; отныне будешь ловить человеков» (Лк. 5: 10; ср. также Мф. 4: 19, Мк. 1: 17).

23.13 *…все были стихотворения в прозе, как у Ивана Тургенева… —*

Имеются в виду два цикла миниатюр Тургенева «Стихотворения в прозе» (1878–1882).

23.14 *Теперь начинается детективная повесть… —*

«Детективная повесть» в иронических тонах, в основе которой лежит ситуация «кража в вагоне» (правда, в трамвайном), встречается у Зощенко:

«Главное — Василий Конопатов с барышней ехал. Поехал бы он один — все обошлось бы славным образом. А тут черт дернул Васю с барышней

на трамвае выехать. <…> Были у парня небольшие часы — сперли. И только сейчас тут были. А тут вдруг хватился, хотел перед дамой пыль пустить — часов и нету. <…> Вася, конечно, сразу на даму свою подумал, не она ли вообще увела часы» («Часы», 1926).

23.15 *…и тупой-тупой в телогрейке летит на прежнее место, вонзаясь в спину лавочки, как в сердце тупая стрела Амура… —*

Стрела Амура *(метафор.)* — внезапно поражающее индивида обостренное чувство любви; см., например, у Вийона:

Здесь крепко спит в земле сырой,
Стрелой Амура поражен,
Школяр, измученный судьбой,
Чье имя – Франсуа Вийон.

(«Большое завещание», строфа CLXV (Эпитафия))

У настоящего Амура стрелы, естественно, всегда острые, и они способны поразить человека насмерть, о чем писал тот же Вийон:

Скончался, претерпев страданья,
Амура стрелами пронзен

Навылет, – бедный ветрогон!

(«Баллада последняя»)

У русских поэтов стрелы Амура также встречаются. Например, у Маяковского есть «стрела в амурно-лировой охоте» («Во весь голос», 1929–1930).

У Сологуба:

Бойся, дочка, стрел Амура.
Эти стрелы жал больней.
Он увидит – ходит дура,
Метит прямо в сердце ей.
<…>
В сердце мне он не уметил
Ни одной из острых стрел.

(«Бойся, дочка, стрел Амура…», 1921)

Учитывая тот факт, что ниже, в главе «Есино — Фрязево», тупой превратится в Герцена, можно усмотреть здесь каламбур, основанный на том, что немецкое «Herzen» означает «сердечный».

23.16 С. 52. *Я глянул вперед. И впереди то же самое, странных только двое: дедушка и внучек. Внучек на две головы длиннее дедушки и от рождения слабоумен. Дедушка — на две головы короче,*

но слабоумен тоже. —

Ситуация «беседа в железнодорожном вагоне на общественные темы» в компании людей с физическими недостатками встречается, например, у Бунина:

«В вагонах прежде разговаривали только о дождях и засухах, о том, что „цены на хлеб бог строит“. Теперь у многих в руках шуршали газетные листы, а толк шел опять-таки о Думе, о свободах, отчуждении земель <…> Прошел молодой солдат с отрезанной ногой, в желтухе, с черными печальными глазами, ковыляя, стуча деревяшкой, снимая манджурскую папаху и, как нищий, крестясь при каждом подаянии. И поднялся шумный негодующий разговор о правительстве, о министре Дурново и каком-то казенном овсе… <…> Сидевший против Кузьмы молодой человек, стриженный бобриком, покраснел, заволновался и поспешил вмешаться:

— Позвольте, господа! Вот вы говорите — свобода… Вот я служу письмоводителем у податного инспектора и посылаю статейки в столичные газеты… Разве это его касается? <…> Позвольте: если мои взгляды левее его…

— Взгляды? — альтом карлика вдруг крикнул сосед молодого человека, толстый скопец в са-

погах бутылками, мучник Черняев, все время косивший на него свиными глазками. И, не дав ему опомниться, завопил: — Взгляды? Это у тебя-то взгляды? Это ты-то левее? Да я тебя еще без порток видал! Да ты с голоду околевал, не хуже отца своего, побирушки! Ты у инспектора-то ноги должен мыть да юшку пить!

— Кон-сти-ту-у-ция, — тонким голосом, перебивая скопца, запел Кузьма и, поднявшись с места, задевая колени сидящих, пошел по вагону к дверям.

Ступни у скопца были маленькие, полные и противные, как у какой-нибудь старой ключницы, лицо тоже бабье, большое, желтое, плотное, губы тонкие… <…> Отворив дверь на площадку вагона, Кузьма с отрадой вздохнул холодной и душистой дождевой свежести» («Деревня», 1910).

А вот из Зощенко, о слабоумных:

«Я ехал в Москву. Из Ростова. <…> Гляжу на окружающих пассажиров и вижу — компания подобралась довольно славная. <…> Один такой без шапки, длинногривый субъект, но не поп. Такой вообще интеллигент в черной тужурке. Рядом с ним — в русских сапогах и в форменной фуражке. Такой усатый. Только не инженер. Может быть, он сторож из зоологического сада или агроном.

Только, видать, очень отзывчивой души человек. Он держит своими ручками перочинный ножик и этим ножиком нарезает антоновское яблоко на кусочки и кормит своего другого соседа — безрукого. Такой с ним рядом, вижу, безрукий гражданин едет. Такой молодой пролетарский парень. Без обоих рук. Наверное, инвалид труда. Очень жалостно глядеть. <…> А напротив них сидит немолодой, седоватый мужчина в черном картузе. И все этот он, этот мужчина, усмехается.

<…>…Все хохочет по временам: „хе-е“ и „хе-е“. <…> Стал посторонние вопросы задавать усатому субъекту, как более отзывчивому, но тот отвечает хмуро и с неохотой. Только вдруг в разговор со мной ввязывается первый, интеллигентный мужчина, который с длинными волосами. <…> Тут я поглядел на всю честную компанию и вижу — батюшки мои! Да ведь это действительно ненормальные едут со сторожем. И который длинноволосый — ненормальный. И который все время хохочет. И безрукий тоже. На нем просто смирительная рубашка надета — руки скручены. И сразу не разобрать, что он с руками. Одним словом, едут ненормальные. А этот усатый — ихний сторож. Он их перевозит» («Голубая книга», отдел «Удивительные события» («Мелкий случай из

личной жизни»)).

23.17 С. 52. *…дедушка — тот смотрит еще напряженнее… <…> И вся физиономия — в оспинах, как расстрелянная в упор. А посередке расстрелянной физии — распухший и посиневший нос, висит и качается, как старый удавленник… —*

Вот портрет подобного «пассажира» у Бунина: «Низко, с притворным смирением, клонил передо мной густую седую голову нищий, приготовив ковшиком ладонь, когда же ловил и зажимал пятак, взглядывал и вдруг поражал: жидко-бирюзовые глаза застарелого пьяницы и огромный клубничный нос — тройной, состоящий из трех крупных, бугристых и пористых клубник… Ах, как опять мучительно-радостно: тройной клубничный нос!» («Жизнь Арсеньева», кн. 5, гл. 11).

Характеристика носа дедушки — «распухший и посиневший» — позаимствована из Пушкина, из его классического описания не удавленника, но утопленника: «Безобразно труп ужасный / Посинел и весь распух» («Утопленник», 1828).

24. Храпуново – Есино

24.1 С. 53. *Есино* —
железнодорожная платформа на магистрали Москва — Владимир.

24.2 *…в Орехово…* —
То есть в Орехово-Зуево — см. 32.1.

24.3 С. 54. *Я вас понимаю, да. Я все могу понять, если захочу простить…* —
Выражение «Все понять — все простить» (*лат.* cognoscere ignoscere) восходит к Теренцию, его комедии «Самоистязатель» (стих 218) (*Ашукин Н. С., Ашукина М. Г.* Крылатые слова. М., 1996. С. 73–74).

Ситуация «кража и следующее за ней великодушное прощение вора» встречается, например, у Льва Толстого: в лагере под Браунау Денисов и Николай Ростов обнаруживают кражу кошелька Денисова; чуть позже Ростов в трактире уличает в краже поручика Телянина, расплачивавшегося деньгами Денисова из его же кошелька; Телянин признается в краже, но Ростов в конечном счете прощает Телянина и оставляет ему украденные им деньги («Война и мир», т. 1, ч. 2, гл. 4).

24.4 *…у троянского коня пузо… —*

Пузо (*разг., простореч.)* — живот. Во вместительном чреве знаменитого деревянного троянского коня, сконструированного по предложению Одиссея, ахейские воины тайком проникли в осажденную греками Трою и ночью открыли ворота для главных сил (Вергилий. «Энеида», кн. 2). Образ троянского коня является одним из наиболее ходовых как в публицистике, так и в художественных текстах — например, у Мандельштама: «Самоуправство, своевольство, / Поход троянского коня» («Когда в далекую Корею…», 1932, 1935).

24.5 *Я их раздавил своими уликами, они закрыли лицо, оба, и покаянно раскачивались на лавке, в такт моим обвинениям. —*

У Достоевского во время третьей встречи Раскольникова с Порфирием Петровичем последний разоблачает убийцу старухи-процентщицы:

«Раскольников весь задрожал, как будто пронзенный.

— Так… кто же… убил?.. — спросил он, не выдержав, задыхающимся голосом. Порфирий Петрович даже отшатнулся на спинку стула, точно уж так неожиданно и он был изумлен вопросом.

— Как кто убил?.. <…> да вы убили, Родион Романыч! Вы и убили-с… — прибавил он почти шепотом, совершенно убежденным голосом.

Раскольников вскочил с дивана, постоял было несколько секунд и сел опять, не говоря ни слова. Мелкие конвульсии вдруг прошли по всему его лицу. <…> Они оба замолчали, и молчание длилось даже до странности долго, минут десять. Раскольников облокотился на стол и молча ерошил пальцами свои волосы. Порфирий Петрович сидел и смирно ждал. <…> Раскольников грустно замолчал и поник головой» («Преступление и наказание», ч. 6, гл. 2).

24.6 С. 54. *…утащит, например, в аптеке флакон тройного одеколона…* —

«Тройной» — сорт дешевого советского одеколона, чаще используемого для гигиенических, а не для «парфюмерных» целей и потому продаваемый не только в отделах парфюмерии, но и в аптеках. Из всех видов одеколона именно «Тройной» в силу своей дешевизны (цена флакона в конце 1960-х гг. составляла 96 копеек; содержание спирта — до 65 %) и доступности чаще других употреблялся внутрь алкоголиками; в известной песне Юза Алешковского есть: «Женишок мой, бабеночка видная, / наливает мне в кружку „Трой-

ной“» («Советская лесбийская», 1962). Панегирик «Тройному» незадолго до «Москвы — Петушков» был написан Евтушенко:

…и в блеске сомкнутых колонн
пузато, грозно и уютно,
гигиеничный абсолютно
предстал тройной одеколон.
<…>
Сказал Морковский: «Ладно, – дернем!
Одеколон, сказал мне доктор,
предохраняет от морщин…»
<…>
Уже висело над аптекой
«Тройного нету!» с грустью некой,
а восемь нас, волков морских,
рыдали, – аж на всю Россию!
И мы, рыдая, так разили,
как восемь парикмахерских.

(«Баллада о выпивке», 1964)

24.7 *Но — довольно слез. —*

А. Леонтович считает, что это искаженная цитата из оперы Чайковского «Иоланта» (1893)

(*Леонтович А.* [О Вен. Ерофееве] // Театр. 1991. № 9. С. 97). От себя добавлю — из сцены, в которой герой оперы Водемон узнает о слепоте Иоланты:

«Тема развивается в тональности фа-диез минор, очень далеко от начального ми-бемоль мажора. Это — подход к трагической кульминации: Водемон окончательно убеждается, что его любимая слепа. <…> Новое движение действия дано в последующем — четвертом разделе сцены (Moderato con moto, ми-бемоль мажор), начинающемся словами Водемона: „Дитя! О, нет, не надо слез“. Юноша находит в душе своей силы победить отчаяние, охватившее его. Ласково уговаривает он Иоланту не плакать и осторожно узнает, что она не подозревает о своей слепоте» (*Протопопов Вл., Туманина Н.* Оперное творчество Чайковского. М., 1957. С. 344, 345).

Впрочем, источником может считаться и известный романс 1930-х гг. «Довольно» Б. Прозоровского на слова О. Осенина с троекратно повторяющимся рефреном: «Я ухожу совсем… Довольно слез! Довольно!»

24.8 *У меня не голова, а дом терпимости.* —

Каламбур, построенный на основе поговорки «не голова, а дом советов», которая использовалась в советское время для просторечной

характеристики умного человека. Дом терпимости — калька с французского «mason de tolérance», то есть публичный дом.

24.9 *Если вы хотите — я могу угостить еще.* — Вся сцена «пира» в электричке с участием пассажиров, имеющих ущербную внешность, соотносится со словами Иисуса Христа, обращенными к гостям одного из фарисейских начальников: «Но, когда делаешь пир, зови нищих, увечных, хромых, слепых, и блажен будешь, что они не могут воздать тебе, ибо воздастся тебе в воскресение праведных» (Лк. 14: 13–14).

24.10 С. — *И-и-и-и, — заверещал молодой Митрич, — какой дяденька, какой хитрый дяденька… —*

Ср. у Андрея Белого (вкупе с Митрием):

«– А мы, Митрий Мироныч, и так понимам, мы — што: ничего мы супротив того…

— Подожди: человечка нашли: баба моя, Матрена, — хииитрая баба-иии!.. Во-во-вот ккак ааа… — тут опять поперхнулся столяр…» («Серебряный голубь», гл. 2).

Примечательно, что в том же «Серебряном голубе» фигурируют Петушки (гл. 6), а в финале главного героя удавливают веревкой четверо

сектантов (гл. 7).

24.11 С. 55. *Дед и внук протянули мне свою посуду…* —

«Посуда» как емкость для алкогольного напитка часто встречается у литераторов — например, у Достоевского, в связи с Мармеладовым: «Он сидел [в трактире] особо, пред своею посудинкой, изредка отпивая и смотря кругом» («Преступление и наказание», ч. 1, гл. 1); «Он привстал, покачнулся, захватил свою посудинку, стаканчик, и подсел к молодому человеку, несколько от него наискось» (ч. 1, гл. 2).

24.12 *…пустую четвертинку…* —
См. 7.16.

25. Есино – ФрЯзево

25.1 С. 55. *Фрязево* —
железнодорожная станция на магистрали Москва — Владимир.

25.2 *…этюд Ференца Листа «Шум леса», до диез минор.* —
Франц Лист (1811–1886) — классический венгерский композитор и пианист-виртуоз. Ференцем (венгерский эквивалент немецкого «Франца») назван по советской традиции, предписывавшей называть классиков литературы и искусства социалистических стран Восточной Европы национальными именами. Здесь имеется в виду его концертный этюд «Шум леса» («Waldesrauschen»,1863).

25.3 *Первым заговорил черноусый в жакетке. И почему-то обращался единственно только ко мне…* —
У Достоевского во время встречи в трактире Раскольникова и Мармеладова, ищущего собеседника, выбор последнего падает на «начитанного» Раскольникова:
«[Раскольников] <…> беспрерывно взглядывал

на чиновника [Мармеладова], конечно, и потому еще, что и сам тот упорно смотрел на него, и видно было, что тому очень хотелось начать разговор. На остальных же, бывших в распивочной, не исключая и хозяина, чиновник смотрел как-то привычно и даже со скукой, а вместе с тем и с оттенком некоторого высокомерного пренебрежения, как бы на людей низшего положения и развития, с которыми нечего ему говорить. <…> Наконец он прямо посмотрел на Раскольникова и громко и твердо проговорил:

— А осмелюсь ли, милостивый государь мой, обратиться к вам с разговором приличным? Ибо хотя вы и не в значительном виде, но опытность моя отличает в вас человека образованного и к напитку непривычного. Сам всегда уважал образованность, соединенную с сердечными чувствами» («Преступление и наказание», ч. 1, гл. 2).

25.4 *Я прочитал у Ивана Бунина, что рыжие люди, если выпьют, — обязательно покраснеют… —*

Это проницательное наблюдение действительно восходит к Ивану Бунину. У него в «Тихих аллеях» читаем: «Он [доктор] уже покраснел от водки, от кахетинского, от коньяку, как всегда краснеют рыжие от вина, но налил еще по рюмке» («Речной трактир», 1943).

25.5 *...Куприн и Максим Горький — так те вообще не просыпались!.. —*

Максим Горький — см. 20.6. Александр Куприн (1870–1938) — популярный русский писатель. О пристрастии Куприна к алкоголю писал Корней Чуковский:

«...человек [Куприн] с такими вкусами, интересами, склонностями не мог вести размеренную семейную жизнь: аккуратно являться к столу и каждый вечер возвращаться в определенное время домой. „Чем больше я узнавал его, — вспоминает Бунин, — тем все больше думал, что нет никакой надежды на его мало-мальски правильную, обыденную жизнь, на планомерную литературную работу: мотал он свое здоровье, свои силы и способности с расточительностью невероятной, жил где попало и как попало, с бесшабашностью человека, которому все трын-трава...“. <...> В конце концов стало очевидным для всех, что Александр Иванович не может, да и не желает стеснять себя узкими рамками „приличного общества“. <...> Все больше он сходился с такими людьми, как критик Петр Пильский, поэт Александр Рославлев, газетный фельетонист Федор Трозинер, эти загубленные водкой писатели. Пильский был <...> кабацкий драчун.

Трозинер <…> был безнадежно больной алкоголик <…> Рославлев, третьестепенный эпигон символистов, не бывал трезвым уже несколько лет. Больно было видеть среди этих людей Куприна, отяжелевшего, с остекленелым лицом. Он грузно и мешковато сидел у стола, уставленного пустыми бутылками, и разбухшая, багровая шея мало-помалу становилась у него неподвижной. Он уже не поворачивал ее ни вправо, ни влево, весь какой-то оцепенелый и скованный. Только его необыкновенно живые глаза ни за что не хотели потухнуть, но потом тускнели и они, голова опускалась на стол, и он погружался на долгое время в мутную, свинцовую полудремоту. <…> Карикатурист Ре-Ми на знаменитой сатириконовской картине „Салон ее светлости русской литературы“ изобразил Александра Ивановича бражником, которому в пьяном бреду примерещился чертик (в облике писателя Алексея Ремизова)» (*Чуковский К.* Современники. М., 1967. С. 178–179).

Куприн упомянут вместе с Горьким не случайно. В жизни их связывали дружеские отношения, что также зафиксировано в общедоступной мемуарной литературе, например у того же Чуковского:

«У Горького и Куприна были отношения сложные. <…> Трудно даже и представить себе, как много значил в жизни Куприна Горький. Куприн много раз повторял, что никому он не был так обязан, как Горькому. „Если бы Вы знали, — писал он Алексею Максимовичу в 1905 г., — если бы Вы знали, как многому я научился от Вас и как я признателен Вам за это“» (Там же. С. 187–188).

Что касается проблемы «Горький и алкоголь», то заявление Черноусого легко выводится хотя бы из следующей исповеди писателя, где он вспоминает свое легендарное «хождение в люди»:

«Я пользовался несколько повышенным отношением товарищей по артели, и на пасхальную неделю они пригласили меня в гости к себе. Пошел и две недели „гулял“ из деревни в деревню; пил водку, хотя она не нравилась мне, дрался, когда наших били, очень смешил мужиков и баб тем, что разговаривал с девицами на вы и не „щупал“ их» («Беседы о ремесле», статья 3; 1931).

Хотя в частной переписке Горький в педагогических целях советовал одному своему корреспонденту прямо противоположное: «Что Вы „забиты, загнаны, придавлены ногами в пыль“ — этому не верю. Этого с Вами не будет, так и скажите себе самому. Только — не пейте

водки, а то всякая дрянь может быть от этого» (П. Максимову, 5 августа 1911 г., Капри).

Жанр вставного рассказа, в котором о знаменитостях повествуется без пиетета, с добавлением бытовых подробностей, достаточно распространен в литературе, например, так выстроена «Голубая книга» у Зощенко:

«Приехал в то время в Россию немецкий герцог, некто Голштинский. Неизвестно, что он там делал в своей Германии, но только историкам стало известно, что он прибыл в Россию, с тем чтобы жениться по политическим соображениям на дочери двоюродного брата Ивана IV. И вот он приехал. Наверное, расфуфыренный. В каких-нибудь шелковых штанах. Банты. Ленты. Шпага сбоку. Сам, наверное, длинновязый. Этакая морда красная, с рыжими усищами. Пьяница, может быть, крикун и рукосуй» (отдел «Любовь», п. 17).

У Эренбурга Лазик Ройтшванец, которому тридцать три года и которого судьба постоянно носит по России, Европе и Азии (что вызывает непосредственные ассоциации с Веничкой), постоянно рассказывает притчи и истории, наполненные мифологическими и историческими аллюзиями. Вот начало одной из его историй, которую он рассказывает ротмистру-поляку:

«Вы, конечно, знаете об Александре Македонском. Он был самым главным маршалом. Кто-нибудь его, наверное, да родил, как вы Коперника. Так вот этот Александр Македонский ездил по всему свету, вроде меня, и он попал в гости к дикому царю. Можете себе представить разницу между Александром Македонским и каким-нибудь сплошным дикарем! На одном, наверное, был пышный мундир, а на другом — хорошо если штаны из последней бумажной дряни» («Бурная жизнь Лазика Ройтшванеца», 1927).

Здесь «пышный мундир» Александра Македонского вполне может быть соотнесен с «жабо на отлете» Тургенева.

25.6 С. 55. *Последние, предсмертные слова Антона Чехова какие были? Он сказал: «Ихъ штербе», то есть «я умираю». А потом добавил: «Налейте мне шампанского». И уж тогда только — умер. —*

Антон Чехов (1860–1904) — русский писатель. Последние слова Чехова действительно были произнесены по-немецки: «Ich sterbe» («Я умираю»), так как тяжело больной туберкулезом писатель последние дни жизни провел в Германии, в Баденвейлере. Подробности смерти писателя известны по воспоминаниям «О Чехове» его же-

ны — артистки МХАТа Ольги Книппер-Чеховой: «Пришел доктор, велел дать шампанского. Антон Павлович сел и как-то значительно, громко сказал по-немецки (он очень мало знал по-немецки): „Ich sterbe“. Потом взял бокал, повернул ко мне лицо, улыбнулся своей удивительной улыбкой, сказал: „Давно я не пил шампанского…“ — покойно выпил все до дна, тихо лег на левый бок и вскоре умолкнул навсегда…» (А. П. Чехов в воспоминаниях современников. М., 1960. С. 702).

25.7 С. 55. *…Фридрих Шиллер — тот не только умереть, тот даже жить не мог без шампанского. Он знаете как писал? Опустит ноги в ледяную ванну, нальет шампанского — и пишет. Пропустит один бокал — готов целый акт трагедии. Пропустит пять бокалов — готова целая трагедия в пяти актах. —*

Фридрих Шиллер (1759–1805) — немецкий поэт и драматург, автор нескольких трагедий, в их числе «Разбойники» (1781), «Заговор Фиеско в Генуе» (1784), «Коварство и любовь» (1784), причем все они — в пяти актах.

Описание творческого процесса Шиллера почерпнуто Черноусым из доступной советской биографической литературы, где сказано следующее: «Участившиеся с конца 1803 года приступы

болезни прерывали работу над „Теллем“. Опустив ноги в таз с ледяной водой, подхлестывая убывающие силы крепким кофе или шампанским, Шиллер проводит за столом все время, когда только может держать в руках перо; он досадует на многочисленные помехи и преграды, все чаще встающие между ним и творчеством» (*Лозинская Л.* Шиллер. М., 1960. С. 311).

25.8 С. 56. *Он кидал в меня мысли, как триумфатор червонцы… —*

О том, кто такой триумфатор, можно узнать не только из учебников по истории Древнего Рима, но и у «литераторов древности», у Рабле, например:

«Вы знаете, что у древних римлян был заведен такой порядок: победитель, коему предстояло с триумфом въехать в Рим, должен был восседать на колеснице, запряженной белыми конями; то же самое полагалось и при более скромном чествовании, ибо никакой другой знак или же цвет не мог ярче выразить радость по случаю прибытия триумфаторов, нежели белизна» («Гаргантюа и Пантагрюэль», кн. 1, гл. 10).

Тот же образ использовал Северянин: «О ты, чье сердце крылит к раздолью, / Ты триумфатор, ты властелин!» («Фиалка», 1911).

25.9 — *Он* [Николай Гоголь] *всегда, когда бывал у Аксаковых, просил ставить ему на стол особый, розовый бокал… <…>*

— …Ну, что можно пить из розового бокала? Ну, конечно, водку… —

Николай Васильевич Гоголь (1809–1852) — русский писатель, которому было скучно на этом свете (см. 19.22).

Бокал из розового стекла ставился Гоголю в доме у Аксаковых, а не у Панаевых, как встречается в других редакциях поэмы. Сергей Тимофеевич Аксаков (1791–1859) — известный русский писатель; его сыновья — публицисты-славянофилы Константин (1817–1860) и Иван (1823–1886); его дочери Вера и Надежда и жена Ольга Семеновна. Панаевы: Иван Иванович Панаев (1812–1862) — русский литератор, водивший дружбу с Гоголем, Некрасовым, Белинским, Чернышевским, Добролюбовым; его жена — Авдотья Яковлевна Панаева. Однако этот факт зафиксирован в мемуарах именно Панаевых — как мужа («Литературные воспоминания»), так и жены («Воспоминания»): «Чувство глубокого, беспредельного уважения семейства Аксаковых к таланту Гоголя проявлялось во внешних знаках с ребяческой, наивной искренностью, доходившей до комизма. Перед

его прибором, за обедом, стояло не простое, а розовое стекло; с него [Гоголя] начинали подавать кушанье» (Гоголь в воспоминаниях современников. М., 1952. С. 213); «у прибора Гоголя [в доме Аксаковых] стоял особенный граненый большой стакан и в графине красное вино» (*Вересаев В.* Гоголь в жизни. М., 1990. С. 243).

Об алкогольных пристрастиях Гоголя, частично совпадающих, кстати, с Веничкиными, читаем в других мемуарах современника: «Перед обедом Гоголь выпивал рюмку водки, во время обеда рюмку хереса, а так как собеседники его никогда не обедали без шампанского, то после обеда — бокал шампанского» (А. Н. Толченов. «Гоголь в Одессе. 1850–1851 гг. (Из воспоминаний провинциального актера)»; цит. по: Гоголь в воспоминаниях современников…); «Перед обедом он [Гоголь] выпил полынной водки, похвалил ее… Целый вторник Гоголь лежал, ни с кем не разговаривая, не обращая внимания на всех, подходивших к нему <…> часто просил красного вина, и всякий раз смотрел на свет, то ли ему подают» (А. Т. Тарасенков. «Последние дни жизни Н. В. Гоголя»; цит. по: Гоголь в воспоминаниях современников…).

С Гоголем же связана история, напоминающая

ситуацию «Вымя есть, а хереса нет» (см. 6.11, 6.12):

«От ужина, к величайшему огорчению хозяина дома, он [Гоголь] также отказался. Вина не хотел пить никакого, хотя тут были всевозможные вина.

— Чем же вас угощать, Николай Васильич? — сказал наконец в отчаянии хозяин дома.

— Ничем, — отвечал Гоголь, потирая свою бородку. — Впрочем, пожалуй, дайте мне рюмку малаги.

Одной малаги именно и не находилось в доме. Было уже между тем около часа, погреба все заперты… Однако хозяин разослал людей для отыскания малаги.

Но Гоголь, изъявив свое желание, через четверть часа объявил, что он чувствует себя не очень здоровым и поедет домой.

— Сейчас подадут малагу, — сказал хозяин дома, — погодите немного.

— Нет, уж мне не хочется, да к тому же поздно…

Хозяин дома, однако, умолил его подождать малаги. Через полчаса бутылка была принесена. Он налил себе полрюмочки, отведал, взял шляпу и уехал, несмотря ни на какие просьбы…» (И. И.

Панаев. «Из воспоминаний»; цит. по: Гоголь в воспоминаниях современников…).

25.10 С. 56. *А Модест-то Мусоргский!* <…> *Вы знаете, как он писал свою бессмертную оперу «Хованщина»?* <…> *Модест Мусоргский лежит в канаве с перепою, а мимо проходит Николай Римский-Корсаков, в смокинге и с бамбуковой тростью. Остановится Николай Римский-Корсаков, пощекочет Модеста своей тростью и говорит: «Вставай! Иди умойся и садись дописывать свою божественную оперу „Хованщина“!»*

И вот они сидят — Николай Римский-Корсаков в креслах сидит, закинув ногу за ногу, с цилиндром на отлете. А напротив него — Модест Мусоргский, весь томный, весь небритый — пригнувшись на лавочке, потеет и пишет ноты. Модест на лавочке похмелиться хочет: что ему ноты! А Николай Римский-Корсаков с цилиндром на отлете похмелиться не дает…

Но уж как только затворяется дверь за Римским-Корсаковым — бросает Модест свою бессмертную оперу «Хованщина» и — бух! в канаву. А потом встанет — и опять похмелять, и опять — бух!.. —

Модест Петрович Мусоргский (1839–1881) — русский композитор, автор опер «Борис Годунов»

(1869) и «Хованщина» (1872); входил в состав «Могучей кучки». Николай Андреевич Римский-Корсаков (1844–1908) — русский композитор, педагог, дирижер, автор многочисленных опер и других музыкальных произведений, в том числе непосредственно или ассоциативно связанных с «Москвой — Петушками»: опер «Садко» (1893–1896), «Моцарт и Сальери» (1897), «Сказка о царе Салтане» (1899–1900), сюиты «Шехерезада» (1888).

Будучи другом Мусоргского (они познакомились в доме у Балакирева в 1861 г., а в 1871–1872 гг. даже жили в Петербурге в одной квартире), Римский-Корсаков пытался оказать на него положительное влияние и заставить Мусоргского, человека импульсивного, неуравновешенного и склонного к выпивке и душевной депрессии, оставить пагубные привычки и заниматься исключительно творчеством, однако увещевания Римского-Корсакова действия не возымели, и жизнь Мусоргского безвременно оборвалась. В воспоминаниях Римского-Корсакова «Летопись моей музыкальной жизни» несколько страниц посвящено жизни Мусоргского в середине 1870-х гг.:

«К этому времени относится начало его [Мусоргского] засиживания в „Малом Ярославце“ и

других ресторанах до самого утра над коньяком в одиночку или в компании вновь приобретенных приятелей… <…> Со времени постановки „Бориса“ [оперы „Борис Годунов“ в 1874 г.] началось постепенное падение его высокоталантливого автора. <…>…Поклонение приятелей-собутыльников и других, восхищавшихся его исполнительским талантом и не отличавших действительный проблеск от удачно выкинутой шутки, раздражали его тщеславие. Буфетчик трактира знал чуть не наизусть его „Бориса“ и „Хованщину“ и почитал его талант, в театре же ему изменили, не переставая быть любезными для виду, а Русское музыкальное общество его не признавало. Прежние товарищи: Бородин, Кюи и я, — любя его по-прежнему и восхищаясь тем, что хорошо, ко многому отнеслись критически. Печать <…> бранила его. Вот при таком-то положении вещей страсть к коньяку и заполуночным сидениям в трактире развивалась у него все более и более. Для новых его приятелей „проконьячиться“ было нипочем, его же нервной до болезненности натуре это было сущим ядом» (Мусоргский в воспоминаниях современников. М., 1989).

Попутно замечу, что у Римского-Корсакова были ярко выраженные педагогические на-

клонности: он был профессором Петербургской консерватории и директором Бесплатной музыкальной школы, среди его учеников были Игорь Стравинский, Сергей Прокофьев, Александр Глазунов, Борис Асафьев и др., — и этим наклонностям вполне соответствует, что Мусоргскому «Николай Римский-Корсаков с цилиндром на отлете похмелиться не дает». Кстати, в балакиревском кружке Мусоргский носил прозвище Юмор, а Римский-Корсаков — Искренность (*Кунин И.* Римский-Корсаков. М., 1964).

Свидетельства того, что Мусоргский в конце жизни много пил, есть и у других его современников, дух и буква которых служат источником откровений Черноусого, помещенных в комментируемой главе:

«В то время славился известный ресторан „Малый Ярославец“, где сообщались часто знаменитые в то время люди. <…> Я не хочу омрачать память дорогих мне людей, но не могу скрыть той грустной мысли, что увлечение вином, что тот незаметный в то время яд пагубно влиял на здоровье и деятельность наших крупных, выдающихся талантов. Позднее, помню, когда наш кружок — Валуевы, Врубель, Родичев и я, возвращаясь из театра, собирался в уютной столовой Юдиных.

<…> Неожиданно к нам приходил Мусоргский <…> В халате, в туфлях, запахивая рукой полы, он приветливо нам улыбался, подходил к буфету, открывал, видимо, знакомую ему дверцу и, достав графинчик с коньяком, наливал себе рюмку, выпивал ее и, недолго посидев с нами, тихонько уходил. У него уже была потребность и ночью поддерживать отраву алкоголем. В то время он был очень похож на портрет, написанный Репиным. Вскоре он заболел и умер в белой горячке» (Н. Бруни. «Несколько слов о Мусоргском»; цит. по: Мусоргский в воспоминаниях современников. С. 174–175).

«О, сколько раз, возвращаясь из-за границы, Владимир Васильевич [Стасов] едва мог отыскать [Мусоргского] где-нибудь в подвальном помещении, чуть не в рубище… До двух часов ночи просиживал Мусоргский с какими-то темными личностями, а иногда и до бела дня» (И. Репин. «Воспоминания о Стасове»; цит. по: Мусоргский в воспоминаниях современников. С. 168).

Взаимоотношения Римского-Корсакова и Мусоргского аналогичны паре Гёте — Шиллер, столь важной для «Москвы — Петушков». После распада «Могучей кучки» в 1874 г. «одновременно разошлись пути Римского-Корсакова и Мусорг-

ского, самых друг другу нужных именно потому, что друг на друга не похожих. Разошлись врозь „Глинка эстетики“ (то есть художественности), как еще недавно называл Модест Корсакова, и автор „Годунова“ — могучий выразитель неприкрашенной натуры. Разошлись упорный труд и вулканический порыв, логика ясной мысли и тот творческий беспорядок, который старше всякой логики» (И. Кунин. «Римский-Корсаков»).

После скоропостижной кончины Мусоргского (он умер в Николаевском солдатском госпитале в Петербурге в страшной бедности) Римский-Корсаков посчитал своим долгом завершить не оконченные самим Мусоргским произведения:

«Редакторской обработке Р.[имского]-К.[орсакова] подверглось почти все творч. наследие Мусоргского: он завершил, отредактировал и оркестровал „Хованщину“ (1881–83), осуществил свою ред. и инструментовку „Бориса Годунова“ (1895–96, дополнил в 1906). <…> Эта огромная работа, способствовавшая пропаганде творчества Мусоргского, не лишена вместе с тем внутр. противоречивости, т. к. сделанные Р.-К. редакции несут глубокий отпечаток его композиторской личности, эстетич. воззрений и вкусов. В результате характерные особенности стиля Мусоргского

(прежде всего интонационные, ладовые, гармонические) подверглись существ. изменениям» (Музыкальная энциклопедия: В 6 т. М., 1978. Т. 4. С. 643).

Источниками описания внешности обоих композиторов в рассказе Черноусого (помимо текста Бруни о Мусоргском) являются два широко известных портрета: портрет Мусоргского работы Репина (1881), где композитор изображен в домашнем халате, с растрепанными волосами и бородой, с припухшими глазами, и портрет Римского-Корсакова работы Валентина Серова (1897), на котором композитор изображен за рабочим столом во фраке, с накрахмаленным воротничком.

Что касается комментируемой сцены пробуждения в канаве Мусоргского, разбуженного Римским-Корсаковым, то она отнюдь не «чистая фантазия», как полагает Ю. Левин (*Левин Ю.* Комментарий к поэме «Москва — Петушки»… С. 60), но, безусловно, — через «иди умойся» — навеяна следующим фрагментом из популярной биографической литературы, где, правда, Мусоргскому командует не Римский-Корсаков, а Стасов:

«В декабре 1871 года <…> поздней ночью Корсаков возвращался домой. Мусоргский, с которым

они эту осень и зиму жили вместе, обычно уже спал, богатырски раскидав по столу и стульям партитурные листы „Бориса Годунова“. А ранним утром, случалось, появлялся Стасов, поднимал с постелей заспавшихся, наполнял комнату зычным голосом и веселой суетой. „Одеваться! Умываться!“ — гремел Стасов» (*Кунин. И.* Римский-Корсаков. С. 56).

Впрочем, и сам Римский-Корсаков также пытался пробудить Мусоргского: так, в октябре 1875 г., в связи с ухудшением морального и физического состояния Мусоргского, он в отчаянии писал Стасову: «Неужели воспоминание о *былом* не пробудит сурковую спячку; хотя бы по мозговой оболочке (кого следует) [то есть Мусоргского] скользнула живая мысль да проняла до пяток (кого следует) [опять же Мусоргского]!» (Там же. С. 65).

В данном случае мы в очередной раз имеем дело с подменой — ошибочной или умышленной — одного имени (Римский-Корсаков) другим (Стасов), как это происходит в случае с Робеспьером, например. Что же касается собственно Стасова, то этому музыкальному критику и ментору вообще было свойственно в жизни постоянно кого-нибудь будить и включаться тем самым в

кропотливую работу по реализации лейтмотива поэмы «Талифа куми». Вот пример его типичного эпистолярного дискурса в письме к Римскому-Корсакову (29 апреля 1880 г., Вена): «Знаете, и в музыке нужны Авраамы Палицыны, которые <…> всех бы поднимали против общего врага — <…> лени и спячки и „зарастания травой“ <…> задайте всем шпор художественных и поднимайте на ноги» (Римский-Корсаков. Исследования, материалы, письма: В 2 т. М., 1953. Т. 1. С. 348).

А «цилиндр на отлете» встречается, например, у Куприна: «В пыльном, золотом солнечном столбе, лившемся косо из окна, стоял, слегка согнувшись в полупоклоне и держа цилиндр на отлете, неизвестный господин в черном поношенном, старинного покроя, сюртуке» («Звезда Соломона», 1917).

25.11 С. 56. *Модест Мусоргский лежит в канаве с перепою… —*

В канаве с перепою оказывался не только «отверженный» Веничкин Мусоргский, но и, к примеру, «проклятый» поэт Артюр Рембо:

А ночи проводил в отеле «Под луной»,
Где шелком юбок слух мне звезды щекотали.

Я часто из канав их шелесту внимал
Осенним вечером, и, как похмелья сила,
Весельем на сердце и лаской ночь росила.

(«Богема», пер. И. Анненского)

См. также цитату из Некрасова о русских мужиках в канавах (25.27).

25.12 *Остановится Николай Римский-Корсаков, пощекочет Модеста своей тростью и говорит: «Вставай! Иди умойся...» —*

Перифраз лейтмотива поэмы «талифа куми» — см. 26.17.

25.13 *Социал-демократы. —*

Имеются в виду члены РСДРП — Российской социал-демократической рабочей партии (впоследствии — КПСС).

25.14 С. 56. *Я очень люблю читать! В мире столько прекрасных книг!.. Я, например, пью месяц, пью другой, а потом возьму и прочитаю какую-нибудь книжку, и так хороша покажется мне эта книжка, и так дурен кажусь я сам себе, что я совсем расстраиваюсь и не могу читать, бросаю книжку и начинаю пить: пью месяц, пью*

другой, а потом… —

Сказанное напоминает времяпровождение молодого Пьера Безухова у Льва Толстого:

«Он читал и читал все, что попадалось под руку, и читал так, что, приехав домой, когда лакеи еще раздевали его, он, уже взяв книгу, читал — и от чтения переходил ко сну, и от сна к болтовне в гостиных и в клубе, от болтовни к кутежу и женщинам, от кутежа опять к болтовне, чтению и вину. Пить вино для него становилось все больше и больше потребностью. Несмотря на то что доктора говорили ему, что с его корпуленцией вино для него очень опасно, он очень много пил. Ему становилось вполне хорошо только тогда, когда он, не замечая как, опрокинув в свой большой рот несколько стаканов вина, испытывал приятную теплоту в теле, нежность ко всем своим ближним и готовность ума поверхностно отзываться на всякую мысль, не углубляясь в сущность ее. Только выпив бутылку и две вина, он смутно сознавал, что тот запутанный, страшный узел жизни [отношения с женой Элен], который ужасал его прежде, не так страшен, как ему казалось. <…> Только под влиянием вина он говорил себе: „Это ничего. Это я распутаю — вот у меня и готово объяснение. Но теперь некогда, — я после обду-

маю все это!“ Но это после никогда не приходило. Натощак, поутру, все прежние вопросы представлялись столь же неразрешимыми и страшными, и Пьер торопливо хватался за книгу» («Война и мир», т. 2, ч. 5, гл. 1).

У Гумилева встречаются сходные признания: «Возьмусь за книгу, но прочту „она“, / И вновь душа пьяна и смятена» («Сомнение», 1911); «Я печален от книги…» («Современность», 1911).

25.15 С. 57. *Все ценные люди России, все нужные ей люди — все пили, как свиньи. —*

Апелляция к Достоевскому, к тираде Верховенского (в оригинале по-французски): «Все одаренные и передовые люди в России были, есть и будут всегда картежники и пьяницы, которые пьют запоем» («Бесы», ч. 1, гл. 2).

Также Розанов писал: «Алкоголь высасывает нерв и разжижает кровь. Вся Россия („Руси есть веселие пити“) закричит: „Все даровитые люди пьют!“» («Солнце и виноград», из книги «Итальянские впечатления», 1909). Есть строки об этом и у Северянина: «И гении сжигают мощь свою / На алкоголе — символе бессилья» («Ее монолог», 1909).

25.16 *…лишние, бестолковые… —*

«Лишний человек» / «лишние люди» — литературно-идеологический тип в русской классике 1820–1850-х гг.; как формула зафиксирован в названии повести Тургенева «Дневник лишнего человека» (1850) и соотносится с центральным персонажем — Чулкотуриным. Однако формирование типа началось значительно раньше — с пушкинского Онегина, лермонтовского Печорина, герценовского Бельтова. Официальная советская справочная литература фиксирует определение «лишнего человека» в формах, вполне применимых и к главному герою «Москвы — Петушков»:

«Гл.[авные] черты [„лишнего человека“]: отчуждение от официальной жизни России, от родной ему социальной среды <…> по отношению к к[ото]рой герой осознает свое интеллектуальное и нравств.[енное] превосходство, и в то же время — душевная усталость, глубокий скептицизм, разлад между словом и делом и, как правило, обществ.[енная] пассивность» (Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. М., 1967. Т. 4).

Фактически, душевно усталый скептик-интеллектуал Веничка, отчужденный от официальной жизни СССР и от всех родных ему социальных сред, испытывающий разлад между словом и

делом, — тот же «лишний человек».

25.17 *Евгений Онегин в гостях у Лариных и выпил-то всего-навсего брусничной воды, и то его понос пробрал. —*

Отсылка к «Евгению Онегину» Пушкина, где в одной из сцен Онегин с Ленским присутствуют на обеде у Лариных:

Обряд известный угощенья:
Несут на блюдечках варенья,
На столик ставят вощаной
Кувшин с брусничною водой.

(гл. 3, строфа III)

По дороге с обеда Онегин признается Ленскому, что чувствует после выпитой брусничной воды легкое недомогание: «Боюсь: брусничная вода / Мне не наделала б вреда» (гл. 3, строфа IV).

Брусничная вода — легкий (8–10°, отсюда — «всего-навсего») алкогольный напиток из ягод брусники (обычно домашнего приготовления). Подробнее о брусничной воде, включая рецепт ее приготовления, пишет Ю. Лотман («Роман А. С. Пушкина „Евгений Онегин“. Комментарий»).

25.18 С. 57. *…честные современники Онегина*

«между лафитом и клико» (заметьте: «между лафитом и клико»!) тем временем рождали «мятежную науку» и декабризм… —

Также апелляция к «Евгению Онегину», где целый ряд строф посвящен рождению декабристского движения:

Сначала эти заговоры
Между Лафитом и Клико
Лишь были дружеские споры,
И не входила глубоко
В сердца мятежная наука…

(гл. 10, строфа XVII)

«Между Лафитом и Клико» — в течение обеда или ужина, так как Лафит (сухое виноградное вино) подавался в XIX в. в начале застолья, а Клико (сорт шампанского) трапеза заканчивалась.

Справедливости ради надо отметить, что будущие декабристы у Пушкина пили напитки и покрепче: «У них свои бывали сходки, / Они за чашею вина, / Они за рюмкой русской водки…» (гл. 10, строфа XIII).

25.19 *А когда они наконец разбудили Герцена… —*

Александр Герцен (1812–1870) — русский фило-

соф, литератор, революционный деятель. Высказывание — перифраз слов Ленина из трактата о периодизации русского революционно-освободительного движения: «Чествуя Герцена, мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции. Сначала — дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию» («Памяти Герцена», 1912). Вплоть до горбачевской перестройки эта работа неизменно включалась в школьную программу по русской истории и литературе (8-й класс); процитированный фрагмент и его продолжение необходимо было заучивать наизусть, благодаря чему фраза «Декабристы разбудили Герцена» была знакома каждому советскому человеку. Вот, например, разговор писателя, работающего над книгой о декабристах, в секретариате Союза писателей СССР с одним из секретарей — бывшим сотрудником КГБ и его помощником-«скопцом»:

«– Вы, конечно, знаете, что говорил Владимир Ильич: „Декабристы разбудили Герцена…“ — продолжал скопец.

— Да, я был в Мавзолее.

— Я продолжу свою мысль, если не возражаете…

[Внутренний голос Автора:] Не надо. Когда это ты свои мысли имел, дядя? Сейчас пойдет политграмота. Но на этом будёж не окончился. Кто-то проснулся еще, еще и еще. Но Россия спала и видела свои отсталые сны, пока какая-то сволочь не разбудила Ленина» (*Халиф Л.* ЦДЛ. Лос-Анджелес, 1979. С. 31).

У Аксенова в романе «Ожог» есть: «Милейший Герцен, не буди Россию! Дитя любви, напрасно не старайся! Пускай ее разбудит итальянец, бродяга шалый в рваных кружевах!»

25.20 *С этого и началось все главное — сивуха началась вместо клико! —*

Саша Черный в «пушкинском» контексте замечал: «Интеллигенция погубила Россию. <…> Всякие Шмаровозы, вроде Герценов, Пироговых и прочих милюковских молодчиков, подтачивали функции нашего исторического фундамента, пока он не рухнул» («Пушкин в Париже», 1926).

Сивуха (*устар.)* — дешевая, плохо очищенная хлебная водка; у Маяковского: «Сивуха течет по усам» («Сказка о дезертире», 1920–1923).

25.21 С. 57. *Разночинство —*

социальный слой населения России XIX в. «из разных чинов», то есть служащие, учителя, студенты и т. п. По имени разночинцев как представителей разночинства называется второй, «разночинский», этап русского революционно-освободительного движения, находящийся между дворянским и пролетарским (1860–1895). Название и временны`е рамки определены Лениным, в частности в работе «Из прошлого рабочей печати в России» (1914). К разночинцам в русской истории принадлежали Белинский, петрашевцы, народники и др. Претензии к разночинству еще до Венички предъявляли многие, например Розанов:

«Пришел вонючий „разночинец“. Пришел со своею ненавистью, пришел со своею завистью, пришел со своею грязью. И грязь, и зависть, и ненависть имели, однако, свою силу, и это окружило его ореолом „мрачного демона отрицания“; но под демоном скрывался просто лакей. Он был не черен, а грязен. И разрушил дворянскую культуру от Державина до Пушкина. Культуру и литературу» («Опавшие листья», короб 1-й).

25.22 *Хованщина* —

здесь: метафорическая характеристика разночинского этапа русского революционно-освобо-

дительного движения, бросившего откровенный вызов монархии и начавшего революционный террор. Исторически же хованщина — народное название периода московских восстаний стрельцов 1662 и 1682 гг. против правящей феодальной верхушки; оба восстания были разгромлены и закончились казнями. Назван этот период русской истории по имени одного из главных военно-политических деятелей того времени — Ивана Хованского, русского воеводы и боярина. В 1682 г. он руководил восстанием стрельцов против монархической власти регентши Софьи Алексеевны (дочери царя Алексея Михайловича), которая опекала своих несовершеннолетних братьев — царевичей Ивана и Петра (впоследствии Петра I). После поражения восстания Хованский был казнен. Хованщине посвящена одноименная опера Мусоргского и картина Василия Сурикова «Утро стрелецкой казни» (1881).

25.23 *Все эти Успенские, все эти Помяловские…* —

Успенских в русской литературе XIX в. было два (отсюда — «все эти Успенские»), Помяловский же один. Николай Васильевич Успенский (1837–1889) — русский писатель, идейно близкий разночинцам и народникам, сотрудничал в «Со-

временнике» у Николая Некрасова; с середины 1870-х гг. вел бродяжническую жизнь, много пил, покончил жизнь самоубийством. Глеб Иванович Успенский (1843–1902) — тоже русский писатель (двоюродный брат Николая Успенского), тоже соратник Некрасова, тоже сотрудничал в «Современнике», тоже был близок к революционерам-народникам, апологет русского крестьянства; в конце жизни страдал сильной душевной болезнью. Николай Герасимович Помяловский (1835–1863) — русский писатель, сотрудничал все в том же «Современнике»; критик дворянства, апологет разночинства и плебейства.

Куприн писал о том, что в русской литературе вслед за Пушкиным, Лермонтовым, Толстым и Достоевским «идет целая плеяда второстепенных писателей, из которых чуть ли не все трагично окончили свою жизнь. Глеб и Николай Успенские, Левитов, Решетников, Помяловский, Гаршин — все они проходят длинной вереницей мучеников. Общественная и политическая реакция, отчужденность общества, материальная необеспеченность, цензурный гнет — все это тяжелым камнем ложилось на их головы и влекло к гибели. Затем наступает в русской литературе сомнительная полоса, большую роль в которой

сыграл Ницше» (А. И. Куприн о литературе / Сост. Ф. И. Кулешов. Минск, 1969. С. 295).

А вот традиционный для советского литературоведения текст, где встречается употребление во множественном числе в качестве нарицательного имени существительного не только фамилии Успенского, но и Помяловского, то есть точно как у Черноусого:

«Шестидесятые годы XIX века — бурная и переломная эпоха в истории России, русской общественной мысли и литературы. <…> Разночинцы активно проявили себя не только в политической жизни, но и в области науки, искусства и литературы. Появилась большая плеяда писателей, выходцев из социальных „низов“, „разнообразно и размашисто талантливых людей“, у которых была непреодолимая потребность поделиться с читателем своими жизненными впечатлениями, „сурово и поспешно рассказывая тяжелую правду жизни“ (М. Горький). <…> „Когда гг. Помяловские, Решетниковы, Левитовы, Успенские заговорили о тех же людях, — писал в 1872 году радикальный журнал «Дело», — нельзя было не почувствовать, что эти люди — они сами или по крайней мере их близкие знакомые, что среди этих людей проходила или проходит их жизнь, что эти нужды и

горе они знают не понаслышке“» (*Ямпольский И.* Н. Г. Помяловский // Помяловский Н. Сочинения. Л., 1980. С. 3).

О склонности к алкоголизму и нервным расстройствам упомянутых писателей сохранилось немало свидетельств:

«Борис Наумович Синани в бытность свою директором новгородской Колмовской психиатрической больницы был любимым врачом и другом Глеба Ивановича Успенского. Не думайте, что врач не способен любить своего больного, если он даже доходит до такого безнадежно тяжелого состояния, в каком находился Успенский. Истинный врач, любящий свое дело, не может не заметить красоты души, сделавшейся больной. Так было и с Глебом Ивановичем» (Ал. Алтаев. «Памятные встречи», 1957).

«Помяловский заинтересовал меня, когда я еще доучивался в Дерпте, своими повестями „Мещанское счастье“ и „Молотов“. Его „Очерки бурсы“, появлявшиеся в журнале Достоевских, не говорили еще об упадке таланта, но ничего более крупного из жизни тогдашнего общества он уже не давал. И мы знаем, что помехой была главным образом кутильная жизнь. <…> У меня в редакции он был раза два-три, и мне, глядя на

этого красивого молодого человека и слушая его приятный голос духового тембра, при его уме и таланте было особенно горько видеть перед собою уже неисправимого алкоголика. Раз мой верный служитель Михаил Мемнонов докладывает мне конфиденциально:

— Господин Помяловский пришли.

— В каком виде? — спрашиваю я.

— Совсем не годятся, П[етр] Д[митриевич].

И таким он бывал целыми неделями. Вскоре он заболел, и его в клинике лечили от delirium tremens. <…> Он уже оправился, и я никак не думал, что он близок к смерти. Но у него сделалось что-то, потребовавшее операции, и кончилось это антоновым огнем и заражением крови. В его лице безвременно погибла крупнейшая жертва русской действительности, ужасных привычек, грубости и дикости» (*Боборыкин Л.* Воспоминания: В 2 т. М., 1965. Т. 1. С. 370–371).

25.24 С. 57. *Я читал, я знаю!* —

Это заявление Черноусого звучит как слегка «подправленная» цитата из монолога Сатина у Горького: «Есть много людей, которые лгут из жалости к ближнему… я — знаю! я — читал!» («На дне», акт 4). (См. эту цитату полностью в 6.17.)

25.25 *…почитайте-ка Дмитрия Писарева! Он так и пишет: «Народ не может позволить себе говядину, а водка дешевле говядины, оттого и пьет русский мужик, от нищеты своей пьет!* <…> *…от невежества своего пьет!» —*

Дмитрий Иванович Писарев (1840–1868) — русский публицист, литературный критик, философ-материалист, революционный демократ. Приведу основные положения его центральной философско-публицистической работы «Мыслящий пролетариат» (1865) (включая проблему говядины), к которой апеллирует Черноусый:

«Размышляя часто и серьезно о том, что делается кругом, новые люди с разных сторон и разными путями приходят к тому капитальному заключению, что все зло, существующее в человеческих обществах, происходит от двух причин: от бедности и от праздности <…> на одном конце лестницы сидит праздность, а на другом бедность. <…> От бедности идут страдания и материальные, и умственные, и нравственные, и какие угодно: тут и голод, и холод, и невежество, из которого хочется вырваться, и вынужденный разврат <…> и горькое пьянство, которого стыдится сам пьяница. <…> На середине лестницы произведения бедности встречаются с произведениями

праздности; тут меньше дикости, чем внизу, и меньше дряблости, чем вверху, но больше грязи, чем где бы то ни было; тут приходится <…> есть испорченную говядину, потому что надо сшить шелковую мантилью».

25.26 С. 57. *…на базаре ни Гоголя, ни Белинского…* —

Реминисценция поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Как правило, изучая поэму в средней школе, учителя акцентируют тот факт, что «на базаре ни Гоголя, ни Белинского», но не обращают особого внимания на то, что продавалось на базаре вместо них:

Была тут [на ярмарке] также лавочка
С картинами и книгами…
<…>
Купец со всем почтением,
Что любо, тем и потчует
(С Лубянки – первый вор!),
Спустил по сотне Блюхера,
Архимандрита Фотия,
Разбойника Сипко,
Сбыл книги: «Шут Балакирев»

И «Английский милорд»...
<...>
Эх! эх! придет ли времечко,
Когда (приди, желанное!..)
Дадут понять крестьянину,
Что розь портрет портретику,
Что книга книге розь?
Когда мужик не Блюхера
И не милорда глупого —
Белинского и Гоголя
С базара понесет?
Ой, люди, люди русские!
Крестьяне православные!
Слыхали ли когда-нибудь
Вы эти имена?
То имена великие,
Носили их, прославили
Заступники народные!
Вот вам бы их портретики
Повесить в ваших горенках,
Их книги почитать...

(«Кому на Руси жить хорошо», ч. 1, гл. 2)

25.27 *...одна только водка, и монопольная, и всякая, и в разлив, и навынос! —*

Монопольная водка, или «монополька», — в дореволюционной России водка, произведенная по государственному заказу в рамках государственной монополии на производство крепких спиртных напитков. С учетом предыдущей апелляции к Писареву (см. 25.25) очевидна связь с его описанием устройства торговли водкой на сельской ярмарке:

Помимо складу винного,
Харчевни, ресторации,
Десятка штофных лавочек,
Трех постоялых двориков,
Да «ренскового погреба»,
Да пары кабаков,
Одиннадцать кабачников
Для праздника поставили
Палатки на селе. <...>
Ой, жажда православная,
Куда ты велика!
Лишь окатить бы душеньку...

(«Кому на Руси жить хорошо», ч. 1, гл. 2)

Эта глава поэмы оканчивается описанием грандиозной попойки посетителей ярмарки, а следующая, 3-я глава («Пьяная ночь»), начинается серией скетчей, участниками которых являются пьяные крестьяне. Там же один из персонажей-резонеров, фольклорист Веретенников, замечает:

Умны крестьяне русские,
Одно нехорошо,
Что пьют до одурения,
Во рвы, в канавы валятся —
Обидно поглядеть!

(«Кому на Руси жить хорошо», ч. 1, гл. 3)

Возможно, поэтому в рассказе Черноусого пьяный Мусоргский валяется именно в канаве (см. 25.11), а не, скажем, под кустом.

О «водке навынос» также говорится у Некрасова:

Усадьбы переводятся,
Взамен их распложаются
Питейные дома!..
<…>
На всей тебе, Русь-матушка,

Как клейма на преступнике,
Как на коне тавро,
Два слова нацарапаны:
«Навынос и распивочно».

(«Кому на Руси жить хорошо», ч. 1, гл. 5)

25.28 С. 57. *...как тут не прийти в отчаяние... —*

Неточная цитата из стихотворения в прозе «Русский язык» Тургенева (см. 10.11).

25.29 *Социал-демократ — пишет и пьет, и пьет, как пишет. —*

Алкоголь являлся источником вдохновения не только для социал-демократов, но и для предшествовавших им поколений прогрессивно мыслящих людей, например для веселого мэтра Франсуа Рабле, к которому восходит данное утверждение, и его исторических «ориентиров»:

«Погодите, дайте мне хлебнуть из бутылочки, — это мой подлинный и единственный Геликон, моя Гиппокрена, незаменимый источник вдохновения. Только испив из него, я могу размышлять, рассуждать, решать и заключать. Затем я хохочу, пишу, сочиняю, кучу. Энний выпивая творил, творя выпивал. Эсхил (если верить

Плутарховым *Symposiaca* [Застольным беседам]) выпивал сочиняя, выпивая сочинял. Гомер никогда не писал натощак. Катон писал только после возлияния» («Гаргантюа и Пантагрюэль», кн. 3, предисловие).

Здесь связь между «пишет и пьет, и пьет, как пишет» и «выпивая творил, творя выпивал» очевидна.

«Пьет как пишет» — парафраз идиомы «говорит как пишет», то есть очень внятно, толково и красноречиво. Автором идиомы считается Грибоедов («Горе от ума», д. 2, явл. 2).

25.30 С. 58. *…Успенский встает — и вешается…* —

Николай Успенский кончил жизнь самоубийством. Правда, другим способом: в ночь на 21 октября 1889 г. в Москве, неподалеку от Смоленского рынка, перерезал себе горло перочинным ножиком (см. также 18.8). Об этом есть у Зощенко: «Писатель Ник. Успенский, находясь в крайней бедности, давал цирковые представления в трактирах. Зарезался бритвой» («Голубая книга», отдел «Неудачи», п. 39).

25.31 *…Помяловский ложится под лавку в трактире — и подыхает…* —

Помяловский скоропостижно скончался в одном из петербургских трактиров 5 октября 1863 г.

25.32 *…Гаршин встает — и с перепою бросается через перила… —*

Всеволод Михайлович Гаршин (1855–1888) — русский писатель, одна из наиболее ярких фигур в русской литературе второй половины XIX в.; в последние годы жизни страдал тяжелым психическим расстройством. По официальным данным, 19 марта 1888 г. в Петербурге в припадке душевной болезни бросился с лестницы с четвертого этажа и 24 марта скончался. Сохранилось много мемуаров о нем и о его самоубийстве:

«…Ужасный слух, по дороге в одну редакцию, был сообщен мне быстроногим репортером: „Гаршин бросился с лестницы и размозжил себе голову. Его сейчас отвезли в больницу, что на Бронницкой!“ <…>…Товарищем Лилиной было подчеркнуто, что Гаршин не мог выдержать трагедии разлада, который он носил в себе: всеми фибрами своего существования чувствовал, что есть единственный путь к удовлетворению существеннейших запросов проснувшейся души гражданина порабощенной России — революционный — и, однако, настолько был слабоволен,

что не мог пойти по этому единственному пути» (И. Ясинский. «Роман моей жизни», 1926).

«Резкий голос прерывается от рыданий:

— Слышали, убился… с лестницы… в пролет…

Наша мирная беседа была внезапно нарушена трагическим известием. <…> Среди тишины раздался уверенный голос Лизы Мартыновой:

— Это возмутительная вина общества! Гаршин больной человек, его надо было энергично, заботливо лечить, не оставлять одного… Отец всегда говорил, что у нас доктора-психиатры бывают небрежны и…

Ариадна закричала:

— Какие тут теперь рассуждения о докторах? Гаршин политически не мог жить… Вы же знаете его „Красный цветок“? И потом он ходил к Лорис-Меликову, заступался за политического преступника… Вы все читали его рассказы…» (А. Алтаев. «Памятные встречи: Воспоминания о русских художниках и артистах», 1946).

25.33 С. 58. *Мрак невежества все сгущается…* — Искаженная цитата из поэтического обращения Гриши Добросклонова к родине-матери: «Был гуще невежества мрак над тобой, / Удушливей сон непробудный» (Н. Некрасов. «Кому на Руси жить хорошо», ч. 2, гл. 4).

25.34 *…обнищание растет абсолютно! Вы Маркса читали? Абсолютно! —*

Обращение к первому тому «Капитала» (1866) Маркса, где основоположник теории коммунизма пишет об абсолютном и относительном обнищании рабочего класса при усилении его эксплуатации. Данные положения входили в обязательную школьную и вузовскую программы.

25.35 *…тут уже не лафит, не клико, те еще както добудились Герцена! А теперь — вся мыслящая Россия, тоскуя о мужике, пьет не просыпаясь! —*

До Черноусого историю XIX в. сквозь призму алкоголя рассматривал, например, Розанов: «Вся „цивилизация XIX века“ есть медленное, неодолимое и, наконец, восторжествовавшее просачивание всюду кабака» («Опавшие листья», короб 2-й).

«Мыслящая Россия» восходит к названию работы Писарева «Мыслящий пролетариат» (см. 25.25).

25.36 *Бей во все колокола, по всему Лондону… —*

Герцен в 1847 г. по политическим причинам покинул Россию и с 1852 г. обосновался в Лондоне, где в 1853 г. открыл Вольную русскую типографию. Одним из центральных изданий ти-

пографии стала революционная газета «Колокол» (1857–1867), подпольно ввозившаяся в Россию.

25.37 *Этот круг, порочный круг бытия — он душит меня за горло! —*

Очередное включение лейтмотива удушения.

25.38 *…кто отчего пьет: низы, глядя вверх, или верхи, глядя вниз. —*

Пародийное использование терминологии Ленина — см. 13.27.

25.39 *…тайный советник Гёте, например, совсем не пил. —*

Иоганн Вольфганг Гёте (1749–1832) — немецкий поэт, прозаик, драматург, мыслитель; автор трагедии «Фауст»; имел мистический для советского менталитета служебный гражданский чин тайного советника (Geheimrath), который упоминался поэтами — например, в немецком оригинале у Цветаевой:

Где Фауста нового лелея
В другом забытом городке —
Geheimrath Goethe по аллее
Проходит с тросточкой в руке.

(«Германии», 1914)

Или в русском переводе у Кузмина: «В кабинет / Ко мне вошел советник тайный Гёте, / Пожал мне руку и сказал…» («Пальцы дней», 1925).

Об отношении Гёте к алкоголю много сказано в мемуарах И. Эккермана, бывшего секретарем Гёте в последние годы его жизни: «Мой [Эккермана] приход был, видимо, приятен ему [Гёте]. Он тотчас же велел принести бутылку вина, налил мне и себе тоже» (*Эккерман И.* Разговоры с Гёте в последние годы его жизни. М., 1981. С. 86). С возрастом, однако, Гёте постепенно переходил на минеральную воду: «Гёте был в отличнейшем расположении духа. Он велел принести бутылку вина и налил мне [Эккерману] <…> сам он пил „Мариенбадскую воду“» (Там же. С. 147).

Вообще же, к алкоголю Гёте относился весьма расчетливо, но нельзя сказать, что он был абстинентом:

«В вине, конечно, заключена сила, возбуждающая продуктивность, но здесь многое зависит от душевного состояния, от времени, даже от часа, и то, что одному приносит пользу, другому идет во вред» (Там же. С. 568).

25.40 — *А если б Фридрих Шиллер поднес бы ему?.. бокал шампанского?*

— *Все равно бы не стал. Взял бы себя в руки — и*

не стал. Сказал бы: не пью ни грамма. —

Шиллер был другом Гёте, однако обладал прямо противоположным характером; и два этих различных характера в силу огромной своей значимости для развития мировой культуры часто рождают глубокомысленные научные рассуждения наподобие нижеследующих — Вячеслава Иванова:

«Друг Шиллера — Гёте — творил из полноты и поистине подобился переполненной чаше. Но его преимущественною чертой была хранительная мера, этот эстетический аспект закона самосохранения. Он боялся расплеснуть сосуд. Блюститель граней, любовник красоты граней, он инстинктивно чуждался Дионисова духа. Дифирамб и трагедия его страшили» («О Шиллере», 1905).

«Преодолеть бурю и натиск для него [Гёте] было не трудное дело: его переживания были уже преодолением, ибо с самого начала не время владело им, а он временем. Шиллер переживал движение субъективно, Гёте же — объективно. Это не значит, что он вовсе не переживал его, а только созерцал и изображал; но некоторым натурам (и должно признать, хорошо ли это или худо, что величайшие художники принадлежат к их числу) дано обращать свое переживание из душевного

состояния в объект и этим сохранять некоторую независимость своего Я от его состояний; им дано как бы разделять в себе свое Я, живущее в невозмутимых глубинах, бесстрастное и безвольное, от другого, патетического Я: в то время как обычно переживание слагается из чувствующего субъекта и чувствуемой данности, объективный художник, при всей остроте и подлинности переживания, находит в себе сверхчувственный центр, откуда его собственное состояние оказывается для него предметом созерцания» («Гёте на рубеже двух столетий», 1912).

Из последнего наблюдения Иванова легко выводится Веничкино определение жизненной позиции Гёте, наблюдавшего за принятием алкоголя своими персонажами и созерцавшего их самоубийства.

25.41 С. 59. *Возьмите хоть «Фауста»: кто там не пьет? все пьют. Фауст пьет и молодеет, Зибель пьет и лезет на Фауста, Мефистофель только и делает, что пьет и угощает буршей и поет им «Блоху». —*

Бурш (*нем.* Bursch) — изначально: студент одной из студенческих корпораций в Германии; позже просто молодой человек. Существительное это встречается у Эренбурга вместе с упоми-

нанием имен, входящих в кругозор Венички: «Изрубленные наподобие котлеток, во время периодических дуэлей, бурши, как послушные дети, положив кончики пальцев на пюпитр, постигают великолепное построение вселенной в пафосе Канта или в остроте Гегеля» («Необычайные похождения Хулио Хуренито», гл. 10).

Упоминание о пении «Блохи» заставляет обратиться не только к трагедии Гёте «Фауст», но и к ее музыкальным трансформациям (в частности, к одноименной опере Гуно) и рассматривать перечисление сцен из «Фауста» сквозь призму как литературы, так и музыки:

1) *Фауст пьет и молодеет.* — Имеется в виду конец Пролога оперы, когда престарелый Фауст, согласившись на предложение Мефистофеля подписать контракт об обмене своей души на вечную молодость («сделка за чашу»), принимает из рук Мефистофеля чашу с эликсиром молодости, обратившись к видению прекрасной Маргариты, выпивает содержимое чаши и превращается в молодого красавца.

2) *Зибель пьет и лезет на Фауста.* — В действительности в трагедии Гёте Зибель, напившись, лезет не на Фауста, а на Мефистофеля, причем не в одиночку, а вместе с другими буршами, воору-

женными ножами:

– Оставьте ваши фигли-мигли,
Мы ваш обман насквозь постигли!
<…>
Мы вам фиглярских выкрутас
Не спустим в следующий раз!
<…>
Бей колдуна!
Бей!

(«Фауст», ч. 1, «Погреб Ауэрбаха в Лейпциге»)

На Фауста, правда опять же в компании с Мефистофелем, «лезет» приятель Зибеля и брат его возлюбленной Маргариты, трезвый Валентин: в опере Гуно он сначала ударом шпаги разбивает гитару Мефистофеля, затем со шпагой в руках вызывает Фауста на дуэль за то, что тот претендует на Маргариту, и в итоге на этой дуэли бесславно погибает от руки Фауста (акт 3, карт. 3).

3) *Мефистофель только и делает, что пьет и угощает буршей и поет им «Блоху»*. — Имеется в виду та же сцена — «Погреб Ауэрбаха в Лейпциге» (в опере Гуно: акт 1). Здесь среди праздных студентов и прочих горожан появляется Мефистофель,

вступает с ними в диалог, пробует трактирное вино, говорит:

Я за свободу выпил бы не споря,
Да ваши вина смех один и горе.
<…>
А то б я дал отведать вам сорта
Из собственного нашего подвала, —

и, используя свои неограниченные магические возможности, наливает буршам вино — не из бочек, а прямо из стола, за которым они сидели. После этого Мефистофель исполняет известную «Песенку о Блохе».

У Гуно эта песенка отсутствует, и в сцене с буршами Мефистофель поет знаменитые куплеты «Сатана там правит бал…» (акт 1, сц. 2). Песенка же является самостоятельным концертным номером. Существует несколько вариантов «Блохи», включая написанный Бетховеном. Русскому слушателю наиболее известна «Песенка Мефистофеля в погребке Ауэрбаха о блохе» (1879) Мусоргского на традиционный гётевский текст в переводе А. Струговщикова («Жил-был король когда-то. / При нем блоха жила. / Милей родного брата / Она ему была»). «Песенка Мефистофеля» Мусоргского входила в концертный и граммо-

фонный репертуар Шаляпина.

25.42 С. 59. *...для чего это нужно было тайному советнику Гёте? Так я вам скажу: а для чего он заставил Вертера пустить себе пулю в лоб? Потому что — есть свидетельство — он сам был на грани самоубийства, но чтоб отделаться от искушения, заставил Вертера сделать это вместо себя. —*

Вертер, главный герой романа Гёте «Страдания молодого Вертера» (1774), кончает жизнь самоубийством, стреляя себе в лоб: «Один из соседей увидел вспышку пороха и услышал звук выстрела... <...> Он [Вертер] прострелил себе голову над правым глазом, мозг брызнул наружу».

В биографической литературе действительно зафиксировано тяжелое душевное состояние Гёте в период разрыва его с возлюбленной Лоттой Буф и начала работы над «Вертером»: «В те месяцы он всегда клал возле кровати драгоценный кинжал из своей коллекции. „Прежде чем потушить свечу, я всегда пробовал, удастся ли мне погрузить себе в грудь на несколько дюймов острый клинок. Но мне никогда это не удавалось, и в конце концов я поднял себя на смех, бросил ипохондрическое кривлянье и решил жить“» (*Людвиг Э.* Гёте. М., 1965. С. 73). Отмечу здесь как способ

самоубийства именно закалывание, весьма существенное для поэтики «Москвы — Петушков».

25.43 *…бутылку перцовой…* —

«Перцовая» — горькая крепкая (30°) настойка на красном перце. Не путать с «Перцовкой» (см. 23.3)!

26. ФрЯзево – 61-й километр

26.1 С. 60. *61-й километр —*
небольшая железнодорожная платформа на магистрали Москва — Владимир. В 1990-х гг. переименована в платформу Казанское.

26.2*…отчего это в глазах у вас столько грусти?.. Разве можно грустить, имея такие познания! —*
Вопрос и восклицание Черноусого восходят к Ветхому Завету: «Во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь» (Екк. 1: 18).

С Веничкой перекликаются и слова Разумихина из романа Достоевского: «Страдания и боль всегда обязательны для широкого сознания и глубокого сердца. Истинно великие люди, мне кажется, должны ощущать на свете великую грусть» («Преступление и наказание», ч. 3, гл. 5).

А вот признание Розанова: «В сущности, я ни в чем не изменился (лет 13). <…> Та же постоянная грусть, откуда-то текущая печаль, которая только ищет „зацепки“ или „повода“, чтобы перейти в страшную внутреннюю боль, до слез… <…> Основное, пожалуй, мое отношение к миру есть

нежность и грусть. <…> Мне печально, что все несовершенно: но отнюдь не в том смысле, что вещи не исполняют какой-то заповеди, какого-то от них ожидания <…> а что самим вещам как-то нехорошо, они не удовлетворены, им больно. Что вещам „больно“, это есть постоянное мое страдание за всю жизнь» («Опавшие листья», короб 1-й («В сущности, я ни в чем не изменился с Костромы»)); «Грусть — моя вечная гостья. И как я люблю эту гостью. <…> Грусть — это бесконечность!» («Опавшие листья», короб 1-й); «В грусти человек — естественный христианин. В счастье человек — естественный язычник» («Опавшие листья», короб 2-й).

Грустен и Фауст в начале одноименной оперы Гуно, и причиной его грусти являются в том числе и познания:

Нет! Напрасно мой ум ответа жадно просит

у творца природы всей, никто не в силах

открыть мне все тайны загадочных миров!

На склоне дней с глубокой скорбью

понял я бессилие науки

и всех земных познаний! Не верю им!
Не верю им! Нет! Нет!

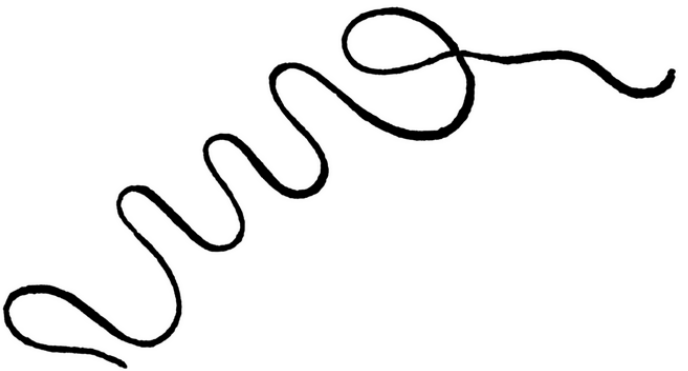
(«Фауст», пролог)

26.3 С. 60. *…опровергаете одну из моих лемм, несколько умозрительную лемму, но все же выросшую из опыта! —*

Лемма — в математике вспомогательная теорема, которая используется для доказательства другой теоремы. Леммами занимался, в частности, Кант, который определял лемму как положение, заимствуемое из одной дисциплины для обоснования положения в другой («Критика способности суждения», 1790).

26.4 *Что я хочу сказать? а вот, смотрите…*
И черноусый изобразил на бумажке такую вот хреновину. —

Сходную кривую рисует один из персонажей Стерна: «– Когда человек свободен, — с этими словами капрал описал в воздухе концом своей палки такую линию» («Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена», т. 9, гл. 4).



26.5 С. 61. *Вечером — бесстрашие, даже если и есть причина бояться, бесстрашие и недооценка всех ценностей. Утром — переоценка всех этих ценностей, переоценка, переходящая в страх, совершенно беспричинный. —*

Ю. Левин возводит «переоценку всех ценностей» к Ницше (*Левин Ю.* Комментарий к поэме «Москва — Петушки»... С. 62), который в труде «Антихрист. Проклятие христианству» (1895) (ср. также подзаголовок к его «Воле к власти» — «По-

пытка переоценки всех ценностей») требовал радикально пересмотреть главные человеческие, включая христианские, ценности и наделить их противоположным содержанием; например, любовь к ближнему должна быть замещена любовью к дальнему и т. д.

26.6 *Она — всеобща и к каждому применима. <…> …«Почему ж она все-таки лемма, если она всеобща?..» <…>«Коли она всеобща, то почему же лемма?..» —*

Лемма, по определению, используется только как вспомогательное средство для доказательства одной теоремы или группы смежных теорем, то есть не может иметь универсального («всеобщего») характера.

26.7 *…в расчет не принимает бабу! Человека в чистом виде лемма принимает, а бабу — не принимает! С появлением бабы нарушается всякая зеркальность. Если б баба не была бабой, лемма не была бы леммой. Лемма всеобща, пока нет бабы. Баба есть — и леммы уже нет… В особенности — если баба плохая, а лемма хорошая… —*

Реминисценция ветхозаветного сюжета о сотворении женщины и разрушении вместе с этим эдемской гармонии жизни Адама (Быт. 2: 21–25;

3: 1–24).

У Достоевского появление «плохой бабы» Сони Мармеладовой в жизни Раскольникова резко меняет всю его «диалектическую» судьбу: «Он [Раскольников], впрочем, не мог в этот вечер долго и постоянно о чем-нибудь думать, сосредоточиться на чем-нибудь мыслью; да он ничего бы и не разрешил теперь сознательно; он только чувствовал. Вместо диалектики наступила жизнь, и в сознании должно было выработаться что-то совершенно другое» («Преступление и наказание», эпилог).

26.8 С. 62. *В Петушках, например, тридцать посудин меняют на полную бутылку зверобоя… —*

Здесь элементарный процесс обмена пустых бутылок из-под спиртных напитков на полные накладывается на библейские положения, связанные с сосудами и емкостями. Например: «Также и вы, мужья, обращайтесь благоразумно с женами, как с немощнейшим сосудом, оказывая им честь, как сонаследницам благодатной жизни, дабы не было вам препятствия в молитвах» (1 Петр. 3: 7). У Паперно и Гаспарова женщина сравнивается с «чашей» и «сосудом скудельным» (*Паперно И., Гаспаров Б.* «Встань и иди». С. 396). А вот у Льва Толстого: «От мужчины в доме ничего

не прибудет, а женщина-жено — утлый сосуд» («Крейцерова соната», 1890).

26.9 *«Как! Тридцать на одну! Почему так много!» — галдеж возобновился.*

— Да иначе кто ж вам обменяет! Тридцать на двенадцать — это 3.60. —

То есть тридцать пустых бутылок стоимостью 12 копеек каждая. Именно такой была стоимость одной пустой бутылки емкостью 0,5 литра в 1960–1970-е гг. при сдаче ее на приемном пункте стеклотары (один из которых, кстати, является местом действия пьесы Венедикта Ерофеева «Диссиденты, или Фанни Каплан»).

26.10 *...за витриной стоит хорошая баба, а хорошую бабу надо уважить... —*

В связи с этим заявлением см. эпизод из мемуаров Авдиева (5.6).

26.11 *Что говорил Максим Горький на острове Капри? —*

Капри — небольшой остров в Тирренском море, на юге Неаполитанского залива, в Италии. Здесь Горький жил в 1906–1913 гг.; здесь в гостях у него бывали Ленин, Шаляпин и др.

26.12 *«Мерило всякой цивилизации — способ*

отношения к женщине». —

В справочной литературе эта фраза Горького зафиксирована (без ссылок на источник) в следующей формулировке: «Высота культуры определяется отношением к женщине» (Симфония разума. Афоризмы и изречения отечественных и зарубежных авторов. М., 1980. С. 446). Там же приведена и другая максима Горького о женщине: «Надо хорошо понять и помнить, что без женщины невозможно осуществление социализма».

26.13 *Растут агавы и тамаринды, а под ними сидит Максим Горький, из-под белых брюк — волосатые ноги. И пальцем мне грозит: «Не бери сдачи! Не бери сдачи!» —*

Агава — экзотическое травянистое растение с маленькими цветками. Тамаринд — тропическое плодовое дерево, индийский финик. По мнению Ю. Левина, мексиканские агавы вряд ли росли на Капри (*Левин Ю.* Комментарий к поэме «Москва — Петушки»… С. 63). А вот Ходасевич, бывавший на Капри, считал, что они там все-таки растут (см. ниже).

В мемуарной и биографической литературе встречаются многочисленные описания итальянских периодов жизни Горького. В одном из источников есть рассказ о Капри Сальватора

Вуото, жителя острова, знавшего Горького: «В то время [1906–1907 гг.] это было тихое место, вокруг стояли сплошные сады» (*Паклин Н.* Русские в Италии. М., 1990). В другом источнике есть описание одежды Горького по приезде на Капри в 1906 г.: «Одежда Алексея Максимовича оказалась совсем неподходящей, и ее пришлось полностью заменить. Вместо рубашки-косоворотки с поясом и сапог появился белый фланелевый костюм и легкие, на мягкой подошве туфли» (*Быковцева Л.* Горький в Италии. М., 1975).

Кроме Капри, Горький жил в Италии также в Сорренто (в середине 1920-х гг.). В сознании советского человека два эти соседних места сливались в одно, равно как и два различных периода жизни Горького. Ходасевич писал:

«В 1927–28 гг. я несколько раз указывал покойному А. А. Яблоновскому, что не надо писать о волшебной вилле на Капри хотя бы потому, что Горький живет в Сорренто, что уже пятнадцать лет нога его не ступала на каприйскую почву, что даже виза в Италию дана ему под условием не жить на Капри. Яблоновский слушал, кивал головой и вскоре опять принимался за старое, потому что не любил разрушать обывательские иллюзии. В последние годы каприйская вилла

иногда, впрочем, все-таки заменялась соррентийской, но воображаемая на ней жизнь принимала еще более роскошный характер и вызывала еще больше негодования» («Горький», 1936).

«Волосатые ноги из-под белых штанов» также восходят к мемуарам, в данном случае Юрия Анненкова, о Горьком соррентийского периода:

«[Во второй половине 1920-х гг.]…я провел несколько дней у Горького в Сорренто. Белая вилла стояла у самого обрыва, над морем, ослепительно-голубым и прозрачным. <…> На Горьком — васильковая рубаха с открытым воротом, белые коломянковые штаны и сандалии на босу ногу. Он по-прежнему приветлив, шутлив и весел» («Дневник моих встреч», 1966).

У Ходасевича есть «итальянские» стихи, где сконцентрирована масса деталей, встречающихся в «Москве — Петушках»:

Порой фотограф-ротозей
Забудет снимкам счет и пленкам
И снимет парочку друзей,
На Капри, с беленьким козленком.
<…>
Я вижу скалы и агавы <…>
<…>

Четыре прачки полубоком,
Выносят из сеней во двор
На полотенцах гроб дощатый,
В гробу – Савельев, полотер.
<…>
И сквозь колючие агавы
Они выходят из ворот,
И полотера лоб курчавый
В лазурном воздухе плывет.
И от мечты не отрываясь,
Я сам в оливковом саду
За смутным шествием иду,
О чуждый камень спотыкаясь.
<…>
Сорренто спит в сырых громадах.
Мы шумно ворвались туда
И стали. Слышно, как вода
В далеких плещет водопадах.
В страстную пятницу всегда
На глаз приметно мир пустеет…

(«Соррентийские фотографии», 1926)

Здесь, помимо итальянской темы (Капри,

агавы), отмечу ситуацию «мужчина в гробу, и женщина у гроба» (см. 26.17), «преткновение о камень» (см. 14.17), тему страстной пятницы (см. 14.7) и «опустения мира» (см. 46.3).

26.14 С. 62. *И пальцем мне грозит: «Не бери сдачи! Не бери сдачи!» —*

В контексте разговора о бабах следует напомнить пассаж из Розанова, «рецензирующего» книгу О. Вейнингера «Пол и характер»: «„Фу, какая баба!“ <…> Можно погрозить пальчиком: „Не выдавай тайны, баба! Скрой тщательнее свои грезы!!“» («Опавшие листья», короб 1-й).

26.15 *…сдуру или спьяну ты сморозил такое на своем Капри? Тебе хорошо — ты там будешь жрать свои агавы, а мне чего жрать?.. —*

Оторванность от жизни в советской стране ставилась в вину Горькому, «прохлаждавшемуся» на знойном Капри, еще до Венички — например, Маяковским:

Очень жалко мне, товарищ Горький,
что не видно
Вас
на стройке наших дней.
Думаете —

с Капри,
с горки
Вам видней?

(«Письмо писателя Владимира Владимировича Маяковского писателю Алексею Максимовичу Горькому», 1926)

26.16 С. 63. — *…Разве не нужна бывает и плохая баба?*

— Конечно! Конечно, нужна… Хорошему человеку плохая баба иногда прямо необходима бывает. —

Здесь под «хорошим человеком» можно разуметь Раскольникова и князя Мышкина, а под «плохими бабами» Соню Мармеладову и Настасью Филипповну соответственно.

26.17 *…двенадцать недель тому назад: я был во гробе, я уж четыре года лежал во гробе, так что уже и смердеть перестал. А ей говорят: «Вот — он во гробе. И воскреси, если сможешь». <…> Подошла ко гробу и говорит: «Талифа куми». Это значит в переводе с древнежидовского: «Тебе говорю — встань и ходи». И что ж вы думаете? Встал — и пошел. —*

Рассказ Венички — контаминация новозавет-

ных сюжетов воскрешения Иисусом Христом Лазаря и дочери начальника синагоги, откуда взяты и временны`е рамки (двенадцать и четыре), и смердение во гробе, и все остальное.

Первая история рассказывает о болезни и смерти некоего Лазаря из Вифании:

«Иисус же, опять скорбя внутренно, приходит ко гробу [Лазаря]. То была пещера, и камень лежал на ней. Иисус говорит: отнимите камень. Сестра умершего, Марфа, говорит Ему: Господи! уже смердит; ибо четыре дня, как он во гробе. Иисус говорит ей: не сказал ли Я тебе, что если будешь веровать, увидишь славу Божию? <…> Он воззвал громким голосом: Лазарь! иди вон. И вышел умерший, обвитый по рукам и ногам погребальными пеленами, и лице его обвязано было платком. Иисус говорит им: развяжите его, пусть идет» (Ин. 11: 38–40, 43–44).

Вторая история посвящена воскрешению из мертвых дочери начальника синагоги:

«[Христос] Приходит в дом начальника синагоги и видит смятение, и плачущих и вопиющих громко. И вошед говорит им: что смущаетесь и плачете? девица не умерла, но спит. И смеялись над Ним. Но Он, выслав всех, берет с Собою отца и мать девицы и бывших с Ним и входит туда, где

девица лежала. И взяв девицу за руку, говорит ей: „талифа куми“, что значит: девица, тебе говорю, встань. И девица тотчас встала и начала ходить, ибо была лет двенадцати» (Мк. 5: 38–42).

Талифа куми *(др. — евр.)* — встань, девица.

Ср. у Гумилева: «И Заклинающий проказу, / Сказавший деве: „Талифа!..“» («Счастье», 1916).

Апелляции к сцене воскрешения Христом девицы есть и у других поэтов, например у Анненского: «Подошел Спаситель к спящей / И сказал ей тихо: „Встань“» («Дочь Иаира», 1909); и у Ахматовой: «Не тот ли голос: „Дева! встань…“» («Исповедь», 1911).

Призыв «встань и иди» — сквозной не только для «Москвы — Петушков». В Библии, например, он встречается в самых разнообразных грамматических формах. В формах императива в Ветхом Завете этот призыв, как правило, вложен в уста Создателя. Например, Господь обращается к Аврааму: «Встань, пройди по земле сей в долготу и в широту ее: ибо Я тебе дам ее» (Быт. 13: 17), или: «Бог сказал Иакову: встань, пойди в Вефиль, и живи там» (Быт. 35: 1). В другом месте Моисей пересказывает слова Бога: «И сказал мне Господь: встань, пойди в путь пред народом сим» (Втор. 10: 11). Прочих случаев Божьего призыва

не счесть: «Тогда снова вопросил Давид Господа, и отвечал ему Господь и сказал: встань и иди в Кеиль, ибо Я предам Филистимлян в руки твои» (1 Цар. 23: 4); «Встань и иди в дом твой; и как скоро нога твоя ступит в город, умрет дитя» (1 Цар. 14: 12); «Господь дал повеление о Ханаане разрушить крепости его и сказал: ты не будешь более ликовать, посрамленная девица, дочь Сидона! Вставай, иди в Киттим, но и там не будет тебе покоя» (Ис. 23: 11–12); «И Он сказал мне: сын человеческий! встань и иди к дому Израилеву, и говори им Моими словами» (Иез. 3: 4); «И было слово Господне к Ионе, сыну Амафиину: встань, иди в Ниневию, город великий, и проповедуй в нем, ибо злодеяния его дошли до Меня» (Ион. 1: 1–2; ср. также 3: 2). Пророк передает призывы Господа к разорению порочной дочери Сиона: «…вставайте, и пойдем в полдень. <…> Вставайте, пойдем и ночью, и разорим чертоги ее!» (Иер. 6: 4, 5). Другой пророк рассказывает о видении ему славы Господней: «Увидев это, я пал на лице свое и слышал глас Глаголющего, и Он сказал мне: сын человеческий! стань на ноги твои, и Я буду говорить с тобою. <…> Встань и пойди к переселенным, к сынам народа твоего, и говори к ним, и скажи им: так говорит Господь Бог!»

(Иез. 2: 1, 11).

Но призыв этот не является исключительной прерогативой Господа: «Тогда Ангел Господень сказал Илии Фесвитянину: встань, пойди навстречу посланным от царя Самарийского и скажи им: разве нет Бога в Израиле, что вы идете вопрошать Вельзевула, божество Аккаронское?» (1 Цар. 1: 3). Господин находит утром свою наложницу лежащей у его дверей: «И вот наложница его лежит у дверей дома, и руки ее на пороге. Он сказал ей: вставай, пойдем. Но ответа не было, потому что она умерла» (Суд. 19: 27–28). Суламифь рассказывает о своем возлюбленном: «Возлюбленный мой начал говорить мне: встань, возлюбленная моя, прекрасная моя, выйди!» (Песн. 2: 10).

В Новом Завете Ангел Господень, явившись во сне плотнику Иосифу, говорит: «Встань, возьми Младенца и Матерь Его и иди в землю Израилеву» (Мф. 2: 20). Есть призыв Ангела Господня «встань и иди» и в другом месте (Деян. 8: 26).

Затем слово берет Иисус: «Иисус же, видя помышления их, сказал: для чего вы мыслите худое в сердцах ваших? ибо что легче сказать: прощаются тебе грехи, или сказать: встань и ходи? Но чтобы вы знали, что Сын Человеческий имеет власть на земле прощать грехи, — тогда говорит

расслабленному: встань, возьми постель твою, и иди в дом твой» (Мф. 9: 4–6; см. также Мк. 2: 9, 11; Лк. 5: 23). Таким же образом Иисус обращается к исцелившемуся Самарянину: «И сказал ему: встань, иди; вера твоя спасла тебя» (Лк. 17: 19). В Гефсиманском саду Иисус «приходит к ученикам Своим и говорит им: вы все еще спите и почиваете? вот, приблизился час, и Сын Человеческий предается в руки грешников; встаньте, пойдем: вот, приблизился предающий Меня» (Мф. 26: 45–46; см. также Мк. 14: 42). Из уст Иисуса призыв «встань и иди» звучит и в других частях Нового Завета (Деян. 9: 6, 22: 10).

«Встал и пошел» (форма прошедшего времени, единственного числа, мужского рода) в Ветхом Завете встречается в изобилии: «И встал Авраам рано утром и пошел на место, где стоял пред лицем Господа» (Быт. 19: 27). Раб Авраама «встал и пошел в Месопотамию, в город Нахора» (Быт. 24: 10). Исав продает первородство Иакову за чечевичную похлебку: «И дал Иаков Исаву хлеба и кушанья из чечевицы: и он ел, и встал, и пошел» (Быт. 25: 34). А затем уже «встал Иаков и пошел в землю сынов востока» (Быт. 29: 1). Другие персонажи поступают так же: «И встал Лаван рано утром <…> И пошел и возвратился Лаван в свое место»

(Быт. 31: 55); «И встал Моисей с Иисусом, служителем своим, и пошел Моисей на гору Божию» (Быт. 24: 13); «И встал Моисей, и пошел к Дафану и Авирону» (Числ. 16: 25); «И встал Валаам и пошел обратно в свое место» (Числ. 24: 25); «Маной встал и пошел с женою своею» (Суд. 13: 11) и т. д.

Мотив воскрешения («встань и иди») чрезвычайно важен для идейного содержания «Преступления и наказания». Причем у Достоевского этот мотив так же, как и у Ерофеева, раздроблен и представлен, кроме прямого цитирования библейского текста («Преступление и наказание», ч. 4, гл. 4), в различных вариациях: «Настасья над спящим Раскольниковым: „Чего дрыхнешь! <…> Ты хошь бы на улицу вышел <…> тебя хошь бы ветром обдуло“» (ч. 1, гл. 6); также дворник и Настасья поднимают Раскольникова с дивана: «[Дворник:] — Повестка из конторы <…> мне почем знать. Требуют, и иди. <…> [Раскольников:] — <…> я пойду: я сейчас пойду» (ч. 2, гл. 1) и т. д.

26.18 С. 63. *«Идет, как пишет. А пишет, как Лева. А Лева пишет хуево». —*

Парафраз нецензурной идиомы «ебет, как пишет» (то есть быстро, легко, вдохновенно и без особых затруднений). Одновременно расценивается как намек на «плохо писавшего» Льва

Толстого. Претензии к нему предъявлял, в частности, Розанов:

«Толстой… Когда я говорил с ним, между прочим, о семье и браке, о поле, — я увидел, что во всем он путается <…> и, в сущности, ничего не понимает <…> Ни — анализа, ни способности комбинировать; ни даже *мысли*, одни восклицания. С этим нельзя взаимодействовать, это что-то imbecile [слабоумное]» («Уединенное», 1912).

И герои Гамсуна:

«– Вам нравится Толстой? — спросил он.

— Мне не нравится Толстой, — быстро ответил он <…>

<…>

— A propos, господин Нагель, вы, кажется, и Толстого тоже не очень-то жалуете?

<…>

— Я считаю его великим художником, но дураком в философии… <…> Каким бы ничтожным оно [сочинение книжек в расчете на успех у публики] ни было, впрочем, оно, во всяком случае, не менее ценно, чем бесстыжая философская болтовня Льва Толстого» («Мистерии», гл. 8, 13).

Приведу другой пример народной филологии — из Войновича:

«Тимофей, который слыл в деревне книгочеем,

пересказывал Николаю содержание рассказа Чехова „Каштанка“. Рассказ Николаю понравился, и он сказал:

— Значит, Чехов правда хороший писатель?

— Это на чей вкус, — сказал Тимофей. — Вот Толстой Лев Николаевич его не любил.

— А чего это о нем такое мнение имел?

— Да кто его знает. „Плохо, говорит, пишешь. Шекспир, говорит, плохо писал, а ты и того хуже“. Шекспир — это английский писатель был.

— А чего, он плохо писал?

— Да не то чтобы плохо — неграмотно. На нашем языке его, конечно, поправили, а в своем он слабоват был» («Расстояние в полкилометра», 1961).

26.19 С. 63. *У нас тут прямо как у Тургенева: все сидят и спорят про любовь… Давайте и я вам что-нибудь расскажу — про исключительную любовь и про то, как бывают необходимы плохие бабы!.. Давайте, как у Тургенева! Пусть каждый чего-нибудь да расскажет…*

«Давайте!» «Давайте, как у Тургенева!» —

Здесь и далее речь идет о повести Тургенева «Первая любовь» (1860), где действительно есть фраза: «Так пускай каждый расскажет что-нибудь». Действие повести начинается с того, что

вечером в гостиной дворянской усадьбы собираются дворяне, и хозяин говорит гостям: «Итак, дело решенное <…> каждый из нас обязан рассказать историю своей первой любви». Любовь у Тургенева изображается возвышенно, без каких-либо «физиологических» намеков:

«Помнится, в это время образ женщины, призрак женской любви почти никогда не возникал определенными очертаниями в моем уме; но во всем, что я думал, во всем, что я ощущал, таилось полуосознанное, стыдливое предчувствие чего-то нового, несказанно сладкого, женского… Это предчувствие, это ожидание проникло весь мой состав: я дышал им, оно катилось по моим жилам в каждой капле крови… ему суждено было скоро сбыться».

26.20 *Давайте и я вам что-нибудь расскажу — про исключительную любовь и про то, как бывают необходимы плохие бабы!.. —*

В связи с ситуацией «рассказ о любви в железнодорожном вагоне» и с упоминанием о «плохих бабах» уместно вспомнить Льва Толстого, у которого Позднышев, чью жизнь разрушила именно «плохая баба», разговаривает с рассказчиком в вагоне, употребляя сходную формулу («я вам расскажу»):

«– Они говорят… И всё лгут… — сказал он.

— Вы про что? — спросил я.

— Да все про то же: про эту любовь ихнюю и про то, что это такое. <…>…Хотите я вам расскажу, как я этой любовью самой был приведен к тому, что со мной было. <…> Ну, так я расскажу вам…» («Крейцерова соната», 1890).

27. 61-й километр – 65-й километр

27.1 С. 63. *65-й километр —*
небольшая железнодорожная платформа на железнодорожной магистрали Москва — Владимир. В 1990-х гг. переименована в платформу Вохна.

27.2 *Он и всегда-то был какой-то одержимый, а тут не иначе как бес в него вошел. —*
Идиома «бес вошел/вселился» (в какого-либо) означает, что некто обезумел, потерял контроль над собой, начал делать черт знает что. Идиома восходит к известному евангельскому сюжету: Иисус с апостолами приплывает на лодке, подобно Лоэнгрину и дедушкиному председателю (см. 28.2), в страну Гадаринскую:
«Встретил Его один человек из города, одержимый бесами с давнего времени, и в одежду не одевавшийся, и живший не в доме, а в гробах. Он, увидев Иисуса, пал пред Ним и громким голосом сказал: что Тебе до меня, Иисус, Сын Бога Всевышнего? умоляю тебя, не мучь меня. Ибо Иисус повелел нечистому духу выйти из сего человека; потому что он долгое время мучил его, так что

его связывали цепями и узами, сберегая его; но он разрывал узы, и был гоним бесом в пустыни. Иисус спросил его: как тебе имя? Он сказал: „легион“, потому что много бесов вошло в него. И они просили Иисуса, чтобы не повелел им идти в бездну. Тут же на горе паслось большое стадо свиней; и бесы просили Его, чтобы позволил им войти в них. Он позволил им. Бесы, вышедши из человека, вошли в свиней; и бросилось стадо с крутизны в озеро, и потонуло» (Лк. 8: 27–33; см. также Мф. 8: 28–32; Мк. 5: 8–13).

27.3. С. 64. *Может быть, Вера Дулова тоже прославленная арфистка. Но он помешался именно на Эрдели. И ни разу-то он ее в жизни не видел, а только слышал по радио…* —

Вера Георгиевна Дулова (1910–2000) — советская арфистка, профессор Московской консерватории, солистка оркестра Большого театра.

Ольга Георгиевна Эрдели (род. 1927) — также советская арфистка и музыкальный педагог, солистка Большого симфонического оркестра радио и телевидения.

Эрдели и Дулова — фигуры для рядового советского человека, не посещавшего консерватории и концертные залы, несколько мистические, поскольку их действительно в дотелевизионную

эпоху практически невозможно было увидеть, однако их фамилии были прекрасно всем знакомы, так как записи музыкальных произведений в их исполнении регулярно передавались по радио.

27.4…*бренчит на арфе*… —

Кроме того, что арфа — традиционный инструмент ангелов, косвенно обнаруживается ее связь и с «германскими поэтами» (см. 16.3), герои которых также музицировали на этих громоздких музыкальных инструментах. Например, у И.-Л. Уланда: «И скальд выступает на царскую речь: / Под мышкою арфа, на поясе меч» («Три песни», пер. В. Жуковского).

27.5 …*не курит, не пьет, с постели не встает, девушек не любит*… —

«Цензурный» вариант грубой фразеологической характеристики благовоспитанного абстинента — «Не курит, не пьет и баб не ебет», наложенный на образ «не встающего с постели» Раскольникова (см. 10.37). Похоже ведет себя и один из персонажей Куприна:

«Любовь князя к Марье Гавриловне не только не уменьшалась, но еще более распалялась, только все ему не было успеха. <…> Затосковал князь. Лежит у себя дома на диване лицом к стене, хму-

рый, молчит, от еды его даже отбило. В доме все на цыпочках ходят…» («Картина», 1895).

27.6 *Наслажусь, мол, арфисткой Ольгой Эрдели и только тогда — воскресюсь… —*

Вариант мотива «воскресения при помощи бабы» — см. 26.17.

27.7 *В гробу я видел вашу Веру Дулову! Я с вашей Верой Дуловой и срать рядом не сяду! —*

Идиоматический практикум. Оба выражения имеют сходное значение: не хочу иметь ничего общего, презираю, испытываю отвращение.

27.8 *…если вы хотите, чтоб я ее, вашу Веру Дулову, удавил, струною от арфы, — тогда, пожалуйста, волоките. Я ее удавлю. —*

Вариант мотива удушения.

27.9 *…от малого остались руины и пепел. —*

Как от Геркуланума и Помпеев — см. 30.8.

27.10 *Мандавошечка —*

нецензурная характеристика вызывающего презрение объекта, производная от «неприличной» лобковой вши.

27.11 С. 64–65. *Вошли: он все лежит и тоскует. Я ему сначала кинул балалайку, прямо с порога. А*

потом — швырнул ему в лицо эту Ольгу, я этой Ольгой в него запустил!.. «Вот она — Эрдели! Не веришь — спроси!»

И наутро смотрю: отворилось окошко, он в него высунулся и потихоньку закурил. Потом — потихоньку заработал, заучился, запил… И стал человек как человек. —

Аналогичный сюжет с подменой воскрешающей силы лежит в основе «Преступления и наказания»: «плохая баба» Соня Мармеладова заменяет Раскольникову Христа, но именно под ее влиянием Раскольников «воскресает» и становится «нормальным» человеком.

27.12 С. 65. *«Нет, ты давай про любовь! Ты читал Ивана Тургенева?» «Ну, коли читал, так и расскажи!» «Про первую любовь расскажи, про Зиночку, про вуаль, и как тебе хлыстом по роже съездили — вот примерно все это и расскажи…» —*

Пародируется дискурс советского учителя, проводящего традиционный устный опрос на уроке литературы в средней школе. При этом, судя по намекам на содержание произведения, можно понять, что опрашивается не самый прилежный ученик.

«Первая любовь» — повесть Тургенева (см. 26.19). Зиночка — Зинаида Заикина, героиня этой

повести. Вуаль в тексте повести не упоминается, здесь, очевидно, имеется в виду следующий фрагмент: «По дороге, в легком сереньком платье, с розовым зонтиком на плече поспешно шла Зинаида. Она увидела меня, остановилась и, откинув край соломенной шляпы, подняла на меня свои бархатные глаза» (гл. 12).

Что касается истории с ударом хлыста по роже, то здесь подразумевается вот что. В «Первой любви» главный герой, от имени которого ведется рассказ о его первой любви, Владимир, застает свою возлюбленную (Зиночку) на интимном свидании с его отцом:

«Зинаида выпрямилась и протянула руку… Вдруг в глазах моих совершилось невероятное дело: отец внезапно поднял хлыст, которым сбивал пыль с полы своего сюртука, — и послышался резкий удар по этой обнаженной до локтя руке. Я едва удержался, чтобы не вскрикнуть, а Зинаида вздрогнула, молча посмотрела на моего отца и, медленно поднеся свою руку к губам, поцеловала заалевший на ней рубец» (гл. 21).

Далее эта сцена, которая произвела на Владимира столь сильное впечатление, трансформируется в его сновидении:

«Вот это любовь, — говорил я себе снова, си-

дя ночью перед своим письменным столом, на котором уже начали появляться тетради и книги, — это страсть!.. Как, кажется, не возмутиться, как снести удар от кого бы то ни было!.. от самой милой руки! А, видно, можешь, если любишь… <…> Странный и страшный сон мне приснился в эту самую ночь. Мне чудилось, что я вхожу в низкую темную комнату… Отец стоит с хлыстом в руке и топает ногами; в углу прижалась Зинаида, и не на руке, а на лбу у ней красная черта… А сзади их обоих поднимается весь окровавленный Беловзоров [персонаж повести], раскрывает бледные губы и гневно грозит отцу» (гл. 21).

27.13 *…у Ивана Тургенева все это немножко не так, у него все собираются к камину, в цилиндрах, и держат жабо на отлете… —*

В «Первой любви» упоминаний о камине и цилиндрах нет. Однако общая ситуация зачина некоторых тургеневских повестей имитируется достаточно точно:

«Мы все уселись в кружок — и Александр Васильевич Ридель <…> начал так:

— Я расскажу вам, господа, историю, случившуюся со мной в тридцатых годах… лет сорок тому назад, как видите. Я буду краток, а вы не прерывайте меня» («Стук… стук… стук!..», 1871).

Что касается камина, то он присутствует в другом произведении Тургенева:

«В небольшой, порядочно убранной комнате, перед камином, сидело несколько молодых людей. Зимний вечер только что начинался; самовар кипел на столе, разговор разыгрывался и переходил от одного предмета к другому. Начали толковать о людях необыкновенных и о том, чем они отличаются от обыкновенных людей. Каждый излагал свое мнение как умел; голоса возвысились и зашумели. Один небольшой, бледный человечек <…> внезапно встал и обратился ко всем нам (я тоже был в числе споривших) с следующими словами:

— Господа! все ваши глубокомысленные речи в своем роде хороши, но бесполезны. Каждый, как водится, узнаёт мнение своего противника и каждый остается при своем убеждении. Но мы не в первый раз сходимся, не в первый раз спорим и поэтому, вероятно, уже успели и высказаться, и узнать мнения других. <…>

Сказав эти слова, небольшой человечек небрежно стряхнул в камин пепел с сигарки…» («Андрей Колосов», 1844).

«Жабо на отлете» является абсурдистским перифразом «цилиндра на отлете» (25.10). Само же по

себе жабо (jabot) как деталь костюма дворянина (хотя Ю. Левин, например, относит его к «XVIII веку и ранее» и пишет, что оно, «конечно, отсутствует у Тургенева» (*Левин Ю.* Комментарий к поэме «Москва — Петушки»… С. 64) у Тургенева все-таки встречается: «Отцу не нравились его [Лаврецкого] столичные привычки, его фраки, жабо, книги, его флейта, его опрятность, в которой недаром чуялась ему гадливость» («Дворянское гнездо», гл. 8); «Иван Петрович [Лаврецкий] вернулся в Россию англоманом. Коротко остриженные волосы, накрахмаленное жабо, долгополый гороховый сюртук со множеством воротничков, кислое выражение лица, что-то резкое и вместе с тем равнодушное в обращении <…> страсть к кровавым ростбифам и портвейну — все в нем так и веяло Великобританией» (гл. 10).

27.14 С. 65. *…любить по-тургеневски, это значит: суметь пожертвовать всем ради избранного создания! суметь сделать то, что невозможно сделать, не любя по-тургеневски! —*

В «Первой любви» Зинаида видит Владимира, стоящего на высокой усадебной стене:

«– Что это вы делаете там, на такой вышине? — спросила она меня с какой-то странной улыбкой. — Вот, — продолжала она, — вы все уверяете,

что вы меня действительно любите, — спрыгните ко мне на дорогу, если вы действительно любите меня.

Не успела Зинаида произнести эти слова, как я уже летел вниз, точно кто подтолкнул меня сзади. В стене было около двух сажен вышины. Я пришелся о землю ногами, но толчок был так силен, что я не мог удержаться: я упал и на мгновенье лишился сознанья. Когда я пришел в себя, я, не раскрывая глаз, почувствовал возле себя Зинаиду.

— Милый мой мальчик, — говорила она, наклонясь надо мною, и в голосе ее звучала встревоженная нежность, — как ты мог это сделать, как ты мог послушаться… Ведь я люблю тебя… встань.

Ее грудь дышала возле моей, ее руки прикасались моей головы, и вдруг — что сталось со мной тогда! — ее мягкие, свежие губы начали покрывать все мое лицо поцелуями… они коснулись моих губ…» (гл. 12).

27.15 *…ты смог бы у этого приятеля, про которого рассказывал, — смог бы палец у него откусить? ради любимой женщины?.. —*

В опере Вагнера «Лоэнгрин» (см. 28.2) брабантский граф Фридрих фон Тельрамунд, побежден-

ный в поединке Лоэнгрином, пытается найти объяснение чудесной силе победителя; его жена, коварная Ортруда, убеждает Тельрамунда в том, что достаточно всего лишь заставить победителя назвать свое имя и страну, откуда он приплыл, и его магическая рыцарская сила исчезнет: «Да, если бы хоть палец ты отсек ему, / хотя бы пальца часть, сражаясь, — герой в твоих бы был руках» (д. 2, сц. 5). После этого Тельрамунд пытается публично обвинить Лоэнгрина в сношениях с нечистой силой и просит у принцессы Эльзы, за чью честь и руку дрался на поединке Лоэнгрин, разрешения отсечь у Лоэнгрина кончик пальца, чтобы доказать его связь с потусторонними силами: «Ты мне позволь отсечь ему хоть палец, / хоть кончик пальца, — и клянусь тебе, / что он тотчас откроет тайну нам… / И верен будет он тебе всегда!» Эльза от идеи Тельрамунда отказывается и удаляется со своим женихом в королевский дворец.

27.16 *Ну зачем палец?.. при чем тут палец?* — У Чехова полицейский надзиратель Очумелов обращается к золотых дел мастеру Хрюкину, стоящему в окружении народа с поднятым вверх окровавленным пальцем: «Это ты зачем палец?..» («Хамелеон», 1884).

27.17 С. 65. *…войти в парткабинет…* —

Парткабинет — партийный кабинет; в СССР — комната на заводе, в учреждении и т. д., где размещался секретариат первичной организации КПСС, проводились партийные собрания и занятия по политграмоте.

27.18 — *А я бы смог! — проговорил вдруг дедушка Митрич. Так неожиданно, что все снова заерзали и запотирали руки. — А я бы смог чего-нибудь рассказать…* —

У Достоевского в сходной ситуации оказывается Мармеладов:

«– А осмелюсь ли, милостивый государь, обратиться с разговором приличным? <…> Он был хмелен, но говорил речисто и бойко, изредка только местами сбиваясь немного и затягивая речь. <…> Он налил стаканчик, выпил и задумался. <…> Его разговор, казалось, возбудил общее, хотя и ленивое внимание. Мальчишки за стойкой стали хихикать. Хозяин, кажется, нарочно сошел из верхней комнаты, чтобы послушать „забавника“ <…> Мармеладов был здесь давно известен. Да и наклонность к витиеватой речи приобрел, вероятно, вследствие привычки к частым кабачным разговорам с различными незнакомцами. Эта привычка обращается у иных пьющих в

потребность, и преимущественно у тех из них, с которыми дома обходятся строго и которыми помыкают. Оттого-то в пьющей компании они и стараются всегда как будто выхлопотать себе оправдание, а если можно, то даже и уважение» («Преступление и наказание», ч. 1, гл. 2).

27.19 С. 66. *Надо чтить… потемки чужой души… <…>пусть там дрянь одна — все равно: смотри и чти, смотри и не плюй… —*

Контаминация пословицы «Чужая душа — потемки» и поговорки «Не плюй в душу!».

28. 65-й километр – Павлово-Посад

28.1 С. 66. *Павлово-Посад —*

железнодорожная станция, расположенная в городе Павловский Посад (Московская область, 68 км к востоку от Москвы; население на конец 1960-х гг. — около 65 000 человек).

28.2 *— Председатель у нас был… Лоэнгрин его звали, строгий такой… и весь в чирьях… и каждый вечер на моторной лодке катался. Сядет в лодку и по речке плывет… плывет и чирья из себя выдавливает… <…> — А покатается он на лодке… придет к себе в правление, ляжет на пол… и тут уже к нему не подступись — молчит и молчит. А если скажешь ему слово поперек — отвернется он в угол и заплачет… стоит и плачет, и пысает на пол, как маленький… —*

Вторая отсылка (см. также 6.8) к опере Вагнера «Лоэнгрин» (1845–1848; либретто Вагнера по германским сагам XIII в.). В опере король Генрих Птицелов объявляет поединок между брабантским графом Фридрихом фон Тельрамундом, опекуном детей покойного герцога брабантского (Эльзы и Готфрида), и любым рыцарем, желаю-

щим постоять за честь Эльзы (Фридрих обвиняет Эльзу в убийстве ее младшего брата Готфрида). После этого на сцене появляется белоснежный лебедь, плывущий по реке Шельде и тянущий за собой ладью. На этой ладье в Антверпен, где происходит действие оперы, приплывает незнакомый рыцарь, желающий драться с Фридрихом за честь Эльзы (д. 1, сц. 2). В течение оперы рыцарь тщательно скрывает свое имя и происхождение (по ходу действия Эльза умоляет рыцаря открыть ей имя), и только в конце перед лицом короля Генриха и Эльзы, ставшей его невестой, он открывает свою тайну (д. 3, сц. 3). Имя его Лоэнгрин, а отцом его был легендарный Парсифаль, и свою непобедимую мощь рыцарь получил от магической чаши Святого Грааля в обмен на обет хранить в секрете свое имя. В финале оперы лебедь из 1-го действия оборачивается при помощи Лоэнгрина младшим братом Эльзы Готфридом, а сам Лоэнгрин, открывший свое имя и потому вынужденный покинуть Эльзу, уплывает по Шельде на своей ладье (д. 3, сц. 3). Таким образом, в поэме Ерофеева моторная лодка есть не что иное, как ладья Лоэнгрина.

Замена ладьи на другое плавсредство — челн — встречается у Брюсова: «Кто с Лоэнгрином не

плыл на челне золотом!» («Романтикам», 1920). Сологуб называл ладью непосредственно лодкой:

Горе Эльзам, чутко внемлющим
Про таинственный Грааль, —
В лодке с лебедем недремлющим
Лоэнгрин умчится вдаль.

(«Бога милого, крылатого», 1921)

Кроме Лоэнгрина, описанный председатель ассоциируется и с Председателем Пушкина из «Пира во время чумы» — к концу трагедии он практически сходит с ума и не реагирует на происходящее, то есть буквально или молчит, или отворачивается от обращающихся к нему, например от священника: «Отец мой, ради бога, / Оставь меня». В финале среди продолжающегося пира «Председатель остается погружен в глубокую задумчивость».

Есть и еще одна обусловленная текстом «Москвы — Петушков» ассоциация. Упоминание о Садко (см. 22.36) косвенно связано с оперой Римского-Корсакова «Садко» (1898; либретто Римского-Корсакова и В. Бельского по мотивам русских былин). На уровне сюжетных ходов в

«Садко» обнаруживается ряд параллелей с описанным Митричем председателем. В начале оперы (1-я картина) к Садко действительно «не подступись» — он, будучи певцом-гусляром, отказывается петь здравицы именитым гостям на пиру Новгородской братчины, и наладить с ним коммуникацию участникам пира не удается. В конце концов Садко изгоняют с пира, как Веничку из ресторана Курского вокзала. Далее по ходу действия Садко превращается в богатого купца и дважды — в 5-й и 7-й картинах — возглавляет на флагманском судне караван своих кораблей, то есть буквально «садится в лодку и по речке плывет».

28.3 С. 66. *Все смеялись, безобразно и радостно. А внучек даже весь задергался, снизу вверх, чтобы слева направо не прыснуть себе в щиколку. —*

Описание ненатурального поведения персонажей встречается у Достоевского: «…товарищ его, толстый, огромный, в сибирке и с седою бородой, очень захмелевший, задремавший на лавке и изредка, вдруг, как бы спросонья, начинавший прищелкивать пальцами, расставив ноги врозь, и подпрыгивать верхнею частью корпуса, не вставая с лавки…» («Преступление и наказание», ч. 1, гл. 1). Ср. также: «Митрич, не

шелохнувшись, весь как-то забегал» (Храпуново — Есино) — «[Порфирий Петрович] вдруг залился нервным, продолжительным смехом, волнуясь и колыхаясь всем телом» (ч. 4, гл. 5).

28.4 *Да ведь он, наверно, кинокартину пересказывал!.. Кинокартину «Председатель»! —*

«Председатель» («Мосфильм», 1964) — кинофильм режиссера Алексея Салтыкова по сценарию Юрия Нагибина, одно из наиболее значительных явлений в советском «оттепельном» кинематографе. Рой Медведев воспоминает об этом фильме:

«В январе 1965 года на экраны наших кинотеатров вышел двухсерийный фильм „Председатель“. <…> На протяжении многих дней все кинотеатры, где шел „Председатель“, были переполнены. Дополняя так называемую „деревенскую“ прозу, фильм впервые в нашем кинематографе с большой силой и наглядностью показал, до какой степени развала дошло в сталинские времена сельское хозяйство и русская деревня. Однако и для этой ленты была характерна лакировка действительности, так как она намеренно приукрашивала положение в деревне в 1963–1964 годах. Создавалось впечатление, что в годы Хрущева все главные и трудные проблемы сель-

ского хозяйства были уже решены» (*Медведев Р.* Личность и эпоха: Политический портрет Л. И. Брежнева. М., 1991. С. 222).

На уровне мотивов можно установить некоторое сходство его с вагнеровским «Лоэнгрином» (см. 28.2). Главный сюжетообразующий элемент как оперы, так и фильма — приезд сильного, решительно настроенного на преобразование действительности чужака. В фильме главный герой Егор Трубников (актер Михаил Ульянов) приезжает после войны на свою родину, в село, где он родился и где его уже никто не помнит. Трубников одержим идеей возродить родной колхоз, поднять его из послевоенной разрухи и положить конец страданиям колхозников, что сопоставимо со стремлением опытного и могучего Лоэнгрина защитить Эльзу от нападок Фридриха и восстановить справедливость при дворе Генриха Птицелова. Вот, например, сцена выборов председателя колхоза, на пост которого баллотируется Трубников:

«Раменков стоя держит речь. Собрание состоит сплошь из женщин, если не считать парня на деревяшке и двух-трех подростков.

— Товарищ Трубников ваш односельчанин. С юных лет связал свою судьбу с Красной Арми-

ей, — говорит Раменков. — Он участник боев в Маньчжурии, под Хасаном и Халхин-Голом, штурма линии Маннергейма, участник Великой Отечественной войны… <…> Товарищ Трубников награжден четырьмя боевыми орденами и пятью медалями! Инвалид Великой Отечественной войны, пенсионер, он по собственному желанию поехал на работу в деревню! <…> Товарищ Трубников член Коммунистической партии с 1921 года…

— Надо же, какой человек, — слышится насмешливый женский голос. — Вот и кончились наши страдания!.. <…>

По собранию прокатывается невеселый смешок» (Ю. Нагибин. «Председатель», 1964).

После длительной и мучительной борьбы «дело Трубникова» побеждает.

Фильм имеет сходную с «Лоэнгрином» кольцевую композицию, построенную по схеме «приезд — отъезд»: в начале фильма ночью Трубников приходит в село, а заканчивается вторая часть сценария поездкой Трубникова по железной дороге в Москву в поисках справедливости (в вагоне он узнает о смерти Сталина); при этом сценарист нарочито подчеркивает сходство финала с первой сценой:

«И вот мы снова как бы возвращаемся к началу нашего повествования. Ночь. Околица деревни. Где-то тоскливо воет собака. Разбрызгивая сапогами мартовскую грязь, бредет человек с рюкзаком за плечами. Только сейчас он держит путь прочь от деревни и не один — рядом с ним женщина» (там же).

Особо, в связи с комментируемым высказыванием Митрича об ущербном и плаксивом председателе с «позорной кличкой» Лоэнгрин, стоит обратить внимание на увечность Трубникова — он инвалид войны, у него нет руки, и он еще вдобавок контуженный. В фильме он иногда пускает слезу.

Попутно отмечу в «Председателе» сходные с «Москвой — Петушками» ситуации: 1) «покидание столицы как источника зла и греха ради „одухотворенной“ провинции» — Трубников приезжает в родное село, оставив в Москве жену и квартиру; 2) «тяжелая болезнь малыша» — маленький сын Трубникова и одного из центральных персонажей, Надежды Петровны, тяжело болеет дифтеритом; Трубников проводит много времени у кроватки больного мальчика; мальчик умирает.

28.5 С. 66. *Бог, умирая на кресте, заповедовал*

нам жалость, а зубоскальства Он нам не заповедовал. Жалость и любовь к миру — едины. Любовь ко всякой персти, ко всякому чреву. И ко плоду всякого чрева — жалость. —

Ближе других к данной идеолого-синтаксической конструкции — фраза из Льва Толстого, реплика Пьера Безухова в разговоре с Николаем Ростовым: «Тугендбунд — это союз добродетели, это любовь, взаимная помощь; это то, что на кресте проповедовал Христос» («Война и мир», т. 4, эпилог, ч. 1, гл. 14). Сходная фраза встречается и у Достоевского: «Христос заповедал мерить в ту меру, в которую и вам отмеряют» («Братья Карамазовы», ч. 4, кн. 12, гл. 14).

В Новом Завете имеется несколько заповедей Иисуса о любви:

«Иисус сказал ему: возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душею твоею и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя; на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки» (Мф. 22: 37–40);

«Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга. <…> Как возлюбил Меня Отец, и Я возлюбил

вас; пребудьте в любви Моей. Если заповеди Мои соблюдете, пребудете в любви Моей <…> Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, как Я возлюбил вас. Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих. Вы друзья Мои, если исполните то, что Я заповедую вам. <…> Сие заповедаю вам, да любите друг друга» (Ин. 13: 34; 15: 9–10, 12–14, 17).

Персть — библеизм, обозначает «плоть» или «пыль, прах»; встречается у Тютчева: «Нашу персть земля возьмет, / Имя славное нетленно» («Поминки (Из Шиллера)», 1851). «Всякое чрево» — также библейское: «Ибо заключил Господь всякое чрево в доме Авимелеха за Сарру, жену Авраамову» (Быт. 20: 18). Словосочетание «плод чрева» тоже из Библии. Одна из заповедей Моисея в адрес Израиля гласит: «Благословен плод чрева твоего, и плод земли твоей, *плод твоих волов и плод овец твоих.* <…> С избытком даст тебе Господь, Бог твой, успех во всяком деле рук твоих, в плоде чрева твоего, в плоде скота твоего» (Втор. 28: 4, 30: 9). В других книгах Библии: «Вот наследие от Господа: дети; награда от Него — плод чрева» (Пс. 126: 3); «Благословенна Ты между женами, и благословен плод чрева Твоего!» (Лк. 1: 42). У Розанова есть: «Никогда, никогда не порадуется

священник „плоду чрева“. Никогда» («Опавшие листья», короб 1-й).

О жалости уверенно рассуждал любимый Веничкой Тургенев:

«Мне жаль самого себя, других, всех людей, зверей, птиц… всего живущего. Мне жаль детей и стариков, несчастных и счастливых… счастливых более, чем несчастных. Мне жаль победоносных, торжествующих вождей, великих художников, мыслителей, поэтов… Мне жаль убийцы и его жертвы, безобразия и красоты, притесненных и притеснителей. Как мне освободиться от этой жалости? Она мне жить не дает…» («Мне жаль…», 1878).

А вот Розанов сомневался: «Есть ли жалость в мире? Красота — да, смысл — да. Но жалость?» («Опавшие листья», короб 1-й).

У Льва Толстого есть внутренний монолог смертельно раненного Андрея Болконского:

«Сострадание, любовь к братьям, к любящим, любовь к ненавидящим нас, любовь к врагам — да, та любовь, которую проповедовал Бог на земле, которой меня учила княжна Марья и которой я не понимал; вот отчего мне жалко было жизни, вот оно то, что еще оставалось мне, ежели бы я был жив» («Война и мир», т. 3, ч. 3, гл. 27).

И позже его же мысли в госпитале:

«Да, любовь… но не та любовь, которая любит за что-нибудь, для чего-нибудь или почему-нибудь, но та любовь, которую я испытал в первый раз, когда, умирая, я увидал своего врага и все-таки полюбил его. Я испытал то чувство любви, которая есть самая сущность души и для которой не нужно предмета. Я и теперь испытываю это блаженное чувство. Любить ближних, любить врагов своих. Всё любить — любить Бога во всех проявлениях. Любить человека дорогого можно человеческой любовью; но только врага можно любить любовью божеской… Любя человеческой любовью, можно от любви перейти к ненависти; но божеская любовь не может измениться. Ничто, ни смерть, ничто не может разрушить ее. Она есть сущность души» (там же).

28.6 С. 67. *За орловского дворянина Ивана Тургенева, гражданина прекрасной Франции! —*

Тургенев родился в Орле, неподалеку от которого находилось его родовое поместье Спасское-Лутовиново; действие некоторых его произведений (например, «Записок охотника») происходит в Орловской губернии. Умер Тургенев во Франции, в которой подолгу жил из-за своего длительного романа с французской певицей Полиной Виардо.

Современник вспоминает о знакомстве с Тургеневым в середине 1860-х гг.:

«Меня до сих пор удивляет тот тон откровенности, с какой Иван Сергеевич мне, незнакомому человеку, чуть не на двадцать лет моложе его, стал говорить, как он должен будет отказаться от писательства главным образом потому, что не „свил своего собственного гнезда“, а должен был „примоститься к чужому“, намекая на свою связь с семейством Виардо. А живя постоянно за границей, он по свойству своего дарования не в состоянии будет ничего „сочинять из себя самого“. Мне и тогда такая, хотя бы и несколько „деланая“, простота скорее понравилась. <…> У сестер Хвощинских <…> я с ним провел вечер в номере гостиницы <…> за самоваром. Туда он явился очень франтоватым, в светло-сиреневых (gris perle) перчатках, которые долго не снимал, сидел за столом, тонко беседовал, но оставался слишком „барином“ с оттенком западноевропейского джентльмена» (П. Боборыкин. «За полвека. Мои воспоминания», 1906–1913).

«Прекрасная Франция» — калька с французского «Belle France»; ср. у Мандельштама: «Ко мне нанимали <…> француженок <…> и сколько я ни пытался, будучи любознателен, выведать у них

о Франции, ничего не удавалось, кроме того, что она прекрасна» («Шум времени», гл. «Бунты и француженки»).

28.7 С. 67. *…у входа в наше «купе» (назовем его «купе») выросла фигура женщины в коричневом берете, в жакетке и с черными усиками. —*

Обычно купе — это отдельный, двух- или четырехместный отсек в железнодорожном вагоне поезда дальнего следования. Однако здесь используется разговорно-казуальное значение этого слова — две трехместные скамьи пригородной электрички, стоящие друг против друга, и пространство между ними.

У Льва Толстого есть сходное описание случайной компании в поезде — с мужеподобной дамой и «коверкотом» с неестественным смехом:

«Мы ехали вторые сутки. В вагон входили и выходили едущие на короткие расстояния, но трое ехало, так же как и я, с самого места отхода поезда: некрасивая и немолодая дама, курящая, с измученным лицом, в полумужском пальто и шапочке, ее знакомый, разговорчивый человек лет сорока, с аккуратными новыми вещами, и еще державшийся особняком небольшого роста господин с порывистыми движениями, еще не старый, но с очевидно преждевременно поседев-

шими курчавыми волосами и с необыкновенно блестящими глазами, быстро перебегавшими с предмета на предмет. Он был одет в старое от дорогого портного пальто с барашковым воротником и высокую барашковую шапку. <…> Особенность этого господина состояла еще в том, что он изредка издавал странные звуки, похожие на откашливанье или на начатый и оборванный смех» («Крейцерова соната», гл. 1).

28.8 *Аппетитная приходит во время еды…* — Перифраз известной пословицы «Аппетит приходит во время еды», принадлежащей французу Жерому д'Анже, епископу Манскому (ум. 1538); широкое распространение пословица получила благодаря Франсуа Рабле: «„Аппетит приходит во время еды“, — сказал Анже Манский; жажда проходит во время пития» («Гаргантюа и Пантагрюэль», кн. 1, гл. 5). Здесь на пословицу проецируется значение эпитета «аппетитная» — вызывающая желание. Хлестаков у Гоголя говорит о жене Городничего: «А она тоже очень аппетитна, очень недурна» («Ревизор», д. 4, явл. 13). Используется не только по отношению к женщине, но и к булочке, например.

Следует заметить, что данный каламбур уже вошел в справочную литературу, где получил

надлежащий комментарий специалиста: «*Аппетитная приходит во время еды.* Некоторые говорят так, когда к компании присоединяется дама. *В. Ерофеев. Москва — Петушки*» (*Комлев Н. Г.* Словарь приговорок и метких фраз-реплик // Книжное обозрение. 1995. № 46; выделено Комлевым).

28.9 *Пусть сядет! Пусть чего-нибудь да расскажет! —*

Ситуация «разговор случайных попутчиков в вагоне» для классической литературы весьма традиционна. Здесь можно продолжить цитирование Льва Толстого, у которого в вагоне обнаруживается и дедушка, и едущий до промежуточной станции пассажир (как дедушка и внучек, едущие в Орехово-Зуево кататься на карусели), и разговоры о торговле (ср. замечание дедушки о том, что СССР весь рис увозит в Китай, а сахар — на Кубу) и о пьянках:

«Во время отсутствия господина с дамой в вагон вошли несколько новых лиц и в том числе высокий бритый морщинистый старик [ср.: дедушка у Ерофеева], очевидно купец, в ильковой шубе и суконном картузе с огромным козырьком. Купец сел против места дамы с адвокатом и тотчас же вступил в разговор с молодым человеком, по виду

купеческим приказчиком, вошедшим в вагон тоже на этой станции. <…> Купец объявил сначала о том, что он едет в свое имение, которое отстоит только на одну станцию; потом, как всегда, заговорили сначала о ценах, о торговле, говорили, как всегда, о том, как Москва нынче торгует, потом заговорили о Нижегородской ярманке. Приказчик стал рассказывать про кутежи какого-то известного обоим богача-купца на ярманке, но старик не дал ему договорить и стал сам рассказывать про былые кутежи в Кунавине, в которых он сам участвовал. Он, видимо, гордился своим участием в них и с видимой радостью рассказывал, как они вместе с этим самым знакомым сделали раз пьяные в Кунавине такую штуку, что ее надо было рассказать шепотом и что приказчик захохотал на весь вагон, а старик тоже засмеялся, оскалив два желтые зуба» («Крейцерова соната», гл. 1).

28.10 С. 67. *Она выпила…* —

Так же как у Достоевского: «Катя выпила стакан разом, как пьют вино женщины, то есть не отрываясь, в двадцать глотков» («Преступление и наказание», ч. 6, гл. 3).

29. Павлово-Посад – Назарьево

29.1 С. 67. *Назарьево —*

железнодорожная станция на магистрали Москва — Владимир.

29.2 С. 68. *«…я слышу — у вас тут такой литературный разговор, дай, думаю, и я к ним присяду, выпью и заодно расскажу, как мне за Пушкина разбили голову и выбили четыре передних зуба…»*

И она принялась рассказывать, и чудовищен был стиль ее рассказа…

— Все с Пушкина и началось. К нам прислали комсорга Евтюшкина… —

Комсорг — комсомольский организатор, то есть руководитель первичной комсомольской организации. «Прислали» — здесь: направили из центра, по партийно-комсомольской линии, для повышения производительности труда и укрепления дисциплины и сознательности, как, например, председателя Трубникова (28.4).

Фамилия комсорга на фонетическом уровне вызывает ассоциации с Евгением Евтушенко, по молодости лет воспевавшего комсомол (*Гайсер-Шнитман С.* Венедикт Ерофеев… С. 180, 181; *Левин*

Ю. Комментарий к поэме «Москва — Петушки»… С. 66, 67). Однако, кроме созвучия с его фамилией, весь рассказ Дарьи с выбитыми зубами пародирует одну из глав («Нюшка») бессмертной поэмы Евтушенко «Братская ГЭС» (1964), построенную под монолог («я расскажу») бетонщицы, работающей на строительстве ГЭС:

Я бетонщица, Буртова Нюшка.
Я по двести процентов даю.
Что ты пялишь глаза? Тебе нужно,
чтобы жизнь рассказала свою?

Нюшка ведет свой рассказ действительно «чудовищным стилем» — Евтушенко имитирует просторечный сказ. При этом сначала у Нюшки обнаруживается явный недостаток собственности и похожий на Веничкин чемоданчик:

А имущества было у Нюшки —
пара стоптанных башмаков,
да облупленный нос, да веснушки,
да неполных семнадцать годков.

Впрочем, был чемоданчик фанерный
с незаманчивым всяким тряпьем,
и висел для сохранности верной

небольшенький замочек на нем.

А затем, с приездом на стройку из центра интеллигентного вида специалиста («к нам прислали»), начинается история ее несчастной, как и у Дарьи, любви:

И летела по небу, летела,
ни бетона не видя, ни лиц,
и чего-то такого хотела,
что похоже на небо и птиц.

Но на радость мою и на горе,
над ломающей льдины водой
появился весною в конторе
интересный москвич молодой.

Был он гордый… Не пил, не ругался,
на девчонок глаза не косил.
Увлекался искусством, а галстук
и в рабочее время носил.

Далее Нюшка, чтобы понравиться приезжему, начинает читать книжки, крутит хулахуп и пьет уксус для бледности. И вот наконец с ней происходит то же, что произошло с Дарьей и Евтюшкиным:

Позабыть я себя заставляю —
никогда позабыть не смогу,
как отпраздновать Первое мая
мы поплыли на лодках в тайгу.

Пили «гымзу» под частик в томате
за любовь и за Братскую ГЭС.
Кто-то был уже в чьей-то помаде…
Кто-то с кем-то куда-то исчез…
<…>
Несся танец по имени «мамба»
и Парижей и Лондонов гул,
и шептала я: «Мамочка-мама,
хоть бы раз на меня он взглянул!»

И взглянул – в первый раз любопытно…
Огляделись – мы были вдвоем,
и, кивнув на вечерние пихты,
он устало сказал мне: «Пойдем…»

После «гневления Бога» Нюшка, натурально, понесла, о чем поспешила сообщить москвичу:

Смерил взглядом холодным и беглым
и, приемничком занят своим,

процедил: «Я, конечно, был первым,
но ведь кто-то мог быть и вторым...»

«Семилетку в четыре года!» —
бились лозунги, как всегда,
а от гадости и от горя
я бежала не знаю куда.

Я взбежала на эстакаду,
чтобы с жизнью покончить враз,
но я замерла истуканно,
под собою увидев мой Братск.

История евтушенковской Нюшки заканчивается соцреалистически: Нюшка рожает, становится матерью-одиночкой, однако ее сын как бы усыновляется Нюшкиной бригадой и ее труд продолжает вливаться в труд ее республики. О безымянном москвиче же более не упоминается. Ерофеевская Дарья ведет себя, как бы апеллируя к содержанию поэмы, парадигматически: детей у них с Евтюшкиным нет, но она все-таки интересуется, кто их будет воспитывать, поскольку в подобной «клишированной» ситуации внебрачные дети обычно рождаются, чему есть масса примеров — от поэмы «Братская ГЭС» до кино-

фильма «Москва слезам не верит».

Постоянное использование Дарьей в рассказе о своей любовной страсти выражения «а потом» (повторяется пять раз) также напоминает о Евтушенко, у которого одна из лирических героинь донимает вопросом «а что потом?» лирического героя перед тем, как они должны заняться сексом, пытаясь, как Дарья — в Евтюшкине, пробудить в партнере чувство ответственности:

Ты спрашивала шепотом:
«А что потом?
А что потом?»
Постель была расстелена,
и ты была растеряна…
<…>
и спрашивала шепотом:
«А что потом?
А что потом?»

(«Ты спрашивала шепотом…», 1957–1975)

29.3 С. 68. *…спрашивает: «Мой чудный взгляд тебя томил?» <…> «В душе мой голос раздавался?»* —

Перифраз пушкинских строк из письма Татья-

ны Лариной Евгению Онегину:

Ты в сновиденьях мне являлся,
Незримый, ты мне был уж мил,
Твой чудный взгляд меня томил,
В душе твой голос раздавался
Давно…

(«Евгений Онегин», гл. 3)

29.4 *Я ведь как Жанна д'Арк. Та тоже — нет, чтобы коров пасти и жать хлеба — так она села на лошадь и поскакала в Орлеан, на свою попу приключений искать. —*

Жанна д'Арк (ок. 1412–1431) — народная героиня Франции, лидер французского освободительного движения против англичан во времена Столетней войны (1437–1453). Родилась в крестьянской семье в Лотарингии, в 1429 г. возглавила французскую армию и освободила от англичан Орлеан, после чего получила прозвище Орлеанская дева; в 1430 г., фактически преданная монархической верхушкой Франции, опасавшейся стремительного роста ее популярности в народе, попала в плен к бургундцам (в то время — союзникам англичан). Обвинена церковным судом в Руане в колдовстве и ереси и 5 мая 1431 г. сожжена на

костре. Посмертно (в 1456 г.) реабилитирована, в 1920 г. — канонизирована. Личность и образ Жанны д'Арк привлекали многих деятелей литературы и искусства. Широко известны пьесы Шиллера «Орлеанская дева» (1801) и Бернарда Шоу «Святая Иоанна» (1923), опера Чайковского «Орлеанская дева» (1879); в трагикомическом контексте образ Жанны д'Арк дается в широко известной «Орлеанской девственнице» (1735) Вольтера.

В качестве источника комментируемого пассажа («поскакала в Орлеан») можно отметить следующие строки из стихотворения Михаила Светлова:

Барабана тугой удар
Будит утренние туманы, —
Это скачет Жанна д'Арк
К осажденному Орлеану.

(«Рабфаковке», 1925)

Постоянные апелляции к этой исторической личности в классической и современной литературе встречаются регулярно. Например, у Льва Толстого Пьер Безухов интересуется у Жюли Курагиной, почему она уезжает из Москвы, хо-

тя Наполеон непосредственно столице еще не угрожает:

«– Отчего же вы едете?

— Я? Вот странно. Я еду, потому… ну потому, что все едут, и потом я не Иоанна д'Арк и не амазонка» («Война и мир», т. 3, ч. 2, гл. 17).

Или еще: «За завтраком, во время дружеского поедания луковицы, вынес поселенец Заслонов свое бедственное положение на всенародное обсуждение. Выслушала его Авдотьевна и, почувствовав себя Жанной д'Арк, воскликнула: — На фронт! Только на фронт!!!» (А. Антонович. «Многосемейная хроника», 1980). А вот восклицание одной из лирических героинь Ахматовой: «С дымом улететь с костра Дидоны, / Чтобы с Жанной на костер опять» («Последняя роза», 1962).

29.5 С. 68. *«А кто за тебя детишек будет воспитывать? Пушкин, что ли?» —*

Переложение ответственности за какой-либо поступок или действие на Пушкина как на лицо, не имеющее к нему никакого отношения, — традиционная речевая фигура в разговорном русском языке, рожденная, видимо, благодаря тому, что портреты Пушкина висели в советские времена в самых подходящих (библиотеки, читальни) и неподходящих (вокзалы, буфеты,

парикмахерские) местах и в случае чего всегда можно было указать на него рукой. Здесь вспоминается Никанор Иванович Босой из Булгакова:

«Никанор Иванович до своего сна совершенно не знал произведений поэта Пушкина, но самого его знал прекрасно и ежедневно по несколько раз произносил фразы вроде: „А за квартиру Пушкин платить будет?“ или „Лампочку на лестнице, стало быть, Пушкин вывинтил?“, „Нефть, стало быть, Пушкин покупать будет?..“» («Мастер и Маргарита», ч. 1, гл. 15).

29.6 *Перестань высекать огонь из души человека! —*

По указанию Ю. Левина, это искаженная цитата из письма Бетховена Беттине Брентано (август 1812 г.): «Музыка должна высекать огонь из мужественной души» (*Левин Ю.* Комментарий к поэме «Москва — Петушки»… С. 66).

29.7 *Я его ненавидела в эти минуты, так ненавидела, что в глазах у меня голова кружилась. А потом — все-таки ничего, опять любила… —*

Эмоции и поведение Дарьи сходны с характером неуравновешенных героинь Достоевского:

«Она требовала настойчиво, неумолимо, точно была в припадке. Маврикий Николаевич растол-

ковывал <…> такие капризные порывы ее <…> вспышками слепой к нему ненависти, и не то чтоб от злости, — напротив, она чтила, любила и уважала его, и он сам это знал, — а от какой-то особенной бессознательной ненависти, с которою она никак не могла справиться минутами» («Бесы», ч. 2, гл. 5).

«Из-под беспрерывной к вам ненависти, искренней и самой полной, каждое мгновение сверкает любовь… и безумие… самая искренняя и безмерная любовь и безумие! Напротив, из-за любви <…> тоже искренно, каждое мгновение сверкает ненависть, — самая великая!» (ч. 2, гл. 6).

А это уже говорит мужской персонаж Достоевского: «Я на эту [женщину, Катерину Ивановну] глядел тогда секунды три или пять со страшной ненавистью — с той самой ненавистью, от которой до любви, до безумнейшей любви — один волосок» («Братья Карамазовы», ч. 1, кн. 3, гл. 4).

Достоевскому вторил Сологуб:

> *<…> Но мы – народ особый,*
>
> *И русская любовь, как наша степь, дика:*
>
> *У нас любовь смешать нетрудно и со*

злобой.

(«Кремлёв», 1890; строфа XVIII)

29.8 С. 68. *…Господа Бога твоего не искушай!* — В Новом Завете: «Иисус сказал ему [дьяволу]: написано также: не искушай Господа Бога твоего» (Мф. 4: 7); «Иисус сказал ему в ответ: сказано: не искушай Господа Бога твоего» (Лк. 4: 12). В Ветхом Завете Моисей призывает израильтян: «Не искушайте Господа, Бога вашего, как вы искушали Его в Массе» (Втор. 6: 16), а также: «Прежде, нежели начнешь молиться, приготовь себя, и не будь как человек, искушающий Господа» (Сир. 18: 23); «И сказал Ахаз: не буду просить и не буду искушать Господа» (Ис. 7: 12).

29.9 С. 69. *…я ему вот что тогда заорала: «Уходи от меня, душегуб, совсем уходи! Обойдусь! Месяцок поблядую и под поезд брошусь! А потом пойду в монастырь и схиму приму! Ты придешь прощенья ко мне просить, а я выйду во всем черном, обаятельная такая, и тебе всю морду исцарапаю, собственным своим кукишем! Уходи!!»* —

Комплексная реминисценция на литературную классику: 1) «Анну Каренину» Толстого, в которой героиня изменяет мужу с молодым графом Вронским, то есть «блядует», а затем от

отчаяния бросается под поезд; 2) «Дворянское гнездо» Тургенева, где героиня, Лиза Калитина, в финале после разрыва с Лаврецким уходит в монастырь, а затем — «обаятельная такая» — появляется перед Лаврецким:

«– Я… я хочу… — Лиза спрятала свое лицо на груди у Марфы Тимофеевны [своей тети]… — Я хочу идти в монастырь <…> Не удерживайте меня, не отговаривайте, помогите мне, не то я одна уйду…

<…>

— Да ведь ты не знаешь, голубушка ты моя <…> какова жизнь в монастырях! Ведь тебя, мою родную, маслищем конопляным зеленым кормить станут, бельице на тебя наденут толстое-претолстое <…> И кто ж это видывал, чтоб из-за эдакой из-за козьей бороды, прости господи, из-за мужчины в монастырь идти? Ну, коли тебе так тошно, съезди, помолись угоднику, молебен отслужи, да не надевай ты черного шлыка на свою голову, батюшка ты мой, матушка ты моя…

<…>

Лаврецкий прожил всю зиму в Москве, а весною следующего года дошла до него весть, что Лиза постриглась в Б……м монастыре, в одном из отдаленнейших краев России. <…> Говорят, Лаврецкий посетил тот отдаленный монастырь,

куда скрылась Лиза, — увидел ее. Перебираясь с клироса на клирос, она прошла близко мимо него, прошла ровной, торопливо-смиренной походкой монахини — и не взглянула на него; только ресницы обращенного к нему глаза чуть-чуть дрогнули, только еще ниже наклонила она свое исхудалое лицо — и пальцы сжатых рук, перевитые четками, еще крепче прижались друг к другу. Что подумали, что почувствовали оба? Кто узнает? Кто скажет? Есть такие мгновения в жизни, такие чувства… На них можно только указать — и пройти мимо» («Дворянское гнездо», эпилог).

Возможна также реминисценция слов Хромоножки из Достоевского: «Ну, я так и предчувствовала, что они опять монастырь предложат! Эка невидаль мне ваш монастырь! Да и зачем я в него пойду, с чем теперь войду? Теперь уж одна-одинешенька! Поздно мне третью жизнь начинать» («Бесы», ч. 2, гл. 2); а также других неистовых и «блядующих» героинь Достоевского — Настасью Филипповну Барашкову: «Иль разгуляться с Рогожиным, иль завтра же в прачки пойти» («Идиот», ч. 1, гл. 15) и Грушеньку («Братья Карамазовы»). Логично вспомнить и шекспировскую Офелию, которую превратности любви и

жестокая действительность также заставляют смотреть в сторону монастыря: «[Гамлет:] Уйди в монастырь; к чему тебе плодить грешников?» («Гамлет», акт 3, сц. 1).

Ситуация «мать-одиночка бросается под поезд» встречается не только в русской прозе, но и в поэзии, например у Блока:

Встала в сияньи. Крестила детей.
И дети увидели радостный сон.
Положила, до полу клонясь головой,
Последний земной поклон.
<…>
Мамочке не больно, розовые детки.
Мамочка сама на рельсы легла.
<…>
Мамочке хорошо. Мама умерла.

(«Из газет», 1903)

У Блока же есть и другой образ женщины-самоубийцы:

Под насыпью, во рву некошеном,
Лежит и смотрит, как живая,
В цветном платке, на косы брошен-

ном,
Красивая и молодая.
<…>
Не подходите к ней с вопросами,
Вам все равно, а ей – довольно:
Любовью, грязью иль колесами
Она раздавлена – все больно.

(«На железной дороге», 1910)

29.10 С. 69. *«Ты хоть душу-то любишь во мне? Душу — любишь?» <…> «Сердцем… люблю твою душу, но душою — нет, не люблю!!» —*

Хотя перед нами очередной образчик словоблудия, однако в нем есть определенная логика, восходящая, например, к такому тексту: «При умножении скорбей моих в сердце моем, утешения Твои услаждают душу мою» (Пс. 93: 18–19).

29.11 *Владимир-на-Клязьме —*

областной центр в 150 км к востоку от Москвы, расположен на реке Клязьме. Официально называется просто Владимир; Дарьей обозначен как «Владимир-на-Клязьме» по аналогии с Ростовом-на-Дону (см. 29.13). В местном педагогическом институте в 1961–1962 гг. учился Венедикт Ерофеев, по случаю чего на здании института в 1995 г.

была вывешена мемориальная доска.

29.12 *…бабушка моя, глухонемая, с печки мне говорит: «Вот видишь, как далеко зашла ты, Дашенька, в поисках своего „я“!» —*

У Достоевского Варвара Петровна Ставрогина уговаривает свою воспитанницу Дарью, сестру Шатова, выйти замуж по расчету:

«– Дарья <…> ничего у тебя нет особенного, о чем бы хотела бы ты сообщить? <…> На душе, на сердце, на совести?

— Ничего, — тихо, но с какою-то угрюмою твердостию повторила Даша.

— Так я и знала! Знай, Дарья, что я никогда не усомнюсь в тебе. <…> Слушай, — хочешь замуж? <…> Ты не думай, что я по глупости сейчас сбрендила; я понимаю, что говорю. Я эгоистка, будь и ты эгоисткой. Я ведь не неволю, как скажешь, так и будет. <…>

— Мне ведь все равно, Варвара Петровна, если уж непременно надобно замуж выйти, — твердо проговорила Даша.

— Непременно? Ты на что намекаешь? — строго и пристально посмотрела на нее Варвара Петровна. <…> — Ты хоть и умна, но ты сбрендила. <…> Дура ты! — накинулась она на нее, как ястреб, — дура неблагодарная! Что у тебя на уме? <…>

Дура, дура, все вы дуры неблагодарные!» («Бесы», ч. 1, гл. 2).

29.13 *Ростов-на-Дону* —

крупный областной центр в юго-восточной части европейской территории России. Река, на которой он расположен, включается в название, чтобы избежать путаницы с Ростовом Великим, расположенным к северу от Москвы.

29.14 *…по путевке комсомола…* —

Путевка комсомола — разговорное название официального документа, выдававшегося членам ВЛКСМ при направлении их на работу на крупнейшие стройки СССР: «Десятки тысяч юношей и девушек по призыву партии с путевками комсомола направлялись в необжитые места, на новостройки Урала, Кузбасса, Донбасса, Дальнего Востока и Средней Азии. <…> К концу 1956 года на эти новостройки по путевкам комсомола прибыло более 200 тысяч юношей и девушек» (История КПСС. М., 1973. С. 412–413, 582).

29.15 *Если он приехал в Ростов и все еще живой, значит он где-нибудь в Средней Азии.* —

Не такой уж и абсурд, если учесть, что выражение «выехать в Ростов» имеет в русском речевом обиходе с 1771 г. значение «умереть» (*Ашукин*

Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова. М., 1996. С. 159).

29.16 С. 69. *В Средней Азии не умрешь, в Средней Азии можно прожить. Сам я там не был…* —

На начало 1970 г. писатель Венедикт Ерофеев действительно еще не был в Средней Азии: он будет работать в паразитологических экспедициях в Узбекистане и Таджикистане в 1974 г. (*Ерофеев В.* Оставьте мою душу в покое: Почти все. М., 1995. С. 31).

29.17 *…мой друг Тихонов…* —

Имеется в виду Вадим Тихонов (см. 3.1).

29.18 *…кишлак… кизяками печку топят…* —

Кишлак — деревня, небольшое селение в Средней Азии. Кизяк — здесь: прессованный в форме кирпичей сушеный навоз; используется в Средней Азии как топливо для домашних печей.

29.19 *…выпить ничего нет…* —

Во-первых, потому, что жарко и масса проблем с водой; во-вторых, потому, что, несмотря на советскую власть, в среднеазиатских республиках полуподпольно проповедовался ислам, известный своим запретом употребления алкоголя; в-третьих, проблемы с продовольственным

снабжением, включая поставки спиртного, в советское время испытывали все без исключения территории СССР.

29.20 *…акыны, саксаул…* —

Акын — народный певец и автор песен в Средней Азии. Саксаул — род низкорослых древесных растений, произрастающих в пустыне.

29.21 *Так он там и питался почти полгода: акынами и саксаулом. И ничего — приехал рыхлый и глаза навыкате…* —

Помимо чисто бытовой реалии — нехватки продуктов в советских среднеазиатских республиках, — возможно также наслоение новозаветных деталей из истории об Иоанне Крестителе, проповедовавшем в пустыне Иудейской: «Сам же Иоанн имел одежду из верблюжьего волоса и пояс кожаный на чреслах своих; а пищею его были акриды и дикий мед» (Мф. 3: 4; см. также Мк. 1: 6).

29.22 — *А в Сибири — нет, в Сибири не проживешь. В Сибири вообще никто не живет…* —

Сибирь как point of reference в дискурсе Венички полностью соответствует ее идеолого-культурологической функции в сознании советского человека 1960-х гг.:

«Сибирь была уже квинтэссенцией Севера. Она лежала не у пределов культурного мира, а вне его. <…> Тут пространство теряло определенность и превращалось в абстракцию. <…> Сибирь служила не столько источником реальной пользы, сколько родником поэтических метафор. Она привила российской душе страсть к гиперболе <…> никто толком не знал, что делать с этой громадой. Добывать лес, меха, золото? Ссылать каторжников? И это, конечно. Но главное заключалось в идее пространства. В России реальная нужда никогда не заменяла потребности в метафизике. Все в Сибири должно было соответствовать ее размерам — тайга, медведи, даже сибирская язва. И конечно, люди. <…> Старинный миф о России [к рубежу 1950–1960-х гг.] наполнился новым содержанием. Лозунг, родившийся в недрах разворошенного советского общества, теперь звучал так: „Правда живет в Сибири“. <…> Эпоха требовала, чтобы величие Сибири соответствовало великим порывам <…> туда отправились землепроходцы, энтузиасты, строители будущего. <…> Поезда шли в Сибирь, в страну подвигов и правды, в землю героев и славы. От московских вокзалов рельсы вели в светлое будущее» (*Вайль П., Генис А.* 60-е: Мир

советского человека. Анн-Арбор, 1988. С. 70, 72).

Нетрудно заметить, что в выступлении Венички данная официальная, «метафизическая» оценка Сибири как объекта приложения народного энтузиазма последовательно отрицается: энтузиасты и правда заменяются на негров, мифическим богатствам края противопоставляется отсутствие продуктов в магазинах, да и поезд Венички идет от московского вокзала хотя и на восток, но не в абстрактную Сибирь и не в «светлое будущее народа», а всего лишь в скромные, приватные Петушки, к отнюдь не радужному будущему героя. В истории же с превращением Сибири в коммунистический рай сама жизнь «посрамила» расчеты партийных бонз:

«То, что в Сибири Братскую ГЭС построили, а коммунизм — нет, озадачило поколение 60-х. <…> Когда скучные люди, которых интересуют цифры, а не романтика, стали искать причины, выяснилось, что коммунизм опять строили неправильно. Что к 1964 году население Сибири не увеличилось, а уменьшилось. <…> Эпоха 60-х распростилась еще с одним идеалом» (Там же. С. 74).

29.23 С. 69. *В Сибири вообще никто не живет, одни только негры живут. —*

Гайсер-Шнитман считает, что здесь «негры» — это рабы, политзаключенные советских сибирских лагерей (*Гайсер-Шнитман С.* Венедикт Ерофеев… С. 182). У Розанова опять же есть оригинальное наблюдение: «…право, русские напоминают собою каких-то арабов, странствующих по своей земле» («Опавшие листья», короб 1-й).

Ситуация «негры, живущие в неестественных географических условиях» встречается у Фазиля Искандера:

«Пусть они на меня не обижаются, но у некоторых наших руководителей (местных, конечно) есть плохая привычка.

Чуть появится в наших краях [в Абхазии, на Северном Кавказе] какой-нибудь негритянский деятель, так тот, можно сказать, не успеет с трапа ступить на землю, как они ему говорят:

— А вы знаете, у нас свои негры есть?

В самом деле, у нас с незапамятных времен живут в селе Адзюбжа несколько негритянских семей. Ну, живут, живут. Раньше как-то никто на это внимание не обращал. Даже и теперь неизвестно, как они к нам попали. Наверное, множество столетий прошло с тех пор. Одним словом, никто не знает» («Сандро из Чегема», кн. 2, гл. 19).

А вот другие вариации на тему «негры и Россия» у Пильняка:

«Я был в другой американо-негритянской школе, около Нью-Орлиенс. Нас встретил учитель-негр. Я протянул ему руку. Учитель растерялся, он отдернул было свою руку, затем крепко и чуть-чуть истерически мою руку сжал обеими своими руками. Ему, учителю, в первый раз в жизни белый человек подал руку! <…> Есть в России поэт, судьба которого предопределяет судьбу всей русской литературы. Имя этого поэта Александр Сергеевич Пушкин. Этого русского гения почти не знают не-русские литературы, он не вошел, подобно Толстому и Достоевскому, в мировое искусство. В той негритянской школе, куда меня возили профессора <…> на стене я видел портрет Александра Сергеевича. Два народа в мире чтут Пушкина своим гением — русские и негры. И негры чтут Пушкина по праву. <…> Но Пушкину, если б он жил до сих пор и если б он сейчас приехал в Америку, — ему не подали б руки, потому что человек, имевший дедом негра, по американским понятиям, — не человек!» («О'кэй», 1932).

29.24 С. 70. *Житомир* —

областной центр на Украине. В контексте ерофеевской прозы уместно напомнить, что в

Житомире некоторое время жил и работал Саша Черный.

29.25 — *Был в Штатах! И не видел там никаких негров!* —

Ироническая полемика с постоянными пропагандистскими выступлениями партийных идеологов в защиту бесправного положения негров в США. Это заявление в историческом контексте звучит весьма полемично, так как конец 1960-х гг. в США был ознаменован мощными выступлениями негров, о чем регулярно сообщали советские газеты: «Массовые выступления негритянского населения США» (Правда. 1969. 4 сентября) и т. п.

«Негры из Штатов» в российском контексте встречаются у поэтов, например у Маяковского: «Как будто не ночь и не звезды на ней, / а плачут над Лениным негры из Штатов» («Владимир Ильич Ленин», 1924).

29.26 *…юный Митрич… то и дело сплевывал какой-то мочой поперек затылка…* —

Бахтин учил: «Не забудем, что моча (как и кал) — это *веселая материя*, одновременно снижающая и улегчающая, превращающая *страх* в смех» (*Бахтин М.* Творчество Франсуа Рабле и

народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1990. С. 370). См. также 31.15.

29.27 *…я вам верю, как родному…* —

Речевая фигура «как родному» используется при желании говорящего убедить собеседника в предельно высокой степени доверия к нему; у Ильфа и Петрова Паниковский говорит: «Вам, Шура, я все скажу как родному» («Золотой теленок», ч. 2, гл. 20).

29.28 С. 70. *…свободы там тоже не было и нет?.. свобода так и остается призраком на этом континенте скорби?* —

Аллюзия на начало «Манифеста коммунистической партии» Карла Маркса: «Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма».

А вот традиционный советский дискурс: «В одном из величайших произведений Маркса и Энгельса, в „Манифесте коммунистической партии“, сказано: „Призрак бродит по Европе — призрак коммунизма“. Теперь трудящиеся и угнетенные всего мира видят, что коммунизм уже не призрак. На одной шестой части света осуществлена первая фаза коммунизма — социализм и совершается переход от социализма к коммунизму» (Речь тов. Николаевой на XVIII

съезде ВКП(б) // XVIII съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1939. С. 350).

«Континентом скорби» же в советской прессе обычно называлась не Северная Америка, а Африка, где местное черное население страдало от белых поработителей, голода и эпидемий. Вот один из таких примеров: «Черный континет. Великий континент… Континент скорби и гнева, борьбы и побед… <…> Африканский континент» (Огонек. 1966. 22 мая).

29.29 — *Да, — отвечал я ему, — свобода так и остается призраком на этом континенте скорби, и они так к этому привыкли, что почти не замечают. —*

Пародируется стандартное положение советской идеологии о «привычном» отношении советских граждан к благам социализма. В общем контексте описания Веничкиного путешествия по Европе хочу привести следующий пассаж из интервью токаря московского завода «Красный пролетарий»:

«На многое, данное революцией, мы ведь смотрим сейчас уже как на обыкновенное — привыкли. Это я и к себе отношу. Прожил 41 год — конечно, старых порядков я не видел. А вот как приехал туристом в Неаполь да походил там

по улицам, поглядел на безработных, на нищих, на детишек-попрошаек, что выклянчивают не сувениры, а реальную денежку, так многое тогда заново передумал. На юге Италии не поверили, что я рабочий. Слишком, говорят, дорога такая поездка для рабочего. Отвечаю: денег бы хватило у меня и своих, зарабатываю я все-таки немало, 250 рублей в месяц, но, что правда, то правда, — часть моей путевки оплачена заводом. А они опять не верят. Не может быть, говорят, зачем же заводу платить за ваше путешествие, какая ему от этого выгода?.. Попробуй-ка объясни там, в том мире, про нашу жизнь!» (Известия. 1968. 21 сентября).

29.30 *У них — я много ходил и вглядывался… <…> «Отчего бы это?» — думал я… —*

Имитация традиционного стиля очерка на зарубежные темы советских журналистов, работавших в капиталистических странах, в том числе в США; вот фрагмент заметки из «Правды»:

«Полтора месяца путешествовал я по Соединенным Штатам. Летал над ними из конца в конец. Колесил по восьмиструнным американским дорогам. <…> Шагал, продираясь сквозь густую торопливую толпу, по каменным ущельям городов, среди пластмассовых, алюминиевых, бронзовых,

мраморных небоскребов и по гниющим заживо кварталам гетто. И непрестанно думал: куда же она мчится, эта беспокойная Америка? О, как она торопится жить и зарабатывать доллары» (23 марта 1969 г.).

В американских стихах Евтушенко есть подобные места: «По Америке хожу, / будто по ножу. <…> В куче — / стриты, небоскребы…» («Под кожей статуи Свободы», 1968); и в парижских заметках Маяковского тоже: «Хожу по улицам. Стараюсь понять схему парижского дня, найти истоки золота, определить размеры богатства» («Париж (Записки Людогуся)», гл. «Схема Парижа», 1922).

29.31 *…у них ни в одной гримасе, ни в жесте, ни в реплике нет ни малейшей неловкости, к которой мы так привыкли. На каждой роже изображается в минуту столько достоинства…* —

У Пильняка есть наблюдение:

«Совершенно естественно, что во всех странах люди иной раз сходят с ума, и в Америке в частности. В заболеваниях манией-грандиозой русские начинают представлять себя Петром Великим или Буденным, французы — папою Пием или Наполеоном, немцы — Бетховеном, англичане — Шекспиром, про которого никто ничего не знает. Американцы ж, сходя с ума, представляют себя

миллиардерами, Рокфеллерами, долларщиками» («О'кэй», 1932).

29.32 С. 70. *...на всю нашу великую семилетку. —*

Великая семилетка — семилетний план развития народного хозяйства СССР на 1959–1965 гг., принятый в 1959 г. на XXI съезде КПСС после внесений существенных корректив в шестой пятилетний план (шестую пятилетку — 1956–1960 гг.). Как известно, советское народное хозяйство было плановым, и этапы его развития ограничивались пятью годами (отсюда — «пятилетка»); первый пятилетний план в СССР приходится на 1929–1932 гг. Семилетка в советской истории была только одна — она включила в себя два заключительных года шестой пятилетки и всю седьмую пятилетку. В официальной литературе записано:

«Главная задача утвержденной съездом семилетки состояла в дальнейшем мощном подъеме всех отраслей экономики на базе преимущественного роста тяжелой индустрии, значительном усилении экономического потенциала страны, с тем чтобы обеспечить непрерывное повышение жизненного уровня народа. <...> 1965 год — последний год семилетки — прошел под знаком высокой творческой активности и плодотворной

деятельности партии, народа» (История КПСС. М., 1973. С. 608, 633).

См. также цитату из Евтушенко (29.2).

29.33 *«Отчего бы это?» — думал я и сворачивал с Манхеттена на 5-ю авеню… —*

Манхэттен — остров и одноименный район в центре Нью-Йорка. 5-я авеню — одна из главных улиц на Манхэттене.

Современникам Ерофеева и его Венички для изучения географии Нью-Йорка необязательно было ехать в этот город — маршруты передвижения по Нью-Йорку можно без особого труда отыскать в советской литературе и прессе, например у Маяковского:

«Запутаться в Нью-Йорке трудней, чем в Туле. На север с юга идут авеню, на запад с востока — стриты. 5-я авеню делит город пополам на Вест и Ист. Вот и все. Я на 8-й улице, угол 5-й авеню, мне нужна 53-я, угол 2-й, значит пройди 45 кварталов и сверни направо, до угла 2-й» («Мое открытие Америки», 1925–1926).

У Ильфа и Петрова:

«Заблудиться в Нью-Йорке трудно, хотя многие улицы удивительно похожи друг на друга. Секрет прост. Улицы делятся на два вида: продольные — авеню и поперечные — стриты. Так расплани-

рован остров Манхэттен. Параллельно друг другу идут Первая, Вторая и Третья авеню. Дальше, параллельно им — Лексингтон-авеню, Четвертая авеню, продолжение которой от Центрального вокзала носит название Парк-авеню (это улица богачей), Медисон-авеню, торговая красивая Пятая авеню, Шестая, Седьмая и так далее. Пятая авеню делит город на две части — Восток и Запад. Все эти авеню (а их немного) пересекают стриты, которых несколько сот. И если авеню имеют какие-то отличительные признаки (одни шире, другие уже, над Третьей и Седьмой проходит надземка, на Парк-авеню посредине разбит газон, на Пятой авеню высятся „Импайр-стейт-билдинг“ и „Радио-сити“), то стриты совсем уже схожи друг с другом и их едва ли может отличить по внешним признакам даже старый нью-йоркский житель» («Одноэтажная Америка», 1937).

У Пильняка:

«На Манхэттене десять авеню (авеню — это по-русски перевести — аллея!), идущих вдоль города, и без малого триста стрит (по-русски — улица), пересекающих город. На этих десяти аллеях четыре аллеи имеют вторые этажи, по которым ежеминутно мчат электрические поезда, мчат, сотрясая улицы и мозг, с воем и скрежетом.

<…> Нью-Йорк похож на Вавилон. Нью-Йорк — нечеловечески-грандиозный город, нечеловеческий, зловещий, поразительная конструкция. <…> Если идти по улицам Нью-Йорка (идти или ехать в авто, по вторым этажам улиц, в собвеях), Нью-Йорк — ужасный город, ужаснейший в мире, безразлично, на Парк-авеню или на Баури» («О'кэй», 1932).

У Ильфа (без Петрова):

«Что-то сердце у меня болит в Нью-Йорке. Ем очень много, наверно, от этого. <…> Рядом Пятая авеню и сейчас же Эмпайр-билдинг. К нему привыкнуть нельзя. Хожу вокруг него, хожу и что-то бормочу все время. <…> Сейчас в Нью-Йорке красиво. <…> Только весь день впечатление, что закат. Дома такие высокие, что солнечный свет только наверху. И с утра уже закат. Наверное, от этого мне грустно…» («Письма из Америки», 1935–1936).

У Виктора Некрасова:

«Манхэттен разбит на клеточки. Вдоль всего острова с севера на юг идут авеню (их четырнадцать, если не считать двух набережных), поперек, с востока на запад, под прямым углом к авеню двести двадцать улиц — „стрит“. (Наш отель находился на углу 7-й авеню и 31-й стрит)»

(«В Америке», 1962).

У корреспондента «Правды» Бориса Орехова:

«На Седьмой авеню, в соседнем с „Мэдисон-сквер-гарден“ доме расположилась городская контора управления труда штата Нью-Йорк. Мое появление там произвело настоящий переполох. <…> На следующий день я поехал в Южный Бронкс, на 149-ю улицу. Здесь должно находиться одно из двадцати с лишним городских бюро, ведающих наймом на работу. У пересечения с Кортланд-авеню стоит нужный мне дом» (Правда. 1969. 2 июня).

И много еще у кого.

29.34 С. 70. *Я застывал посреди авеню, чтобы разрешить мысль: «В мире пропагандных фикций и рекламных вывертов…» —*

Апелляция к поэтике поэта-путешественника Евтушенко, посетившего множество стран, в том числе Италию:

Я замирал, и сквозь рекламы,
как будто сквозь игривый грим,
облезлой львиной гривой драмы
ко мне проламывался Рим.

(«Римские сцены», 1965)

Мотив «разрешения мысли» — см. 39.9.

29.35 *Я шел в Гарлем…* —

Гарлем — бедный негритянский район Нью-Йорка, расположен на северо-востоке Манхэттена. Узнать о том, как попасть в Гарлем, можно было без труда из советских газет времен «Москвы — Петушков»: «Чтобы попасть в Колумбийский университет, надо сойти на остановке 125-я улица, Ленокс-авеню, в самом центре Гарлема» (Правда. 1968. 18 апреля).

Здесь опять пародируется традиционный для советской публицистики жанр путевых заметок, благодаря которым основная масса населения могла «пройтись» по улицам американских городов. Естественно, прогулки совершались идеологически надежными журналистами и, естественно, по районам бедноты, в том числе и негритянской. Так, в конце 1969 г. «Правда» опубликовала путевые заметки Бориса Стрельникова и Ильи Шатуновского, которые повторили в США маршрут путешествия Ильфа и Петрова. В частности, в этих заметках можно было прочитать:

«Мы шли по Холмстэд-стрит, одной из главных улиц негритянского района [Чикаго], и поражались нищете, запущенности, какой-то мрачной безысходности, которая давила на эти бедные

кварталы. Рай остался за нашей спиной у подножия небоскребов. <…> Чувство обреченности и тоски не отпускало нас до самого кинотеатра „Кэпитол“, где в этот день собрался митинг» (Правда. 1969. 20 октября).

29.36 *Игрушки идеологов монополий…* —

То есть пролетариат или, шире, все здравомыслящие граждане капиталистических стран. Критика американского общества русской интеллигенцией началась еще в дореволюционную эпоху. Горький, например, был недоволен положением человека в Америке:

«Это — город, это — Нью-Йорк. На берегу стоят двадцатиэтажные дома, безмолвные и темные „скребницы неба“. Квадратные, лишенные желания быть красивыми, тупые, тяжелые здания поднимаются вверх угрюмо и скучно. В каждом доме чувствуется надменная кичливость своею высотой, своим уродством. В окнах нет цветов и не видно детей… Издали город кажется огромной челюстью, с неровными, черными зубами. Он дышит в небо тучами дыма и сопит, как обжора, страдающий ожирением. Войдя в него, чувствуешь, что ты попал в желудок из камня и железа, — в желудок, который проглотил несколько миллионов людей и растирает

и переваривает их. Улица — скользкое, алчное горло, по нему куда-то вглубь плывут темные куски пищи города — живые люди. Везде — над головой, под ногами и рядом с тобой — живет, грохочет, торжествуя свои победы, железо. Вызванное к жизни силой Золота, одушевленное им, оно окружает человека своей паутиной, глушит его, сосет кровь и мозг, пожирает мускулы и нервы и растет, растет, опираясь на безмолвный камень, все шире раскидывая звенья своей цепи. <…> Люди, маленькие, черные, суетливо бегут мимо монументов, и никто не бросит взгляда на лицо героя. Ихтиозавры капитала стерли из памяти людей значение творцов свободы» («В Америке», 1906).

Словосочетание «идеологи монополий» — из инструментария их идейных противников, например: «Пропагандируя лживую теорийку об „активном влиянии“ рабочего класса на экономическую жизнь буржуазного общества, идеологи монополий ссылаются на некоторые мероприятия, осуществляемые буржуазным государством с участием рабочих представителей» (*Баглай М. В.* Антирабочая сущность буржуазной «хозяйственной демократии» //Советское государство и право. 1964. № 1).

А вот типичные заголовки и формулы советской прессы: «Политика монополий ведет к росту безработицы» (Правда. 1969. 2 февраля), «Отражая натиск монополий» (Правда. 1969. 1 сентября), «Против диктата монополий» (Правда. 1969. 5 сентября), «Монополии шантажируют» (Правда. 1969. 3 ноября); «Они [коммунисты США] активно поддерживают борьбу рабочего класса и профсоюзов, негритянского народа, молодежи за свои жизненные интересы, против гнета и засилия монополий» (Правда. 1969. 1 сентября).

29.37 С. 70. *…марионетки пушечных королей…* —

То есть безропотные исполнители воли владельцев крупных военно-промышленных комплексов Запада. Веничка называет «марионетками пушечных королей» тех же, кого он назвал чуть выше «игрушками идеологов монополий», то есть рядовых граждан капиталистических стран, и демонстрирует при этом неприятие сформировавшегося в 1950–1960-е гг. нового значения газетного клише «марионетка». Дело в том, что к концу 1960-х гг. рабочий класс западных стран уже не принято было обзывать «марионетками», и этот «кукольный» термин стал использоваться только для критики проамериканских режимов

в странах третьего мира. Например, на конец 1960-х гг. приходится активная критика советской пропагандой «марионеточного», то есть управляемого США, режима в Южной Корее; вот, к примеру, название заметки о поддержке Японией антинародного режима Пак Чжон Хи — «Поддерживают марионетку» (Правда. 1969. 2 сентября), а вот и другие заголовки идентичных по содержанию заметок: «Фарс марионеток» (Известия. 1967. 5 мая), «Милитаристский угар сеульских марионеток» (Правда. 1969. 12 ноября).

Что касается «пушечных королей», то так в советской науке и прессе называли хозяев крупнейших западных компаний, производивших оружие и военную технику, например семейство Крупов.

Вот типичный случай употребления этого термина:

«Если во всех войнах XVII в. было уничтожено 3300 тыс. человек, в XVIII в. — 5372 тыс. человек, в XIX в. — 16 млн, то в XX в. только за две войны, развязанные германскими империалистами и империалистами других стран, человечество заплатило 60 млн жизней. За это в первую очередь несут ответственность фашистские государства, подлинные хозяева внешней и внутренней

политики империалистических стран — руководители монополий, пушечные короли и банкиры» (*Волков Ф.* За кулисами Второй мировой войны. М., 1985).

29.38 *…откуда у них такой аппетит? Жрут по пять раз на день, и очень плотно, и все с тем же бесконечным достоинством — а разве вообще может быть аппетит у хорошего человека, а тем более в Штатах!.. —*

В советское время пресса и литература изобиловали такими «гастрономическими» заметками:

«Огромные ассигнования на финансирование вьетнамской войны, а также на другие военные цели <…> съедают те средства, которые могли бы и должны были использоваться для решения острых социальных проблем Америки, в том числе проблем нищеты и голода. По официальным данным, от 10 до 20 миллионов американцев постоянно живут в голоде или имеют явно недостаточное питание» (Правда. 1969. 27 июня).

Вообще об аппетите и дневном рационе американцев писали практически все русские литераторы, побывавшие хотя бы однажды в США. Маяковский писал об этом и в прозе:

«Завтрак. Каждый [американец] завтракает в зависимости от недельной зарплаты. <…> Как ест

рабочий? Плохо ест рабочий. Многих не видел, но те, кого видел, даже хорошо зарабатывающие, в пятнадцатиминутный перерыв успевают сглодать у станка или перед заводской стеной на улице свой сухой завтрак» («Мое открытие Америки», 1925–1926);

и в стихах:

Вашингтон.
Фермеры,
доевшие,
допившие
до того,
что лебедками подымают пузы…

(«Сволочи», 1922)

Дальше — из Пильняка:

«Дома они [американцы] едят только брекфест, утренний завтрак, лонча (завтракая) около работы и диннерея (обедая) в порядке амюзмента. Работают, конечно, и мужчины, и женщины. Так, утром перед ванной индивидуалист должен телефонировать в соседнюю лавочку, заказывая нужное ему для брекфеста, которое привозится рассыльным. <…> Лончит и диннерит индивидуалист в городе, как положено бытом. И

разнообразие столовых и ресторанов — невероятное, две из причин коего — алкогольная и национальная. Разнообразие начинается от дрог-стори, сиречь аптеко-ресторанов, в которых можно лечиться, закусывая, и питаться, излечиваясь. По всем авеню расположены коробки так называемых кафетерий, механических столовых, где вдоль стен, за стеклами, стоят горячие и холодные едова, супы, салаты, мяса, рыбы, раки, закуски, сладости, фрукты, коки-колы, горячее и холодное. Желатель поесть идет вдоль этих стен, видит, что ему предлагается, решает о нужном ему. Каждое отдельное кушанье, которое он видит, стоит в автомате. Желатель, имеющий монеты, опускает монеты (разменные кассы, также автоматические, — тут же), и автомат преподносит ему ту самую порцию, которую он видел» («О'кэй», 1932).

А это из Ильфа:

«Всякого рода соки — это чисто американская особенность. Они их пьют несколько раз в день обязательно. Перед обедом они выпивают стакан томатного сока. <…> Есть еще банановый сок. Это не очень вкусно. Потом есть сок грейпфрута. Это громадный лимоно-апельсин. Вообще американцы едят здоровую санаторную пищу — много

зелени, очень много овощей и фруктов. Если бы они этого не делали, то в своем Нью-Йорке захирели бы очень быстро. Ну, пьют порядочно. Без коктейлей не обходится ни одно свидание. У нашего издателя даже в самом издательстве есть холодильный шкаф, и, поговорив с нами, он быстро составляет какой-нибудь коктейль и ставит на стол. <…> Этот город я полюбил. Его можно полюбить, хотя он чересчур большой, чересчур грязный, чересчур богатый и чересчур бедный. Все здесь громадно; все много. Даже устрицы чересчур большие. Как котлеты…» («Письма из Америки», 1935–1936).

Впрочем, глядя на иностранцев, российские литераторы испытывали чувство голода не только в США. Куприн так писал об аппетите парижан:

«Их „маленький завтрак“ — это наш утренний чай: пьют кофе с хлебом из огромных, емких каменных чашек. Их завтрак — наш обед. Их обед — наш ужин. Ужинают поздно и не грузно, а ложатся спать рано, часов около девяти. <…> Весною и летом мелкие буржуа обедают при открытых окнах. С улицы можно увидеть и щегольскую сервировку, и ослепительное столовое белье. <…> Обедают открыто. У нас, в бывшей России, про обедневшую крестьянскую семью

говорили полужалостно, полупрезрительно: „Занавесившись едят“. Во Франции-то и нет этого „занавесившись“» («Париж интимный», 1930).

А Маяковский — о немцах:

На первый взгляд
общий вид:
в Германии не скулят.
Немец —
сыт.
<…>
В сомненьи
гляжу
на сытые лица я.

(«Два Берлина», 1924)

В России же все наоборот. У Блока, к примеру, есть противоположное наблюдение об аппетите у русского человека: «Вот, например, что бы ни сделал человек в России, его всегда прежде всего жалко. Жалко, когда человек с аппетитом ест…» («Молнии искусства», 1909).

29.39 С. 71. *…весь рис увозим в Китай…* —

Китай вплоть до начала там культурной революции оставался ведущим поставщиком риса

в СССР, что, однако, серьезно не отражалось на решении продовольственной проблемы в Стране Советов. Поэтому данное «карнавальное» заявление Митрича имеет свою логику: сколько бы Советскому Союзу ни помогали продовольствием, полки продуктовых магазинов будут пусты. Поэтому легче думать, что все продовольствие вывозится из СССР в страны «народной демократии».

У Высоцкого есть такой текст:

Когда вы рис водою запивали —
Мы проявляли интернационализм, —
Небось, когда вы русский хлеб жевали,
Не говорили про оппортунизм!

(«Письмо рабочих тамбовского завода китайским руководителям», 1964)

29.40 *…весь сахар увозим на Кубу…* —

В реальности ситуация, как и с Китаем, была обратной, и Куба занималась поставками сахара в СССР. Современники Венички и Митрича вспоминают:

«Уже следующий, 62-й год связал Кубу с угрозой войны, когда Карибский кризис миновал, зато кризис наступил в восприятии Кубы советским

человеком. Уже утомлял их бородатый задор, в пивных уже объясняли, что „мы всех их кормим“. Выяснилось, что своей свеклы достаточно и на сахар, и на самогон, а вот хлеба стало явно не хватать. На мотив „Куба, любовь моя“ зазвучали совсем другие слова:

Куба, отдай наш хлеб!
Куба, возьми свой сахар!
Нам надоел твой косматый Фидель.
Куба, иди ты на хер!»

(Вайль П., Генис А. 60-е: Мир советского человека. Анн-Арбор, 1988. С. 51)

29.41 *Максим Горький не только о бабах писал, он писал и о Родине. Ты помнишь, что он писал?.. —*

Вот два фрагмента из его писем Л. А. Никифоровой, написанных на Капри, — о бабах и о родине:

«Почему-то мне кажется, что Вы должны написать книгу о „бабе“ — все равно в каких юбках: в шелковых или холщовых. Говорю „баба“ нарочно, ибо — пока еще русская женщина не вся целиком превратилась в „даму“ на европейский лад и в „женщину“ на городской. „Баба“ — по преимуществу мать, и не только тогда, когда у нее дети, но

когда она жена, любовница; так вот, это материнское в русской бабе, эта ее весь мир обнимающая жалость требует простого, правдивого изображения. Подумайте-ка над великой тоской бабьей жизни, над жизнью человека, у которого ничего нет, кроме большого, страшно емкого сердца. И не читайте тех современных и гадких выдумок о женщине, которые сочиняются импотентными мужчинами» (не позднее 21 мая 1911 г.);

и Л. Андрееву:

«Несчастье нашей страны, несомненно, в том, что мы отравлены густой, тяжкой кровью Востока, это она возбуждает у нас позывы к пассивному созерцанию собственной гнусности и бессилия, к болтовне о вечности, пространстве и всяких высших материях, к самоусовершенствованию и прочим длинным пустякам. Кроме этого, мы, как нация, примучены нашей нелепой историей, не способны к продолжительному и устойчивому напряжению, оттого что устали в разочарованиях, потеряли надежды, не умеем верить и мечемся от фанатизма к нигилизму. <…> Русь надо любить, надо будить в ней энергию, сознание ее красоты, силы, чувство собственного достоинства, надо прививать ей ощущения радости бытия» (август, между 16 и 18, 1911 г.).

29.42 *…«мы с бабушкой уходили все дальше в лес…» —*

Имеется в виду сцена из автобиографической повести Горького «В людях» (1915–1916):

«…дед сказал мне:

— Ложись сегодня раньше, на свету разбужу, в лес пойдем за дровами…

— А я — травок пособираю, — заявила бабушка.

Лес, еловый и березовый, стоял на болоте, верстах в трех от слободы. <…> Мне кажется, это очень хорошо — навсегда уйти в лес <…> В лесу нет болтливых людей, драк, пьянства <…> На сухом месте бабушка говорит:

— Надо закусить, сядемте-ка!

В лукошке у нее ржаной хлеб, зеленый лук, огурцы, соль и творог в тряпицах; дед смотрит на все это конфузливо и мигает.

— А я ничего не взял еды-то, ох, мать честная…

— Хватит на всех…

<…>

Уходим все дальше в лес, в синеватую мглу, изрезанную золотыми лучами солнца. <…> Хочется видеть все больше, идти все дальше» («В людях», гл. 3).

Забавно, что здесь также описывается ситуация

«выпить/поесть за чужой счет» — причем и в «Москве — Петушках», и у Горького соответственно пьют и едят дедушки.

30. Назарьево – Дрезна

30.1 С. 71. *Дрезна —*

железнодорожная станция в одноименном городе на магистрали Москва — Владимир.

30.2 *…по ту или по эту сторону Пиренеев?.. —*

Пиренеи — горная система на юго-западе Европы, на границе Франции и Испании; ср. у Пушкина: «За Пиренеями давно ль судьбой народа / Уж правила свобода…» («Недвижный страж дремал на царственном пороге…», 1824). То есть буквально речь идет об Испании и Португалии, находящихся «по ту сторону Пиренеев», и о Франции и других континентальных странах Европы, расположенных «по эту сторону», к востоку от Пиренеев. Не буквально же здесь без труда узнается Паскаль, а именно одна из его «мыслей»: «Истина по эту сторону Пиренеев становится заблуждением по ту» («Мысли», гл. 5, п. 294).

Кроме того, очевидна отсылка к названию сборника рассказов советского латышского писателя Жана Грива (Жан Фолманис; 1910–1982) «По ту сторону Пиренеев» (1948), посвященного Гражданской войне в Испании и напечатанного

в СССР в русском переводе в 1952 г.

Ерническое словосочетание это вызывает еще и законные ассоциации со стилистикой Гоголя: «Оксане не минуло еще и семнадцати лет, как во всем почти свете, и по ту сторону Диканьки, и по эту сторону, только и речей было, что про нее» («Ночь перед Рождеством»). Также узнается стилистика, типичная для различных заголовков — начиная с названия известной работы Ницше «По ту сторону добра и зла» и кончая названием цикла путевых заметок Виктора Некрасова о своих поездках в Италию и в США «По обе стороны океана», опубликованных в «Новом мире» в 1962 г. (№ 11, 12).

30.3 *Когда я был в Венеции…* —

В Венеции бывали многие русские литераторы, о чем они не преминули написать в своих произведениях, — например, у Ходасевича есть: «Что вспоминаю, / Как сам я сиживал у львиного столпа / В Венеции. <…> / И с легким сердцем я припоминаю, / Как жарок был венецианский полдень…» («Полдень», 1918); или у Пастернака: «Небылица подтверждалась. Я находился в Венеции» («Охранная грамота», ч. 2, гл. 14). К слову, герой «Охранной грамоты» в начале повести постоянно перемещается по Европе (Марбург,

Франкфурт, Базель, Флоренция и т. п.) без каких-либо затруднений, а действие начинается с поезда, отходящего с Курского вокзала.

Иногда за писателя на пребывание в Венеции указывала его спутница жизни: «В Венеции мы прожили несколько дней, и Федор Михайлович был в полном восторге от архитектуры церкви Св. Марка» (А. Г. Достоевская. «Воспоминания», ч. 6). Впрочем, и сам Достоевский помещал в своих произведениях отчеты о поездках по Европе: «Я был в Берлине, в Дрездене, в Висбадене, в Баден-Бадене, в Кёльне, в Париже, в Лондоне, в Люцерне, в Женеве, в Генуе, во Флоренции, в Милане, в Венеции, в Вене, да еще в иных местах по два раза, и все это, все это я объехал ровно в два с половиною месяца!» («Зимние заметки о летних впечатлениях», гл. 1).

30.4 С. 71. *Когда я был в Венеции, в день святого Марка, — захотелось мне поглядеть на гребные гонки. —*

Святой Марк — Марк-евангелист, святой покровитель Венеции. День святого Марка отмечается в Венеции ежегодно 25 апреля, и составной частью торжеств является проведение традиционной регаты гондольеров, одна из которых увековечена в названии и теме вокального дуэта (в сопровож-

дении фортепьяно) Россини «Гребные гонки в Венеции» (1830–1835).

30.5 *…немотствовали уста. <…> Просто — немотствуют уста… —*

У Бориса Коплана читаем:

> *Глаза горят. В них суеверный страх,*
> *В них скорбь любви – сопутница разлуки.*
> *Уста немотствуют в невыразимой муке,*
> *И седина блестит в усах.*

(«К автопортрету», 1933)

Данное признание Венички может восприниматься как перифраз Мандельштама: «Да обретут мои уста / Первоначальную немоту» («Silentium», 1910). Глагол «немотствовать» часто встречается у поэтов — у Сологуба: «Мы немотствуем и ныне, / Цепь куя к звену звено» («Кто на воле? Кто в плену?», 1905); или у Белого, в стихотворении, написанном, кстати, в Париже: «Пусть так: немотствует их совесть…» («Совесть», 1907).

30.6 *Сердце исходило слезами… —*

Поэтическое клише. У Верлена в переводе Ан-

ненского: «Сердце исходит слезами, / Словно холодная туча» («Песня без слов»).

30.7 *…итальянцы не понимают, смеются, пальцами на меня показывают: «Смотрите-ка, Ерофеев опять ходит, как поебанный!» —*

В состоянии душевной депрессии в Италии находились герои Некрасова:

Под обаяньем красоты,
Во власти строгих дум,
По Ватикану бродишь ты,
Подавлен и угрюм…

(«Русские женщины», ч. 1 (VI))

30.8 *Да мне в Италии, собственно, ничего и не надо было. Мне только три вещи хотелось там посмотреть: Везувий, Геркуланум и Помпею. —*

Везувий — итальянский вулкан близ Неаполя, знаменитый своим разрушительным извержением в 79 г. н. э. Геркуланум и Помпея (Помпеи) — итальянские города, погибшие от извержения Везувия. В сознании образованного человека названия как Геркуланума, так и Помпеев неизменно ассоциируются с картиной разрушения и гибели; у Маяковского есть: «Помните! / Погибла Помпея, / когда раздразнили Везувий!» («Облако

в штанах», 1914–1915); у Цветаевой: «Точно в ноздри и губы — пыль / Геркуланума…» («Федра», 1923), «Стала Прага — Помпеи глуше…» («Пепелище», 1939).

Также стоит вспомнить диалог Штольца и Обломова из романа Гончарова:

«[Штольц:] — Помнишь, ты хотел после книг объехать чужие краи, чтоб лучше знать и любить свой? <…>

— <…> Как же <…> ведь мы, Андрей, собирались сначала изъездить вдоль и поперек Европу, исходить Швейцарию пешком, обжечь ноги на Везувии, спуститься в Геркулан. С ума чуть не сошли! Сколько глупостей!

— Глупостей! <…> Не ты ли со слезами говорил, глядя на гравюры рафаэлевских мадонн, Корреджиевой ночи, на Аполлона Бельведерского: „Боже мой! Ужели никогда не удастся взглянуть на оригиналы и онеметь от ужаса, что ты стоишь перед произведением Микеланджело, Тициана и попираешь почву Рима? Ужели провести век и видеть эти мирты, кипарисы и померанцы в оранжереях, а не на их родине? Не подышать воздухом Италии, не упиться синевой неба!“ И сколько великолепных фейерверков пускал ты из головы!» («Обломов», ч. 2, гл. 4).

О Помпеях писал и Бунин:

Помпея! Сколько раз я проходил
По этим переулкам! Но Помпея
Казалась мне скучней пустых могил,
Мертвей и чище нового музея.
<…>
Я помню только римские следы,
Протертые колесами в воротах,
Туман долин, Везувий и сады.

(«Помпея», 1916)

О Везувии — Константин Случевский: «Я видел Рим, Париж и Лондон, / Везувий мне в глаза дымил» («Я видел Рим, Париж и Лондон…», 1895–1901).

А Максим Горький писал с Капри: «Приехавшая сюда рабочая публика — чудесные ребята, и я с ними душевно отдыхаю от щипков и уколов „культуры“. В то же время, по мере возможности, они знакомятся с культурой истинной — были в Неаполитанском музее, в старых церквах, в Помпее, будем и в Риме. Хорошо они смотрят, хорошо судят, и — вообще — хорошо с ними демократической моей душе!» (письмо М. Коцюбинскому от

15 сентября 1909 г.).

30.9 С. 72. *…к линии Мажино…* —

Линия Мажино (по имени военного министра Франции А. Мажино) — специально укрепленная оборонительная линия длиною 308 км, построенная Францией на границе с Германией в 1929–1934 гг. В 1940 г. после начала боевых действий против Франции в рамках Второй мировой войны гитлеровская армия не стала штурмовать линию Мажино, обошла ее через Арденны и благополучно оккупировала Францию, после чего гарнизон линии Мажино сдался фашистам.

30.10 *…поживу немного у Луиджи Лонго, койку у него сниму…* —

Луиджи Лонго (1900–1980) — один из лидеров итальянского коммунистического движения; в августе 1964 г. после смерти Тольятти (см. 30.11) был избран генеральным секретарем Итальянской коммунистической партии. Намерение Венички снять у Лонго койку не лишено оснований. Сам Лонго постоянно бывал в Советском Союзе, в частности отдыхал на Черном море, в санаториях ЦК КПСС, то есть в некотором роде «снимал койку», как рядовой советский отдыхающий. Газета сообщала о том, что 14 августа 1968 г.

в СССР «прибыл на отдых Генеральный секретарь Итальянской коммунистической партии т. Луиджи Лонго с супругой» (Правда. 1968. 15 августа).

«Койку на юге» Лонго отрабатывал добросовестно. Вот сообщение о XII съезде Итальянской компартии: «Слово предоставляется тов. Луиджи Лонго, которого делегаты приветствовали продолжительными аплодисментами. <…> Лонго подчеркнул необходимость усиления борьбы против агрессивной империалистической политики, за мир и безопасность народов» (Правда. 1969. 9 февраля). А в конце 1969 г. «Правда» опубликовала его большую статью «Горячая пора», посвященную проблемам борьбы итальянских трудящихся за свои права (Правда. 1969. 22 декабря).

Веничка, владея всей этой информацией, справедливо держал Лонго за большого друга Советского Союза и потому полагал, что снять у него койку достаточно легко.

30.11 *Лучше б, конечно, у Пальмиро Тольятти койку снять, но он ведь недавно умер…* —

Пальмиро Тольятти (1893–1964) — один из основателей Итальянской коммунистической партии, в 1926–1964 гг. — ее генеральный секретарь. Умер на койке в пионерском лагере «Артек»,

в Крыму, во время традиционного летнего отдыха по приглашению ЦК КПСС.

30.12…*через Тироль*… —
См. 13.8.

30.13 …*в сторону Сорбонны.* —
Сорбонна — знаменитый парижский университет (по названию коллежа, объединившегося с Парижским университетом в XVII в.). Кстати, здесь возможен и намек на один из вариантов перевода названия известного романа Марселя Пруста — «В сторону Свана».

30.14 *Прихожу в Сорбонну и говорю: хочу учиться на бакалавра.* —
Бакалавр (*позднелат.* baccalarius) — первая ученая степень, присваиваемая выпускникам американских и ряда западноевропейских университетов после четырехлетнего курса обучения (в России этот уровень подготовки введен в 1996 г. и является свидетельством о высшем профессиональном образовании). Во Франции степень бакалавра свидетельствует об окончании среднего учебного заведения и дает право поступать в университет. Таким образом, Веничка хочет учиться на бакалавра лишь в коллеже Сорбонны, а не в самом университете. Ученую

степень бакалавра, полученную в Сорбонне, имел, в частности, Франсуа Вийон. «В окружении буйного студенчества Латинского квартала с его коллежами и непокорной Сорбонной (своего рода государством в государстве тогдашнего Парижа) протекала юность Вийона. Двенадцати лет он поступает на „факультет искусств“, подготовительный факультет Парижского университета, который заканчивает в 1449 году со степенью бакалавра» (*Вийон Ф.* Стихи. М., 1963. С. 7). Позже поэт, раздавая свое реальное и мнимое имущество, распоряжался относительно своего звания бакалавра:

Затем ученый титул мой,
Что мне присвоила Сорбонна,
Оставлю с легкою душой
Двум школярам необученным.

(«Малое завещание», строфа XXVII)

В Сорбонне в 1908–1910 гг. учился Мандельштам.

В целом же данная сцена навеяна, скорее всего, Бабелем:

«Любой человек может прийти в Сорбонну, записаться на любой курс, заплатить за этот курс

несколько десятков франков и прослушать его. Скажем, вы изучили археологию или географию. Можете прийти к знаменитому профессору и сказать:

— Профессор, я желаю у вас экзаменоваться по географии за весь курс.

Он обязан вас проэкзаменовать и выдать вам аттестат. Для этого вы не должны даже быть записаны на лекции.

Не знаю, хорошая ли это система, — во всяком случае она небюрократична» («Путешествие во Францию», 1937).

«Учеба русского в западноевропейском университете» — часто встречающаяся деталь в биографии героев русской классики. Например, у Достоевского Ставрогин «изъездил всю Европу, был даже в Египте и заезжал даже в Иерусалим; потом примазался к какой-то ученой экспедиции в Исландию и действительно побывал в Исландии. Передавали тоже, что он одну зиму слушал лекции в одном немецком университете» («Бесы», ч. 1, гл. 2).

30.15 С. 72. *«…Я ведь сирота». «Из Сибири?»* —

См. 6.19. А вот другая вариация на тему «сибирского бескультурия русского в Париже»: «Когда я пришел впервые в Лувр, я был дикарем» (И.

Эренбург. «Люди, годы, жизнь», кн. 1, гл. 17).

30.16 *«Мне как феномену присущ самовозрастающий Логос». —*

Веничка заимствует это откровение у Гераклита: «Душе (или *психее. — Э. В.*) присущ самовозрастающий Логос» (фрагм. 115, пер. М. Дынника). Это признание последовательно и методично комментирует А. Генис (без Вайля): «Логос, то есть цельное знание, включающее в себя анализ и интуицию, разум и чувство, „самовозрастает“ у Венички потому, что он сеет слова, на которых, как из зерна, произрастают смыслы. Он только сеятель, собирать жатву читателям, которые „реализуют“ в акте чтения существующую в потенциальном поле поэму» (*Генис А.* Лук и капуста: Парадигмы современной культуры // Знамя. 1994. № 8. С. 197); «„Логос“ — в исконном смысле это одновременно слово и смысл слова. Философы определяют этот термин как органическое, цельное знание, включающее в себя анализ и интуицию, разум и чувство. У Венички логос „самовозрастает“, то есть Ерофеев сеет слова, из которых, как из зерна, произрастают смыслы. Он только сеятель, собирать жатву нам — читателям. И каков будет урожай, зависит только от нас, толкователей, послушников, адептов, пере-

водящих существующую в потенциальном поле поэму на обычный язык» (*Генис А.* Благая весть: Венедикт Ерофеев // Звезда. 1997. № 6. С. 229).

Обращались к Логосу и поэты — например, Белый: «„Сережа Соловьев“ — ребенок <…> / Трех лет ему открылся Логос» («Первое свидание» (2), 1921); и Маяковский: «Мистики пишут: / „Логос. / Это всемогущество. От господа бога-с“» («Пятый Интернационал», 1922; ч. 1).

30.17 С. 72. *Вон, — кричит, — вон Ерофеева из нашей Сорбонны! —*

Ситуация «неприятие и изгнание с Запада советского гражданина» была весьма популярна и в русской литературе, и в русской культуре вплоть до окончания холодной войны. Есть такой известный факт биографии Горького, который в 1906 г., скрываясь от преследования царской полиции, «по заданию партии» выехал в Америку для большевистской агитации и сбора средств в поддержку РСДРП, за что практически был лишен права официально жить в Нью-Йорке (все гостиницы отказывали ему в предоставлении номера) и жил на частных квартирах и дачах. Известен также и рассказ Эренбурга («Люди, годы, жизнь», кн. 6) о том, как его, советского гражданина и «носителя коммунистической заразы», изгоняют

из Англии и Франции, то есть из тех же стран, откуда изгоняется и Веничка.

30.18 *Что ж мне оставалось делать, как не идти в Париж? Прихожу. —*

Неизбежность попадания русского путешественника в Париж отмечалась в свое время Некрасовым:

Если только русский едет за границу,
Посылай в Палермо, в Пизу или в Ниццу,
Быть ему в Париже – так судьбам угодно!

(«Княгиня», 1856)

30.19 *Иду в сторону Нотр-Дама… —*

Нотр-Дам — собор Парижской Богоматери, самое известное церковное сооружение Парижа. Маяковский, между прочим, писал о Нотр-Даме в «кремлевском» контексте:

Другие здания
лежат,
как грязная кора,
в воспоминании
о Notre-Dame'е.
<…>

Я взвесил все
и обдумал, –
ну вот:
он лучше Блаженного Васьки.

(«Notre-Dame», 1925)

Парижские маршруты Венички, включая поход к Нотр-Даму, легко выводятся из «новомировских» записок Виктора Некрасова:

«День начинается так. Проснувшись, делаю небольшую прогулку километра на три-четыре. Выйдя из отеля, сворачиваю сразу же налево и через аркады Лувра, потом через мост Карусель выхожу на набережную Вольтера. Далее — вдоль Сены, мимо закрытых еще букинистических лотков до небольшого моста О-Дубль, где сворачиваю налево и, минуя Нотр-Дам, по Аркольскому мосту выхожу на правый берег Сены, к площади Ортель де Виль. Дальнейший путь опять же вдоль Сены, на этот раз уже по ее течению. Дойдя до Лувра, сворачиваю направо, и по рю Риволи до моего отеля уже рукой подать. Иногда я совершаю прогулку в другую сторону — через площадь Согласия до Эйфелевой башни и обратно. <…> Мы совершенно спокойно проходим под арками Лувра и попадаем в объятия двух его длиннющих крыльев, на

площадь Карусель. В центре ее Триумфальная арка <…> за ней кроны Тюильрийского парка, а еще дальше — Елисейские Поля <…> Мы стоим и соображаем, куда же направиться дальше. Пойдем налево, к Нотр-Дам. <…> Нотр-Дам — сердце Парижа» («Месяц во Франции», 1965).

30.20 *…кругом одни бардаки. —*

Бардак — здесь: публичный дом (по созвучию с «борделем»). До Венички особое внимание неприличным парижским заведениям уделял Куприн:

«Вот краткий перечень тех впечатлений, которые они [иностранцы, побывавшие в Париже] везут из Парижа на свою родину: Монна Лиза (Джиоконда), Гермафродит, Венера Милосская, Бриллиант, Регент, собор Нотр-Дам, Эйфелева башня, Большие бульвары. <…> Резче всего останутся в его памяти рестораны, мюзик-холлы, ночные кабачки и театрик, и полутайные учреждения, где демонстрируются те мерзости, о которых <…> апостол Павел запретил человеку глаголати. <…> Замечательно: с незапамятных времен эти иностранные обозреватели музеев, пейзажей и нравов <…> выносили из своего узкого и однобокого опыта огульное мнение о развратности французских женщин» («Париж интимный», 1930).

Сологуб определял Париж как «храм похмелья и разврата, храм бесстыдных и продажных дам» («Здесь и там вскипают речи…», 1914).

30.21 С. 72. *Стоит только Эйфелева башня…* — Эйфелева башня (по имени французского инженера-строителя Г. Эйфеля) — символ Парижа, стальная решетчатая башня высотой около 300 м, возведенная в центре города в 1889 г. для Всемирной выставки. Маяковский в информативном детском стишке писал: «Среди Парижа — башня / высокая страшно» («Прочти и катай в Париж и в Китай», 1927). Он же находился в сходной с Веничкиной ситуации:

Я борозжу Париж —
до жути одинок,
до жути ни лица,
до жути ни души.
<…>
…ко мне,
к большевику,
на явку
выходит Эйфелева тумана.
– Т-ш-ш-ш,

башня…

(«Париж. Разговорчики с Эйфелевой башней», 1923)

У Эренбурга, который по долгу совести должен был писать не только об Эйфелевой башне, но и о соседствующих с ней «бардаках», читаем:

«Часто приходил я на улицу Мафтар, по ней сновали огромные жирные крысы. Эйфелева башня порождала споры — еще жили современники и единомышленники Мопассана, считавшие, что она изуродовала город. <…> Никогда раньше я не видел столько старых домов, пепельных, морщинистых, пятнистых! <…> Я входил в темную улицу, как в джунгли» («Люди, годы, жизнь», кн. 1, гл. 14).

30.22 *…генерал де Голль…* —

Шарль де Голль (1890–1970) — крупный французский государственный, политический и военный деятель; лидер французского антифашистского движения в годы Второй мировой войны; в 1944–1946 гг. — глава французского правительства; в 1958–1969 гг. — президент (Пятой) Французской республики. В «Записных книжках» Ерофеева получаем о генерале следующую информацию: «А вот генерал де Голль жил скром-

нее — и до старости сохранил силу. В 85 лет он произвел на свет внука — до чего еще свеж был генерал».

30.23 *…ест каштаны…* —

Жареные каштаны — непременный атрибут парижского быта; у Мандельштама в Париже «и пели песенки, и жарили каштаны» («Париж», 1923).

30.24 *По бульварам ходить, положим, там нет никакой возможности. Все снуют — из бардака в клинику, из клиники опять в бардак.* —

Данный пассаж, как ни странно, восходит к Достоевскому, ко внутреннему монологу Раскольникова о жизненных перспективах пьяной девушки не с парижского, а с петербургского бульвара:

«Начнет шмыгать моя девочка, туда да сюда… Потом тотчас больница (и это всегда у тех, которые у матерей живут очень честных и тихонько от них пошаливают), ну а там… а там опять больница… вино… кабаки… и еще больница… года через два-три — калека» («Преступление и наказание», ч. 1, гл. 4).

Горький в одном из писем с Капри замечал: «Народ наш воистину проснулся, но пророки

— ушли по кабакам, по бардакам» (письмо К. Пятницкому от 28/29 сентября 1908 г.).

30.25 *Я как-то выпил и пошел по Елисейским Полям… —*

Елисейские Поля — одна из главных улиц в центре Парижа между площадями Согласия и Шарля де Голля (бывшая площадь Звезды). О Полях есть у путешественника Маяковского:

Лиловая туча,
скорей нагнись,
меня
и Париж полей,
чтоб только
скорей
зацвели огни
длиной
Елисейских полей.

(«Город», 1925)

За «Полей Елисейских бензин» пил лирический герой Мандельштама («Я пью за военные астры…», 1931). А виртуальные прогулки по ним, готовясь к отъезду в Париж, совершал дядя Пушкина: «Василий Львович преобразился. Он вдруг

стал степенным, как никогда, как будто шагал уже не по Кузнецкому мосту, а по Елисейским Полям» (Ю. Тынянов. «Пушкин», ч. 1, гл. 1).

30.26 С. 72–73. *Вижу: двое знакомых, — она и он, оба жуют каштаны и оба старцы. Где я их видел? в газетах? не помню <…> Догоняю Луи Арагона <…>он только на меня взглянул, козырнул мне, как старый ветеран, взял свою Эльзу под ручку и дальше пошел. Я опять их догоняю и теперь уже говорю не Луи, а Триоле <…> она, как старая блядь, потрепала меня по щеке, взяла под ручку своего Арагона и дальше пошла… —*

Эта сцена вызывает по крайней мере две ассоциации. Во-первых, она пародирует ситуацию, представленную Ходасевичем (вкупе с калеками, ангелами, Чаплином, Венецией и проч.):

Мне невозможно быть собой,
Мне хочется сойти с ума,
Когда с беременной женой
Идет безрукий в синема.

Мне лиру ангел подает,
Мне мир прозрачен, как стекло, —
А он сейчас разинет рот
Пред идиотствами Шарло.

За что свой незаметный век
Влачит в неравенстве таком
Беззлобный, смирный человек
С опустошенным рукавом.

Ременный бич я достаю
С протяжным окриком тогда
И ангелов наотмашь бью,
И ангелы сквозь провода

Взлетают в городскую высь.
Так с венетийских площадей
Пугливо голуби неслись
От ног возлюбленной моей.

Тогда, прилично шляпу сняв,
К безрукому я подхожу,
Тихонько трогаю рукав
И речь такую завожу:

«Pardon, monsieur, когда в аду
За жизнь надменную мою
Я казнь достойную найду,
А вы с супругою в раю

Спокойно будете витать,

Юдоль земную созерцать,
Напевы дивные внимать,
Крылами белыми сиять, —

Тогда с прохладнейших высот
Мне сбросьте перышко одно:
Пускай снежинкой упадет
На грудь спаленную оно».

Стоит безрукий предо мной
И улыбается слегка,
И удаляется с женой,
Не приподнявши котелка.

(«Баллада», 1925)

Во-вторых, здесь отчетливо видно влияние поэтики Гамсуна, герой которого постоянно кого-то нагоняет, догоняет и т. д.:

«Минут десять впереди меня шел хромой старик. <…> Однако я не попытался догнать его <…> старый калека все так же шел впереди меня, уродливо напрягаясь на ходу. <…> Недолго думая, я в три-четыре больших шага настиг его и хлопнул по плечу. <…> Спустившись с холма, я обогнал двух дам <…> Я остановился и снова пропустил ее вперед. <…> Я снова нагоняю ее» («Голод», гл. 1).

30.27 С. 72. *…это Луи Арагон и Эльза Триоле. —*

Луи Арагон (1897–1982) — французский писатель, политик, член Французской коммунистической партии, участник и вдохновитель французского движения Сопротивления; автор многочисленных стихов, поэм, романов, среди которых есть «Коммунисты» (1949–1951) и «Страстная неделя» (1958), а также сборник стихов «Нож в сердце» (1941); верный друг Советского Союза, лауреат Международной Ленинской премии (1957).

Эльза Триоле (урожденная Элла Каган; 1896–1970) — французская писательница, жена Арагона; родилась и получила высшее архитектурное образование в Москве; жила во Франции с середины 1920-х гг.; участник движения Сопротивления; автор многочисленных романов, а кроме того, младшая сестра Лили Брик.

30.28 С. 72–73. *«Задай им лучше социальные вопросы, самые мучительные социальные вопросы…» Догоняю Луи Арагона и говорю ему, открываю сердце, говорю, что я отчаялся во всем, но что нет у меня ни в чем никакого сомнения, и что я умираю от внутренних противоречий, и много еще чего… —*

«Потребность и необходимость» в общении

с иностранцами искать ответы на «самые мучительные социальные вопросы», естественно, стимулировалась официальными советскими литераторами и журналистами, наделенными ЦК КПСС правами общения с гражданами западных стран; там же, в ЦК, формулировались и сами вопросы. Вот, например, спор советского писателя с неким американцем Володей русского происхождения:

«Вообще споры эти — с людьми, явно не приемлющими нашу систему, — в основном всегда сводятся к следующему: „А почему у вас одна партия, а не несколько? Почему запрещен абстракционизм? Почему в московских киосках не продают «Нью-Йорк таймс»? Почему глушат «Голос Америки»?“ Мы в ответ: „А почему вы преследуете компартию? Почему изгнали Чарли Чаплина? Почему держите военные базы во всем мире? Почему душите голодом Кубу? Почему разрешаете вашим генералам произносить поджигательские речи? Это и есть ваша свобода?“ Мой спор с Володей закончился <…> под утро. Прощаясь, он сказал:

— Признаю свое поражение. Не думал, что так будет, но вынужден признать» («В Америке», 1962).

А вот отчет идейно требовательного критика Георгия Капралова о фильмах VI Московского международного кинофестиваля:

«В жанре народной комедии с ее грубоватым, сочным юмором и открытостью характеров героев решен новый фильм „Серафино“ известного итальянского режиссера Пьетро Джерми. Темпераментный, зажигательно-непосредственный Адриано Челентано в роли пастуха Серафино немало способствует общему успеху картины. Хотя надо признаться, смотря фильм, думаешь и о том, что Пьетро Джерми когда-то создавал такие произведения, как „Дорога надежды“, „Машинист“, в которых социальные проблемы рассматривались более глубоко и масштабно» (Правда. 1969. 15 июля).

Об искренней потребности в общении с иностранцами и начале относительно широких контактов с Западом советских людей в литературе содержится немало воспоминаний. Например, у Аксенова в «Ожоге»:

«Это было в ноябре 1956 г. на вечере Горного института в Ленинграде в оркестре первого ленинградского джазмена Кости Рогова. Тогда в танцзале стояли плечом к плечу чуваки и чувихи, жалкая и жадная молодежь, опьяневшая от сыро-

го европейского ветра, внезапно подувшего в наш угол. Бедные, презираемые всем народом стиляги-узкобрючники, как они старались походить на бродвейских парней — обрезали воротнички ленторговских сорочек, подклеивали к скороходовским подошвам куски резины, стригли друг друга под „канадку“…».

У Амальрика:

«Со студенческих лет я стремился иметь знакомых и друзей среди иностранцев. Не надо думать, что за этим стояли практические соображения — получить нужную книгу, продать картину, передать свою или чужую рукопись <…> главным для меня, как и для многих других <…> было найти какой-то — чуть ли не метафизический — выход из того мира, который нас окружал; нам хотели внушить, что советский мир — это замкнутая сфера, это вселенная, мы же, проделывая в этой сфере дырки, могли дышать иным воздухом — иногда даже дурным, но не разреженным воздухом тоталитаризма. Мне хотелось бывать в гостях у иностранцев и приглашать их к себе, держать себя с ними так, как будто мы такие же люди, как они, и они такие же люди, как мы. Хотя многим американцам и европейцам это покажется общим местом — как же еще общать-

ся людям, — я предлагал, по существу, целую революцию. Слову „иностранец“ придавался и придается в России мистический смысл — и дело не только в сооружаемых властью барьерах, но и в вековой привычке изоляции и комплексе неполноценности, которым советский режим придал форму идеологической исключительности» (*Амальрик А.* Записки диссидента. С. 18–19).

И у Раисы Орловой о ее работе в редакции журнала «Иностранная литература» в середине 1950-х гг.:

«Публикуя иностранных писателей, мы приоткрывали тот мир, в свете которого неизбежно должны были меркнуть тупые, шовинистические представления об исключительности. „Только в нашей стране…“ Нет, оказывается не только в нашей. А потом начало выясняться, что и не столько в нашей. <…> Выходили фильмы, начали продаваться газеты и журналы восточноевропейских стран, советские люди ездили за границу и к нам приезжали иностранные туристы. Все больше людей слушали иностранное радио. В железном занавесе возникала дырка за дыркой, он рвался, расползался. Правдивая информация рождала вопросы, подводила к ответам. Начиная сознавать, что мы были в плену лживой, бесчеловечной

идеологии, что мы долго были обманутыми и обманывали сами, мы судорожно искали иной идеологии, иной системы верований, необходимо включающей нравственные начала, правдивость и человечность. Общество проходило период бурной переоценки ценностей. Переоценки и поисков. Чем же все-таки люди живы? Во имя чего жить, чему верить? Ответов искали на самых разных путях. В марксизме, очищенном от скверны сталинизма, в марксизме, соединенном со свободой и гуманностью. В прежде недоступных совсем книгах русских поэтов, прозаиков, мыслителей. Так, клеймо „белоэмигранта“ надолго отняло у нас Бунина, Цветаеву, Бердяева. С 1956 года начали возвращаться и они. Искали ответов и у них. Искали в религии. Искали и в иностранной литературе» («Воспоминания о непрошедшем времени», 1983).

30.29 С. 73. *…это были, оказывается, Жан-Поль Сартр и Симона де Бовуар…* —

Жан-Поль Сартр (1905–1980) — французский писатель, драматург, философ-экзистенциалист, публицист; в годы Второй мировой войны сотрудничал в печати движения Сопротивления; в начале 1950-х гг. начал активно участвовать в движении борьбы за мир; во второй половине

1960-х гг. потерял доверие в глазах советского руководства в связи с тем, что активно поддержал студенческие волнения ультралевого толка во Франции в 1968 г.; лауреат Нобелевской премии (1964), от которой отказался. Симона де Бовуар (1908–1986) — жена Сартра; французская писательница, апологет экзистенциализма; автор многих романов, в том числе «Очень легкая смерть» (1967).

В 1960-е гг. Сартр для советских идеологов был, в отличие от политически благонадежного Арагона, фигурой одиозной:

«В витрине почтенного книжного магазина Сорбонны красуется большой портрет Троцкого. Те трусливые интеллигенты, которые в действительности лишь при одной мысли о подлинной революции готовы спрятаться в подвал, обвиняют коммунистов в том, что они „упустили случай“ совершить революционный переворот [во Франции в 1969 г.]. В числе таких обвинителей и Жан-Поль Сартр, который в Латинском квартале призывает „идти до конца“ (неизвестно только куда), а на другом берегу Сены в „Театр де ла виль“ (бывший театр Сары Бернар) в своей пьесе „Ангренаж“ старается доказать, что всякая социальная революция бессмысленна, потому

что она все равно неизбежно приводит к прежнему, и вновь все начинается сначала. Такие пьесы — по существу попытка нанести удар ножом в спину действительно революционному движению» (Правда. 1969. 29 мая).

Впрочем, Сартра тогда недолюбливала не только официальная пресса, но и хорошие поэты. Вот запись в дневнике Давида Самойлова за 22 мая 1968 г.:

«Видел фильм де Сики по Сартру [«Затворники Альтоны»; режиссер Витторио де Сика, сценарий Сартра]. Унылая блевотина. Социализм педерастов. Ненавижу Сартра. Он — худший вид интеллектуальной моды» (*Самойлов Д.* Из дневника // Литературное обозрение. 1992. № 7–9).

Ситуация «встреча со знаменитостью в Париже и разговор с ней», несомненно, порождена многочисленными мемуарами советских писателей о своих заграничных вояжах в 1950–1960-е гг., в первую очередь Эренбурга, чьи «Люди, годы, жизнь» в период хрущевской «оттепели» стали своего рода интеллектуальной бомбой для советского читателя: «В объяснение хочу сказать о некоторых свойствах Сартра — подружившись с ним и с Симоной де Бовуар, я многое понял. <…> Я предупредил Сартра <…> Я <…> упрекнул Сарт-

ра…» (кн. 6, гл. 24). В отличие от Венички Эренбург действительно встречался с Арагоном и Эльзой Триоле, а также еще со многими знаменитостями (Матиссом, Аполлинером, Модильяни, Пикассо, Джойсом и др.).

В своих воспоминаниях Раиса Орлова пишет:

«Вскоре [в конце 1950-х гг.] к нам стали приезжать наши авторы — иностранные писатели. Встречи обычно проходили в кабинете редактора и под его председательством. Но часто продолжались в наших комнатах, на улицах, в домах сотрудников, у нас на квартире. <…> За годы работы в журнале у нас побывали Ч. П. Сноу с Памелой Джонсон, Сартр и Бовуар, Джон Апдайк, Джон Стейнбек, Уильям Сароян, Эрскин Колдуэлл <…> Грэм Грин, Фридрих Дюрренматт, Макс Фриш, Ганс Энценсбергер, Генрих Бёлль, Анна Зегерс, Эрвин и Ева Штритматер, Криста Вольф и многие другие. <…> Летом 61-го года шел прием Сартра и Бовуар в редакции» («Воспоминания о непрошедшем времени», 1983).

Комментируемая сцена фигурирует в мемуарах Амальрика, когда он пишет о художнике Эрнсте Неизвестном:

«Неизвестный не мог найти и свое место в обществе — он разрывал с системой, в которую

худо-бедно, но был включен, уживаясь с которой разработал сложную систему компромиссов, когда одновременно приходилось играть роль и циничную, и героическую, — а теперь надо было заново искать: кем быть.

— Вам это интересно? Вам это интересно? — всегда неуверенно переспрашивал он, рассказывая о чем-то.

— Никогда не слышал ничего более интересного, — ответил ему Венедикт Ерофеев, с которым они встретились на дне рождения Гюзель [жены Амальрика]. Бродяга, пьяница, „разночинец“, как назвал его раздраженный Неизвестный, Ерофеев привлек внимание повестью „Москва — Петушки“ — безумным путешествием человека, который многократно пытается посмотреть в Москве Кремль, но всегда попадает на Курский вокзал к отходящему в Петушки поезду. И вот он в поезде, и рассказывает пассажирам, как якобы был в Париже и встретил Сартра; встретив впоследствии Сартра в Париже, Гюзель была удивлена, что такой человек существует, она думала, что это герой Ерофеева.

Желая все-таки показать, что он не лыком шит, Неизвестный заметил, что, когда Сартр был в Москве, они проговорили свыше четырех часов.

— Вот, должно быть, скукотища — четыре часа разговаривать с Сартром, — спокойно сказал Венедикт, и Эрнст был убит. Впрочем, от нас „допивать“ они поехали вместе.

Ерофеев и Неизвестный принадлежали к разным субкультурам — „субкультуре диссидентов“ и „субкультуре референтов“. Деление это условно, особенно в области искусства, но можно сказать, что „диссидент“ как личность складывался в сопротивление советской системе, а „референт“ — в служение ей, хотя внутренне систему не принимал» (*Амальрик А.* Записки диссидента. С. 327).

30.30 С. 73. *Я пошел на Нотр-Дам и снял там мансарду. Мансарда, мезонин, флигель, антресоли, чердак — я все это путаю и разницы никакой не вижу. —*

Мансарда (*фр.* mansarde) — чердачное жилое помещение, обычно с косым потолком. (Примеры см. ниже.)

Мезонин (*ит.* mezzanino) — надстройка или полуэтаж в середине дома. Так, у большого специалиста не только по железной дороге, но и по разного вида жилью, Пастернака, есть: «Синеет белый мезонин» («Все утро с девяти до двух…», 1918), «А ночь войдет в мой мезонин…» («Летний день», 1940, 1942).

Флигель (*нем.* Flügel) — жилая пристройка к зданию или отдельная небольшая жилая постройка; также домик во дворе большого дома. У Пастернака: «Слонялся ветер <…> и каменщиков гнал за флигеля» («Спекторский» (6), 1930); «Шли вы, не теряя духа, / К обгорелым флигелям» («Смелость», 1941).

Антресоли (*фр.* entresol) — верхний полуярус или полуэтаж в комнатах и квартирах с высокими потолками. У Пастернака: «…Даже антресоль / При виде плеч твоих трясло» («Попытка душу разлучить», 1917); «По деревянным антресолям / Стоят цветочные горшки» («Земля», 1947).

Чердак — верхний, нежилой этаж дома, находящийся непосредственно под скатом крыши. У Пастернака: «Белым пламенем измучив / Зоркость чердаков…» («Весна» (3), 1914), «Задекламирует чердак / С поклоном рамам и зиме…» («Про эти стихи», 1917). Кроме того, у Пастернака чердак встречается и в «парижском» контексте:

В Париже из-под крыши
Венера или Марс
Глядят, какой в афише
Объявлен новый фарс.

Кому-нибудь не спится

В прекрасном далеке
На крытом черепицей
Старинном чердаке.

(«Ночь», 1956)

Трудно удержаться от соблазна отметить тот факт, что в этом же стихотворении звучит призыв, сходный с лейтмотивом «Москвы — Петушков» «встань и иди» и его вариацией «как тебе не стыдно спать!» (16.19):

Не спи, не спи, работай,
Не прерывай труда,
Не спи, борись с дремотой,
Как летчик, как звезда,

Не спи, не спи, художник,
Не предавайся сну.
Ты – вечности заложник
У времени в плену.

(«Ночь», 1956)

См. также о парижском чердаке у Ходасевича:

Да, меня не пантера прыжками
На парижский чердак загнала.

И Вергилия нет за плечами, —
Только есть одиночество – в раме
Говорящего правду стекла.

(«Перед зеркалом»,1924)

Однако главным парижским пристанищем непризнанного гения с малым достатком остается все-таки мансарда. Поэтому Веничка снимает именно ее. В русской словесности достаточно упоминаний об этом дешевом парижском жилье. Прежде всего — у «генератора» данной главы Эренбурга: «Когда же ему [герою новеллы Луи Ру, живущему в Париже] исполнилось двадцать пять лет <…> он переехал из одной мансарды улицы Черной вдовы в другую» («Тринадцать трубок»); «[персонаж романа Алексей Спирин]…сбежал в Париж и мертвецки напился <…> переселился на мансарду и вместо „Кафе де Монако“ посещал различные притоны в районе рынков и вокзалов» («Необычайные похождения Хулио Хуренито», гл. 5). Впрочем, Эренбург, упоминая мансарды, не забывал и про парижские чердаки: «Я [Эренбург] остановился на левом берегу Сены, около бульвара Сен-Жермен; мне отвели мансардную комнату с балконом, откуда был виден Париж… <…> Арагон и Эльза Юрьевна [Триоле] позвали

Симонова и меня на „Чердак“ — так называлось помещение Комитета писателей» («Люди, годы, жизнь», кн. 6, гл. 11).

В стихах Эренбург также писал о мансарде: «В моей мансарде полутемной, / Под шум парижской мостовой…» («Когда встают туманы злые…», 1912).

Много парижских мансард и у других поэтов. У Вячеслава Иванова:

Всечеловеческий Париж! В тебе я сам
Таил свою любовь, таил свои созданья,
Но знал консьерж мой час стыдливого свиданья;

В мансарде взор стремил мой к небесам;
Двойник мой в сумерках капеллы, мне заветной,
Молился пред моей Мадонной неприметной.

(«Париж» (2), 1915)

У Саши Черного — о русских эмигрантах в Париже:

Тех, кто страдает гордо и угрюмо,

Не видим мы на наших площадях:
Задавлены случайною работой,
Таятся по мансардам и молчат.

(«Тех, кто страдает гордо и угрюмо…»,1920–1923)

В мансарде у самых небес,
Где с крыши в глухое окошко
Косится бездомная кошка,
Где кровля свергает отвес, —
Жил беженец, русский ботаник,
Идейный аскет…

(«Парижское житие», 1928)

И наконец, у известного поэта-путешественника Евтушенко в «социально-политическом» стихотворении о французском художнике-выпивохе:

Эй, буржуа,
войска в штыки!
Опять азартно
войною на особняки
идут мансарды.
За вами длинная деньга,

«владыки века»,
а за мансардами —
Дега,
Рембрандт,
Эль Греко.

(«Чудак Гастон», 1965)

В связи с последней цитатой из Евтушенко следует напомнить, что в 1960-е гг. в Советском Союзе демонстрировался французский фильм «Монпарнас, 19» (1957, режиссер Жак Беккер) с Жераром Филипом в роли Модильяни; Модильяни в картине жил именно в парижской мансарде, и этот мелодраматический апокриф из жизни итальянского гения пользовался в СССР большой популярностью.

Смежная ситуация «непризнанный гений, творящий в мансарде» встречается в связи с Гёте: «Тогда, во Франкфурте, в мансарде на Оленьем ряду, когда к нему [Гёте] являлась тень Эгмонта, и черновики летели на пол, и он набрасывал первые мысли на эти вот страницы, — для чего, в сущности, для каких слушателей?» (*Людвиг Э.* Гёте. М., 1965. С. 211).

30.31 С. 73. *…я все это путаю и разницы никакой*

не вижу. —

Схожие проблемы с различением сходных реалий испытывают герои Рабле: «Воспоминаний у меня хватит на целую мошонку, то бишь на целый мешок, — вечно я путаю и перевираю эти два слова» («Гаргантюа и Пантагрюэль», кн. 4, предисловие); и Гамсуна: «Мы углубились в лес из чудных, непонятных деревьев. Бамбук, манго, тамаринд, тик, соляное дерево, камедное и бог знает что еще, мы во всем в этом мало смыслили» («Смерть Глана», гл. 2).

30.32 *Короче, я снял то, на чем можно лежать, писать и трубку курить. —*

Ситуации «жизнь на чердаке» в контексте «проблемы курения и запоя» (хотя и не в парижском топосе) встречается у Блока, лирический герой которого так же, как и Веничка, не понят и так же пьет:

Да и меня без всяких поводов
Загнали на чердак,
Никто моих не слушал доводов,
И вышел мой табак.

А все хочу свободной волею
Свободного житья,

Хоть нет звезды счастливей более
С тех пор, как запил я!

(«В октябре», 1906)

А вот ироническое описание жизни русского люмпен-интеллектуала в Париже у раннего Эренбурга (вкупе со святой Терезой, между прочим):

«[Рассказчик]…детально разрабатывал приглашение в Париж трех тысяч инквизиторов для публичного сожжения на площадях всех потребляющих аперитивы. Потом выпивал стакан абсента и, охмелев, декламировал стихи святой Терезы, доказывал ко всему привыкшему кабатчику, что еще Нострадамус предугадал в „Ротонде“ питомник смертоносных сколопендр, а в полночь тщетно стучался в чугунные ворота церкви Сен-Жермен-де-Пре. Дни мои заканчивались обыкновенно у любовницы, француженки, с приличным стажем, но доброй католички, от которой я требовал в самые неподходящие минуты объяснения, чем разнятся семь „смертных“ грехов от семи „основных“. Так проходило мало-помалу время» («Необычайные похождения Хулио Хуренито», гл. 1).

30.33 С. 73. *Выкурил я двенадцать трубок…* —

Отсылка к Эренбургу — см. 30.38.

30.34 *...отослал в «Ревю де Пари»...* —

«Ревю де Пари» («Revue de Paris») — популярный парижский журнал, выходящий с 1849 г.; в свое время в нем сотрудничали Бальзак и Дюма, печатались Флобер и Мериме.

Одновременно с Веничкой рассылали по журналам свои шедевры и другие писатели: «Декабрьским утром 1967 года я отослал шесть рассказов в журнал „Новый мир“. Откровенно говоря, я ни на что не рассчитывал. Запечатал, отослал и всё» (С. Довлатов. «Невидимая книга»).

30.35 *...под французским названием «Шик и блеск иммэр элегант». Эссе по вопросам любви.* —

В названии эссе обыгрывается разговорная идиома «Шик, блеск, (иммер) элеган» (как вариант — «Шик, блеск, элеган на пустой карман»), выражающая высокую или даже высшую степень довольства, удовлетворения, восхищения. Источником фразы считаются куплеты В. П. Валентинова «Шик, блеск, иммер элеган» (1906).

Шик (*фр.* chic) — то есть блеск, здорово, шикарно; иммер (*нем.* immer) — всегда, постоянно; элеган (*фр.* elegant) — элегантный, изящный.

У Куприна героиня во время приступа морской болезни вспоминает какие-то глупые куплеты о пароходном капитане:

Но кап-питан любезный был,
В каюту пригласил,
Он лечь в постель мне дал совет
И расстегнуть корсет…
Шик, блеск, иммер элеган…

(«Морская болезнь», ч. 3)

Вариант этого клише встречается у Зощенко: «Существо <…> спустилось <…> поблизости какого-нибудь мирового города, где, так сказать, блеск, треск и иммер элеган» («Голубая книга», отд. «Деньги», п. 5).

Кроме этого, благо контекст парижский, кругом — бардаки, а само эссе — о любви, вспоминается название известного романа «Блеск и нищета куртизанок» Бальзака, писавшего в свое время для «Ревю де Пари» (30.34). Название романа Бальзака часто обыгрывалось литераторами и публицистами; ср., например, название статьи: «Блеск и нищета фашизма» (Новый мир. 1965. № 5).

30.36 *Эссе по вопросам любви. А вы сами знаете,*

как тяжело во Франции писать о любви. Потому что все, что касается любви, во Франции уже давно написано. Там о любви знают все… —

Франция традиционно считается «страной любви № 1». При этом данный имидж сформирован не без участия французских классиков. Вот, к примеру, внутренний монолог одного из героев Мопассана (с упоминаниями имен, релевантных для «Москвы — Петушков»): «Страна, где появляются Жанны д'Арк и Наполеоны, может почитаться страной чудес. Затем мы любим женщин; и мы умеем любить их пылко и беспечно, игриво и почтительно. Наше поклонение женщине не имеет себе равных ни в одной другой стране» («На воде»).

Широко известно и эссе Стендаля «О любви» (1820), содержащее подробное изложение точки зрения автора на все возможные ситуации и темы, связанные с любовью, включая близость, ревность, стыдливость, женскую гордость и т. п.; в эссе Стендаля практически нет незатронутых тем, касающихся любви, и его можно определить как энциклопедию любви.

До Венички про французов удивительно похоже писал Зощенко:

«Так у одного поэта сказано:

Любовь украшает жизнь.

Любовь – очарование природы…

Существует внутреннее убеждение,

Что все, сменяющее любовь, ничтожно.

…Нельзя забывать, что эти строчки сказал француз. То есть человек от природы крайне чувственный и, простите, вероятно, бабник, который от чрезмерно волновавших его чувств действительно может брякнуть бог знает что из этой области. Они, французы, там у себя, в Париже, сколько нам говорили, выйдут вечерком на бульвар и, кроме разных красоточек, которых они величают „курочками“, спервоначалу решительно ничего другого не видят. Вот какие они любители женской красоты и грации!..» («Голубая книга», отд. «Любовь», п. 4).

30.37 С. 73. *Покажи нашему человеку со средним образованием, покажи ему твердый шанкр и спроси: «Какой это шанкр, твердый или мягкий?» — он обязательно брякнет: «Мягкий, конечно». А покажи ему мягкий — так он и совсем растеряется. —*

Твердый шанкр — эрозийное образование (язва) на коже человека в месте проникновения

возбудителя сифилиса; первичное проявление заболевания сифилисом. Мягкий шанкр — самостоятельное, отличное от сифилиса венерическое заболевание, сопровождающееся появлением на коже (в районах инфицированных лимфатических узлов) язв.

Логика Венички напоминает логику Христа в Нагорной проповеди: «Итак, если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма?» (Мф. 6: 23). Кстати, в Библии о язвах говорится со знанием дела — подробно и доходчиво, в частности, там имеется закон о проказе, который Господь передает Моисею и Аарону:

«Когда у кого появится на коже тела его опухоль, или лишаи, или пятно, и на коже тела его сделается как бы язва проказы, то должно привести его к Аарону священнику <…> Священник осмотрит язву на коже тела, и если волосы на язве изменились в белые, и язва оказывается углубленною в кожу тела его, то это язва проказы <…> В седьмый день опять священник осмотрит его, и если язва менее приметна и не распространилась язва по коже, то священник должен объявить его чистым; это лишаи <…> Если же лишаи станут распространяться по коже, после того как он являлся к священнику для очищения,

то он вторично должен явиться к священнику. Священник, увидев, что лишаи распространяются по коже, объявит его нечистым: это проказа» (Лев. 13: 2, 3, 6–8).

Таким образом, у Венички проказа соответствует твердому шанкру, лишаи — мягкому, а французы — священникам, священнодействующим в храме любви.

30.38 *Я выкурил на антресолях еще тринадцать трубок… —*

Аллюзия на название книги Эренбурга «Тринадцать трубок» (1922). «Тринадцать трубок» представляют собой цикл нравоописательных новелл, объединенных оригинальной ключевой деталью — курительными трубками из коллекции рассказчика; сами новеллы посвящены тем людям, которые эти трубки когда-то курили, и действие некоторых из них разворачивается за границей. Кроме этого, несомненно, само упоминание о «тринадцати трубках» является своего рода сигналом, включающим в реминисцентное поле поэмы Эренбурга, известного мемуарами о своей жизни за границей.

30.39 *Я выкурил на антресолях еще тринадцать трубок — и создал новое эссе… —*

Близкий Веничке герой «Голода» Гамсуна также постоянно что-то сочиняет:

«Вскоре я совсем воспрял духом; теперь мне уже мало было написать статью на такую простую и нехитрую тему, как роль преступлений в будущем, к тому же это всякий мог сам предугадать, стоило просто-напросто заглянуть в историю <…> я решил написать сочинение в трех частях о философском познании. Разумеется, я не премину разнести в пух и прах некоторые из Кантовых софизмов…» («Голод», гл. 1).

30.40 *«Стервозность как высшая и последняя стадия блядовитости». —*

Логично предположить, что здесь обыгрывается название программной работы Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма» (1916), где империализм определяется не только как высшая, но и как последняя стадия капитализма, за которой неизбежно следует социалистическая революция. Левин так и трактует данный заголовок (*Левин Ю.* Комментарий к поэме «Москва — Петушки»… С. 70).

Однако это не совсем так. Непосредственный объект Веничкиной пародии не работа Ленина, так как там нет прилагательного «последняя», а название главы из стандартного вузовского учеб-

ника по марксизму-ленинизму — «Империализм — высшая и последняя стадия капитализма» (Основы марксизма-ленинизма. М., 1959. С. 249).

30.41 С. 73–74. *К русским условиям… возможно, это и применимо, но к французским — нет; стервозность… у нас еще не высшая ступень и уж далеко не последняя <…> у нас же, у французов <…> врастание это будет протекать в русле нашей традиционной блядовитости и совершенно перманентно!.. —*

Данный образчик ерофеевского словоблудия представляет собой пародию на основные положения троцкизма — сначала оппозиционного течения внутри РСДРП как разновидности меньшевизма, затем — достаточно мощного ультралевого направления в рамках европейского и мирового коммунистического движения. Одним из центральных положений троцкизма была теория перманентной революции, разработанная Троцким на основе идеи основоположников марксизма о перманентной революции. У Маркса и Энгельса написано: «Наши интересы и наши задачи заключаются в том, чтобы сделать революцию непрерывной до тех пор, пока все более или менее имущие классы не будут устранены от господства, пока пролетариат не завоюет государ-

ственной власти» («Обращение коммунистов»).

Троцкий и Парвус, подхватив эту весьма плодотворную идею, выработали свою теорию, согласно которой всякая революция (включая и первую русскую 1905–1907 гг.) не подразделялась на этапы (типа «буржуазно-демократическая», «социалистическая»), а представляла собой непрерывный процесс достижения пролетариатом государственного господства. В 1950—1960-х гг. эта теория нашла себе достойное продолжение в так называемом «еврокоммунизме» и маоизме. Маоисты, в частности, обвиняли советское руководство в отступлении советских партийных деятелей от принципов марксизма и утверждали, что они (китайцы) ведут свою политическую деятельность с истинно марксистскими целями. Эти идеологические разногласия стали причиной резкого ухудшения советско-китайских отношений в конце 1950-х гг., а в конце 1960-х дело дошло до серьезных вооруженных столкновений на Дальнем Востоке.

Одновременно пародируется и большевистская реакция на троцкизм; главным образом высказывания Ленина, который выступал категорически против идеи Троцкого о необходимости мировой революции как гаранта успеха социалистической

революции в отдельно взятой стране. Ленин же в период подготовки и проведения Октябрьской революции 1917 г. убежденно отстаивал свое мнение относительно возможности победы социалистической революции в отдельной стране вне зависимости от ее политического окружения. Впрочем, ранее, в период первой русской революции (1905), он сам охотно выступал за «перманентность»: «Мы стоим за непрерывную революцию. Мы не остановимся на полпути. <…> Мы не обещаем никакой гармонии <…> напротив, мы „обещаем“ новую борьбу, новое неравенство, новую революцию» («Отношение социал-демократии к крестьянскому движению»). При этом Ленин подчеркивал оригинальный, собственно русский, то есть отличный от французского, характер революции 1905 г., причем нередко его дискурс напоминает Веничкино словоблудие — вот один из его источников:

«Жирондисты современной русской социал-демократии, новоискровцы, не сливаются с освобожденцами, но оказываются фактически <…> в хвосте у них. <…> Якобинцы современной социал-демократии — большевики, впередовцы, съездовцы или пролетарцы, не знаю уж, как сказать, — хотят поднять своими лозунгами

революционную и республиканскую мелкую буржуазию и особенно крестьянство до уровня последовательного демократизма пролетариата, сохраняющего свою полную классовую особенность. <…> Это не значит, конечно, чтобы мы хотели обязательно подражать якобинцам 1793 года, перенимать их взгляды, программу, лозунги, способы действия. Ничего подобного. У нас не старая, а новая программа — программа-минимум Российской социал-демократической рабочей партии. У нас новый лозунг: революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства. У нас будут <…> и новые способы действия, соответствующие характеру и целям стремящейся к полному социалистическому перевороту партии рабочего класса» («Две тактики социал-демократии в демократической революции»).

Коль скоро Ленин определял империализм как высшую и последнюю стадию развития капитализма (30.40), то, по логике теоретиков и практиков ленинизма, к периоду написания «Москвы — Петушков» капиталистические страны должны были бы прекратить свое существование, чего, как известно, не случилось. Отсюда утверждение французов «стервозность у

нас еще не высшая ступень и далеко не последняя» следует трактовать как явное несогласие с ленинской градацией процесса развития и загнивания капиталистического мира.

30.42 С. 74. *…я плюнул, сжег свои рукописи вместе с мансардой и антресолями…* —

Намек на Гоголя, по слухам сжегшего рукопись 2-го тома «Мертвых душ», а также реминисценция финала «Мастера и Маргариты» Булгакова, где Азазелло убивает (и воскрешает) плюнувших на мирскую жизнь Мастера с Маргаритой и предает огню их подвал (подвал, антресоли, мансарда — какая разница?) — поджигает «пачку старых газет на диване, а за нею и рукопись» («Мастер и Маргарита», ч. 2, гл. 30) романа Мастера.

Кроме этого, учитывая важный для «Москвы — Петушков» оперный пласт, необходимо напомнить, что в 1-м акте оперы Джакомо Пуччини «Богема» (1894–1895), находясь в холодной парижской мансарде, один из главных героев оперы — поэт Рудольф — сжигает в печке рукопись своей драмы (кстати, в пяти актах — ср. 25.7).

30.43 *…через Верден…* —

Верден — город на северо-востоке Франции, знаменитый так называемой Верденской опера-

цией 1916 г. — одним из крупнейших сражений Первой мировой войны, в котором германская армия в течение шести месяцев безуспешно пыталась прорвать оборону французов. Встречается у поэтов — у Северянина: «Ни до Вердена, ни до Риги / Нет дела никакого нам…» («Поэза северного озера», 1916); и у Мандельштама: «Яд Вердена всеядный и деятельный…» («Стихи о неизвестном солдате», 2-я и 3-я редакции; 1937).

30.44 *…к Ламаншу. —*

Ла-Манш — пролив, вместе с проливом Па-де-Кале отделяющий Великобританию от Европы. Естественно, упоминается поэтами, например Есениным:

Я стал не тем,
Кем был тогда.
Не мучил бы я вас,
Как это было раньше.
За знамя вольности
И светлого труда
Готов идти хоть до Ла-Манша.

(«Письмо к женщине», 1924)

30.45 *…к Альбиону. —*

Альбион — самое древнее название Британских островов (встречается еще у Птолемея); употребляется для называния Англии; обычно считается устаревшим и сугубо поэтическим названием. Байрон писал: «Жил в Альбионе юноша» («Паломничество Чайльд Гарольда», песнь 1, строфа II); «Как всякий юноша, завидевший впервые / Туманный Альбион, Жуан распознает / В себе род гордости» («Дон Жуан», песнь 10, строфа LXV). У русских поэтов Альбион фигурирует, к примеру, у Батюшкова: «Я берег покидал туманный Альбиона…» («Тень друга», 1814), у Цветаевой: «Плачь, туманный Альбион!» («Я берег покидал туманный Альбиона…», 1918).

Однако в публицистике это слово охотно эксплуатировалось и во времена Венички — вот, например, заголовок газетной заметки, посвященной навязыванию США своей финансовой политики Англии: «Набег на Альбион» (Известия. 1968. 17 октября).

30.46 *Я шел и пел: «Королева Британии тяжко больна, дни и ночи ее сочтены…» —*

Веничка цитирует старинную английскую балладу «Королева Элинор» («Queen Eleanor») в классическом переводе Самуила Маршака:

Королева Британии тяжко больна.
Дни и ночи ее сочтены.
И позвать исповедников просит она
Из родной, из французской страны.

Сюжет баллады хорошо известен: умирающая королева Британии (по происхождению француженка, то есть любвеобильная особа) желает исповедаться; посылать за исповедниками во Францию уже поздно; тогда ее муж облачается в одежды священника и принимает ее исповедь, состоящую сплошь из признаний в прелюбодеянии и неверности мужу-королю.

30.47 *…меня поражает та легкость, с какой вы преодолевали все государственные границы…* —

Из ближайших ассоциаций, возникающих в связи с этим наблюдением Черноусого, выделим такого признанного советского мастера мемуаров на заграничные темы и, соответственно, мэтра в деле свободного пересечения всех государственных границ, как Эренбург; в его беллетристике и мемуарах Веничка мог прочитать:

«[Рассказчик:] Еду в дорогой, любимый, возвращенный мне Париж! <…> Я пробыл неделю в гостеприимном Копенгагене <…> в Лондоне я ходил по улицам, как в храме, — на цыпочках

и сняв шляпу: я был вновь в исконной стране права, свободы, неприкосновения личности, в стране Хабеас Корпус. <…> Мой энтузиазм достиг высшего предела, когда я наконец увидел дорогой Монпарнас и „Ротонду“. <…> Я отправился в радушную Бельгию» («Необычайные похождения Хулио Хуренито», гл. 2);

«[Эренбург:] Летом 1910 года мы поехали с Катей в Брюгге <…> В молодости мне удалось дважды побывать в Италии. <…> Я вернулся в Париж. <…> В 1951 году в Стокгольме я пошел на большую выставку мексиканского искусства. <…> Я еще полюбовался пиниями Рима. <…>…Я колесил по Европе, изъездил Францию, Германию, Англию, Чехословакию, Польшу, Швецию, Норвегию, Данию, побывал в Австрии, Швейцарии, Бельгии» (*Эренбург. И.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1962–1967. Т. 8. С. 75, 99, 176, 186, 473, 545).

Впрочем, о пересечении границ думали не только прозаики, но и поэты, например много поездивший по миру Евтушенко:

Границы мне мешают…
Мне неловко
не знать Буэнос-Айреса,
Нью-Йорка.

Хочу шататься, сколько надо, Лондоном…

<…>

хочу проехать утренним Парижем!

(«Пролог», 1955)

Также о «легкости» пересечения границ писал (в прозе) и Маяковский, которому довелось однажды (в 1922 г.) выправлять визу в германском консульстве и наблюдать за своими бывшими соотечественниками: «Очевидно, наши „националисты“, проходившие за эти годы сквозь консульство, с такой грациозностью, с такой легкостью перепархивали с сербского подданства на китайское, что мое упорство выглядело неприлично» («Париж (Записки Людогуся)», очерк «Веселенький разговорчик в германском консульстве»).

31. Дрезна – 85-й километр

31.1 С. 74. *85-й километр —*
небольшая платформа на железной дороге Москва — Владимир; как нетрудно догадаться, отстоит от Москвы на расстоянии 85 км (по железнодорожному пути). В 1990-х гг. переименована в платформу Кабаново.

31.2 *Граница нужна для того, чтобы не перепутать нации. У нас, например, стоит пограничник и твердо знает, что граница — это не фикция и не эмблема… —*
Один из лучших советских пограничников, писатель Николай Островский писал:
«Рубеж — это два столба. Они стоят друг напротив друга, молчаливые и враждебные, олицетворяя собой два мира. Один выстроганный и отшлифованный, выкрашенный, как полицейская будка, в черно-белую краску. Наверху крепкими гвоздями приколочен одноглавый хищник. Разметав крылья, как бы обхватывая когтями лап полосатый столб, недобро всматривается одноглавый стервятник в металлический щит напротив, изогнутый клюв его вытянут и

напряжен. Через шесть шагов напротив — другой столб. Глубоко в землю врыт круглый, тесаный дубовый столбище. На столбе литой железный щит, на нем молот и серп. Меж двумя мирами пролегла пропасть, хотя столбы врыты на ровной земле. Перейти эти шесть шагов нельзя человеку, не рискуя жизнью.

Здесь граница.

От Черного моря на тысячи километров до Крайнего Севера, к Ледовитому океану выстроилась неподвижная цепь этих молчаливых часовых советских социалистических республик с великой эмблемой труда на железных щитах. От того столба, на котором вбит пернатый хищник, начинаются рубежи Советской Украины и панской Польши» («Как закалялась сталь», ч. 2, гл. 4).

Вопрос о важности защиты границ Советского Союза особенно часто поднимался в прессе в конце 1960-х гг. после событий в марте 1969 г. на Дальнем Востоке, когда китайские вооруженные силы предприняли вооруженную попытку захвата советского острова Даманский на Амуре. Вот беседа журналиста с политработником одной из дальневосточных пограничных застав:

«На границе дни не считают. Застава — твой

дом, твоя семья. Здесь ты живешь, здесь можешь и пролить свою кровь. Мы с китайцами граничим. В бинокль ясно видно кривлянье их пограничников, даже слышим нецензурщину в наш адрес. Изощряются, как бы нас оскорбить. Наши парни только зубы стиснут, спокойно, пристально наблюдают за каждым их жестом, за каждым их шагом. Противно, но главное — спокойствие, выдержка. <…> [Во время событий на Даманском] Посыпались рапорты: срочно перевестись на Даманский. Клялись комсомольскими билетами драться до последнего дыхания <…> Никогда не забуду лиц пограничников. Видел, понимал, чувствовал, что каждый из парней готов здесь же, на заставе, навеки лечь в землю, но ни шагу назад. За спиной мать, братишка, невеста… родная школа… родной завод…» (Правда. 1969. 28 мая).

31.3 С. 74. *…потому что по одну сторону границы говорят на русском и больше пьют, а по другую — меньше пьют и говорят на нерусском… —*

Абсолютно точное утверждение, если сравнить количество выпиваемого Веничкой (4.22) и следующие расчеты советского тогда еще писателя Виктора Некрасова, оказавшегося в начале 1960-х гг. в Париже:

«В энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (сведения, правда, не очень свежие, за 1887 год) утверждается, что на каждого парижанина за прошедший год пришлось по 184,7 литра вина, 7,48 литра сидра или грушовки и 11,2 литра пива. Иными словами, ежедневно парижанин выпивает (учитывая, что женщины и дети пьют все-таки чуточку меньше) полторы, а то и две бутылки вина» («Месяц во Франции», 1965).

31.4 *Вот и шляются там пограничники без всякого дела, тоскуют и просят прикурить…* —

Аллюзия на известную всем советским школьникам сцену из романа Николая Островского:

«Навстречу красноармейцу, по своей сторожевой тропинке, движется польский жолнер. <…> Суровый мороз прошиб его до костей. Он трет одеревенелые уши, на ходу постукивает каблуком о каблук, а руки в тонких перчатках закоченели. Ни на одну минуту поляк не может остановиться: мороз тотчас же сковывает его суставы, и солдат все время движется, иногда пускаясь в рысь. Часовые поравнялись, поляк повернулся и пошел параллельно красноармейцу.

Разговаривать на границе нельзя, но когда кругом пустынно и лишь за километр впереди человеческие фигуры — кто узнает, идут ли эти двое

молча или нарушают международные законы.

Поляк хочет курить, но спички забыты в казарме, а ветерок, как назло, доносит с советской стороны соблазнительный запах махорки. Поляк перестал тереть отмороженное ухо и оглянулся назад <…> пусто вокруг. <…>

— Товарищу, дай пшепалиць, — первый нарушает святость закона поляк и, закинув свою многозарядную французскую винтовку со штыком-саблей за спину, с трудом вытаскивает озябшими пальцами из кармана шинели пачку дешевых сигарет.

Красноармеец слышит просьбу поляка, но полевой устав пограничной службы запрещает бойцу вступать в переговоры с кем-нибудь из зарубежников, да к тому же он не вполне понял то, что сказал солдат. <…>

— Товарищ большевик, дай прикурить, брось коробку спичек, — на этот раз уже по-русски говорит поляк.

Красноармеец всматривается в своего соседа. „Видать, мороз «пана» пронял до печенки. Хоть и буржуйский солдатишка, а жизнь у него дырявая. Выгнали на такой мороз в одной шинелишке, вот и прыгает, как заяц, а без курева так совсем никуды“. И красноармеец, не оборачиваясь, бросает

спичечную коробку. Солдат ловит ее на лету и, часто ломая спички, наконец закуривает. Коробка таким же путем опять переходит границу, и тогда красноармеец нечаянно нарушает закон:

— Оставь у себя, у меня есть.

Но из-за границы доносится:

— Нет, спасибо, мне за эту пачку в тюрьме два года отсидеть пришлось бы.

Красноармеец смотрит на коробку. На ней аэроплан. Вместо пропеллера мощный кулак и написано: „Ультиматум“.

„Да, действительно, для них неподходяще“.

Солдат все продолжает идти в одну с ним сторону. Ему одному скучно в безлюдном поле» («Как закалялась сталь», ч. 2, гл. 4).

31.5 С. 74. *Хочешь ты… остановиться в Эболи — пожалуйста, останавливайся в Эболи. —*

Эболи — город в Италии. В целом же это реминисценция на название книги политических очерков итальянского писателя Карло Леви «Христос остановился в Эболи» (1945). О своем знакомстве с Леви и его книге, изданной в СССР в 1955 г., пишет Эренбург («Люди, годы, жизнь»).

Приведу другой пример обыгрывания названия классического произведения искусства в «обыденном» контексте: «…Вообще-то, ты здорово

играл, почти как прошлым летом в Мариенбаде. — А я играл прошлым летом в Мариенбаде? <…> — Ты очень здорово там играл» (В. Аксенов. «Ожог»).

31.6 *Хочешь идти в Каноссу — никто тебе не мешает, иди в Каноссу. —*

Каносса — замок в Северной Италии. Здесь обыгрывается идиома «идти в Каноссу», то есть согласиться на унизительную капитуляцию. Выражение восходит к событиям января 1077 г.: отлученный от церкви и низложенный германский император Генрих IV «пришел» в Каноссу и в течение трех дней стоял в одеждах грешника под стенами замка, вымаливая аудиенции и, соответственно, прощения у гостя хозяйки замка маркграфини Матильды Тосканской — папы Григория VII. Эта встреча стала формальным выражением признания Генрихом IV своего подчинения Римской церкви и символизировала победу церковной власти над светской в борьбе за инвеституру. Последующие события, однако, показали, что хождение Генриха в Каноссу было с его стороны лишь лицемерным политическим жестом.

31.7 *Хочешь перейти Рубикон — переходи… —*

Рубикон — река в Северной Италии, до 42 г. до н. э. служила границей между Италией и римской провинцией Цизальпинская Галлия. Здесь продолжается Веничкин практикум в прикладной идиоматике. Крылатое выражение «перейти Рубикон», то есть принять категорическое, бесповоротное принципиальное решение, связано с событиями 10 января 49 г. до н. э., когда Юлий Цезарь, будучи римским проконсулом в Галлии, со своими войсками форсировал Рубикон с севера, вторгся на территорию Италии и тем самым развязал гражданскую войну, в результате которой Цезарь пришел к власти в Риме и наделил себя полномочиями одновременно диктатора, консула, трибуна, префекта нравов и др., то есть объявил себя «личностью, стоящей над законом и пророками» (36.5).

31.8 *В двенадцать ноль-ноль по Гринвичу…* —

Гринвич — здесь: Гринвичский меридиан, проходящий через Гринвич (Greenwich) — городской округ Большого Лондона, является так называемым средним меридианом нулевого часового пояса, по которому определяется всемирное время; в газетах писали: «Совет Безопасности [ООН] <…> требует, чтобы заинтересованные правительства в качестве первого шага прекратили

огонь и все военные действия в 20.00 по Гринвичу 7 июня 1967 года» (Известия. 1967. 9 июня); «Израильские войска открыли вчера в 17 часов 45 минут по Гринвичу огонь из легкого стрелкового оружия по расположенному на Суэцком канале египетскому городу Порт-Тауфик» (Правда. 1968. 27 января).

31.9 *…директору Британского музея, фамилия у него какая-то звучная и дурацкая, вроде сэр Комби Корм. —*

Комби Корм — каламбур, построенный на разложении на составные части названия одного из главных видов питания крупного рогатого скота — комбикорма, то есть комбинированного корма, приготовленного путем смешивания всевозможных натуральных и химических компонентов. Для особо пытливых и любопытных сообщаю, что в действительности директором Британского музея в 1968–1974 гг. был лорд Джон Фредерик Ульфенден (из электронного письма от 4 июня 1997 г. Клифтона Улкинсона Эдуарду Власову (Press & Public Relations Office, British Museum, London)).

31.10 С. 74. *Британский музей —*

один из самых крупных музеев мира, находится, как говорят, в Лондоне; в библиотеке

Британского музея в свое время работали все три основоположника марксизма-ленинизма. Готовясь к 100-летнему юбилею со дня рождения Ленина, «Правда» напечатала в 1969 г. ряд материалов, связанных с пребыванием Ильича за границей. Среди прочих, была опубликована большая фотография главного читального зала Британского музея, снабженная следующим текстом: «В. И. Ленин много работал в библиотеке Британского музея. В мае 1908 года, подготавливая в Швейцарии книгу „Материализм и эмпириокритицизм“, он специально приезжал в Лондон, чтобы познакомиться в библиотеке с произведениями английских ученых XIX века» (Правда. 1969. 12 октября). В этом коротеньком тексте советского читателя не могла не поразить та легкость, с которой заклятый враг капитализма преодолевал государственные границы — «подготавливая книгу в Швейцарии, приезжал в Лондон». Фотография главного читального зала Британского музея в той же связи под рубрикой «Ленин в сердцах людей» была опубликована и в «Известиях», не желавших отставать от «Правды» (Известия. 1969. 2 декабря).

31.11 С. 75. *«Чего вы от нас хотите?» — спросил директор Британского музея. «Я хочу у*

вас ангажироваться. Вернее, чтобы вы меня ангажировали…» —

Связь жизненных и научных планов с Британским музеем обнаруживается не только у Венички, но и у лирического персонажа Владимира Соловьева:

Прошли года. Доцентом и магистром
Я мчуся за границу в первый раз.
Берлин, Ганновер, Кёльн – в движеньи быстром
Мелькнули вдруг и скрылися из глаз.

Не света центр, Париж, не край испанский,
Но яркий блеск восточной пестроты, —
Моей мечтою был Музей Британский,
И он не обманул моей мечты.

(«Три свидания», 1898)

Кроме того, обращался с похожей на Веничкину просьбой (по-английски) к директору Британского музея и Ленин, прикрывавшийся чужеземным псевдонимом:

«Директору Британского музея.

Сэр!

Обращаюсь к Вам с просьбой о выдаче мне билета на право входа в читальный зал Британского музея. Я прибыл из России для изучения аграрного вопроса. <…>

Якоб Рихтер

Апрель, 21, 1912».

(Ленин В. Полн. собр. соч.: В 55 т. М., 1958–1965. Т. 6. С. 451)

Глагол «ангажировать» и его производные входят в лексикон некоторых литераторов, повлиявших на поэтику «Москвы — Петушков». Так, у Розанова в воспоминаниях о его университетском преподавателе упоминается сходная ситуация «ангажирования в Британии»:

«Забавен был „П. Г. Виноградов“, ходивший в черном фраке и в цилиндре, точно на бал, где центральной люстрой был он сам. „Потому что его уже приглашали в Оксфорд“.

Бедная московская барышня, ангажированная иностранцем» («Опавшие листья», короб 1-й).

31.12 *«…Это в таких-то носках чтобы я вас ангажировал?»*

— …В каких же это носках?! Вот те носки, которые я таскал на Родине, те действительно пахли, да. Но я перед отъездом их сменил… —

Ту же логику — необходимость покупки новых носков перед поездкой за границу — демонстрирует герой Ильфа и Петрова: «Ипполит Матвеевич живо воображал себе покупку новых носков и отъезд за границу» («12 стульев», гл. 42).

31.13 *…потому что в человеке все должно быть прекрасно: и душа, и мысли, и…* —

Слегка искаженная классическая цитата из Чехова:

«Астров. [Соне] Знаете, мне кажется, что в вашем доме я не выжил бы одного месяца, задохнулся бы в этом воздухе… Ваш отец, который весь ушел в свою подагру и в книги, дядя Ваня со своею хандрой, ваша бабушка, наконец, ваша мачеха… <…> В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли. Она прекрасна, спора нет, но… ведь она только ест, спит, гуляет, чарует всех нас своею красотой — больше ничего» («Дядя Ваня», д. 2).

31.14 С. 75. *…в палату лордов…* —

Палата лордов — верхняя палата парламента Великобритании, состоящая из представителей высшей аристократической и духовной знати.

31.15 *…зевотой, переходящей в смех и дефекацию.* —

Непроизвольная отсылка к ныне классической, а в 1960-е гг. новаторско-бунтарской работе Михаила Бахтина «Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса», в которой воспевался народно-площадной смех и идеологизировались объекты материально-телесного низа. В частности, Бахтин писал: «В образах мочи и кала сохраняется существенная связь с *рождением, плодородием, обновлением, благополучием*. И этот положительный момент в эпоху Рабле <…> ощущался с полной легкостью. <…> Кал — это *веселая материя*» (*Бахтин М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1990. С. 163–165, 193. См. другую цитату из Бахтина о связи мочи и кала со смехом в 29.26).

31.16 *…только женщина сложной судьбы, прикрыв беретом выбитые зубы, спала как фатаморгана… —*

Фата-моргана (*ит.* fata Morgana) — мираж; образ восходит к древним бретонским сказаниям о фее Моргане. Фата-моргана встречается у Гёте («Фауст», ч. 2, акт 4, «На переднем горном отроге»). У Бальмонта есть стихотворение «Фата Моргана» (1905). Как объект сравнения встречается у Гумилева: «Точно дивная фата-моргана, / Виден город

у ночи в плену…» («Египет», 1919).

В целом же, это аллюзия на «железнодорожное» стихотворение Пастернака: «Мигая, моргая, но спят где-то сладко, / И фата-морганой любимая спит…» («Сестра моя — жизнь и сегодня в разливе…», 1917).

31.17 С. 76. *…в те дни безбилетников, как индусов, сгоняли в резервации… —*

«В те дни» — здесь: до установления демократии, то есть до прихода к власти демократичного Семеныча. Выводится этот исторический рубеж из того, что под «индусами» здесь имеются в виду североамериканские индейцы, которых переселенцы из Старого Света действительно «сгоняли в резервации». С наступлением же демократии в США резервации постепенно стали отходить в прошлое.

31.18 *…и лупили по головам Ефроном и Брокгаузом… —*

То есть давали им образование, так как «Брокгауз и Ефрон» (по фамилиям издателей) — не нуждающийся в рекомендациях российский энциклопедический словарь (1890–1907). 86-томный словарь, впрочем, действительно хорош не только как средство обучения, но и как тяжелое

ручное холодное оружие. У Саши Черного также встречается ситуация использования энциклопедического словаря не по назначению: «Если я, повинуясь всевышнему отвращению, хвачу ее словарем Ларусса в висок, как же я потом докажу присяжным, что она хрустела?» («Тихие шумы», 1931).

31.19 *Однажды, на моих глазах, два маленьких мальчика, поддавшись всеобщей панике, побежали вместе со стадом и были насмерть раздавлены — так и остались лежать в проходе, в посиневших руках сжимая свои билеты… —*

Смежная ситуация «ребенок, который может быть задавлен толпой» встречается у Льва Толстого. Петя Ростов пробивается сквозь толпу, встречающую приехавшего в Москву Александра I, чтобы взглянуть на царя, и попадает в страшную давку, из которой его вытаскивает дьячок:

«Петя неожиданно получил в бок такой удар по ребрам и так был придавлен, что вдруг в глазах его все помутилось и он потерял сознание. <…>

— Барчонка задавили! — говорил дьячок. — Что ж так!.. легче… задавили, задавили!

— Этак до смерти задавить можно. Что же это! Душегубство делать!» («Война и мир», т. 3, ч. 1, гл. 21).

31.20 С. 76. *...развалясь на лавочке, как негоциант... —*

Негоциант (*устар.)* — богатый и влиятельный торговец (купец), ведущий крупную оптовую торговлю, в основном за пределами своей страны. Слово входит в лексикон Гумилева: «Благоухающий старик, / негоциант или придворный...» («Персидская миниатюра», 1919).

31.21 *...укрепляло связь ревизора с широкою массою... —*

Связь с широкими массами постоянно укрепляла КПСС: «С 29 марта по 8 апреля 1966 года в Москве проходил XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Партия пришла к своему очередному съезду еще более монолитной, стали прочнее узы, связывающие ее с народом» (История КПСС. М., 1973. С. 635).

А четырнадцатью годами ранее этот пропагандистский штамп излился из уст одного из главных сталинских приспешников: «В борьбе за свободу и независимость нашей Родины, за построение коммунистического общества партия еще более сроднилась с народом и укрепила свои связи с широкими массами трудящихся. Советский народ единодушно поддерживает политику партии и оказывает ей полное доверие. (*Бурные*

аплодисменты.)» (*Маленков Г.* Отчетный доклад на XIX съезде КПСС. Ч. 3. 1952. 5–14 октября).

31.22 *Когда-то это вызывало «гнев и возмущение», теперь же вызывает «законную гордость»…* —

Газетный штамп «гнев и возмущение» использовался советской прессой для выражения эмоций передовой советской и мировой общественности по поводу безобразий, чинимых империалистическими державами как у себя дома, так и за его стенами. Вот, к примеру, заголовки заметок по поводу зверского уничтожения армейскими подразделениями США вьетнамской деревни Сонгми в конце 1969 г.: «Гнев и возмущение» (Известия. 1969. 29 ноября), «Гнев и возмущение общественности мира» (Правда. 1969. 2 декабря), «Гнев и возмущение» (Правда. 1969. 10 декабря). См. также образчик «правдинской» патетики: «Агрессия Израиля и его вдохновителей из США и Великобритании вызывает справедливый гнев и возмущение советских людей, всего прогрессивного человечества» (Правда. 1967. 14 июня).

Штамп же «законная гордость» эксплуатировался для обозначения чувства советского и братских ему народов по поводу великих заво-

еваний социализма в различных областях. См., например, в кубинском контексте (29.40): «Международная общественность высоко оценила роль Кубы в борьбе за мир: вождю кубинского народа Фиделю Кастро присвоено звание лауреата Международной Ленинской премии „За укрепление мира между народами“. Заслуженная награда вызвала законную радость и гордость кубинского народа» (Правда. 1961. 25 апреля).

32. 85-й километр – Орехово-Зуево

32.1 С. 77. *Орехово-Зуево —*

крупная железнодорожная станция и город Московской области в 89 км к востоку от Москвы с населением к концу 1960-х гг. около 120 000 человек. Самая значительная станция на Веничкином маршруте. В 1980-х гг. на перегоне 85-й километр — Орехово-Зуево была открыта еще одна остановка — платформа 87-й километр.

32.2 *— Да. Как всегда. И теперь уже навечно: Москва — Петушки… —*

Пророческие слова — действительно для читателей и почитателей поэмы данный маршрут навечно связан с именем Венедикта Ерофеева и его Венички.

32.3 *…ты думаешь, Ше-хе-ре-зада, что ты и на этот раз от меня отвертишься?! —*

Пародируется сюжетная основа «Тысячи и одной ночи» — цикла средневековых арабских сказок и историй (IX–XV вв.): жестокий и злой султан Шахрияр славился тем, что брал себе ежедневно по новой жене, а наутро их обязательно лишал жизни; обреченная на подобную смерть

дочь султанского визиря Шахразада (Шехерезада) просит султана Шахрияра отложить исполнение приговора на неопределенный срок, в течение которого она берется рассказывать ему каждый вечер на ночь оригинальную сказку; султан соглашается, и Шахразада начинает рассказывать свои увлекательные фантастические истории, прерывая рассказ с таким расчетом, чтобы любопытство Шахрияра не угасло до следующего вечера; таким образом Шахразада забавляла султана в течение тысячи и одной ночи, после чего султан даровал рассказчице жизнь. В Веничкин кругозор наверняка входила известная симфоническая сюита Римского-Корсакова «Шехерезада».

С Шехерезадой сравнивал себя, например, Довлатов: «Рассказывать могу, как Шехерезада, три года подряд» («Армейские письма к отцу», 1963, письмо 55).

32.4 С. 77. *…«Москва — Петушки? Сто двадцать пять». —*

125 км — длина железнодорожного пути от Курского вокзала до Петушков. Если мерить по прямой, Петушки находятся по отношению к Москве на 10 км ближе (1.1).

Ситуация торговли (с конкретной тарификацией) зайца с контролером в железнодорожном

вагоне встречается еще у раннего Чехова:

«Почтовый поезд номер такой-то мчится на всех парах от станции „Веселый Трах-Тарарах“ до станции „Спасайся, кто может!“. Локомотив свистит, шипит, пыхтит, сопит… Вагоны дрожат и своими неподмазанными колесами воют волками и кричат совами. На небе, на земле и в вагонах тьма… „Что-то будет! что-то будет!“ — стучат дрожащие от старости лет вагоны… <…> Я высовываю свою голову в окно и бесцельно смотрю в бесконечную даль. Все огни зеленые: скандал, надо полагать, еще не скоро. <…> Тьма, тоска, мысль о смерти, воспоминания детства… Боже мой!

— Грешен!! — шепчу я. — Ох, как грешен!..

<…>

Входит маленький кондуктор с черными усиками.

— Вы бы взяли билет! — обращается он к старцу, сидящему против меня. — Контролер здесь!

— Да? Гм… Это нехорошо… Какой?.. Князь?

— Ну… Князя сюда и палками не загонишь…

— Так кто же? С бородой?

— Да, с бородой…

— Ну, коли этот, то ничего. Он добрый человек.

— Как хотите.

— А много зайцев едет?

— Душ сорок будет.

— Ннно? Молодцы! Ай да коммерсанты!

Сердце у меня сжимается. Я тоже зайцем еду. Я всегда езжу зайцем. На железных дорогах зайцами называются гг. пассажиры, затрудняющие разменом денег не кассиров, а кондукторов. Хорошо, читатель, ездить зайцем! Зайцам полагается, по нигде еще не напечатанному тарифу, 75 % уступки, им не нужно толпиться около кассы, вынимать ежеминутно из кармана билет, с ними кондуктора вежливее и… все что хотите, одним словом!

— Чтоб я заплатил когда-нибудь и что-нибудь?! — бормочет старец. — Да никогда! Я плачу кондуктору. У кондуктора меньше денег, чем у Полякова! <…>

Едем к станции Халдеево, а по путеводителю „Фрум — Общая Могила“. Входят контролер и обер-кондуктор со свечой.

— Вашшш… билеты! — кричит обер-кондуктор.

— Ваш билет! — обращается контролер ко мне и к старцу.

Мы ежимся, сжимаемся, прячем руки и впиваемся глазами в ободряющее лицо обер-кондукто-

ра» («В вагоне», 1881).

32.5 *…промямлил что-то из области римского права. —*

Римское право — система законов и юридических положений в Древнем Риме, классический образец рабовладельческого законотворчества. Веня, видимо, апеллирует ко второй его части — частному праву (jus privatum; первая часть — jus publicum, то есть публичное право), которое стремилось «к выгоде частных лиц» и закрепляло за личностью значительную правовую и хозяйственную автономию. Кроме прочего, частное римское право декларировало принцип равенства лиц в гражданской обороне, который, вероятно, и имеет в виду Веничка в комментируемой ситуации. А возможно, он просто каламбурит в духе чеховского Туркина: «Вы не имеете никакого римского права уезжать без ужина» («Ионыч», 1897–1898). Кстати, римским правом был недоволен не только Семеныч, но и, например, брюсовский персонаж, который заявляет: «К черту римское право и всякую схоластику! Мы хотим науки жизненной!» («Обручение Даши», 1913).

32.6 С. 77. *…дошел уже до скандальной истории*

с Лукрецией и Тарквинием <…> что же все-таки случилось с Лукрецией: достиг своего шалопай Тарквиний или не достиг?.. —

Достиг, так как здесь имеются в виду сын последнего (седьмого) римского императора (534/533–510/509 до н. э.) Тарквиния Гордого — тоже Тарквиний — и жена их ближайшего родственника Тарквиния Коллатина — Лукреция. Пользуясь покровительством отца-тирана и, соответственно, веря в свою безнаказанность, Тарквиний изнасиловал Лукрецию. Однако этот акт насилия переполнил чашу терпения римлян, и Тарквиний Гордый, по преданию, был изгнан из Рима.

Принижение патетики данного эпизода античной истории в доерофеевской литературе встречается, например, у «сатириконцев» (цитируемый ниже текст принадлежит Тэффи):

«В Риме последовательно сменилось несколько царей. Один из них — Сервий Туллий был убит своим зятем Тарквинием, прославившимся своими сыновьями. Сыновья под фирмою „Братья Тарквиньевы и Ко“ отличались буйным характером и оскорбляли честь местных Лукреций. Недалекий отец гордился своими сыновьями, за что и был прозван Тарквинием Гордым. В конце концов народ возмутился, изменил царскую

власть и выгнал Тарквиния. Он всей фирмой отправился путешествовать» (Всеобщая история, обработанная «Сатириконом». М., 1993. С. 32–33).

Иронизировали на заданную тему и поэты — например, Пушкин (о графе Нулине): «В надежде сладостных наград, / К Лукреции Тарквиний новый / Отправился на все готовый. / <…> / Она Тарквинию с размаха / Дает — пощечину…» («Граф Нулин», 1825); и Кузмин: «Вид добродетельных Лукреций / Мне ничего не говорит…» («Возвращение дэнди», 1913).

Живописцев же преступление Тарквиния и страдания Лукреции вдохновляли на исключительно серьезные по настроению произведения. Например, в Эрмитаже хранятся известные полотна XVI в. — Доссо Досси «Лукреция» и Якопо Пальма Младшего «Тарквиний и Лукреция».

32.7 *…дошел уже до истории с Гипатией. Я ему говорил: «И вот, по наущению патриарха Кирилла, одержимые фанатизмом монахи Александрии сорвали одежды с прекрасной Гипатии и…» —*

Гипатия (ок. 370–415) — преподавательница математики, философии и астрономии в Александрии; дочь математика Теона; славилась мудростью, красотой, добродетелью; преподавала не только язычникам, но и христианам.

Кирилл (ум. 444) — архиепископ Александрийский с 412 г., Отец Церкви, в связи с чем и получил титул патриарха, ортодокс, гонитель еретиков-новациан, евреев-иудаистов, постоянный оппонент, по его мнению, излишне либеральных к инакомыслящим александрийских властей.

Веничкин рассказ о трагической гибели Гипатии скомпилирован из статей энциклопедического словаря Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: «Она в 415 г. была во время уличных беспорядков зверски убита фанатичной толпой, по подстрекательству епископа Кирилла, считавшего ее виновницей направленных против него префектом Египта мер»; «Епископ александрийский Кирилл считал Г[ипатию] вдохновительницею стеснительных мер, принимавшихся префектом против излишеств его фанатизма, возбудил… против нее массу невежественного христианского населения. Встреченная на улице разъяренною каким-то столкновением толпою, Г[ипатия] была стащена с носилок; с нее содрали одежды, зверски замучили и растерзанные члены бросили в огонь».

Клише «сорвали одежды» встречается у поэтов, например у Брюсова: «Срывай последние одежды» («Одиночество», 1903).

32.8 С. 78. *…до Индиры Ганди…* —

Индира Ганди (1917–1988) — видный политический деятель Индии; с 1966 г. — премьер-министр Индии, одновременно (с 1967 г.) министр иностранных дел, министр атомной энергии, председатель Плановой комиссии; в конце 1960-х гг. неоднократно выступала с осуждением агрессии Израиля против арабских стран; друг СССР.

32.9 *…Моше Даяна…* —

См. 12.21.

32.10 С. 78. *…Дубчека.* —

См. 34.44.

32.11*…Семеныч выпил свою штрафную…* —

Штрафная (доза, порция, рюмка) — в «низкой» действительности порция спиртного, подносимая гостю, опоздавшему к началу распития, как символическое наказание за пропущенные дозы. Здесь звучит как каламбур, поскольку Семеныч никуда не опаздывал, а действительно собирает штрафы.

32.12 *…султан Шахриар…* —

См. 32.3.

32.13 *…в век золотой, который «ей-ей, грядет»?..* —

Имитация библейской патетики: «Свидетельствующий сие говорит: ей, гряду скоро! Аминь. Ей, гряди, Господи Иисусе!» (Откр. 22: 20). О золотом веке см. 33.8.

32.14 *От третьего рейха…* —

Третий рейх — название государственного устройства Германии в 1933–1945 гг., то есть в годы фашистской диктатуры Гитлера (по аналогии с двумя предыдущими рейхами: Германской империей (1867–1918) и Веймарской республикой (1918–1945)). В названии отражено существование в немецкой внутриполитической системе рейхстага (парламента).

32.15 *…четвертого позвонка…* —

«Четвертый позвонок» (1957, рус. пер. 1959) — сатирический роман финского писателя М. Ларни (1909–1993). Включен Веничкой в ряд явлений с негативной окраской, поскольку в романе всячески высмеивается американский образ жизни.

32.16 *…пятой республики…* —

форма государственного правления во Франции с 1958 г., установленная правительством национального спасения генерала де Голля (30.22) после того, как Национальное собрание Франции наделило его чрезвычайными полномочиями

для вывода страны из глубокого политического кризиса. Для любознательных и пытливых — предыдущие республики во Франции: Первая (1792–1804), Вторая (1848–1852), Третья (1870–1940), Четвертая (1944–1958). Определение «Пятая республика» регулярно использовалось советскими газетными репортерами: «Итак, очередной референдум — пятый по счету за время существования Пятой республики во Франции — не оправдал надежд его организаторов» (Правда. 1969. 29 апреля); «В первые годы Пятой республики власти задумали перенести резиденцию главы государства из Елисейского дворца в Венсенский замок на окраине Парижа» (Правда. 1969. 23 мая).

32.17 *…семнадцатого съезда…* —

Речь идет о XVII съезде ВКП(б) (1934 г., Москва); он же — «съезд победителей», на котором было заявлено о бесповоротности курса СССР на строительство социализма и были окончательно уничтожены ростки оппозиционности внутри ВКП, а также проведены выборы ЦК ВКП(б), итоги которых были фальсифицированы, а участники съезда в массе своей репрессированы и уничтожены Сталиным.

32.18 *…в мир вожделенного всем иудеям пятого царства…* —

Пятое царство — светлая вершина ветхозаветной периодизации этапов эволюции мира в иудейской религии. Библейская классификация царств содержится, в частности, в Книге пророка Даниила, который трактует царю Навуходоносору его сон:

«Вот сон! Скажем пред царем и значение его. Ты, царь, царь царей, которому Бог Небесный даровал царство [первое], власть, силу и славу <…> После тебя восстанет другое царство, ниже твоего, и еще третье царство, медное, которое будет владычествовать над всею землею. А четвертое царство будет крепко, как железо; ибо как железо разбивает и раздробляет все, так и оно, подобно всесокрушающему железу, будет раздроблять и сокрушать. <…> И во дни тех царств Бог Небесный воздвигнет царство, которое во веки не разрушится, и царство это не будет передано другому народу; оно сокрушит и разрушит все царства, а само будет стоять вечно» (Дан. 2: 36–37, 39–40, 44).

32.19*…седьмого неба…* —

Седьмое небо (*идиом.)* — верх блаженства. Согласно работе Аристотеля «О небе», небо состоит из семи неподвижных сфер, несущих звезды

и планеты; самая труднодоступная и потому вожделенная — седьмая сфера. Помимо того, седьмое небо упоминается в Коране, который сам «был якобы принесен ангелом с седьмого неба» (*Ашукин Н. С., Ашукина М. Г.* Крылатые слова. М., 1996. С. 256). См. также 18.16.

32.20 С. 78. *…второго пришествия?..* —

Второе пришествие — второе явление людям Иисуса Христа, неизбежность которого составляет объект христианской веры. Образ второго пришествия представлен в Новом Завете самим Христом: «Тогда явится знамение Сына Человеческого на небе; и тогда восплачутся все племена земные и увидят Сына Человеческого, грядущего на облаках небесных с силою и славою великою» (Мф. 24: 30). Накануне казни Христос обращается к первосвященнику: «И вы узрите Сына Человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных» (Мк. 14: 62). Идея и образ второго пришествия составляют основное содержание Откровения Иоанна Богослова.

Достоевский вкладывает мечты о втором пришествии Христа в уста пьяницы Мармеладова:

«Да! меня жалеть не за что! Меня распять надо, распять на кресте, а не жалеть! Но распни, судия, распни и, распяв, пожалей его. И тогда я сам к

тебе пойду на пропятие, ибо не веселия жажду, а скорби и слез!.. Думаешь ли ты, продавец, что этот полуштоф твой мне в сласть пошел? Скорби, скорби искал я на дне его, скорби и слез, и вкусил, и обрел; а пожалеет нас тот, кто всех пожалел и кто всех и вся понимал, он единый, он и судия. Приидет в тот день и спросит <…> И скажет: „Приди! Я уже простил тебя раз… Простил тебя раз… Прощаются же и теперь грехи твои мнози <…>“. И простит мою Соню <…> И всех рассудит и простит, и добрых и злых, и премудрых и смирных… И когда уже кончит над всеми, тогда возглаголет и нам: „Выходите, скажет, и вы! Выходите пьяненькие, выходите слабенькие, выходите скоромники!“ И мы выйдем все, не стыдясь, и станем. И скажет: „Свиньи вы! образа звериного и печати его; но приидите и вы!“ И возглаголят премудрые, возглаголят разумные: „Господи! почто сих приемлеши?“ И скажет: „Потому их приемлю, премудрые, потому приемлю, разумные, что ни единый из сих сам не считал себя достойным сего…“ И простретк нам руце свои, и мы припадем… и заплачем… и все поймем! Тогда все поймем!.. и все поймут… <…> Господи, да приидет царствие твое!» («Преступление и наказание», ч. 1, гл. 2).

А вот образец патетики из Рабле (с негой, уте-

хами и т. п.):

«– О, тогда, — продолжал Гоменац, — не будет больше града, мороза, изморози, бури! О, тогда наступит изобилие всех благ земных! О, тогда во всей вселенной воцарится постоянный нерушимый мир: прекратятся войны, грабежи, лихоимство, разбой, убийства <…> О, тогда для всего человеческого рода воцарятся ликование, отрада, услада, нега, забавы, утехи, блаженство!» («Гаргантюа и Пантагрюэль», кн. 4, гл. 51).

На данный «высокий» дискурс в этой сцене постоянно проецируется забота об «освобождении своей прямой кишки» Эпистемона, чье поведение сходно с поведением снимающего брюки Семеныча.

32.21 *То будет день, «избраннейший из всех дней». —*

Здесь Веничка цитирует Александра Радищева:

Тогда всех сил властей сложенье

Развеется в одно мгновенье.

О день! избраннейший всех дней!

(«Вольность», 1783)

В целом же, словосочетание «избраннейший

всех» в значении «избранный из всех» — библеизм: «Если будешь слушать гласа Моего, и будешь исполнять все, что скажу тебе, и сохранишь завет Мой, то вы будете у Меня народом избранным из всех племен, ибо вся земля Моя» (Исх. 23: 22).

32.22 *В тот день истомившийся Симеон скажет наконец: «Ныне отпущаеши раба Твоего, Владыко…» —*

Имеется в виду известная новозаветная история о старце Симеоне, которому «было предсказано Духом Святым, что он не увидит смерти, доколе не увидит Христа Господня. И пришел он по вдохновению в храм. И когда родители принесли Младенца Иисуса, чтобы совершить над Ним законный обряд, Он взял Его на руки, благословил Бога и сказал: Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему с миром; Ибо видели очи мои спасение Твое» (Лк. 2: 26–30).

У Гиппиус читаем:

Как Симеону увидеть
Дал Ты, Господь, Мессию,
Дай мне, дай увидеть
Родную мою Россию.

(«Господи, дай увидеть!..»)

«В тот день» — типичное для библейских авторов начало перечисления событий «дня Господа»: «В тот день, говорит Господь Саваоф, я возьму тебя, Зоровавель» (Агг. 2: 23); «И будет в тот день: горы будут капать вином и холмы потекут молоком» (Иоил. 3: 18); см. также, например: Ис. 19: 18, 22: 25; Иез. 24: 27; Зах. 3: 10, 12: 4, 12: 6, 12: 8, 12: 11 и т. д.

32.23 С. 78. *И скажет архангел Гавриил: «Богородице Дево, радуйся, благословенна ты между женами». —*

Гавриил — один из семи архангелов, доносящих до Бога молитвы людей; был послан Богом к священнику Захарии известить его, что его (Захарии) жена родит сына Иоанна — в будущем Крестителя (Лк. 1: 13). Позже Гавриил был послан в Назарет к Деве Марии: «Ангел, вошед к Ней, сказал: радуйся, Благодатная! Господь с Тобою; благословенна Ты между женами. <…> Не бойся, Мария, ибо Ты обрела благодать у Бога; и вот, зачнешь во чреве, и родишь Сына, и наречешь Ему имя: Иисус» (Лк. 1: 28, 30–31; см. также Лк. 1: 42).

«Богородица Дева, радуйся…» — известная христианская молитва, упоминается, к примеру, у Горького:

«Когда я пошел на кладбище, бабушка, перекре-

стив меня, посоветовала:

— Ежели что померещится — не шевелись, а только читай богородицу дево радуйся…» («В людях», гл. 2).

Оборот «благословенна между женами» встречается не только в Новом, но и в Ветхом Завете, например в песне Деворы, воспевающей победу Варака над Иавином: «Да будет благословенна между женами Иаиль, жена Хевера Кенеянина, между женами в шатрах да будет благословенна!» (Суд. 5: 24).

Данный библейский сюжет и связанная с ним идиоматика эксплуатировались поэтами. Так, у Цветаевой читаем:

В своих младенческих слезах —
Что в ризе ценной,
Благословенна ты в женах!
– Благословенна.
<…>
Твой стан над спящим над птенцом —
Трепет и древо.
Был благовест ему отцом, —
Радуйся, Дева!

(«В своих младенческих слезах…», 1921)

Оборот «благословенна ты» использован Цветаевой в стихотворении «Необычайная она! Сверх сил!..» (1921).

32.24 *...доктор Фауст проговорит: «Вот — мгновенье! Продлись и постой». —*

Крылатые слова Фауста Гёте: «Тогда сказал бы я: мгновенье! / Прекрасно ты, продлись, постой!» («Фауст», ч. 2, акт 5, «Большой двор перед дворцом»; пер. Н. Холодковского).

32.25 *...все, чье имя вписано в книгу жизни, запоют... —*

Книга жизни — библейский образ, обозначающий жизнь праведного человечества; «книга жизни» (единожды вкупе с «вписанием в нее») широко представлена у Иоанна Богослова: «...и удивятся те из живущих на земле, имена которых не вписаны в книгу жизни от начала мира» (Откр. 17: 8). Ср. также: «И если кто отнимает что от слов книги пророчества сего, у того отнимет Бог участие в книге жизни и в святом граде и в том, что написано в книге сей» (Откр. 22: 19); «Побеждающий облечется в белые одежды; и не изглажу имени его из книги жизни, и исповедаю его пред Отцем Моим и пред Ангелами Его» (Откр. 3: 5); «И увидел я мертвых, малых и великих, стоящих

пред Богом, и книги раскрыты были, и иная книга раскрыта, которая есть книга жизни; и судимы были мертвые по написанному в книгах, сообразно с делами своими» (Откр. 20: 12); «И не войдет в него [небесный Иерусалим] ничто нечистое и никто преданный мерзости и лжи, а только те, которые написаны у Агнца в книге жизни» (Откр. 21: 27); «Ей, прошу и тебя, искренний сотрудник, помогай им, подвизавшимся в благовествовании вместе со мною и с Климентом и с прочими сотрудниками моими, которых имена — в книге жизни» (Флп. 4: 3).

Встречается этот образ и у Пастернака — также в новозаветном контексте: «Но книга жизни подошла к странице, / Которая дороже всех святынь» («Гефсиманский сад», 1949).

32.26 С. 78. *…«Исайя, ликуй!»* —

«Исайя, ликуй» — традиционное церковное песнопение, обычно исполняемое при венчании; восходит к Ветхому Завету: 1) к пророчеству Исаии о воцарении святого и радостного Сиона, для которого Господь будет «вечным светом»: «Восстань, светись, Иерусалим, ибо пришел свет твой, и слава Господня взошла над тобою. <…> И будут всегда отверсты врата твои, не будут затворяться ни днем ни ночью, чтобы приносимо было к тебе

достояние народов и приводимы были цари их. <…> Господь будет тебе вечным светом, и Бог твой — славою твоею. <…> Господь будет для тебя вечным светом, и окончатся дни сетования твоего» (Ис. 60: 1, 11, 19, 20); 2) к передаваемым Исаией словам Бога: «И буду радоваться об Иерусалиме и веселиться о народе Моем; и не услышится в нем более голос плача и голос вопля» (Ис. 65: 19).

Этот оборот/образ встречается в русской поэзии, например у Сергея Третьякова: «Исайя ликуй! / Пей, пей, пена перельется!» («Восковая свеча», 1913; пунктуация Третьякова); или у Мандельштама:

Разноголосица какая
В трактирах буйных и в церквах,
А ты ликуешь, как Исайя,
О рассудительнейший Бах!

(«Бах», 1913)

32.27 *…Диоген погасит свой фонарь. —*

Диоген Синопский (ок. 404–323 до н. э.) — древнегреческий философ-киник, отличался крайне независимым и оригинальным поведением; в частности, по преданию, разгуливал днем по улицам с зажженным фонарем и на вопрос,

зачем ему днем зажженный фонарь, отвечал, что он с его помощью «ищет человека» (Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979. С. 4). Образ Диогена с фонарем вдохновлял некоторых поэтов, например Надсона:

Я зажег свой фонарь. Огоньком золотым
Он во мгле загорелся глубокой.
И по свету бродить я отправился с ним
То тропой, то дорогой широкой.
<…>
Я повсюду искал человека.

(«По следам Диогена», 1879)

Встречается также у Тристана Корбьера в переводе Анненского: «Ты — Стикс, но высохший, откуда, кончив лов, / Уносит Диоген фонарь, на крюк надетый…» («Ночью, 1904).

Употреблял этот расхожий штамп и Сергей Эйзенштейн: «Так рукополагался в режиссеры Довженко. На мгновение можно было притушить фонарь Диогена, перед нами стоял настоящий человек» («Рождение мастера», 1939).

32.28 *И сольются в поцелуе мучитель и жертва… —*

Очередная отсылка к Достоевскому, к монологу Ивана Карамазова:

«Понимаю же я, каково должно быть сотрясение вселенной, когда все на небе и под землей сольется в один хвалебный глас, и все живое воскликнет: „Прав Ты, Господи, ибо открылись пути Твои!“ Уж когда мать обнимется с мучителем, растерзавшим псами сына ее…» («Братья Карамазовы», ч. 1, кн. 5, гл. 4).

См. также у Брюсова: «Сливая уста в поцелуе, / Я помнил далекие сны» («Новые грезы», 1893).

32.29 *…и злоба, и помысел, и расчет покинут сердца… —*

Компиляция из библейских штампов: «И увидел Господь, что велико развращение человеков на земле, и что все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время» (Быт. 6: 5); «Помыслы в сердце человека — глубокие воды» (Притч. 20: 5); «…ибо из сердца исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления» (Мф. 15: 19; см. также Мк. 7: 21); «Итак покайся в сем грехе твоем, и молись Богу: может быть, отпустится тебе помысел сердца твоего…» (Деян. 8: 22). Ср. также 1 Петр.

4: 3; Еф. 2: 3.

32.30 С. 78. *…женщина Востока сбросит с себя паранджу! окончательно сбросит с себя паранджу угнетенная женщина Востока! —*

Раскрепощение женщин-мусульманок, повышение их роли в жизни общества было одним из немногих достижений Советской власти. Жительницы закавказских и среднеазиатских республик должны были именно решительно сбрасывать (а не нерешительно снимать) с себя паранджу — символ рабства, бесправия и угнетенности. Горький писал по этому поводу из Италии:

«Невольно вспоминаешь об активной роли, которую теперь играет женщина у восточных народов. Это особенно резко бросается в глаза у нас в России, среди женщин-мусульманок Поволжья, Кавказа, Малой Азии. Дело тут не только в том, что они сбросили с себя паранджу, что они ведут упорную борьбу против многоженства, гаремов, а в их стремлении расширять свои знания, учиться, завоевать духовную независимость от ислама, шариата» (письмо Ромену Роллану от 28 марта 1927 г., Сорренто).

32.31 *И возляжет волк рядом с агнцем…* —

Библейский образ всеобщего примирения пе-

ред лицом Господа Бога: «Тогда волк будет жить вместе с ягненком» (Ис. 11: 6); «Волк и ягненок будут пастись вместе» (Ис. 65: 25).

Глагол «возлечь» — также из библейской лексики: «Говорю же вам, что многие придут с востока и запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом в Царстве Небесном» (Мф. 8: 11; см. также Мф. 14: 19, 15: 35; Лк. 13: 12; Мк. 8: 6; Ин. 6: 10).

32.32 *…и кавалеры выберут себе барышень, кому какая нравится! —*

Наложение терминологии танцевальных залов и площадок («кавалеры выбирают дам, дамы выбирают кавалеров») на ветхозаветный пассаж: после сотворения человека, а затем и женщины «люди начали умножаться на земле, и родились у них дочери, тогда сыны Божии увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их себе в жены, какую кто избрал» (Быт. 6: 1–2).

32.33 *…как гитана, заломил свои руки… —*

Гитана — цыганка. Сравнение это — цитата из Мандельштама: «И в исступленьи, как гитана, / Она заламывает руки» («Кинематограф», 1913).

32.34 С. 79. *…гомосексуализм в нашей стране изжит хоть и окончательно, но не целиком. Вернее, целиком, но не полностью. А вернее даже так:*

целиком и полностью, но не окончательно. —

Пародируются традиционные для советской пропаганды и теории научного коммунизма дефиниции, которые давались так называемым «этапам построения социализма в СССР». «Целиком и полностью» социализм победил в СССР к 1936 г., когда закончилась вторая фаза его построения; «вторая фаза — это период от ликвидации капиталистических элементов города и деревни до полной победы социалистической системы хозяйства и принятия новой Конституции» (*Сталин И.* Доклад на XVIII съезде ВКП(б) // XVIII съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1939. С. 35).

Преемник Сталина в свою очередь также решал вопросы теории, продолжая совершенствовать при этом официальную идиоматику, которой вслед за ним пользуется Веничка:

«Еще не так давно в коммунистическом движении ставился и обсуждался вопрос о возможности построения социализма в одной, отдельно взятой стране, вопрос о полной и окончательной его победе. <…> Неуклонно руководствуясь ленинскими указаниями, советский народ, вдохновляемый Коммунистической партией, в условиях постоянной угрозы военного нападения со стороны капиталистических государств упорно строил

социалистическое общество, шел вперед по неизведанным путям и добился полной победы социализма в нашей стране. <…> Но эта победа еще не была окончательной. Под окончательной победой социализма марксисты понимают его победу в международном масштабе. <…> В мире нет сейчас таких сил, которые смогли бы восстановить капитализм в нашей стране, сокрушить социалистический лагерь. Опасность реставрации капитализма в Советском Союзе исключена. Это значит, что социализм победил не только полностью, но и окончательно. (*Бурные, продолжительные аплодисменты.*) Таким образом, можно считать, что вопрос о построении социализма в одной стране и его полной и окончательной победе решен всемирно-историческим ходом общественного развития» (*Хрущев Н.* Доклад на XXI съезде КПСС // Внеочередной XXI съезд КПСС. Стенографический отчет: В 2 т. М., 1959. Т. 1. С. 106–107).

32.35 С. 79. *У публики ведь что сейчас на уме? Один только гомосексуализм. —*

Вплоть до начала 1990-х гг. тема гомосексуализма официально в СССР не дискутировалась, и власти делали вид, что гомосексуализма как явления в Советском Союзе нет. Более того, он был

объявлен исключительно «западной заразой». В легендарном выступлении Хрущева на встрече с представителями творческой интеллигенции в декабре 1962 г., в частности в его обращении к Эрнсту Неизвестному, звучало: «Неизвестный! Если это у вас женщина, то вы педераст. А педерастам дают десять лет. Наверное, и Ной не брал их в свой ковчег. (Реплика: «Брал, брал».)» (СССР: Внутренние противоречия. Нью-Йорк, 1982. С. 188).

А вот оригинальное наблюдение исследователя советской поэзии: «Шестая тема советской поэзии — гомосексуализм. Как и всем тоталитарным режимам, советскому обществу присущ гомосексуализм. Женщина — существо презираемое и перевоспитываемое в мужчину. <…> Советский гомосексуализм варварски естественен, нерефлектирован» (*Галковский Д.* Поэзия советская. Из материалов «Энциклопедии Высоцкого» // Новый мир. 1992. № 5. С. 214). А раз нерефлектирован, то внимание к гомосексуализму поэтов было хотя и подспудным, но постоянным, — отсюда он у (читающей) публики всегда на уме. Евтушенко писал в заграничных стихах: «[В Риме] Педерасты напудренные / жмут друг дружку у входа львиного» («Колизей», 1965); «Синьоры! От имени

и по поручению президиума Клуба педерастов разрешите мне поднять первый тост за женщин» («Ритмы Рима», 1965).

32.36 *…смотрят они телевизор: генерал де Голль и Жорж Помпиду встречаются на дипломатическом приеме. —*

Генерал де Голль — см. 30.22. Жорж Помпиду (1911–1974) — крупный государственный и политический деятель Франции; один из соратников де Голля, директор кабинета его правительства с 1958 г., затем в 1962–1968 гг. — премьер-министр Франции, после отставки де Голля — с 1969 г. президент Французской республики.

По телевизору смотрит на Помпиду выпивающий персонаж Высоцкого:

Настя твердит, что проникся я страстью
К глупому ящику для идиота.

Да, я проникся – в квартиру зайду,
Глядь – дома Никсон и Жорж Помпиду!
Вот хорошо – я бутылочку взял, —
Жорж – посошок, Ричард, правда, не стал.

(«Жертва телевидения», 1972)

32.37 *…женщина Востока… если снимет с себя паранджу… на ней что-нибудь останется?.. Что-нибудь есть у нее под паранджой?.. —*

Цветаева, к примеру, задавала схожие вопросы и сама же на них отвечала: «Женщина, что у тебя под шалью? / — Будущее!» («Под шалью», 1924).

33. Орехово-Зуево

33.1 С. 79. *...заинтригованного в тысячу первый раз...* —

Очередная аллюзия на «Сказки 1001 ночи» (32.3). Причем здесь начинаются намеки на развязку повествования, так как с тысяча первой сказкой для Шахразады все кончилось (в отличие от Венички, благополучно).

33.2 *...колеблясь, как мыслящий тростник...* —

Образ человека как «мыслящего тростника» принадлежит французскому философу и ученому Паскалю:

«Человек всего лишь тростник, самый слабый в природе, но это мыслящий тростник. Не нужно вселенной ополчаться против него, чтобы его уничтожить: достаточно пара, капли воды, чтобы убить его. Но, если бы вселенная его уничтожила, человек все же оставался бы более достойным, чем то, что его убивает, ибо он знает, что умирает, тогда как о преимуществе, которое имеет над ним вселенная, она ничего не знает» («Мысли», гл. 6, п. 347; цит. по: *Ашукин Н. С., Ашукина М. Г.* Крылатые слова. М., 1996. С. 251–252).

Образ этот неоднократно использовался поэтами — например, Тютчевым:

Откуда, как разлад возник?
И отчего же в общем хоре
Душа не то поет, что море,
И ропщет мыслящий тростник?

(«Певучесть есть в морских волнах», 1865)

И вслед за ним — Северяниным:

«Ты тростник,
Но мыслящий», – сказал про зверя Тютчев.
Я думаю, однако, что старик
Поэт названье мог бы выбрать лучше:
Ведь в тростнике нет зверского, меж тем
Как в людях – зверство сплошь.

(«Солнечный дикарь», 1924)

См. также сонет Северянина «Тютчев» (1926). Кроме того, у Эренбурга мемуарист-рассказчик читает Паскаля — все тот же пассаж о «мыслящем тростнике» (*Эренбург И.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1962–1967. Т. 8. С. 473).

Однако данной реминисценцией Паскаля здесь ограничиваться нельзя, так как сочетание «тростника» с глаголом «колебаться» отсылает к Новому Завету. Вот слова Иисуса об Иоанне Крестителе: «Что смотреть ходили вы в пустыню? трость ли, ветром колеблемую?» (Мф. 11: 7; см. также Лк. 7: 24). В Ветхом Завете есть: «И поразит Господь Израиля, и будет он, как тростник, колеблемый в воде» (3 Цар. 14: 15). Отсюда — у Пушкина: «И тихо зыблется тростник» («Аквилон», 1824).

33.3 С. 80. *…я видел совершенно отчетливо, и свидетельствую об этом миру. —*

В христианстве «свидетельствуют миру» обычно о Спасителе. Комментируемая фраза — компиляция из новозаветных формул: «И мы видели и свидетельствуем, что Отец послал Сына Спасителем миру» (1 Ин. 4: 14); «Вас мир не может ненавидеть, а Меня ненавидит, потому что Я свидетельствую о нем, что дела его злы» (Ин. 7: 7); «И я также свидетельствую всякому слышащему слова пророчества книги сей» (Откр. 22: 18).

33.4 *…погрузился в тот сон, с которого начались все твои бедствия?.. —*

Словосочетание «твои бедствия» — из Библии: «Блаженны скорбевшие о всех бедствиях твоих»

(Товит. 13: 14).

33.5 *…я еще запомнил, что сумел наконец совладать со стихиями… —*

То есть стал сильней царей, так как это «пушкинская» аллюзия: «[Покойный царь (Александр I)] молвил: „С Божией стихией / Царям не совладеть“» («Медный всадник», ч. 1).

33.6 *…о нет! Я лгу опять! я снова лгу перед лицом Твоим, Господь! —*

Ситуация «ложь грешника/-ов перед лицом Господа» — из Ветхого Завета: «Когда Он убивал их, они искали Его и обращались, и с раннего утра прибегали к Богу, и вспоминали, что Бог — их прибежище, и Бог Всевышний — Избавитель их, и льстили Ему устами своими и языком своим лгали пред Ним; сердце же их было неправо пред Ним, и они не были верны завету Его» (Пс. 77: 34–37).

Формула «(не) лгать перед Лицом Твоим» встречается и у поэтов. У Блока например: «Дай мне неспешно и нелживо / Поведать пред Лицом Твоим» («Возмездие», пролог).

33.7 *…сложа весла, отдался мощному потоку грез и ленивой дремоты… —*

Аллюзия на название стихотворения Пастерна-

ка «Сложа весла» (1917). Ср. также у Тютчева: «Я, сонный, был предан всей прихоти волн» («Сон на море», 1830) и «А ты плыви, плыви, ладья, / Куда несет поток» («Приветствие духа (Из Гёте)», 1827–1829).

А в ленивую дремоту погружался не только Веничка, но и ранний селянин у Пушкина:

> *…а ранний селянин,*
> *Готовясь уж косить высокий злак долин,*
> *Услыша бури шум, не выйдет на работу*
> *И погрузится вновь в ленивую дремоту.*

(«Приметы», 1821)

По мнению Левина, именно здесь, в Орехове-Зуеве, Веничку выносит на перрон, и он попадает в электричку, идущую в обратном направлении, то есть в Москву (*Левин Ю.* Комментарий к поэме «Москва — Петушки»… С. 75). Пожалуй, это наиболее рациональное объяснение тому, что поэма заканчивается в Москве.

33.8 С. 80. *Все ваши выдумки о веке златом… ложь и уныние. —*

Словосочетание «златой/золотой век» в зна-

чении «счастливая, беспечная жизнь» восходит к Гесиоду («Труды и дни») и к Овидию («Метаморфозы», кн. 1). У Булгакова, например, Мастер вспоминает о своей безоблачной жизни: «Службу в музее бросил и начал сочинять роман о Понтии Пилате…Это был золотой век!» («Мастер и Маргарита», ч. 1, гл. 13).

Однако в данном контексте источником заявления Венички следует считать не литераторов древности, а Блока: «[Поэты] Разнежась, мечтали о веке златом…» («Поэты», 1908). Жизнь поэтов, представленная в этом ироническом скетче, действительно «лжива и уныла», и никакой реальный «златой век» им не грозит, так как каждый из них

…свой день посвящал
Вину и усердным работам.

Когда напивались, то в дружбе клялись,
Болтали цинично и пряно.
Под утро их рвало. Потом, запершись,
Работали тупо и рьяно.

(«Поэты», 1908)

Златой век остается лишь поэтизированной

иллюзией, свойственной более поэтам, нежели обывателям:

Так жили поэты. Читатель и друг!
Ты думаешь, может быть, – хуже
Твоих ежедневных бессильных потуг,
Твоей обывательской лужи?

Нет, милый читатель, мой критик слепой!
По крайности есть у поэта
И косы, и тучки, и век золотой,
Тебе ж недоступно все это!..

(«Поэты», 1908)

И здесь же содержится знаменитый блоковский лозунг: «А вот у поэта — всемирный запой, / И мало ему конституций», который также без труда проецируется на идеологию «Москвы — Петушков».

О золотом веке сказано и у Ахматовой: «Это — из жизни не той и не той, / Это — когда будет век золотой» («Справа раскинулись пустыри», 1944).

Также, в контексте отсылок к Бахтину (29.26, 31.15), возможна и полемика политического пессимиста Венички с апологетом торжества кол-

лективного народного «тела»: «Народно-праздничные формы глядят в *будущее* и разыгрывают победу *этого будущего — „золотого века“ — над прошлым*: победу всенародного изобилия материальных благ, свободы, равенства, братства. Эта победа будущего обеспечена народным бессмертием» (*Бахтин М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1990. С. 282).

33.9 *…я-то, двенадцать недель тому назад, видел его прообраз, и через полчаса сверкнет мне в глаза его отблеск — в тринадцатый раз. —*

Мотив роковой «тринадцатой пятницы» — см. 18.32.

33.10 *Кто там, облаченный в пурпур и крученый виссон, смежил ресницы и обоняет лилии?.. —*

Словосочетание «облеченный в пурпур» использовалось Блоком: «На гладях бесконечных вод, / Закатом в пурпур облеченных, / Она вещает и поет…» («Гамаюн, птица вещая (Картина В. Васнецова)», 1899). См. также 18.27. Сходная формулировка вопроса встречается у Пушкина: «Кто там в малиновом берете / С послом испанским говорит?» («Евгений Онегин», гл. 8, строфа XVII).

33.11 С. 80. *…смежил ресницы… —*

закрыл глаза. Традиционный поэтический штамп, есть у того же Блока: «Всё, что в сердце, смежило ресницы» («Очарованный вечер мой долог…», 1901), или у Цветаевой: «И лягу тихо, смежу ресницы…» («А все же спорить и петь устанет…», 1917).

33.12 *…раздвигаю кусты жасмина…* —

В дополнение к просто «жасмину» (14.3) «кусты жасмина» также обнаруживаются у поэтов — например, у Ходасевича: «жасминные кусты» («К музе», 1910), и у Сологуба: «жасминовый куст» («Расточитель», 1917).

34. Орехово-Зуево – Крутое

34.1 С. 80. *Крутое* —
железнодорожная платформа на магистрали Москва — Владимир.

34.2 *Тихонов.* —
См. 3.1.

34.3 — *Я отрабатываю тезисы. Все давно готово к выступлению, кроме тезисов. А вот теперь и тезисы готовы…* —

3 апреля (по старому стилю) 1917 г. Ленин вернулся из-за границы после 9-летнего отсутствия в России, вызванного преследованиями полиции. Сразу же по прибытии на площади у Финляндского вокзала в Петрограде с броневика, в окружении большой толпы солдат и рабочих, он произнес зажигательную речь, в которой провозгласил курс РСДРП(б) на социалистическую революцию. Спустя несколько дней (7 апреля) на собрании большевиков в Таврическом дворце он выступил уже с более рациональным докладом на ту же тему — «О задачах пролетариата в данной революции». «Это были знаменитые Апрельские тезисы, вооружившие большевистскую пар-

тию гениальным планом борьбы за переход от буржуазно-демократической революции к социалистической. Владимир Ильич наметил в этих тезисах главные политические и экономические задачи партии» (Родина советская. Исторический очерк. М., 1981. С. 7).

«7 апреля 1917 г. в „Правде“ была опубликована статья В. И. Ленина „О задачах пролетариата в данной революции“, содержавшая его гениальные Апрельские тезисы, которые принадлежат к числу классических произведений творческого марксизма.

Преград не знает ленинская мысль,
Истории свои диктуя строки.
И вот уже с грядущим днем слились
Апрельских тезисов отточенные строки.

Апрельские тезисы В. И. Ленина состоят из 10 положений, неразрывно связанных друг с другом и составляющих единое целое. <…> В Апрельских тезисах и других своих произведениях В. И. Ленин дал план перехода к социалистической революции» (Курс лекций по истории КПСС. Часть I / Под ред. С. Мурашева. М., 1965. С. 318–319).

34.4 С. 81. — *…ты считаешь, что ситуация назрела?..*

— А кто ее знает!.. Я, как немножко выпью, мне кажется, что назрела; а как начинает хмель проходить — нет, думаю, еще не назрела, рано еще браться за оружие… —

Стилизованная компиляция из высказываний: 1) большевиков накануне Октябрьской революции 1917 г. и 2) Плеханова — о причинах поражения революции 1905 г. У Ленина читаем: «Все симптомы указывают <…> именно на то, что общенациональный кризис назрел <…> Кризис назрел. Все будущее русской революции поставлено на карту <…> Кризис назрел» («Кризис назрел», 1917). И у его соратников тоже читаем: «Признавая таким образом, что вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело, ЦК предлагает всем организациям партии руководствоваться этим и с этой точки зрения обсуждать все практические вопросы» (КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумом ЦК. М., 1970–1989. Т. 1. С. 398).

И у Маяковского:

Сам заскулил
товарищ Плеханов:

– Ваша вина,
запутали, братцы!
Вот и выпустили
крови лохани!
Нечего
зря
за оружие браться.

(«Владимир Ильич Ленин», 1924)

Хмель — традиционный спутник революционеров. Брюсов писал: «Пусть пьянил победителей смелых / Разрушений божественный хмель» («А. В. Луначарскому», 1920).

34.5 С. 81. *…выпей можжевеловой…* —
Можжевеловая — крепкая (до 45°) горькая настойка на можжевеловых ягодах, считающаяся «предком» джина.

34.6 *Вадя* —
уменьшительно-ласкательное от имени Вадим (имя Тихонова) (3.1).

34.7 — *Когда же выступать? Завтра?*
— *А кто его знает! Я, как выпью немножко, мне кажется, что хоть сегодня выступай, что и вчера было не рано выступать. А как начинает*

проходить — нет, думаю, и вчера было рано, и послезавтра не поздно. —

Высмеивается знаменитый апокриф, касающийся одной из страниц истории Октябрьского переворота 1917 г., — проведения руководством большевистской партии заседания 21 октября, на котором обсуждался вопрос о сроках начала вооруженного восстания. Апокриф родился с легкой руки автора «Десяти дней, которые потрясли мир»:

«3 ноября (21 октября) вожди большевиков собрались на свое историческое совещание. Оно шло при закрытых дверях. Я был предупрежден Залкиндом и ждал результатов совещания за дверью, в коридоре. Володарский, выйдя из комнаты, рассказал мне, что там происходит.

Ленин говорил: „24 октября будет слишком рано действовать: для восстания нужна всероссийская основа, а 24-го не все еще делегаты на Съезд прибудут. С другой стороны, 26 октября будет слишком поздно действовать: к этому времени Съезд организуется, а крупному организованному собранию трудно принимать быстрые и решительные мероприятия. Мы должны действовать 25 октября — в день открытия Съезда, так, чтобы могли сказать ему: „Вот власть! Что вы

с ней сделаете?“» (*Рид Дж.* Десять дней, которые потрясли мир. М., 1957. С. 66–67).

Эта история постоянно фигурировала в советской идеологической и художественной литературе как пример абсолютно точного и тактически безупречного выбора Лениным даты начала восстания. У Маяковского Ленин заявляет: «Сегодня, говорит, подыматься рано. / А послезавтра — поздно. / Завтра, значит!» («Хорошо!», 1927). В середине 1970-х гг., то есть в период начала формирования культа личности Брежнева, появился анекдот, обыгрывавший все тот же факт: «Октябрь 17-го года. Ленин лихорадочно бегает по Смольному и в смятении твердит одно и то же: „Когда же? Когда же выступать? 24-го? 26-го? 24-го? 26-го?“ К нему подходит мальчик, поднимает руку, как на уроке, и говорит: „25-го, Владимир Ильич!“ Ленин облегченно вздыхает: „Конечно, 25-го! Правильно! Молодец, мальчик! Как тебя зовут?“ — „Леня Брежнев!“ — отвечает мальчик».

Об апокрифичности этого эпизода свидетельствовал еще Троцкий:

«В книге Джона Рида [«10 дней, которые потрясли мир»] есть рассказ о том, будто 21 октября вожди большевиков имели „второе историческое заседание“, на котором, как передавали Риду,

Ленин говорил: [конспективно передаются слова Ленина из книги Рида, процитированные выше]. Рид был исключительно чуткий наблюдатель, сумевший перенести на страницы своей книги чувства и страсти решающих дней революции. Именно поэтому Ленин пожелал в свое время несравненной хронике Рида распространения в миллионах экземпляров во всех странах света. Но работа в огне событий, записи в коридоре, на улицах, у костров, схваченные налету беседы и обрывки фраз, при необходимости пользоваться переводчиками, все это делало неизбежными частые ошибки. Рассказ о заседании 21 октября представляет одну из наиболее явных ошибок в книге Рида. Рассуждение о необходимости „всероссийской советской основы“ для восстания никак не могло принадлежать Ленину, ибо он не раз называл погоню за такой основой не более и не менее как „полным идиотизмом и полной изменой“. Ленин не мог говорить, что восставать 24-го слишком рано, ибо уже с конца сентября он считал недопустимым откладывать восстание ни на один лишний день: запоздать оно может, но „преждевременного в этом отношении быть теперь не может“. Однако и помимо этих политических соображений, решающих сами по себе,

сообщение Рида опровергается тем простым фактом, что 21-го никакого „второго исторического совещания“ не было: такое совещание не могло бы не оставить после себя следов в документах и памяти участников. Было всего два совещания с участием Ленина: 10-го и 16-го. Рид не мог этого знать. Но опубликованные после того документы не оставляют никакого места для „исторического заседания“ 21 октября. Эпигонская историография не задумалась, однако, включить явно ошибочное показание Рида во все официальные издания: этим достигается внешнее, календарное совпадение директив Ленина с действительным ходом событий. Правда, официальные историографы заставляют при этом Ленина вступать в непонятные и необъяснимые противоречия с самим собою. Но ведь по существу дело и не идет вовсе о Ленине: эпигоны превратили Ленина попросту в свой исторический псевдоним и бесцеремонно пользуются им для подтверждения своей непогрешимости задним числом» («История русской революции», т. 2; цит. по: Октябрьский переворот. Революция 1917 г. глазами ее руководителей. М., 1991. С. 322–323).

34.8 С. 81. *…между деревней Тартино и деревней Елисейково…* —

Тартино и Елисейково — реальные и по сей день существующие деревни Петушкинского района.

34.9 *…у скотного двора…* —

Непременная реалия крестьянского быта; была хорошо знакома Пушкину: «Варенье, вечный разговор / Про дождь, про лен, про скотный двор…» («Евгений Онегин», гл. 3, строфа I); «Порой дождливою намедни / Я, завернув на скотный двор…» («Евгений Онегин», «Отрывки из путешествия Онегина»).

Кроме того, как «Скотный двор» переводилось название романа Дж. Оруэлла «Animal Farm», в 1960–1970-е гг. широко распространенного в СССР в самиздате.

34.10 *…В девять ноль-ноль по Гринвичу.* —

См. 31.8.

34.11 — *До свидания, товарищ. Постарайся уснуть в эту ночь…*

— *Постараюсь, усну, до свидания, товарищ…* —

Возможно, отсылка к Михаилу Светлову: «Мы с тобою, товарищ, / Не заснули всю ночь» («Глубокая провинция», 1935).

Попытаться скрыть волнение и беспокойство накануне решительной битвы, вести себя как

можно более естественно — вот как должны действовать настоящие революционеры:

«[Вечером 23 октября 1917 г. в Петрограде.] Какой-то броневик все время медленно двигался взад и вперед, завывая сиреной. На каждом углу собирались густые толпы. Горячо спорили солдаты и студенты. Медленно спускалась ночь, мигали редкие фонари, текли бесконечные волны народа… Так всегда бывало в Петрограде перед беспорядками. Город был настроен нервно и настораживался при каждом резком шуме. Но большевики не подавали никаких внешних признаков жизни; солдаты оставались в казармах, рабочие — на фабриках» (*Рид Дж.* Десять дней, которые потрясли мир. С. 69).

34.12 *…я с самого начала был противником этой авантюры… —*

Существительное «авантюра» и производные от него в конце 1960-х гг. широко использовались коммунистической пропагандой для характеристики внешней политики, которую проводило руководство Китая. Вот типичные газетные заголовки: «Политика авантюр» (Правда. 1969. 18 марта); «Позор пекинским авантюристам» (Правда. 1969. 19 марта); «Авантюристический курс китайских властей» (Правда. 1969. 19 марта);

«Логическое следствие авантюризма» (Правда. 1969. 26 марта). У Высоцкого китайские лидеры определены как «любители опасных авантюр» («Письмо рабочих тамбовского завода китайским руководителям», 1964).

34.13 С. 81. *…бесплодной, как смоковница. (Прекрасно сказано: «бесплодной, как смоковница».)* —

Аллюзия на известную сцену из Нового Завета с участием Иисуса Христа:

«Поутру же, возвращаясь в город, взалкал; и увидев при дороге одну смоковницу, подошел к ней и, ничего не нашед на ней, кроме одних листьев, говорит ей: да не будет же впредь от тебя плода вовек. И смоковница тотчас засохла. Увидевши это, ученики удивились и говорили: как это тотчас засохла смоковница? Иисус же им в ответ: истинно говорю вам: если будете иметь веру и не усомнитесь, не только сделаете то, что́ *сделано* со смоковницею, но, если и горе сей скажете: поднимись и ввергнись в море, — будет; и все, чего ни попросите в молитве с верою, получите» (Мф. 21: 18–22; см. также Мк. 11: 13–14; Лк. 13: 6–9).

34.14 *Я с самого начала говорил, что рево-*

люция достигает чего-нибудь нужного, если совершается в сердцах, а не на стогнах. —

Стогна или стогны (*устар., поэт.)* — площади, а также широкие улицы; часто встречаются у поэтов. У Пушкина: «И на немые стогны града / Полупрозрачная наляжет ночи тень» («Воспоминание», 1828). У Некрасова: «В глухую полночь, бесприютный, / По стогнам города пройдешь…» («Несчастные» (1), 1856). У Фета: «На стогны длинные…» («Диана», 1847). У Пастернака: «Иные вырастают стогна» («Близнец на корме», 1913). У Мандельштама: «И медленный день, как в соломе проснувшийся вол, / На стогнах, шершавых от долгого сна, шевелится» («За то, что я руки твои не сумел удержать…», 1920), «Когда городская на стогны выходит луна…» («Когда городская на стогны выходит луна…», 1920). У Цветаевой: «топочущие стогна» («Деревья» (4), 1922).

О революционном воспитании сердец, естественно, много написано у Ленина:

«Восстание должно опираться на революционный подъем народа» («Марксизм и восстание);

«Нетрудно было прогнать царя — для этого потребовалось всего несколько дней. Не очень трудно было прогнать помещиков — это можно было сделать в несколько месяцев, не очень труд-

но прогнать капиталистов <…> Тут надо, чтобы пролетариат перевоспитал, переучил часть крестьян <…> Задача борьбы пролетариата еще не закончена тем, что мы свергли царя, прогнали помещиков и капиталистов <…> Мы говорим: нравственность — это то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, созидающего общество коммунистов» («Задачи союзов молодежи»);

«О диктатуре пролетариата не могло бы и речи быть, если бы пролетариат не выработал в себе большой сознательности, большой дисциплинированности, большой преданности в борьбе против буржуазии, то есть той суммы задач, которую необходимо выдвинуть для полной победы пролетариата над его исконным врагом. <…> В такой момент борьбы мы должны <…> бороться против буржуазии и военным путем и еще более путем идейным. <…> Необходимо воспитать сознание, что нельзя, недопустимо стоять вне <…> борьбы пролетариата» («Речь на Всероссийском совещании политпросветов»).

Нарком Луначарский вспоминал о революционном сердце: «Я не могу без изумления вспоминать эту ошеломляющую работу и считаю

деятельность Военно-революционного комитета в Октябрьские дни одним из проявлений человеческой энергии, доказывающим, какие неисчерпаемые запасы ее имеются в революционном сердце и на что способно оно, когда его призывает громовой голос революции» (*Луначарский А. В.* Человек нового мира. М., 1980. С. 627).

34.15 *Но уж раз начали без меня — я не мог быть в стороне от тех, кто начал. Я мог бы, во всяком случае, предотвратить излишнее ожесточение сердец и ослабить кровопролитие… —*

Как революционер-пацифист Шмидт у Пастернака:

> *«Я здесь. Я враг кровопролитья».*
>
> *<…>*
>
> *Я предрекал неуспех мятежа,*
>
> *Но уж ничто не могло вразумить их.*
>
> *Ехать в ту ночь означало бежать.*

(«Лейтенант Шмидт», ч. 2, 3)

34.16 С. 81. *Каждому, кто подходил, мы говорили: «Садись, товарищ, с нами — в ногах правды нет», и каждый оставался стоять, бряцал оружием и повторял условную фразу из Антонио Сальери: «Но правды нет и выше». Шаловлив был*

этот пароль и двусмыслен… —

Идиоматико-цитатный практикум, соединенный с практикумом анатомическим: поговорка «в ногах правды нет» (приглашение к серьезной беседе в спокойной обстановке, не на ходу) накладывается на слова Сальери, которыми открывается одна из «Маленьких трагедий» Пушкина: «Все говорят: нет правды на земле. / Но правды нет — и выше. Для меня / Так это ясно, как простая гамма» («Моцарт и Сальери», сц. 1).

В мемуарах об Октябрьской революции написано:

«[В ночь на 24 октября 1917 г. в одну из комнат в Смольном]…беспрерывно входили и выходили связные комиссары. <…> Проходили: Подвойский, худой, бородатый человек, в мозгу которого созревали оперативные планы восстания; Антонов, небритый, в грязном воротничке, шатающийся от бессонницы; Крыленко, коренастый, широколицый солдат с постоянной улыбкой, оживленной жестикуляцией и резкой речью; Дыбенко, огромный бородатый матрос со спокойным лицом. Таковы были люди этой битвы за власть Советов и грядущих битв. Внизу, в помещении фабрично-заводских комитетов, сидел Сератов. Он подписывал ордера на казенный арсенал — по

полтораста винтовок каждому заводу… Перед ним выстроилось в очередь сорок делегатов» (*Рид Дж.* Десять дней, которые потрясли мир. М., 1957. С. 69–70).

34.17 *…каждый оставался стоять, бряцал оружием… —*

Бряцать оружием можно в прямом смысле, как у Некрасова в описании вооруженного восстания декабристов: «Внутри — бряцанье, ружей блеск / При свете фонарей…» («Русские женщины», ч. 1) или у Леонида Андреева: «Где-то поблизости послышался грузный топот ног и тихое бряцанье оружия: сменяли караулы» («Так было», ч. 7), так и в переносном, то есть угрожать кому-либо войной или масштабным насилием.

34.18 С. 81–82. *…Тихонов прибил к воротам елисейковского сельсовета свои четырнадцать тезисов. Вернее, не прибил к воротам, а написал на заборе мелом, и это скорее были слова, а не тезисы, четкие и лапидарные слова, а не тезисы, и было их всего два, а не четырнадцать, — но, как бы то ни было, с этого все началось. —*

Отсылка к лидеру Реформации в Германии, основателю протестантства Мартину Лютеру (1483–1546). 31 октября 1517 г. Лютер вывесил

на дверях виттенбергской Замковой церкви 95 тезисов, направленных против системы индульгенций и содержащих положения, которые легли в основу протестантизма как религии, противостоящей католицизму; тезисы Лютера послужили сигналом к выступлению против Католической церкви, то есть действительно «с этого все и началось».

Схожие действия предписаны Господом в Ветхом Завете: «Итак положите сии слова Мои в сердце ваше и в душу вашу <…> и напиши их на косяках дома твоего и на воротах твоих» (Втор. 11: 18, 20).

34.19 С. 82. *Двумя колоннами, со штандартами в руках, мы вышли — колонна на Елисейково, другая — на Тартино. —*

Повторив тем самым действия большевиков во время осуществления Октябрьского переворота 1917 г.:

«– Мы выступили! — спокойно, но удовлетворенно сказал он [революционер Зорин] мне. — <…> Один полк отправился брать телефонную станцию, другой идет на телеграф, третий — на Государственный банк» (Октябрьская буря. М., 1987. С. 108).

Елисейково и Тартино — деревни Петушкин-

ского района.

34.20 *…убитых не было ни с одной стороны, раненых тоже не было…* —

Миф о серьезных вооруженных столкновениях в Петрограде в ночь с 24 на 25 октября 1917 г. между войсками Временного правительства и силами большевиков и о большом количестве жертв был развеян только в период горбачевской перестройки: «Кадры из многочисленных кинофильмов с матросами, стрельбой и барышнями, падающими в обморок, — не более чем миф. По сути дела, ни 24-го, ни 25-го жертв не было» (Аргументы и факты. 1992. № 43–44 (ноябрь)).

Кроме этого, Веничка имитирует газетный стиль своего времени. Так, например, в начале сентября 1969 г. в Ливии не без помощи СССР произошел военный переворот, в результате которого в стране была свергнута монархия. В газетах сообщались его подробности: «Новый республиканский режим полностью контролирует положение в стране <…> революция не встретила никакого сопротивления и сразу добилась успеха» (Правда. 1969. 5 мая).

34.21 С. 82. *…ларионовского сельсовета…* —

Ларионовский сельсовет — сельский совет де-

ревни Ларионово, находящейся в Петушкинском районе.

34.22 *Елисейково было повержено. Черкасово валялось у нас в ногах, Неугодово и Пекша молили о пощаде. Все жизненные центры петушинского уезда — от магазина в Поломах до андреевского склада сельпо, — все заняты были силами восставших… —*

Черкасово, Неугодово, Пекша, Поломы — деревни, Андреевское — село в Петушкинском районе. Сельпо — здесь: магазин сельского потребительского общества — низовой организации потребительской кооперации.

Пародируется описание хода Октябрьской революции в Петрограде 24–25 октября 1917 г. В пропагандистской литературе сообщалось:

«События [24 октября 1917 г.] приняли стремительный оборот. С удвоенной энергией революционные отряды брали в свои руки важнейшие пункты города. В течение ночи красногвардейцы, матросы, солдаты заняли Николаевский, Балтийский и Варшавский вокзалы, Государственный банк, телефонную станцию, электростанцию. 200 тысяч бойцов революции Петрограда двинулись на штурм капитала. 50 тысяч коммунистов были в первых рядах восставших. История навсегда

сохранит неповторимую картину этой петроградской ночи, когда решалась судьба первой в истории победоносной социалистической революции. По улицам неспавшего Петрограда, где в тумане мигали редкие фонари, то и дело с грохотом проносились грузовики с красногвардейцами. Разгоняя мрак осенней ночи, на перекрестках горели костры революционных караулов. Иногда вспыхивала перестрелка, раздавались отрывистые слова команды. То тут, то там, нарушая настороженную тишину, возникали мелодии „Варшавянки“, „Интернационала“ — бойцы революции с песнями шли на штурм старого мира. <…> К утру 25 октября успех восстания полностью определился: почти весь Петроград был в руках восставших. Временное правительство удерживало за собой лишь Зимний дворец, Главный штаб и Мариинский дворец» (Родина советская. Исторический очерк. М., 1981. С. 30–31).

Когда же революция выплеснулась за пределы Петрограда и стала стремительно распространяться по всей территории России, это стало называться «триумфальным шествием советской власти» (История КПСС. М., 1973. С. 233–234).

Связь между стремлением народа самостоя-

тельно, то есть не надеясь на партию и правительство, решить «магазинную» проблему и началом народной революции для советского менталитета была очевидна не только героям «Москвы — Петушков»:

«– Знаете, как произойдет революция, — сказал я Яхимовичу. — Вы, конечно, будете сидеть к этому времени в тюрьме. В один прекрасный день в Вашем же Краславском районе народ отправится в магазин за колбасой — и обнаружит, что колбасы нет. И хотя неоднократно не бывало колбасы, а некоторые даже не представляют себе, что это такое, но тут как бы зубчик сорвется в механизме, и он пойдет на раскрутку — народ заволнуется, раздадутся крики: „Где колбаса?! Жрать нечего!“ Начнут бить стекла, двинутся к райкому, испуганная власть разбежится — и в упоении успеха покажется слишком незначительным требовать колбасу, а не свободу, равенство и братство! Народ двинется к тюрьме и с криками „Свободу Яхимовичу!“ освободит Вас — и Вы с балкона произнесете к народу речь о народе, после чего народ разбредется по домам, чтобы наутро обнаружить, что в магазинах нет уже не только колбасы, но и хлеба» (*Амальрик А.* Записки диссидента. С. 86–87).

Утопический мотив народного восстания в провинции (как правило, против коммунистического тоталитаризма) был весьма популярен в самиздате в 1960–1970 гг. Лучшим образцом доерофеевской революционной утопии может считаться повесть «Любимов» (1962–1963) Абрама Терца, в которой предвосхищаются многие действия персонажей поэмы, а также сюрреалистические характеристики внешнего вида отдельных персонажей:

«На вторые сутки после переворота, совершенного Леней Тихомировым, весть о катастрофе достигла города N-ска. Принес ее однорукий беглец, поднявший чуть свет заспанного, продрогшего до мозга костей дежурного лейтенанта, который немедля, на собственный страх и риск, позвонил на квартиру подполковнику Алмазову и внятным шепотом, как принято, доложил обстановку:

— Говорит дежурный лейтенант „Б-восемь-дробь-четыре“. В Любимове началось токование медведей!

— Что началось? Какое токование? — переспросил подполковник, не улавливая спросонок телефонного шифра, который он сам выдумал и ввел в служебное пользование, для соблюдения

условий максимальной секретности.

— Медведь чирикает по-калмыцки. Пора резать горло. Прибыл утопленник на санях, требуется вспрыскивание… <…>

— Задержите утопленника. Сейчас приеду и разберусь лично <…> Софи, где мой водолазный костюм? Pardon! Я хотел сказать: где мой револьвер?..

…В тесном кругу, в четырех стенах, облицованных дубовой панелью, состоялось строго секретное, коллегиальное совещание: товарищ О., товарищ У. и подполковник Алмазов. Запыленный Марьямов, однорукий беглец, унесший ноги из города, зараженного безумием, молол чушь. Из его сообщения следовало, что в Любимове разразилось восстание, которое, однако, избрало законный и мирный путь. Сам городской секретарь, железный Тищенко, передал власть проходимцу. Автономия в районном масштабе уподобила Любимов старорусскому удельному княжеству типа „Люксембург“. Отложившаяся провинция ничего не желала, кроме как подать пример скорейшего достижения будущего, ради которого вся страна выбивалась из сил.

— Ну а политические выступления были: что-нибудь насчет крупы, колбасы? — выспрашивал

подполковник незадачливого очевидца. <…>

— Насчет колбасы ничего не замечено. Тихомиров все больше хлопочет о поднятии мирового прогресса…

Тогда товарищ О. (вышитая рубашка, лысина во всю голову, улыбчивые глаза <…>) проникновенно сказал:

— Елки-палки, тебя послушать, любимовские подонки заслужили фотографию на доске почета. А главаря следует наградить орденом. Но вот передо мною воззвание, отправленное по телеграфу вражеской агентурой <…>

„Всем. Всем. Всем“.

Кожа по его голове перекатывалась волнами. Морщины одна за другой убегали от переносицы к темени и там собирались в тяжелые толстогубые складки.

— Что значит „всем“?! Если они обращаются ко „всем“, то, значит, им любы-дороги все помещики и капиталисты, все недобитые князья-бароны и поджигатели холодной войны, включая римского папу, который только ждет удобного момента, чтобы упиться кровью трудящихся масс… Читаем далее: *„Свобода граждан охраняется законом“*. Как это понимать — *„свобода“*? Кому *„свобода“*? Куда, зачем, какая требуется „свобода“ в свобод-

ном государстве?! Значит, им нужна свобода продавать родину, торговать людьми оптом и в розницу, как при рабовладельческом строе, свобода закрывать школы, больницы и открывать церкви по указке Ватикана и жечь на кострах инквизиции представителей науки, как они уже сожгли однажды Джордано Бруно… Не выйдет! Не позволим! <…>

…Лицевая сторона у товарища О., покуда он говорил, постепенно переезжала на лысину и, не найдя места среди кишащих складок, поползла дальше по черепу, захватив бровями верхнюю часть затылка. Порвись какая-нибудь последняя связка, удерживающая на голове оболочку, и свежий комок морщинистой ткани шмякнулся бы к ногам подчиненных» (Цена метафоры, или Преступление и наказание Синявского и Даниэля. М., 1989. С. 361–364).

34.23 С. 82. *А после захода солнца — деревня Черкасово была провозглашена столицей, туда был доставлен пленный, и там же сымпровизировали съезд победителей. —*

Продолжается пародирование хода революционных событий в Петрограде в октябре 1917 г.: 26 октября на II Всероссийском съезде Советов, проходившем в Петрограде, Петроград был про-

возглашен столицей Советской России.

Съезд победителей — здесь: комплексная аллюзия одновременно на два съезда: 1) II Всероссийский съезд Советов, который своими декретами утвердил победу Октябрьского переворота 1917 г., и 2) XVII съезд ВКП(б), который в истории КПСС так и называется — «съезд победителей» (32.17):

«Когда Сталин убедился в том, что заявление о досрочном выполнении первого 5-летнего плана принято всерьез, он, выждав до конца 1933 года, позволил своим присяжным пропагандистам объявить о „всемирно-исторической победе“ генеральной линии партии по всем линиям. Именно в таком стиле, дословно, воспевали делегаты XVII съезда партии эфемерные достижения сталинщины. „Съезд победителей“ собрался в январе 1934 года. Сталин буквально купался в лучах собственного солнца. <…> Спектакль под названием „XVII съезд“ был разыгран по классическим канонам борения добра со злом. Солнце добра уже воссияло» (*Антонов-Овсеенко А.* Портрет тирана. Нью-Йорк, 1980. С. 112).

А вот описание событий в Петрограде 25 октября 1917 г. в официальной массовой советской литературе:

«В то время, когда у Зимнего дворца заверша-

лось победоносное восстание, в Смольном шло заседание II Всероссийского съезда Советов, меньшевики, правые эсеры пытались сорвать работу съезда. Но подавляющее большинство делегатов выступили против политических банкротов. Тогда соглашатели покинули съезд.

Владимир Ильич Ленин не мог присутствовать на этом заседании: он был в Военно-революционном комитете. На трибуну поднялся один из видных деятелей большевистской партии — А. В. Луначарский. В руках он держал листки, исписанные ленинским почерком. „Рабочим, солдатам и крестьянам“, — начал Луначарский чтение документа, и в зале, еще возбужденном недавними жаркими спорами с меньшевиками и эсерами, воцарилась глубокая тишина.

„Опираясь на волю громадного большинства рабочих, солдат и крестьян, опираясь на свершившееся в Петрограде победоносное восстание рабочих и гарнизона, съезд берет власть в свои руки…

Съезд постановляет: вся власть на местах переходит к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов…“

Чтение документа то и дело прерывалось бурными аплодисментами. В пять часов утра воз-

звание было поставлено на голосование. Дружно взметнулся вверх лес рук, снова раздались восторженные возгласы.

Так была провозглашена Советская власть в России. Так была закреплена победа вооруженного восстания, победа социалистической революции. Так было декретировано свержение господства буржуазии и создание первого в мире государства рабочих и крестьян. Так началась новая эра в истории человечества» (Родина советская. Исторический очерк. М., 1981. С. 32–33).

34.24 С. 82. *Все выступавшие были в лоскут пьяны, все мололи одно и то же: Максимилиан Робеспьер, Оливер Кромвель, Соня Перовская, Вера Засулич… —*

Максимильен Робеспьер (1758–1794) — один из лидеров Великой французской революции; якобинец, добивался (и добился) смертной казни для сверженного монарха Людовика XVI; фактический руководитель Комитета общественного спасения; гильотирован после падения якобинской диктатуры.

Оливер Кромвель (1599–1658) — один из лидеров Английской буржуазной революции XVII в., крупный политический и военный деятель Англии; санкционировал казнь короля Карла I;

в мае 1649 г., после провозглашения так называемой «республики шелковых индепендентов», стал фактическим диктатором Великобритании, заняв посты лорда-генерала и лорда-протектора. Сочетание имен Робеспьера и Кромвеля, возможно, навеяно не только их общими диктаторскими наклонностями, но и университетским курсом по марксистско-ленинской философии: «[Кромвель] совмещал в одном лице Робеспьера и Наполеона» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.: В 50 т. М., 1955–1981. Т. 1. С. 602).

Софья Перовская (1853–1881) — русская революционерка-народница, активный член «Земли и воли» и «Народной воли»; участвовала в подготовке и проведении нескольких террористических актов, в том числе убийства Александра II (технической стороной покушения руководил Кибальчич (20.12)), за что и была повешена, став при этом первой в России женщиной, казненной по политическому делу. Упоминается Мандельштамом: «Как высокие просмоленные факелы, горели всенародно народовольцы с Софьей Перовской и Желябовым, а эти все, вся провинциальная Россия и „учащаяся молодежь“, сочувственно тлели» («Шум времени» («Книжный шкап»), 1925).

Вера Засулич (1849–1919) — русская революционерка; в 1878 г. стреляла в градоначальника Санкт-Петербурга Трепова; член групп «Черный передел», «Освобождение труда» и член РСДРП; после II съезда РСДРП — один из лидеров меньшевизма, к Октябрьскому перевороту 1917 г. отнеслась враждебно, чем вызвала резкую критику Ленина. Упоминается Евтушенко:

И тревожен и задумчив
видел он в тот самый день
тени Фигнер и Засулич
и халтуринскую тень.

(«Братская ГЭС», 1964)

Вот образец хаотичного сознания рядового гражданина СССР, в конце 1930-х гг. вступающего в комсомол:

«Что за чушь лезет мне в голову в такой важный момент? <…> Мировая революция. Роза Люксембург и Карл Либкнехт. Спартаковцы. Шюцбундовцы. „Марсельеза“ по-французски, брехтовский „Марш единого фронта“, „Аванти попола, бандьера росса“. И вождь венгерской коммуны Бела Кун. <…> Мировая революция — всечеловеческое братство. <…> Я мечтаю к

нему приобщиться» (*Орлова Р.* Воспоминания о непрошедшем времени. Анн-Арбор, 1983. С. 80);

и процесса формирования этого сознания в начале 1920-х гг.:

«[Учительница словесности] Лидия Лазаревна была убежденной народницей. Она любила Некрасова больше, чем Пушкина <…> Имена Желябова, Перовской, Кибальчича, Веры Фигнер она произносила с таким обожанием, с каким ни одна из моих бонн не произносила имени Христа» (*Копелев Л.* И сотворил себе кумира. Анн-Арбор, 1978. С. 45).

34.25 С. 82. *…карательные отряды из Петушков…* —

Карательные отряды — отборные воинские подразделения белой армии во времена обеих революций 1917 г. и Гражданской войны; осуществляли акции по уничтожению населения, сотрудничавшего с большевиками; славились особой жестокостью. У Маяковского: «[Керенский:] Аграрные? Беспорядки? Ряд? / Пошлите этот, как его, — карательный / отряд!» («Хорошо!», 1927). В годы Великой Отечественной войны карателями называли солдат карательных отрядов гитлеровской армии, подавлявших восстания мирного населения на захваченных территориях.

34.26 *У черта на куличках…* —

Фразеологизм, имеющий значение «очень далеко» или «неизвестно где».

34.27 *…у бороды на клине!..* —

Фразеологизм, также имеющий значение «чрезвычайно далеко» или «неизвестно где»; обычно является второй частью более длинной поговорки «У черта на рогах, у бороды на клине». Левин считает данное словосочетание цитатой из Маяковского: «Превозмог себя и встал Калинин. / Слезы не сжуешь с усов и щек. / Выдали. Блестят у бороды на клине» («Владимир Ильич Ленин», 1924) (*Левин Ю.* Комментарий к поэме «Москва — Петушки»… С. 78). На самом деле в данном эпизоде слезы блестят действительно на бороде Калинина, имевшей форму клинышка, и Маяковский просто обыгрывает данный фразеологизм.

34.28 *…без интервенции нам не обойтись.* —

Имеется в виду интервенция войск Антанты против Советской России, начатая весной 1918 г. высадкой англо-французско-японского десанта в Мурманске: «Американские, английские, французские и японские империалисты <…> весной 1918 г. двинули свои силы в помощь белогвардейцам. В объединенном блоке внешней и

внутренней контрреволюции главную военную силу представляли интервенты» (Курс лекций по истории КПСС. М., 1965. Ч. 1. С. 418). А вот типичный для учебников по советской истории заголовок раздела — «Партия в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918–1920 годы)» (История КПСС. М., 1973. С. 261).

34.29 С. 82. *Чтобы восстановить хозяйство, разрушенное войной, надо сначала его разрушить… —*

Тема «Восстановление народного хозяйства после Гражданской войны» была одной из основных в школьной и вузовской программах по истории КПСС и истории СССР — вот, например, название раздела учебника: «Партия в борьбе за восстановление народного хозяйства» (История КПСС. М., 1973. С. 302). Конструкция «разрушенное войной хозяйство» являлась штампом, широко использовавшимся авторами многочисленных книг по советской истории:

«В начале 1920 года наступила кратковременная передышка. Советский народ спешил использовать ее для восстановления разрушенного войной хозяйства, развертывания социалистического строительства в стране. Страшно вспомнить это время. Разрушенные

заводы и фабрики, потушенные домны, затопленные шахты, парализованный транспорт. И жестокий голод, повальные болезни — вот что оставили интервенты и белогвардейцы» (Родина советская. Исторический очерк. М., 1981. С. 77).

34.30 *…для этого нужна гражданская или хоть какая-нибудь война…* —

Имеются в виду Гражданская война в России 1918–1922 гг. и предшествовавшая ей не «какая-нибудь», а Первая мировая война 1914–1918 гг., которая обусловила политический кризис в России и в значительной степени повлияла на создание революционной ситуации, а затем и разрушение хозяйства.

34.31 *…нужно как минимум двенадцать фронтов…* —

В ходе Гражданской войны 1918–1922 гг. количество фронтов, на которых Советская Россия вела боевые действия, в зависимости от ситуации постоянно менялось. Наибольшее количество фронтов — именно двенадцать — приходилось на период с июля 1919 г. по сентябрь 1920 г.; при этом имеются в виду следующие фронты: Западный, Юго-Западный, Южный, Юго-Восточный, Кавказский, Восточный, Туркестанский и пять фронтов

Туркестанской Республики (Закаспийский, Ферганский, Северо-Восточный, Семиреченский, Актюбинский).

34.32 *Белополяки нужны! —*

Белополяки — наименование служащих белой польской армии, участвовавшей в боевых действиях против Советской России во время Гражданской войны: «Весной 1920 года империалисты предприняли новый поход, главные силы которого составляли белая армия Польши и белогвардейская армия Врангеля. <…> 6 мая белополяки захватили Киев» (Родина советская. Исторический очерк. М., 1981. С. 77); «В начале июня [1920 г.] 1-я Конная армия, переброшенная с юга, прорвала фронт белополяков на Украине» (История КПСС. М., 1973. С. 292); и у Николая Островского: «Снова назревали большие события. В то время, когда 12-я армия, страшно поредевшая, отчасти дезорганизованная, отходила под натиском польских армий к Киеву, пролетарская республика готовила опьяненным победным маршем белополякам сокрушительный удар» («Как закалялась сталь», ч. 1, гл. 8).

34.33 *Ты блестящий теоретик, Вадим, твои тезисы мы прибили к нашим сердцам, — но как*

доходит до дела, ты говно-говном! —

Пародия содержания и пафоса официальных оценок роли Георгия Плеханова, теоретика марксизма и основателя первой в истории русского революционно-освободительного движения отечественной марксистской группы «Освобождение труда». Плеханова полагалось восхвалять как превосходного теоретика и критиковать как никудышного практика:

«Основателем и руководителем группы [«Освобождение труда»] был талантливый теоретик и пропагандист марксизма. <…> Плеханов написал много книг и статей, в которых пропагандировал и защищал марксизм. В произведениях Плеханова русские революционеры нашли ответ на многие волновавшие их вопросы. <…> На анализе русского революционного движения Плеханов показал глубокую жизненность положения Маркса о том, что всякая классовая борьба есть борьба политическая. <…> Много дала рабочему движению в России группа „Освобождение труда“. <…> Однако группа неясно представляла себе расстановку классов в предстоявшей буржуазной революции и не смогла дать правильную оценку места и роли буржуазии и крестьянства в революции, заняла противоречивую позицию

в этом вопросе. В некоторых произведениях Плеханов ошибочно заявлял, что пролетариату следует ориентироваться на буржуазию, а революционную роль крестьянства игнорировал. <…> Теоретические труды Плеханова обогатили русскую культуру. <…> Но группа [„Освобождение труда“] не была практически связана с массовым рабочим движением» (История КПСС. М., 1973. С. 22–25).

34.34 С. 82. *Норвегия <…> все как-то забыли, что та уже двадцать лет состоит в НАТО… —*

В 1969 г. истекал срок членства Норвегии в НАТО, и там постоянно дебатировался вопрос о том, насколько необходимо было продление этого срока (Правда. 1968. 20 ноября). В советских газетах было много сообщений типа: «Норвежская молодежь требует, чтобы Норвегия проводила реалистическую внешнюю политику <…> требует выхода Норвегии из НАТО» (Правда. 1969. 21 января).

34.35 *Владик Ц-ский —*

Владислав Цедринский, реальное лицо, друг Венедикта Ерофеева.

34.36 *…с пачкой открыток и писем. —*

Отправка почтовых посланий руководителям

других стран — обязательный атрибут государственности, тщательно фиксируемый прессой. См. также 34.43.

34.37 *…королю Норвегии Улафу…* —

Улаф Пятый (1903–1991) — наследный принц, с 21 сентября 1957 г. — король Норвегии.

34.38 *Другое письмо — вернее, даже не письмо, а чистый лист, запечатанный в конверте, — было отправлено генералу Франко: пусть он увидит в этом грозящий перст, старая шпала, пусть побелеет, как этот лист, одряхлевший разъебай-каудильо!..* —

Здесь уместно вспомнить сюжет картины Ильи Репина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану» (1880–1891; Русский музей), где запорожские казаки, практикуясь в эпистолярном жанре и не стесняясь при этом в выражениях, пугают турецкого султана.

Франсиско Франко Баамонде (1892–1975) — с 1936 г. фашистский диктатор Испании; в 1939 г. был провозглашен военной хунтой пожизненным правителем Испании, то есть стал каудильо (caudillio), и одновременно возглавил Испанскую фалангу и Совет министров; 22 июля 1969 г. оставил политическую деятельность и «передал»

Испанию королю Хуану Карлосу. «Одряхлевшим» Франко называется вполне справедливо — в 1969 г. ему было уже 77 лет. Разъебай — см. 38.6.

В 1969 г. произошло очередное обострение внутриполитической ситуации в Испании, и в советской прессе сообщения об этом появлялись постоянно: «Каждый день телеграф приносит всё новые сообщения о нарастании борьбы трудящихся Испании против диктатуры режима Франко, за восстановление в стране свободы и демократии» (Правда. 1969. 16 января); «Правительство Франко объявило сегодня [24 января 1969 г.] о введении в Испании чрезвычайного положения сроком на 3 месяца» (Правда. 1969. 25 января). При этом особый акцент советской прессой делался на единодушной поддержке мировой прогрессивной общественностью антифашистского движения в Испании: «В субботу в Париже открылась IV западноевропейская конференция за свободу Испании. <…>…Эта конференция — еще одно свидетельство той поддержки, которой пользуется борьба испанского народа против фашистской диктатуры Франко. <…> В нелегкой борьбе против фашистской диктатуры Франко испанский народ не одинок» (Правда. 1968. 11 февраля).

34.39 *…грозящий перст…* —

Он же карающий Божий. В Библии читаем: «И сказали волхвы фараону: это перст Божий» (Исх. 8: 19); «Если же Я перстом Божиим изгоняю бесов, то, конечно, достигло до вас Царствие Божие» (Лк. 11: 20).

34.40 С. 82–83. *…премьера Британской империи Гарольда Вильсона…* —

Гарольд Вильсон (1916–1995) — лидер Лейбористской партии Великобритании с 1963 г.; в 1964–1970 и 1974–1976 гг. — премьер-министр британского правительства; несколько раз посещал СССР с официальными визитами (в том числе в 1968 г.).

34.41 С. 83. *…убери, премьер, свою дурацкую канонерку из залива Акаба…* —

Премьер — премьер-министр, то есть Гарольд Вильсон.

Канонерка — канонерская лодка, небольшой военный корабль, имеющий несколько артиллерийских орудий на своем борту; предназначается для ведения тактических боевых действий вблизи морского побережья, а также в фарватерах рек. В проведении превентивно-устрашающих действий в заливе Акаба летом 1967 г. ВМФ Ан-

глии канонерки не использовали — в заливе действовали гораздо более мощные суда. Здесь Веничка вспоминает терминологию времен войны Англии, Франции и Израиля против Египта 1956 г. и использует ее для характеристики действий Англии в период Шестидневной войны. Именно на 1950-е гг. приходится расцвет так называемой «дипломатии канонерок» — политики применения при разрешении сложных международных конфликтов грубой военной силы вместо проведения мирных переговоров, — которую проповедовала в Северной Африке и на Ближнем Востоке Англия, предпочитавшая боевые действия кабинетным переговорам. В период Шестидневной войны термин «дипломатия канонерок» функционировал как реминисценция недавнего прошлого. Так, в связи с резким обострением политической ситуации на Ближнем Востоке советская газета писала об Англии: «Было нечто жуткое в атмосфере, которая царила вчера в палате лордов. <…> Дух ностальгии по дням „дипломатии канонерок“ витал в здании палаты лордов» (Известия. 1967. 3 июня).

Акаба — залив в Красном море, к востоку от Суэцкого канала; побережье залива принадлежит Иордании и Израилю, имеющему на его

побережье единственный выход к Красному морю — порт Эйлат. Во время Шестидневной войны — один из так называемых «очагов напряженности»: после того как 23 мая 1967 г. по решению президента ОАР Насера арабы закрыли залив для движения израильских судов, здесь были сконцентрированы значительные силы военно-морских флотов США и Великобритании, что, естественно, вызывало резкую критику правительств этих стран со стороны советского руководства. 3 июня 1967 г. прошли переговоры между президентом США Линдоном Джонсоном и Гарольдом Вильсоном, на которых, среди прочих, обсуждался вопрос о военных обязательствах Англии в районе восточнее Суэца. На переговорах было достигнуто соглашение о возможном использовании Англией своего флота, «чтобы гарантировать свободный проход судов через залив Акаба» (Правда. 1969. 4 июня). В ходе Шестидневной войны Иордания была вынуждена прекратить вывоз за границу фосфатов — основного объекта своего экспорта, так как вывоз осуществлялся через залив Акаба, который был перекрыт английскими военными судами. Тема английского военного присутствия в Акабском заливе постоянно затрагивалась в прессе: «Англия

направила в Средиземное море новые военные корабли. Уже сейчас в восточных районах Средиземного моря находятся четыре английских фрегата и авианосец „Викториес“. Эти, а также другие военные корабли, находящиеся в Адене, в Индийском океане и у побережья Африки, готовы для того, чтобы в ближайшее время оказаться в Акабском заливе» (Известия. 1967. 30 мая); «[На заседании Совета Безопасности ООН в Нью-Йорке 29 мая 1967 г.]…представитель Англии Карадон свел суть всего конфликта к вопросу о судоходстве в заливе Акаба» (Известия. 1967. 31 мая).

34.42 *…поступай по произволению…* —

Произволение — библеизм, синоним к стилистически не маркированным существительным «воля» и «желание»: «Ибо я пришел не по своему произволению, а по воле Бога нашего; потому и благословляйте Его вовек» (Товит. 12: 18); «Он от начала сотворил человека и оставил его в руке произволения его» (Сир. 15: 14); «Если же после сих условий те и другие вздумают что-нибудь прибавить или убавить, пусть сделают это по их общему произволению, и то, что они прибавят или убавят, будет иметь силу» (1 Макк. 8: 30).

34.43 *…четвертое письмо — Владиславу Го-*

мулке, мы писали ему: ты, Владислав Гомулка, имеешь полное и неотъемлемое право на Польский коридор, а вот Юзеф Циранкевич не имеет на Польский коридор ни малейшего права… —

Владислав Гомулка (1905–1982) — один из лидеров рабочего и коммунистического движения в Польше; в 1956–1970 гг. первый секретарь ЦК ПОРП. В послевоенные годы Гомулка подвергся репрессиям со стороны просталинского режима Варшавы, был восстановлен в ПОРП только в начале хрущевской оттепели в 1956 г. и тогда же на октябрьском 1956 г. Пленуме ЦК ПОРП избран первым секретарем. Известна история о серьезном конфликте между ним и Хрущевым, случившемся в 1956 г. в Варшаве, который чуть было не закончился вводом советских войск в Польшу, — Гомулка настаивал на либерализации постсталинского режима в Польше и предоставлении Польше большей самостоятельности в решении внутриполитических проблем. К 1970 г. Гомулка подвергался резкой критике со стороны советского руководства. Ему инкриминировались серьезные ошибки в планировании и развитии социалистической системы управления народным хозяйством, которые вызвали крупный политико-экономический кризис в

декабре 1970 г. В декабре 1970 г. Гомулка был смещен с поста первого секретаря ставленником Москвы Эдвардом Гереком. Логично, что Веничка с друзьями поддерживают именно политического изгоя, оппозиционера Кремля.

Юзеф Циранкевич (1911–1989) — один из лидеров польского социалистического и рабочего движения; в 1947–1952 гг. — премьер-министр Польши, в 1954–1970 гг. — председатель Совета министров.

Польский коридор — в 1919–1945 гг. полоса территории шириной от 30 до 200 км (на побережье Балтийского моря — 70 км), которая, согласно условиям Версальского мирного договора 1919 г., давала Польше выход к Балтике. В 1938 г. гитлеровская Германия стала предъявлять права на находящийся в этом «коридоре» город Гданьск (Данциг) и на свободу передвижения по «коридору» в Восточную Пруссию (Кёнигсберг). Правительство Польши отказалось пойти на эти кабальные условия, дав тем самым Гитлеру предлог для развязывания Второй мировой войны, начавшейся со вторжения в Польшу 1 сентября 1939 г. Вопрос о Польском коридоре был решен на Крымской конференции 1945 г. руководителями СССР, США и Англии. По решению конференции

Польше возвращалась широкая полоса Балтийского побережья от Бранева до Щецина. С тех пор в европейской политике вопрос о принадлежности Польского коридора не возникал. Упоминается у Пильняка в обрамлении имен, встречающихся и в «Москве — Петушках»: «Как не вспомнить Речь Посполитую <…> — и как не вспомнить „сумрачный германский гений“, раскачнувшийся от Гёте до Ницше и от Ницше до Вильгельма Второго, скованный ныне польским коридором?! — и как позабыть афинский форум, римский колизей, египетские пирамиды!» («О'кэй», 1932).

Телеграммы Гомулке и Циранкевичу в 1969 г. посылали не только персонажи «Москвы — Петушков», но и кое-кто еще. Была такая «поздравительная телеграмма Ю. Циранкевичу от Председателя Совета Министров СССР А. Косыгина в связи с назначением его [Циранкевича] на пост Председателя Совета Министров Польской Народной Республики» (Правда. 1969. 1 июля).

По стилю и содержанию отправка послания Гомулке пародирует заявления Советского Союза — как КПСС и правительства, так и рядовых граждан — времен Шестидневной войны против притязаний Израиля на захваченные им арабские территории: «Израиль <…> не имеет ни-

какого права аннексировать территорию своих соседей» (Правда. 1967. 29 июля).

34.44 С. 83. *…послали четыре открытки: Аббе Эбану, Моше Даяну, генералу Сухарто и Александру Дубчеку. Все четыре открытки были очень красивые, с виньеточками и желудями. —*

То есть к явным противникам Кремля на мировой политической арене.

Абба Эбан — см. 12.20. Моше Даян — см. 12.21.

Генерал Мухаммед Сухарто (1921–2008) — политический и военный деятель Индонезии; в 1965 г. — один из руководителей военного переворота, с марта 1966 г. выполнял функции премьер-министра, с февраля 1967 г. — исполняющий обязанности президента, с марта 1968 г. — президент Индонезии; фактический диктатор и глава военной хунты. Сухарто был одним из постоянных адресатов советского руководства; так, в октябре 1968 г. «президент Индонезии генерал Сухарто отклонил просьбы о помиловании группы индонезийских коммунистов <…> Как сообщает печать, в скором времени они будут казнены» (Правда. 1968. 11 октября); и как реакция на это решение Сухарто — послание генералу Сухарто с просьбой о помиловании индонезийских коммунистов председателя Президиума Верхов-

ного Совета СССР Николая Подгорного (Известия. 1968. 11 октября; Правда. 1968. 12 октября).

Александр Дубчек (1921–1992) — крупный политический деятель Чехословакии, с 1958 г. — член ЦК КПЧ, с января 1968 г. по апрель 1969 г. — первый секретарь ЦК КПЧ, с декабря 1969 г. по июнь 1970 г. — посол ЧССР в Турции, в 1970 г. исключен из КПЧ и отстранен от политической деятельности, вернулся на политическую арену за два года до смерти. Дубчека по праву считают инициатором политических преобразований в ЧССР в конце 1960-х гг., получивших название «пражской весны», когда компартия сознательно пошла на широкую демократизацию общества и тем самым навлекла на себя гнев руководства КПСС. «Пражская весна» закончилась интервенцией советских войск 21 августа 1968 г. События августа 1968 г. получили широкий резонанс в мире. Советская пресса, естественно, поспешила заявить, что войска были введены в Чехословакию исключительно для того, чтобы предотвратить якобы готовившуюся агрессию со стороны вооруженных сил НАТО. Сам же Дубчек был отстранен от власти и ушел в «добровольную» отставку (Правда. 1969. 18 апреля).

У Аксенова есть диалог:

«– Саня, чем занят Бог в эту ночь? — спросил я.

— Грустью, должно быть, — ответил он. — Грустью и жалостью.

— Ему жалко Дубчека?

— Да, и Дубчека тоже.

— А Брежнева?

— Конечно, и Брежнева» («Ожог», 1975).

Дубчеку было, наверное, более других приятно получить открытки с «желудями», поскольку они намекали на его фамилию.

34.45 С. 83. *…признают за это субъектами международного права… —*

Признание субъектами международного права государства (или крупные международные организации) получают в ООН и, параллельно, путем установления дипломатических отношений с другими государствами, признавшими данное государство официально.

А вот пример другого отношения к вопросу о международном признании «молодого утопического государства» — из «Любимова» Абрама Терца:

«– Имею честь познакамливаться, хер Тихомиров <…> Их бин Гарри Джексон, по кличке Серый Гангстер, корреспондент буржуазной газеты „Пердит интриган врот ох Америка“ [ср. названия

парижских эссе Венички]. Моя заокеанский хозяев хошет иметь от вас маленький интерфью. <…>

Перво-наперво ему не терпелось выяснить, когда в Любимове утвердится прогнивший строй магнатов капитализма.

— Когда рак на горе свистнет! — отвечал Леонид Иванович коротко, но ясно. <…>

А на вопрос, не намерен ли вольный город Любимов вступить в Атлантический пакт и завязать с Вашингтоном шуры-муры, Леня со спокойным достоинством показал иностранцу фигу» («Цена метафоры, или Преступление и наказание Синявского и Даниэля». М., 1989. С. 382–383).

34.46 *…как будет рад Владислав Гомулка и как будет рвать на себе волосы Юзеф Циранкевич…* —

Гомулка и Циранкевич — см. 34.43. Идиома «рвать на себе волосы» (от ярости/ злости) по отношению к Циранкевичу (да и к Гомулке тоже) звучит двусмысленно: оба они были лысые — фотопортреты обоих польских лидеров крупным планом были опубликованы в «Правде» и «Известиях» (1 октября 1969 г.) без того, что можно рвать на голове. Портреты помещались под надписью: «Добро пожаловать, дорогие польские друзья!» — в связи с официальным визитом Гомулки и

Циранкевича в Москву 1–3 октября 1969 г.

34.47 *…спасибо, что будем кормить тебя в соответствии с Женевской конвенцией!..*

— А чего это такое?.. —

Женевская конвенция — международное соглашение о единых нормах обращения с военнопленными, подписанное в 1949 г. в Женеве в пакете с тремя другими конвенциями о защите жертв войны. В разделе о питании военнопленных сказано, что военнопленные должны пользоваться той же пищей, что и войска государства, взявшего их в плен (Женевские конвенции о защите жертв войны. М., 1954. С. 69–129). Конвенции эти являются регулярным объектом для ссылок в официальных заявлениях; вот, например, заявление о политике Израиля на оккупированных арабских землях: «Международная ассоциация юристов-демократов заявляет протест против <…> открытых актов нарушения международного права и Женевских конвенций 1949 года о защите гражданского населения во время войны и резолюции Совета Безопасности ООН от 22 ноября 1967 года» (Правда. 1969. 13 февраля).

34.48 С. 83. *…ноги еще будешь таскать, Иваныч,*

а уж на блядки не потянет!.. —

Михаил Шолохов предпочитал использовать цензурный вариант поговорки: «[Кузнец — Давыдову:] — Хучь пополам переломись возле ковадла, а больше одного трудодня не заработаешь. Так что от твоей оплаты, парень, не дюже разжиреешь, живой будешь, а жениться не захочешь» («Поднятая целина», кн. 2, гл. 10).

35. Крутое – Воиново

35.1 С. 83. *Воиново* —

железнодорожная платформа на магистрали Москва — Владимир.

35.2 *…состоялся Пленум. Он был расширенным и октябрьским. <…> Весь 1-й Пленум был посвящен избранию президента, то есть избранию меня в президенты. Это отняло у нас полторы-две минуты, не больше.* —

Пленум — здесь: намек на пленум ЦК КПСС, то есть заседание всего состава членов и кандидатов в члены Центрального комитета КПСС; проводилось не реже одного раза в шесть месяцев; если пленум следовал непосредственно за съездом КПСС, то на этом пленуме избирались Генеральный (до 1966 г. — Первый) секретарь ЦК КПСС, Политбюро и Секретариат ЦК КПСС.

На Октябрьском пленуме ЦК КПСС (14 октября 1964 г.) партийная группировка во главе с Леонидом Брежневым вынудила тогдашнего Первого секретаря ЦК КПСС Никиту Хрущева заявить о своей добровольной отставке с этого поста; новым Первым секретарем ЦК единогласно, без

проволочек был избран Брежнев, занимавший впоследствии этот пост вплоть до своей смерти в 1982 г.

Формальность и предрешенность результатов выборов на посты руководителей партии и государства стали в СССР традицией с середины 1930-х гг., когда Сталин и его окружение уничтожили окончательно так и не распустившиеся завязи оппозиции. Началось же все еще на II съезде Советов в ночь на 27 октября 1917 г.:

«Быстро летел час за часом. Приближался рассвет 27 октября. В шестом часу утра съезд принял Декрет об образовании рабочего и крестьянского правительства — Совета Народных Комиссаров. В его состав вошли 15 человек — представители Коммунистической партии. Председателем Совета Народных Комиссаров стал Владимир Ильич Ульянов (Ленин)» (Родина советская. Исторический очерк. М., 1981. С. 34).

35.3 С. 83–84. *…все оставшееся время поглощено было прениями на тему чисто умозрительную <…> А я <…> мыслил так: прения совершенно необходимы… —*

Процедуры проведения партийных пленумов и съездов и важность прений были описаны еще Джоном Ридом:

«Собрания и съезды в России организуются скорее по европейскому образцу, чем по нашему [американскому]. Первое, что они обычно делают, — это избрание председателя, секретаря и президиума. Президиум — это руководящий комитет, образованный из представителей групп и политических фракций, представленных на собрании пропорционально их численности. Президиум устанавливает повестку дня, и председатель может поручать членам президиума поочередно вести собрание. По каждому вопросу сначала делается общий доклад, затем следуют прения, а после прений различные фракции представляют свои резолюции, и каждая голосуется в отдельности» (Октябрьская буря. М., 1987. С. 40).

Ситуация в поэме — с прениями и бдениями — опять же порождена дискурсом Рида: «Петроградский Совет беспрерывно заседал в Смольном, где был центр бури. Делегаты сваливались и засыпали тут же на полу, а потом просыпались, чтобы немедленно принять участие в прениях. Троцкий, Каменев, Володарский говорили по 6, по 8, по 12 часов в день» (Десять дней, которые потрясли мир. М., 1957. С. 76).

Выступления в прениях делегатов последующих съездов и участников партийных пленумов,

проводившихся КПСС, всегда носили формальный характер и никогда не содержали по-настоящему конструктивных идей. Тексты выступления в прениях утверждались заранее работниками ЦК КПСС. Вот что писали об очередном октябрьском пленуме: «30 октября 1968 года открылся очередной Пленум Центрального Комитета КПСС. Пленум заслушал доклад Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнева <…> В прениях по докладу выступили…» (Правда. 1968. 31 октября).

35.4 С. 84. *…гораздо необходимее декреты. —*

Как известно, Октябрьский переворот 1917 г. увенчался принятием II съездом Советов ряда декретов:

«26 октября, в девятом часу вечера, открылось второе заседание съезда. Ему предстояло принять первые декреты первого на земле правительства рабочих и крестьян. Октябрьская революция победила под лозунгом мира. Вот почему и первым декретом Советской власти был Декрет о мире. На трибуне — Владимир Ильич Ленин. <…>…Вождь революции зачитал Декрет о мире, каждое слово которого отражало мысли и думы трудящихся <…> Второй доклад В. И. Ленина был посвящен вопросу о земле. <…> Декрет о земле был принят в два часа ночи» (Родина советская. Исторический

очерк. М., 1981. С. 33–34).

А это о декретах у Эренбурга:

«Засим в соседней комнате задорно трещали машинки — это Хуренито диктовал декреты. Начал он с равенства. <…> Хуренито, не отчаиваясь, приступил к подготовке всемирной организации и к истреблению растлевающего, по его словам, призрака личной свободы. Он опубликовал в один и тот же день — 12 апреля — три небольших декрета, относящихся к различным областям жизни» («Необычайные похождения Хулио Хуренито», гл. 26).

35.5 *Например, такой декрет: обязать тетю Шуру в Поломах открывать магазин в шесть утра. Кажется, чего бы проще? — нам, облеченным властью, взять и заставить тетю Шуру открывать свой магазин в шесть утра, а не в девять тридцать! —*

Тетя Шура в Поломах — реальное лицо, продавщица из деревенского магазина (*Авдиев И.* Клюква в сахаре // Новое литературное обозрение. 1996. № 21). Такой декрет, несомненно, отражал бы «мысли и думы трудящихся» (35.4).

Здесь можно провести параллель из мирового искусства. В фильме Вуди Аллена «Бананы» («Bananas», 1971; сценарий Вуди Аллена и Микки

Роуза) пародируются перманентные военные перевороты в странах Латинской Америки: скромный американец Филдинг Мелиш (Вуди Аллен) волей судьбы оказывается вовлеченным в революционную борьбу против военного диктатора в неком государстве Сан-Маркос. Лидер освободительного движения Эспозито (актер Дж. Моралес), придя к власти, тут же превращается в очередного диктатора и объявляет свои первые декреты: государственным языком в Сан-Маркосе становится шведский, все жители должны отныне менять свое нижнее белье каждые полчаса, а чтобы правительство могло контролировать выполнение этого закона, жители должны носить нижнее белье поверх верхней одежды; также все граждане Сан-Маркоса, которым на день прихода к власти нового диктатора еще не исполнилось шестнадцати лет, объявляются шестнадцатилетними.

Отмечу также еще ряд непроизвольных параллелей с «Москвой — Петушками»: 1) герой Вуди Аллена, человек исключительно мирный, вовлекается в партизанское движение абсолютно случайно и в конце концов становится президентом Сан-Маркоса; 2) до Сан-Маркоса в Нью-Йорке Мелиш работал тестером — человеком, на кото-

ром испытываются образцы новых механизмов; в частности, на нем испытывают новый тренажер, встроенный в офисную мебель: тренажер плохо налажен, и в результате «испытания» превращаются в настоящее сражение Мелиша с тренажером — эта сцена, являясь пародией на известный эпизод из «Новых времен» Чарли Чаплина («Modern Times», 1936) с испытанием аппарата для автоматического кормления, в плане абсурдного содержания работы соотносима со способами прокладки кабеля в поэме (12.7); сюда же можно отнести и сцену в операционной, где родители Мелиша, хирурги, оперируют больного и при этом выясняют отношения с сыном, предлагая ему, в частности, самому прооперировать пациента; 3) став совершенно случайно президентом Сан-Маркоса, Мелиш приезжает в Нью-Йорк, чтобы просить американцев о финансовой помощи: выступая перед представителями политических и финансовых организаций, Мелиш, чтобы рассмешить их, рассказывает историю о том, как некий отец жил одновременно с двумя своими дочерьми (38.4). Кроме того, общая ситуация этого и других фильмов Аллена, построенная на несовместимости окружающей действительности и мягкотелого,

несуразного интеллигента, сходна с общей ситуацией «Москвы — Петушков»; отмечу в фильмах Аллена и существенную роль цитат, аллюзий и реминисценций (активное цитирование русской классики, в частности Толстого и Достоевского, в «Love and Death» (1975)), а также обязательное присутствие эротико-сексуальной линии.

35.6 С. 84. *…декрет о земле: передать народу всю землю уезда, со всеми угодьями и со всякой движимостью, со всеми спиртными напитками и без всякого выкупа. —*

Цитируется Декрет о земле Всероссийского съезда советов рабочих и солдатских депутатов от 26 октября 1917 г.:

«1) Помещичья собственность на землю отменяется без всякого выкупа. 2) Помещичьи имения, равно как все земельные удельные, монастырские, церковные угодья, со всем их живым и мертвым инвентарем, усадебными постройками и всеми принадлежностями переходят в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов, впредь до Учредительного собрания» (Октябрьская буря. М., 1987. С. 515–516).

И Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа:

«Частная собственность на землю отменяется. Вся земля, со всеми постройками, инвентарем и прочими принадлежностями сельскохозяйственного производства, объявляется достоянием всего трудящегося народа» (Там же. С. 544).

35.7 *…передвинуть стрелку часов на два часа вперед или на полтора часа назад, все равно, только бы куда передвинуть. —*

До Октябрьской революции Россия пользовалась так называемым «гражданским» временем с установленной точкой отсчета — временем в Пулковской обсерватории. Затем, с 1 июля 1919 г., оно было заменено на поясное. А декретное время в СССР с переведением часовой стрелки на 1 час вперед установлено постановлением СНК СССР от 16 июня 1930 г. По поводу этих бесконечных переводов стрелок сетовал Розанов:

«…августа 12-го 1918 года <…> Спешу на вокзал справиться, когда в Александров отходят поезды. Отвечает мастеровой с бляхой:

— В три.

— Это по старому или по новому времени?

Часы по приказанию большевиков переведены в Сергиеве на 2 часа вперед.

— Конечно по новому. Теперь все по-новому. (Помолчав.) Старое теперь все в могиле» («Апока-

липсис нашего времени» («Переживание»), 1918).

35.8 *…слово «черт» надо принудить снова писать через «о», а какую-нибудь букву вообще упразднить, только надо подумать какую. —*

В течение года после Октябрьского переворота 1917 г. советское правительство издало два декрета, посвященные вопросам русской орфографии: 23 декабря 1917 г. (Декрет Народного комиссариата просвещения) и 10 октября 1918 г. (Декрет о введении новой орфографии Совнаркома за подписями заместителя народного комиссара просвещения М. Покровского и управляющего делами Совнаркома В. Бонч-Бруевича). Было бы не совсем правильно ставить в заслугу советскому правительству оперативную (всего год) и необходимую работу по реформированию орфографии: еще в 1904 г. при Академии наук начала работать специальная орфографическая комиссия (ею руководили Ф. Фортунатов и А. Шахматов); итогом ее работы была публикация в 1912 г. проекта реформы русской орфографии, проект был пересмотрен и скорректирован в мае 1917 г.; именно эти академические разработки легли в основу декретов от 23.12.1917 г. и 10.10.1918 г. В частности, декрет 1918 г. содержал 11 новых правил: первые четыре упразднили буквы «ять», «фиту», «ер»,

«и десятеричное», остальные — формулировали новые грамматические правила.

В 1956 г. АН СССР, Минпрос СССР и Минпрос РСФСР издали «Правила русской орфографии и пунктуации», унифицировавшие русское правописание. В частности, в первом разделе «Правил» фиксируется единственно верное написание слова «чёрт» — через «ё», с отменой прежнего варианта написания — через «о».

Вопросы реформирования орфографии постоянно выносились прессой на всеобщее обсуждение и составляли предмет формального интереса каждого интеллигентного советского гражданина. Это положение пародируется, в частности, в кинофильме Георгия Данелии «Тридцать три» («Мосфильм», 1965; сценарий Валентина Ежова, Виктора Конецкого и Георгия Данелии), где главный герой картины — скромный специалист провинциального завода безалкогольных напитков Травкин (актер Евгений Леонов), у которого якобы обнаружен тридцать третий зуб, — во сне превращается в объект всесоюзного восхищения и поклонения, объявляется марсианином по происхождению и готовится к полету на Марс с целью установления контакта с марсианами; на стартовой площадке в числе прочих провожаю-

щих появляется старенький филолог, который пытается справиться у Травкина, как же все-таки надо писать — «заяц» или «заец».

35.9 С. 84. *Мысли роились — так роились, что я затосковал… —*

Лейтмотив «разрешения мысли» — см. 39.9.

35.10 *…отозвал в кулуары Тихонова… —*

Беседа в кулуарах — неофициальный разговор в осведомленных кругах высокопоставленных лиц о каком-либо значительном политическом или общественном событии. Характерен для больших политиков, коими в данной ситуации ощущают себя Веничка и Тихонов.

35.11 *…выпили тминной… —*

Тминная — крепкая (40°) настойка на тмине.

35.12 *— Ты что же это? — открываешь террор? <…> И какой террор открываешь? <…>*

– Белый. —

Белый террор — массовые репрессии со стороны правых политических, контрреволюционных (как правило, монархических) сил; как термин это словосочетание впервые появилось в истории в связи с именем Наполеона: в 1815 г. после реставрации монархии Бурбонов начались по-

вальные аресты бонапартистов и революционеров, «по Франции, особенно на юге, прокатилась волна „белого террора“, как тогда же было (впервые в истории) названо это движение» (*Тарле Е.* Сочинения: В 12 т. М., 1957–1962. Т. 11. С. 179).

Впоследствии термин широко использовался как при описании исторических событий прошлого, так и для наименования текущих политических течений, например Петром Кропоткиным:

«Робеспьер, а также и Дантон пришли к Марату и его товарищам <…> чтобы сговориться с ними насчет того, как еще раз поднять народ по примеру 14 июля, на этот раз для окончательного нападения на королевскую власть. <…> Или же королевская власть восторжествует в борьбе — и тогда это будет победой контрреволюции и уничтожением всего, что только было сделано в направлении равенства. В таком случае белый террор 1794 г., то есть истребление революционеров, начался бы уже в 1792 г., раньше, чем революция закрепила свои завоевания» (*Кропоткин П.* Великая французская революция 1789–1793. Пг.; М., 1922. С. 271).

Согласно официальной советской истории, белый террор против Советской России начал-

ся летом 1918 г. с убийства в Москве левыми эсерами германского посла Мирбаха, контрреволюционных мятежей в Ярославле, Рыбинске и других городах Поволжья, убийства председателя Петроградской ЧК М. Урицкого и, наконец, покушения эсерки Фанни Каплан на Ленина (18.12). В ответ на белый террор большевиками был открыт террор красный:

«Волей партии и народа Страна Советов превращалась в единый боевой лагерь. <…> Все силы и помыслы воинов на фронте и тружеников в тылу подчинялись единой цели: отстоять Родину, очистить советскую землю от интервентов и белогвардейцев. 2 сентября 1918 г. ВЦИК объявил страну военным лагерем и учредил Реввоенсовет республики. В этот день ВЦИК постановил: „На белый террор врагов рабоче-крестьянской власти рабочие и крестьяне ответят массовым красным террором против буржуазии и ее агентов“» (Родина советская. Исторический очерк. М., 1981. С. 58–59).

А вот о том же у Алексея Толстого:

«Советская власть напрягала все усилия, чтобы овладеть анархией. И в это время ей был нанесен страшный удар: тридцатого августа, после митинга на заводе Михельсона, за Бутырской

заставой, „правая эсерка“ Каплан <…> стреляла и тяжело ранила Ленина. Тридцать первого на улицах Москвы видели отряд людей, одетых с головы до ног в черную кожу, — они двигались колонной посреди улицы, неся на двух древках знамя, на котором было написано одно слово: „Террор“… День и ночь на заводах Москвы и Петрограда шли митинги. Рабочие требовали самых решительных мер. Пятого сентября московские и петроградские газеты вышли со зловещим заголовком: КРАСНЫЙ ТЕРРОР <…> Нам необходимо немедленно и навсегда обеспечить весь тыл от белогвардейской сволочи… Ни малейшего промедления при применении массового террора…» («Хождение по мукам», кн. 2 («Восемнадцатый год»), гл. 12).

35.13 С. 84. *…декларацию прав. —*

Возможно, имеется в виду Декларация прав народов России, которая была принята Совнаркомом РСФСР, следом за принятием II Всероссийским съездом Советов Декретов о мире и о земле, 2 ноября 1917 г. Позже (18 января 1918 г.) III Всероссийский съезд Советов принял Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа.

Речь также может идти о Декларации прав человека и гражданина, программном документе

Великой французской революции, принятом Учредительным собранием 26 августа 1789 г., то есть чуть больше месяца спустя после взятия Бастилии (в новой, более демократичной редакции, эта Декларация была принята Национальным конвентом в июне 1793 г., вскоре после захвата власти в Париже якобинцами).

35.14 *…и — учиться, учиться, учиться…* —

Пародируется программное положение Ленина, сформулированное в 1923 г.:

«Нам надо во что бы то ни стало поставить себе задачей для обновления нашего госаппарата: во-первых — учиться, во-вторых — учиться и в-третьих — учиться и затем проверять то, чтобы наука у нас не оставалась мертвой буквой или модной фразой (а это, нечего греха таить, у нас особенно часто бывает), чтобы наука действительно входила в плоть и кровь, превращалась в составной элемент быта вполне и настоящим образом» («Лучше меньше, да лучше»).

С этим высказыванием связана забавная деталь в истории ВЛКСМ: как видно из цитаты, «учиться, учиться и учиться» Ленин призывал государственных чиновников, то есть непосредственно к молодежи этот лозунг не относился; в октябре 1920 г. Ленин выступил на III съезде РКСМ с про-

граммной речью «Задачи союзов молодежи», где, среди прочего, призывал молодых граждан Советской России «учиться коммунизму» (*Ленин В.* Полн. собр. соч.: В 55 т. М., 1958–1965. Т. 41. С. 314); со временем в сознании невнимательных партийных идеологов смешались цитаты из «Лучше меньше, да лучше» и «Задач союзов молодежи», и они стали включать лозунг «учиться, учиться и учиться» в разного рода агитационные тексты, обращенные к комсомолу, лишив его тем самым изначального ленинского адресата. Эта ошибка, кстати, повторяется Левиным в комментарии к данному месту (*Левин Ю.* Комментарий к поэме «Москва — Петушки»… С. 80–81).

35.15 С. 84. *…неслыханно ново все наше дело, и прецедентов считай что не было… Были, правда, прецеденты, но… —*

Пародируется дискурс Ленина:

«Нет сомнения, в Германии были и раньше отдельные случаи мятежа в войсках, но эти случаи были так мелки, так разрозненны, так слабы, что их удавалось замять <…> Наконец, назрело и такое движение во флоте, когда уже ни замять, ни замолчать его, даже при всех неслыханно разработанных и с невероятным педантизмом соблюденных строгостях германского военно-ка-

торжного режима, *не удалось*» («Кризис назрел»).

35.16 С. 85. *Полет шмеля* —

музыкальный фрагмент из оперы Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтане» (1900; по сказке Пушкина «Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди» (1831)): царевна Лебедь превращает прекрасного князя Гвидона в шмеля (у Пушкина: «Шмелем князь оборотился, / Полетел и зажужжал…»); он летит со своего острова Леденца на остров Буян во дворец своего отца — царя Салтана (д. 3, карт. 1), где больно жалит злых теток и сватью бабу Бабариху (д. 3, карт. 2). В 1950—1960-е гг. в СССР «Полет шмеля» можно было регулярно услышать по радио.

35.17 *…забавы взрослых шалунов…* —

Отсылка к Пушкину, который использует это словосочетание как метафорическую характеристику начального периода формирования дворянских революционных (будущих декабристских) организаций: «Все это было только скука, / Безделье молодых умов, / Забавы взрослых шалунов…» («Евгений Онегин», гл. 10, строфа XVII).

35.18 *Летоисчисление… сменим или оставим как есть? —*

Апелляция к богатому опыту предыдущих революционных реформ летосчисления, самыми известными из которых являются: 1) замена древнерусского календаря на общехристианский в России указом Петра I от 15 декабря 1699 г.; 2) введения Календаря Великой французской революции постановлением Национального конвента Франции от 5 октября 1793 г.; 3) замена юлианского календаря григорианским в Советской России декретом Совета народных комиссаров РСФСР от 24 января 1918 г. Вот планы Маяковского в канун празднования нового, 1927 года — года десятилетия Октябрьской социалистической революции:

Мы
лета
исчислим снова —
не христовый считаем род.
Мы
не знаем «двадцать седьмого»,
мы
десятый приветствуем год.

(«Наше новогоднее», 1926)

35.19 *…в ожидании карательных набегов из райцентра… —*

См. 34.25. Здесь мы имеем дело с очередным Веничкиным каламбуром, так как существительное «набег(и)» обычно используется для обозначения внезапных и кратковременных вторжений иностранного агрессора или партизан на территории, находящиеся под контролем государства (например, «набеги татар на русские земли»). В контексте Гражданской войны по отношению к карателям как частям регулярной правительственной армии слово «набег» привносит в текст элемент двусмысленности или даже издевки.

35.20 *…решено было временно перенести столицу из Черкасова в Поломы, то есть на двенадцать верст вглубь территории республики. —*

10 марта 1918 г. правительство Советской России приняло решение в целях безопасности перенести столицу государства из Петрограда в Москву; после почти трехвекового перерыва Москва вновь стала столицей России 12 марта 1918 г.

35.21 *…на другое утро, открыть 2-й Пленум, весь посвященный моей отставке с поста пре-*

зидента.

— Я встаю с президентского кресла, — сказал я в своем выступлении, — я плюю в президентское кресло… —

Из всех президентских отставок в 1960-х гг. самой значительной была отставка президента Франции Шарля де Голля (30.22): «Вчера [27 апреля 1969 г.] прошел референдум по вопросам об изменении административно-территориального деления страны и реформы сената. Сегодня поздно ночью, когда стали известны результаты референдума, генерал де Голль объявил о своей отставке с поста президента республики. „Я прекращаю исполнение обязанностей президента республики, — заявил генерал де Голль, — это решение вступает в силу сегодня [28 апреля 1969 г.] в полдень“» (Правда. 1969. 29 апреля).

Возможен также намек на якобы добровольный уход с поста Первого секретаря ЦК КПСС Никиты Хрущева в октябре 1964 г. — см. также 35.2.

35.22 С. 85. *Боря —*
Борис Сорокин (см. 19.10).

35.23 *Мою речь прервали овации… —*

Для выступления лидера нации обязательно «прерывание речи овациями». А иногда лидеру

и не надо ничего говорить, а достаточно только выйти на сцену. Вот, к примеру, воспоминания участника III Всероссийского съезда комсомола (октябрь 1920 г.):

«Ленин быстро из глубины сцены подошел к краю стола и оперся на него рукой. Грохотала, гудела, бушевала овация в зале и на сцене. В этих бурных аплодисментах и приветственных криках была неуемная радость. Владимир Ильич стоял и с доброй, отеческой улыбкой смотрел в бушующий овацией зал. Вот он поднял руку, как бы желая остановить, прервать эту овацию, но где там! Аплодисменты и крики усилились. „Ура!“ — мощно перекатывалось с одного края зала к другому. <…> Зал продолжал бушевать. Мы не отрывали глаз от Ленина. Но вот улыбка сошла с его лица, и появилась какая-то нетерпеливая озабоченность, будто Ленин уже недоволен этой затянувшейся овацией. И тогда разом аплодисменты прекратились, и наступила тишина, в которой ясно и четко прозвучали первые слова ленинского доклада… Вся аудитория, затаив дыхание, слушала Ленина с горящими и жадными глазами <…> Мы слушали Ленина не только разумом, но и сердцем» (Юность. 1962. № 11. С. 68–69).

35.24 *…все пойдем в луга готовить пунш…* <…>

…окрестные луга озарились синим огнем. —

Пунш — алкогольный напиток, приготовляемый по принципу коктейля на базе рома (реже — коньяка, бренди, водки) с добавлением еще четырех (название восходит к хиндустанскому «punch», то есть «5») компонентов (сахара, фруктового сока, чая и воды) — то есть здесь, по личному желанию, можно усмотреть мотив «4 против 1» (10.34). По традиции перед употреблением пунш поджигается и горит голубым пламенем. У поэтов пунш неизменно сочетается с упоминанием о голубом огне — у Пушкина: «Шипенье пенистых бокалов / И пунша пламень голубой» («Медный всадник», 1833); у Мандельштама: «…голубой в стаканах пунш горит…» («Декабрист», 1917), «пунш голубоглазый» («Кому зима — арак и пунш голубоглазый…», 1922).

Подмена цвета пламени — с голубого на синий, несомненно, каламбурна по своей природе, так как «озариться синим огнем» ассоциируется с идиомой «гори всё синим пламенем!», обозначающей полное наплевательство и равнодушие говорящего ко всему происходящему вокруг или к предмету разговора.

35.25 *…я ходил меж огней с одною тревожною мыслью… —*

У Ходасевича: «Я бессонно брожу по земле меж вами, / Я незримо горю на легком огне…» («Милые девушки, верьте или не верьте…», 1912, 1916).

35.26 *…я ходил меж огней с одною тревожною мыслью: почему это никому в мире нет до нас ни малейшего дела? Почему такое молчание в мире? Уезд охвачен пламенем, и мир молчит оттого, что затаил дыхание, — допустим. Но почему никто не подает нам руки ни с Востока, ни с Запада? —*

Пародируются традиционные для советской пропаганды описания исторической ситуации в период Гражданской войны:

«Летом 1918 года вместе с Красной армией сражалось 12 тысяч чехов и словаков. Но немало солдат корпуса путем обмана было вовлечено в антисоветскую авантюру. <…> Вместе с советскими людьми на защиту первого в мире государства рабочих и крестьян шли венгры, чехи, словаки, поляки, немцы, сербы, корейцы, китайцы и представители других народов. Среди них были венгры Бела Кун и Тибор Самуэли, чех Ярослав Гашек и хорват Олеко Дундич. Всего к концу 1918 года в рядах интернациональных отрядов насчитывалось до 50 тысяч бойцов. Это были подлинно интернациональные части. <…>

Мы не были одиноки в этой борьбе. Пролетарии всего мира помогали нам сочувствием. Рабочие Англии, Франции и других стран, участвовавших в интервенции, протестовали против политики своих правительств, бастовали, отказывались грузить оружие, направляемое белым генералам, организовывали комитеты под лозунгом „Руки прочь от Советской России“. <…> Указывая на глубоко интернациональный характер этой борьбы, В. И. Ленин говорил в марте 1920 года: „Нет ни одной страны, где бы не знали слова «большевик» и слова «Совет» и где бы рабочие не стояли на стороне Советской власти. Это и лишило Антанту возможности воевать против нас…“» (Родина советская. Исторический очерк. М., 1981. С. 55, 64, 82–83).

35.27 С. 85. *Куда смотрит король Улаф? —*
См. 34.37.

35.28 *Почему нас не давят с юга регулярные части?.. —*

Имеются в виду события Гражданской войны в 1918–1919 гг., когда Красной армии, защищавшей подступы к Москве, приходилось сдерживать натиск регулярных частей белой армии именно с юга:

«Тяжелые бои летом и осенью 1918 года развернулись на Южном фронте — на Нижней Волге, Дону, Северном Кавказе. „Добровольческая“ армия под командованием Деникина вела наступление на Кубани и Северном Кавказе. <…>…Численность вражеских войск на юге достигла 130 тысяч человек. На Северном Кавказе после героического сопротивления советские войска вынуждены были отступить к Астрахани. <…> Деникину удалось захватить богатейшие районы юга России. 3 июля [1919 г.] он отдал приказ „О походе на Москву“. В наступление перешли три белогвардейские армии <…> Фронт растянулся от Волги до Днепра. На обширных просторах Украины и донских степей кипели кровопролитные бои. Основной удар направлялся через Курск, Орел, Тулу на Москву. <…> Грозные дни переживала республика» (Родина советская. Исторический очерк. М., 1981. С. 62, 65, 74).

35.29 С. 85–86. — *Тебе нравится, Вадя, наша революция?*

– Да, — ответил Вадя, — она лихорадочна, но она прекрасна. —

Вот образец патетики Блока, поэтизировавшего Октябрьский переворот:

«Дело художника, *обязанность* художника

— видеть то, *что* задумано, слушать ту музыку, которой гремит „разорванный ветром воздух“.

Что же задумано?

Переделать все. Устроить все так, чтобы все стало новым; чтобы лживая, грязная, скучная, безобразная жизнь стала справедливой, чистой, веселой и прекрасной жизнью.

Когда *такие* замыслы, искони таящиеся в человеческой душе, в душе народной, разрывают сковывавшие их путы и бросаются бурным потоком, доламывая плотины, обсыпая лишние куски берегов, — это называется революцией. Меньшее, более умеренное, более низменное — называется мятежом, бунтом, переворотом. Но *это* называется *революцией*.

Она сродни природе. Горе тем, кто думает найти в революции исполнение только своих мечтаний, как бы высоки и благородны они ни были. Революция, как грозовой вихрь, как снежный буран, всегда несет новое и неожиданное; она жестоко обманывает многих; она легко калечит в своем водовороте достойного; она часто выносит на сушу невредимыми недостойных; но — это ее частности, это не меняет ни общего направления потока, ни того грозного и оглушительного гула, который издает поток. Гул этот все равно всегда

— о великом.

<…>

…Дух есть музыка. Демон некогда повелел Сократу слушаться духа музыки.

Всем телом, всем сердцем, всем сознанием — слушайте Революцию» («Интеллигенция и революция», 1918).

35.30 С. 86. *Ерофейчик —* уменьшительно-ласкательное от фамилии Ерофеев.

36. Воиново – Усад

36.1 С. 86. *Усад* —
железнодорожная станция и поселок городского типа на магистрали Москва — Владимир.

36.2 *…каратели из Петушков…* —
См. 34.25.

36.3 *…я беру в свои руки всю полноту власти…* —
Помимо очевидной отсылки к традиционной ситуации узурпации власти одним политиком (Гитлер, Сталин и др.), здесь возможна еще и аллюзия на слова Господа из Песни Моисея: «Видите, что это Я, Я — и нет Бога, кроме Меня: Я умерщвляю и оживляю, Я поражаю и исцеляю; и никто не избавит от руки Моей» (Втор. 32: 39).

36.4 *…полномочия президента я объявляю чрезвычайными и заодно становлюсь президентом.* —
Продолжение развития темы узурпации власти. Наделение высших должностных лиц чрезвычайными полномочиями, обычно сводившимися к праву безнаказанно вершить произвол

и насилие, практиковалось в Советской России с первых лет ее существования. Например, был такой Декрет ВЦИК и СРК о чрезвычайных полномочиях народного комиссара по продовольствию от 13 мая 1918 г., с которого началась продовольственная диктатура (так называемая продразверстка) периода военного коммунизма.

Ситуация же самоназначения на руководящий государственный пост описана в литературе — например, Маяковский писал о Керенском:

…сам
себя
уверенно и быстро
назначает —
то военным,
то юстиции,
то каким-нибудь
еще
министром.

(«Хорошо!», 1927)

36.5 *…«личностью, стоящей над законом и пророками…» —*

«Законы и пророки» — библейское определение

высшей земной власти; например, в Нагорной проповеди есть: «Итак, во всем, как хотите, чтобы поступали люди, так поступайте и вы с ними; ибо в этом законы и пророки» (Мф. 7: 12; см. также Мф. 22: 40; Лк. 16: 16; Ин. 1: 45; Деян. 13: 15, 24: 14; Рим. 3: 21). Встречается и в Ветхом Завете (2 Макк. 15: 9).

По Библии, личность «над законом и пророками» — Иисус Христос, превзошедший величием Иоанна Крестителя, который, в свою очередь, согласно Христу, уже находился выше «законов и пророков». Так, в Новом Завете Христос обращается к народу, «ходившему смотреть Иоанна»: «Что же смотреть ходили вы? пророка? Да, говорю вам, и больше пророка. Ибо он тот, о котором написано: се, Я посылаю Ангела Моего пред лицем Твоим, который приготовит путь Твой пред Тобою. Истинно говорю вам: из рожденных женами не восставал больший Иоанна Крестителя; но меньший в Царстве Небесном больше его. От дней же Иоанна Крестителя доныне Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его; Ибо все пророки и закон пророкли до Иоанна. И если хотите принять, он есть Илия, которому должно прийти» (Мф. 11: 9–14).

В Нагорной проповеди Христос говорит: «Не

думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков; не нарушить пришел Я, но исполнить» (Мф. 5: 17).

36.6 *Боря С. —*
Борис Сорокин — см. 19.10.

36.7 *Он умер от тоски и от чрезмерной склонности к обобщениям. —*
В мемуарной литературе о прототипе этого персонажа написано: «Сорокин <…> приходил [в гости к Ерофеевым], хиромантией тогда занимался, предлагал погадать по руке» (*Фролова Н.* [О Вен. Ерофееве]. С. 77).

36.8 С. 86–87. *…я повешу им на стену портрет прокуратора Иудеи Понтия Пилата, чтобы дети росли чистоплотными. Прокуратор Понтий Пилат стоит и умывает руки — вот какой это будет портрет. —*
Аллюзия на новозаветную сцену отказа Понтия Пилата от ответственности за судьбу Иисуса перед жителями Иерусалима, требовавшими для него смертной казни: «Пилат, видя, что ничто не помогает, но смятение увеличивается, взял воды и умыл руки перед народом, и сказал: не виновен я в крови Праведника Сего; смотрите вы» (Мф. 27: 24).

Понтий Пилат как художественный образ фигурирует в различных родах искусства: в живописи — например, у Ге (15.9); в литературе — в «Мастере и Маргарите» Булгакова, где, в частности, неоднократно повторяется название его должности — пятый прокуратор Иудеи. Между прочим, в Новом Завете название должности Пилата не упоминается. Встречается Пилат и у поэтов — например, у Эренбурга:

Сколько скуки было у Пилата,
Сколько высшей скуки пред собой,
В миг, когда над урной розоватой
Руки умывал перед толпой.

(«Так устали согнутые руки…», 1910)

(Попутно замечу, что это стихотворение Эренбурга построено как монолог Христа, распятого на кресте, что соотносимо с устойчивым мотивом «Венички как Иисуса» в «Москве — Петушках».) У Ахматовой: «И напрасно наместник Рима / Мыл руки пред всем народом…» («Привольем пахнет дикий мед…», 1933). Подробнее о функционировании образа Пилата в современной русской литературе см.: *Ziolkowski M.* Pilate and Pilatism in Recent Russian Literature // New Directions in Soviet

Literature. Sheelagh Duffin Graham; New York, 1992. P. 164–181.

36.9 С. 87. *…все это суета и томление духа, бесполезнеж и мудянка…* —

Парафраз известной ветхозаветной максимы — см. 22.11. Бесполезнеж (*разг.*) — бесполезное, бесперспективное дело или занятие. Мудянка (*неценз.*) — тоскливое и напрасно затеянное дело.

36.10 *В Общий рынок нас никто не пустит.* —

Общий рынок — одно из названий Европейского экономического сообщества, созданного в 1957 г. шестью западноевропейскими странами: Францией, ФРГ, Италией, Бельгией, Нидерландами и Люксембургом. В 1969 г. из числа ведущих западноевропейских держав только Великобритания не являлась членом Общего рынка. Отставка де Голля во Франции (35.21) усилила стремление Англии войти в Общий рынок; см., например: Правда. 1969. 16 августа; Правда. 1969. 28 августа — и т. п.

36.11 *Корабли Седьмого американского флота сюда не пройдут, да и пройти не захотят…* —

Здесь восставшие сравнивают себя с вьетнамцами, которые в 1960-е гг. вели борьбу против

американской военной агрессии. 7-й военный флот США — крупнейшее американское военно-морское соединение в Тихом океане. В конце 1960-х гг. его корабли базировались у берегов Вьетнама, поэтому название флота постоянно фигурировало в советских средствах массовой информации в негативном контексте: «К японским берегам направляется эскадра американских атомных кораблей во главе с авианосцем „Энтерпрайз“ — ядро агрессивного 7-го флота США, действующего непосредственно у берегов Вьетнама» (Правда. 1968. 17 января). Время от времени в прессе появлялись и фотографии этого самого 7-го флота, см., например, опубликованную в «Известиях» фотографию кораблей флота в Гонконге, который использовался американцами как база для атак на Вьетнам (Известия. 1967. 18 июня).

36.12 *…бомбардировщики! Б-52 нам дадут!* — «Б-52» («В-52») — тип мощного американского бомбардировщика. В связи с тем, что бомбардировщики этого типа использовались армией США во время войны во Вьетнаме, а также поставлялись США реакционным, с точки зрения Кремля, режимам, это название в советских средствах массовой информации неизменно связывалось с «образом врага»: «Американский представитель

сообщил, что бомбардировщики „B-52“ с восемью двигателями возобновили 11 августа [1968 г.] налеты на Северный Вьетнам после месячного перерыва» (Правда. 1968. 14 августа). Коммунистическая пресса также позволяла советским читателям получить и визуальное представление о грозном самолете — например, фотография американского бомбардировщика «B-52» «с грузом ядерных бомб на борту» была опубликована в центральной партийной газете (Правда. 1968. 26 января).

36.13 С. 87. *«Фантомы» дадут! —*

«Ф-4 Фантом» — американский истребитель-бомбардировщик. Во второй половине 1960-х гг. США активно поставляли «фантомы» государствам, проводившим проамериканскую политику, в первую очередь Израилю, что, естественно, раздражало советское руководство. В конце 1960-х гг. тема поставок «фантомов» Израилю не сходила с газетных страниц: «Что несут крылья „Фантомов“?» (Известия. 1967. 7 октября); «В Вашингтоне рассматривается просьба Израиля о поставке ему 150 более усовершенствованных истребителей „Ф-4 Фантом“. Тель-авивские газеты утверждают, что реакция Пентагона и Белого дома на эту просьбу „была положительной“» (Но-

вое время. 1968. № 1. С. 13); «Состоялась поездка в Соединенные Штаты премьер-министра Израиля Эшкола. <…>…Цель его визита ни у кого не оставляла и тени сомнений. Она заключалась в том, чтобы договориться о новых поставках Израилю американского оружия, в том числе о поставках американских самолетов „Ф-4 Фантом“» (Правда. 1968. 14 января); «Решение правительства США поставить Израилю 50 сверхзвуковых истребителей-бомбардировщиков типа „Фантом“ остается в силе, несмотря на протесты, вызванные этой сделкой в широких кругах мировой общественности» (Правда. 1969. 1 января).

36.14 *…девальвацию франка точно дадут…* — В конце 1968 г. в связи с глубоким экономическим кризисом во Франции правительство де Голля столкнулось с необходимостью произвести девальвацию французского франка; вот, например, заголовок газетной заметки: «Франк под угрозой девальвации» (Правда. 1968. 23 ноября). Сначала правительство де Голля отказалось от этой заведомо непопулярной у населения акции, что вызвало бурную реакцию в финансовом мире Запада (Правда. 1968. 25 ноября, 29 ноября). Однако менее чем через год, уже при правительстве Помпиду (32.36), франк все-таки был девальви-

рован на 12,5 %, в результате чего изменились и заголовки газетных заметок: «Девальвация французского франка» (Правда. 1969. 10 августа); «Девальвация франка и ее последствия» (Правда. 1969. 11 августа); «Девальвация франка поставила под угрозу чахлый английский фунт, подпираемый долларовыми займами» (Правда. 1969. 17 августа).

36.15 *В моем сердце не было раскаяния. —*

У Достоевского Раскольников в остроге испытывает те же чувства: «И хотя бы судьба послала ему раскаяние — жгучее раскаяние, разбивающее сердце, отгоняющее сон, такое раскаяние, от ужасных мук которого мерещится петля и омут. О, он бы обрадовался ему! Муки и слезы — ведь это тоже жизнь. Но он не раскаивался в своем преступлении» («Преступление и наказание», эпилог).

36.16 *Я шел через луговины и пажити, через заросли шиповника и коровьи стада, мне в пояс кланялись хлеба и улыбались васильки. Но, повторяю, в сердце не было раскаяния… Закатилось солнце, а я все шел. —*

Луговина — небольшой луг. С определением пажити возникают чисто ерофеевские проблемы,

аналогичные (не)различению антресоли, мансарды, мезонина, флигеля и чердака. Дело в том, что Даль и Ожегов считают, что пажить — это пастбище (Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля: В 4 т. СПб.; М., 1903–1909. Т. 3. С. 10; *Ожегов С.* Словарь русского языка. М., 1952. С. 440), а согласно четырехтомному словарю русского языка — это луг или поле (Словарь русского языка: В 4 т. М., 1957–1961. Т. 3. С. 10), то есть если принять точку зрения официального советского словаря, составленного группой (!) ученых, то Веничка опять каламбурит и идет через луговины и луга. Забавно, что до Ерофеева подобные проблемы с выяснением истинного значения существительного «пажить» имела Цветаева (*Цветаева М.* Стихотворения и поэмы. Л., 1990. С. 707).

Что касается фразы «мне в поле кланялись хлеба», то здесь Веничка опять переворачивает все с ног на голову, ибо по древней крестьянской традиции человек должен в знак уважения кланяться хлебу-кормильцу, а не наоборот; ср. у той же Цветаевой: «Русской ржи от меня поклон…» («Русской ржи от меня поклон…», 1925). Но так как Веничка все-таки советский человек, то есть гражданин страны, подчинившей себе природу,

пиетет к нему испытывают сами хлеба.

Лексика данного пассажа активно использовалась поэтами. У Пушкина: «Меж нив златых и пажитей зеленых…» («Вновь я посетил…», 1835). У Фета: «На пажитях немых люблю в мороз трескучий / При свете солнечном я снега блеск колючий…» («На пажитях немых люблю в мороз трескучий…», 1841, 1855). У Тютчева: «Там у ручья, на луговине тайной…» («На юбилей князя Петра Андреевича Вяземского», 1861). У Некрасова: «Счастие не в пажитях, / Не в соболях, не в золоте…» («Кому на Руси жить хорошо», ч. 4, гл. 1). У Кузмина: «На зелень пажитей небесных / Смотрю сквозь льдистое стекло» («Успокоительной прохладой…», 1916).

У Бальмонта лирический герой также идет по хлебному полю, где растут и васильки:

Горсть желтых колосьев, колосья ржаные,
Я левой рукою держу,
И маки горят, васильки голубые
Роняю я в рожь, расцвечаю межу.

(«Ярило», 1907)

Общая ситуация «оставления цивилизации

ради природы непонятым пророком» (включая прохождение по пажитям) встречается у Белого:

Покинув город, мглой объятый,
Пугаюсь шума я и грохота.
Еще вдали гремят раскаты
Насмешливого, злого хохота.

Там я года твердил о вечном —
В меня бросали вы каменьями.
Вы в исступленьи скоротечном
Моими тешились мученьями.

Я покидаю вас, изгнанник,
Моей свободы вы не свяжете.
Бегу – согбенный, бледный странник —
Меж золотистых хлебных пажитей.

(«Изгнанник», 1904)

Сходные ситуации описаны у Блока:
Погружался я в море клевера,
Окруженный сказками пчел.
Но ветер, зовущий с севера,
Мое детское сердце нашел.

Призывал на битву равнинную —

Побороться с дыханьем небес.
Показал мне дорогу пустынную,
Уходящую в темный лес.

Я иду по ней косогорами
И смотрю неустанно вперед,
Впереди с невинными взорами
Мое детское сердце идет.

(«Погружался я в море клевера…», 1903)

И у Брюсова:

По горбику тесной межи
Иду, и дышу ароматом
И мяты и зреющей ржи.

(«По меже», 1910)

Что касается васильков, то их, помимо упомянутого выше Бальмонта, на своем пути встречает лирический герой Сологуба: «Дорога всякая легка, / Милы мне василек и клевер» («Как много снегу намело!..», 1889); у того же Сологуба есть: «Иду я влажным лугом. / Томят меня печали» («Иду я влажным лугом…», 1894).

А вот из Василия Аксенова: «Я дико бежал сквозь заросли самшита, лавра, бука и бузины, я

все бежал и бежал, как дикая лошадь, как дикое стадо, и стал уже привыкать к этому дикому бегу и к кровавым полосам на коже, к свирепым южным колючкам, как вдруг я снова увидел ужас, когда сквозь куст шиповника выскочил на маленькую лужайку» («Ожог», 1975).

Также следует вспомнить популярный во второй половине 1960-х — начале 1970-х гг. шлягер «Васильки» (музыка П. Аедоницкого, текст Я. Халецкого; основной исполнитель — ансамбль «Орэра»), в третьем куплете которого «улыбаются васильки»:

Я иду по раздольным лугам
К васильков, васильков, васильков,
И куда ни взгляни —
В эти теплые дни
Улыбаются людям они.

36.17 С. 88. *«Где же Петушки?» — спросил я, подойдя к чьей-то освещенной веранде. Откуда она взялась, эта веранда? Может, это совсем не веранда, а терраса… —*

Терраса (или веранда), будучи неотъемлемым элементом всякой загородной дворянской усадьбы, служит местом действия многих сцен

в русской драматургии. Ситуация «чаепитие на террасе / на фоне террасы» (отсюда Веничкино «может, это совсем не веранда, а терраса») встречается у Чехова («Дядя Ваня», 1896), Горького («Дети солнца», 1905) и др. В прозе Чехова герой рассказа гуляет неподалеку от дома возлюбленной: «Потом я слышал, как на террасе пили чай» («Дом с мезонином», 1896). Ситуация «сбор гостей вечером на дачной веранде» есть у Саши Черного:

На дачной скрипучей веранде
Весь вечер царит оживленье.
К глазастой художнице Ванде
Случайно сползлись в воскресенье
Провизор, курсистка, певица,
Писатель, дантист и девица.

(«Мухи», 1910)

Однако встречаются в поэзии и террасы. У Брюсова: «Там, вот там, на закрытой террасе / Надо мной склонялись зажженные очи…» («Туманные ночи», 1895). У Белого: «Здесь безумец живет. / Среди белых сиреней. / На террасу ведет / ряд ступеней» («Безумец» (3), 1904). У Пастернака: «Потом от сараев — к террасе бревенчатой» («По-

сле дождя», 1915, 1928).

36.18 *…все, кто был на веранде, — все расхохотались и ничего не сказали. —*

Дачный смех, или смех дачников, доносящийся из открытых окон террасы или с веранды, — универсальный элемент в поэтике текстов, посвященных загородной жизни. Например, у Блока: «Светлеют / Все окна дальних дач: там — самовары, / И синий дым сигар, и плоский смех…» («Над озером», 1907).

У Достоевского есть сходная сцена:

«С чрезвычайным удивлением заметил князь, подходя к своей даче с Рогожиным, что на его террасе, ярко освещенной, собралось шумное и многочисленное общество. Веселая компания хохотала, голосила; кажется, даже спорила до крику; подозревалось с первого взгляда самое радостное препровождение времени. И действительно, поднявшись на террасу, он увидел, что все пили, и пили шампанское, и, кажется, уже довольно давно, так что многие из пирующих успели весьма приятно одушевиться. Гости были все знакомые князя, но странно было, что они собрались разом все, точно по зову, хотя князь никого не звал, а про день своего рождения он и сам только что вспомнил нечаянно» («Идиот»,

ч. 3, гл. 5).

Загородный дом как прибежище и домашний уют и противопоставление ему неприкаянного, бездомного героя-одиночки вне дома — также характерная ситуация в жизни лирических героев у поэтов. Например, у Гумилева читаем:

…И направились к дому те,
У кого есть дом
С голубыми ставнями,
С креслами давними
И круглым чайным столом.

Я один остался на воздухе…

(«Заводи», 1910)

36.19 *Как сказал Саади, будь прям и прост, как кипарис, и будь, как пальма, щедр. —*

Саади (псевдоним Муслихаддина Абу Мухаммеда Абдаллаха ибн Мушрифаддина; между 1203/1210–1292) — персидский поэт, прозаик и мыслитель.

Здесь Веничка цитирует не самого Саади, а двухстрочный «Завет Саади» Ивана Бунина:

Будь щедрым, как пальма. А если не можешь, то будь

Стволом кипариса, прямым и простым – благородным.

(«Завет Саади», 1913)

Кроме Бунина и Венички, обращался к Саади и Пушкин, использовавший сходное по структуре вводное предложение:

Но те, которым в дружной встрече
Я строфы первые читал…
Иных уж нет, а те далече,
Как Сади некогда сказал.

(«Евгений Онегин», гл. 8, строфа LI)

Сочетание кипариса и пальмы встречается в Ветхом Завете: «Я возвысилась <…> как кипарис на горах Ермонских; я возвысилась, как пальма в Енгадди» (Сир. 24: 14–15).

В написанном задолго до «Москвы — Петушков» и опубликованном в СССР стихотворении Иосифа Бродского есть схожая структура: «Да будет мужественным / твой путь, / да будет он прям / и прост» («Прощай», 1957).

36.20 С. 88. *Не понимаю, при чем тут пальма, ну да ладно, все равно будь, как пальма. —*

В связи с аллюзией на стихотворение Лермон-

това «На севере диком» и сравнением Венички с сосной (16.21) становится понятно, «при чем тут пальма»: во второй строфе этого стихотворения именно пальма является своеобразным недостижимым идеалом сосны, которая видит пальму в своем грустном сне:

И снится ей все, что в пустыне далекой,
В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утесе горючем
Прекрасная пальма растет.

(«На севере диком стоит одиноко…», 1841)

36.21 *…поди на площадку и выпей. —*
Вариант мотива «талифа куми» — см. 26.17.

36.22 *Тревога поднималась с самого днища моей души, и невозможно было понять, что это за тревога, и откуда она, и почему она так невнятна… —*

Днище — дно лодки или судна, нижняя часть корпуса плавсредства. Душа же имеет не днище, но дно. Тем не менее «днище» здесь не столь абсурдно, как может показаться на первый взгляд. Ведь Веничка «сложа весла отдается потоку» (33.7), то есть здесь просто разворачивается поме-

щенная выше метафора.

Что касается «тревоги», то она восходит к Достоевскому, к описанию эмоционального состояния Раскольникова: «Вся эта беспрерывная тревога и весь этот ужас душевный не могли пройти без последствий. И если он не лежал еще в настоящей горячке, то, может быть, потому, что эта внутренняя, беспрерывная тревога еще поддерживала его на ногах и в сознании, но как-то искусственно, до времени» («Преступление и наказание», ч. 5, гл. 5).

36.23 С. 88–89. *Дома бы лучше сидел и уроки готовил.* <…>

— *От горшка два вершка…* <…> *Невеститься тебе уже поздно, на кладбище рано. Куда тебе ехать, милая странница?..* —

В общем контексте ситуации расщепления Венички на ряд лиц (включая женщин) и в связи с упоминанием о невесте и тревоге (см. 36.22) можно привести стихи Сологуба:

Чтоб ее [смерть] одолеть, я стремлюсь

Расширять бытие без конца.

Я – царевич с игрушкой в руках,

Я – король зачарованных стран.

Я – невеста с тревогой в глазах.

(«Надо мною жестокая твердь…», 1896)

36.24 С. 89. *…милая странница?..* —

Данный образ встречается в стихах, запрещенных к печатанию в СССР. У современницы Ерофеева, поэтессы Лидии Филипповой, входившей в неформальное поэтическое объединение «Спектр» (Москва, 1963–1971), находим именно «милую странницу»: «В калитку мою постучала Беда. / — Ах, странница милая, Вам не сюда!» («Мне кажется, время мое истекает…», 1971). Есть «милая странница» и в стихах философа А. Лосева: «Странница милая! Кончен твой путь многобедственный» («Странница», 1942–1943).

Образ странницы же встречается, например, у Есенина: «Ты идешь, моя бедная странница, / Поклониться любви и кресту» («За горами, за желтыми долами…», 1916). Также есть «бедная странница» и у Цветаевой: «…я тоже / Бедная странница…» («Братья, один нам путь прямохожий…», 1916).

36.25 С. 89. *Какая-то гниль во всем королевстве, и у всех мозги набекрень.* —

Отсылка к Шекспиру — перифраз крылатых слов Марцелла, наблюдающего встречу Гамлета с тенью отца («Гамлет», акт 1, сц. 4). При этом лексикон фразы строится на основе двух классических переводов трагедии: «гниль» из перевода Пастернака — «Какая-то в державе Датской гниль», а «королевство» — из перевода Лозинского: «[Гамлет:] Нет в Датском королевстве подлеца, / Который не был бы отпетым плутом» («Гамлет», акт 1, сц. 4). Ключевая фраза Марцелла в переводе Лозинского звучит так: «Подгнило что-то в Датском государстве».

Эта цитата из Шекспира постоянно обыгрывается литераторами — в стихах Эренбурга, например, читаем: «Хоть каждый знает — в королевстве Датском / По-прежнему не все благополучно» («В Копенгагене», 1965).

36.26 *Я в своем уме, а они все не в своем — или наоборот: они все в своем, а я один не в своем? —*

Вспомним Кэрролла — его диалог Алисы и Чеширского Кота:

«– Вон там, — сказал Кот и махнул правой лапой, — живет Болванщик. А там, — и он махнул левой, — Мартовский Заяц. Все равно, к кому ты пойдешь. Оба не в своем уме.

— На что мне безумцы? — сказала Алиса.

— Ничего не поделаешь, — возразил Кот. — Все мы здесь не в своем уме — и ты, и я.

— Откуда вы знаете, что я не в своем уме? — спросила Алиса.

— Конечно не в своем, — ответил Кот. — Иначе как бы ты здесь оказалась?

<…>

— А откуда вы знаете, что вы не в своем уме?

— Начнем с того, что пес в своем уме. Согласна?

— Допустим, — согласилась Алиса.

— Дальше, — сказал Кот. — Пес ворчит, когда сердится, а когда доволен, виляет хвостом. Ну а я ворчу, когда я доволен, и виляю хвостом, когда сержусь. Следовательно, я не в своем уме» («Приключения Алисы в Стране чудес», гл. 6).

36.27 — *Это Усад, да?*

<…> *«Никак нет!!»* —

Так как от Орехова-Зуева Веничка едет не в сторону Петушков, а в Москву (33.7), здесь его собеседник, отвечающий армейской уставной фразой, говорит правду — это действительно не Усад.

36.28 *«Я вашей доброты никогда не забуду, товарищ старший лейтенант!..»* —

Моделируется клишированная ситуация великодушного прощения командиром младшего по званию, совершившего какой-либо проступок. Ситуация встречается как в произведениях советской литературы, посвященной Великой Отечественной войне (отсюда — «товарищ старший лейтенант»), так и в русской классике. Например, у Льва Толстого после Шенграбенского сражения Андрей Болконский вступается перед Багратионом за скромного капитана Тушина, на которого командующий обрушил поток обвинений в невыполнении приказа об отступлении; Болконский объяснил Багратиону, что Тушин вел себя геройски и его батарея сыграла главную роль в «успехе дня»; Багратион после слов Болконского отпускает Тушина с миром: «Князь Андрей вышел за ним. / — Вот спасибо, выручил, голубчик, — сказал ему Тушин. / Князь Андрей оглянул Тушина и, ничего не сказав, отошел от него» («Война и мир», т. 1, ч. 2, гл. 21).

37. Усад – 105-й километр

37.1 С. 89. *105-й километр —*

железнодорожная платформа на магистрали Москва — Владимир, последняя остановка на территории Московской области; в 1990-е гг. переименована в Глубоково.

37.2 С. 89. *…почему за окном темно, скажите мне, пожалуйста? Почему за окном чернота, если поезд вышел утром и прошел ровно сто километров?.. Почему?.. Я припал головой к окошку — о, какая чернота! —*

Образ тьмы как предвестия и атрибута судного часа и смерти имеет библейские корни. Вот описания Судного дня Господнего из Ветхого Завета: «День тьмы и мрака, день облачный и туманный» (Иоил. 2: 2); «Горе желающим дня Господня! Для чего вам этот день Господень? он — тьма, а не свет <…> Разве день Господень не мрак, а свет? он — тьма, и нет в нем сияния. <…> И будет в тот день, говорит Господь Бог: произведу закат солнца в полдень и омрачу землю среди светлого дня» (Ам. 5: 18–20, 8: 9).

Вообще, в Ветхом Завете много говорится о

тьме. Вот Божьи проклятия Израилю, если тот не будет соблюдать его заповеди: «И ты будешь ощупью ходить в полдень, как слепой ощупью ходит впотьмах, и не будешь иметь успеха в путях твоих» (Втор. 28: 29); вот обращение «ропщущего» Иова к Господу: «Оставь, отступи от меня, чтобы я немного ободрился, Прежде нежели отойду, — и уже не возвращусь, в страну тьмы и сени смертной, в страну мрака, каков есть мрак тени смертной, где нет устройства, где темно, как самая тьма» (Иов. 10: 20–22); тот же Иов уверен, что Господь «отнимает ум у глав народа, и оставляет их блуждать в пустыне, где нет пути. Ощупью ходят они во тьме, без света; и шатаются, как пьяные» (Иов. 12: 24–25); а вот слова Господа к Иову: «Где путь к жилищу света, и где место тьмы? Ты, конечно, доходил до границ ее и знаешь стези к дому ее» (Иов. 38: 19–20). У другого пророка о народе Израиля, который Господь хочет наказать за неправедность, сказано: «И заревет на него в тот день как бы рев разъяренного моря; и взглянет он на землю, и вот тьма, горе, и свет померк в облаках. <…> И взглянут вверх, и посмотрят на землю; и вот горе и мрак, густая тьма, и будут повержены во тьму. Но не всегда будет мрак там, где теперь он огустел. <…> Народ, ходящий во

тьме, увидит свет великий; на живущих в стране тени смертной свет воссияет» (Ис. 5: 30, 8: 22, 9: 2). А вот слова еще одного пророка: «Воздайте славу Господу, Богу вашему, доколе Он еще не навел темноты, и доколе ноги ваши не спотыкаются на горах мрака: тогда вы будете ожидать света, а Он обратит его в тень смерти и сделает тьмою» (Иер. 13: 16).

37.3 *Я припал головой к окошку — о, какая чернота! и что там в этой черноте — дождь или снег? или просто я сквозь слезы гляжу в эту тьму? —*

Ситуация наблюдения темноты из окна железнодорожного вагона встречается, например, у Бунина:

«Эти березы и сосны становятся все неприветливей; они хмурятся, собираясь толпами, становятся все плотнее и плотнее. Идет молодой легкий снежок, но от сплошных чащей в вагоне темнеет, и кажется, что хмурится погода. Омрачается и радость возвращения к тихому лесному дню… <…> Зимний день в лесах очень короток, и вот уже синеют за окнами сумерки, и мало-помалу заползает в сердце беспричинная, смутная, настоящая русская тоска. <…> Вагон опять пустеет. Опять со мною только артельщик и двое спящих — кавалерист и помощник начальника

станции. <…> Все сгущается сумрак в холодном, дребезжащем, неуклюжем вагоне» («Новая дорога», 1901).

Здесь есть и снег, и опустевший вагон, и заползающая в сердце тоска, похожая на Веничкину тревогу.

Кроме того, сочетание окна, дождя и снега вызывает в памяти популярную советскую эстрадную песню «Я тебя подожду» (музыка Аркадия Островского, слова Льва Ошанина; 1963), где рефреном было: «А за окном — то дождь, то снег».

37.4 *…кто-то сказал у меня за спиной таким приятным голосом, таким злорадным…* <…> *…спросил Сатана…* —

О голосе Сатаны читаем у Верлена в переводе Анненского: «Близ очарованной и трепетной луны / Так нежен и глубок был голос Сатаны…» («Преступление любви», 1901).

37.5 С. 90. — *А раз тяжело,* — *продолжал Сатана,* — *смири свой порыв. Смири свой духовный порыв — легче будет.*

– Ни за что не смирю. —

В новозаветной сцене искушения Христа (37.6) о «смирении порыва» ничего не говорится. Формулировка данного обращения восходит к Фету,

у которого Сатана обращается к Христу: «Сдержи на миг порыв духовный…» («Когда Божественный бежал людских речей…», 1874).

А вот у Лермонтова смирить порыв лирического героя призывает уже сам Господь:

Тогда молитвой безрассудной
Я долго Богу докучал
И вдруг услышал голос чудный.
«Чего ты просишь? – он вещал. —
Ты жить устал? Но я ль виновен;
Смири страстей своих порыв…

(«Когда, надежде недоступный…», 1835–1841)

37.6 С. 90. *Ты лучше вот чего: возьми — и на ходу из электрички выпрыгни. Вдруг да и не разобьешься… —*

Парафраз на тему евангельской истории искушения Христа:

«Потом берет Его диавол в святый город и поставляет его на крыле храма, и говорит Ему: если Ты Сын Божий, бросься вниз; ибо написано: Ангелам Своим заповедает о Тебе, и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею. Иисус сказал ему: написано также: Не искушай Господа Бога твоего. Опять берет Его

диавол на весьма высокую гору и показывает Ему все царства мира и славу их, и говорит Ему: Все это дам Тебе, если, пав, поклонишься мне. Тогда Иисус говорит ему: отойди от Меня, сатана, ибо написано: Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи. Тогда оставляет Его диавол, и се, Ангелы приступили и служили Ему» (Мф. 4: 5–11; см. также Лк. 4: 9–12).

Сюжет часто эксплуатируется литераторами, в том числе поэтами — например, Фетом в стихотворении «Когда божественный бежал людских речей…» (1874).

Так как Веничка разговаривает с Сатаной «у окошка», можно вспомнить по этому поводу Пастернака: «Как часто у окна / Нашептывал мне, старый: „Выкинься“» («Январь 1919 года», 1919).

37.7 *И Сатана ушел, посрамленный. —*

Посрамление Сатаны — одно из главных условий воцарения на земле Царствия Божия.

Помимо «оставления Христа диаволом» (Мф. 4: 11) здесь также обнаруживается аллюзия на ветхозаветную историю «отхода сатаны»:

«И был день, когда пришли сыны Божии предстать пред Господа; между ними пришел и сатана. И сказал Господь сатане: откуда ты пришел? И отвечал сатана Господу и сказал: я ходил по земле

и обошел ее. И сказал Господь сатане: обратил ли ты внимание твое на раба Моего Иова? ибо нет такого, как он, на земле: человек непорочный, справедливый, богобоязненный и удаляющийся от зла. И отвечал сатана Господу и сказал: разве даром богобоязнен Иов? Не Ты ли кругом оградил его и дом его и все, что у него? Дело рук его Ты благословил, и стада его распространяются по земле; но простри руку Твою и коснись всего, что у него, — благословит ли он Тебя? И сказал Господь сатане: вот, все, что у него, в руке твоей; только на него не простирай руки твоей. И отошел сатана от лица Господня» (Иов. 1: 6–12; ср. также Иов. 2: 1–7).

37.8 *Чернота все плыла за окном и все тревожила. И будила черную мысль. —*

У Пушкина есть упоминание о «черной мысли» в алкогольном контексте: «[Сальери — Моцарту:] Как мысли черные к тебе придут, / Откупори шампанского бутылку / Иль перечти „Женитьбу Фигаро“» («Моцарт и Сальери», сц. 2).

37.9 *Я стискивал голову, чтобы отточить эту мысль… —*

Мотив разрешения мысли.

37.10 *…мысль… она все никак не оттачивалась,*

а растекалась, как пиво по столу. —

Перифраз идиомы «растекаться мыслью по древу», то есть в разговоре отвлекаться от основной мысли, вдаваться в ненужные подробности; идиома восходит к «Слову о полку Игореве», где «Боян вещий / если хотел кому песнь воспеть, / то растекался мыслию по древу» (пер. Дмитрия Лихачева). У Достоевского: «Вона! Эк ведь расползлась у них эта мысль!» («Преступление и наказание, ч. 3, гл. 4).

37.11 *…сердце вступило в единоборство с рассудком… —*

См. 13.35.

37.12 С. 90. *Да чем же она тебе не нравится, эта тьма? Тьма есть тьма, и с этим ничего не поделаешь. <…> Да если она тебе и не нравится — она от этого быть тьмой не перестанет. Значит, остается один выход: принять эту тьму. С извечными законами бытия нам, дуракам, не совладать. —*

В связи с наступлением темноты и в контексте предчувствия гибели Веничкой-Христом появляются ассоциации с солнечным затмением, случившимся во время казни Иисуса: «От шестого же часа тьма была по всей земле до часа девятого»

(Мф. 27: 45), и с обращением Христа к первосвященникам во время ареста в Гефсиманском саду: «Каждый день бывал Я с вами в храме, и вы не поднимали на Меня рук; но теперь — ваше время и власть тьмы» (Лк. 22: 53).

У Гамсуна герой «Голода», в голове у которого много мыслей, также безуспешно пытается бороться с темнотой:

«Но я не мог уснуть, сон не шел ко мне. Некоторое время я лежал, глядя в темноту, в густую, плотную, бездонную и непостижимую. Моя мысль не могла ее охватить. Мрак был слишком густым, он давил на меня. <…> Мрак поглощал все мои мысли и ни на мгновение не отступал. <…> Я пристально вглядывался во мрак, такой глубокий, какого я в жизни не видел. У меня не было ни малейшего сомнения в том, что это совершенно особенная темнота, грозная стихия, с какой еще никто не сталкивался. Мне приходили в голову самые нелепые мысли <…> Затем я опять прилег и попытался уснуть, но вместо этого снова начал бороться с мраком» («Голод», гл. 2).

Сходная логика принятия очевидного встречается у Достоевского: «[Лебезятников:] Я про то говорю: если убедить человека логически, что, в сущности, ему не о чем плакать, то он и

перестанет плакать. Это ясно» («Преступление и наказание, ч. 5, гл. 5).

37.13 *Теперь, слава Богу, осень, дни короткие… —*

Здесь впервые в тексте поэмы называется время года, в которое происходит действие.

37.14 С. 91. *…раньше поезда быстрее ходили… А теперь, черт знает что!.. У каждого столба останавливается и стоит, а зачем стоит?* <…> *И так у каждого столба. —*

Остановки у каждого столба характерны для собак, а не для электричек. Однако в просторечии электрички иногда именуются «собаками» — именно из-за частых остановок.

37.15 *…я на тринадцатый раз еду к ней… —*

Следовательно, поездка эта не может закончиться счастливо — см. 15.2.

37.16 *…когда же взойдет заря моей тринадцатой пятницы! —*

В пятницу состоялась казнь Иисуса: «День тот был пятница, и наступала суббота» (Лк. 23: 54); «Тогда была пятница пред Пасхою, и час шестый» (Ин. 19: 14; см. также Ин. 19: 31, Мк. 15: 42). У Розанова о Пятнице Христовой: «Пятый час ночи.

И в душе — Страстная Пятница» («Уединенное», 1912).

Закономерны также ассоциации с арией Ивана Сусанина «Ты взойди, моя заря…» из оперы Глинки «Жизнь за царя», известной в СССР как «Иван Сусанин» (1836; либретто Георгия Розена, современный текст Сергея Городецкого). В опере Сусанин поет эту арию непосредственно перед смертью, ночью, в лесу, будучи обреченным на гибель заложником поляков (д. 4, карт. 2); после арии его убивают тем же способом, что и Веничку, — а именно закалывают. Роль Сусанина входила в репертуар Шаляпина.

37.17 С. 92. *…осенний день… уже с гулькин хуй!..* —

То есть очень короткий, маленький. Чаще используется пристойный вариант сравнения — «с гулькин хвост/нос», то есть размером с хвост/клюв гульки, воробышка, маленькой птички.

37.18 *Я не очень сильно ударил себя по щеке…* —

Потому что рядом не оказалось служителя церкви. Здесь Веничка в очередной раз сравнивает себя с Христом, причем накануне казни: «Когда Он сказал это, один из служителей, стоявший близко, ударил Иисуса по щеке, сказав: так

отвечаешь Ты первосвященнику?» (Ин. 18: 22).

37.19 *…триста грамм конфет «Василек».* — «Василек» — популярный в СССР сорт недорогих (1 руб. 40 коп. за 1 кг) конфет с шоколадной глазурью и начинкой из крем-брюле с добавлением тертых лесных орехов, а также с изображением василька на обертке.

37.20 С. 92. *Тут я совсем почти задремал.* — Здесь сбывается предчувствие Венички, испытанное им в главе «Никольское — Салтыковская» (15.5).

37.21 *Я снова отдался потоку…* — См. 33.7.

38. 105-й километр – Покров

38.1 С. 92. *Покров —*

железнодорожная станция в 4 км от одноименного города Петушкинского района Владимирской области. На перегоне 105-й километр — Покров Веничкина электричка пересекает границу Московской области.

38.2 С. 93. *Перед тобою — Сфинкс. И он в этот город тебя не пустит. —*

Сфинкс — здесь: в древнегреческой мифологии фантастическая женщина с телом львицы и крыльями птицы; охраняла вход в город Фивы, загадывала желающим войти в город загадку и убивала всех, кто эту загадку не разгадывал; загадку эту («Кто ходит утром на четырех ногах, днем — на двух, вечером — на трех?») разгадал Эдип (отгадка, как известно, — человек в младенчестве, зрелом возрасте и в старости), после чего от отчаяния Сфинкс бросилась со скалы (по другой версии, была убита Эдипом). Кроме того, существует гораздо более близкий русскому человеку визуальный образ сфинкса — древнеегипетской статуи, изображающей фантастическое суще-

ство с телом льва и головой человека; образ этот растиражирован достаточно широко — к примеру, сфинкс из египетского храма Аменхотепа III установлен в 1834 г. на набережной Невы в Санкт-Петербурге.

Оба представления о сфинксе часто смешиваются, как, например, в стихотворении в прозе Тургенева:

«Над этой песчаной пустыней, над этим морем мертвого праха высится громадная голова египетского сфинкса. Что хотят сказать эти крупные, выпяченные губы, эти неподвижно-расширенные, вздернутые ноздри — и эти глаза, эти длинные, полусонные, полувнимательные глаза под двойной дугой высоких бровей? А что-то хотят сказать они! Они даже говорят — но один лишь Эдип умеет разрешить загадку и понять их безмолвную речь. Ба! Да я узнаю эти черты… в них уже нет ничего египетского. Белый низкий лоб, выдающиеся скулы, нос короткий и прямой, красивый белозубый рот, мягкий ус и бородка курчавая — и эти широко расставленные небольшие глаза… а на голове шапка волос, рассеченная пробором… Да это ты, Карп, Сидор, Семен, ярославский, рязанский мужичок, соотчич мой, русская косточка! Давно ли попал ты в

Сфинксы? Или и ты тоже что-то хочешь сказать? Да, и ты тоже — сфинкс. И глаза твои — эти бесцветные, но глубокие глаза говорят тоже… И так же безмолвны и загадочны их речи. Только где твой Эдип? Увы! не довольно надеть мурмолку, чтобы сделаться твоим Эдипом, о всероссийский сфинкс!» («Сфинкс», 1878).

Обилие сфинксов наблюдается у поэтов. У Вячеслава Иванова: «Смолкли, уснули, тревожны, угрюмы, / Старые Сфинксы — вечные думы…» («Ясность», 1882), «Единых тайн двугласные уста, / Себе самим мы — Сфинкс единый оба» («Любовь», 1902); у него же — совпадение двух образов из «Москвы — Петушков» — фата-морганы (31.16) и Сфинкса:

Как упоителен и жуток,
Могильно-зоркий Маскарад,
Загадок-вихрей, вздохов-шуток
Твой жадный шепот, страстный сад, —
Очарований и обмана
Зыбучая фата-моргана…
<…>
Есть в лицедейном беснованье
Высокое знаменованье,

Великодушная игра
Со Сфинксом вечности.

(«Демоны маскарада», 1914)

Те же образы соседствуют в одном из текстов «Шатра» Гумилева:

Сфинкс улегся на страже святыни
И с улыбкой глядит с высоты,
Ожидая гостей из пустыни,
О которых не ведаешь ты.
<…>
Точно дивная фата-моргана,
Виден город у ночи в плену…

(«Египет», 1918)

У Брюсова: «…Сфинкс в века / Пронес его мечты и гибель» («Египетский профиль», 1920); у Кузмина — вместе с музыкой сфер (22.34): «Непонятное — летучий Сфинкс — взор! / Целительное — зеркальных сфер звук!» («Шелестом желтого шелка…», 1922); у Гюго в переводе Сологуба: «И сфинкс от вас разгадки ждет» («О, верьте, верьте! к жизни новой…», 1905).

В контексте следующих ниже абсурдных, не имеющих ответов загадок Сфинкса можно вспом-

нить Тютчева:

Природа – сфинкс. И тем она верней
Своим искусом губит человека,
Что, может статься, никакой от века
Загадки нет и не было у ней.

(«Природа — сфинкс. И тем она верней…», 1869)

А вот другое, классическое сравнение со Сфинксом — из Блока:

О, старый мир! Пока ты не погиб,
Пока томишься мукой сладкой,
Остановись, премудрый, как Эдип,
Пред Сфинксом с древнею загадкой!..

Россия – Сфинкс. Ликуя и скорбя,
И обливаясь черной кровью,
Она глядит, глядит в тебя,
И с ненавистью, и с любовью!..

(«Скифы», 1918)

38.3 С. 93. *Там, в Петушках, — чего? моровая язва? —*

В контексте сопоставления Петушков и библейского Иерусалима (14.2) можно определить как

источник этого пассажа фрагмент Ветхого Завета о пророчестве дня Господня, который должен покарать неправедных израильтян:

«Вне дома — меч, а в доме — мор и голод. Кто в поле, тот умрет от меча, а кто в городе, того пожрут голод и моровая язва. <…> Или, если бы Я послал на ту землю моровую язву и излил на нее ярость Мою в кровопролитии <…> Ибо так говорит Господь Бог: если и четыре тяжкие казни Мои — меч и голод, и лютых зверей и моровую язву — пошлю на Иерусалим, чтобы истребить в нем людей и скот» (Иез. 7: 15, 14: 19, 21).

Впрочем, у другого пророка моровая язва насылается на город-блудницу Вавилон и его правителя:

«Говорит Господь, Седекию, царя Иудейского, слуг его и народ, и оставшихся в городе сем от моровой язвы, меча и голода, предам в руки Навуходоносора, царя Вавилонского <…> говорит Господь: вот, Я предлагаю вам путь жизни и путь смерти: кто останется в этом городе, тот умрет от меча и голода и моровой язвы; а кто выйдет и предастся Халдеям, осаждающим вас, тот будет жив, и душа его будет ему вместо добычи <…> Вот, насыпи достигают до города, чтобы взять его; и город от меча и голода и моровой язвы

отдается в руки Халдеев, воюющих против него <…> Посещу живущих в земле Египетской, как Я посетил Иерусалим, мечом, голодом и моровою язвою» (Иер. 21: 7–9, 32: 24, 44: 13).

Замечу попутно, что все «четыре тяжкие казни» в трансформированном виде присутствуют в поэме: и моровая язва, и лютые звери (6.21), и голод (как перманентное желание Венички опохмелиться и просто выпить), и меч (сквозной мотив закалывания).

38.4 *Там кто-то вышел замуж за собственную дочь… —*

В сочетании со Сфинксом и, соответственно, с царем Эдипом (38.2) можно говорить о зеркальном отражении (версии «наизнанку») сюжетной линии этой истории — женитьбе Эдипа на собственной матери, представленной, например, Софоклом в «Царе Эдипе». Так и значится, скажем, у Левина: «Эдип, разгадавший загадку Сфинкса, как известно, женился на собственной матери» (*Левин Ю.* Комментарий к поэме «Москва — Петушки»… С. 84).

Однако в сочетании с упоминанием о моровой язве (38.3) и, соответственно, с отсылкой к Ветхому Завету, данный вопрос не требует никаких «наизнаночных» толкований, а имеет следую-

щее — прямое — объяснение. Фактически здесь Веничка интересуется у Сфинкса, не являются ли Петушки Содомом и Гоморрой — городами, уничтоженными Богом за греховность, разврат и моральное падение. Именно в Содоме жил небезызвестный Лот, который после наказания Всевышним Содома поселился в Сигоре, а затем с ним приключилось следующее:

«И вышел Лот из Сигора и стал жить в горé, и с ним две дочери его, ибо он боялся жить в Сигоре. И жил в пещере, и с ним две дочери его. И сказала старшая младшей: отец наш стар, и нет человека на земле, который вошел бы к нам по обычаю всей земли; итак напоим отца нашего вином, и переспим с ним, и восставим от отца нашего племя. И напоили отца своего вином в ту ночь; и вошла старшая и спала с отцом своим (в ту ночь); а он не знал, когда она легла и когда встала. На другой день старшая сказала младшей: вот, я спала вчера с отцом моим; напоим его вином и в эту ночь; и ты войди, спи с ним, и восставим от отца нашего племя. И напоили отца своего вином и в эту ночь; и вошла младшая и спала с ним; и он не знал, когда она легла и когда встала. И сделались обе дочери Лотовы беременными от отца своего, и родила старшая сына <…> И млад-

шая также родила сына…» (Быт. 19: 30–38).

Данный библейский «инцестуальный» сюжет привлекал к себе внимание поэтов, например Мандельштама:

Иди, никто тебя не тронет,
На грудь отца в глухую ночь
Пускай главу свою уронит
Кровосмесительница-дочь.

(«Вернись в смесительное лоно…», 1920)

38.5 С. 93. *…пущу при одном условии: ты разгадаешь мне пять моих загадок. —*

Классический Сфинкс, как известно, загадал Эдипу только одну загадку (38.2). Однако загадки в мировой литературе загадывал не только он. В Ветхом Завете, например, легендарный Самсон загадывает своим тридцати брачным друзьям загадку: «Если вы отгадаете мне ее в семь дней пира, и отгадаете верно, то я дам вам тридцать синдонов и тридцать перемен одежд; если же не сможете отгадать мне, то вы дайте мне тридцать синдонов и тридцать перемен одежд. Они сказали ему: загадай загадку твою, послушаем. И сказал им: из ядущего вышло ядомое, и из сильного вышло сладкое. И не могли отгадать загадки

в три дня» (Суд. 14: 12–14). У Рабле Цапцарап загадывает загадку во время выпивки («Гаргантюа и Пантагрюэль», кн. 5, гл. 12 («О том, как Цапцарап загадал нам загадку»), кн. 5, гл. 13 («О том, как Панург разгадывает загадку Цапцарапа»)).

По степени абсурдности загадки Сфинкса можно соотнести с математической задачей Швейка у Гашека; задачу эту бравый солдат задает психиатрической комиссии, проверяющей степень его нормальности: «Мне тоже хочется, господа, задать вам одну загадку <…> Стоит четырехэтажный дом, в каждом этаже по восьми окон, на крыше — два слуховых окна, в каждом этаже по два квартиранта. А теперь скажите, господа, в каком году умерла у швейцара бабушка?» («Похождения бравого солдата Швейка», ч. 1, гл. 3).

38.6 *Для чего ему, разъебаю… —*

Разъебай (*нецензур.)* — нехороший и недисциплинированный человек.

38.7 *«Знаменитый ударник Алексей Стаханов два раза в день ходил по малой нужде и один раз в два дня — по большой. Когда же с ним случался запой, он четыре раза в день ходил по малой нужде и ни разу — по большой. Подсчитай, сколько раз в год ударник Алексей Стаханов сходил по малой*

нужде и сколько по большой нужде, если учесть, что у него триста двенадцать дней в году был запой». —

Алексей Стаханов (1905–1977) — советский шахтер, который в ночь с 30 на 31 августа 1935 г. установил мировой рекорд по добыче угля, выработав за одну смену (5 часов 45 минут) 102 тонны угля, то есть 14 обычных норм. Три недели спустя Стаханов установил новый рекорд — 227 тонн. Эти рекорды Стаханова породили так называемое стахановское движение — движение передовиков социалистического производства за перевыполнение планов. Инспирированное «сверху», стахановское движение охватило весь СССР и продолжалось вплоть до начала 1950-х гг., после чего было опять-таки «сверху» реформировано в движение коллективов и ударников коммунистического труда. В период хрущевской десталинизации советского общества стало известно (правда, широкой огласке этот факт не предавался), что за Стаханова во время установления рекордов тайно работала целая бригада шахтеров. Став знаменитостью, Стаханов спился и последние десятилетия жизни был хроническим алкоголиком.

В воспоминаниях современников личность

Стаханова находит самое противоречивое воплощение. Вот, например, Раиса Орлова воссоздает атмосферу второй половины 1930-х гг. (в то время в Москву приезжал Андре Жид):

«Возникло стахановское движение. Мы сочиняли монтаж о стахановцах, и я упоенно декламировала в большом зале нашего института: „Забойщик шахты Центральная — Ирмино, Алексей Стаханов, при норме в семь тонн вырубил отбойным молотком 102 тонны угля за смену“. Андре Жид спросил: а может, это значит, что раньше Стаханов и другие работали в семь раз хуже, чем могли? (Ответом ему было тяжелое, недовольное, недоуменное молчание.)» (*Орлова Р.* Воспоминания о непрошедшем времени. Анн-Арбор, 1983. С. 66).

А вот другой мемуар, связанный со Стахановым и с ситуацией «пьяная знаменитость в канаве» (25.10, 25.11), и с вопросом Венички: «Где, в каких газетах я видел эти рожи?» (45.11):

«Я чувствовал себя неразделимым со своей советской страной, и мое сердце билось синхронно с кремлевскими курантами и с молотами, кующими сталь Сталину. Это единство стало давать трещину, когда однажды я, идя с бабушкой на базар, увидел в канаве пьяного человека в торже-

ственном черном пиджаке и при галстуке. Хотя пиджак был грязный, но лицо было знакомым. Человек храпел, он был вусмерть пьян. „Почему у дяди знакомое лицо?“ — спросил я бабушку. <…> „Это же Стаханов“, — сказала она. Может быть, это был не тот самый Стаханов. Может быть, этот человек был одним из стахановцев: он перевыполнял в сто раз свою собственную норму — на этот раз норму выпивки. Я помнил это лицо по фотографиям в газете „Правда“, из которой мы сворачивали самокрутки. Портрет в „Правде“ никак не увязывался с лицом человека в канаве. Я тогда стал догадываться, что в газете можно найти одно лицо, а в действительности другое, хотя это — одно и то же лицо. Лицо было тем же, но оно перемещалось, переходя из канавы в „Правду“ и обратно. В этом выводе, наверное, и есть начало литературы и конец гармоничного отношения к действительности, в данном случае к советской» (*Зиник З.* Эмиграция как литературный прием // Синтаксис. 1983. № 11. С. 171).

Структура загадок Сфинкса пародирует задачи из учебников математики средней школы 1950–1960-х гг. У современников читаем:

«Для большинства школьные годы — единственные в жизни, когда человек постоянно

сталкивается с точными знаниями. Совершенно не существенно, сколько знаний он вынесет вместе с аттестатом. Главное в учебе — методика освоения мира.

Вся школьная наука основана на постулате о познаваемости вселенной. Ученик имеет дело не с природой, не с языком, не с явлением, а с задачей, упражнением, примером. Мир, вставленный в учебник, специально подогнан так, чтобы все сходилось с ответом.

„В этой задаче нужно было узнать, во сколько дней 25 плотников построят 8 домов, а в этой нужно узнать, во сколько 6 жестянщиков сделают 36 ведер“.

Плотники строят дома. Жестянщики делают ведра. Из бассейна течет вода. По рельсам из пункта А в пункт Б бегут поезда.

И вся эта трудолюбивая необъятная вселенная имеет одну цель, выраженную в ответе. Абстрактные плотники сливаются с реальностью. Они строят дома, заводы, школы. Плотники всегда строят. Поезда всегда ездят. Вода всегда льется. [Можно добавить: Стаханов всегда пьет, моряки всегда гуляют по бабам и т. п.]» (*Вайль П., Генис А.* 60-е: Мир советского человека. Анн-Арбор, 1988. С. 101).

См. также 38.17.

38.8 С. 93. *...загадка с поросячьим подтекстом. —*

Проблема свинства сфинксов сомнительного происхождения занимала до Венички, например, героев Пастернака: «Был разговор о свинстве мнимых сфинксов...» («Спекторский» (9), 1930).

38.9 С. 94. «*Когда корабли Седьмого американского флота пришвартовались к станции Петушки, партийных девиц там не было, но если комсомолок называть партийными, то каждая третья из них была блондинкой. По отбытии кораблей Седьмого американского флота обнаружилось следующее: каждая третья комсомолка была изнасилована; каждая четвертая изнасилованная оказалась комсомолкой...*» —

Учитывая то, что все остальные загадки Сфинкса (о Стаханове, Папанине с Водопьяновым, Чемберлене и Минине с Пожарским) являются «историческими» (в том смысле, что в них фигурируют реальные лица), то здесь можно усмотреть намек на известные события Гражданской войны, когда осенью 1918 г. высадившиеся в Мурманске англо-американские интервенты учинили зверское насилие над симпатизиро-

вавшими большевикам жителями города, в том числе и над женщинами, среди которых были и партийные, и комсомолки; об этом, к примеру, писал Маяковский:

Леди,
спросите
у мерина сивого —
он
как Мурманск
разизнасиловал.

(«Хорошо!», 1927)

38.10 *…корабли Седьмого американского флота… —*
См. 36.11.

38.11 «*…Папанин, желая спасти Водопьянова, вышел из пункта Б1 в сторону пункта Б2. В то же мгновенье Водопьянов, желая спасти Папанина, вышел из пункта Б2 в пункт Б1.* <…>*…выходил ли Папанин спасать Водопьянова?*»—
Иван Папанин (1894–1991) — советский исследователь Арктики, доктор географических наук, контр-адмирал; в 1937–1938 гг. возглавлял первую советскую дрейфующую станцию

«Северный полюс-1». Михаил Водопьянов (1899–1980) — советский летчик, один из первых Героев Советского Союза (1934), этого звания он был удостоен за участие в поисках и спасении экипажа ледокола «Челюскин»; в 1937 г. участвовал в воздушной экспедиции на Северный полюс.

В этой загадке Сфинкса контаминируются две страницы из истории советских арктических исследований: 1) история с затертым во льдах Северного Ледовитого океана и затем затонувшим ледоколом «Челюскин», в поисках и спасении экипажа которого принимал участие Водопьянов; Папанина на борту «Челюскина» не было, экспедицией руководил Отто Шмидт (у Гайсер-Шнитман Папанин ошибочно назван капитаном ледокола, причем не «Челюскина», а почему-то «Седова» (*Гайсер-Шнитман С.* Венедикт Ерофеев… С. 217)); и 2) история с дрейфующей полярной станцией «Северный полюс-1» под руководством Папанина, в организации которой (в составе специальной воздушной экспедиции Шмидта) принимал участие и Водопьянов. Так что на вопрос Сфинкса следует дать отрицательный ответ.

Вообще, все эти арктические экспедиции были в 1930-е гг. своего рода сенсациями и их участни-

ки становились в СССР культовыми фигурами:

«К этому кругу „хорошего“ [победа на Халхин-Голе, помощь Испании], связанного в нашей жизни с тогдашними представлениями о Сталине, относилась еще и Арктика — спасение экипажа „Челюскина“, высадка на Северном полюсе Папанина с товарищами, перелеты Чкалова и Громова. За организацией всего этого, за всеми этими смелыми предприятиями в нашем ощущении стоял Сталин, к нему приезжали, ему докладывали об этом. А связанные с этим торжества приобретали характер всенародный, и это сближало всех нас, за редким исключением, с в общем-то далекой, отъединенной фигурой Сталина» (*Симонов К.* Глазами человека моего поколения. М., 1990. С. 64–65).

И в кинофильме «Председатель» вспоминают Папанина: «– Один я, как Папанин на льдине, — обиделся шофер» (*Нагибин Ю.* Киносценарии. М., 1980. С. 207).

38.12 *Почему это в Петушках нет ни А, ни Ц, а одни только Б? На кого он, сука, намекает?.. —*

Обычные для грубой разговорной речи эвфемизмы: буква «Б» заменяет матерное слово «блядь», а «Ц» — слово «целка», то есть девственница.

38.13 С. 94. *Заело, длинный мозгляк? —*

Автор «Москвы — Петушков» наделяет своего литературного визави собственными «физическими» характеристиками, в том числе ростом. В мемуарах о Ерофееве есть упоминания о высоком росте писателя: «Отец [Венедикта Ерофеева] был высокий, стройный. Венедикт в него, только улучшенный вариант» (*Фролова Н.* [О Вен. Ерофееве]. С. 77); «Высок, строен, за осанку Петяев прозвал его „кедром ливанским“» (*Любчикова Л.* [О Вен. Ерофееве]. С. 82); «…в Вене было метр восемьдесят семь (он обычно говорил: метр восемьдесят восемь)… Он был не просто высоким, а гибким, стройным» (*Ерофеева Г.* [О Вен. Ерофееве]. С. 87).

Мозгляк же — слабый физически, а часто и умственно, человек, что вполне соотносимо с худобой Венедикта Ерофеева. Ср. у Достоевского: «…а всего только один раз виделись, мозгляк такой» («Честный вор», 1848).

38.14 *Лорд Чемберлен, премьер Британской империи… —*

Невилл Чемберлен (1869–1940) — видный государственный и политический деятель Великобритании; в 1937–1940 гг. — премьер-министр правительства Великобритании и лидер Консервативной партии. В сознании рядового

советского человека имя Невилла Чемберлена имело резко негативную окраску в связи с тем, что тот занимал нейтральную по отношению к фашистам позицию и в 1938 г. подписал знаменитое Мюнхенское соглашение вместе с Гитлером, Муссолини и Деладье, а также инспирировал так называемые Лондонские переговоры с фашистской Германией в 1939 г.

Однако еще более дурной славой в Советской России пользовался его старший брат — Остин Чемберлен (1863–1937), который, будучи в 1924–1929 гг. британским министром иностранных дел, разорвал в мае 1927 г. дипломатические отношения с СССР и пытался организовать против него интервенцию. Именно Остин Чемберлен был в 1920–1930-е гг. в СССР самым популярным объектом для карикатур, плакатов и проч.; см., например, упоминание о нем в ироническом контексте, сопряженном с «Бесами» Достоевского, у Ильфа и Петрова в «Двенадцати стульях» (гл. 13) и соответствующий комментарий: *Щеглов Ю.* Романы И. Ильфа и Е. Петрова: Спутник читателя: В 2 т. Вена, 1990–1991. Т. 1. С. 214–215.

А вот из Саши Черного:

«Мимо моего уха пролетел камень. Гид объяснил, что, должно быть, какой-нибудь пролетарий

принял меня за Чемберлена и невольно дал волю своему гражданскому негодованию.

<…>

До чего все-таки в них [в советских гражданах] развито отвращение к Чемберлену!» («Наблюдения интуриста», 1931).

38.15 *…поскользнулся на чьей-то блевотине — и в падении опрокинул соседний столик. —*

Помимо чисто натуралистических «ресторанных» реалий, здесь есть и отсылка к ветхозаветному пророку: «Горе венку гордости пьяных Ефремлян… <…>…Шатаются от вина и сбиваются с пути от сикеры; священник и пророк спотыкаются от крепких напитков; побеждены вином, обезумели от сикеры, в видении ошибаются, в суждении спотыкаются. Ибо все столы наполнены отвратительною блевотиною, нет чистого места» (Ис. 28: 1, 7–8).

38.16 С. 95. *Вот: идет Минин, а навстречу ему — Пожарский. —*

Кузьма Минин (Сухорук) (ум. 1616) — гражданин Нижнего Новгорода, с 1611 г. — земский староста, с 1613 г. — член Боярской думы; один из лидеров русского национально-освободительного движения против польской и шведской

интервенции начала XVII в.

Дмитрий Пожарский (1578–1642) — русский князь; вместе с Мининым возглавил так называемое Второе народное ополчение против польско-литовской интервенции. Минин с Пожарским — неотъемлемая часть не столько русской истории, сколько русской культуры — благодаря знаменитому памятнику И. Мартоса, сооруженному на Красной площади в Москве в 1804–1818 гг.

Минин и Пожарский (как персонажи) появляются в финале оперы Михаила Глинки «Жизнь за царя» (37.16), действие которого происходит в Москве на Красной площади (эпилог, карт. 2); в опере их окружает народная толпа, ликующая по поводу освобождения столицы от поляков.

В контексте апелляций к русской живописи (15.9) отмечу акварель русского живописца Г. Угрюмова «Минин взывает к князю Пожарскому о спасении Отечества» (конец XVIII — начало XIX в.; Третьяковская галерея), на которой фактически воспроизводится ситуация «талифа куми»: Минин, стоящий у ложа Пожарского, призывает князя встать на защиту родины и указывает левой рукой на дверь и на стоящих в дверях воинов, а Пожарский, лежавший до прихода Минина на

кровати, начинает вместе со словами Минина приподниматься с постели.

38.17 С. 95. *«Вот: идет Минин, а навстречу ему — Пожарский. <…> „Так куда же ты теперь идешь, Пожарский?“ — „Как куда? В Петушки, конечно. А ты, Минин?“ — „Так ведь я тоже в Петушки. Ты ведь, князь, идешь совсем не в ту сторону!“ — „Нет, это ты идешь не туда, Минин“. Короче, они убедили друг дружку в том, что надо поворачивать обратно. Пожарский пошел туда, куда шел Минин, а Минин — туда, куда шел Пожарский. И оба попали на Курский вокзал. <…> А теперь ты мне скажи: если б оба они не меняли курса, а шли бы каждый прежним путем — куда бы они попали?..» —*

Загадки Сфинкса построены как задачки по арифметике из курса начальной и средней школы. Напомню одну такую задачку — про пешеходов, похожих на Минина с Пожарским:

«Два пешехода вышли навстречу друг другу из двух колхозов. До встречи первый пешеход шел 2 часа со скоростью 4 км в час, а второй шел 3 часа со скоростью 3 км в час. Найти расстояние между этими колхозами» (*Пчёлко А., Поляк Г.* Арифметика. Учебник для 3-го класса. М., 1965. С. 29).

38.18 *…700 грамм ерша. —*
См. 19.28.

38.19 С. 96. *…он, не переставая смеяться, схватил меня за нос двумя суставами и куда-то потащил… —*

Реминисценция Достоевского:

«Один из почтеннейших старшин нашего клуба, Павел Петрович Гаганов, человек пожилой и даже заслуженный, взял невинную привычку ко всякому слову с азартом приговаривать: „Нет-с, меня не проведут за нос!“ Оно и пусть бы. Но однажды в клубе, когда он, по какому-то горячему поводу, проговорил этот афоризм собравшейся около него кучке посетителей <…> Николай Всеволодович <…> вдруг подошел к Павлу Петровичу, неожиданно, но крепко ухватил его за нос двумя пальцами и успел протянуть за собою по зале два-три шага» («Бесы», ч. 1, гл. 2).

39. Покров – 113-й километр

39.1 С. 96. *113-й километр* —
железнодорожная платформа на магистрали Москва — Владимир.

39.2 *Я посмотрел в окно. Действительно, прежней черноты за окном уже не было.* —
В Новом Завете сказано: «Ночь прошла, а день приблизился: итак отвергнем дела тьмы и облечемся в оружия света. Как днем, будем вести себя благочинно, не предаваясь ни пированиям и пьянству, ни сладострастию и распутству, ни ссорам и зависти; но облекитесь в Господа нашего Иисуса Христа…» (Рим. 13: 12–14).

39.3 *На запотевшем стекле чьим-то пальцем было написано: «…»…* —
Кратчайшая и потому наиболее традиционная нецензурная надпись-граффити в общественном месте — матерное слово «хуй»; у Аксенова есть «прямой» текст: «В грязном лифте дитя-обвинитель с мокрыми глазенками под надписью „хуй“» («Ожог», 1975).

39.4 *Ты на верном пути, Венедикт Ерофеев.* —

Единственное место в поэме, где Веничка называет себя полным именем, целиком совпадающим с именем автора. Прием, характерный, скорее, для поэзии, нежели для прозы, — например, у Брюсова: «Желал бы я не быть „Валерий Брюсов“» («L'ennui de vivre…», 1902).

Ср. также стиль и лексикон Зощенко: «Я подумал: значит, я на верном пути. Значит, рана где-то близко. Значит, теперь я найду это печальное происшествие, испортившее мне мою жизнь» («Перед восходом солнца», ч. 4).

39.5 С. 96. *…одна мысль, одна чудовищная мысль вобралась в меня… —*

См. 40.21. У Достоевского о Раскольникове читаем: «И он вдруг ощутил, что мнительность его, от одного соприкосновения с Порфирием, от двух только слов, от двух только взглядов, уже разрослась в одно мгновение в чудовищные размеры…» («Преступление и наказание, ч. 4, гл. 5).

39.6 С. 97. *…если станция Покров оказалась справа, значит — я еду из Петушков в Москву, а не из Москвы в Петушки!.. —*

Реальная деталь: на маршруте Москва — Петушки здание покровского вокзала действительно находится по левую сторону от путей.

39.7 *Глупое сердце, не бейся.* —
Цитата из стихотворения Есенина, входящего в цикл «Персидские мотивы»:

Глупое сердце, не бейся!
Все мы обмануты счастьем,
Нищий лишь просит участья…
Глупое сердце, не бейся.

(«Глупое сердце, не бейся!..», 1925)

В свою очередь, фраза выводится из Льва Толстого: «[Левин]…шел по дорожке к катку и говорил себе: „Не надо волноваться, надо успокоиться. О чем ты? Чего ты? Молчи, глупое“, — обращался он к своему сердцу» («Анна Каренина», ч. 2, гл. 9); и Блока:

О, глупое сердце,
Смеющийся мальчик,
Когда перестанешь ты биться?

(«Осенняя любовь» (2), 1907)

У Кузмина встречается то же словосочетание: «Глупое сердце все бьется, бьется — / Счет ведет…» («Глупое сердце все бьется, бьется…», 1914).

39.8 *Сначала разреши свою мысль: куда ты*

едешь? А уж потом ищи свой чемоданчик. Сначала отточи свою мысль — а уж потом чемоданчик. —

См. 39.9 и 40.21.

39.9 *Мысль разрешить или миллион? Конечно, сначала мысль, а уж потом — миллион. —*

Пародийная реминисценция Достоевского, у которого в связи с Иваном Карамазовым речь идет, естественно, о деньгах:

«– Иван выше смотрит. Иван и на тысячи не польстится. Иван не денег, не спокойствия ищет. Он мучения, может быть, ищет.

<…>

— …Душа его бурная. Ум его в плену. В нем мысль великая и неразрешенная. Он из тех, которым не надобно миллионов, а надобно мысль разрешить» («Братья Карамазовы», ч. 1, кн. 2, гл. 7).

Лейтмотив «разрешения тяжелой, гнетущей мысли» здесь замыкается на породившем его Достоевском — см. 40.21.

39.10 *…сразу — рассеялась тьма, в которую я был погружен, и забрезжил рассвет из самых глубин души и рассудка, и засверкали зарницы… —*

У Достоевского Раскольников в трактире испы-

тывает те же ощущения:

«Он уселся в темном и грязном углу, за липким столиком, спросил пива и с жадностью выпил первый стакан. Тотчас же все отлегло, и мысли его прояснели. „Все это вздор, — сказал он с надеждой, — и нечем тут было смущаться! Просто физическое расстройство! Один какой-нибудь стакан пива, кусок сухаря, — и вот, в один миг, крепнет ум, яснеет мысль, твердеют намерения! Тьфу, какое все это ничтожество!..“» («Преступление и наказание», ч. 1, гл. 1).

Ниже следует еще одна вариация на тему контрастных эмоциональных состояний Раскольникова:

«Странное дело: казалось, он вдруг стал совершенно спокоен; не было ни полоумного бреду, как давеча, ни панического страху, как в последнее время. Это была первая минута какого-то странного, внезапного спокойствия. Движения его были точны и ясны, в них проглядывало твердое намерение» («Преступление и наказание», ч. 2, гл. 6).

39.11 С. 97. *…и засверкали зарницы, по зарнице с каждым глотком и на каждый глоток по зарнице. —*

Зарницы регулярно сверкают у Фета: «Засвер-

кал огонь зарницы…» («Вечер у взморья», 1854), «И на небе ясном высоко сверкает зарница» («Я люблю многое, близкое сердцу…», 1842), «Твоих зарниц / И я сверканьями украшен…» («Ты вся в огнях. Твоих зарниц…», 1886). Вообще же, зарницы в поэзии не только сверкают — у того же Фета: «Но зарница уж теплится ярко / Голубым и зеленым огнем» («Вечер», 1855); у Тютчева: «Одни зарницы огневые, / Воспламеняясь чередой…» («Ночное небо так угрюмо…», 1865); у Надсона: «Сегодня всю ночь голубые зарницы / Мерцали над жаркою грудью земли…» («Из дневника», 1882).

39.12 *«Человек не должен быть одинок» — таково мое мнение. Человек должен отдавать себя людям, даже если его и брать не хотят. —*

Ерничество по поводу основных принципов революционно-романтической и коммунистической идеологий, реализованных в таких классических литературных персонажах, как «до конца отдающие себя людям» Данко Максима Горького («Старуха Изергиль») и Павел Корчагин Николая Островского («Как закалялась сталь»).

39.13 С. 98. *Вот. Я одинок. —*

Стилизация под дискурс Христа: «Вот, Я по-

сылаю вас, как овец среди волков: итак будьте мудры, как змии, и просты, как голуби» (Мф. 10: 16); «…вот, Я посылаю Ангела Моего пред лицем Твоим, который приготовит путь Твой пред Тобою» (Мк. 1: 2; Лк. 7: 27); «…вот, Я полагаю в Сионе камень краеугольный, избранный, драгоценный…» (1 Петр. 2: 6); «Вот, Я повергаю ее на одр и любодействующих с нею в великую скорбь…» (Откр. 2: 22).

39.14 *Я одинок.* —

В Ветхом Завете Давид говорит: «Призри на меня и помилуй меня, ибо я одинок и угнетен» (Пс. 24: 16).

39.15 *Я отдаю себя вам без остатка.* <…> *А вы — отдайте мне себя…* —

Вот обращение к Богу Иисуса Христа перед выходом за Кедрон в Гефсиманский сад: «И Я открыл имя Твое и открою, да любовь, которою Ты возлюбил Меня, в них будет, и Я в них» (Ин. 17: 26).

40. 113-й километр – Омутище

40.1 С. 98. *Омутище —*

железнодорожная платформа на магистрали Москва — Владимир.

40.2 *…Женщина, вся в черном с головы до пят, стояла у окна и, безучастно разглядывая мглу за окном, прижимала к губам кружевной платочек. —*

Сходная картина изображается Северяниным: «…я загляделся на рельсы! / Дама в окне улыбалась, дама смотрела на лес» («В пяти верстах по полотну…», 1912).

40.3 *…Женщина, вся в черном с головы до пят…* <…>

– Княгиня, — позвал я тихо. —

Едущая вся в черном княгиня встречается у Некрасова: «Вся в черном, мертвенно-бледна, / Княгиня едет в нем [в возке] одна…» («Русские женщины», ч. 1).

40.4 *…копия с «Неутешного горя», копия с тебя, Ерофеев… —*

См. 15.13. Здесь же Веничка сравнивает себя с

центральным образом картины — женщиной, что вполне соответствует называнию его пассажирами «милой странницей» (Воиново — Усад), «бабуленькой» и «старой стервой» (Омутище — Леоново).

40.5 *Тихо, на цыпочках, чтобы не спугнуть очарования, я подошел к ней… —*

Реминисценция строк Тютчева: «Помедли, помедли, вечерний день, / Продлись, продлись, очарованье» («Последняя любовь», 1851–1854).

40.6 *…дворцы и хижины… —*

Дворцы и хижины как символы, соответственно, правящего и порабощенного классов взяты из лозунга Великой французской революции «Мир хижинам, война дворцам»; впервые лозунг был провозглашен членом конвента П.-Ж. Камбоном в 1792 г. (*Ашукин Н. С., Ашукина М. Г.* Крылатые слова. М., 1996. С. 239); позже использован Бюхнером в воззвании «Гессенский депутат» (1834); а затем вошел в повседневный обиход большевиков и отдельных поэтов, например Маяковского:

Переходило
от близких к ближним,
от ближних

дальним взрывало сердца:
«Мир хижинам,
война,
война,
война дворцам!»

(«Владимир Ильич Ленин», 1924)

40.7 *Губную гармонь у тебя видно со спины… —*
Правильное название этого духового музыкального инструмента — губная гармоника; у Мандельштама есть: «То слышится гармоника губная…» («Полночь в Москве. Роскошно буддийское лето…», 1931). Здесь, в контексте бреда, она без труда совмещается с обычной гармонью, которую со спины играющего легче заметить, нежели губную.

40.8 *Не болтай ногами, малый. —*
У Достоевского Катерина Ивановна обращается к своим детям: «Будь умница, Леня, а ты, Коля, не болтай ножками; сиди, как благородный ребенок должен сидеть» («Преступление и наказание», ч. 5, гл. 2). Примечательно, что у Достоевского вдова покойного Мармеладова «воспитывает» таким образом детей во время поминок по мужу, что прямо соотносится с ситуацией «неутешное

горе» (40.4).

40.9 С. 98–99. *Мне, который шел через все вагоны за разрешением загадки!.. Жаль, что я забыл, о чем эта загадка, но помню, что-то очень важное… Впрочем, ладно, потом вспомню… Женщина плачет — а это гораздо важнее… —*

Апелляция к идеологическим концентрам «Преступления и наказания» — ложной с христианской точки зрения теории Раскольникова и истинно православным смирению и любви Сони Мармеладовой, которые оказываются выше и важнее разрешения мыслей-«загадок». Вот внутренний монолог Раскольникова (после визита к Соне): «Ну для чего, ну зачем я приходил к ней теперь? Я ей сказал: за делом; за каким же делом? Никакого совсем и не было дела! <…>…Мне слез ее надобно было, мне испуг ее видеть надобно было, смотреть, как сердце ее болит и терзается!» (ч. 6, гл. 8).

Напомню, что до этого Раскольников уже неоднократно обращался к проблеме женских слез и к разрешению мыслей-«загадок»: «Лизавета! Соня! Бедные, кроткие, с глазами кроткими… Милые!.. Зачем они не плачут? Зачем не стонут?..» (ч. 3, гл. 6); и «Штука в том: я задал себе один такой вопрос: что если бы, например, на моем месте случился

Наполеон <…> на этом „вопросе“ я промучился ужасно долго, так что ужасно стыдно мне стало, когда я наконец догадался (вдруг как-то) <…> Это ведь все вздор, почти одна болтовня! <…> Нет <…> это не то! <…> Я это все теперь знаю… <…> Мне другое надо было узнать» (ч. 5, гл. 4).

40.10 С. 99. *…слезы заставляют скрывать от людей, а смех выставлять напоказ!.. —*

Одновременно политический упрек руководству СССР, пытавшемуся тщательно скрывать все недостатки советского режима и создавать иллюзию массового благоденствия и процветания, и аллюзия на хрестоматийные слова Гоголя: «И долго еще определено мне чудной властью идти об руку с моими странными героями, озирать всю громадно-несущуюся жизнь, озирать ее сквозь видимый миру смех и незримые, неведомые ему слезы!» («Мертвые души», т. 1, гл. 7).

40.11 *…сказать бы сейчас такое, чтобы сжечь их всех, гадов, своим глаголом! —*

Реминисценция программного стихотворения Пушкина, откуда взяты и «гады», и «жжение глаголом»:

И внял я неба содроганье,

И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход…
<…>
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

(«Пророк», 1826)

40.12 С. 99. *Такое сказать, что повергло бы в смятение все народы древности!.. —*

О клише «народы древности» см. 7.11.

40.13 *— Чего ж тебе тогда видно?*

– Одни только кустики. (Она все отвечала, глядя в окно и ко мне не поворачиваясь.) —

Кусты (кустики) — характерный элемент российского пейзажа, в том числе и в «железнодорожном» контексте. Блок писал в 1909 г.: «Утром проснулся и смотрю из окна вагона. Дождик идет, на пашнях слякоть, чахлые кусты, и по полю трусит на кляче, с ружьем за плечами, одинокий стражник. Я ослепительно почувствовал, где я: это она — несчастная моя Россия, заплеванная чиновниками, грязная, забитая, слюнявая, всемирное посмешище. Здравствуй, матушка!»

(«Молнии искусства» («Wirballen»), 1909).

40.14 *…где твой камердинер Петр? —*

Первая ассоциация — с апостолом Петром (45.13), которого с известной долей условности можно назвать камердинером Христа.

Камердинер Петр фигурирует у Тургенева как слуга Николая Петровича Кирсанова. Причем его имя сопрягается с темой смерти — вот Базаров и Павел Петрович Кирсанов договариваются о дуэли:

«[Базаров:] — Секундантов у нас не будет, но может быть свидетель.

— Кто именно, позвольте узнать?

— Да Петр.

— Какой Петр?

— Камердинер вашего брата. Он человек, стоящий на высоте современного образования, и исполнит свою роль со всем необходимым в подобных случаях комильфо.

— Мне кажется, вы шутите, милостивый государь.

— Нисколько. <…> Петра я берусь подготовить надлежащим образом и привести на место побоища» («Отцы и дети», гл. 24).

Позже базаровский камердинер Петр оказывается в тех же ситуациях, что и камердинер Венич-

ки: «Он [Базаров] велел Петру прийти к нему на следующий день чуть свет для важного дела <…> Петр разбудил его в четыре часа <…> Петр развел руками, потупился и, весь зеленый, прислонился к березе. <…> [Базаров:] — Петр! поди сюда, Петр! куда ты спрятался? <…> Базаров встряхнул Петра за ворот и послал его за дрожками. <…> — Кто ж его знает! — ответил Базаров, — всего вероятнее, что [Петр] ничего не думает. Русский мужик — это тот самый таинственный незнакомец, о котором некогда так много толковала госпожа Ратклифф. Кто его поймет? Он сам себя не понимает» («Отцы и дети», гл. 24).

Петром зовут камердинера и у Льва Толстого — в доме старого князя Болконского в Лысых Горах: «Камердинер с письмами, не застав молодого князя в его кабинете, прошел на половину княжны <…> — Пожалуйте, ваше сиятельство, Петруша с бумагами пришел, — сказала одна из девушек <…> обращаясь к князю Андрею» («Война и мир», т. 2, ч. 2, гл. 8); и у Чехова «Он не дядя, а только дядин камердинер Петр» («Тайный советник», 1886).

40.15 *…княгиня. <…> У самых дверей — остановилась, повернула ко мне сиплое, надтреснутое лицо, все в слезах, и крикнула:*

– Ненавижу я тебя, Андрей Михайлович! Не-нави-жу!! —

Эпитеты «сиплый» и «надтреснутый» могут относиться исключительно к характеристике голоса, а самым известным из русских князей Андреем Михайловичем был Курбский — сначала ближайший друг, а затем политический оппонент Ивана Грозного, один из первых русских диссидентов. Кстати, его жене было за что его ненавидеть: в Литву Курбский убежал, оставив на родине не только прекрасную библиотеку, но и жену-княгиню.

На ассоциативном уровне эта сцена сходна со сценой в госпитале из «Войны и мира», где Наташа Ростова находится у постели умирающего князя Андрея Болконского. В этой сцене сконцентрирован и мотив любви — ненависти к близкому человеку: «А сколь многих людей я [Андрей] ненавидел в своей жизни. И из всех людей никого больше не любил я и не ненавидел, как ее [Наташу]» (т. 3, ч. 3, гл. 32); и ситуация «рыдающая княгиня с подурневшим от слез лицом»: «Худое и бледное лицо Наташи с распухшими губами было более чем некрасиво, оно было страшно» (т. 3, ч. 3, гл. 32); и детали — «видение сфинкса незадолго до смерти»: «Было еще одно важное. Это было белое

у двери, это была статуя сфинкса, которая тоже давила его [Андрея]. <…>…Рубашка-сфинкс лежала у двери <…> новый белый сфинкс, стоячий, явился перед дверью. И в голове этого сфинкса было бледное лицо и блестящие глаза той самой Наташи, о которой он сейчас думал» (т. 3, ч. 3, гл. 32); а также «проснувшийся камердинер Петр»: «Петр-камердинер, теперь совсем очнувшийся от сна, разбудил доктора» (т. 3, ч. 3, гл. 32).

Ситуация «княгиня, ненавидящая князя» и мотив (распознания) самозванства (4.24, 10.24, 15.14) контаминируются у Достоевского в сцене встречи Ставрогина и Лебядкиной:

«– Здравствуй, князь, — прошептала она, как-то странно в него вглядываясь. <…> — Слушайте, князь <…> — слушайте, князь… <…> — Слушайте, князь, — повторила она в третий раз твердым голосом, с неприятною, хлопотливой миной в лице. <…> Я прошу вас, князь, встаньте и войдите, — произнесла она вдруг твердым и настойчивым голосом.

— Как войдите? Куда я войду? <…>

Его как будто осенило.

— С чего вы меня князем зовете и… за кого принимаете? — быстро спросил он.

— Как? разве вы не князь?

— Никогда им и не был.

— Так вы сами, сами, так-таки прямо в лицо признаетесь, что вы не князь!

— Говорю, никогда не был.

— Господи! — всплеснула она руками, — всего от врагов его ожидала, но такой дерзости — никогда! Жив ли он? — вскричала она в исступлении, надвигаясь на Николая Всеволодовича. — Убил ты его или нет, признавайся!

— За кого ты меня принимаешь? — вскочил он с места с исказившимся лицом <…>

— А кто тебя знает, кто ты таков и откуда выскочил! Только сердце мое, сердце чуяло, все пять лет, всю интригу! А я-то сижу и дивлюсь: что за сова слепая подъехала? Нет, голубчик, плохой ты актер, хуже даже Лебядкина. Поклонись от меня графине пониже да скажи, чтобы присылала почище тебя.

<…>

— Прочь, самозванец! — повелительно вскричала она. — Я моего князя жена, не боюсь твоего ножа!

<…>

Он бросился бежать; но она тотчас же вскочила за ним, хромая и прискакивая» («Бесы», ч. 2. гл. 2).

40.16 С. 99. *Именем щедрот твоих — дай припомнить!.. —*

Стилизация под Священное Писание: «Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей, и по множеству щедрот Твоих изгладь беззакония мои» (Пс. 50: 3; см также 24: 6, 39: 12, 68: 17, 76: 10, 78: 8, 102: 4, 118: 156, 144: 9).

40.17 *Камердинер! Я позвонил в колокольчик…* <…>

– Ка-мер-ди-нер!.. —

Ближайшая аллюзия — взаимоотношения Обломова и его слуги Захара у Гончарова:

«Пробило половина десятого, Илья Ильич встрепенулся. <…>

— Захар! — закричал он. <…>

Илья Ильич, погруженный в задумчивость, долго не замечал Захара. Захар стоял перед ним молча. <…> Захар ушел, а Илья Ильич продолжал лежать и думать <…> Прошло с четверть часа. <…>

— Захар! <…> Захар ушел, а Обломов погрузился в размышления. Через несколько минут пробило еще с полчаса. <…>

— Захар, Захар!» («Обломов», ч. 1, гл. 1).

Возможны также ассоциации с библейским пророком: «Пришлые в дому моем и служанки

мои чужим считают меня; посторонним стал я в глазах их. Зову слугу моего, и он не откликается; устами моими я должен умолять его» (Иов. 19: 15, 16).

40.18 С. 99. *Вошел слуга, весь в желтом, мой камердинер по имени Петр. Я ему как-то посоветовал, спьяну, ходить во всем желтом, до самой смерти, — так он послушался, дурак, и до сих пор так и ходит. —*

В комедии Шекспира «Двенадцатая ночь, или Как пожелаете» по ходу действия камеристка богатой графини Оливии Мария с целью розыгрыша пишет любовное письмо якобы от имени графини управителю Мальволио (акт 1, сц. 3), не отличающемуся особым умом. Мальволио читает это письмо и в числе прочих «комплиментов» в свой адрес отмечает следующий: «Вспомни, кому нравятся твои желтые чулки и кто всегда хотел тебя лицезреть в подвязках накрест» (акт 2, сц. 5); и без труда догадывается, что писала это письмо графиня: «Это она недавно восхищалась моими желтыми чулками и похвалила мою ногу, перевязанную крест-накрест <…> Я буду выдающийся, смелый, в желтых чулках, в подвязках накрест, их тут же надо надеть» (акт 2, сц. 5). С этих пор он не снимает с себя желтых чулок; в разговоре

с недоумевающей по поводу его странного поведения Оливией Мальволио замечает о себе: «Никаких черных мыслей, просто ноги у меня желтые» (акт 3, сц. 4). В финале, при объяснении с Оливией, Мальволио, считающий себя оскорбленным ветреной графиней, цитирует ей якобы написанное ею письмо: «Зачем все эти признаки приязни? / Велели улыбаться и носить / Подвязки накрест с желтыми чулками <…>» (акт 5, сц. 1).

В этом контексте — через «я ему посоветовал» — Веничка вновь надевает на себя женскую маску, ведь у Шекспира Мальволио пишет камеристка.

40.19 С. 100. —*…Зажги-ка канделябры. Я люблю, когда горят канделябры, хоть и не знаю толком, что это такое…* —

Поясню: канделябр (*фр.* candelabre) — вид подсвечника с разветвлениями (от двух и более) для свечей. Ср. у Андрея Белого: «Забыта лежит табакерка… / Приходят зажечь канделябры…» («Прощание», 1903).

40.20 — *…почему же ты не встал и меня не разбудил? Почему?*

– Да зачем мне тебя было будить! В этом вагоне тебя незачем было будить, потому что ты спал в том. А в том — зачем тебя было будить,

если ты в этом и сам проснулся? —

Ситуация «грубый слуга, прекословящий хозяину» встречается, например, у Гончарова (40.17), причем Захар постоянно должен будить Обломова:

«[Захар] обращался фамильярно и грубо с Обломовым <…> наружные сношения Обломова с Захаром были всегда как-то враждебными. <…>

[Обломов:] —…Я теперь прилягу немного <…> может быть, я с часик и усну; а в половине пятого разбуди. <…>

[Захар] вошел в кабинет. <…>

— Илья Ильич! — Захар слегка тронул Обломова за рукав. — Вставайте: пятого половина.

Илья Ильич только промычал в ответ на это, но не проснулся. <…>

— <…> Вставайте.

— Поди прочь! — Илья Ильич проворчал и погрузился опять в тяжелый сон» («Обломов», ч. 1, гл. 1, 7, 8, 11).

Здесь же уместно напомнить изречение «Для камердинера/лакея нет героя», которое в свое время комментировал Гегель: «Для лакея нет героя; но не потому, что последний не герой, а потому, что тот — лакей, с которым герой имеет дело не как герой, а как человек, который ест,

пьет, одевается» («Феноменология духа», 1807).

40.21 —*…Видишь ли, Петр, я никак не могу разрешить одну мысль. Так велика эта мысль. —*

«Разрешение мысли» в различных контекстуальных вариациях связано прежде всего с Достоевским, у которого оно является важным структурообразующим (сквозным) элементом «Преступления и наказания»:

«Вдруг он [Раскольников] вздрогнул: одна, тоже вчерашняя, мысль опять пронеслась в его голове. Но вздрогнул он не оттого, что пронеслась эта мысль <…> да и мысль это была совсем не вчерашняя» (ч. 1, гл. 4); «Он спросил чаю, сел и крепко задумался. Странная мысль наклевывалась в его голове, как цыпленок из яйца, и очень, очень занимала его» (ч. 1, гл. 6); «Раскольников забыл про удар; одна беспокойная и не совсем ясная мысль занимала его теперь исключительно» (ч. 2, гл. 2); «Он отгонял мысль: мысль терзала его» (ч. 1, гл. 6); «– Постойте! <…> вы всё перебиваете, а у меня мысли мешаются…» (ч. 3, гл. 1); «Впечатление этой мучительной мысли было так сильно, что он, на мгновение, почти совсем забылся, встал с места и, не глядя ни на кого, пошел вон из комнаты» (ч. 3, гл. 3); «Но почти в ту же минуту он как-то вдруг стал беспокоен, как будто неожиданная и

тревожная мысль поразила его. Беспокойство его увеличивалось» (ч. 3, гл. 6); «Порою он останавливался неподвижно перед какою-нибудь мыслию» (ч. 3, гл. 6); «Он с упорством остановился на этой мысли» (ч. 4, гл. 4); «Все тверже и тверже укреплялась в нем мысль…» (ч. 4, гл. 5); «…отталкивал он от себя эту мысль, чувствуя заранее, до какой степени бешенства и ярости может она довести его, чувствуя, что от бешенства с ума сойти может» (ч. 4, гл. 5); «Мелькала постоянно во все эти дни у Раскольникова еще одна мысль и страшно его беспокоила, хотя он даже старался прогонять ее от себя, так она была тяжела для него! <…> Мысль эта иногда, даже во сне, мучила его, но в первый еще раз она явилась ему так сознательно ярко, как теперь, когда он шел к Свидригайлову. Одна уже мысль эта приводила его в мрачную ярость» (ч. 5, гл. 3); «В то же мгновение вдруг одна мысль ярко озарила его, — точно ждала, чтобы поразить его окончательно» (ч. 6, гл. 8).

У Аксенова встречается та же аллюзия на Достоевского: «Однажды он [Патрик Тандерджет] пришел ко мне [главному герою] и сказал, что ему не дает спать одна большая мысль. Какая же мысль? А вот какая…» («Ожог», 1975).

Встречается мотив «разрешения мысли» и у

других писателей и поэтов — у Льва Толстого: «И вдруг опять всплывала мысль и чувство с необыкновенной ясностью и силой» («Война и мир», т. 3, ч. 3, гл. 32); «Одна мысль за все это время была в голове Пьера. Это была мысль о том: кто, кто же, наконец, приговорил его к казни» («Война и мир», т. 4, ч. 1, гл. 10); у Розанова: «Но меня вдруг поражало что-нибудь. Мысль или предмет. <…> „Пораженный“, я выпучивал глаза: и смотрел на эту мысль, предмет <…> В отношении к предметам, мыслям <…> у меня была зачарованность» («Опавшие листья», короб 1-й); у Саши Черного: «Эта мысль меня так мучит, / Эта мысль меня так давит…» («Кумысные вирши» (4), 1909).

40.22 С. 100. — *А вот какая: выпить у меня чего-нибудь осталось?.. —*

Вот пример схожих взаимоотношений хозяина и слуги из Эренбурга:

«Привыкнув к трубке, он [Невашеин] курил ее часто <…> вечером у себя, на пролежанном турецком диване, гадая, пойти ли в пивную, где скверный портер, но зато дипломатическая слава, или послать старого слугу Афанасия в лавку за четвертью милой белоголовки и распить ее безо всяких стеснений, вздыхая о титуле посла в Сиаме и о воздушном бюсте Елены Прекрасной,

то есть жены Штукина. <…> Поздно вечером Невашеин послал Афанасия за спиртом — водки давно не было» («Тринадцать трубок», трубка 1-я).

41. Омутище – Леоново

41.1 С. 100. *Леоново —*

железнодорожная платформа на магистрали Москва — Владимир, последняя остановка перед Петушками.

41.2 С. 100–101. *…Петр… встал и зажег канделябры. <…> Петр все глядел на меня, стоя надо мной. —*

Сходная сцена встречается у Достоевского, причем также с участием камердинера Петра: «Давно смерклось, и Петр принес свечи. Он постоял надо мной и спросил, кушал ли я? Я только махнул рукой. Однако спустя час он принес мне чаю, и я с жадностью выпил большую чашку» («Подросток», ч. 2, гл. 8).

41.3 С. 101. *Фридрих Шиллер и Антон Чехов. —*

Оба классика в сознании Венички объединяются общей деталью — шампанским: см. 25.6, 25.7. Кроме того, оба умерли, не дожив до старости: Шиллер — сорока шести лет, Чехов — сорока четырех.

41.4 С. 101. *…Фридрих Шиллер, когда садился*

писать трагедию, ноги всегда опускал в шампанское. —

Утрирование ситуации, описанной в 25.7.

41.5 *…тайный советник Гёте, он дома у себя ходил в тапочках и шлафроке… —*

Тайный советник Гёте — см. 25.39. Шлафрок и тапочки (шлепанцы) как деталь домашней одежды Гёте действительно фигурируют в биографической литературе. Вот, например, что сказано о Гёте римского периода работы над «Эгмонтом»: «В нише окна стоит молодой человек в шлепанцах на босу ногу» (*Людвиг Э.* Гёте. М., 1965. С. 209); а вот — о Гёте-старике: «Он проснулся сразу и, еще не совсем очнувшись после сна — короткого, без сновидений, начинает думать обо всем, что ему предстоит сегодня сделать. Быстро встает, облачается в белый фланелевый шлафрок, открывает окошко и ставни. <…>…Канцлер уходит. Гёте опять облачается в шлафрок» (Там же. С. 505, 512); «Он сидел в шлафроке из белой фланели, ноги его и колени были укутаны шерстяным одеялом» (*Эккерман И.* Разговоры с Гёте в последние годы его жизни. М., 1981. С. 95; см. также на с. 447).

Внимание к тем же деталям гардероба Гёте проявлял в свое время Саша Черный:

Со звездой, и в халате, и в лаврах, и в тоге —

Снова Гёте и Гёте – с мешками у глаз.

<…>

Вот за стеклами шкафа опять панорама:

Шарф, жилеты и туфли, халат и штаны.

(«В немецкой Мекке» (2), 1907)

41.6 *А я — нет, я и дома без шлафрока; я и на улице — в тапочках… —*

Проецирование автобиографических деталей на образ лирического героя. В воспоминаниях Любчиковой читаем:

«Впервые он [Ерофеев] пришел к нам со своей женой — Валей Зимаковой. <…>…Оба какие-то неприкаянные, неустроенные, в поношенной бедной одежде. <…> Приезжает он как-то раз к нам и портфель несет. То у него были какие-то замызганные чемоданчики, а тут — роскошный министерский портфель, и оттуда вынимает замечательные тапочки — мягкие, коричневые. <…> Бенедикт снова появляется, вынимает эти тапочки и говорит: „Я в Мышлино еду“. <…> Не

в силах с тапочками расстаться, он их с собой взял. <…>…Из Мышлина уезжал с тапочками» (*Любчикова Л.* [О Вен. Ерофееве]. С. 80–81).

41.7 *А Шиллер-то тут при чем? Да, вот он при чем: когда ему водку случалось пить, он ноги свои опускал в шампанское. Опустит и пьет. —*

См. 41.4, а затем — 25.7.

41.8 *А Чехов Антон перед смертью сказал: «Выпить хочу». И умер… —*

См. 25.6.

41.9 *Вот еще Гегель был. Это я очень хорошо помню: был Гегель. Он говорил: «Нет различий, кроме различия в степени между различными степенями и отсутствием различия». —*

Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1770–1831) — философ, классик немецкого объективного идеализма. В своей главной книге он витиевато писал: «Различие есть скорее граница существа дела; оно налицо там, где суть дела перестает быть, или оно есть то, что не есть суть дела» («Феноменология духа», 1807).

41.10 *То есть, если перевести это на хороший язык: «Кто же сейчас не пьет?» —*

Риторический вопрос, часто фигурирующий

как в житейских сетованиях, так и в литературных текстах — например, у Евтушенко (кстати, в сочетании с Петром):

Вот говорит мне мать:
«Чем плох твой Петр?
Он бить не бьет,
на сторону не ходит,
конечно, пьет,
а кто сейчас не пьет?»

(«Станция Зима», 1955)

41.11 С. 101. *Что я делал в это мгновение — засыпал или просыпался? Я не знаю, и откуда мне знать? —*

Здесь можно вспомнить Платона:

«Сократ. Не подразумеваешь ли ты здесь известного спора о сне и яви?

Теэтет. Какого такого спора?

Сократ. Я думаю, что слышал упоминание о нем, когда задавался вопрос, можно ли доказать, что мы вот в это мгновение спим и все, что воображаем, видим во сне или же мы бодрствуем и разговариваем друг с другом наяву.

Теэтет. В самом деле, Сократ, трудно найти здесь какие-либо доказательства: ведь одно по-

вторяет другое, как антистрофа строфу. Ничто не мешает нам принять наш теперешний разговор за сон, и, даже когда во сне нам кажется, что мы видим сны, получается нелепое сходство этого с происходящим наяву.

Сократ. Ты видишь, что спорить не так уж трудно, тем более что спорно уже то, сон это или явь, а поскольку мы спим и бодрствуем равное время, в нашей душе всегда происходит борьба: мнения каждого из двух состояний одинаково притязают на искренность, так что в течение равного времени мы то называем существующим одно, то — другое и упорствуем в обоих случаях одинаково.

Теэтет. Именно так и происходит» («Теэтет»).

Или Эренбурга:

В купе господин качался, дремал, качаясь

Направо, налево, еще немножко.

Качался один, неприкаянный,

От жизни качался прожитой.

<…>

Под белым небом, в бесцельном беге,

Отряхая и снова вбирая

Сон, полусон, —
Все томится, никнет и бредит
Одним концом.

(«В вагоне», 1915)

41.12 *«Есть бытие, но именем каким его назвать? — ни сон оно, ни бденье». —*

Веничка цитирует начало стихотворения Баратынского:

Есть бытие: но именем каким
Его назвать? Ни сон оно, ни бденье;
Меж них оно, и в человеке им
С безумием граничит разуменье.

(«Последняя смерть», 1827)

41.13 *Я лежал, как труп, в ледяной испарине… —*

У Пушкина: «Как труп в пустыне я лежал, / И Бога глас ко мне воззвал…» («Пророк», 1826).

41.14 С. 102. *…он повалился на канделябр и погасил его собою… —*

Аллюзия на знаменитый подвиг рядового Советской армии Александра Матросова, который 27 февраля 1943 г. своим телом закрыл амбразуру

фашистского дзота и ценою собственной жизни дал возможность своему боевому соединению отбить у врага деревню Чернушка.

41.15 — *Проходимец!* — *отвечал тот из-за окошка.*

И вдруг — впорхнул опять в вагон, подлетел ко мне, рванул меня за волосы, сначала вперед, потом назад, потом опять вперед, и все это с самой отчаянной злобою… —

За волосы регулярно таскают у Достоевского, например в сцене возвращения пьяного Мармеладова из трактира домой в сопровождении Раскольникова:

«– А! — закричала она [Катерина Ивановна] в исступлении, — воротился! Колодник! Изверг!..

<…>

…И вдруг, в бешенстве, она схватила его за волосы и потащила в комнату.

— И это мне в наслаждение! И это мне не в боль, а в наслаждение, ми-ло-сти-вый го-су-дарь, — выкрикивал он, потрясаемый за волосы и даже раз стукнувшись лбом об пол» («Преступление и наказание», ч. 1, гл. 2);

также в сцене на пикнике:

«Виргинский <…> вдруг и без всякой предварительной ссоры схватил гиганта Лебядкина <…>

обеими руками за волосы, нагнул и начал таскать его с визгами, криками и слезами» («Бесы», ч. 1, гл. 1).

42. Леоново – Петушки

42.1 С. 102. *…спустя десяток мгновений тем же путем ворвались полчища Эриний и устремились следом за ним. —*

Эринии (эриннии) — богини кровной (и кровавой) мести в древнегреческой мифологии. Кроме этого, эринии (первая, вторая и третья) — действующие лица пьесы Сартра «Мухи». В финале «Мух» главный герой, Орест, произносит эмоциональный монолог, затем уходит, и «эринии, вопя, бросаются за ним» («Мухи», акт 3, явл. 6).

42.2 *Гремели бубны и кимвалы… —*

Бубен и кимвал — ударные музыкальные инструменты: первый — род открытого барабана с бубенчиками, второй — две медные тарелки или чаши. Кимвалы встречаются в Библии: «При освящении стены Иерусалимской потребовали левитов из всех мест их, приказывая им прийти в Иерусалим для совершения освящения и радостного празднества со славословиями и песнями при звуке кимвалов, псалтирей и гуслей» (Неем. 12: 27). Оба инструмента встречаются у Тютчева: «Дети пели, в бубны били, / Шуму не было кон-

ца» («Как порою светлый месяц… (Из Гейне)», 1825–1829) и «Вкруг меня, как кимвалы, звучали скалы…» («Сон на море», 1830).

42.3 С. 103. *В мире нет виноватых!..* —

Апелляция ко Льву Толстому, у которого есть повесть (слава богу, неоконченная) «Нет в мире виноватых» (1908), и к Шекспиру, к реплике короля Лира: «Виновных нет! Никто не виноват! / Я оправдаю всех…» («Король Лир», д. 4, явл. 6; пер. Т. Щепкиной-Куперник) и «Виновных нет, поверь, виновных нет! / Никто не совершает преступлений» (пер. Б. Пастернака).

Похоже писали и поэты — у Северянина:

Шумите, вешние дубравы!
Расти, трава! Цвети, сирень!
Виновных нет: все люди правы
В такой благословенный день!

(«Весенний день», 1911)

Весенний день и золот и горяч, —
Виновных нет: все люди в мире правы!

(«Солнечный дикарь», 1924)

А это — из Кузмина:

Сказали бы «Виновных нет», —
Когда б понять сумели.

(«Лазарь», 1928)

42.4 *…я засмущался, присел и стал грызть подсолнух.*

А покуда я грыз подсолнух… —

Подсолнух — здесь: не цветок, а подсолнуховые семечки. Подмены банальных семечек названием растения в сочетании с глаголом «грызть» встречаются у поэтов — у Пастернака: «Как плат белы, забыли грызть / Подсолнухи…» («Июльская гроза», 1915) и у Евтушенко: «Лифтерше Маше под сорок. / Грызет она грустно подсолнух…» («Лифтерше Маше под сорок…», 1955).

42.5 *Пламенел закат, и лошади вздрагивали, и где то счастье… —*

«Пламенел закат» — фраза из Блока: «Были дни — над теремами / Пламенел закат» («Дали слепы, дни безгневны…», 1904). В этом же стихотворении одно из действующих лиц — конь, которому незнакомо чувство покоя: «конь — мгновенная зарница», «конь вздыбится».

Сочетание неспокойных лошадей и разговора о счастье на фоне пламени встречается у Гуми-

лева:

Бушует пламя, трубят трубы,
И кони рыжие летят.
Потом волнующие губы
О счастье, кажется, твердят.

(«Прапамять», 1918)

В целом же, если бы не заявление Ерофеева о том, что он не читал «Мастера и Маргариту» (7.12), данный пассаж можно было бы связать с финалом булгаковского романа, где герои, в отличие от Венички, обретают свое счастье, хотя и через физическую смерть, и происходит это именно на закате: «Уже гремит гроза, вы слышите? Темнеет. Кони роют землю, содрогается маленький сад. Прощайтесь с подвалом, прощайтесь скорее. <…> Трое черных коней храпели у сарая, вздрагивали, взрывали фонтанами землю» («Мастер и Маргарита», ч. 2, гл. 30); «[Маргарита:] Меня охватила грусть перед дальней дорогой. Не правда ли, мессир, она вполне естественна, даже тогда, когда человек знает, что в конце этой дороги его ждет счастье?» («Мастер и Маргарита», ч. 2, гл. 31).

42.6 С. 103. *…где то счастье, о котором пишут в газетах? —*

Сходная риторическая формула есть у Зощенко: «Значит, что же? Значит, дело обстоит как будто неважно? Где же эта знаменитая любовь, прославленная поэтами и певцами? Где же это чувство, воспетое в дивных стихах?» («Голубая книга», отд. «Любовь», п. 29).

42.7 *…кимвалы продолжали бряцать…* —

Кимвал, издающий звуки, — из Нового Завета: «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал звучащий» (1 Кор. 13: 1). Фразеологизм же, рожденный из этого признания, — «медь звенящая и кимвал звучащий / бряцающий» — используется для характеристики излишне патетических, напыщенных слов, лишенных какого-либо реального содержания.

42.8 *…бубны гремели. <…> И хохотала Суламифь.* —

Бубны и Суламифь (42.9) в пределах одного текста встречаются у Цветаевой: «Емче органа и звонче бубна / Молвь <…> перед вспыхнувшей Суламифью — / Ахнувший Соломон» («Емче органа и звонче бубна…», 1924). Смежная ситуация — «бубны и блудницы» — встречается у Сологуба:

В озарении свеч полуночных

Обнаженные пляшут блудницы,

И в гремящем смятении трубном,

С несказанным бесстыдством во взгляде,

Потрясает сверкающим бубном

Скоморох в лоскуточном наряде.

(«Вереницы мечтаний порочных», 1898)

42.9 *Суламифь. —*

Суламифь (Суламита) — возлюбленная царя Соломона, центральный персонаж ветхозаветной Песни песней. Интерес к ней испытывали Куприн (рассказ «Суламифь», 1908), а также Розанов: «Кто же была Суламифь? Каждая израильтянка в вечер с пятницы на субботу» («Опавшие листья», короб 2-й); «Социализм выразился бы близостью, социализм выразился бы любовью <…> Словом, социализм выразился бы тоже одним из таинственных веяний Суламифи…» («Апокалипсис нашего времени», 1918).

42.10 *И звезды падали на крыльцо сельсовета. —*

В Новом Завете Иисус предсказывает свое второе пришествие: «И вдруг, после скорби дней тех, солнце померкнет, и луна не даст света

своего, и звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются» (Мф. 24: 29; ср. также Мк. 13: 25). А после снятия шестой печати новозаветным Агнцем «звезды небесные пали на землю, как смоковница, потрясаемая сильным ветром, роняет незрелые смоквы свои» (Откр. 6: 13). Там же звезды продолжают падать в контексте пития: «Третий ангел вострубил, и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод. Имя сей звезде „полынь“; и третья часть вод сделалась полынью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки» (Откр. 8: 10–11).

Впрочем, падают звезды не только в Библии, но и в русской классике — у Чехова: «Была грустная августовская ночь <…> Часто падали звезды. <…>…И я сам уже старался не глядеть на падающие звезды» («Дом с мезонином», 1896); у Гумилева: «…звезды, как горсть виноградин, / Стремительно падали вниз?» («Ты помнишь дворец великанов…», 1910); у Цветаевой: «Жарко пылали костры, / Падали к нам на ковры — / Звезды…» («Милые спутники, делившие с нами ночлег!..», 1917).

43. Петушки. Перрон

43.1 С.103. *Если вы скажете, что то был туман, я, пожалуй, и соглашусь — да, как будто туман. А если вы скажете — нет, то не туман, то пламень и лед… —*

Туман и лед звучат как отсылка к Пастернаку: «Когда я упал пред тобой, охватив / Туман этот, лед этот, эту поверхность…» («Марбург», 1916, 1928).

43.2 С. 103. *…лед и пламень, то есть сначала стынет кровь, стынет, а как застынет, тут же начинает кипеть и, вскипев, застывает снова. —*

Реминисценция «Евгения Онегина» — компилируются описания взаимоотношений и темпераментов Онегина и Ленского:

Они сошлись. Вода и камень,
Стихи и проза, лед и пламень
Не столь различны меж собой…

(гл. 2, строфа XIII)

и отповедь замужней Татьяны Онегину в финале романа:

Не правда ль? Вам была не новость
Смиренной девочки любовь?
И нынче – боже! – стынет кровь,
Как только вспомню взгляд холодный
И эту проповедь…

(гл. 8, строфа XLIII)

Испытывает температурные колебания у Пушкина и Алеко:

Он с трепетом привстал и внемлет…
Все тихо: страх его объемлет,
По нем текут и жар и хлад…

(«Цыганы», 1824)

А также лирический персонаж Ахматовой:

И я чувствую холод влажный,
Каменею, стыну, горю…

(«Поэма без героя», ч. 1, гл. 1)

У Достоевского Раскольников испытывает контрастное температурное состояние в течение одной из встреч с Порфирием Петровичем: «Раскольников сел; дрожь его проходила, и жар выступал во всем теле. <…> Холод прошел по

спине его» («Преступление и наказание», ч. 4, гл. 5).

43.3 С. 104. *«Это лихорадка, — подумал я. — Этот жаркий туман повсюду — от лихорадки, потому что сам я в ознобе, а повсюду жаркий туман». —*

«Жаркий туман» встречается, например, у Арцыбашева: «Она почти почувствовала ласку его горячих губ, и ей показалось, что какой-то жаркий туман надвинулся и голова кружится» («У последней черты», 1912; ч. 1, гл. 20); а лихорадка в сочетании с ознобом — у Федора Сологуба: «Лихорадка мучила и нежила его, меняя ознобы и зной» («Помнишь, не забудешь», 1912).

В перманентно лихорадочном состоянии находится герой «Преступления и наказания»:

«Нервная дрожь его перешла в какую-то лихорадочную; он почувствовал озноб; на такой жаре ему становилось холодно» (ч. 1, гл. 5); «Наконец он почувствовал давешнюю лихорадку, озноб, и с наслаждением догадался, что на диван можно и лечь» (ч. 1, гл. 6); «Страшный холод обхватил его; но холод был и от лихорадки, которая уже давно началась с ним во сне. Теперь же вдруг ударил такой озноб, что чуть зубы не выпрыгнули и все в нем так и заходило» (ч. 2, гл. 1); «Он, однако ж,

не то чтоб уж был совсем в беспамятстве во все время болезни: это было лихорадочное состояние, с бредом и полусознанием» (ч. 2, гл. 3); «Глаза его горели лихорадочным огнем. <…> Лихорадка вполне охватила его» (ч. 5, гл. 4).

43.4 *А из тумана выходит кто-то очень знакомый, Ахиллес не Ахиллес, но очень знакомый. —*

Очевидная реминисценция сцены самоубийства Свидригайлова:

«Молочный, густой туман лежал над городом. Свидригайлов пошел по скользкой, грязной деревянной мостовой <…> С досадой стал он рассматривать дома, чтобы думать о чем-нибудь. Ни прохожего, ни извозчика не встречалось по проспекту. Уныло и грязно смотрели ярко-желтые деревянные домики с закрытыми ставнями. Холод и сырость прохватывали все его тело, и его стало знобить. <…> Тут-то стоял большой дом с каланчой. У запертых больших ворот дома стоял, прислонясь к ним плечом, небольшой человечек, закутанный в серое солдатское пальто и в медной ахиллесовой каске. <…> Оба они, Свидригайлов и Ахиллес, несколько времени, молча, рассматривали один другого. Ахиллесу наконец показалось непорядком, что человек не пьян, а стоит перед ним в трех шагах, глядит в упор и ничего не го-

ворит. <…>

— А-зе здеся нельзя, здеся не места! — встрепенулся Ахиллес, расширяя все больше и больше зрачки.

Свидригайлов спустил курок» («Преступление и наказание», ч. 6, гл. 6).

43.5 С. 104. *…это понтийский царь Митридат. Весь в соплях измазан, а в руках — ножик… —*

Митридаты — царская династия в Понте, основанная в 302 г. до н. э. отпрысками древнего иранского рода. Здесь имеется в виду самый известный представитель династии — понтийский царь Митридат VI Эвпатор (111–63 до н. э.). Митридат VI значительно укрепил Понтийское царство в период резкого обострения внутриполитической борьбы в Риме и проводил последовательную антиримскую политику. Так, в 89 г. до н. э., после захвата Митридатом Малой Азии и части Балканского полуострова, он приказал провести массовую резню в провинции Азии среди населения римского происхождения: за один только день от рук понтийцев погибло более 80 тысяч римлян (Всемирная история: В 13 т. М., 1955–1983. Т. 2. С. 365). Так что ножик в руках Митридат держит вполне закономерно. И эта закономерность тем более усиливается,

что, будучи типичным диктатором, Митридат не ограничивал себя в прихотях и капризах: он претендовал на звание искусного лекаря и часто собственноручно резал и калечил своих приближенных, которые в угоду монарху шли на заведомо чрезвычайно опасное унижение (Плутарх. «Как отличить друга от льстеца»).

В русской классике имя Митридата благодаря Пушкину также ассоциируется с темой закаливания: «Онегин посещает потом Тавриду: / <…> / Там закололся Митридат…» («Евгений Онегин» («Отрывки из путешествия Онегина»)).

Также у Расина есть трагедия «Митридат, царь понтийский» (1673), и еще имеется написанная на ее основе одноименная (*Mitridate, re di Ponto*) ранняя (1770) опера Моцарта (либретто В. А. Чинья-Санти).

На память приходит и Лермонтов — в контексте плача и стона:

В тот день явится мощный человек,
И ты его узнаешь – и поймешь,
Зачем в его руке булатный нож:
И горе для тебя! – твой плач, твой стон
Ему тогда покажется смешон;

И будет все ужасно, мрачно в нем.

(«Предсказание», 1830)

43.6 — *А у меня всегда так. Как полнолуние — так сопли текут… —*

В Новом Завете один израильтянин обращается к Иисусу Христу: «Господи! Помилуй сына моего; он в новолуние беснуется и тяжко страдает, ибо часто бросается в огонь и часто в воду» (Мф. 17: 15).

43.7 *…один любит распускать сопли, другой утирать, третий размазывать. —*

Идиоматический практикум в традиционном для Веничкиного словоблудия русле. Распускать и размазывать сопли любят слабовольные, рефлектирующие нытики; обладатели противоположных натур дают им совет сопли утереть.

43.8 — *…зачем у тебя ножик в руках?..*

– Как зачем?.. да резать тебя — вот зачем!.. Спрашивает тоже: зачем?.. Резать, конечно… —

Парафраз диалога Красной Шапочки и Серого Волка из детской сказки XVII в. Шарля Перро:

«– Бабушка, почему у вас такие большие зубы?

— А это чтобы скорее съесть тебя, дитя мое!

Не успела Красная Шапочка и охнуть, как злой

Волк бросился на нее и проглотил вместе с башмачками и красной шапочкой».

Правда, в конце концов Красную Шапочку, в отличие от Венички, спасают охотники, а вот Веничку никто не спасает.

43.9 *«Что ты, Митридат, что ты!..» А он уже ничего не слышал и замахивался, в него словно тысяча почерневших бесов вселилась… —*

Факт безумия Митридата был до Венички известен поэтам — например, Брюсову: «И знамя брани над Ефратом / Вознес, в союзе с Митридатом, / Но не в безумии, как он» («Тигран Великий», 1916).

43.10 С. 104. *И тут мне пронзило левый бок, и я тихонько застонал, потому что не было во мне силы даже рукою защититься от ножика… <…> Но тут мне пронзило правый бок, потом опять левый, опять правый… —*

После смерти Христа на кресте «один из воинов копьем пронзил Ему ребра, и тотчас истекла кровь и вода» (Ин. 19: 34). Здесь сбывается Веничкино предчувствие закалывания из главы «Никольское — Салтыковская» (15.6). Причем Веничку действительно режут, «как девочку», так как в данной ситуации он представляет себя

Красной Шапочкой (43.8).

43.11 С. 104–105. *…выплыли двое этих верзил со скульптуры Мухиной, рабочий с молотом и крестьянка с серпом…* —

Вера Мухина (1889–1953) — советский скульптор-монументалист, классик соцреализма. Самая известная скульптура Мухиной — «Рабочий и колхозница» (1935–1937, сталь, высота 24 м) — изготовлена для советского павильона на Всемирной выставке в Париже (1937); в настоящее время находится в Москве перед северным входом Выставочного центра (бывшей ВДНХ СССР). Скульптура эта стала символом союза рабочего класса (правая фигура — молодой рабочий с молотом в поднятой левой руке) и крестьянства (левая фигура — крестьянка с серпом в поднятой правой руке) и олицетворяла движение советского народа к светлому коммунистическому будущему.

43.12 С. 105. *…и лицо, и одежда, и душа, и мысли.* —

Повторное обращение к цитате из «Дяди Вани» (31.13).

43.13 *Талифа куми, как сказал Спаситель, то есть встань и иди. <…> А все-таки встань и*

иди. —

См. 26.17.

43.14 *О, гнуснейшее, позорнейшее время в жизни моего народа — время от закрытия магазинов до рассвета!.. —*

См. 4.36, 5.6.

43.15 *Талифа куми, как сказала твоя Царица, когда ты лежал во гробе, — то есть встань, оботри пальто, почисти штаны, отряхнись и иди. —*

См. 26.17.

43.16 *Попробуй хоть шага два, а дальше будет легче. Что ни дальше — то легче. —*

Пародийная контаминация названий работ Ленина «Шаг вперед, два шага назад» (1904) и «Лучше меньше, да лучше» (1922). Также можно вспомнить призыв шагать Пастернака: «„Шагни, и еще раз“, — твердил мне инстинкт / И вел меня мудро, как старый схоластик…» («Марбург», 1916, 1928).

43.17 *Самое главное — уйти от рельсов, здесь вечно ходят поезда, из Москвы в Петушки, из Петушков в Москву. —*

Аллюзия на «Анну Каренину», где поезда ходят из Петербурга в Москву и из Москвы в Петербург

и под один из них бросается от отчаяния заглавный персонаж.

43.18 *Иди, Веничка, иди…* —

Повторение лейтмотива «встань и иди» — см. 26.17.

44. Петушки. ВокзальнаЯ площадь

44.1 С. 105. *«Если хочешь идти налево, Веничка, — иди налево. Если хочешь направо — иди направо. Все равно тебе некуда идти. Так что уж лучше иди вперед, куда глаза глядят…» —*

Повторение ситуации «витязь на распутье» — см. 4.29.

44.2 С. 106. *Может, время сначала узнать? Узнать, сколько времени?.. —*

Один из классических вопросов русской поэзии; встречается у Мандельштама: «И Батюшкова мне противна спесь: / Который час, его спросили здесь, / А он ответил любопытным: вечность!» («Нет, не луна, а светлый циферблат…», 1912); у Пастернака: «Какое, милые, у нас / Тысячелетье на дворе?» («Про эти стихи», 1917); а также у Ходасевича, в смежной с Веничкиной ситуации одинокого самокопания на грани ухода от окружающей действительности, возвращения в «родной, первоначальный мир» (в случае с Веничкой — возвращение на вокзальную площадь):

И я смотрю как бы обратным взором

В себя.

И так пленительна души живая влага,

Что, как Нарцисс, я с берега земного

Срываюсь и лечу туда, где я один,

В моем родном, первоначальном мире,

Лицом к лицу с собой, потерянным когда-то —

И обретенным вновь… И еле внятно

Мне слышен голос барышни: «Простите,

Который час?»

(«Полдень», 1918)

44.3 С. 106. *…смог бы ты разве разомкнуть уста, от холода и от горя? <…> О, немота!.. —*

Уста, пораженные холодом, встречаются у Пушкина: «уста замерзшие мои» («Пророк», 1826), а у Кузмина — немота: «…в горестном начале / Меня сковала немота…» («О радость! в горестном начале…», 1911).

Словосочетание «разомкнуть уста» — поэтическое клише; у Блока, например: «Когда — ни расплести сцепившиеся руки, / Ни разомкнуть уста — нельзя во тьме ночной!» («Черная кровь» (4), 1912), а также у Бродского: «И все ж умение

куста / свой прах преобразить в горнило, / загнать в нутро, / способно разомкнуть уста / любые» («Шиповник в апреле», 1969).

44.4 *И если я когда-нибудь умру — а я очень скоро умру, я знаю, — умру… —*

Предчувствие смерти, в том числе и скорой, — общее место в поэтических текстах. У Некрасова лирический герой полагает: «Умру я скоро. Жалкое наследство / О родина! оставлю я тебе» («Умру я скоро. Жалкое наследство…», 1867).

То же у Евтушенко:

Когда я умру, —
а ведь умру я,
а ведь умру я —
уж так придется.

(«Песня Сольвейг», 1960)

Встречается такой прогноз и в прозе — например, все у того же Гамсуна: «Эй ты, я знаю, что скоро умру» («Голод», гл. 3).

44.5 *…умру, так и не приняв этого мира, постигнув его вблизи и издали, снаружи и изнутри постигнув, но не приняв, — умру… —*

Реминисценция заявления Ивана Карамазова о

«возвращении билета» из романа Достоевского:

«Не хочу гармонии, из-за любви к человечеству не хочу. Лучше уж я останусь при неотомщенном страдании моем и неутоленном негодовании моем, *хотя бы я был и не прав.* <…> А потому свой билет на вход спешу возвратить обратно. И если только я честный человек, то обязан возвратить его как можно заранее. Это и делаю. Не Бога я не принимаю, Алеша, я только билет ему почтительнейше возвращаю» («Братья Карамазовы», ч. 2, кн. 5, гл. 4).

44.6 *…умру, так и не приняв этого мира…* —

Декларативная оппозиционность по отношению к тем, кто «принял мир», например по отношению к Блоку, у которого, впрочем, «принятие мира», так же как и у Ерофеева, сопровождается и видением города-фантома, и распятием-«пригвождением»:

Принявший мир, как звонкий дар,
Как злата горсть, я стал богат.
Смотрю: растет, шумит пожар —
Глаза твои горят.

Как стало жутко и светло!
Весь город – яркий сноп огня,

Река – прозрачное стекло,
И только – нет меня…

Я здесь, в углу. Я там, распят.
Я пригвожден к стене – смотри!
Горят глаза твои, горят,
Как черных две зари!

(«Принявший мир, как звонкий дар…», 1907)

44.7 *…я много вкусил, а никакого действия, я даже ни разу как следует не рассмеялся, и меня не стошнило ни разу. —*

Аллюзия на слова пророка: «Один умирает в самой полноте сил своих, совершенно спокойный и мирный; внутренности его полны жира, и кости его напоены мозгом. А другой умирает с душею огорченною, не вкусив добра» (Иов. 21: 23–25).

Одновременно этот пассаж может рассматриваться и как полемика с другой книгой Ветхого Завета, где «заповедал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть, а от дерева познания добра и зла не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь» (Быт. 2: 16–17). То есть данная заповедь не оказывает на Веничку «никакого действия». Точно так же, как и уговоры Змея вкусить от дре-

ва познания: «И сказал змей жене: нет, не умрете, но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло» (Быт. 3: 4–5).

Стоит вспомнить и библейский эпиграф к поэме Лермонтова «Мцыри»: «Вкушая, вкусих мало меду, и се аз умираю» (1 Цар. 14: 43). См. также у Ахматовой: «De profundis… Мое поколенье / Мало меду вкусило» («De profundis… Мое поколенье…», 1944), «Мы запретное вкусили знанье…» (из пьесы «Пролог»). У Сологуба процесс вкушения тоже происходит в библейском контексте: «Я спокоен, — я вкусил / Прелесть скорбной Гефсимании» («Зелень тусклая олив…», 1911).

44.8 С. 106. *…Господь, весь в синих молниях.* —

Вторичное появление образа — см. 8.9.

44.9 *…найти живую душу и спросить, сколько времени?..* —

Совмещение вопроса из 44.2 с аллюзией на название и идейный стержень «Мертвых душ» Гоголя, рассказчик в которых занят поисками (впрочем, бесплодными) «живой души».

44.10 *Да зачем тебе время, Веничка? Лучше иди, иди, закройся от ветра и потихоньку иди…* —

Последнее перед трансформацией в «беги, Ве-

ничка» повторение мотива «встань и иди».

44.11 *…с ресницами, опущенными ниц…* —
Вариация на тютчевскую тему — см. 14.8.

44.12 *…лилия долины…* —
Лилия долин(ы) — ветхозаветный образ. Возлюбленный Суламифи (Соломон) говорит о себе: «Я нарцисс Саронский, лилия долин!» (Песн. 2: 1).

44.13 С. 107. *Что тебе осталось?* —
Сходная постановка вопроса характерна для Сологуба:

Что же осталось мне? Работа,
Поцелуи, да забота
О страницах, о вещах.

(«Плещут волны перебойно», 1911)

Что мне осталось? Диадема
Из опаляющих огней

И мантия пророка, – тяжко
На плечи давит мне она, —
И скрытая в одежде фляжка
С вином, где дремлет тишина,

И что еще? Воспоминанья

О днях любви…

(«Я вышел из потайной двери», 1922)

44.14 *…утром — стон, вечером — плач, ночью — скрежет зубовный… —*

«Скрежет зубовный» в сочетании с плачем — библеизм. В притче о брачном пире царь замечает среди гостей человека не в брачной одежде: «Тогда сказал царь слугам: связавши ему руки и ноги, возьмите его и бросьте во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов, ибо много званых, а мало избранных» (Мф. 22: 13–14); также Иисус предупреждает неправедного и жестокого раба, что хозяин придет «и рассечет его, и подвергнет его одной участи с лицемерами: там будет плач и скрежет зубов» (Мф. 24: 51; см. также Мф. 8: 12; 13: 42, 50; 25: 30; Лк. 13: 28).

«Скрежет зубовный» встречается у позднего Мандельштама, в стихах о Франсуа Вийоне:

То ли дело любимец мой кровный,
Утешительно-грешный певец, —
Еще слышен твой скрежет зубовный,
Беззаботного права истец…

(«Чтоб, приятель и ветра и капель…», 1937)

Сочетание стона с плачем также встречается в Библии: «И он [Вагой] громко воскликнул с плачем, стоном и крепким воплем, и разорвал свои одежды» (Иф. 14: 16); «И увидел я <…> книжный свиток. И Он развернул его передо мною, и вот, свиток исписан был внутри и снаружи, и написано на нем: „плач, и стон, и горе“» (Иез. 2: 9–10).

45. Петушки. Садовое кольцо

45.1 С. 107. *Садовое кольцо. —*

В Петушках, естественно, отсутствует, зато в Москве является одной из центральных транспортных магистралей; опоясывает центральную часть столицы. Здесь композиция замыкается (тоже — кольцом), и Веничка, как и накануне, пересекает Садовое кольцо. Фатальная неизбежность возвращения в столицу предсказывалась еще у Льва Толстого: «Балашев, бывший все время обеда [с Наполеоном] настороже, отвечал, что [в оригинале по-французски:] как всякая дорога, по пословице, ведет в Рим, так и все дороги ведут в Москву» («Война и мир», т. 3, ч. 1, гл. 7).

45.2 *Постучался — и, вздрагивая от холода, стал ждать… —*

От холода (в сочетании с немотой — см. 44.3) вздрагивает лирический герой Мандельштама: «Я вздрагиваю от холода, / Мне хочется онеметь!» («Я вздрагиваю от холода…», 1912).

Ощущение холода и близость Кремля — подобное сочетание встречается у Кузмина: «Скорей, скорей! Какой румяный холод! / Как звонко ку-

пола в Кремле горят!» («Чужая поэма» (6), 1916). Любопытно, что в этой поэме Кузмина разрабатывается тема командора Дон Жуана, важная для драматургии Ерофеева.

45.3 *Странно высокие дома понастроили в Петушках!.. —*

Высокие, огромные дома — символ подавляющего Раскольникова Петербурга: «С замиранием сердца и нервною дрожью подошел он к преогромнейшему дому» («Преступление и наказание», ч. 1, гл. 1).

А то вот еще есть описание последней, накануне самоубийства, ночи Гаршина: «Фонари тускло желтели в тумане. Пахло холодным сырым камнем. Черные громады домов подступали с боков, нависали над головой. Они грозили расплющить, раздавить. Гаршин брел домой по пустынным ночным улицам…Прожита жизнь» (*Порудоминский В.* Гаршин. М., 1962. С. 293).

45.4 *Мене, текел, фарес — то есть «ты взвешен на весах и найден легковесным», то есть «текел»… —*

Мене, текел, фарес (в каноническом переводе — упарсин/перес) — мистические слова, появившиеся таинственным образом на стене дворца

царя Валтасара во время одного из его многочисленных пиров как предупреждение о расплате за жизнь во грехе, расшифрованы пророком Даниилом: «И вот, что начертано: МЕНЕ, МЕНЕ, ТЕКЕЛ, УПАРСИН. Вот и значение слов: МЕНЕ — исчислил Бог царство твое и положил конец ему; ТЕКЕЛ — ты взвешен на весах и найден очень легким; ПЕРЕС — разделено царство твое и дано Мидянам и Персам. <…> В ту же самую ночь Валтасар, царь Халдейский, был убит» (Дан. 5: 25–28, 30). Отмечу, что данная глава у Даниила начинается с описания «большого пиршества», устроенного Валтасаром, где он «пред глазами тысячи [вельмож] пил вино» (Дан. 5: 1).

К данным ветхозаветным словесам апеллировал, к примеру, и Эренбург: «Было ясно, что дело пахнет Навуходоносором, но вместо „такел“ [текел] и прочих нормальных слов появлялся бред» («Необычайные похождения Хулио Хуренито», гл. 3).

45.5 *Но есть ли там весы или нет…* —

Выделенное «там» (на том свете) и прозаический предмет, наделенный символическими качествами, отсылает к разговору Ивана Карамазова с чертом: «– А там может случиться топор? — рассеянно и гадливо перебил вдруг

Иван Федорович. Он сопротивлялся изо всех сил, чтобы не поверить своему бреду и не впасть в безумие окончательно. <…> — Ну да, что станется там с топором?» («Братья Карамазовы», ч. 4, кн. 11, гл. 9).

45.6 *…все равно — на тех весах вздох и слеза перевесят расчет и умысел. —*

Операции со взвешиванием проводили еще пророки: «И отвечал Иов, и сказал: о, если бы верно взвешены были вопли мои, и вместе с ними положили на весы страдание мое! Оно верно перетянуло бы песок морей! Оттого слова мои неистовы» (Иов. 6: 1–3); «Вот народы — как капли из ведра, и считаются как пылинка на весах» (Ис. 40: 15).

45.7 С. 107. *Все ваши путеводные звезды катятся к закату, а если и не катятся, то едва мерцают. —*

Эти слова звучат антисоветски, если принять во внимание тот факт, что в предъюбилейной истерии 1969 г. «путеводной звездой» в советской прессе называлось «великое ленинское учение»; вот, например, названия опусов, посвященных именно идеологическому наследию Ленина: «Путеводная звезда угнетенных народов» (Правда.

1969. 6 октября) и «Путеводная звезда» (Известия. 1969. 7 ноября).

«Звезды катятся» у поэтов — например, у Фета: «Звезда покатилась на запад… / Прости, золотая, прости!» («Я жду… Соловьиное эхо…», 1842).

45.8 *Потому что все остальные катятся к закату, а если и не катятся, то едва мерцают, а если даже и сияют, то не стоят и двух плевков. —*

Сравнение звезд с плевками восходит к Маяковскому: «Послушайте! / Ведь если звезды зажигают — / значит — это кому-нибудь нужно? / <…> / Значит — кто-то называет эти плевочки / жемчужиной?» («Послушайте!», 1914).

45.9 *…там мы, легковесные, перевесим и одолеем. —*

В Ветхом Завете о взвешивании читаем: «Пусть взвесят меня на весах правды, и Бог узнает мою непорочность» (Иов. 31: 6); «Сыны человеческие — только суета; сыны мужей — ложь; если положить их на весы, все они вместе легче пустоты» (Пс. 61: 10). В связи с «одолеем» вспоминается другой пророк: «Ибо я слышал толки многих: угрозы вокруг; „заявите, говорили они, и мы сделаем донос“. Все, жившие со мною в мире, сторожат за мною, не споткнусь ли я: „может быть, говорят,

он попадется, и мы одолеем его и отмстим ему“» (Иер. 20: 10).

45.10 С. 108. *…вползала в меня одна тяжелая мысль, которую страшно вымолвить, вместе с тяжелой догадкой, которую вымолвить тоже страшно… —*

Мотив тяжелой гнетущей мысли — см. 6.10, 39.9.

45.11 С. 108–109. *…в этом самом переулке навстречу мне шли четверо… Я сразу их узнал, я не буду вам объяснять, кто эти четверо…* <…> *Как бы вам объяснить, что у них были за рожи? да нет, совсем не разбойничьи рожи, скорее даже наоборот, с налетом чего-то классического…* <…> *Где, в каких газетах я видел эти рожи?.. —*

Законные ассоциации — с четырьмя классиками марксизма-ленинизма: Марксом, Энгельсом, Лениным и Сталиным, профили которых, наложенные друг на друга с небольшим смещением, являлись непременным визуальным атрибутом партийных газет, журналов, пропагандистских плакатов и транспарантов вплоть да конца 1950-х гг. (после разоблачения культа личности Сталина его профиль вместе с тремя другими классиками уже не помещали). Отсюда и логичный вопрос

Венички: «В каких газетах я видел эти рожи?»

Встреча с вождями мирового пролетариата и монстрами в ночной Москве, в районе Кремля, до Венички представлялась Мандельштаму:

«Ночью на Ильинке, когда Гумы и тресты спят и разговаривают на родном китайском языке, ночью по Ильинке <…> Ходят Ленин с Троцким в обнимку, как ни в чем не бывало.

<…>

Вий читает телефонную книгу на Красной площади. Поднимите мне веки… Дайте Цека…» («Четвертая проза» (16)).

Кроме того, возможны ассоциации и с римскими легионерами, участвовавшими в казни Иисуса Христа, поскольку другое название римского профиля — классический. В Новом Завете воинов, участвовавших в казни Христа, именно четверо: «Воины же, когда распяли Иисуса, взяли одежды Его и разделили на четыре части, каждому воину по части» (Ин. 19: 23). В этом контексте упоминание о разбойниках (рожи «совсем не разбойничьи») также вполне закономерно: римские воины (с классическими профилями, «не разбойники»), кроме Иисуса, распяли на Голгофе еще и двух разбойников: «Тогда распяты с Ним два разбойника: один по правую сторону, а

другой по левую» (Мф. 27: 38; см. также Мк. 15: 27; Лк. 23: 32–33).

Там же, в Новом Завете, перед лицом Сидящего на престоле появляется иная четверка: «Четыре животных говорили: аминь. И я видел, что Агнец снял первую из семи печатей, и я услышал одно из четырех животных, говорящее как бы громовым голосом: иди и смотри. <…>…Я слышал второе животное, говорящее: иди и смотри. <…>…Я слышал третье животное, говорящее: иди и смотри. <…> И когда Он снял четвертую печать, я слышал голос четвертого животного, говорящий: иди и смотри. И я взглянул, и вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя смерть; и ад следовал за ним…» (Откр. 5: 14, 6: 1, 3, 5, 7–8).

45.12 С. 108. *А четвертый был похож… впрочем, я потом скажу, на кого он был похож. —*

Возможно, на Сталина — см. 47.10.

45.13 *Ночью никто не может быть уверен в себе, то есть я имею в виду: холодной ночью. И апостол предал Христа, покуда третий петух не пропел. Вернее, не так: и апостол предал Христа трижды, пока не пропел петух. Я знаю, почему он предал, — потому что дрожал от холода, да. Он еще грелся у костра, вместе с этими. —*

Имеется в виду известная новозаветная история отречения апостола Петра от Христа после его ареста. Путаница в пересказе («вернее, не так» плюс включение в евангельский контекст варианта поговорки «до третьих петухов») имитирует некоторое несовпадение в деталях у евангелистов:

«Петр же сидел вне на дворе. И подошла к нему одна служанка и сказала: и ты был с Иисусом Галилеянином. Но он отрекся пред всеми, сказав, не знаю, что ты говоришь. Когда же он выходил за ворота, увидела его другая, и говорит бывшим там: и этот был с Иисусом Назореем. И он опять отрекся с клятвою, что не знает Сына Человека. Немного спустя подошли стоявшие там и сказали Петру: точно и ты из них, ибо и речь твоя обличает тебя. Тогда он начал клясться и божиться, что не знает Сына Человека. И вдруг запел петух. И вспомнил Петр слово, сказанное ему Иисусом: прежде нежели пропоет петух, трижды отречешься от Меня. И вышед вон, плакал громко» (Мф. 26: 69–75);

«И говорит ему [Петру] Иисус: истинно говорю тебе, что ты ныне, в эту ночь, прежде нежели дважды пропоет петух, трижды отречешься от меня. <…> Петр издали следовал за Ним, даже

внутрь двора первосвященникова; и сидел со служителями, и грелся у огня. <…> Когда Петр был на дворе внизу, пришла одна из служанок первосвященника и, увидевши Петра греющегося и всмотревшись в него, сказала: и ты был с Иисусом Назарянином. Но он отрекся, сказав: не знаю и не понимаю, что ты говоришь. И вышел вон на передний двор; и запел петух. Служанка, увидевши его опять, начала говорить стоявшим тут: этот из них. Он опять отрекся. Спустя немного, стоявшие тут опять стали говорить Петру: точно ты из них <…> Он же начал клясться и божиться: не знаю Человека Сего, о Котором говорите. Тогда петух запел во второй раз. И вспомнил Петр слово, сказанное ему Иисусом» (Мк. 14: 30, 54, 66–72);

«Но Он сказал: говорю тебе, Петр, не пропоет петух сегодня, как ты трижды отречешься, что не знаешь Меня. <…> Когда они развели огонь среди двора и сели вместе, сел и Петр между ними. Одна служанка, увидевши его сидящего у огня и всмотревшись в него, сказала: и этот был с Ним. Но он отрекся от Него, сказав женщине: я не знаю Его. Вскоре потом другой, увидев его, сказал: и ты из них. Но Петр сказал этому человеку: нет. Прошло с час времени, еще некто настоятельно говорил: точно и этот был с Ним, ибо он Галилея-

нин. Но Петр сказал тому человеку: не знаю, что ты говоришь. И тотчас, когда еще говорил он, запел петух. Тогда Господь, обратившись, взглянул на Петра; и Петр вспомнил слово Господа» (Лк. 22: 34, 55–61);

«Иисус отвечал ему [Петру]: <…> не пропоет петух, как отречешься от Меня трижды. <…>…Раба придверница говорит Петру: и ты не из учеников ли Этого Человека? Он сказал: нет. Между тем рабы и служители, разведши огонь, потому что было холодно, стояли и грелись; Петр также стоял с ними и грелся. <…> Симон же Петр стоял и грелся. Тут сказали ему: не из учеников ли Его и ты? Он отрекся и сказал: нет. Один из рабов <…> говорит: не я ли видел тебя с Ним в саду? Петр опять отрекся; и тотчас запел петух» (Ин. 13: 38, 18: 17–18, 25–27).

Интерес к данному эпизоду проявляли и поэты — например, Кузмин: «Твой петел, Петр, еще не стих!» («Озеро Неми», 1919); и Эренбург: «Пели девы: „Вот Он! Вот Он!“ / Петухи кричали. Трижды / От Него отрекся Петр» («Над книгой Вийона», 1915). Ахматовой же было просто холодно: «Я не прошу ни мудрости, ни силы. / О, только дайте греться у огня! / Мне холодно…» («И мальчик, что играет на волынке…», 1911).

В мемуарах о Венедикте Ерофееве есть замечание: «Апостола Петра [Ерофеев] с любовью вспоминал в эпизоде отречения у костра» (*Седакова О.* [О Вен. Ерофееве]. С. 101).

45.14 С. 108. *…если б испытывали теперь меня, я предал бы Его до семижды семидесяти раз, и больше бы предал…* —

«Семижды семьдесят» взяты из Нового Завета, где они непосредственно связаны с апостолом-«предателем» Петром: «Тогда Петр приступил к Нему и сказал: „Господи! Сколько раз прощать брату моему, согрешающему против меня? До семи ли раз?“ Иисус говорит ему: „Не говорю тебе: до семи раз, но до семижды семидесяти раз“» (Мф. 18: 21–22).

В целом — имитация библейской поэтики типа: «Искушали Меня отцы ваши, испытывали Меня, и видели дела Мои сорок лет» (Евр. 3: 9); «Ангелу Ефесской церкви напиши: так говорит Держащий семь звезд в деснице Своей, Ходящий посреди семи золотых светильников: знаю дела твои, и труд твой, и терпение твое, и то, что ты не можешь сносить развратных, и испытал тех, которые называют себя апостолами, а они не таковы, и нашел, что они лжецы…» (Откр. 2: 1–2).

У Мандельштама есть ситуация допроса в

сочетании с упоминаниями имен классиков марксизма-ленинизма («Если б меня наши враги взяли…», 1937).

45.15 С. 109. — *Какой еще василек? — со злобою спросил один.*

– Да конфеты, конфеты «Василек»… и орехов двести грамм, я младенцу их вез… —

Конфеты «Василек» — см. 37.19.

Деталь «скромный гостинец пьяненького отца для любимого чада» в сочетании с темой смерти/гибели встречается, например, у Достоевского. В сцене поминок по Мармеладову Катерина Ивановна рассказывает о своем покойном муже:

«Покойник муж, действительно, имел эту слабость [выпить], и это всем известно <…> но это был человек добрый и благородный, любивший и уважавший семью свою <…> Вообразите, Родион Романович, в кармане у него пряничного петушка нашли: мертво-пьяный идет, а про детей помнит.

— Пе-туш-ка? Вы изволили сказать: пе-туш-ка? — крикнул провиантский господин» («Преступление и наказание», ч. 5, гл. 2).

45.16 *Один размахнулся — и ударил меня по щеке… —*

Очередное сравнение Венички с Христом: «Когда Он сказал это, один из служителей, стоявший близко, ударил Иисуса по щеке, сказав: так отвечаешь Ты первосвященнику?» (Ин. 18: 22).

45.17 *Беги, Веничка, хоть куда-нибудь, все равно куда!.. <…> Беги, Веничка, беги!.. —*

Трансформация мотива «встань и иди» во «встань и беги» тоже обусловлена библейскими текстами: «И теперь, сын мой, послушайся слов моих, встань, беги [в Месопотамию] к Лавану, брату моему, в Харран» (Быт. 27: 43); «Итак, беги в свое место; я хотел почтить тебя, но вот, Господь лишает тебя чести» (Числ. 24: 11); «И опять кричал Ионафан вслед отроку: скорей беги, не останавливайся» (1 Цар. 20: 38); «…и возьми сосуд с елеем, и вылей на голову его, и скажи: „так говорит Господь: помазую тебя в царя над Израилем“. Потом отвори дверь, и беги, и не жди» (4 Цар. 9: 3); «Беги, возлюбленный мой; будь подобен серне или молодому оленю на горах бальзамических!» (Песн. 8: 14); «Ангел Господень является во сне Иосифу и говорит: встань, возьми Младенца и Матерь Его и беги в Египет, и будь там, доколе не скажу тебе, ибо Ирод хочет искать Младенца, чтобы погубить Его» (Мф. 2: 13).

46. Петушки. Кремль. ПамЯтник Минину и Пожарскому

46.1 С. 109. *Кремль.* —

Естественно, речь идет о Московском Кремле — в Петушках, так как это новый город, кремля нет.

46.2 *Памятник Минину и Пожарскому* —

см. 38.16. Замечу, что на памятнике, по замыслу Мартоса, запечатлен момент передачи Пожарскому Мининым меча как символа борьбы за освобождение русской земли от интервентов. Здесь этот парный монумент с изображением процесса передачи холодного оружия косвенно соотносится с другой московской парной скульптурой, тоже снабженной холодным оружием, — «Рабочим и колхозницей» Мухиной (43.11).

Памятник фигурирует в различных текстах — у Некрасова: «Достойный град! Там Минин и Пожарский / Торжественно стоят на площади» («Петербургское послание», 1859); у Саши Черного: «Памятник Минину и Пожарскому — против пассажа. Одна из фигур Минин, другая Пожарский. Против — пассаж» («Руководство для гг.

приезжающих в Москву», 1909).

46.3 С. 109. *Куда все вымерли? —*

Пророк предрекал наказание Господне: «И удалит Господь людей, и великое запустение будет на этой земле» (Ис. 6: 12).

46.4 *…это же райсобес… Петушинский райсобес… —*

Райсобес — районное учреждение, ведающее социальным обеспечением граждан; решает вопросы, связанные с пенсиями, пособиями и т. п. Кремль, с которым Веничка путает петушинский райсобес, тоже, по сути своей, отдел социального обеспечения, только побольше.

46.5 С. 110. *Я выскочил на площадь, устланную мокрой брусчаткой… —*

Собственно Красная площадь в тексте поэмы не фигурирует, однако именно брусчатка сигнализирует о том, что Веничка находится не в Петушках, где нет и никогда в советское время не было площадей, покрытых брусчаткой, а в центре Москвы, именно на Красной площади. (Брусчатка, на которую выскакивает Веничка, была уложена в 1931 г. во время капитальной реконструкции площади.)

46.6 *А если Он никогда моей земли не покидал, если всю ее исходил босой и в рабском виде, — Он это место обогнул и прошел стороной. —*

Аллюзия на хрестоматийное стихотворение Тютчева:

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа —

Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!
<…>
Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил благословляя.

(«Эти бедные селенья…», 1855)

Тютчевский текст является одним из классических примеров «идеологической» (в данном случае славянофильской) лирики; к нему апеллировали как поэты, так и прозаики «ерофеевского» круга. Брюсов писал в свое время:

Поля, где с краю и до краю
Шел «в рабском виде» Царь Небес,

Любя, дрожа, благословляю:
Здесь я родился, здесь воскрес!

(«Признание», 1918)

И Горький писал:

«Кое-кто говорил о страданиях народа, о разорении деревни, говорилось и о „разврате“, который вносит в деревню фабрика, и на одном заседании какой-то толстоголовый человек читал басом стихи:

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил благословляя.

Я знал, что это неверно, о пребывании Христа в России Евангелие не говорит. Мне казалось, что большинство „представителей прессы“ относится к съезду скептически и шумливо, вообще — несерьезно. Я тоже усвоил это настроение» (*Горький М.* О литературе. М., 1957. С. 487).

У Розанова:

«Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный

Исходил благословляя.

<…>

Удивительное сходство с евреями. Удивительное до буквальности. Историки просмотрели, а славянофилы не догадались, что это вовсе не „отречение от власти“ народа, до такой степени уж будто бы смиренного, а — неумелость власти, недаровитость к ней или, что лучше и даже превосходно до естественности: что это прекрасный дар жить улицею, околодочком, и — не более, не грешнее» («Апокалипсис нашего времени» («Немножко и радости»));

«[Цитируются вторая и третья строфы стихотворения Тютчева «Эти бедные селенья…».] Хорошие стихи. И счастливо было пропеть их. Но каково-то в самом деле, в самой вещи и реальности было „проходить“, и века; проходить и пронести в таком виде и положении „рабском“ русскому народу, целым губерниям» («Апокалипсис нашего времени» («Христос между двух разбойников»)).

46.7 С. 110. *Он… ночевал там при свете костра… —*

Имеется в виду отдых Христа в Гефсиманском саду ночью перед арестом.

46.8 С. *...я во многих тамошних душах замечал следы Его ночлега — пепел и дым Его ночлега. Пламени не надо, был бы хоть пепел... —*

Пепел встречается у Ходасевича — в пределах одного текста сочетаются мотивы и образы пепла в сердце, чаши вина и смерти:

В тихом сердце – едкий пепел,
В темной чаше – тихий стон.
Кто из темной чаши не пил,
Если в сердце – едкий пепел,
Если в чаше – тихий сон?

Все ж вина, что в темной чаше,
Сладким зельем не зови.
Жаждет смерти сердце наше, —
Но, склонясь над общей чашей,
Уст улыбки не криви!

Пей, да помни: в сердце – пепел,
В чаше – долгий, долгий сон!
Кто из темной чаши не пил,
Если в сердце – тайный пепел,
Если в чаше – тихий сон?

(«В тихом сердце — едкий пепел...» 1908)

46.9 *…Сколько раз я проходил по Москве, вдоль и поперек, в здравом уме и в бесчувствиях… —*
См. 46.6.

46.10 *Неисповедимы Твои пути… —*
Вариант пословицы «Пути Господни неисповедимы», то есть замысел и промысел Бога невозможно предугадать. В Новом Завете есть: «О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия! как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его!» (Рим. 11: 33). В русской идиоматике фраза звучит несколько иначе: «Неисповедимы пути Твои, Господи».

46.11 *…добрел до Кремлевской стены — и рухнул. —*
Кремлевские стены неизменно вызывают не только патриотические, но и похоронные ассоциации, поскольку на Красной площади у кремлевской стены расположены могилы коммунистических лидеров, героев войны и труда, о чем сказано у Маяковского:

А у стен,
с Кремля под уклон,
спят вожди
от трудов,

от ран.

(«Октябрь (1917–1926)», 1926)

У кремлевской стены в Александровском саду находится Могила Неизвестного солдата. В связи с этим неизбежно возникают ассоциации с именем Мандельштама и его полузапрещенными в советское время «Стихами о неизвестном солдате» (1937); у того же Мандельштама есть сочетание мотива смерти и темы Красной площади:

Да, я лежу в земле, губами шевеля,
И то, что я скажу, заучит каждый школьник:
На Красной площади всего круглей земля
И скат ее твердеет добровольный.

На Красной площади земля всего круглей,
И скат ее нечаянно-раздольный,
Откидываясь вниз – до рисовых полей, —
Покуда на земле последний жив невольник.

(«Да, я лежу в земле, губами шевеля…», 1935)

46.12 С. 110. *Мне не нужна дрожь, мне нужен покой, — вот все мои желания. —*

Ближайшая параллель — с уставшим Пушкиным:

> *Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит —*
> *Летят за днями дни, и каждый час уносит*
> *Частичку бытия, а мы с тобой вдвоем*
> *Предполагаем жить… И глядь – как раз – умрем.*
>
> *На свете счастья нет, но есть покой и воля.*
> *Давно завидная мечтается мне доля —*
> *Давно, усталый раб, замыслил я побег*
> *В обитель дальную трудов и чистых нег.*

(«Пора, мой друг, пора!..», 1834)

Вслед за Пушкиным о покое мечтали многие — как в стихах, так и в прозе, в частности Лермонтов: «Я ищу свободы и покоя! / Я б хотел забыться и заснуть!» («Выхожу один я на дорогу…», 1841).

И Блок:

«Пора, мой друг, пора! Покоя сердце просит.

Это — предсмертные вздохи Пушкина, и также — вздохи культуры пушкинской поры.

На свете счастья нет, а есть покой и воля.

Покой и воля. Они необходимы поэту для освобождения гармонии. Но покой и волю тоже отнимают. Не внешний покой, а творческий. Не ребяческую волю, не свободу либеральничать, а творческую волю, — тайную свободу. И поэт умирает, потому что дышать ему уже нечем; жизнь потеряла смысл» («О назначении поэта», 1921).

А также Гумилев:

Нежно-небывалая отрада
Прикоснулась к моему плечу,
И теперь мне ничего не надо,
Ни тебя, ни счастья не хочу.

Лишь одно бы принял я не споря —
Тихий, тихий золотой покой…

(«Нежно-небывалая отрада…», 1918)

И Розанов: «Я не хочу истины, я хочу покоя» («Опавшие листья», короб 1-й).

Дрожь не удовлетворяла и пророков древности: «Сердце мое трепещет; дрожь бьет меня; отрадная ночь моя превратилась в ужас для меня»

(Ис. 21: 4).

46.13 *Пронеси, Господь…* —

Реминисценция молитвы Иисуса в Гефсиманском саду: «Авва Отче! все возможно Тебе; пронеси чашу сию мимо Меня» (Мк. 14: 36).

46.14 *«Беги, Веничка, если сможешь, беги, ты убежишь, они совсем не умеют бегать!»* —

Форсирование мотива «встань и иди» — см. 26.17.

46.15 С. 111. *…я полетел в ту сторону, куда смотрел князь Дмитрий Пожарский…* —

На памятнике Мартоса в его современном расположении (изначально он был установлен непосредственно у Кремлевской стены) у фасада храма Василия Блаженного стоящая фигура Минина с поднятой правой рукой развернута в сторону Кремля, а сидящая фигура Пожарского обращена к Минину лицом. Таким образом, Пожарский смотрит в сторону, противоположную Кремлю, — на восток, то есть туда, где находится Курский вокзал. По направлению же взгляда Минина обычно двигались партийные функционеры: со стороны Старой площади, где располагался ЦК КПСС, через ворота Спасской башни в Кремль, на территории которого нахо-

дятся правительственные учреждения.

47. Москва – Петушки. Неизвестный подъезд

47.1 С. 111. *Неизвестный подъезд.* —

Название главы вызывает ассоциации с могилой — через Могилу Неизвестного солдата в Александровском саду близ Кремлевской стены (могила была открыта 3 декабря 1966 г.). Здесь замыкается кольцевая композиция поэмы (4.17). Цикличность вхождений в подъезд одного и того же дома и подъемов по лестнице связана с Раскольниковым: «Дойдя до поворота во вчерашнюю улицу, он с мучительною тревогой заглянул в нее, на тот дом» («Преступление и наказание», ч. 2, гл. 1); «Он поднял голову и увидал, что стоит у того дома, у самых ворот. С того вечера он здесь не был и мимо не проходил. Неотразимое и необъяснимое желание повлекло его. Он вошел в дом <…> и стал подниматься по знакомой лестнице в четвертый этаж. На узенькой и крутой лестнице было очень темно. Он останавливался на каждой площадке и осматривался с любопытством. <…> Поколебавшись немного, он поднялся по последним ступенькам» (ч. 2, гл. 6).

47.2 С. 111. *…до самого последнего мгновения я еще рассчитывал от них спастись. И когда вбежал в неизвестный подъезд и дополз до самой верхней площадки и снова рухнул — я все еще надеялся… «О, ничего, ничего, сердце через час утихнет, кровь отмоется, лежи, Веничка, лежи до рассвета, а там на Курский вокзал… Не надо так дрожать, я же тебе говорил, не надо…»*

Сердце билось так, что мешало вслушиваться, и все-таки я расслышал: дверь подъезда внизу медленно приотворилась и не затворялась мгновений пять… —

Ситуация «герой в подъезде / на лестнице в предчувствии смерти, в состоянии страха» восходит к «Преступлению и наказанию»:

«С замиранием сердца и нервною дрожью подошел он [Раскольников] к преогромнейшему дому <…> Молодой человек <…> неприметно проскользнул сейчас же из ворот направо на лестницу. Лестница была темная и узкая, „черная“, но он все уже это знал и изучил, и ему вся обстановка нравилась» (ч. 1, гл. 1); «На цыпочках подошел он к двери, приотворил ее тихонько и стал прислушиваться вниз на лестницу. Сердце его страшно билось. <…>

Он уже был на лестнице…

Переведя дух и прижав рукой стукавшее сердце <…> он стал осторожно и тихо подниматься на лестницу. Но и лестница на ту пору стояла совсем пустая; все двери были заперты; никого-то не встретилось. <…>

Он задыхался. <…> „…Не подождать ли еще… пока сердце перестанет?..“ Но сердце не переставало. Напротив, как нарочно, стучало сильней, сильней, сильней…» (ч. 1, гл. 6);

«Он снял запор, отворил дверь и стал слушать на лестницу.

Долго он выслушивал. <…> Он уже хотел выйти <…> Он уже ступил было шаг на лестницу, как вдруг опять послышались чьи-то новые шаги.

Эти шаги послышались очень далеко, еще в самом начале лестницы, но он очень хорошо и отчетливо помнил, что с первого же звука, тогда же стал подозревать почему-то, что это непременно *сюда*, в четвертый этаж <…> Шаги были тяжелые, ровные, неспешные. Вот уж он прошел первый этаж, вот поднялся еще; все слышней и слышней! <…> Сюда! И вдруг показалось ему, что он точно окостенел, что это точно во сне, когда снится, что догоняют, близко, убить хотят, а сам точно прирос к месту и руками пошевелить нельзя.

<…>

…В то же самое мгновение несколько человек, громко и часто говоривших, стали шумно подниматься на лестницу. Их было трое или четверо» (ч. 1, гл. 7);

«[Сон Раскольникова:] Двумя лестницами выше слышались еще чьи-то мерные, неспешные шаги. Странно, лестница была как будто знакомая! <…> Ба! Это та самая квартира <…> Как же он не узнал тотчас? <…> Вот и третий этаж; идти ли дальше? И какая там тишина, даже страшно… Но он пошел. Шум его собственных шагов его пугал и тревожил. Боже, как темно! <…> Он стоял и ждал, долго ждал, и чем тише был месяц, тем сильнее стукало его сердце, даже больно становилось. И все тишина. <…> Он бросился бежать, но вся прихожая уже полна людей <…> и на площадке, на лестнице и туда вниз — всё люди, голова с головой, все смотрят, — но все притаились и ждут, молчат… Сердце его стеснилось, ноги не движутся, приросли…» (ч. 3, гл. 6).

По стопам Раскольникова шел и герой Гамсуна: «И я стал подыматься по лестнице. Сердце мое колотилось» («Голод», гл. 3).

47.3 С. 111. *Это уже не «талифа куми»… это лама савахфани. То есть: «Для чего, Господь, Ты меня оставил?» —*

Цитата из Нового Завета, из сцены казни Христа: «А около девятого часа возопил Иисус громким голосом: Или, Или! лама, савахфани? то есть: Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» (Мф. 27: 46; см. также Мк. 15: 34). Восклицания Христа, в свою очередь, восходят к Ветхому Завету, к псалмам Давида: «Боже мой! Боже мой! для чего Ты оставил меня? Далеки от спасения моего слова вопля моего. Боже мой! я вопию днем, — и Ты не внемлешь мне, ночью — и нет мне успокоения» (Пс. 21: 2–3).

До Венички на то же сетовал Розанов: «Боже, Боже, зачем Ты забыл меня? Разве Ты не знаешь, что всякий раз, как Ты забываешь меня, я теряюсь» («Уединенное», 1912). Использовал библейский текст и Есенин:

Навсегда простер глухие длани
Звездный твой Пилат.
Или, Или, лама савахфани,
Отпусти в закат.

(«Проплясал, проплакал дождь весенний…», 1917)

У весельчака Рабле «лама савахфани» эксплуатируется в пародийном ключе:

«Рассмотрев кольцо, они [Панург и Пантагрюэль] обнаружили на внутренней его стороне надпись на еврейском языке:

ЛАМА САВАХФАНИ.

Тогда они позвали Эпистемона и спросили, что это значит.

Эпистемон им ответил, что это слова еврейские и означают они: „Для чего ты меня оставил?“

Панург живо смекнул:

— Я понимаю, в чем дело. Видите этот бриллянт? Он фальшивый. Вот вам и объяснение того, что хочет сказать дама: Неверный! Для чего меня оставил ты?

Пантагрюэль тотчас догадался — он вспомнил, что перед отъездом не успел попрощаться со своей дамой, и это его опечалило» («Гаргантюа и Пантагрюэль», кн. 2, гл. 24).

Кстати, у того же Рабле Франсуа Виллон разыгрывает мистерию Страстей Господних, к которым обращается и Веничка; в основу описания этого фарса лег один из анекдотов из жизни легендарного поэта («Гаргантюа и Пантагрюэль», кн. 4, гл. 13).

47.4 *Господь молчал. —*

В Ветхом Завете пророк восклицает: «После этого будешь ли еще удерживаться, Господи, будешь

ли молчать и карать нас без меры?» (Ис. 64: 12).

47.5 *…верхняя половина, от пояса, осталась как бы живою, и стояла у рельсов, как стоят на постаментах бюсты разной сволочи. —*

Имеются в виду многочисленные бюсты (чаще всего бронзовые), установленные практически во всех городах СССР в честь партийных деятелей, героев войны и труда. Также в начале «Анны Карениной» Льва Толстого поездом задавило сторожа: «– Вот смерть-то ужасная! — сказал какой-то господин, проходя мимо. — Говорят, на два куска» (ч. 1, гл. 18).

47.6 *…со смертной истомой в сердце. —*

См. у Пастернака: «Смягчив молитвой смертную истому, / Он вышел за ограду» («Гефсиманский сад», 1949).

Вообще же, «(пред)смертная истома (в сердце)» — поэтический штамп. Встречается, например, у Фета: «О ночь осенняя, как всемогуща ты / Отказом от борьбы и смертною истомой!» («Устало все кругом: устал и цвет небес…», 1889); и у Брюсова: «[Сердце] жалось в предсмертной истоме» («Мы в лодке вдвоем, и ласкает волна…», 1905); и у Ахматовой — о Блоке: «Когда он Пушкинскому Дому, / Прощаясь, помахал рукой / И принял смертную

истому / Как незаслуженный покой» («Воспоминания о Блоке», 1946, 1965).

47.7 С. 112. *…теперь небесные ангелы надо мной смеялись. —*

Совмещение детской темы (вещий младенец с конфетой) с «предательством ангелов» и «смертным часом» есть у Гиппиус:

Ангелы со мной не говорят.
Любят осиянные селенья,
Кротость любят и печаль смиренья.
Я же не смиренен и не свят…
<…>
Спрашиваю я про смертный час.
Мой младенец, хоть и скромен, – вещий.
Знает многое про эти наши вещи.
Что, скажи-ка, слышал ты о нас?

Что это такое – смертный час?

Темный ест усердно леденец.
Шепчет весело: «И все ведь жили.
Смертный час пришел – и раздавили.
*Взяли, раздавили – и конец».

(«А потом..?», 1893)

Также в финале оперы Гуно «Фауст», в сцене смерти Маргариты, звучит хор ангелов, сладкими голосами поющих о спасении души. А в финале «Мефистофеля» Бойто ангелы-херувимы поют хором над умирающим Фаустом. Поют ангелы и в финалах «Демона» (8.14, 15.19) Рубинштейна и «Орлеанской девы» (29.4) Чайковского.

47.8 С. 112. *…они, все четверо, подымались босые и обувь держали в руках — для чего это надо было? —*

Помимо чисто практических соображений (чтобы не услышали), убийцы еще и выполняют завет Господа, данный Моисею из неопалимой купины: «Не подходи сюда; сними обувь твою с ног твоих; ибо место, на котором ты стоишь, земля святая» (Исх. 3: 5; см. также Нав. 5: 15).

47.9 *Они даже не дали себе отдышаться — и с последней ступеньки бросились меня душить, сразу пятью или шестью руками; я, как мог, отцеплял их руки и защищал свое горло, как мог. —*

Здесь сбывается Веничкино предчувствие из главы «Никольское — Салтыковская» (15.6) и форсируется мотив удушения.

47.10 *…один из них, с самым свирепым и классическим профилем, вытащил из кармана громадное шило с деревянной рукояткой; может быть, даже не шило, а отвертку или что-то еще — я не знаю. —*

В контексте восприятия четверки убийц как классиков марксизма-ленинизма (45.12) этот «один из них» не кто иной, как Сталин — самый свирепый и кровожадный из квартета; он к тому же был сыном сапожника и вполне мог унаследовать от отца сапожное шило.

47.11 *…они пригвоздили меня к полу… —*

Пригвождение к полу здесь, естественно, отсылает к распятию, то есть пригвождению к кресту, Христа: «И когда пришли на место, называемое Лобное, там распяли Его» (Лк. 23: 33; см. также Ин. 19: 17–18).

Из поэтов систематически «пригвождал» своих иисусоподобных лирических героев Белый:

Острым тернием лоб увенчайте!
Обманул я вас песнью своей.
Распинайте меня, распинайте.
Знаю – жаждете крови моей.

На кресте пригвожден. Умираю.

На щеках застывает слеза.

(«Возмездие» (3), 1901)

Или:

Пусть к углу сырой палаты
Пригвоздили вновь меня:

Улыбаюсь я, распятый —
Тьмой распятый в блеске дня.
<…>
Гуще тени. Ярки звуки.
И потоки тьмы.

Распластал бесцельно руки
На полу моей тюрьмы.

(«Успокоение» (2), 1905)

47.12 *Они вонзили мне свое шило в самое горло… —*

Разрешение мотива закалывания и отсылка к финалу «Процесса» Кафки, где к главному герою К. являются два господина, чтобы его убить. Действие финала происходит темным вечером. К. уводит своих палачей за город, в неизвестную местность:

«К. признался себе, что ждал не таких посети-

телей. Он подошел к окну и еще раз посмотрел на темную улицу. <…>

Оба господина хотели взять К. под руки уже на лестнице <…>

…У самых ворот они повисли на нем, как еще ни разу в жизни никто не висел. <…>

Оба господина посадили К. на землю, прислонили к стене и уложили головой на камень. <…> Потом первый господин расстегнул сюртук и вынул из ножен, висевших на поясном ремне поверх жилетки, длинный, тонкий, обоюдоострый нож мясника и, подняв его, проверил на свету, хорошо ли он отточен. <…>

…На его [К.] горло легли руки первого господина, а второй вонзил ему нож глубоко в сердце и повернул его дважды» («Процесс», гл. 10).

Попутно замечу, что кафкинскому К. 31 год («Процесс», гл. 10), что сопоставимо с возрастом Венички, которому «стукнуло тридцать минувшей осенью» («Черное — Купавна»).

Ситуация закалывания встречается у поэтов — например, у Эренбурга:

Пошел – монастырский двор,
И двери раскрыты к вечерне.
Маленький черт

Шилом колет соперника.
Все равно!
Пил тяжелое туренское вино.

(«Над книгой Вийона», 1915)

И у Ходасевича:

А я останусь тут лежать —
Банкир, заколотый апашем, —
Руками рану зажимать,
Кричать и биться в мире вашем.

(«Из дневника», 1921)

В связи с устойчивым мотивом Гефсиманского сада здесь также можно вспомнить стихи Сологуба, обращенные к Мадонне: «Завидишь сени Гефсиманского сада — / Сама вонзи себе в сердце нож» («Милая мать, ты — Мадонна…», 1918).

Коль скоро в «Москве — Петушках» наличествуют отсылки к оперной классике (6.4, 6.8), напомню, что закалыванием или зарезыванием кого-либо из основных персонажей заканчивается большое количество опер: «Паяцы» Леонковалло (6.8); «Мадам Баттерфляй» («Madam Butterfly», 1904), «Тоска» («Tosca», 1899) и «Турандот» («Turandot», 1924) Пуччини; «Отелло»

(«Otello», 1886) и «Эрнани» («Ernani», 1844) Джузеппе Верди; «Кармен» («Carmen», 1875) Жоржа Бизе; «Вражья сила» (1870) А. Серова; «Мазепа» (1883), «Чародейка» (1887) и «Пиковая дама» (1890) Чайковского; «Царская невеста» (1898) Римского-Корсакова.

48. На кабельных работах в Шереметьево, осенью 69 года

48.1 С. 112. *На кабельных работах… осень 69 года. —*

В мемуарной литературе читаем: «В 60-х годах Ерофеев трудился кабельщиком-спайщиком в специализированном управлении связи (СУС-5) треста № 8 Государственного комитета по газовой промышленности СССР. Работа была разъездной, ездить приходилось в основном по средней полосе России» (*Шталь Е.* Орловские страницы Венедикта Ерофеева // Орловская правда. 2004. 30 июня).

Что касается времени написания поэмы, то, если верить признаниям самого Венедикта Ерофеева, данная дата является мистификацией, допущенной из желания придать описываемым событиям лирическую сиюминутность. Действительной датой написания в ерофееведении принято считать 19 января — 6 марта 1970 г. — эти числа приведены Ерофеевым в черновике его письма к переводчице «Москвы — Петушков» на венгерский язык (Венедикт Ерo-

феев. Биография в цитатах // Новое литературное обозрение. 1996. № 18. С. 156). Причем Ерофеев возлагал ответственность за неверную датировку на иерусалимский журнал «Ами», впервые опубликовавший поэму: «Во всех изданиях с легкой руки Израильского издательства она [дата написания] указана неверно» (Там же). В другом месте Ерофеев также называет сходную дату: «Зимой семидесятого, когда мы мерзли в вагончике, у меня появилась мысль о поездке в Петушки, потому что ездить туда было запрещено начальством, а мне страсть как хотелось уехать. Вот я <…> „Москва — Петушки“ так начал. И примерно в последних числах января, а кончил примерно второго-третьего марта» («Сумасшедшим можно быть в любое время»… С. 422).

Литература

Авдиев И. [О Вен. Ерофееве] // Театр. 1991. № 9. С. 103–116.

Авдиев И. Из воспоминаний о Венедикте Ерофееве // Деловой мир. 1991. № 167–168. С. 15.

Авдиев И. Что мы должны Веничке? Заметки героя романа «Москва — Петушки» // Независимая газета. 1995. 2 декабря. С. 8.

Авдиев И. Предисловие [к публикации: *Ерофеев В.* Последний дневник] // Новое литературное обозрение. 1996. № 18. С. 161–168.

Авдиев И. Клюква в сахаре // Новое литературное обозрение. 1996. № 21. С. 276–287.

Аксенов В. Ожог. Анн-Арбор: Ardis, 1980.

Алтаев А. Памятные встречи. М.: ГИХЛ, 1957.

Альми И. Еще об одном источнике замысла романа «Преступление и наказание» // Русская литература. 1992. № 2. С. 95–100.

Альтшуллер М. «Москва — Петушки» Венедикта Ерофеева и традиции классической поэмы // Новый журнал. 1982. № 146. С. 75–85.

Амальрик А. Записки диссидента. Анн-Арбор: Ardis, 1982.

Английские и шотландские баллады / Пер. С.

Маршака. М.: Наука, 1973.

Андреев Л. Избранное. М.: ГИХЛ, 1958.

Анненков Ю. Дневник моих встреч: В 2 т. Вашингтон: МЛС, 1966.

Анненский И. Стихотворения и трагедии. Л.: Сов. пис., 1959.

Аннинский Л. Спасительная чертовщина: К выходу полного собрания сочинений Венедикта Ерофеева // Московские новости. 1995. № 75. С. 24.

Античная драма. М.: Худож. лит., 1970.

Антонов-Овсеенко А. Портрет тирана. Нью-Йорк, 1980.

Антонович А. Многосемейная хроника. Париж: YMCA-Press, 1980.

Асеев Н. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. пис., 1967.

Ахматова А. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. пис., 1976.

Ашукин Н., Ашукина М. Крылатые слова. Литературные цитаты, образные выражения. М.: Современник, 1996.

Бабель И. Сочинения: В 2 т. М.: Худож. лит., 1990.

Байрон Дж. Паломничество Чайльд-Гарольда. Дон Жуан. М.: Худож. лит., 1972.

Байрон Дж. Собр. соч.: В 3 т. М.: Худож. лит.,

1974.

Бальзак О. де. Собр. соч.: В 10 т. М.: Худож. лит., 1982–1987.

Бальмонт К. Стихотворения. Переводы. Статьи. М.: Худож. лит., 1980.

Баратынский Е. Полн. собр. стихотворений. Л.: Сов. пис., 1957.

Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1990.

Белинский В. Собр. соч.: В 9 т. М.: Худож. лит., 1976–1982.

Белый А. Сочинения: В 2 т. М.: Худож. лит., 1990.

Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж: YMCA-Press, 1955.

Библиотека русского фольклора: В 12 т. М.: Сов. Россия, 1988.

Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1960–1963.

Боборыкин Л. Воспоминания: В 2 т. М.: ГИХЛ, 1965.

Брюсов В. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. пис., 1961.

Булгаков М. Собр. соч.: В 5 т. М.: Худож. лит., 1989–1990.

Бунин И. Собр. соч.: В 5 т. М.: Правда, 1956.

Быковцева Л. Горький в Италии. М.: Сов. пис.,

1975.

Былины. Л.: Советский писатель, 1957.

Бялый Г. В. М. Гаршин. Л.: Просвещение, 1969.

Вайль П., Генис А. Литературные мечтания: Очерк русской прозы с картинками // Часть речи (New York: Серебряный век). 1980. № 1. С. 204–232.

Вайль П., Генис А. Потерянный рай // Новый мир. 1992. № 9. С. 135–165.

Вайль П., Генис А. Страсти по Ерофееву // Эхо (Paris). 1978. № 4. С. 109–117. Также опубликовано: 1) *Вайль П., Генис А.* Современная русская проза. Анн-Арбор: Эрмитаж, 1982. С. 41–50; 2) *Ерофеев В.* Глазами эксцентрика. Нью-Йорк: Серебряный век, 1982. С. 51–63; 3) Книжное обозрение. 1992. 14 февраля. С. 8–9.

Вайль П., Генис А. 60-е: Мир советского человека. Анн-Арбор: Ardis, 1988.

Венедикт Ерофеев. Биография в цитатах / Сост. И. Авдиев // Новое литературное обозрение. 1996. № 18. С 150–160.

Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. М.: Худож. лит., 1971.

Вересаев В. Гоголь в жизни. М.: Моск. рабочий, 1990.

Вийон Ф. Стихи / Пер. Ф. Мендельсона и И. Эренбурга. М.: ГИХЛ, 1963.

Власов Э. Заграница глазами эксцентрика: К анализу «заграничных глав» «Москвы — Петушков» // Venedikt Erofeev's Moscow — Petushki: Critical Perspectives / Ed. by K. Ryan-Hayes (Middlebury Studies in Russian Language and Literature. Vol. 14). N.Y.: Peter Lang Publ., 1997.

Внеочередной XXI съезд КПСС. Стенографический отчет: В 2 т. М.: Политиздат, 1959.

Войнович В. Расстояние в полкилометра // Новый мир. 1963. № 2. С. 186–197.

XVIII съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М.: Политиздат, 1939.

Всемирная история: В 13 т. М.: Политиздат, 1955–1983.

Всеобщая история, обработанная «Сатириконом». М.: Наука, 1993.

Высоцкий В. Поэзия и проза. М.: Кн. палата, 1989.

Гайсер-Шнитман С. Венедикт Ерофеев. «Москва — Петушки», или «The Rest is Silence» // Slavica Helvetica. Bd. 30. Bern; Frankfurt-am-Main; New York; Paris: Peter Lang, 1989.

Галич А. Генеральная репетиция. М.: Сов. пис., 1991.

Галковский Дм. Поэзия советская. Из материалов к «Энциклопедии Высоцкого» // Новый мир.

1992. № 5. С. 204–225.

Гамсун К. Собр. соч.: В 6 т. М.: Худож. лит., 1991.

Гаспаров Б. Из наблюдений над мотивной структурой романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Slavica Hierosolymitana. 1978. № 3. С. 198–251.

Гашек Я. Похождения бравого солдата Швейка. Харьков: Прапор, 1980.

Гегель Г. В. Ф. Наука логики: В 3 т. М.: Мысль, 1970–1972.

Гегель Г. В. Ф. Сочинения: В 14 т. М.; Л., 1929–1959.

Генис А. Благая весть: Венедикт Ерофеев // Звезда. 1997. № 6. С. 227–229.

Генис А. Лук и капуста: Парадигмы современной культуры // Знамя. 1994. № 8. С. 196–200.

Генис А. Обживая хаос: Русская литература в конце XX века // Континент-94. 1997. С. 277–295.

Гербель Н. Немецкие поэты в биографиях и образцах. СПб., 1877.

Герцен А. Собр. соч.: В 30 т. М.: АН СССР, 1954–1966.

Гёте И. В. Собр. соч.: В 10 т. М.: Худож. лит., 1975–1980.

Гиппиус З. Стихотворения. Живые лица. М.: Худож. лит., 1991.

Гоголь Н. Собр. соч.: В 4 т. М.: Правда, 1964.

Гоголь в воспоминаниях современников. М.: ГИХЛ, 1952.

Гомер. Илиада / Пер. Н. Гнедича. М.: Худож. лит., 1978.

Гомер. Одиссея / Пер. В. Жуковского. М.: Худож. лит., 1981.

Гончаров И. Обломов. Л.: Наука, 1987.

Города России. Энциклопедия. М.: Бол. Рос. энцикл., 1994.

Горький М. О литературе. М.: ГИХЛ, 1957.

Горький М. Собр. соч.: В 30 т. М.: ГИХЛ, 1949–1955.

Грибоедов А. Сочинения в стихах. Л.: Сов. пис., 1987.

Гумилев Н. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. пис., 1988.

Гущина Т. Как только пройдут холода…: О неизвестных подробностях из жизни Венедикта Ерофеева рассказывают его письма к сестре // Российская газета. 1992. 25 июля. С. 4.

Гущина Т. [Предисловие к публикации: *Ерофеев В.* Письма к сестре] // Театр. 1992. № 9. С. 122–124.

Данте А. Божественная комедия / Пер. М. Лозинского. М.: Моск. рабочий, 1986.

Дарк О. В. В. Е., или Крушение языков // Новое литературное обозрение. 1997. № 25. С. 246–262.

Дарк О. Мир может быть любой: Размышления о «новой прозе» // Дружба народов. 1990. № 6. С. 223–235.

Дарк О. Миф о прозе // Дружба народов. 1992. № 5. С. 219–234.

Ф. Дзержинский. Биография. М.: Политиздат, 1977.

Диоген Лаэртий. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1979.

Довлатов С. Невидимая книга. Анн-Арбор: Ardis, 1977.

Довлатов С. Чемодан. Л.: Сов. пис., 1991.

Достоевский Ф. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

Евтушенко Е. Собр. соч.: В 3 т. М.: Худож. лит., 1983–1984.

Ерофеев В. Записная книжка от 22.11.1973: Фрагменты / Публ. Г. Ерофеевой // Театр. 1991. № 9. С. 117–118.

Ерофеев В. Из записных книжек // Знамя. 1995. № 8. С. 166–177.

Ерофеев В. Письма к сестре [Тамаре Гущиной] / Публ. Т. Гущиной // Театр. 1992. № 9. С. 122–144.

Ерофеев В. Последний дневник: Октябрь 1989 г. — март 1990 г. / Публ. И. Авдиева // Новое литературное обозрение. 1996. № 18. С. 169–198.

Ерофеева Г. «И природа чешет в затылке» // Столица. 1991. № 30. С. 62–63.

Ерофеева Г. [О Вен. Ерофееве] // Театр. 1989. № 9. С. 87–89.

Ерофеева Г. Послесловие [к публикации: *Ерофеев В.* Моя маленькая Лениниана] // Юность. 1993. № 1. С. 60.

Ерофеева Г. Это не воспоминания, это жизнь // Чарка. 1993. № 3. С. 13.

Есенин С. Собр. соч.: В 5 т. М.: ГИХЛ, 1962.

Есть магнитофон системы «Яуза»...: Сборник текстов магнитиздата. Калуга: Калужский обком ВЛКСМ, Клуб самодеятельной песни, 1991.

Женевские конвенции о защите жертв войны. М.: Политиздат, 1954.

Жизнь вне цензуры: Интервью [с Венедиктом Ерофеевым] // Человек и природа. 1989. № 10. С. 50–60.

«Жить в России с умом и талантом...»: Беседа [с Венедиктом Ерофеевым] / Записал Леонид Прудовский. 1991. № 4, апрель. С. 236–250.

Земляной С. «Пусть все видят, что я взволнован»: о дискурсе поэмы Венедикта Ерофеева «Москва — Петушки» // Независимая газета. 1998. 4 июня. С. 14.

Зиник З. Двуязычное меньшинство // Синтаксис. 1988. № 22. С. 185–198.

Зиник З. Эмиграция как литературный прием // Синтаксис. 1983. № 11. С. 167–187.

Злобин В. Тяжелая душа. Вашингтон, 1970.

Зощенко М. Избранное: В 2 т. Л.: Худож. лит., 1978.

Иванов В. Собр. соч.: В 4 т. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1971–1987.

Игнатова Е. Венедикт // Нева. 1993. № 1. С. 217–234.

Иллюстрированная полная популярная библейская энциклопедия. Труд и издание Архимандрита Никифора. Свято-Троице-Сергиева лавра, 1990.

Ильф И. Письма из Америки (1935–1936) // Новый мир. 1961. № 12. С. 161–189.

Ильф И., Петров Е. Собр. соч.: В 5 т. М.: ГИХЛ, 1961.

История Коммунистической партии Советского Союза. М.: Политиздат, 1973.

«Как только пройдут холода…»: О неизвестных подробностях из жизни Венедикта Ерофеева рассказывают его письма к сестре // Российская газета. 1992. 25 июля. С. 4.

Кант И. Сочинения: В 6 т. М.: Мысль, 1963–1966.

Катаев В. Трава забвения // Новый мир. 1967. № 3. С. 3–186.

Кафка Ф. Процесс. Замок. Новеллы и притчи. Из дневников. М.: Радуга, 1989.

Кино. Энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1986.

Книги «Тысячи и одной ночи»: В 8 т. М.: ГИХЛ, 1959.

Комлев Н. Приговорки и фразы-реплики. Вып. 19 // Книжное обозрение. 1997. № 36. С. 24.

Комсомольские поэты двадцатых годов. Л.: Сов. пис., 1988.

Копелев Л. И сотворил себе кумира. Анн-Арбор: Ardis, 1978.

Костомаров Н. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Вып. 1. СПб., 1873.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М.: Политиздат, 1970–1989.

Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. М.: Сов. энцикл., 1962–1978.

Кропоткин П. Великая французская революция 1789–1793. Пг.; М., 1922.

Кузмин М. Стихотворения. СПб.: Акад. проект, 1996.

Кунин И. Римский-Корсаков. М.: Мол. гвардия, 1964.

А. И. Куприн о литературе / Сост. Ф. И. Кулешов. Минск, 1969.

Куприн А. Собр. соч.: В 9 т. М.: Правда, 1964.

Курс лекций по истории КПСС. Ч. 1 / Под ред. С. Мурашева. М.: Политиздат, 1965.

Кэрролл Л. Приключения Алисы в стране чудес. Сквозь зеркало и что увидела там Алиса, или Алиса в Зазеркалье / Пер. Н. Демуровой. М.: Наука, 1991.

Лакшин В. Беззаконный метеор // Знамя. 1989. № 7. С. 225–227.

Левин Ю. Классические традиции в «другой» литературе. Венедикт Ерофеев и Федор Достоевский // Литературное обозрение. 1992. № 2. С. 45–50.

Левин Ю. Комментарий к поэме «Москва — Петушки» Венедикта Ерофеева // Materialien zur Russischen Kultur. Bd. 2. Graz, 1996.

Левин Ю. Семиосфера Венички Ерофеева: Сб. статей к 70-летию проф. Ю. М. Лотмана / Отв. ред. А. Мальте. Тарту: Тартуский ун-т, 1992. С. 486–499.

Лен С. Бронзовый век русской культуры (1957–1997) // Литературная газета. 1997. № 15. 16 апреля. С. 14.

Лен С. «Отвяжись, Родина, тебе самой нечего

есть» // Независимая газета. 1991. 4 июня. С. 7.

Лен С. «Рукопись не пропала, она просто-напросто была продана за бутылку…» // Литературные новости. 1995. № 9–10. С. 6.

Ленин В. Полн. собр. соч.: В 55 т. М.: Политиздат, 1958–1965.

Леонтович А. [О Вен. Ерофееве] // Театр. 1991. № 9. С. 96–97.

Лермонтов М. Собр. соч.: В 4 т. М.; Л.: АН СССР, 1961–1962.

Липовецкий М. Апофеоз частиц, или Диалоги с хаосом // Знамя. 1992. № 8. С. 214–224.

Липовецкий М. Закон крутизны // Вопросы литературы. 1991. № 11–12. С. 3–36.

Липовецкий М. «Свободы черная работа»: Об «артистической прозе» нового поколения // Вопросы литературы. 1989. № 9. С. 3–45.

Литературные сказки зарубежных писателей. М.: Дет. лит., 1982.

Лозинская Л. Шиллер. М.: Мол. гвардия, 1960.

Лотман Ю. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Л.: Просвещение, 1980.

Лохвицкая (Жибер) М. Собр. соч.: В 5 т. СПб.: Типогр. Стасюлевича, 1904.

Любчикова Л. [О Вен. Ерофееве] // Театр. 1991. № 9. С. 80–86.

Любчикова Л. «Красив, беден и счастлив в любви» // Столица. 1991. № 30. С. 63.

Людвиг Э. Гёте. М.: Мол. гвардия, 1965.

Мандельштам О. Сочинения: В 2 т. М.: Худож. лит., 1990.

Манфред А. Марат. М.: Мол. гвардия, 1962.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: В 50 т. М.: Политиздат, 1955–1981.

Маяковский В. Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: ГИХЛ, 1955–1961.

Медведев Р. Личность и эпоха: Политический портрет Л. И. Брежнева. М., 1991.

Мей Л. Избранные произведения. Л.: Сов. пис., 1972.

Мережковский Д. Полн. собр. соч.: В 20 т. М.: Типогр. т-ва И. Д. Сытина, 1914.

Мичурин И. Итоги шестидесятилетних трудов по выведению новых сортов плодовых растений. М.: Гос. изд-во сельскохоз. лит., 1934.

Монтень М. Опыты: В 3 кн. М.: Наука, 1979.

Мопассан Г. де. Собр. соч.: В 7 т. М.: Правда, 1977.

Москва. Энциклопедия. М.: Сов. энцикл., 1980.

Муравьев В. «Мы жили весело» // Столица. 1991. № 30. С. 62.

Муравьев В. [О Вен. Ерофееве] // Театр. 1991. № 9.

С. 90–95.

Муравьев В. Предисловие [к поэме «Москва — Петушки»] // Ерофеев В. Москва — Петушки. М.: Прометей, б/д [1989]. С. 5–14. Также опубликовано в издании: *Ерофеев В.* Москва — Петушки. М.: Интербук, 1990. С. 3–12.

Мусоргский М. Письма. М.: Музыка, 1984.

Мусоргский в воспоминаниях современников. М.: Музыка, 1989.

Музыкальная энциклопедия: В 6 т. М.: Сов. энцикл., 1973–1982.

Нагибин Ю. Киносценарии. М.: Искусство, 1980.

Нагибин Ю. Ливень. Кишинев, 1979.

Надсон С. Избранное. М.: Терра — Terra, 1994.

Некрасов В. В Америке // Новый мир. 1962. № 12. С. 110–152.

Некрасов В. Взгляд и нечто. Ч. II // Континент. 1977. № 13. С. 7–82.

Некрасов В. Месяц во Франции // Новый мир. 1965. № 4. С. 102–163.

Некрасов Н. Стихотворения. Поэмы. М.: Худож. лит., 1971.

Немзер А. На кого это он намекает? [Рец. на: Левин 1996] // Сегодня. 1996. 16 апреля. С. 4.

Нечто вроде беседы с Венедиктом Ерофеевым / Запись В. Ломазова // Театр. 1989. № 4. С. 33–34.

Октябрьская буря. М.: Мол. гвардия, 1987.

Октябрьский переворот. Революция 1917 г. глазами ее руководителей. М.: Политиздат, 1991.

Окунев Н. Дневник москвича (1917–1924). Париж: YMCA-Press, 1990.

Орлова Р. Воспоминания о непрошедшем времени. Анн-Арбор: Ardis, 1983.

Островский А. Собр. соч.: В 10 т. М.: ГИХЛ, 1959–1960.

Островский Н. Как закалялась сталь. М.: Рус. яз., 1985.

«От Москвы до самых Петушков»: С писателем Венедиктом Ерофеевым беседует корреспондент «ЛГ» Ирина Тосунян // Литературная газета. 1990. № 1. 3 января. С. 5.

Оттепель. 1960–1962 гг. Страницы русской советской литературы. М.: Моск. рабочий, 1990.

Ошанин Л. Собр. соч.: В 3 т. М.: Худож. лит., 1980–1981.

Паклин Н. Русские в Италии. М., 1990.

Паперно И., Гаспаров Б. «Встань и иди» // Slavica Hierosolymitana (Jerusalem: The Hebrew University). 1981. № 5–6. P. 387–400.

Пастернак Б. Собр. соч.: В 5 т. М.: Худож. лит., 1989–1992.

Паустовский К. Близкие и далекие. М.: Мол.

гвардия, 1967.

Пильняк Б. О'кэй. М.: Федерация, 1933.

Писарев Д. Сочинения: В 4 т. М.: ГИХЛ, 1955–1956.

Платон. Собр. соч.: В 3 т. М.: Мысль. 1968–1972.

Повести Древней Руси XI–XII веков. Л.: Лениздат, 1983.

Подельский Г. Йенька. Песня для голоса в сопровождении фортепиано. Слова Дм. Иванова. М.: Сов. композитор, 1967. (Советская массовая песня).

Полевой Б. Повесть о настоящем человеке. М.: Рус. яз., 1989.

Порудоминский В. Гаршин. М.: Мол. гвардия, 1962.

Поэты 1880–1890 годов. М.; Л.: Сов. пис., 1964.

Протопопов Вл., Туманина Н. Оперное творчество Чайковского. М.: АН СССР, 1957.

Пушкин А. Полн. собр. соч.: В 10 т. М.: АН СССР, 1956–1958.

Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль / Пер. Н. Любимова. М.: Худож. лит., 1973.

Рид Дж. Десять дней, которые потрясли мир. М.: Политиздат, 1957.

Римский-Корсаков. Исследования, материалы, письма: В 2 т. М.: АН СССР, 1953.

Родина советская: Исторический очерк. М.: Политиздат, 1981.

Розанов В. Иная земля, иное небо…: Полное собрание путевых очерков 1899–1913 гг. М.: Танаис, 1994.

Розанов В. О себе и жизни своей: Уединенное. Смертное. Опавшие листья. Апокалипсис нашего времени. М.: Моск. рабочий, 1990.

Русская поэзия «серебряного века». 1890–1917: Антология. М.: Наука, 1993.

Русская советская поэзия: Сб. стихов 1917–1952. М.: ГИХЛ, 1954.

Русские писатели. XIX век: Библиографический словарь: В 2 т. М.: Просвещение, 1996.

Саади. Бустан. Лирика. М.: ГИХЛ, 1962.

Саади. Гулистан. Розовый сад. М.: ГИХЛ, 1957.

Самойлов Д. Из дневника // Литературное обозрение. 1992. № 7–9. С. 52–61.

Сартр Ж.-П. Пьесы. М.: Искусство, 1967.

Свирский Г. На лобном месте: Литература нравственного сопротивления (1946–1976). Лондон: Overseas Publ. Interchange, 1979.

Северянин И. Стихотворения. Л.: Сов. пис., 1975.

Седакова О. «Гадких утят любил, от лебедей тошнило» // Столица. 1991. № 30. С. 62.

Седакова О. Несказанная речь на вечере Вене-

дикта Ерофеева // Alma mater (Тарту). 1990. № 1. С. 6–7. Также опубликовано: Дружба народов. 1991. № 12. С. 264–265.

Седакова О. [О Вен. Ерофееве] // Театр. 1991. № 9. С. 79, 98–102.

Симонов К. Глазами человека моего поколения. М.: Кн. палата, 1990.

Симфония разума: Афоризмы и изречения отечественных и зарубежных авторов. М.: Худож. лит., 1980.

Слонимский М. Завтра. Л.: Сов. пис., 1987.

Смирнова Е. Венедикт Ерофеев глазами гоголеведа // Русская литература. 1990. № 3. С. 58–66.

Смирнова Е. Мифологема страдающего бога и страсти Венички Ерофеева // Синтаксис. 1992. № 33. С. 96–107.

Соловьев С. История России с древнейших времен: В 12 т. М.: Гос. изд-во соц. — эконом. лит-ры, 1962–1966.

Сологуб Ф. Стихотворения. Л.: Сов. пис., 1975.

Солоухин В. Созерцание чуда. М.: Мол. гвардия, 1984.

Солоухин В. Третья охота. М.: Мол. гвардия, 1968.

СССР: Внутренние противоречия. Вып. 6. New York: Chalidze Publ., 1982

Стендаль. Собр. соч.: В 15 т. М.: Правда, 1959.

Стерн Л. Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена. Сентиментальное путешествие по Франции и Италии / Пер. А. Франковского. М.: Худож. лит., 1968.

Стрельников Б., Шатуновский И. Америка — направо и налево: Путешествие на автомобиле // Правда. 1969. 14, 20, 26 октября; 2, 9, 21, 30 ноября; 7, 15, 22, 28 декабря.

«Сумасшедшим можно быть в любое время»: Интервью с Венедиктом Ерофеевым / Ведет Леонид Прудовский // Континент. 1990. № 65. С. 411–430.

Тарле Е. Сочинения: В 12 т. М.: Гос. изд-во соц. — эконом. лит-ры, 1957–1962.

Терц А. [Андрей Синявский]. Анекдот в анекдоте // Синтаксис. 1978. № 1. С. 77–95.

Толковый словарь живого великорусскаго языка Владиміра Даля: В 4 т. СПб.; М.: Изд. т-ва М. О. Вольф, 1903–1909.

Толстой А. Н. Собр. соч.: В 10 т. М.: ГИХЛ, 1958–1961.

Толстой Л. Собр. соч.: В 20 т. М.: ГИХЛ, 1960–1965.

Тургенев И. Собр. соч.: В 12 т. М.: Худож. лит., 1975–1979.

Тютчев Ф. Полн. собр. стихотворений. Л.: Сов. пис., 1987.

«Умру, но никогда не пойму…»: Беседа с Венедиктом Ерофеевым / Ведет Игорь Болычев // Московские новости. 1989. № 50. 10 декабря. С. 13.

Фет А. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. пис., 1985.

Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1983.

Франк С. Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии. Париж, 1939.

Фрейденберг О. Миф и литература древности. М.: Наука, 1978.

Фролова Н. [О Вен. Ерофееве] // Театр. 1991. № 9. С. 74–79.

Халиф Л. ЦДЛ. Лос-Анджелес: Almanac-Press, 1979.

Ходасевич В. Собр. соч.: В 4 т. М.: Согласие, 1996.

Цветаева М. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. пис., 1990.

Цена метафоры, или Преступление и наказание Синявского и Даниэля. М.: Кн. палата, 1989.

Черноусый [Авдиев И.]. Некролог, «сотканный из пылких и блестящих натяжек» // Континент. 1991.

№ 67. С. 318–323. Также опубликовано в издании: *Ерофеев В.* Оставьте мою душу в покое. М., 1995. С. 403–407.

Черноусый [Авдиев И.]. Памяти Венедикта Ерофеева // Странник. 1991. № 1. С. 78–79.

Черный Саша. Собр. соч.: В 5 т. М.: Эллис Лак, 1996.

Чернышевский Н. Избранные произведения: В 3 т. М.: Худож. лит., 1978.

Чехов А. Собр. соч.: В 12 т. М.: ГИХЛ, 1954–1957.

Чехов в воспоминаниях современников. М.: ГИХЛ, 1960.

Чудакова М. Путь к себе: Литературная ситуация-89 // Литературное обозрение. 1990. № 1. С. 33–38.

Чуковский К. Современники. М.: Мол. гвардия, 1967.

Чуковский Н. Что я помню о Блоке // Новый мир. 1967. № 2. С. 229–237.

Ф. Шаляпин. Литературное наследство. Письма. Статьи. Высказывания. Воспоминания о Шаляпине: В 3 т. М.: Искусство, 1960.

Шекспир В. Король Лир / Пер. Б. Пастернака. М.: Искусство, 1965.

Шекспир В. Отелло — венецианский мавр / Пер. Б. Пастернака. М.; Л.: Искусство, 1951.

Шекспир В. Отелло, мавр венецианский / Пер. П. Вейнберга. СПб., 1884.

Шекспир В. Полн. собр. соч.: В 8 т. М.: Искусство, 1957–1960.

Шиллер Ф. Собр. соч.: В 7 т. М.: ГИХЛ, 1955–1957.

Шолохов М. Поднятая целина. М.: Рус. яз., 1983.

Щеглов Ю. Романы И. Ильфа и Е. Петрова: Спутник читателя. Т. 1: Двенадцать стульев. Т. 2: Золотой теленок. Вена: Wiener Slawistischer Almanach, 1990.

Эйзенштейн С. Мемуары: В 2 т. М., 1997.

Эккерман И. Разговоры с Гёте в последние годы его жизни. М.: Худож. лит., 1981.

Эпштейн М. После карнавала, или Вечный Веничка // Золотой век. 1993. № 4. С. 84–92. Также опубликовано в издании: *Ерофеев В.* Оставьте мою душу в покое. М., 1995. С. 3–30.

Эразм Роттердамский. Похвальное слово Глупости / Пер. П. Губера. М.; Л.: Academia, 1931.

Эренбург И. Собр. соч.: В 9 т. М.: ГИХЛ, 1962–1967.

Эренбург И. Собр. соч.: В 8 т. М.: Худож. лит., 1990.

Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Воспоминания: В 3 т. М.: Сов. пис., 1990.

Ясинский И. Роман моей жизни. М.; Л., 1926.
Ямпольский И. Н. Г. Помяловский // Помяловский Н. Сочинения. Л.: Лениздат, 1980. С. 3–12.